

Анатолий Головкин

Собрание сочинений

Том IV

Тверь, 2024

Анатолий Головкин

Собрание сочинений

Том IV

Мы отсюда родом

Деревенские нэпманы

История одного колхоза

Тверь
2024

УДК 82-94
ББК 84(2)-4:63.3(2)
Г61

Г61 Головкин А.Н. Собрание сочинений. Том IV. Мы отсюда родом. Деревенские нэпманы. История одного колхоза. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2024. – 516 с.

ISBN 978-5-6052767-3-9

Четвертый том собрания сочинений автора можно назвать «Трагедия карельской деревни. Двадцатый век». В него вошли книги: «Мы отсюда родом», «Деревенские нэпманы» и «История одного колхоза».

В книге «Мы отсюда родом», автор, на основе документов, воспоминаний очевидцев и собственных наблюдений, повествует о трудной жизни тверских карел в жестоком XX веке.

Книга «Деревенские нэпманы» повествует о коротком периоде проведения новой экономической политики (НЭП) в 1921–1928 годах, о деревенских нэпманах, которых советская власть отнесла к классу кулаков, с последующим их раскулачиванием и коллективизацией крестьянских хозяйств. В противовес созданному советской властью и годами пропагандируемому термину «кулачество», автор вводит понятие «деревенские нэпманы» с указанием их признаков, в отличие от кулаков-ростовщиков.

Книга «История одного колхоза» рассказывает о колхозном строительстве в Нечерноземной зоне Российской Федерации на примере карельского колхоза «Знамя Ильича» Сонковского района Калининской (Тверской) области – о создании, становлении, жизни, упадке и ликвидации этого колхоза.

На обложке. Памятник землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, установленный в деревне Бережки Сонковского района Тверской области. Фотографии М.Д. Юдиной (город Череповец), 15 апреля 2024 года.

ББК 84(2)-4:63.3(2)

ISBN 978-5-6052767-3-9

© А.Н. Головкин, 2024

© Макет ООО «Издательство «Триада», 2024

Книга первая

Мы отсюда родом

Глава I. Из жизни карел Карело-Кошевского прихода (XX век)

Писатели с наслаждением вдыхают архивную пыль, чтобы узнать что-то о своих предках и истории своей малой родины. Каждая деревня, приход и погост, каждая семья, фамилия и род имеют свою историю. Только кто-то знает ее, а кто-то нет. Возможно, что одна деревня была построена на пустом месте и переходила от поколения к поколению. Другая деревня была оставлена прежними одними жителями, и отстроена вновь пришедшими сюда другими жителями. Человек хочет узнать не только о своих ближних предках, но и далеких поколениях своего рода, своего племени, своего народа. И он хочет оставить хоть что-то для своих будущих поколений.

В этой книге пойдет речь о жизни карел в XX веке в деревнях моей малой родины – Корельско-Кошевского прихода ранее Бежецкого уезда Тверской губернии, ныне Сонковского района Тверской области. Об истории русских деревень написано достаточно много, и будет еще написано немало. О тверской карельской деревне никто еще не писал, не исключая, что в ближайшие годы вряд ли кто возьмется писать об истории тверских карел. Хотелось бы, чтобы память о них осталась.

Особенности этой местности в том, что жители относились не к *толмачевской*, а к *весьегонской* группе карел, которая при советской

власти из-за отдаленности не была включена в состав Карельского национального округа. В этой местности никогда не изучали карельский язык, с первого класса карелы обучались русскому языку. Однако до конца XX века эта горстка карел из 1900 человек, находясь в русском массиве вдалеке от основной территории проживания тверских карел, сохраняла язык, промыслы, традиции и обычаи своего народа.

Любовь к своей Родине можно проявлять через любовь к своей малой родине, к своей национальности, своим корням и предкам, к своей истории, развивая в человеке положительные качества, которые не позволяют ему повторить ошибки других людей.

Родная деревня дает человеку самый сильный образ родины, родной земли. Чем сильнее эта любовь к родине, тем сильнее становится потом тоска по ней. Нет лучше, бескорыстней и добрей привязанности человека к местам, которые он познал в своем детстве. Детская и отроческая родина милее любых красот, такое ощущение, было, есть и будет у всех. Малая родина требует верности и любви к ней.

Многие тверские карелы дважды потеряли свою родину. В XVII веке их предки ушли с Карельского перешейка и Приладожья, чтобы потом там никогда не жить. В начале XXI века они потеряли родные деревни, куда уже им не приехать, так как деревни опустели и исчезли.

Как случилось, что во второй половине XX века без войны, в мирное время началось исчезновение карельских деревень с карты Тверской области? Судьба карельских деревень – это судьба многих деревень центра России. Для того чтобы сохранить в памяти их существование, вспомнить события XX века, возможно ответить на поставленный вопрос, в этой книге приведены рассказы о тех или иных исторических событиях. Не всегда они являются эпическими, то есть исполненными величия и героизма, но поэтика, эмоциональность в них присутствуют.

Судьба тверских карел и русских одинакова. Но я написал о тверских карелах, понимая, что о них вряд ли кто еще возьмется писать в обозримом будущем. Хотелось бы, чтобы память о них осталась. Ведь любовь к своей Родине можно проявлять через любовь к своей малой родине, к своей национальности, своим корням и предкам, к своей истории, развивая положительное начало, и не повторяя ошибок. Много испытаний пришлось вынести поколениям людей в XX веке, судить их легче, понять сложнее.

Численность карел Карело-Кошевского прихода

Деревня	1650 год	1662 год	1859 год	1897 год	1997 год	2010 год
Петрайцево	42	64	149	168	1	–
Поцеп	–	22	75	134	–	–
Шейно	–	–	63	62	5	3
Душково	21	36	134	168	6	3
Бережки	45	80	149	154	40	12
Гремячиха	–	–	65	89	5	3
Калиниха	–	6	124	116	4	3
Терехово	–	11	95	123	–	–
Акиниха	–	12	79	140	–	–
Горбовец	–	15	113	167	5	–
Климантино	–	6	116	164	2	9
Байки	–	12	207	243	4	2
Муравьево	11	27	138	176	9	4
Карело-Кошево	–	6	34	6	2	–
Итого:	119	297	1541	1910	83	39

Именно здесь, в деревнях Карело-Кошевского прихода, отдаленного от основной массы проживания тверских карел, родились и вошли в активную жизнь два лидера карельского движения. Это Иван Степанович Беляков из деревни Поцеп – первый секретарь Карельского национального округа в 1937–1938 годах, и Зинаида Ивановна Головкина из деревни Горбовец – первый председатель Тверской областной национально-культурной автономии тверских карел с 1998 по 2009 годы.

В книге использованы конкретные факты из реальной жизни жителей карельских деревень Корельско-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии, позднее – Сонковского района Калининской (Тверской) области. Фамилии и имена героев книги практически не изменены, за редким исключением.

Горстка карел среди русского населения

Корельско-Кошевская дворцовая волость была образована в 1662 году и по 1766 год входила в состав Ивановского стана Бежецкого Верха. С 1766 по 1776 год она была в составе Бежецкого уезда Угличской провинции, с 1776 по 1796 годы карельские деревни Корельско-Кошевской дворцовой волости относились к Краснохолмскому уезду.

С апреля 1797 года по 1865 год, или более 68 лет село Кошево Корельское имело статус центра удельной волости. По данным ревизий, проведенных в эти годы, удельные деревни Корельско-Кошевской волости, расположенные на территории Бежецкого уезда, относились к Столбовскому отделению Чамеровского сельского приказа Тверской удельной конторы. Центр приказа, село Чамерово, находилось в Весьегонском уезде, поэтому деревни Корельско-Кошевской волости вместе с деревнями Алафеевской и Юркинской волостей попали в ревизские сказки (переписи) удельных крестьян Весьегонского уезда, а не Бежецкого уезда.

Крестьянская реформа удельных крестьян от 26 июня 1863 года была проведена на льготных условиях. Все они сразу переводились на обязательный выкуп, их ежегодные выкупные платежи были в 2 раза меньше, чем у бывших помещичьих крестьян. Их наделы земли на 1,4 десятины были больше, чем у помещичьих крестьян, так как во время переселения в XVII веке кто, сколько мог отвоевать земли у леса, тот столько ее и обрабатывал, увеличивая свою площадь каждый год.

До реформы от 26 июня 1863 года удельные крестьяне имели в среднем по 21,3 десятин на одну ревизскую душу (мужчин старше 15 лет, а также одиноких женщин, ведущих хозяйство. – А.Г.), в том числе по 5,8 десятин пашни, 1,8 десятин сенокосов, 11, 3 десятин леса, остальное – неудобья. Семьи, в которых было 2–3 ревизских души, имели в среднем от 42 до 64 десятин земли. В связи с семейными разделами и переводом части невозделанных лесов в Удельное ведомство, к началу XX века оставалось по 10–12 десятин земли на хозяйство. Хлеб обычно по осени на базар не везли, хранили в амбарах, продавали весной излишки хлеба, он тогда стоил в 3–4 раза дороже, чем осенью.

Летом 1863 года, в связи с реформой, начался переход удельных крестьян от сельских приказов к волостному правлению. Корельско-Кошевская дворцовая волость была ликвидирована, карельские деревни включили в состав соседней русской Бокаревской волости

Бежецкого уезда Тверской губернии со смешанным русско-карельским населением, где они находились до 1924 года.

Корельско-Кошевский приход образовался одновременно с одноименной дворцовой волостью во второй половине XVII века на востоке Бежецкого Верха. Он состоял из села Кошево Корельское и тринадцати карельских деревень. Из села лучами расходились пять дорог: одна шла на юго-запад в карельские деревни Терехово и Акиниха, вторая – на запад в деревню Поцеп. Дорога на север вела в деревни Шейно, Душково, Муравьево и Петряйцево. На восток шла дорога до Бережков, там она расходилась на две дороги: одна дорога вела в Климантино и Байки, вторая – в Гремячиху, Горбовец и Калиниху. Еще одна дорога, что на юг, вела от Бережков к русской деревне Гостиница. Эти дороги долгие годы накрепко связывали окрестные деревни с селом Кошево Корельское.

Название прихода не менялись за все время его существования до 1937 года, когда закрыли церковь. С 1863 по 1924 годы оставался по-прежнему Корельско-Кошевский приход уже в составе Бокаревской волости Бежецкого уезда. С 1929 по 1950-е годы село стало называться не Кошево Корельское, а Карело-Кошево, так же называлась и местная начальная школа. С 1950-х годов власть поменяла название села на абстрактное и унизительное «Кор-Кошево», а перевезенная из Бережков школа называлась Кор-Кошевской. С начала XXI века село вообще стали называть просто Кошево.

Каменка – основная речка, которая начиналась от родников возле деревни Калиниха, протекала мимо карельских деревень: Гремячиха, Бережки, Шейно и Поцеп. Затем ее путь пролегал мимо русских деревень: Слепнево, Хотена и Терebene, возле которой она впадала в речку Уйвешь.

Все деревни стояли на холмах или возвышенностях в одном-двух километрах друг от друга. Они были построены в одну или две улицы, где дома стояли ровными рядами, а не вразброс, как было на Карельском перешейке. Позади дома строили двор для содержания скота. Карельская изба соединялась с двором через сени. За дворами следовали огороды, в которых строили житницы для хлеба. За огородами на некотором расстоянии были сараи для сена, а еще дальше от деревни – риги.

Здесь к началу XX века уже проживали десятое и одиннадцатое поколения карел, родившихся на тверской земле, так как со времени

переселения карел в местность вокруг погоста Кошево Корельское Бежецкого уезда Тверской губернии прошло 250 лет. Все эти годы жизнь местных карел кружилась вокруг названных деревень. В дальние карельские деревни Гладышево, Никола, Сносы, Моисеиха и другие Прилуцкого прихода, что в 15–20 километрах, наши карелы выезжали лишь на праздники, сватовство, да свадьбы, роднясь с ними.

Как разделили между собой карелы еще в XVII веке участки земли между собой, так они и сохранялись до 1912–1913 годов, когда размежевали наделную землю на отруба без выезда из деревни. Правда, исключение составили семь семей, выехавших из деревень на хутора.

За десятилетия проживания в этой местности карелы сообща смогли очистить от леса достаточно много земли и дополнить к своим участкам в виде отдельных отрубов, загонов и клиньев. В карельских деревнях люди жили неплохо, большинство домов было покрыты тесом или дранкой, а не соломой. В каждом хозяйстве имелись коровы ярославской породы, красивые сильные тяжеловесные лошади ростовской породы, овцы романовской породы. Хлеба хватало до нового урожая с запасом, животы от голода ни у кого не пухли.

К этому времени были вырублены леса вокруг деревень до рек и ложбин, которые стали естественными границами между деревенскими угодьями. Надо сказать, что эти границы сохранились вплоть до кончины карельских деревень.

Карелы Корельско-Кошевского прихода всегда были свободными, никогда не знали крепостного права, сами решали проблемы общинного устройства жизни деревни. У них не было никаких сословий, их уровень жизни зависел только от труда, а работать они умели и работали всегда с желанием. То, что они были не крепостными, а сначала дворцовыми, потом удельными крестьянами, давало им возможность быть независимыми, свободными, вести себя гордо и с достоинством.

В начале XX века каждое хозяйство карел имело в пользовании до 10 десятин пахотной земли, по 1–2 лошади, 3–4 коровы, стада овец, дом, сараи, житницы, некоторые хозяйства имели риги и мельницы. Некоторые дома построены добротными, так в деревне Петряйцево 10 из 40 домов были пятистенными или с двумя избами, с 5–6 окнами со стеклами, которые имели фиолетовые размывы, крыши на них покрыты дранкой. В этих домах по вечерам зажигали пятилинейные или даже семилинейные лампы со стеклами, подвешенные на крючках к

потолку. Под соломенными крышами хохлились сенные сараи, а большинство амбаров с зерном и риги были покрыты тесом или дранкой (иногда ее называли гонтом. – А.Г.).

У весьегонских карел, к которым относились карелы Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии, в начале XX века было повинностей разного рода на 6 рублей 64 копейки серебром с каждой ревизской души, прежде всего, оброк (ведо) в государственную казну. В то время у них в ходу была поговорка: «*Diedo, diedo, maksa vedo. Tullat strazat, annat vazat*». (Дед, дед, плати оброк. Иначе придет стража – отдашь телят).

При этом заработок одного карельского хозяйства составлял без отходничества 18–20 рублей, в том числе: до 4 рублей от продажи холстов, 4–5 рублей от продажи зерна и 9–10 рублей от продажи скота. Карелы заботились, чтобы хватило хлеба до следующего урожая, чтобы было, во что одеть семью. Для этого ткали, ткали и ткали – на рубахи, штаны, полотенца, половики, мешки. По подсчетам современников после продажи хлеба и скота, и уплаты повинностей, у крестьянина оставалось примерно 12 рублей серебром на одежду, праздники и щегольство.

Тогда на рынке в Бежецке цены были примерно такими: шаровары суконные 4 рубля, из бумажной черной материи 2 рубля. Башмаки стоили 2 рубля пара, туфли – 2 руб. 20 коп. за 4 пары, шапка 5 рублей. Правда, почти всю одежду карелы шили для себя и своих детей сами. В период отходничества за зиму один карел дополнительно мог зарабатывать до 15–20 рублей.

Карельские деревни Корельско-Кошевского прихода с 1863 года и до Октябрьской революции относились к Бокаревской волости Бежецкого уезда. В мае 1918 года от нее отделили 29 селений, образовав новую Сабуровскую волость. К февралю 1921 года на территории Сабуровской волости было 9 сельсоветов: Акинихинский, Богородский, Душковский, Новосельский, Калинихинский, Климантинский, Сабуровский, Сорокинский и Савелихинский. Из них четыре сельсовета – Акинихинский, Душковский, Калинихинский и Климантинский – были заселены одними карелами.

Сабуровская волость просуществовала всего четыре года, постановлением Тверского губисполкома от 30 мая 1922 года она была ликвидирована. Все селения волости вновь вошли в состав Бокаревской волости Бежецкого уезда, и были там менее двух лет.

В период с 28 марта 1924 года по 1929 год в связи с ликвидацией Бокаревской волости семь карельских деревень Корельско-Кошевского прихода были переведены в Сулежский сельсовет Сулежской волости с центром в селе Сулега. В 1927 году центр волости был перенесен в село Толстиково. Другие шесть карельских деревень отнесли к Горскому сельсовету Бежецкой волости Бежецкого уезда.

Постановлением ВЦИК СССР от *14 января 1929 года* на территории РСФСР уезды и волости заменили районами. В том же 1929 году карельские деревни Корельско-Кошевского прихода, с того времени названного Карело-Кошевским приходом, в составе Бережковского и Душковского национальных карельских сельсоветов вошли в образованный Сонковский район, который сначала входил в Московскую область, а с 1935 года – в Калининскую область [1].

Церковь в селе Кошево Корельское (1710–1937 годы)

В селе Кошево Корельское, центре одноименной дворцовой волости, что в полукилометре от деревни Бережки, переселившиеся сюда карелы, к 1710 году построили деревянную Борисоглебскую церковь.

Карелы, как и русские, строили храмы там, откуда их можно было видеть за много верст. Первые деревянные церкви, построенные тверскими карелами, поражали прихожан и посетителей своей суровой простотой, основное убранство сосредотачивалось на иконостасе.

Трудно было придумать более удачное сочетание, чем ряды талантливо выполненных чудесных икон, играющих красивыми красками. Иконная живопись была тесно связана с величественной жизнью человека от его рождения до смерти, украшала суровой красотой его многотрудные будни и праздничный досуг. Мастера-живописцы сами жили в народной гуще, учились своей профессии у мастеров старших поколений.

Первым русским священником в Борисоглебской церкви стал поп Иосиф Иванов, 1674 года рождения, женатый на Фекле Савиной, 1677 года рождения. Дьячком церкви погоста Кошева Корельского служил Григорий Иванов, родной брат попа.

27 декабря 1732 года попом Кошева Корельского прихода был назначен Василий Иосифович Иванов на место устарелого отца, которому было тогда 58 лет. На этой должности Василий Иванов был совсем недолго, уже в июне 1733 года попом этого прихода игуменом и братией Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, в чьем ведении находилась Борисоглебская церковь, был избран Тимофей Осипов, другой сын Иосифа Иванова, бывший до этого дьяком того же погоста.

А в июне 1737 года архимандрит монастыря писал письмо на имя попа Кошева Корельского погоста Иосифа Иванова, который к тому времени вновь стал священником Борисоглебской церкви этого прихода. В 1738 году Иосифа Иванова перевели попом в церковь Казанской Богородицы села Богородское возле деревни Сабурово. С 1738 по 1748 годы попом в селе Кошево Корельское служил Тимофей Иосифович Иванов, сын первого попа, женой его была Ирина Прокопиева.

В июле 1739 года было проведено дознание в отношении дьячка погоста Кошева Карельского Григория Иванова в связи с тем, что, будучи вдовцом, без разрешения женился вторично.

Это последнее дело в отношении священников Корельско-Кошевского церковного прихода, рассмотренное служителями Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Но монастырь ведал делами церкви и прихода до 1797 года, некоторые сведения о церкви в селе Кошево Корельское в документах монастыря имеются. После 1797 года делами Корельского Кошевского прихода стала веждать Николо-Теребенская пустынь (ныне в Максатихинском районе).

Два года, с 1749 по 1751 годы, по какой-то причине священником села служил брат Тимофея, Василий Иосифович Иванов, а после него снова Тимофей Иванов до 1767 года. Затем священником Борисоглебской церкви стал его сын Петр Тимофеевич Иванов, который служил до 1808 года. В те годы карелы стали собирать деньги на строительство каменной Сретенской церкви, поп Петр Иванов эти деньги украл. В 1808 году он был лишен сана священника за кражу церковных денег и отослан в губернское правление для отправки в Нерчинск.

Православные священнослужители поражались усердию карел, с каким они слушали молитвы, не понимая языка. Скорее уставали они сами, чем ослабевало внимание и усердие слушателей. Они слушали, не отвлекаясь, не сводя глаз. Если священник не знал карельского языка, то для общения с ними, он пользовался помощью толмача, то есть переводчика.

Обязанности в отношении церкви карелы, принявшие христианство, исполняли примерно: соблюдали посты, посещали службы. Никогда не опаздывали на службу, в церкви на молитвах стояли удивительно твердо, не переступая с ноги на ногу. Во время служения и чтения, которое из них очень немногие понимали, карелы всегда смотрели на образ или на иконы, не оглядываясь назад или по сторонам.

Приношения в церковь карелы делали очень охотно, в них, как еще в новых христианах, было большое желание получить за приношение вечное благополучие.

С 1808 по 1837 годы священником в селе Кошево Корельское служил сын дьякона из села Русское Кошево Ивана Максимова, Василий Иванович Максимов, из студентов богословия. При нем к 1816 году карелы на месте пришедшей в негодность деревянной Борисоглебской церкви построили каменную Сретенскую церковь с тремя престолами: Сретения Господня, святых благоверных князей Бориса и Глеба, Введения в храм Пресвятой Богородицы. Были построены также дом для священника, амбар и сторожка деревянные.

В 1860 году священником церкви Сретенье Господне погоста Кошево Корельское служил Петр Петрович Ушаков, дьяконом – Иосиф Васильевич Метлин, дьячком – Николай Васильевич Максимов, пономарем – Иван Семенович Носов. Периодически проводились исповедования прихожан и их причастие, все прихожане были православными, раскольников не было. Исповедания и причастие в 1860 году начались 5 сентября и продолжались до конца года.

В исповедальных списках указаны имена и фамилии по отцу тех, кто исповедовался и причастился в церкви. В 1860 году исповедались 360 взрослых жителей (старше 15 лет. – А.Г.) карельских деревень: Байки, Бережки, Горбовец, Гремячиха, Калиниха, Климантино и села Кошево Корельское из 808 жителей, проживавших там, причастились и их дети.

В списках указаны имена и фамилии по отцу жителей сельца Ворониха, отнесенного к погосту Кошево Корельское и принадлежавшего помещику из деревни Слепнево Ивану Ивановичу Львову. По переписи 1859 года в той помещичьей деревне было 7 дворов, из них два – дворовых людей и пять – помещичьих крестьян, в которых проживали 20 ревизских душ мужского пола и 23 души женского пола, всего 43 души. Фамилии указаны по имени отца, поэтому они в после-

дующих поколениях менялись. Согласно исповедальным ведомостям за 1860 год, вместе с малолетними детьми тогда в деревне Ворониха было 63 жителя, в том числе 43 взрослых и 20 малолетних детей.

В исповедальных списках за 1860 год не указаны жители карельских деревень: Акиниха, Душково, Муравьево, Петряйцево, Поцеп, Терехово и Шейно. По-видимому, они исповедовались и причащались годом раньше или годом позже [2].

В конце XIX века начальная трапезная была заменена новой с двумя приделами: Бориса и Глеба, Введения. Росписи в интерьере храма датируются серединой XIX века. По воспоминаниям старожилов Сретенская церковь построена из кирпича, сделанного из местной глины.

В полукилометре от церкви недалеко от левого берега реки Каменка до сих пор сохранились несколько глубоких рвов длиной до 50 метров. Эти рвы в народе называют «волчьи ямы». Именно здесь брали глину, делали кирпичи и на месте их обжигали. Глину также брали в центре села, напротив церкви, образовав там глубокий котлован.

При строительстве церкви в глину добавляли яичный белок. Местное население говорило, что именно из-за добавленного в глину яичного белка нельзя отбить кирпич друг от друга, можно разбить только сам кирпич.

К XX веку в Корельско-Кошевском приходе было село и 13 деревень, 995 мужчин и 1180 женщин, все карелы. В 1901 году в Сретенской церкви Корельско-Кошевского прихода служили: священник Алексей Корнилович Феопемптов, 28 лет, служил с 1892 года, священником с 1893 года, окончил земское училище и церковно-приходскую школу, в 1915 году продолжал служить священником.

Дьякон Алексей Васильевич Троицкий, 44 года, на службе с 1876 года, дьяконом с 1897 года, состоял учителем церковно-приходской школы. В 1915 году вместо него служил Василий Тихомиров в возрасте 64 лет. Псаломщик Яков Андреевич Томилов, 51 год, в должности с 1873 года, в 1915 году он продолжал службу на своем месте.

Священника Алексея Феопемптова позднее заменил Алексей Александрович Александров, 1892 года рождения, уроженец города Санкт-Петербурга. Летом 1937 года последнего священника Успенской церкви Корельско-Кошевского карельского прихода Алексея Александровича Александрова вместе со всей семьей, женой и пятью детьми, выселили из дома священника в деревянный сарай, размерами

4 на 3 метра. Там они жили вплоть до его ареста 19 декабря 1937 года. С того времени Корельско-Кошевский церковный приход, как таковой, перестал существовать.

Сретенская церковь до сих пор стоит в центре села Карело-Кошево, дома которого раньше охватывали ее полукругом с южной и западной сторон. Церковь является незаурядным памятником культовой архитектуры в стиле зрелого классицизма, редким образцом сельской приходской церкви в виде пятиглавой ротонды. В настоящее время церковь не действует, кресты накренились, хотя не были сброшены, не сохранилась иконопись, нет полов, утрачена часть настенных росписей, местами выбиты кирпичи.

Побывав на кладбище, люди заходят в построенную Белоусовым Александром из деревни Гремячиха деревянную часовню Сретенья Господня. Она по старой привычке на замок не закрыта, лишь накинута крючок в петлю. В часовне установлено 17 икон разных размеров и коробка для пожертвований на ремонт Сретенского храма.

Карело-Кошевская школа (1885–1992 годы)

Корельско-Кошевское земское народное начальное училище было **основано в 1885 году**, на 2129 жителей этого прихода имелось 112 мальчиков и 107 девочек школьного возраста. В 1885–1886 учебном году обучалось 56 мальчиков и 6 девочек, первой учительницей стала работать **Надежда Петровна Ушакова**, окончившая курсы в школе Максимовича, годовое жалованье 175 рублей. Законоучителем работал священник Константин Меглицкий, годовое жалованье 60 рублей. Школа находилась в церковном здании села Кошево Корельское, имела 3 классные комнаты. Книг сами учащиеся не имели, для внеклассного чтения в школе было 15 книг, имелось 350 учебников.

Число учеников в Корельско-Кошевском народном начальном училище было: 1886 год – 46 мальчиков и 4 девочки, 1887–1888 учебный год – 50 мальчиков и 6 девочек, учительница Надежда Ушакова, вторая учительница Капитолина Портнова из деревни Муравьево, окончила курсы в Краснохолмском женском приходском училище, ее годовое жалованье 120 рублей.

В 1887 году мальчики ходили в училище из всех карельских деревень, кроме Климантина, а также 3 мальчика из русской деревни Иван Милостивый (Барская Ворониха). Две девочки учились из деревни Акиниха, что за 3 километра от школы. По одной девочке – из погоста Карело-Кошево, Бережков, Душкова и Терехова.

В 1888 году в Корельско-Кошевском народном начальном училище обучалось 52 мальчика и 6 девочек, 1889 год – 55 мальчиков и 6 девочек. Преподаватели: И.Н. Тамаров, окончил Тверскую духовную семинарию, в 1889 году работал первый год, жалованье 150 рублей; Н.П. Ушакова окончила Тверскую учительскую школу П.П. Максимовича, в школе работала с 1885 года, стаж работы к 1889 году 7 лет, жалованье 175 рублей. С момента открытия училище располагалось в одном из церковных домов села Кошево Корельское, рядом со Сретенской церковью.

Нужно отметить, что занятия в начальных народных училищах и церковно-приходских школах начинались не 1 сентября учебного года, а после завершения уборочных полевых работ. Например, в 1889 году учеба в Корельско-Кошевском училище началась 28 сентября, а в Бокаревском училище с 10 октября.

Для обучения карельских детей русскому языку являлось очень важным и положительным то обстоятельство, что вторая учительница Капитолина Портнова из Муравьева была карелкой, хорошо знающей карельский язык и выучившая русский язык, на котором могла преподавать, а также помогать русской учительнице Надежде Петровне Ушаковой. Они умели помогать карельским детям, преодолевать трудности при изучении ими русского языка и правописания при путанице родов, которых в карельском языке нет, и других языковых проблем.

В 1893–1894 учебном году в Корельско-Кошевском народном училище обучалось 62 мальчика и 18 девочек, второй учительницей работала А. Воинова. Кроме 13 карельских деревень, в училище обучались дети из русских деревень: Рыльково Бокаревской волости, Ворониха (Иван Милостивый) и Слепнево Новской волости.

В 1897 году в связи с открытием церковно-приходской школы, земское училище перевели из церковного дома села Кошево Корельское в деревню Бережки, что в полукилометре от села, училище стало называться Бережковским. Оно размещалось в двухэтажном доме крестьянина Василия Михайлова.

28 сентября 1900 года Бежецкая уездная земская управа направила письмо земскому начальнику 7-го участка князю А.И. Хилкову. Сообщалось, что крестьяне деревни Бережки Бокаревской волости в своем приговоре от 31 августа заявили о положении Бережковской школы и ходатайствовали о воспрещении в их селении открытия винной торговли. Земский начальник Хилков пригласил в свою канцелярию на 3 октября жителей деревни Бережки: Василия Михайлова, Михаила Иванова, 2–3 крестьян, подписавших приговор от 31 августа, и старосту Сабурова.

После беседы с крестьянами земский начальник князь А.И. Хилков написал письмо акцизному управляющему Тверской губернии, в которой заявлял, что в деревне Бережки предписывается с 1 июня 1901 года открыть казенную винную лавку в доме Василия Михайлова. В настоящее время, писал Хилков, в том доме находится земское начальное училище. Предлагается перенести школу в дом Михаила Иванова, который находится рядом с домом Василия Михайлова. Таким образом, школа окажется рядом с винной лавкой, что является невозможным.

Предлагается перенести винную лавку в деревню Терехово, что в 1,5 верстах от Бережков. В Терехове для винной лавки имеется совершенно отдельное помещение крестьянина Ивана Матвеева, который согласен отдать его под казенную винную лавку.

В ответе на это письмо управляющий акцизными сборами Тверской губернии сообщал князю Хилкову, что помещение Михайлова в деревне Бережки нанято для казенной винной лавки. Михайлов категорически не желает отдавать свой дом для сельской школы, а в этой деревне невозможно найти иное помещение для винной лавки. Предложение о переносе винной лавки в деревню Терехово не может быть выполнено, потому что крестьянин Иван Матвеев ставит условие быть непременно сидельцем в этой лавке. Кроме того, акцизное управление вынуждено считаться с заключенными и утвержденными договорами.

14 февраля 1901 года земский начальник 7-го участка князь Александр Иванович Хилков предписал Бокаревскому волостному старшине Никите Сладкову объявить обществу деревни Бережки, что их ходатайство акцизным управлением отклонено. Поэтому он вошел в Бежецкую земскую управу с прошением о незакрытии в текущем году земского начального училища в деревне Бережки и об оставлении

училища с 1 июня 1901 года в доме крестьянина Ивана Михайлова. Однако, земское начальное училище располагалось в доме Михайлова до Октябрьской революции 1917 года.

* * *

Карельско-Кошевская церковно-приходская школа была открыта в 1897 году, учителем состоял дьякон Алексей Васильевич Троицкий, законоучителем – священник Алексей Корнилович Феопемптов. К 1915 году учителем церковно-приходской школы стал дьякон Василий Тихомиров, 1851 года рождения, заменивший А.В. Троицкого. Его три дочери также стали учителями Карело-Кошевской школы и учили детей при советской власти. Александра Васильевна и Ольга Васильевна замуж не выходили, оставались Тихомировыми, работали учителями в Безумовской семилетней школе. Анна Васильевна Тихомирова до войны вышла замуж за поволжского немца Иосифа Марковича Тененгольц.

В 1927 году Бережковскую и Карело-Кошевскую начальные школы объединили в семилетнюю школу. Начальные классы Карело-Кошевской школы обучались в здании бывшего земского народного училища в деревне Бережки, а старшие классы – в здании бывшей церковно-приходской школы. Директором школы был назначен Иосиф Маркович Тененгольц, до этого бывший заведующим Карело-Кошевской начальной школой.

Первая учительница Карело-Кошевской школы Надежда Петровна Ушакова обучала карельских детей грамоте до середины 1920-х годов. Замуж Надежда Петровна не вышла, в 1937 году она была еще жива, проживала в селе Карело-Кошево в отдельном доме из трех комнат, фасадом в сторону церкви и дома священника. После Октябрьской революции к ней приехала жить и работать племянница Софья Николаевна Ушакова – дочь Николая Петровича Ушакова. Она обучила и выпустила из начальной школы в семилетнюю школу карельских детей 1925, 1929, 1933, 1937 и последующих годов рождения, подготовила несколько послевоенных выпусков. Одновременно была наставницей молодой учительницы Анны Петровны Старостиной.

В предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны, кроме Софьи Николаевны, учителями начальных классов школы рабо-

тали: Александра Васильевна Тененгольц (Тихомирова), дочь бывшего местного дьякона, вышедшая замуж за поволжского немца Иосифа Марковича Тененгольца, Анна Петровна Старостина и Анастасия Григорьевна Васильева, которая снимала одну из трех комнат в доме Ушаковых.

С 1937 года директором Карело-Кошевской семилетней школы работал Арсений Васильевич Румянцев, карел из деревни Акиниха, до этого руководивший Акинихинской начальной школой, перебравшийся жить с семьей в дом священника. Учителем русского языка и литературы была дочь священника Вера Алексеевна Лебедева, одновременно тогда она работала завучем школы. В 1937–1938 учебном году с 1-го по 7-й класс школы обучалось 263 ученика.

Во всех отчетах об успеваемости с 1937 по 1943 год красной нитью проходят ссылки на национальные особенности населения. В отчетах о своей работе учитель русского языка В.А. Лебедева тогда писала: *«По школе главным затруднением является русский язык, так как ребята – кареляки. Родным разговорным языком для ребят является карельский, поэтому они обладают плохой культурой речи: путают рода, неправильно употребляют предлоги и ставят ударение, многие слова выговаривают плохо».*

В 5–7-х классах в 1937 году работали пять учителей: учитель математики Е.И. Гордеева, учитель русского языка и литературы В.А. Лебедева, учитель физики и математики М.И. Тюрин. О.И. Зызыкина преподавала естествознание, химию, немецкий язык и рисование, директор школы А.В. Румянцев преподавал географию, историю и конституцию.

К весне 1940 года в школе осталось 250 учеников, 11 человек были по разным причинам. В 1940 году было очередное переселение тверских карел в Карело-Финскую ССР, туда вместе с родителями уехали 17 учеников школы. С началом Великой Отечественной войны в сентябре 1941 года в Карело-Кошевскую школу прибыли и начали учиться 22 ученика из города Ленинграда, 7 учеников из города Калинина и 8 учеников из Карело-Финской ССР. На начало 1941–1942 учебного года в школе учились 242 человека. За зиму прекратили учиться из-за отсутствия одежды и обуви 32 ученика, в том числе 12 учеников 4-го класса. За 1942–1943 учебный год из-за полного отсутствия обуви и одежды вынуждены были оставить школу еще 34 ученика.

Софья Николаевна Ушакова замуж так и не вышла, как и ее тетка, Надежда Петровна. Последний выпуск четвероклассников из начальной школы Софья Николаевна Ушакова провела весной 1951 года, умерла она в 1953 году. В 1951 году к С.Ф. Ушаковой на лето приезжала ее племянница Елена, студентка Ленинградского государственного университета, мать которой проживала тогда в городе Бежецке. Похоронены обе Ушаковы на кладбище села Карело-Кошево. Последними жителями в их доме была семья учительницы Градовой Лидии Михайловны.

В 1951 году двухэтажное здание начальной школы в деревне Бережки разобрали, перевезли и установили в селе Карело-Кошево. Арсений Васильевич Румянцев отработал директором Карело-Кошевской школы с 1937 по 1963 годы, с перерывом на годы Великой Отечественной войны, когда он воевал. С 1963 по 1973 годы директором была его дочь Нина Арсеньевна Румянцева. С 1973 по 1976 годы – Зинаида Ивановна Головкина, с 1977 по 1980 года – Нина Васильевна Винокурова.

Карело-Кошевская школа в разных статусах действовала 107 лет – с 1885 по 1992 годы. В 1992 году построили и открыли новую кирпичную школу в 300 метров от бывшей, **назвав ее уже не Карело-Кошевской, а просто Кошевской**. Построенная школа получила статус не восьмилетней, а средней общеобразовательной школы, в 2006 году в ней обучались 28 учеников, работали 8 учителей. Просуществовав всего 18 лет, школа была закрыта в 2010 году из-за отсутствия учеников.

Староста деревни (1904–1917 годы)

У карел не принято называть человека по имени и отчеству, называют его лишь по имени. 26 апреля 1904 года вновь избранный на сходе селян *староста деревни* Петрайцево дед Семен вместе с мужиками пришел на яровое поле, снял порты и сел на землю. Окружившие его мужики внимательно наблюдали за ним. Просидев на зяби с полминуты, дед Семен встал, натянул порты, завязал их поясом и сказал, что земля прогрелась, теплая, можно сеять овес. На второй день мужики пришли на свои поля с лукошками, их сыновья привезли на телегах семена овса.

Движения сеятелей были расчетливы, на каждый шаг они бросали горсть зерна. Не случайно, наверное, у карел самой первой и древней мерой была горсть: горсть зерна, горсть льна, пятьдесят горстей льна – «пятак», сто горстей льна – «кербь». Про овес в деревне говорили: «Бросай в грязь, будешь князь», и старались посеять его во влажную землю еще в апреле. Лукошки с зерном были тяжелыми до 40 кг, за день один мужик успевал порою засеять до 6–7 гектар пашни. Обувь жалели, чтобы не истрепались лапти, по пашне ходили босиком.

Земля подсыхала быстро, не успели посеять овес, как подходила пора вести весеннюю или яровую пахоту. Мужики пахали весь световой день, лошади уставали быстрее, чем они сами. За день некоторые успевали вспахать до одного гектара пашни. Подростки на пахоте были погонщиками лошадей, они ходили с прутом сбоку от лошади. По вспаханному яровому полю сеяли ячмень и лен. В карельских деревнях, как и по всей России, тогда были общественные амбары – *tagazeja* (магазеи), куда жители каждый год отдавали часть зерна нового урожая на семена. По решению схода староста деревни дед Семен каждую весну часть этого зерна выделял на сев бедным семьям.

Сразу же после весеннего сева начиналась навозница. Каждая семья оставляла одно поле под пары, то есть отдыхать до следующего года. Вот на это поле в июне начинали вывозить навоз из дворов всей деревней. Во дворах навоз на телеги грузили вилами мужики. Мальчишки, сидя верхом на лошадях, отвозили его на поля хозяев. Там женщины с помощью изогнутых вил сгребали навоз в отдельные кучи рядами по всему полю.

Но самая лучшая пора в деревне – сенокос, который начинался в конце июня, сразу же, после навозницы. Народу тогда в деревне было много, все поля засеяны, а сено для скотины на зиму готовить надо. Обкашивали все, что можно: обочины вдоль дорог, берега рек, вокруг зарослей кустарников, овраги, опушки леса.

В деревне Петрайцево в начале XX века было 40 домов в одну улицу и два выезда из деревни. Один выезд в Поцеп и Душково, второй – через лес в русскую деревню Грудино. Деревня стояла на пологой возвышенности и хорошо просматривалась с Душковской горы. Дома в деревне ютились тесно в 5–7 метрах друг от друга, а то и вплотную. В обоих концах деревни прямо на улице били родники, на месте этих ключей жители деревни выкопали пруды, которые всегда были полны водой, она постоянно текла небольшими ручейками по дороге.

С востока и юга деревню омывала речка Оносиха, с запада – речка Теплинка.

Карельская сельская община отличалась тем, что оставляла за хозяйствами их постоянные пахотные участки земель, не меняя их. Она разрешала хозяину дома делить пахотные участки при выходе сына из хозяйства. Как освоили карелы поля в XVII веке, так они и оставались за ними в начале XX века. Те хозяйства, которые прибыли в деревню позднее, сами расчищали пахотную землю от леса и кустарников за речками Теплинка и Оносиха. К началу XX века площади позднее освоенных пахотных земель составляли около 2/3 от первоначально освоенных участков при обосновании деревни. Ежегодно делились лишь луга и пустоши для косьбы.

Дед Семен, как уважаемый в деревне человек, избирался старостой уже третий раз подряд, хотя уже мог отказаться от этой должности, ему было за шестьдесят лет. Староста деревни избирался на сходе сроком на три года, за свою общественную работу он получал всего 50 копеек в месяц из мирских денег. Многие отказывались быть старостой деревни, считая эту должность обузой. Но, согласно закону, избранный обществом на какую-либо должность не имел права от нее отказаться, за исключением только следующих случаев:

- 1) если ему более шестидесяти лет;
- 2) если он уже прослужил, по выбору, полный срок;
- 3) если он одержим сильными телесными недугами.

Все важные вопросы жизни деревни решались на сельских сходах. Сельский сход обычно собирался два раза в год – в июне и октябре. В июне жители собирались на улице напротив дома старосты, к тому времени как раз заканчивали весенний сев, а до сенокоса оставалось три недели. На этом сходе решали вопросы ремонта общественных выгонов, проведения навозницы и распределения покосов на это лето, очистки колодцев и прудов.

Каждое лето, в августе, пока в водоемах мало воды, надо было организовать очистку хотя бы одного-двух прудов из пяти, что в деревне, да двух на ее окраине. И вычистить в это лето хоть один колодец из четырех.

В октябре собирались в нанятой избе для решения вопросов по мирским повинностям и создания общественного семенного фонда на следующий год и засыпки его в «магазеи». Решения жителей на сходах тогда называли «приговорами», чаще всего они выносились устно.

Кроме земельных и хозяйственных вопросов на сходах определяли кандидатов в рекруты, делали раскладку повинностей по хозяйствам.

Обычно все вопросы решались мирно, споры улаживал сам староста с привлечением уважаемых в деревне людей. В карельских деревнях Карело-Кошевского прихода не знают ни одного случая, чтобы староста просил призвать в помощь сельского стражника.

Староста Семен Иванович жил со своей женой в доме, посредине деревни. Этот дом в числе первых был построен в 1649 году и дважды уже перестраивался. Сыновей у Семена Ивановича не было, одни дочери, уже выданные замуж в другие семьи.

Забот у старосты было немало, здесь, как и в других деревнях жили полноценной жизнью. Много работали дома и в поле, рожали и воспитывали детей, печалились в горе и смерти, гуляли праздники, играли свадьбы. Жили общиной, деревню оградил забором из жердей, поставили двое ворот на выезде в Грудино и Поцеп. У ворот было постоянное скопление мальчишек и девчонок, которые выбирали здесь места для игр и первыми сообщали всех о приближающемся путнике или повозке.

Староста дед Семен следил, чтобы не нарушалась очередь ночного дежурства. Всю ночь по деревне с колотушкой ходил сторож, поднимал старосту, если вдруг кто-то из путников ночью пытался забраться в общественный амбар (магазею). Звонил в подвешенный рельс, когда случался пожар.

Староста ходил на пастбища и смотрел, как пастухи пасут скот, он не разрешал им во время пастбы собирать ягоды и грибы, чтобы не отвлекались от дела, а были со стадом. Каждое утро сторож будил пастухов, а они игрой на рожке будили хозяек доить коров. Нанятые пастухи жили на постое по очереди, где ночевали и кормились. Чем больше скота было у хозяина, тем дольше оставались у него на постое пастухи.

Староста поднимал мужиков копать очередной пруд или чистить старые пруды. Все это мужики делали вручную лопатами. В деревне к тому времени было выкопано семь прудов, да два пруда в поле. Из прудов пил воду скот, вода нужна была для тушения пожаров и для полива огородов. В одних прудах купались, а в других – полоскали белье.

Староста деревни руководил мужиками при ремонте старых колодцев и строительстве новых, их в деревне было четыре. Через каждые 5–6 лет чистили колодцы. После сенокоса, который обычно заканчивался к Ильину дню 2 августа, когда колодцы мелели, чистили их по

очереди. Сначала вычерпывали ведрами всю воду. Потом в колодец спускался самый проворный мужик, легкий весом. Он наполнял ведра жидкой грязью, стоящие наверху вытаскивали эти ведра. Чистили до тех пор, пока не убирали всю накопившуюся грязь до твердого грунта. В эти дни воду брали их других колодцев. Через несколько дней, когда вода в колодце становилась чистой и прозрачной, приступали к очистке другого колодца.

Староста руководил и участвовал сам в обустройстве общественных выгонов для скота, которые ремонтировали каждую весну. Под его руководством строили мосты через речки, и вручную заступами делали пологими берегами реки, где ее на лошадях переезжали вброд. Плохих людей в деревне не было, не было и обычая запирать двери на замки, тогда в деревнях не воровали.

Общее поле и сенокосные угодья делил на наделы по числу едоков в семье. Полосы отмерял косовищем, например, по пять косовищ на душу. Косовище обычно было длиной два метра, то есть один сажень. Было удивительно наблюдать, как неграмотный староста обмерял спорные участки и подсчитывал площадь. Он косовищем или двухметровой саженью в виде треугольника обмерял в двух местах длину, складывал, делил на два и получал среднюю длину. Таким же образом обмеряя и считая, он определял ширину участка. Умножая средние числа длины и ширины, получал площадь участка. На обмеры, подсчеты и споры иногда уходило полдня.

В деревне не стали выполнять императорский указ от 09 ноября 1906 года о делении надельной земли поровну на каждого взрослого жителя мужского пола, чего-то ждали. Дождались закона от 14 июня 1910 года, по которому проводили разверстывание целых деревень с целью закрепления на праве личной собственности за всеми домовладельцами отдельных участков земли в одном месте, то есть отрубов.

Во время Столыпинской реформы забот у старосты деревни значительно прибавилось. Он вместе с землеустроителем определял отрубные земли для хозяйств, проводил деревенские сходы, чтобы односельчане дали согласие на выдел того или иного хозяйства на отруб. Он помогал измерять земельные участки на отрубках, разрешая при этом возникающие споры. Делил между хозяйствами свободные общинные покосы. Старосте приходилось улаживать споры, возникавшие между мужиками из-за межевания между участками земельных наделов.

При исполнении своих обязанностей и на сельские сходы староста надевал с помощью булавки или на шею бронзовый знак. На лицевой стороне знака находился герб Тверской губернии и надпись «сельский староста». Он договаривался со священником Сретенской церкви в селе Кошево Корельское Алексеем Феопемптовым о проведении молебна перед севом и первым выгоном скота. Такие молебны проводились до ареста последнего священника в 1937 году. В день Егория, 6 мая, в поле, возле одной из карельских деревень, священник совершал молебен на мирный отгул скоту. После молебна он кропил скот и собравшихся крестьян святой водой, как благословение на благополучный сезонный выгул скота.

Все эти житейские вопросы решались на местных деревенских сходах под руководством деревенского старосты. Староста Корельского Кошевского сельского общества Алексей Алексеевич Сабуров из деревни Климантино собирал общий сход жителей 13 деревень для решения общих вопросов, касающихся всех жителей, прежде всего, по взиманию платежей и сборов, а также для решения споров, возникших между жителями нескольких деревень. Решение всех других вопросов, касающихся жизни конкретной деревни, он доверял деревенским старостам, решать все эти вопросы ему самому было не под силу.

Лесник

Дом Михаила Ивановича стоял на краю деревни Петрайцево, в 300 метрах от ельника, рядом с прудом, который в деревне называли «Часовенка». На восточном берегу пруда стояла деревянная часовня Успенской божьей матери. У Михаила Ивановича было три взрослых сына: Иван, Николай и Яков, а также две дочери на выданье. Жива была и мать жены, которая жила вместе с ними, всего в семье было 8 человек. Дом для него построил отец Иван вместе со всеми родственниками, когда Михаил женился в 1876 году.

Осенью 1905 года из города Красный Холм в деревню Петрайцево приехал лесничий. Он сказал, что из-за войны с Японией увеличались лесозаготовки и в это же время пошли самовольные порубки. Со стороны Красного Холма лес охраняется хорошо, а вот со стороны

Бежецкого тракта надо бы навести порядок. Лес вырубается ближе к Корельско-Кошевскому приходу и увозится окружным путем через «Тропан-Кохта» на дорогу Красный Холм – Бежецк. Ведь около Бежецка далеко вокруг нет леса.

Собрали деревенский сход, стали предлагать кандидатуры лесника, никто не соглашался. Лесничий обещал зарплату 3 рубля в месяц, бесплатные покосы в лесу и лес для постройки дома и двора. Наконец, решился стать лесником сын Михаила Ивановича, Николай, 24-летний парень из большой небогатой семьи.

Деревню Петрайцево с запада и севера дугой окружали леса, испокон веков принадлежавшие деревенской общине. В их названиях перемешались русские и карельские слова: Высочка, Репенка, Тропан-Кохта, Оносиха, Хоршовка. Почти возле каждой деревни был свой ельник, откуда жители вывозили бревна на дома и другие постройки. Эти общинные леса простирались вглубь до 3 километров.

За ними шел государственный лес под общим названием Сулежский. С южной стороны этого леса стояло русское село Сулега, от которого и пошло его название. Этот лес шел далеко вглубь от карельских деревень до 18 километров, вплоть до города Красный Холм. Весь этот лес принадлежал удельному ведомству.

Департамент уделов с началом реформы от 26 июня 1863 года провел ревизию всех удельных лесов, в 1883 году принял новую «Инструкцию для устройства удельных лесных дач». На каждый год стали определять количество возможных вырубок в удельных лесах и продажи древесины. Со временем была организована охрана лесов от порубок и потрав.

До крестьянской реформы 1863 года охрана удельных лесов лежала на самих удельных крестьянах. После реформы охрану удельных лесов поделили между крестьянами и вольнонаемной лесной стражей. Крестьянам в нашей местности перешли ельники и леса для заготовки дров, лесная стража охраняла все остальные удельные леса. Лесные сторожа нанимались с жалованием от 60 до 120 рублей в год. Для надзора за ними и объездами назначались лесные смотрители с жалованием от 240 до 300 рублей в год.

Начиная с 1883 года лесникам стали передавать бесплатный надел в 1,5 десятины усадебной земли, они также могли приобрести за деньги наделы от 8 до 10 десятин угодий. Лесники получили право пасти до 10 голов личного скота в удельном лесу.

Николай стал государственным работником лесной охраны, отделившись от сельской общины. Он принес присягу мировому судье о честном выполнении своего долга. За ним закрепили участок лесного обхода, выдали охотничье ружье, форменное обмундирование и знак лесника. Обходя свой участок, Николай всегда носил эту латунную бляху с надписью «казенный лесник» – зимой на овчинном полушубке, а летом на форменном кителе.

Охраняя лес, Николай имел право проверять документы на право охоты на его участке казенного леса, не допускал выпаса скота, рубки деревьев и сенокосения без выданного лесничеством разрешения.

Николай всю зиму каждый день с утра до вечера на лыжах обходил свой лесоучасток с ружьем за плечами. Иногда совершал путь до Красного Холма, это 18 километров напрямую через лес, и обратно. Весной заявил родителям, что будет строить себе дом прямо в лесу за ельником. Уже договорился, ему выделили делянку. Весной 1906 года Николай набрал продуктов, взял пилу, топор и ушел в лес. Там он построил себе шалаш, выбрав небольшую поляну в полукилометре от ельника. Начал валить деревья, работал целую неделю. Один хороший лесоруб рубил топором и разделявал на хлысты до двадцати толстых елей в день.

Потом Николай попросил у отца лошадь и один трелевал бревна. Попросил двух братьев помочь выкорчевать пни. Один из них, Яков, был уже женат, к тому времени у него родилась первая дочь. На месте будущего дома сделали разметку, выкопали большие ямы под углами. В эти ямы поставили привезенные лошадью пни с корнями, выровняли их. Вот на эти пни под углами и стали они втроем ставить сруб дома. Работали до 15 мая, потом вернулись в деревню, чтобы помочь отцу пахать землю, сеять лен, яровую пшеницу и ячмень. Озимая рожь уже зеленела на отцовской полоске, а овес он посеял один. В начале июня братья снова ушли в лес, и к сенокосу сруб дома уже стоял. Николай один пристроил сени и крыльцо.

Братья помогли поставить стропила. А осенью они покрыли крышу свежей ржаной соломой. Печку Николай сложил уже в октябре. Ночи были холодными, но он спал дома на матрасе, набитом свежей соломой, укрывшись тулупами.

Неподалеку выкопал яму, из которой доставал глину и лепил из нее печку. Кирпичная печка появилась через 7 лет, а пока она была глинобитной. Кирпич он раздобыл только на печную трубу. Зимой

Николай жил один в своем доме в лесу, иногда приходил в деревню за картошкой, луком, солью, сахаром и спичками. Запасы грибов, сушеных ягод, мяты, зверобоя, иван-чая и других трав он заготовил сам. С помощью тесла – топора в виде отбойного молотка, выдолбил корыта, ковши. Ножом выстрогал из липы деревянные ложки, хлебницу и другую посуду.

Зайцев, тетеревов, рябчиков было достаточно. Да и рыбы успел навялить и засолить. Прожить зиму не так и сложно, хотя холодно-вато, так как дом еще не осел. Исправно исполнял свои обязанности, каждый день обходил свой участок, замечал следы волков, лис, лосей, кабанов. Из-за большого снега люди в лесу не появлялись. Да и наслышаны они были об упрямстве и принципиальности нового лесника.

Только вот зимние вечера были очень длинными, а припасенные лучины быстро сгорали. Скучать было некогда, надо делать рамы для окон, табуретки, деревянную кровать, посудные шкафы и полки, столы и лавки. Спал на каржине, прислонившись спиной сначала к теплой, потом остывающей к утру глиняной печке.

В один из приходов в деревню за ним увязалась беспородная собака, которая оказалась хорошим другом и помощником, стало немного веселее.

Следующей весной готовил бревна для двора. Опять под углы установил пни от спиленных деревьев, а летом один строил двор для скота. Летом же сказал родителям, что хочет жениться, только вот кто пойдет жить в лес. Присмотрелся к Поле, жила она с матерью, отец служил в солдатах и погиб в японскую войну два года назад. Жили вдвоем без отца, бедствовали.

Свадьбу сыграли после Покрова, в приданое дали восьмимесячную телочку. Николай был хорошим хозяином, он наготовил достаточно много сена, ведя покосы на лесных полянах. Вдвоем зажили хорошо, к тому времени Николай изготовил необходимую мебель. Полина готовила ему обеды, ухаживала за телкой, ходила на родник за водой. Николай смастерил подойник для коровы из можжевельника, такой подойник был плотный и служил долго.

Прожили зиму, к весне Николай наготовил осины для сруба колодца. Ошкурил бревна, уложил их и накрыл их осиновой корой. Так держал бревна до августа, пока они не подсохли и загубели. Колодец копал в августе один, сначала выкопал двухметровую яму, выбрасывая землю вверх лопатой. Потом сделал треугольный конус с металли-

ческим крючком. По лестнице забирался в колодец, заполнял землей бадью. Потом поднимался наверх и через крюк веревкой вытаскивал эту бадью. Через неделю появилась вода. Николай расчистил аккуратно дно, засыпал мелкими камешками из реки.

Потом стал выкапывать оставшиеся крупные камни в стенах колодца. Когда тронул один из них, вода забила фонтаном. Он сложил в колодец приготовленный сруб. Колодец был готов, Николай два дня выбирал грязную воду, чтобы вычистить колодец. В сентябре воду брали из родника и колодца.

Весной того же 1908 года Николай расчистил поляну от пней, взял в деревне лошадь, вспахал участок, посеял овес и ячмень. Осенью смолотили вручную цепами свое зерно, взяли на зиму кур, петуха. Хозяйство постепенно увеличивалось, появились цыплята. К весне становилось дорогим сено, по наступу в марте крестьяне из деревни приезжали за ним к леснику. Поэтому Николай использовал свои возможности и много готовил сена за лето.

Зимой Николай пересчитывал деревья и клеймил те, которые нужно рубить, собирал еловые шишки на семена. В этом ему помогали деревенские мальчишки и девчонки, которых он одаривал за работу пряниками и конфетами. Весной заготавливал кору ивы для сдачи в контору заготсырья. Летом косил сено и складывал его в стога, потом продавал частникам, а вырученные деньги сдавал в лесничество.

Зимой для себя он плел лапти, лукошки для сева, корзины из бересты, которую драл во время сокодвижения с помощью кочедыка – специального шила. Лапти из бересты легкие, воду не пропускают.

Всякое случалось в лесу. Однажды Николай припоздился с обходом участка и возвращался домой уже поздними сумерками, шел без опаски, топор был за поясом, в правой руке деревянная сучковатая рогатина. Вдруг мелькнула тень, Николай отпрянул в сторону. С дерева прыгнула рысь, хотя на людей они нападают очень редко, наверное, прельстил ее запах недавно сшитой заячьей шапки. Скорее всего, в это время у нее был выводок, который требовал пищи. Николай моментально прижал ее рогатиной за загривок к земле, выхватил топор и обухом по голове убил ее. Потом сделал из рыси чучело, набив его сеном, и приспособил над входной дверью.

Один раз, уже летом, почувствовал недалеко от реки гнилой рыбий запах. Понял, что это медведь закопал рыбу в землю. Прислушался и услышал чавканье медведя, который сгребал лапой ветки малины и

ел ягоды. Потом этот медведь повадился на овсяное поле вблизи его дома, когда овес был еще в молочной спелости. Пришлось несколько раз отгонять медведя выстрелами из ружья в воздух.

Николай был хорошим охотником, на его счету множество убитых лисиц, зайцев, уток, кабанов, убивал волков, рысей. Но у него никогда не поднималась рука на тетерева или глухаря во время их свадебного токования. Он понимал, что эти вольные птицы токуют для продления своего рода. Убить ее, все равно, что увезти невесту из-под венца или забрать в плен ее жениха.

В доме Николая останавливались ночевать жители деревни во время покосов на лесных полянах и пустошах, они делились взятой с собой снедью. Перед летней Казанской, которую праздновали 21 июля, Николай занимался бортничеством, проверял дупла на липах и осинах, снимал мед, готовил медовуху.

Зимой близко к дому приходили голодные волки, было слышно их завывание. Летом они охотились за овцами. Зазевается овца, отстанет от стада, волк ее хватал за шею, бил о землю, чтобы не шевелилась, и тащил подалее в лес на своей спине.

Однажды вечером домой не пришла корова, которая обычно далеко от дома не уходила. Чуть стало светать, Николай и Полина отправились в лес искать кормилицу. Колокольчика не было слышно, на голос корова не отзывалась.

Больше часа они бродили по лесу, пока не вышли к болотцу. И подумать даже не могли, что она в нем увязнет. На берегу были лишь голова и передние ноги. Из ее глаз текли слезы, на которые слетелись комары, мухи и мошкара. Хозяин остался с коровой, хозяйка побежала в деревню. Через час пришли мужики с топорами и веревками. Под передние ноги протянули веревку, под задние ноги в болотине подложили с двух сторон жерди. По команде стали приподнимать жерди и тащить за веревку. Буквально за десять минут они сумели вытащить корову из болота. Она упала на бок, протянула ноги и, тяжело раздувая бока, лежала не меньше получаса. Потом ее за веревку повели к дому, подкармливая хлебом с солью.

Так и жили, уклад жизни строился не на деньгах, не на угощениях, а на взаимопомощи. Нужно было строить дом, помочь в установке стропил или просто поднять бревно, хозяин звал на помощь мужиков. Они это делали охотно, зная, что в другой раз помощь им придет. Так и шли по жизни, помогая друг другу, а муж с женой – взявшись за руки.

Только вот не было у Николая с Полиной детей, хотя и прожили вместе больше девяти лет. В февральский заснеженный поздний вечер к ним кто-то постучался. Это был первый ночной гость, редкие охотники заходили иногда днем.

Николай вышел на крыльцо и ввел в дом заплаканную девушку. Они узнали свою деревенскую Марию. Она попросила Полину оставить ее на ночь и помочь ей. Рассказала свою историю. Она вместе с жителями деревни в мае ходила «по огороды». Вновь заостряли прогнившие стойки, вбивали их в землю. Переплетали между ними ивовые прутья и на них укладывали еловые и ольховые жерди. К вечеру после работы деревенский парень Михаил предложил ей зайти на поляну, посмотреть первых грибов – сморчков и строчков. Она согласилась, вечер был теплый, мох мягкий и поцелуи сладкие. Она через несколько недель поняла, что забеременела.

Никому об этом не сказала, летом незаметно было, а к осени стала надевать широкую одежду. Пополнела и пополнела, даже мать ничего не знает. А Михаила осенью на войну взяли, он так ничего и не узнал.

Долго думала, какой найти выход, решила прийти к ним в лес. Матери потом скажет, что ходила к дальним родственникам, которые никогда к ним не приезжают.

Выслушав Марию, Николай и Полина решили по-своему. Пусть она остается здесь, пока не родит. Ребенка может оставить у них, они его вырастят. Они живут уже больше девяти лет, а детей пока нет.

Мария родила мальчика, назвала Михаилом, побыла еще неделю, кормила материнским молоком. Потом, заплаканная и расстроенная, она ушла домой. Дома незаметно от матери и родных сцеживала молоко и плакала, что не достанется оно ее малышу.

Полина и Николай не ходили в деревню всю зиму, весну и только летом сказали родителям, что у них родился мальчик, пуповину резал и перевязывал сам Николай. Так они и жили, воспитывая приемного сына.

Летом 1917 года, придя в свою деревню, Николай узнал, что его родной дядя Семен умер, его жена продала свой дом Паскину Василию Васильевичу, а сама ушла жить к дочери в этой же деревне. Семья Паскиных жила в другом конце деревни, их дом был вторым с краю. В тот год их старший сын Василий женился и решил отделиться от отца. Вот поэтому и купил дом Семена Ивановича. Он не стал сразу в него переезжать, заготовил бревна и разобрал полностью этот старый дом. Весной 1918 года на этом месте он построил дом из новых бревен

на две избы – зимнюю и летнюю. От старого дома в дело пошли полы, потолки, матицы, стропила и некоторые жерди для опалубки.

В 1918 году уже после революции вернулся в деревню живой и невредимый Михаил. Они сыграли с Марией свадьбу, родили трех дочерей, сына, правда, не было.

К 1922 году у брата Николая Якова было уже пятеро детей – три сына и две дочери. Среднего сына, который родился в семье в 1918 году, он назвал в честь своего брата Николаем. Кроме него в семье были старший сын Михаил и младший сын Петр.

Полина и Николай прожили в лесу еще десять счастливых лет. В 1928 году его нашли повешенным в лесу на осине. Следствие заявило, что это было самоубийство. Полина очень внимательно рассматривала мужа перед похоронами, не отходя от него несколько суток. Она потом говорила, что лицо было избито, в синяках и ссадинах, под ногтями кровь, одежда порвана, одного сапога не было. Недалеко от той осины были свежесрубленные пни, и проходила колея от дрог или от передка телеги.

Полина не дала увезти Николая на кладбище в Карело-Кошево. Ей предлагали похоронить у деревенской часовни Успенской Божией Матери на берегу пруда. Но Полина решила хоронить мужа на поляне напротив окон дома. Она поставила деревянный крест, и остаток лета каждый день подолгу сидела у могилы и плакала. Осенью, когда дни стали короче, пришла с сыном в деревню, подыскала себе домик.

Продала корову, да были сбережения от неистраченной зарплаты Николая. На эти деньги купила маленький домик с двумя окнами по фасаду на краю деревни рядом с домом Паскиных. Замуж так и не вышла, ей было уже 43 года, стали жить вдвоем с сыном Михаилом. Вступила в колхоз, зимой ходила в деревенскую избу-читальню, училась грамоте, научилась писать свою фамилию да считать до ста. Сыну рассказала правду перед самой смертью в 1960 году, ему самому было более 40 лет. Умерла она через год на 75-м году жизни.

* * *

Летом 1961 года в гости к моей тетке Анне, которая к тому времени, вернувшись из Ленинграда, выдала свою единственную дочь замуж в Муравьево, а сама проживала одна в доме на краю деревни,

приехал мой дядя Михаил из города Опочки. Однажды он пришел к нам на ужин и попросил меня завтра сходить с ним в лес за грибами. На другой день рано утром мы вместе с дядей Мишей пошли в ельник. Дорогой я спросил у дяди, какие грибы будем искать: белые, подосиновики или подберезовики. Каждые из них растут в разных местах. Дядя Миша сказал, что хотел бы набрать лисичек. Я ответил, что их в деревне никто за грибы не считает – сухие, никогда не червивеют. Если даже черви их не любят, значит, они не такие уж хорошие.

Мы в деревне тогда собирали белые грибы, подосиновики, подберезовики, рыжики, березовые опята, белые грузди, сыроежки, волнушки и серушки. Вообще не брали лисички, маслята, черные грузди, шампиньоны, горькушки, кулаки, спокойно проходя мимо них.

Мы перелезли через забор, прошли по выгону, вошли в ельник. Дядя Миша предложил сначала сходить на Колин луг за ельником. Я ответил, что слышал о нем, но, ни разу не был. Дядя Миша сказал, что дядя Коля – родной брат моего дедушки Якова. Что тот назвал своего сына Николаем в честь своего брата.

Дядя Миша убедил меня в том, что он раньше много раз мальчишкой ходил к своему дяде до его смерти и хорошо знает это место. Пошли по узкой лошадиной дороге с прорезанными в земле колеями от телег. Прошли болотце, прудик, поднялись на взгорок, перелезли забор и вышли из ельника в государственный лес. Прошагали дальше с полкилометра, вместо луга справа и слева росли малинник и крапива. Малины было большое обилие, что вдоль дороги на траве виднелась красно-зеленая полоса от упавших веток малины. Проплутав по зарослям, ничего не найдя, вернулись в ельник за грибами.

Вечером у нас дома заговорили о Колином луге, сказали, что мы его не нашли. Отчим ответил, что после развилки надо было идти не по главной дороге, а по той, которая ведет вправо. В том 1961 году умерла жена Николая – Полина, вот поэтому всем и хотелось вспомнить или узнать историю о леснике.

Выслушав дома все о леснике, я через несколько дней один пошел искать Колин луг. Выйдя на него, увидел красивую цветочную поляну из колокольчиков, ромашек, одуванчиков и других цветов. Осторожно пробираясь по лугу, нашел заброшенный колодец. Дома и двора уже не было, но на ровной поляне явно выделялся небольшой могильный холмик. От него шел спуск к речке, возле которой пробивался уже заросший осокой родник. Речка почти пересохла, превратилась

в ручеек. Но в одном омуте недалеко от поляны была видна мелкая плавающая рыба.

Я внимательно осматривал местность, вдруг наверху что-то заскрежетало. От страха присел, увидел, что одно дерево, упавшее на другое, при ветре скрипит. Стало жутко, я побежал обратно в ельник и успокоился лишь тогда, когда перелез через его забор, отдышавшись, пошел искать грибы по своим заветным местам.

Николай погиб на посту, защищая государственный лес. Теперь никто не покажет место, где был его дом и где его могила. Деревья на поляне уже стали большими, хотя они взрастут намного медленнее, чем стареют и умирают те, кто их посадил, а жителей в деревне не осталось.

Переломный 1918 год

Карельская деревня Горбовец, где жил Иван Федорович со своей семьей, стояла на холме рядом с самой высокой точкой Бежецкого Верха. Это была самая ближняя к русским деревням карельская деревня. Она располагалась буквой «Т» двумя улицами с тремя посадками, в деревне тогда было 36 домов, из них 7 – пятистенных. К югу от деревни брала начало речка Уйвешь, к северу – речка Каменка.

Когда началась первая мировая война, Иван Федорович с женой Татьяной Ивановной, ждали сына-первенца. У них уже была четырехлетняя дочь, которая позднее стала няней для своих младших братьев и сестер, а потом и племянников. Иван Федорович к тому времени отделился от отца, построил свой дом на краю деревни. Деревенские ворота пришлось перенести ближе к выгону, между огородами оставили прогон для лошадей и коров, там была наезженная дорога. Отец выделил Ивану Федоровичу полосу земли, телку, лошадь, несколько овец.

Карелы из Карелии, как финны и малочисленные народы Севера во время первой мировой войны по закону в действующую армию не призывались, как инородцы. В конце 1916 года депутаты Государственной Думы обратились к императору Николаю II, где в числе других просьб было предложение постепенно привлекать к военной службе инородцев. На это обращение начальник Генерального штаба генерал В.И. Гурко ответил председателю Государственной Думы

М.В. Родзянко, что привлечение к военной службе инородцев нежелательно по причине их немногочисленности.

Но тверские карелы, как один из народов финской группы, в списки освобожденных от службы не попали. Часть мужчин призывного возраста направляли на фронт, а других – на охрану царских дворцов в Петербурге, Петергофе и Царском Селе. В числе других подразделений, входивших в охрану царских покоев, находился его величества сводный пехотный полк, куда и были зачислены многие тверские карелы.

С 13 февраля 1917 года прекратили все увольнительные для солдат и казаков царской охраны. 9 марта Временное Правительство арестовало царя Николая II, его содержали в Александровском дворце. В середине марта 1917 года Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов направил вооруженную охрану в Царское Село для содержания царской семьи под домашним арестом.

Все гвардейские полки, в том числе и казаки, изменили присяге и верности бывшему императору. В эти дни происходило всеобщее бегство придворных, в том числе высших офицеров и сановников. Солдаты, присягнувшие императору, а его уже не было, воспользовавшись сложившейся обстановкой, разбрелись по домам, к началу посевной служившие карелы добрались до дома. Уходя, оружие с собой не брали, чтобы не считали их дезертирами.

У Ивана Федоровича и Татьяны Ивановны в 1914 году родился сын Василий, они жили молодой счастливой семьей, любили друг друга, воспитывали детей, думали о будущих детях, работали на земле. Аборты считались большим грехом, рожали детей столько, сколько давала природа. Иногда слабые дети умирали, но сильные жили потом долго. Жили естественно, не задумываясь над тем, что семья – это мощь государства, сильная семья – сильное государство.

Тревожные сообщения стали приходиться в глухие карельские деревни Карело-Кошевского погоста осенью 1917 года – в Питере революция, на улицах толпы солдат и гражданских. В уездном городе Бежецке большевики М.С. Чудов, Д.И. Логинов, А.П. Баранов, П.Ф. Федоров, П.Ф. Скворцов заявили об установлении советской власти. Они организовали бюро большевистской партии во главе с П.Ф. Скворцовым и поручили ему создать отряд Красной гвардии.

15 декабря 1917 года большевиками было заявлено об установлении советской власти в Бежецке. 20 января 1918 года был убит их уездный военный предводитель П.Ф. Скворцов. Через несколько ме-

сяцев, с июля 1918 года, сначала временный революционный комитет, затем с августа того же года – Бежецкий уездный исполком возглавил Михаил Семенович Чудов.

Иван Федорович не сразу понял, что это был тот самый Мишка Чудов из ближней русской деревни Хонеево. В парнях они ходили с кольями и оглоблями деревня на деревню. Юркий Мишка был на три года младше Ивана Федоровича, он был заводилой деревенских. Выступая вперед, начинал выкрикивать оскорбительные слова, обзывать карел. Когда те приходили в ярость и шли стенкой на хонеевских, Мишка быстро успевал юркнуть за спины старших парней. Он недолго бузил в деревне, уехал в Петроград, где с 20 лет был в партии большевиков.

В 1915 году он дезертировал из действующей армии и скрывался в Финляндии до марта 1917 года. Потом снова возвратился в Петроград, работал печатником, став комиссаром в типографии.

В карельских деревнях недолго волновались по поводу революции в городе Бежецке, так как у них никаких изменений не происходило до весны 1918 года. В апреле 1918 года церковный дьякон Василий Тихомиров просил всех прихожан прийти в установленный день к церкви. От деревни до села было четыре километра, издалека было видно, как с горы спускались люди группами, парами и поодиночке.

Народу возле церкви на площади собралось много, около тысячи человек. Люди пришли из всех окрестных карельских деревень, тревожно, не по-праздничному, били церковные колокола. Церковный дьякон говорил о том, что в этот день прибудет отряд красноармейцев из Бежецка, чтобы сбросить кресты, колокола и захватить церковное имущество.

Все начали поворачиваться в сторону Ореховецкого леса, из которого показалась колонна красновардейцев на лошадях верхом и с повозками. В отряде было не менее 50 человек с оружием. Толпа раступилась, образовала по дороге коридор, где остановились солдаты. Прихожане стали упрекать красновардейцев в том, что они незаконно захватывают имущество церковей. Руководивший солдатами большевик дал команду войти в церковь, грузить на повозки утварь, иконы, сбрасывать кресты и колокола.

Солдаты попытались войти в церковь, но мужики, став толпой у входа, их не пустили. Солдаты стали стрелять из винтовок в воздух и хотели избивать прихожан, но не получилось. Попытались связать несколько человек и увезти с собой, но их отбили.

Такие случаи защиты церквей у карел проходили и в других селах. Защищали церкви в Толмачах, Кострецах, Залазине, Стане и других местах. Самые ужасные события были в селе Гнездово Никулинской волости, где большой отряд красногвардейцев арестовал около тридцати человек. Их избили и повезли в уездный город, дорогой десять человек солдаты замучили до смерти. Одного из активистов защиты церкви Петра Жукова жестоко избили, переломали пальцы рук, разрежали скулы, вырезали язык, а потом застрелили. Это было в 1918 году, когда репрессии против церкви еще только набирали обороты.

1918 год стал переломным для глухих карельских деревень. Прибывшие с фронта солдаты говорили, что царя больше нет, нет и царской власти, все теперь принадлежит народу. Пока не установилась какая-то власть, карелы начали усиленно перестраивать свои дома, готовя лес не только в общественных, но и в государственных лесах. В государственный лес заезжали нечасто, спилив елку, забирали все – от бревна до сучьев и вершины. На оставшийся пень перетаскивали ближайший муравейник. За 1918–1919 годы в каждой деревне было построено по 12–15 новых домов, как с одной избой, так и двумя избами. В огородах построили житницы для хранения зерна, а за огородами – сараи для хранения сена.

В тот год не только строили дома уже на русский манер, но и стали одеваться по-русски. Деревни заплонили голодные горожане, которые ничего не могли купить на старые николаевские деньги. Поэтому за хлеб, зерно, муку и картошку они отдавали деревенским жителям ситец, шелк, одежду, обувь, золото, серебро. Тогда же в карельские деревни стало приходиться много городских попрошаек, нищих и беженцев, которые просили хлеба или пустить ночевать. Карелы кормили ужином, потом оставляли ночевать разных прибывших в деревню голодных горожан, забрав у них паспорта. Прибывшие из Питера и Москвы горожане говорили: «В вашей деревне говорят на каком-то непонятном языке, зато ругаются понятно для нас».

Радостные карельские бабы надевали на себя новые русские кофты и платья, припрятывали в глубокие деревянные сундуки ситец, шелк, шерстяные отрезки вместе со старинными бабушкиными и своими синими карельскими сарафанами, вышитыми красной нитью рубахами, головными уборами – карельскими сороками. Вместе с ними в сундуках хранили выбитые карельским орнаментом полотенца, занавески, наволочки и кроватные подвески.

На территории Бежецкого уезда Тверской губернии боевые действия не велись, но жизнь крестьян резко ухудшилась из-за введенной большевиками продразверстки. Советская власть, отбирая хлеб, стала применять против крестьян оружие. Были созданы комитеты бедноты, продовольственные и заградительные отряды. Они с помощью угроз, оружия и насилия отнимали у крестьян хлеб и другие продукты. Были национализированы все частные магазины, мельницы, кожевенные и кузнечные мастерские.

Вплоть до создания колхозов карелы Корельско-Кошевского прихода не создавали коммун, кроме одной Синьковской в бывшем имении Гумилевых, товариществ по обработке земли или артелей. Каждое хозяйство по-прежнему обрабатывало свой участок земли в 10–15 десятин. До создания колхозов в этих деревнях не проводили ни собраний, ни пустых разговоров, ни других отвлечений от поля и хлеба.

С января 1919 года советская власть расширила продразверстку, которую собирали по деревням специально созданные продовольственные отряды. Они отбирали у крестьян хлеб безвозмездно силой оружия. Карелы стали более осторожно обменивать хлеб на вещи, надежно пряча зерно от чужих глаз. Как бы ни навели голодные городские жители солдат на того или другого хозяина, местные-то этого никогда не сделают.

Десять лет, с 1921 года, когда объявили НЭП, и по 1931 год, когда началась активная коллективизация крестьянских хозяйств, жила своей землей и своим хозяйством более-менее спокойно и семья Ивана Федоровича. В 1931 году началась коллективизация, со двора вывели двух лошадей, две коровы и десять овец, отобрали землю, два сарая, житницу. Во дворе оставили одну корову да кур с петухом.

Ко времени коллективизации у Ивана Федоровича и Татьяны Ивановны было шестеро детей: два сына и четыре дочери. Старшей дочери было 20 лет, старшему сыну Василию исполнилось 17 лет, младшей дочери Анне – 2 года. Ивана Федоровича назначили колхозным кладовщиком, знали односельчане, что не пропадет у него ни зернышка. Василия назначили счетоводом и избрали секретарем комсомольской организации колхоза.

Началась Великая Отечественная война, Василий прошел с боями от Кавказа до Праги, был трижды ранен, войну закончил в звании старшего лейтенанта. Домой вернулся летом 1946 года, взял с собой жену, семилетнего сына и опять поехал служить Родине. Судьба по-

бросала его по военным гарнизонам закавказских республик, Украины, Белоруссии, службу закончил в Ленинграде в звании майора. Воспитывал троих детей – сына-первенца и двух послевоенных дочек. Вторым сыном Иван был призван в армию в 1943 году в возрасте 18 лет, дошел с боями до Берлина, остался служить в Советской Армии до выхода в отставку.

Дочери наравне с родителями работали в колхозе, во время войны копали оборонительные сооружения в Селижаровском районе, после войны поднимали пришедший в упадок колхоз.

Иван Федорович умер в 1954 году в возрасте 68 лет, так и не получив от советской власти ни копейки денег за работу. На заработанные им трудовые давали лишь зерно да мякину. Татьяна Ивановна пережила мужа на 10 лет, но колхозной пенсии тоже не дождалась.

Русский язык в карельской деревне

До Октябрьской революции 1917 года русский язык в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода, в том числе и в деревне Поцеп, где родилась Абрамова Наталья, вообще не звучал. Русских жителей не было, между собой говорили по-карельски. Русские слова и предложения многие взрослые знали, особенно мужчины, которые ездили в Бежецк на рынок, а зимой работали на отходничестве в Петербурге.

Карельских слов для общения было достаточно, около 17 тысяч. Карелы принесли с Карельского перешейка необходимый запас слов и сохраняли их к тому времени более 300 лет. Карельскими словами называли предметы домашнего обихода, животных, виды деятельности, понятия природных явлений и религии. Новыми для них были слова, означающие предметы, которых не было у них на родине. Эти слова, например, «стул», «стакан» они произносили по-карельски на русский манер, ставя ударение на первом слоге: «*stuwla*», «*stokana*».

В 1885 году в селе Кошево Корельское была открыта земская начальная школа, а в 1897 году открыли церковно-приходскую школу, в которых начали обучать карельских детей русскому языку. До этого грамотных карел в округе не было. Первые ее ученики закончили по два класса, научились писать на кириллице, считать до ста и распиваться. Они с первого класса знакомились с литературой на рус-

ском языке. Свою историю тверские карелы не знали и не изучали, так как книг и каких-либо опубликованных трудов по ней не было до 1998 года. Из-за давности переселения их история была забыта, так как человеческая память несовершенна.

В марте 1917 года Временное правительство ставило вопрос об открытии национальных школ. Известия Бежецкого временного исполнительного комитета от 11 апреля 1917 года сообщили, что 31 марта в помещении женской гимназии города Бежецка было проведено собрание Учительского совета. На нем в числе других рассматривался вопрос об увеличении на один год курса в карельской школе, где обучаются дети, не знающие русского языка.

Другие выступающие предлагали не удлинять для карельских детей обучение на один год, а открывать национальные школы, где обучать родному карельскому языку при обязательном изучении государственного русского языка.

Но сделать они ничего не успели в результате совершения Октябрьской социалистической революции. После революции начали ликвидировать безграмотность и учить детей русскому языку более активно. В деревнях открывались избы-читальни и для взрослого населения. В деревне Петрайцево пытались открыть избу-читальню в помещении часовни, но жители признавали ее только часовней.

Девушки в деревне грамоты не знали, книг в руках не держали. Веретено да спицы были их основными занятиями. Лучшей похвалой для них было то, что она быстро прядет, хорошо шьет и мастерски вышивает и тклет.

Сказать, что избы-читальни работают хорошо и дело поставлено образцово, нельзя, так как нет средств и хороших руководителей-избачей. Но все же, можно видеть сидящего в избе-читальне крестьянина-бородача за газетой. На призыв волисполкома вывезти из пустошей дрова для школ население их бесплатно и без промедления вывезло. При школах организованы ликвидационные пункты неграмотности [3].

В 1932 году Московский комитет партии решил проводить карелизацию лишь в первых двух классах начальных школ. Эта временная мера продолжалась до 1939 года, вплоть до ликвидации Карельского национального округа. Карельский язык на латинской основе изучали в 181 школе Карельского национального округа и за его пределами шесть лет с 1932 по 1938 годы. В Карело-Кошевской школе Сонковского района карельскому языку не обучали никогда.

Дети, обучаемые карельскому языку в первых двух классах, потом переходили на русский язык. Этот переход был очень трудным как для детей, так и учителей русского языка. В третьем классе на уроках карельские дети говорили на смешанном языке, в русскую речь то и дело вставляли карельские слова. Это потому, что в третьем классе начальной школы мышление детей еще не переключилось с карельского языка на русский. Им было трудно подбирать слова, поэтому на усвоение материала у них уходило много времени.

Как знать, что могло бы случиться с карельской письменностью, если тверские карелы в 30-е годы XX века пошли на алфавит, составленный на кириллице, а карелы, проживающие в Карелии, стали бы изучать не финский, а карельский язык? Возможно, не стало бы такого возмущения со стороны родителей и учеников, что им трудно изучать два алфавита сразу – кириллицу и латиницу. Иногда возникает вопрос, нужно ли было насаждать карельский язык на латинице практически безграмотному населению? Это происходило в то время, когда карельское население с большим трудом читало и писало по-русски и не знало латинского алфавита.

Но что тогда случилось, то и случилось – карельская письменность на латинице есть до настоящего времени, а единого карельского литературного языка нет, и не будет никогда.

Единый карельский язык нужен тогда, когда в нем есть необходимость, такая необходимость как раз и была в первые годы ликвидации неграмотности. Тогда карел было около 250 тысяч, в том числе – 150 тысяч тверских карел.

Карельские дети с детства думали уже о том, что, как их родители, они будут пахать землю, сеять зерно и выращивать хлеб, чтобы не знать голода. Но когда их стали учить грамоте, на уроках говорили о стройках, колхозах, дальних странах, богатых краях. Нет-нет, да и задумывались иногда молодые карелы, как покинуть родную деревню.

Карелы, как и другие народы России, добровольно, без какого-либо принуждения приняли русский язык в качестве межнационального языка. Так как карельский язык длительное время находится во взаимодействии с русским языком, тверские карелы переняли у русских многие слова, которых не было там, на Карельском перешейке, лишь ставя ударение на первый слог.

У разных народов судьба языков складывается по-разному. Карельский язык был бесписьменным многие века, карельская письмен-

ность молода и неустойчива. Ею пользовались с 1932 по 1938 годы, используют с 1993 года в условиях сильнейшей конкуренции со стороны русского языка, английского языка и даже со стороны своих соплеменников. В Карелии никогда не пользовались карельской письменностью на латинице. Сначала там культивировали финский язык, потом началось активное, порою искусственное деление, на диалекты. Поэтому поддержки развитию собственной карельской письменности, созданной в 1930–1937 годах в Тверской Карелии, нет как со стороны государства, так и со стороны Республики Карелия.

Карельский язык, имея очень короткую историю, с 1931 года практически не влиял и не влияет на население, он интересен лишь для специалистов. Но, как и любой язык, он имеет большое значение для карельской культуры и российской культуры в целом. Он никому не мешает в своем развитии. Поэтому самое опасное и неперспективное явление – это попытки властной ликвидации языка.

* * *

Семилетняя Абрамова Наталья 1 сентября 1929 года пошла в школу, учиться грамоте. Школа была в одном километре от Поцепа в деревне Слепнево. На втором этаже бывшего барского дома Гумилевых жили коммунары, на первом этаже учились дети первого и второго классов.

Наташа вошла в класс, не зная, что делать дальше. Подошла учительница Анастасия Константиновна Лебедева, спросила, как ее зовут. Наташа промолчала, так как не поняла по-русски ни одного слова. Учительница усадила ее за парту, прозвенел колокольчик, такой же, какой был под дугой у лошади – маленький и звонкий. Дети поспешили занять свои места. Рядом с Наташей учительница посадила Круглову Веру.

Кругловы до революции жили на хуторе Сеньково, после ликвидации хуторов их семья переехала жить в деревню Поцеп, но вскоре стали коммунарами и жили на втором этаже бывшего барского дома, где и находилась школа. За это время Вера немного научилась говорить по-русски. Она стала переводчицей у Наташи, переводила слова учительницы на карельский язык, а ответы Наташи на русский.

В бывшем помещичьем доме Гумилевых коммунары были из русских деревень Слепнево, Ханино, Хотена и карельской деревни Поцеп.

Они привезли на барскую усадьбу свой скот и сельхозорудия. Стали выпрашивать у государства муку и зерно, заменив интересы собственника потребительскими интересами. Пока государство поддерживало, коммуна держалась. Между коммунарами стали вспыхивать ссоры, кто работает больше, а кто меньше.

Трудолюбивые карелы, их было четыре семьи, с ненавистью смотрели, как русские мужики с утра пили самогон без какого-либо повода. Постепенно к 1930 году коммуна распалась, коммунары разошлись, кто куда. Одни карельские семьи вернулись в Поцеп, другие уехали в город Бежецк.

Так вот, на перемене русские мальчишки стали крутиться вокруг Наташи и обзывать ее «Качо, Качо!». В переводе на русский язык слово не было обидным «смотри, смотри». Задевало то, что этим словом ее обзывали. Когда закончились занятия в школе, Наташа зашла к Вере, та угостила ее яблоками из барского сада и немного проводила вдоль деревни Слепнево.

Придя домой, Наташа заявила родителям, что в Слепнево больше в школу не пойдет, там много учится русских учеников из деревень Хотена, Ханино и Слепнево, они ее обзывают. Сказала, что хочет ходить в одну из карельских школ, в Акиниху или Карело-Кошево. Но туда расстояние было по три километра, а до Слепнево один километр. Родители уговорили, чтобы она еще походила в Слепнево. Едва отучившись первую четверть, Наташа снова запросилась в другую школу.

Ее старшая сестра Настя ходила во второй класс Карело-Кошевской начальной школы, и она тоже захотела ходить в школу с ней вместе. Со второй четверти Наташа стала ходить за три километра, по дороге русскому языку ее обучали старшеклассники. Она с каждым днем узнавала все больше и больше русских слов.

Сестра Настя дружила со Смирновой Марией из деревни Горбовец. В четвертом классе они завели дневники и писали друг другу стихи или пожелания на русском языке, чтобы его лучше знать, а по-карельски писать тогда никто из местных жителей не умел. В Карело-Кошевской школе карельский язык не изучался.

Абрамова Наташа, обучаясь в старших классах семилетней школы, знала от соседей Беляковых, что в других карельских районах области в школах изучается карельский язык. Она видела карельский букварь и книги для чтения на карельском языке. Их передала старшая дочь активиста Карельского национального округа Белякова Ивана Сте-

пановича. Позднее он стал первым секретарем окружного комитета партии Карельского национального округа.

В то время в деревне Поцеп жили родители И.С. Белякова, их дом был на черном посаде крайним в сторону Слепнева. Он приезжал иногда к ним со своей женой и двумя дочерьми – Александрой 1924 г. р. и маленькой Ленинмирой, 1930 г. р., в деревне Поцеп ее называли просто Муся.

Наташа пыталась читать эти карельские книги на латинице, но ничего не понимала. Стала более настойчиво изучать русский язык и читать русскую литературу, у нее выработался устойчивый красивый почерк.

Наталья Ивановна Абрамова умерла в возрасте 78 лет в 2000 году. Последнее время она провела в больнице после случившегося инсульта. Несколько дней перед смертью она говорила на непонятном для медицинского персонала языке.

Говорила в полубабытче, говорила много, речь была очень красивой. Главный врач заглянула в паспорт, в графе «национальность» было записано «карелка».

Глава II. Круги ада (1930–1953 годы)

Испытания для всех жителей России, в том числе и ее подданных карел, пришедших с Карельского перешейка на новую родину, не прекращались. Начавшиеся еще при формировании Российского государства, они продолжались во все века. Страшные испытания преподнесла жизнь по воле государства нашим дедушкам и бабушкам, родившимся в конце XIX века. Одно перечисление событий, которые им пришлось пережить, бросает в озноб: первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война, коллективизация, репрессии со стороны тоталитарного режима, Великая Отечественная война. Во время этой войны они, уже немолодые, держали вместе с женщинами и подростками на своих плечах весь тыл. После войны восстанавливали разрушенное хозяйство. Пенсии по старости от государства они не дождались.

Не меньшие тяготы легли на плечи наших отцов и матерей. Именно это поколение людей сражалось во время Зимней войны 1939–1940 го-

дов, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Именно это поколение делало все возможное и невозможное для победы. Потом оставшиеся в живых отдали себя целиком восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. В наших деревнях практически не было жителей, родившихся в 1916–1917 годах, а также в 1943–1944 годах.

С фронта не вернулись домой 125 карел-земляков. Почти полностью были уничтожены мужчины в семье Кренделевых из деревни Бережки – три брата. Погибли трое братьев Черновых из деревни Калиниха, отец и три сына Чесноковых из деревни Поцеп.

Погибли 5 мужчин из деревни Акиниха, 16 человек из деревни Байки, 13 мужчин из деревни Бережки. Не вернулись домой 7 защитников из деревни Горбовец, 6 – из деревни Гремячиха, 12 – из деревни Душково. Остались на полях сражений 7 мужчин из деревни Калиниха, 8 – из деревни Климантино, 15 – из деревни Муравьево. Не дождались своих отцов и братьев: 12 в деревне Петряйцево, 12 – в деревне Поцеп, 7 – в деревне Терехово, 5 – в деревне Шейно.

А затем было послевоенное восстановление пришедших в упадок колхозов в условиях голода и нищеты. Карельская деревня вместе со всей страной залечивала послевоенные раны. Только что была отменена карточная система на продукты питания в городах, в деревне работали не за деньги, а за трудодни. По итогам года на них денег не давали, а давали зерно и мякину. Но работали на совесть, еще не отвыкли работать на земле поколения, выросшие на единоличных полях. Власть обложила налогами все приусадебные хозяйства. Нужно было по установленным нормам сдавать государству мясо, молоко, шерсть, яйца, а также налог с каждого плодового дерева и кустарника, независимо от их урожая. Кроме налогов, отдавали последнее на государственные займы восстановления и развития страны.

Коллективизация в карельской деревне (1930–1933 годы)

За период с 1930 по 1933 годы были раскулачены, арестованы за контрреволюционную деятельность и антисоветскую агитацию, выселены на Север, в Сибирь и Казахстан 24,2 тысячи тверских карел или 16% всего карельского населения Калининской области. Из каж-

дого карельского сельсовета, которых было более 150, в том числе 128 – на территории Карельского национального округа, выселяли по 20–25 семей [4].

Вначале единоличное хозяйство облагалось твердым заданием, через несколько месяцев следовало новое задание по заготовкам. В силу того, что хозяйства уже были разорены и не могли выносить это задание, на них налагали штраф в пятикратном размере от оценки заготовок. Этот штраф хозяева должны были выплатить в течение 48 часов. В счет штрафа вводили со двора лошадей, коров, увозили имущество.

3 февраля 1931 года президиум Московского облисполкома направил письма в райисполкомы 15 районов, в том числе и в Сонковский. В письме сообщалось, что процент кулацко-зажиточных хозяйств в районе ниже среднего процента по области. Предлагалось до 20 февраля 1931 года произвести проверку списков для исчерпывающего выявления всех хозяйств, принадлежащих кулацкой и зажиточной верхушке деревни.

Вновь выявленным после 1 января 1931 года кулацко-зажиточным хозяйствам немедленно дать твердые задания по заготовкам. Сельсоветы, допустившие недоучет кулацко-зажиточных хозяйств или недоведение до них твердых заданий, привлечь к ответственности. Переучет кулацко-зажиточных хозяйств поручено провести с широким использованием сельской общественности, и в первую очередь – групп бедноты, батрачества и актива колхозников. Если в районе имеет место невыполнение кулацко-зажиточными хозяйствами данных им твердых заданий по заготовкам, срочно принять меры к выполнению задания и передать дела в суд за противодействие советской власти.

Сведения о числе дополнительно выявленных кулацких и отдельно зажиточных хозяйств выслать не позднее 21 февраля 1931 года в орготдел Мособлисполкома [5].

Исполняя это решение Московского облисполкома, 7 февраля 1931 года президиум Душковского сельсовета Сонковского района в составе председателя сельсовета Кострова, секретаря Баруздина, членов Быстрова и Морева, уполномоченного прокурора Голубева, уполномоченного райисполкома Тараканова, учителей Карело-Кошевской школы Лебедевой и Ивановой признали 15 хозяйств кулацкими и зажиточными. Перепуганные молодые учительницы, сидя рядом с уполномоченным, мигая глазами от страха, пытались как-то пощадить свои уши от крика и площадной брани. Порядки в деревне уста-

навливала не община, а чужие люди – уполномоченные, прокуроры, милиция из районного центра.

Каждому из этих хозяйств было дано твердое задание – сдать государству по 1 корове, 1–2 теленка, до 5 килограмм шерсти, по 750 штук яиц, а также заготовить по 60 кубометров дров. Из своего урожая сдать государству по 1 центнеру льносемени, 13 центнеров клевера на сено, 10 центнеров соломы, по 30 центнеров сена, 2 центнера ржи, 4 центнера овса, 4 центнера картофеля, 1 центнер льноволокна.

Всего за период 1931–1932 годов по Душковскому сельсовету, который насчитывал 7 деревень: Душково, Шейно, Муравьево, Петряйцево, Поцеп, Акиниха и Терехово, были раскулачены и выселены 22 семьи. Не пострадали лишь жители одной деревни Поцеп, то ли потому, что жили уже очень бедно или потому, что председатель сельсовета Костров был из этой деревни. Они сумели отстоять и защитить своего односельчанина Н.Д. Соколова, который одновременно вместе с подачей жалобы на решение президиума Душковского сельсовета 5 марта 1931 года вступил в колхоз [6].

В Бережковский сельсовет входило 6 карельских деревень: Бережки, Байки, Климантино, Гремячиха, Горбовец, Калиниха и село Карело-Кошево. 6 февраля 1931 года президиум Бережковского сельсовета в составе председателя сельсовета М. Волкова, секретаря Б. Кренделева, члена сельсовета В. Пекина, секретаря комсомольской ячейки М. Лежушкина, уполномоченного прокурора М. Голубева и бригадира Миронова приняли решение о признании кулацкими и зажиточными 28 хозяйств. Все жалобы, без исключения, Сонковский райисполком оставил без удовлетворения [7].

* * *

Среди раскулаченных дворов было хозяйство Соколова Ивана Елисеевича. Его сын, человек преклонных лет, Соколов Евгений Иванович в 2001 году рассказал мне, что после амнистии многие тверские карелы остались жить в Сибири и Казахстане, другие переехали в другую местность, подальше от родины. Он с женой и детьми сейчас живет далеко от своей родной деревни.

Из воспоминаний Евгения Ивановича, записанных 21 сентября 2001 года: «До коллективизации жили в деревне неплохо, работать

умели. Была молотилка, отец разрешал молотить на ней всем желающим жителям деревень. Пошлину брал зерном, которое продавал в городе на базаре, использовал на муку и корм скоту. Жили мирным трудом, растили хлеб, пахали землю, воспитывали детей, ухаживали за стариками.

В 1932 году нашу семью раскулачили, повезли в Сибирь в товарных вагонах, спали на полу. Посреди вагона стояла «параша», куда опралялись, от нее шла постоянная вонь. Иногда поезд останавливался посреди степи, людей из вагонов выводили в степь, их окружали солдаты. Люди несколько минут опралялись, дышали свежим воздухом, потом их снова загоняли в вагоны. Еды никакой не давали, ели те запасы, которые захватили с собой. Дома оставили все, что было нажито многими поколениями, с собой взяли только вещевые мешки с одеждой и едой. А на родине остались лошади, коровы, риги, овины, сарай, земля, сельхозинвентарь и дом.

Привезли в Голодную степь Казахстана, выгрузили из вагонов прямо в степи. Хорошо, что была ранняя весна, к осени успели построить камышовые мазанки – камыш обмазывали с двух сторон глиной. Многие раскулаченные умерли, не выдержали голода и холода, умерла моя мать, двое братьев из шести. В Голодной степи растили хлопок.

Нам повезло в том, что работать стали в садово-огородническом отделении совхоза, которое снабжало продуктами питания все остальные хлопководческие отделения. Отца определили сторожем, сторожил поля с помидорами, огурцами и арбузами. Брат с поля домой ничего не разрешалось под угрозой лишения свободы до десяти лет. Дети прибегали к нему в сторожку, отец брал арбуз, разрезал его пополам. Мы выгребали ложками все содержимое, он крошил в эти арбузные половинки помидоры и огурцы, кормил нас, детей, этим салатом. Если вблизи появлялся объездчик, он накрывал одну половину арбуза второй половиной.

Когда жители поселка к осени построили камышовые мазанки, остались глубокие, до двух метров, ямы, откуда люди брали глину. Отец взял лопату, выровнял эту заброшенную всеми площадь земли. Получился участок земли около пяти соток на полтора метра ниже общего уровня. Он засеял эту площадь табаком и пустил туда воду из арыка. Уродился хороший урожай табака, осенью отец продал его в районном центре и привез целый мешок денег. На эти деньги он ку-

пил корову, а дети стали готовить сено для коровы. Травы было мало, корова стояла в загоне и не паслась. Нужно было готовить ей корм на каждый день и еще на зиму. Приходилось маленьким детям уходить далеко в поле, чтобы охапками приносить траву и сушить ее. Иногда мы воровали с поля люцерну и кормили ею корову. Один раз меня, десятилетнего мальчишку, поймал объездчик, взвесил ворованную люцерну, оказалось, что я – десятилетний мальчуган, нес сорок пять килограмм травы. Отец спросил меня, как сумел нести такую тяжесть, я ответил, что нес не на спине, а охапку опустил ниже и нес на бедрах. Наша семья благодаря корове быстро окрепла на молоке.

Потом отец завел кроликов, выкопал яму глубиной полтора метра, кролики там нарыли нор и быстро размножились. Отец или мы, уже подростки, ловили кроликов, убивали и питались мясом. Кормить кроликов поручили мне, как младшему сыну, я все ругал их за прожорливость и говорил, чтобы быстрее сдохли. Однажды отец поливал огород и не заметил норы, которую кролики проделали из своей ямы в огород. Он залил яму водой, и кролики сдохли.

Началась Отечественная война 1941 года, мои старшие братья записались добровольцами на фронт. Один брат Николай, 1917 года рождения, попал в плен к немцам, от второго, Дмитрия, 1914 года рождения, не было никаких вестей.

В 1944 году пришли работники НКВД, принесли какие-то бумаги и предложили отцу переехать жить в Англию. Выяснилось, что мой брат Николай бежал из немецкого плена и почти с самого начала войны воевал в английской армии. Отцу было предложено из Казахстана выехать в Архангельск, там морем плыть в Англию. Отец отказался уезжать из Советского Союза. Брат Дмитрий тоже был в плену, бежал во Францию, там вступил в ряды Сопротивления. После войны остался жить во Франции, умер в 1996 году в возрасте 82 лет.

Брат Николай после окончания войны переехал жить в Америку, штат Техас, он умер в 1998 году. Брат Петр воевал в рядах Красной Армии, после войны жил на Украине, он тоже умер. Остался из четырех братьев я один. Женился на гражданке из греческой репрессированной семьи.

Ее отца взяли в 1938 году, когда она была маленькой. Сообщили, что он «враг народа», приговорили к десяти годам тюрьмы, но его больше никто и никогда не видел. Таких семей, перенесших трагедию коллективизации, было много, власть воевала со своим народом».

Всех тех, кого в административном порядке местная власть признала кулаками, отправили на срок от 3 до 10 лет в Сибирь, Казахстан, на Север. Некоторые семьи, отбыв наказание, вернулись домой. Кто подходил по возрасту, участвовали в боях в Великой Отечественной войне, многие погибли. Ставшие колхозными, раскулаченные карельские деревни пошатнулись, но устояли. Их жизнь, до полного исчезновения, продолжалась еще около семидесяти лет.

Сильные духом

В далеком 1816 году на погосте Кошево Корельское на месте старой деревянной церкви была построена каменная Сретенская церковь с тремя престолами: Сретения Господня, святых благоверных князей Бориса и Глеба, Введения в храм Пресвятой Богородицы. Рядом с церковью тогда же были построены деревянные: дом для священника, амбар и сторожка. В деревнях Корельско-Кошевского прихода карелами были построены 4 деревянные часовни. В деревне Петрайцево – Успения Божьей Матери, Муравьево – Тихвинской Божьей Матери, Байки – святых Флора и Лавра, Терехово – пророка Ильи.

В 1901 году священником Сретенской церкви служил Алексей Корнилович Феопемптов, 1872 года рождения. Уже при советской власти священника А.К. Феопемптова заменил Алексей Александрович Александров, 1892 года рождения, уроженец города Санкт-Петербурга. Священники учили людей думать о своей душе, размышляя о добре и зле, грехе и покаянии.

Надо сказать, что попытки национализировать имущество церкви в селе Кошево Корельское были предприняты после 1918 года еще дважды: летом 1920 года и в 1929 году, но карелы сумели защитить тогда свою церковь. Только в декабре 1937 года, когда арестовали последнего священника Сретенской церкви А.А. Александрова, из нее вывезли все имущество. Но карелы Корельско-Кошевского прихода так и не дали большевикам сбросить кресты, которые венчали купола церкви и в начале XXI века.

Летом 1937 года последнего священника Успенской церкви Корельско-Кошевского карельского прихода Алексея Александровича Александрова вместе со всей семьей, женой и пятью детьми, выселили из

дома священника в дровяной сарай, размерами 4 на 3 метра. Там они жили вплоть до ареста священника 19 декабря 1937 года. А в их дом поселили семью директора семилетней школы Румянцева Арсения Васильевича, переехавшего из деревни Акиниха.

Священник А.А. Александров, имеющий пятерых детей, был арестован органами НКВД 19 декабря 1937 года за антисоветскую агитацию. Его привезли в областной центр и бросили во внутреннюю тюрьму НКВД, где сейчас находится Медакадемия. В течение одной недели каждую ночь допрашивали, добываясь признания в том, какую именно антисоветскую агитацию он проводил среди карел во время своих проповедей.

Следователи пытались от Александра узнать настроение карел Карело-Кошевского прихода, как они относятся к созданию «Великой Финляндии», присоединив туда и Калининскую область. Проверки по этой бредовой идее, придуманной в стенах НКВД, проходили тогда по всем карельским районам, а через полтора месяца в феврале 1938 года возбудили «Карельское дело».

Во время допросов следователь вставлял в протокол что-то от себя, добавляя, что Александров шел против советской власти, что он проводил среди карел монархические взгляды, восхваляя царский режим.

Сначала священник сидел в камере одиночке. Следователь обратился за помощью к начальнику одного из отделов, заявил, что надо поработать с подследственным. Так в камере-одиночке священника появился сокамерник. На другое утро следователь зашел к начальнику отдела, чтобы узнать обстановку. Начальник сказал, что это у них, следователей, ничего не говорят заключенные, у него заговорят. Что практически всю ночь священник стоял в углу на коленях и молился. А его человек, заложив руки за спину, ходил по камере взад-вперед и говорил священнику о необходимости признать свою вину и раскаяться. Так что можно смело допрашивать заключенного, он во всем признается.

Следователь вызвал Алексея Александровича на допрос, который длился с небольшими перерывами весь день. Священник отрицал свою вину в антисоветской агитации, заявляя, что лечение людских душ проповедью не является преступлением перед властью. Наоборот, это власть совершает преступления перед Богом, расхищая церковное имущество, сбрасывая кресты и колокола, расстреливая священников.

Вечером следователь сказал начальнику отдела, что ничего не получилось, священник все отрицал.

Начальник уверил, что тот заговорит и признается, надо только его допрашивать не днем, а ночью, так что лучше прийти завтра не с утра, а часов в 8–9 вечера. Следующим вечером следователь зашел в кабинет начальника отдела, тот поведал, что священник с его человеком сидят на полу камеры и мирно беседуют, можно допрашивать.

Следователь вызвал Александрова на допрос, увидел под левым глазом большой синяк и поцарапанные руки. Спросил, что случилось в камере. Священник ответил, что ударился головой о трубу. Следователь заметил, что охотно поверил бы, если бы там действительно была труба. Дальше на эту тему разговор прекратился и начался обычный допрос, который длился всю ночь. Временами следователь вызывал оперативников, сам выходил из кабинета, кратко бросив: «работайте».

Сильным ударом оперативник сбивал священника со стула, его начинали избивать ногами по телу, голове, не разбирая, куда придется удар. Когда священник терял сознание, его обливали водой и снова усаживали на стул. Пришедший следователь продолжал допрос. Эта ночь пыток ничего не дала. Избитого священника со сломанными ребрами, пальцами рук, в синяках бросили в камеру.

Следующим вечером при виде следователя начальник отдела был взбешен. Он долго не мог успокоиться, обзывая священника разными словами. Потом сказал, что весь прошедший день его человек стоял в углу на коленях и молился, а священник, заложив руки за спину, ходил взад-вперед по камере и внушал-внушал что-то сокамернику.

Он рассказывал заблудшему преступнику о житии и подвигах преподобного Сергия игумена Радонежского. Говорил о его рождении, постепенном приближении к Богу, его делах, покорности и смирении.

Говорил о житии и подвигах преподобного Серафима Саровского, приводил наизусть поучения и наставления святителя Игнатия Брянчанинова о молитвах, человеческих помыслах, страстях, смирении, о совести, покаянии, сохранении памяти об умерших, о других добродетелях. Что-то шевельнулось в душе сокамерника, если тот встал в угол на колени и начал молиться.

27 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила А.А. Александрова к 10 годам исправительно-трудовых лагерей без права переписки. Его сначала этапировали в Москву, где собрали духовенство: русских монахов и священников, католических и лютеранских пасторов, раввинов и повезли в теплушках до Котласа.

Город Котлас, находящийся при слиянии рек Северная Двина и Вычегда, в 20–50-е годы XX века был пересыльным пунктом для раскулаченных и репрессированных. Туда, на север, направляли десятки тысяч заключенных, государству нужны были бесплатные трудовые руки. В 1937–1942 годах шло строительство Северо-Печорской железной дороги от Котласа до Ухты и далее через Печору до Воркуты. В том районе на площади около 90 тысяч кв. км обнаружили залежи каменного угля, разработка которого началась с 1934 года. На пути строительства железной дороги возникали станции и поселки Микунь, Иоссер, Ираель, Печора, Канин Нос и другие. В 1949 году рабочие поселки Печора и Канин Нос были преобразованы в город Печора, а центрами разработки угля к тому времени стали города Воркута и Инта.

В Котласе Александров вместе с другими заключенными находился до весны 1938 года, пока не вскрылись реки. Их загрузили в трюмы больших грузовых барж, которые поехали по Вычегде до поселка Усть-Вымь. От Усть-Выми до поселка Чибью, который к тому времени стали называть Ухтой, шли пешком около двухсот километров. Их конвоировали солдаты и уголовники, которые отобрали у священников все, что могли, и продолжали их «курочить» (грабить).

Прибыв в лагерь, некоторые заключенные от изнеможения упали на первые попавшиеся нары. Прибывшие с работы вечером уголовники скинули их с нар, ногами закинули под нары и обмочили. Лагерь был на пять тысяч человек, которые располагались в 50 бараках, оцепленных колючей проволокой с вышками и часowymi на них. Жить в одном бараке с уголовниками священникам было тяжело. Но они внушали себе и другим о терпении, спасении души, приводили в примеры святых, которые тоже ничего плохого людям не делали, а их жгли на кострах, истязали, пытали и убивали.

Нередко были проверки, когда всех заключенных выгоняли на снег, а в это время проверяли их постели, искали религиозную и другую запрещенную литературу. Потом заключенным приказывали раздеваться и стоять на снегу, пока конвойные не проверят всю их одежду, швыряя ее на снег. Многие заключенные во время проверок и работы на лесоповале обморозили руки, ноги и лицо.

Всех священников сразу же направили на лесоповал, леса нужно было много для строительства рабочих поселков, лагерей для заключенных и на шпалы для железной дороги.

Следы последнего священника Карело-Кошевского прихода А.А. Александрова затерялись в глубоких снегах Ухтпечлага. Он был полностью реабилитирован 3 ноября 1989 года по определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР [8].

Основой идентичности тверских карел в XX веке, кроме языка, по-прежнему оставалась церковь и православная вера. Жители карельских деревень во все годы советской власти вели образ и стиль жизни, свойственные православным христианам.

В каждом доме были сохранены иконы, перед которыми они совершали молитвы. Крестили детей до 1937 года в своем приходе, а когда арестовали последнего священника, ездили крестить за 10 километров в Русско-Кошевский приход. Карелы соблюдали все посты и праздновали установленные в их деревне религиозные праздники. Они читали над покойником Евангелие и провожали его в последний путь своими песнями-плачами. Во многих семьях за иконами еще сохранялись поминальники, по которым карелы поминали умерших родственников.

Война с сородичами (1939–1940 годы)

Тверского карела Петра мобилизовали на войну с финнами в середине ноября 1939 года. Его вместе с другими мобилизованными тверскими карелами привезли на Карельский перешеек, они поступили в распоряжение командования 7-й армии. Первоначально перед 7-й армией и ее командующим Б.Б. Яковлевым была поставлена задача разгрома финских войск, стоящих против них, и выхода на линию Хиитала-Антреа-Выборг. С этой целью армия должна была за 15 дней продвинуться на глубину до 110 километров. При этом подойти к «линии Маннергейма» за 4–5 дней, и в течение недели прорвать финскую оборону [9].

Зимняя война началась **30 ноября 1939 года**, войска 7-й армии продвигались к линии обороны по 5–7 километров за сутки. Порою для того, чтобы только пройти по глубокому снегу в полном обмундировании двести метров, требовалось более получаса времени.

В начале декабря в Ленинград из Петрозаводска стали прибывать части «Финской народной армии», которую на Карельском перешейке

начали пополнять карелами и вепсами из других дивизий. Еще 19 ноября 1939 года нарком обороны К.Е. Ворошилов подписал приказ о формировании в Ленинградском военном округе 106-й стрелковой дивизии, командиром которой назначил Акселя Анттила. На базе этой дивизии и стали создавать «Финскую народную армию», целью которой была замена частей Красной Армии после победы над Финляндией.

Петр попал в 1-ю дивизию первого корпуса «Финской народной армии», которая 11 декабря заняла позиции на Выборгском направлении. Эта дивизия стала укрепляться тверскими карелами, призванными в армию из-за войны. Учитывая национальную особенность формирования первого корпуса, туда брали не только молодежь, но и мужчин до 45 лет рядовыми бойцами.

В середине ноября по прибытии всем мобилизованным выдали военное обмундирование. Они получили трофейную польскую шинель рядового зеленоватого цвета, шапку-ушанку и трофейные польские ботинки. Выдав обмундирование, Петра направили в деревню Куоккала, где располагался батальон связи 1-го корпуса Финской народной армии, там его зачислили связистом в этот батальон.

От сослуживцев Петр узнал, что ещё перед войной против Финляндии в начале ноября 1939 года, встал вопрос о создании Финской народной армии из финнов и карел, проживавших в Карелии, Ленинградской и Калининской областях. Военным министром и главнокомандующим Финской народной армией стал комдив А.М. Анттила. Русских командиров назвали финскими фамилиями, комбриг Ф.Н. Романов стал Райкасом, полковой комиссар В.П. Терешкин – Тервоненом, олонецкий карел Ф.И. Егоров – Аалто.

Народная армия создавалась в помощь правительству Куусинена, главная ее цель состояла в том, чтобы вслед за Красной армией войти в Хельсинки и обеспечить военную поддержку Народному правительству. Ее соединения располагались во втором эшелоне за войсками Красной армии, и использовать их на передовых позициях запрещалось [10].

Первая дивизия 1-го корпуса «финской народной армии» разместились в уже занятых Красной Армией финских селах в районе Куоккала (Репино). Деревенские необученные мужики не умели обращаться со станковыми и ручными пулеметами, до армии они стреляли только из ружей. Мобилизованные тверские карелы вместе с другими красно-

армейцами-сородичами занимались изучением оружия, лыжной подготовкой, умением действовать на лыжах в лесу. Их обучали приемам рукопашного боя, на все обучение ушло пять дней с 12 по 16 декабря.

Уже 17 декабря дивизия пошла в наступление, которое вела три дня. Ее использовали в качестве второго эшелона, задача которого было идти в атаку в случае потери темпа наступления со стороны первого эшелона. Второй карело-финский эшелон использовали также для развития прорыва обороны финской армии. Вслед за вторым эшелоном шел заградительный отряд НКВД, чтобы гнать или стрелять тех, кто лежит в снегу, не поднимая головы, и не идет в атаку.

При попытках прорыва линии обороны финны пропускали советские танки, отсекали пехоту и вели по ней огонь на поражение. С танками расправлялась следующая линия обороны. Карело-финская дивизия вместе с войсками первого эшелона «топтались» перед линией Маннергейма долго, с 19 декабря 1939 года до 11 февраля 1940 года, ведя ожесточенные бои.

Иногда доходило до того, что деревенские необученные мужики на глазах противника, находясь в полукилометре от него, гуськом шли по протоптанным в снегу тропинкам к полевой кухне или за спецпайком. В спецпак входила водка и сало. Некоторые из них погибали нелепо от рук финских снайперов.

11 февраля 1940 года дивизии Красной Армии пошли на прорыв укрепрайона, пробив брешь в обороне финнов, и пройдя с полкилометра за линию их обороны. На Выборгском направлении нужно было пройти три таких оборонительных линии, а затем брать сильно укрепленный город Выборг. В начале марта 1940 года, части 1-й и 2-й стрелковых дивизий Финской народной армии, находившиеся на Карельском перешейке, были отправлены на передовую.

Для большинства из них первым боевым крещением стало взятие города Выборга. Штурм Выборга начался в ночь с 12 на 13 марта, в бой в качестве пехотинцев шли и кавалеристы, и артиллеристы, и танкисты. Финны яростно оборонялись, население было эвакуировано, а специальные команды факельщиков поджигали здания. Утром 13 марта по городу открыла ураганный огонь советская артиллерия, в 12 часов, огонь был прекращен, и советские войска вошли в разоренный и оставленный населением город.

По воспоминаниям очевидцев, это было кровопролитное сражение: наступление на Выборг шло буквально по трупам. Для многих

плохо обученных и неопытных бойцов Финской народной армии первое же сражение оказалось последним. Петр узнал, что во время штурма погиб его односельчанин из деревни Горбовец Лебедев Михаил, которому было 42 года.

Финляндия запросила мира, **в ночь на 13 марта** в Москве был подписан мирный договор. В 12 часов того же дня военные действия прекратились. Бойцы 1-го стрелкового корпуса Финской народной армии получил приказ о сборе трофейного имущества и организации охраны народнохозяйственных объектов захваченных в ходе боёв на Карельском перешейке. После этого весной 1940 года они занимались захоронением финских и советских солдат на местах боёв и сбором трофеев [11].

31 марта 1940 1-й корпус «финской народной армии» был расформирован. Мобилизованные на войну и оставшиеся в живых тверские карелы вместе с другими сородичами были отпущены по домам.

* * *

Земляк Петра карел Михаил в январе 1940 года попал в плен к финнам и пробыл там 3 месяца. Михаила Ивановича обменяли в числе других на финских пленных в апреле 1940 года на станции Вайниккала близ Выборга. Михаил Иванович оказался в числе 450 счастливых, отпущенных на свободу.

Историки считают, что в плен к финнам попало от 5390 до 5570 советских бойцов. По их мнению, 110 человек умерло в плену, но этот факт не подтвержден окончательно. Основной контингент военнопленных составили солдаты и офицеры Петрозаводского, Ребольского и Ухтинского направлений советско-финляндского фронта. Для содержания пленных в Финляндии было развернуто четыре лагеря.

Условия содержания пленных красноармейцев в Финляндии заметно отличались от содержания финских военнопленных в Советском Союзе, которых было 1100 человек. Финны содержались в плохих бытовых условиях Грязовецкого лагеря НКВД. После войны 99 советских военнопленных отказались вернуться в СССР.

В апреле 1940 года финская сторона передала около 5400 пленных, все они были доставлены в Южский лагерь НКВД, близ поселка Талица Ивановской области. В лагере работала следственная часть

из 50 сотрудников НКВД, которые выяснили обстоятельства пленения каждого военнослужащего и поведение в плену. После допросов 232 человека из числа военнопленных были приговорены к расстрелу, 4354 красногвардейца осуждены к лишению свободы сроком от 5 до 8 лет, 450 человек были отправлены на свободу [12].

Карел Беляев Василий Петрович, 1909 г. р., уроженец дер. Курганы Толмачевской волости Бежецкого уезда, красноармеец 2-го батальона 34-го полка 75-й стрелковой дивизии после передачи его финнами из плена был заключен в Южский лагерь НКВД. Его обвинили в том, что сдался в плен к белофиннам без оказания сопротивления. 22 августа 1940 года особым отделом при НКВД СССР приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей и направлен для отбывания в лагерь НКВД гор. Норильска Красноярского края. Умер в лагере 17 августа 1943 года. Полностью был реабилитирован военным трибуналом Московского военного округа 17 марта 1969 года [13].

После освобождения из мест лишения свободы в 1945–1948 годах все бывшие пленные находились под негласным надзором, в 1956–1969 годах были реабилитированы те, кто оставался в живых.

Такая же участь постигла тех советских граждан, которые попали в финский плен во время войны с Финляндией 1941–1944 годов. Их число достигало 47 тысяч человек, большинство находилось в лагерях. Среди них были и тверские карелы, число которых называют от 100 до 400 человек.

Раненые или контуженые карелы, видя наведенные на них винтовки, кричали: «Эля таппо!» (Не убивай!), финны оставляли их живыми и брали в плен. Заслуживающих доверия военнопленных, передали для работ крестьянским хозяйствам внутренней Финляндии. Некоторые из них жили с дочками хозяев, у них остались дети.

В лагерях пленные содержались в относительно неплохих условиях за счет внутренних ресурсов Финляндии, а также помощи Международного Комитета Красного Креста. По просьбе главнокомандующего вооруженными силами К.Г. Маннергейма Комитет присылал продукты, табак, лекарства, витамины. Русские пленные офицеры благодарили К.Г. Маннергейма за условия их содержания и присылали к Рождеству и Пасхе подарки в виде выполненных ими произведений искусства.

Некоторые пленные тверские карелы хотели остаться жить с созданными семьями в Финляндии, но их всех обменяли на финских

пленных по Договору о мире, заключенному между Советским Союзом и Финляндией 19 сентября 1944 года. По этому договору из погостов бывшего Корельского уезда на территории Финляндии остались Иломантси, Китее и Тохмаярви.

Позднее, когда открылся «железный занавес», в начале 90-х годов XX века, дети бывших военнопленных стали приезжать в Тверскую Карелию искать своих отцов. Находили своих родственников и помогали им в те лихие годы.

На дорогах войны (1941–1945 годы)

Не успели крестьяне пережить коллективизацию и репрессии, как вслед за Зимней войной пришла новая беда – началась Великая Отечественная война. С рассветом **22 июня 1941 года** регулярные войска германской армии атаковали пограничные части Советского Союза от Балтийского моря до Черного моря. В тот же день в Калининской области, наряду с другими прифронтовыми, было объявлено военное положение.

Германия нарушила условия Пакта о ненападении и 22 июня 1941 года напала на Советский Союз. Особенно много солдат и офицеров погибли и попали в фашистский плен в первые месяцы войны. Одной из главных причин поражения наших войск в начальный период военных действий были просчеты советского руководства. Располагая обширной информацией о подготовке Германии к нападению на СССР, руководство страны, возглавляемое И.В. Сталиным, не оценило реальной угрозы и не предприняло своевременных ответных мер. Не были укреплены новые границы, ставшими ими в 1939 году. Части и соединения приграничных военных округов не были приведены в боевую готовность и оказались застигнутыми врасплох.

Мы хотим, чтобы история была объективной, она бывает приятной для чтения и слуха, но бывает жестокой, требующей терпения при чтении и пересказе. В истории Великой Отечественной войны советского народа против фашизма легче читаются страницы о победах и успешном наступлении наших войск. Но были малоприятные для восприятия дни и месяцы 1941–1942 годов, и это тоже объективность. Одной из причин больших потерь и пленения советских солдат и офи-

церов в первые месяцы войны, была неподготовленность Советского Союза к войне, а также растерянность.

22 июня 1941 года около часа ночи в войска приграничных округов пошла Директива № 1: «Встретить противника на государственной границе в полной боевой готовности».

В тот же день около 7 часов утра была направлена Директива № 2: «Всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их, но границу не переходить».

А вечером 22 июня уже отступавшим войскам направлена Директива № 3: «В двухнедельный срок разгромить противника и перенести боевые действия на его территорию».

В первый год войны образовалось несколько больших «котлов», в которых погибли и попали в плен десятки тысяч советских солдат и офицеров. Среди них «Минский котел» – 230 тысяч человек, «Киевский котел» – 650 тысяч человек. От отчаяния и охватившей паники, когда судьба страны и Москвы была на волоске, издавались приказы Ставки, один зловещей другого. Историки утверждают, что в начальный период войны попали в немецкий плен около 5 млн советских солдат и офицеров.

16 августа 1941 года вышел приказ Верховного Главнокомандующего № 270, согласно которому «сдавшихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших Родину. Таких дезертиров расстреливать на месте. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственных пособий и помощи» [14].

17 ноября 1941 года Ставка издала приказ № 0428, которым было приказано разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 километров в глубину от переднего края и на 20–30 километров вправо и влево от дорог. Когда военные и партизаны начали выполнять этот приказ, они столкнулись с активным сопротивлением местного населения. Этот приказ обрекал на смерть тысячи невинных людей, которых пытались выбросить на улицу в лютые морозы.

О победе советского народа в Великой Отечественной войне надо говорить и писать правду, если это возможно из-за засекреченных материалов. Говорить и писать с бравадой не только об успехах Красной Армии в 1943–1945 годах, но с грустью и болью о невосполнимой цене победы в 1941–1942 годах. В оперативных сводках того периода про

отступление Красной Армии писали, что ее части «занимают более выгодные оборонительные рубежи». Надо помнить миллионы погибших солдат и мирных жителей, разрушенные фашистами города и сожженные деревни, помнить изломанные судьбы людей. Страдания и героизм людей в первые месяцы войны привели к великой победе советского народа над Германией.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне далась ценой таких невероятных усилий и жертв, что осознание их масштаба приходит не сразу и не всем. О том, что пришлось перенести тем, кто остался после войны в живых, можно было в свое время узнать по их неохотным воспоминаниям, письмам да по разговорам местных жителей, которыми дополнялись эти сведения.

Из мужчин 1918–1923 годов призыва на войне в живых оставались лишь те, кто был тяжело ранен или контужен, служил в тылу, в системе Гулага, Смерша, НКВД, других специальных подразделений, а также те, кто был в плену и вернулся домой после проверок. Другим бойцам и младшим командирам действующей армии названных лет призыва выжить не удалось. Эти плененные красноармейцы приняли на себя первые удары войны, сдерживали фашистов, сколько могли, срывая их план молниеносной войны. В то же время, они являлись свидетелями неподготовленности, растерянности и позора власти в первые месяцы войны.

Так как из карел Карело-Кошевского прихода никто в спецподразделениях не служил, домой вернулись лишь раненные и пленные.

Тверские карелы вместе со всей страной бесстрашно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Из 13 карельских деревень Сонковского района, расположенных вокруг села Карело-Кошево, в первые дни Великой Отечественной войны были призваны в ряды Красной Армии более 220 человек. За годы войны не вернулись домой 125 земляков, из них 58 человек пропали без вести на фронтах войны, и их дальнейшую судьбу уже никто не установит. Только в июле 1943 года пропали без вести 22 карела, возможно «корела вся вместе», как писали бойцы с фронта.

Часть сонковских карел в начале войны повезли на поезде в сторону Ленинграда, некоторые из них погибли в боях на территории Новгородской и Ленинградской областей, там и похоронены. Другие сумели дойти до Эстонии, Латвии, Литвы, Кенигсберга, освобождая эти земли от немецких захватчиков, и там нашли свой вечный покой.

Другую часть повезли на Украину и в Белоруссию к государственной границе навстречу врагу. Воевали там, где встретились с врагом,

многие остались лежать в землях Киевской, Донецкой, Харьковской, Гомельской, Витебской, Ровенской областей. Некоторые карелы дошли до Будапешта (Венгрия), Белостока, Струнить и других городов Польши, где остались их могилы.

Война уравнила в правах тех, кто высылал своих земляков со своей малой родины и тех, кого выселяли. В июле 1943 года пропал без вести бывший председатель Душковского сельсовета Костров Петр Петрович, 1908 года рождения, из деревни Поцеп, который пытался спасти некоторых земляков при раскулачивании, за что был снят с должности и исключен из партии. Вместе с ним пропал без вести, ранее раскулаченный им же Кононов Дмитрий Михайлович, 1900 года рождения, из деревни Шейно.

Вместе с ними пропал без вести в июле 1943 года раскулаченный Бережковским сельсоветом житель деревни Байки Елисеев Иван Васильевич, 1900 года рождения. А в мае 1944 года также пропал без вести бывший секретарь Бережковского сельсовета Кренделев Борис Федорович, который раскулачивал земляков в феврале 1931 года.

В боях потеряли Кренделева Алексея из деревни Бережки, он погиб в феврале 1942 года в пос. Успенском Чудовского района, Дмитриева Арсения из дер. Горбовец, он погиб сразу же в начале августа 1941 года в деревне Язвище Ленинградской области.

Умерли от ран в начале 1942 года Румянцев Дмитрий и Смирнов Георгий из дер. Акиниха, Кузнецов Иван из дер. Бережки, Кузьмин Василий и Чистяков Иван из дер. Горбовец, Чернов Иван из дер. Калиниха, Иванов Федор из дер. Петряйцево. Все они похоронены на кладбищах города Ленинграда, Ленинградской, Новгородской и Псковской областей [15].

Мы никогда не узнаем, какой подвиг совершил каждый из них, приближая победу над фашизмом. Но каждый из них – герой!

* * *

В 1974–1975 годах активно готовились отмечать тридцатилетие победы советского народа над фашистской Германией. Всю зиму 1974–1975 годов мы с женой вдвоем ходили после школы по деревням. Она читала жителям деревни лекции на разные темы, а я фотографировал ветеранов колхоза, участников Великой Отечественной войны для оформления стендов.

Мы с учениками школы собирали вырезки фронтовых газет о своих земляках, их письма, фотографии, чтобы в школе сделать музейный уголок. Я собирал сведения о карелах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Беседовал с фронтовиками, тружениками тыла, которые делились своими воспоминаниями. Позднее использовал некоторые собранные материалы в своих будущих книгах. Ко Дню победы успели сделать стенды, и оформить музейный уголок в школе.

Партийная организация колхоза поручила мне подготовить и прочитать доклад на торжественном вечере, посвященном тридцатилетию Победы. Зал местного нового клуба был забит до отказа, стояли возле стен и в проходах. Я видел в первых рядах фронтовиков – родителей своих учеников, еще полных сил и здоровья. По случаю праздника они надели ордена и медали. И я, двадцатипятилетний послевоенный парень, отец которого был после войны арестован за немецкий плен, читал им свой часовой доклад на местном материале, который собирал и готовил целую зиму. Никто из них даже намека не сделал о моем отце, в перерыве обнимали, жали руку, благодарили. Потом был большой концерт, который подготовили учителя и местная молодежь. Я был поражен, насколько терпимы, порядочны, надежны, добры были люди того военного поколения.

Многие из наших земляков сгинули безвестно, без могилы и адреса местности, где они лежат. О каждом бы из них надо написать отдельную повесть для потомков, но мало что сохранилось. В свое время никто не записал воспоминания их матерей и жен, затерялись короткие фронтовые письма. А сами они уже не смогут рассказать нам о своих походах и боевых делах. После войны вернувшиеся фронтовики не любили рассказывать о боях. Бывалые фронтовики говорили, что в атаку на врага можно было идти один раз или два раза, если повезет. Во время третьей атаки надежды на благополучный исход не было: смерть, ранение, контузия или плен, редкие счастливики оставались невредимыми.

После смерти бойцов, прошедших войну на передовой, стали вдруг героями те, кто мог красиво говорить о своих «подвигах». Чем дальше отодвигалась война, тем ярче и красочнее иногда становились эти «подвиги», хотя реальность куда страшнее.

В деревне мало, что можно утаить, все на виду, постепенно люди узнавали, кто есть кто, и их судьбы. У меня появилась возможность рассказать о некоторых из них, благодаря воспоминаниям жителей на-

ших деревень и документам, которые нам удалось собрать к 30-летию победы в Великой Отечественной войне, а также благодаря некоторым позднее рассекреченным официальным документам.

Иван

На второй день войны Федор и Иван из соседних русских районов, ехали в одном товарном вагоне вместе с карелами Карело-Кошевского прихода в сторону города Ленинграда. Честно воевали они год, с лета 1941 года по июль 1942 года, прошли Пулковские высоты, Старорусский и Чудовский районы Новгородской области.

Северо-Западный фронт в районе города Старая Русса долгое время топтался на месте. Здесь не брали городов, отходили по болотам и по болотам наступали. За Старую Руссу сражались 880 дней, 20 марта 1942 года немцы пробили «коридор» в направлении деревни Рамушево и удерживали его до конца года.

Иван попал в плен в июле 1942 года. Разместили пленных в помещении бывшей православной церкви. Через несколько дней Иван решил бежать домой, по его подсчетам, он через неделю может добраться до дома даже голодным. Те двое, кого он посвятил в свои планы, отговаривали это делать, так как немцы им внушали, что вышел приказ Сталина о расстреле на месте всех пленных.

От немцев они знали, что еще 16 августа 1941 года вышел приказ Верховного Главнокомандующего № 270, согласно которому «сдавшихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших Родину. Таких дезертиров расстреливать на месте. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственных пособий и помощи».

Иван не верил этой немецкой пропаганде и вечером, когда его вели в церковь с очередного допроса, где предлагали служить немцам, он рискнул. Бросился в кусты, перебежал вброд речку и скрылся в лесу. Слышал беспорядочные выстрелы, но погони не было. Несколько суток бежал, шел, полз по лесам и болотам на восток в сторону дома, ел ягоды, искал рыжики, которые можно есть сырыми.

Иван был в лохмотьях, голодный и злой. Он уже перестал бояться, у него было желание войти в первую попавшуюся деревню и

попросить поест. Но деревни были сожжены, на их месте торчали лишь печные трубы. Кто их сжег, немцы или свои, его не интересовало. Он тогда не знал, что еще 17 ноября 1941 года И.В. Сталин издал приказ о необходимости разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 километров в глубину от переднего края и 20–30 километров вправо и влево от дорог.

Одним вечером Иван вышел на своих бойцов, перейдя линию фронта. Его передали на проверку, поместили и заперли в сарай. Сидя в сарае, Иван думал, за что ему такое наказание. Прожил всего 28 лет, жить очень хотелось. Немцы пытали и грозили расстрелять, если не согласится сотрудничать с ними.

Не захотел, убежал к своим, свои тоже пытаются, не верят, говорят, если был в плену, значит изменник. А изменников приказано расстреливать. Будет ему подарком не расстрел, а направление в штрафной батальон. Кто знает, чем все кончится. Увидеть бы перед смертью жену, маленьких детей своих, а там – будь что будет. Как было все понятно и ясно до войны – пахал землю, бросал в нее семя, косил траву, влюблялся, женился, растил детей, и как все перевернулось.

Проверка затягивалась, так как наспех созданные заградительные отряды из политработников, особистов и командиров задерживали к тому времени сотни красноармейцев и командиров различных армий и соединений, бежавших по направлению на восток. Кого-то расстреливали на месте без суда и следствия, остальных задержанных собирали в штрафные батальоны. Находясь под арестом у своих, Иван размышлял о том, что каждый побег из вражеского плена надо бы считать героическим поступком. Но вместо того, чтобы покормить и обогреть, дать возможность отдохнуть и побывать дома, его взяли под подозрение, допрашивают, пытаются, грозят, не верят его словам.

Иван ночью сделал подкоп под сараем, где он сидел, и убежал, чтобы побывать дома, а там – будь что будет. Шел еще неделю, обходя деревни, остерегаясь случайных людей. Пришел не в свою русскую деревню к матери, а пришел к теще, в соседний район, вызвал ее на улицу и поговорил с нею. Попросил, чтобы средняя ее дочь Антонина сходила за женой и детьми. Сказал, что будет прятаться в лесу, объяснил, где именно.

К вечеру Антонина побежала за сестрой в другую деревню за пять километров. Она вызвала ее на улицу, сказала, что объявился Иван, хочет ее видеть. Сестра вскрикнула и стала сползать вниз по стене

дома, возле которой стояла. Антонина успокоила ее, они вошли в дом, сказали матери Ивана, что пойдут в гости к своей матери на недельку вместе с маленькими детьми. Толе было четыре годика, а Нине два года. Уже затемно Антонина с сестрой огородами вышли из деревни и по полям быстро пошли к себе. Маленькую Нину несли по очереди на руках, Толя семенил ножками рядом. Передав матери детей, захватив принесенную передачу и одежду, жена Ивана побежала в лес к условленному месту. Там она прожила целую неделю, Антонина носила им поест. Иван построил шалаш в лесу, который местные жители называли «Жиденкой». Здесь росли осины да мелкий ольшаник, ни ягод, ни грибов здесь не было. Охотники во время войны не водились, поэтому можно здесь находиться в безопасности.

Возле своей деревни прятаться было негде, там нет ни леса, ни кустарника. И вообще весь их район был безлесный, раньше, говорили, росли дубовые рощи, но их вырубали, а новые леса не выросли. Иван рассказывал жене и ее сестре Антонине, где и как воевал, как попал в плен, как бежал к своим, как допрашивали и пытали его свои, как он убежал от них. Говорил, что немного отойдет от всего пережитого и пойдет сдаваться. Может, простят за то, что пришел сам и покаялся, может, не расстреляют.

Однажды в деревню приехала милиция, она задержала Антонину и увезла в райцентр. Жена Ивана, подхватив детей, ушла к свекрови. Антонину бросили в камеру-одиночку, били и пытали, где находится Иван, но она его не выдала. Через неделю он сам объявился в милиции, просил отпустить Антонину, а его направить в штрафную роту, чтобы кровью смыть свое дезертирство. Через несколько дней Ивана расстреляли перед строем, а Антонину направили на два года в один из лагерей Курганской области на лесозаготовки за укрывательство дезертира.

Жена расстрелянного Ивана стала воспитывать одна троих детей, третий появился в мае 1943 года, она в честь мужа тоже назвала его Иваном. Ее не арестовали, оставили с детьми. После окончания войны то ли из плена, то ли из тюрьмы появился в их деревне невзрачный мужичок, стал к ней присматриваться. Ей тогда было всего 26 лет, приютила она у себя этого мужичка. Расписались в сельсовете, при регистрации взял он ее фамилию, а по имени тоже был Иван.

Сначала смирным и покладистым был тот мужик, потом почувствовал свою силу над ней. Она с утра до вечера работала на ферме, а он по нарядам бригадира. Стал все чаще и чаще выпивать, пьяным бил ее

без причины. Однажды, плохо соображая в пьяном угаре, выстрелил из ружья ей прямо в лицо патроном, заряженным одним порохом. После этого выстрела все ее лицо стало покрыто мелкими синими крапинками.

Протрезвев, муж ползал на коленях, просил не заявлять в милицию, ведь у них двое совместных детей, а всего – пятеро. Она в милицию не заявила, но заявил председатель колхоза, мужа посадили. Она боялась, что его выпустят, и он ей отомстит, к тому времени старшему сыну было 14 лет, младшему – три годика. Одна вывода в люди пятерых детей, надорвалась она и умерла в 45 лет от язвы желудка.

Историю Ивана, которая была и ее историей, Антонина рассказывала деревенским бабам, когда они, такие же горемыки, после войны собирались в ее доме вместе и делились своими бедами. Маленький сын Антонины все слышал и многое запомнил.

Федор

Федор воевал вместе с тверскими карелами, они рассказывали ему о своей деревне, о довоенной жизни в ней. Он воевал во 2-й ударной армии, командующим которой с 20 апреля 1942 года был назначен генерал-лейтенант А.А. Власов, оставаясь по совместительству заместителем командующего Волховского фронта.

С 12 мая 1942 года армия начала поэтапно, прикрываясь арьберггардами, сниматься с позиций и пытаться выходить из окружения к коридору у Мясного Бора. Но 30 мая 1942 года при поддержке штурмовой авиации немецкие войска перешли в наступление, и 31 мая 1942 года наглухо закрыли коридор, в котле оказались более 40 тысяч человек.

Находясь в окружении почти три месяца, бойцы Красной Армии съели все, что можно было есть: резали лошадей, а потом и их трупы, вытаивающие из-под снега. Гужи, хомуты, кирзу, ремни и прочее разрезали на кусочки, закладывали в котелок и варили, добавляя ветки смородины и березы. Куда бы ни шел Федор, что бы ни делал, его мысли были о еде.

В ночь на 25 июня поступил приказ выходить из окружения мелкими группами самостоятельно. Группа, где был Федор, отошла к

Замошскому болоту, кольцо вокруг нее сжималось, был слышен лай немецких овчарок в лесу. Просидев в болоте до наступления темноты, группа вышла в лес у деревни Большое Замошье. Здесь она натолкнулась на немцев, которые прочесывали лес. На глазах Федора погибли те, с кем он переживал весь ужас окружения. Живые ползли вперед, надеясь выжить, каждому было по 18–20 лет. Федор поднял голову, перед ним стояли два фашиста с автоматами, так он оказался в немецком плену.

С 27 июня у Федора начались дни немецкого плена, в пересыльном лагере Каунаса он находился до 4 августа 1942 года. Территория лагеря была обнесена колючей проволокой, на вышках дежурили немецкие часовые, внешний периметр лагеря обходили патрули.

Потом Федор оказался в одном из лагерей на территории Польши. Там первые лагеря для пленных немцы начали обустраивать в сентябре 1939 года после захвата ими западной Польши.

Сначала в поле или на пустыре устанавливали большие палатки, а пустырь обносили колючей проволокой. В эти палаточные лагеря осенью 1939 года немцы загнали поляков, украинцев и белорусов, служивших в польской армии. Позднее туда стали привозить чехов, французов, марокканцев, англичан, голландцев, бельгийцев. Пленные на этих пустырях или в поле строили кирпичные блоки на 200–250 человек каждый, укатывали шлаком улицы между блоками, сажали деревья.

Весной 1941 года немцы стали активно «освобождать» из этих лагерей поляков, чехов, украинцев и белорусов, отправляя их работать в барские имения, в деревни к хозяевам и на заводы на территорию Германии. Они готовили лагеря для новых партий пленных, которые стали появляться уже в конце июня – начале июля 1941 года, потом пленных красноармейцев и офицеров становилось все больше и больше.

В плену внушали, что дома в СССР им грозят лагеря или даже смерть за то, что они попали в плен. Некоторые тогда пошли за русскими вербовщиками, в том числе и бывшими красными командирами, лишь бы не умереть с голоду, лишь бы остаться жить. Вина многих сдавшихся в плен была в том, что они были молоды и очень хотели жить, умирать молодыми трудно. Немцы периодически отбирали военнопленных, которые были истощены и непригодны для работы, грузили в машины, вывозили в лес и там расстреливали.

Федор думал о том, что если своя страна объявила его «врагом народа» и «предателем», то помощи ждать неоткуда. Выживать он

должен сам, поэтому теперь ни о каком долге, ни перед кем, нечего с него спрашивать. Федор был кузнецом до войны, кузница стояла на краю деревни. Кузнец брал щипцами раскаленное железо, клал его на наковальню, и начиналась веселая песня кувалды и молота, только искры летели от наковальни. В деревне считалось, что основное дело мужиков в лесу, в поле, на мельнице, да в кузнице, где тяжелая работа. Эти воспоминания травили душу, так хотелось оставаться живым.

Федор, вместе с другими бойцами Красной Армии, испытав в течение двух таких долгих лет ужасы фашистских лагерей, смалодушничал, поддался на агитацию и записался в Русскую освободительную армию (РОА) Власова. Федор согласился надеть немецкую форму, взять в руки оружие и воевать против Красной Армии. В плену его убедили в том, что смерть от своей власти может быть дальше, чем смерть от немцев. Он попал в первую дивизию «освободительной армии», которой командовал полковник Буняченко.

В мае 1945 года немцы бросили дивизию власовцев под командованием Буняченко под Прагу на помощь немцам. Штаб дивизии разместился в пригороде Праги местечке Йиноница, туда прибыла делегация чешской организации «Бартош». После непродолжительных переговоров командир дивизии Буняченко подписал соглашение о помощи чехам в случае их восстания. В тот же день в Праге вспыхнуло восстание против немцев.

Дивизия Буняченко состояла из пяти полков, вечером 5 мая в Прагу ворвались несколько подразделений 2-го полка власовцев. А утром 6 мая власовцы из первой дивизии начали огневую атаку на аэродром Рузине. Два батальона власовцев под командованием капитанов Ю.Б. Будорацкого и П.Н. Кучинского пошли в штыковую атаку на немцев, чтобы захватить аэродром. Это была последняя штыковая атака в Великой Отечественной войне. Немцы были в недоумении и бешенстве, узнав о переходе первой дивизии РОА на сторону чехов.

Бывший друг Власова немецкий полковник Зорге пытался проникнуть в штаб полковника Буняченко и договориться с ним о прекращении активных действий, но был расстрелян власовцами. Захватив аэродром, власовцы сожгли 40 новейших реактивных немецких самолетов.

В успехе боевых действий по освобождению Праги от немцев важную роль сыграл фактор неожиданности. Солдаты дивизий СС, воевавшие в Праге, были шокированы, увидев перед собой противника, тоже одетого в форму СС.

7 мая 1945 года в восемь часов утра пражское радио сообщило, что немецкие части массово сдаются власовцам. К вечеру того же дня первая дивизия РОА овладела основными районами города. Дивизия власовцев рассекла Прагу на две части, помешав объединению отступающих немецких частей. При взятии объектов города воины РОА проявляли факты героизма и самоотверженности, они пленили около 5 тысяч немцев [16].

Война заканчивалась, каждый думал о будущем. В дивизии Буняченко шло брожение, что будет с ними, ведь Берлин уже взят советскими войсками. Власовцы просили американцев взять их в плен и не передавать Красной Армии. Но американцы отказались брать в плен как 1-ю, так и 2-ю дивизии РОА. Тогда командир 1-й дивизии Буняченко 12 мая 1945 года в лесу дал приказ: «разойдись!» Бойцы русской освободительной армии срочно переодевались в штатскую одежду, сжигали свои документы, спаривали знаки различия и разбегались, кто куда.

Во время облавы со стороны Красной Армии, больше половины дивизии были взяты в советский плен или убиты. Остальным удалось прорваться сквозь облаву, раствориться или выйти в американскую зону. Всех, кто пришел к американцам, те сдали советским органам.

Федор понимал, что отступить некуда, он чертом лез в самые опасные места, не кланялся пулям, неплохо работал штыком и прикладом. Потом вместе с другими прорвался сквозь облаву и растворился среди людей.

Федор появился в карельской деревне в ноябре 1945 года, сказал, что воевал вместе с карелами, называл имена и фамилии тех, кого уже не было в живых. Несколько дней жил на постое у бабушки Оли. Почти сразу же женился на одной карельской девушке, при регистрации брака в сельсовете взял фамилию жены и перешел жить в ее дом, в 1946 году у них родилась дочь.

Что-то мешало Федору жить нормальной жизнью. В колхозе не работал, занимался только домашним хозяйством. Людей остерегался, ни с кем не разговаривал, первое время все прятался на печке да на чердаке. Общался только с женой да тещей, а потом с подрастающей дочерью. Из дома выбегал через двор только в огород да обратно. При выходе осматривался, нет ли кого на улице. Деревенские жители все допытывали у жены, что с ним происходит, и как она с ним живет. Жена однословно отвечала: «война», говорила, что жить с таким мужчиной лучше, чем вообще без мужчины.

Несколько раз Федора проверяла милиция, но документы видать были в порядке и язык постоянно держал за зубами. Придерживался старого правила: знай много, говори поменьше. Порою по ночам он вспоминал годы войны, плена, своих сослуживцев, с кем вместе воевал и проходил проверку. Федор не понимал, кто кого предал. Ему во время проверки внушали, что он предал свою родину, сдавшись в плен немцам. Он воевал целый год, видел не одну смерть, хоронил своих товарищей. И в том бою он стрелял и дрался с немцами, пока не кончились патроны. Немцы внушали ему, что советская власть предала его и семью, без вины признав их виновными в том, что он оказался в их плену.

Не только во время Великой Отечественной войны, но и после нее в 1946 году бывшие фронтовики оказывались за колючей проволокой. Они ждали отправки домой, начинали критиковать командиров за медлительность в отправке, за недостойное поведение. Дисциплина в армии расшатывалась, возбуждали уголовные дела за подрыв дисциплины и направляли солдат в советские лагеря. Особенно тяжело было тем, кто побывал в фашистском плену. Некоторые из них сумели бежать из немецкого плена, воевали в отрядах сопротивления на территории Франции, Италии.

Вернувшиеся после войны на родину, были осуждены на 10–15 лет, сменив фашистские застенки на свои, советские лагеря. Где-то на севере или Колыме заключенные ночевали в холодных бараках или палатках, клали под себя портянки и так сушили их. Не мылись всю полярную ночь, донимали вши, мучила цинга. В этих условиях могли уцелеть самые стойкие характерами, крепкие физически люди. Нельзя оправдать миллионные жертвы против собственного народа, когда безжалостные жернова перемалывали людей, принося нечеловеческие нравственные и физические страдания.

Уехала семья Федора из деревни через 25 лет после окончания войны в районный центр. Федору было около пятидесяти лет, он устроился банщиком, где и проработал до самой смерти. Все больше молчал, наблюдая за другими. Как смог Федор просочиться через все проверки и остаться на свободе, знал только он, унеся свою тайну в могилу. Трудно по истечении лет написать то, что было на самом деле, так как все бывшие пленные не хотели говорить о войне и военных годах. Думали, что, скорее всего, их обвинят, а если посочувствуют, то сочувствие может быть тоже оскорбительным. И они молчали.

Николай

Тверского карела Николая призвали в Красную Армию в сентябре 1939 года, когда ему исполнился 21 год, в том году по новому закону призывали в армию парней трех возрастов, 1918–1920 годов рождения. Службу он начал в 41-й стрелковой дивизии, расположенной вблизи города Рава-Русская на границе с Польшей. Там его зачислили в батальон связи.

Командиром дивизии был уроженец поселка Кунгур Пермской губернии генерал-майор Георгий Николаевич Микушев. С весны 1940 года личный состав дивизии строил 50-километровый оборонительный рубеж.

В начале мая 1941 года дивизия по приказу свыше была выведена из укрепрайона в летние лагеря. Получалось так, что укрепрайон остался без солдат и офицеров, а войско без ДОТов, траншей, окопов и линий связи. 21 июня 1941 года по приказу Г.Н. Микушева весь личный состав прибыл из летних лагерей в укрепрайон, дивизия приведена в состояние боевой готовности.

Рава-Русский укрепленный район с первых минут войны 22 июня 1941 года оказал жестокое сопротивление немцам. Его обороняли 35-й и 140-й отдельные пулеметные батальоны, 41-я стрелковая дивизия генерал-майора Г.Н. Микушева и пограничный отряд Я.Д. Малого.

Командование 17-й немецкой армии сосредоточило на этом участке пять пехотных дивизий. Во второй половине дня 22 июня 41-я дивизия вместе с пулеметчиками и пограничниками атаковала фашистов и отбросила их за линию государственной границы, уничтожив в боях более двух тысяч гитлеровцев.

В сводке главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 года писали: «На Рава-Русском направлении противник, вклинившийся с утра в нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу».

В течение последующих четырех суток с вечера 22 по 26 июня бойцы 41-й стрелковой дивизии вместе с пулеметчиками и пограничниками вели упорные бои с противником, не давая ему вторгнуться вглубь советской территории. Немцам удалось обойти Рава-Русский укрепленный район с юга со стороны города Перемышля [17].

Из оперативных сводок штаба 6-й армии: «По итогам за 23 июня – 41-я стрелковая дивизия ведет бой на рубеже Корне, южная окраина Тенятыска, Вэрэсица, Вэрхрата».

«По итогам за 24 июня – 41-я стрелковая дивизия ведет бой на рубеже Мосты Мале, Тенятыска, южная окраина Любыча-Крулевска, Дебы, Грушка, Межыглоед, Хорой».

«Состояние на 10 часов утра 26 июня – 41-я стрелковая дивизия прикрывает Раво-Русское направление».

«Состояние на 7 часов утра 27 июня: 41-я стрелковая дивизия после отхода с рубежа Рава-Русская с утра занимает рубеж Бесяды, Добросин. Противник при отходе частей 41-й стрелковой дивизии и 3-й кавалерийской дивизии на новые оборонительные рубежи активности не проявил».

В ночь на 27 июня 41-я стрелковая дивизия вместе с пограничниками и бойцами двух пулеметных батальонов начала отступление в сторону Жолквы и Львова. Немцы пошли на окружение наших войск с юга и севера. Севернее Львова они заняли города Луцк, Дубно и Ровно, вышли к Бердичеву, захватив его 7 июля. На юге они вышли к Жмеринке и Виннице, оставив проход между Бердичевом и Винницей. Туда и ринулись отступавшие части Красной Армии.

Поздним вечером 12 июля 41-я дивизия подошла к Белой Церкви. Встретившийся офицер сказал, что под городом врага нет, где-то здесь должны располагаться отошедшие части, а западнее Киева находится пункт штаба Юго-Западного фронта.

Одна за другой под городом сосредотачивались части дивизии. Около трех тысяч бойцов, более двадцати орудий разных калибров, автотранспорт. Меньше третьей части того, что было в первый день войны. Но самое главное – дивизия сохранила боеспособность, вышла из окружения в составе всех своих частей и подразделений. Дивизия вошла в Белую Церковь 13 июля утром.

С 16 по 26 июля дивизия отбивала атаки немцев между Фастовом и Белой Церковью, затем вынуждена была отступить. Ко 2 августа дивизия отошла на рубеж Вороновка-Кадомка Кагарлыкского района Киевской области.

Отходя 42 суток от границы до города Белая Церковь, а затем до Днепра, бойцы потеряли счет отбитым немецким атакам. И стреляли они не по фанерным мишеням, а в живых людей, понимая, что тут кто кого. Они цеплялись за каждый выступ, каждый бугорок земли и стреляли, пока были патроны. Немцы шли в полный рост, вслед за танками, а отступавшие красноармейцы, истратив патроны, отходили, а иногда просто бежали на восток. Подбирали оружие и патроны убитых, готовились снова окопаться и встретить немца.

За 42 суток отступления от города Рава-Русская с 27 июня по 8 августа менялись командиры рот и взводов – кого убили, кого ранили, оставив в какой-нибудь деревушке. Сами все отходили и отходили, не было ни машин, ни повозок, ни медицинской службы. Все они смогли уйти быстрее пешеходов красноармейцев.

Все пять суток обороны и 42 суток отступления – убитые, раненые, стоны, кровь. Бомбы с неба, снаряды, мины, пули на земле, жажда, голод, жара – все это надо было пережить. Готовя очередной окопчик для себя, и ожидая боя, Николай думал, что уйти с этого рубежа вряд ли удастся. Атаки немцев были подготовленными.

Немцы были полными хозяевами на фронте, когда хотели – завтракали, когда хотели – шли в атаку, когда хотели – бомбили. Отходя, красноармейцы уже потеряли счет, сколько земли они перекопали, создавая укрепления для себя, для роты, копая блиндажи, траншеи, хода сообщений. Они использовали каждый перерыв между атаками, чтобы зарыться глубже в землю, понимая, что их спасение зависит от глубины окопа.

Когда не оставалось командиров, красноармейцы группами и по одиночке продолжали пробираться дальше на восток. Кто-нибудь из старших командиров их останавливал, приписывал к своей роте, батальону, полку. Обычно такой командир в сопровождении нескольких солдат выскакивал с оборонительной линии, навстречу отступающей группе и, стреляя в воздух из пистолета, приказывал всем занимать оборону. Отступавшие бойцы вели себя по-разному. Кто-то пытался бежать, рассыпаясь по полю, кто-то напирал на него, доказывая свою правоту. Большой воли, усилий и мужества требовалось офицеру, чтобы остановить группы голодных, истрепанных в боях, злых солдат.

И опять, отбив одну-две атаки врага, получали приказ при наступлении темноты отходить к такому-то населенному пункту или лесочку. Так было в течение всех 47 черных дней, каждый думал, сколько еще таких дней он перенесет? Чем кончится это отступление – смертью, ранением или пленом? Но, без упорного сопротивления частей Красной Армии, расстояние в пятьсот километров от границы до Белой Церкви немцы на танках и мотоциклах могли бы проскочить за двое суток. Однако они были задержаны на 47 суток путем ежедневных изнурительных боев.

8 августа 1941 года, на 48-й день войны, Николай вместе с отступающими остатками 41-й стрелковой дивизии и примкнувшими к ней красноармейцами подходил к Днепру. Начался интенсивный артиллерийский и минометный обстрел. Бойцы с винтовками, но уже

без патронов, бросились спасаться в пшеничное поле. Недалеко от лежавшего на земле Николая разорвалась мина, контузив его, Николай потерял сознание. На миг очнувшись, осознал шум в ушах и тупую боль в голове, снова потерял сознание. Его растолкали ногами пять немцев, велели подниматься и идти с ними. Его винтовка была в руках у одного из немцев. Что было делать, когда над тобой, контуженным, стоят пять врагов с направленными на тебя автоматами. Надо выполнять их команды, чтобы остаться живым, а жить очень хотелось, ему тогда было всего 22 года. Он встал и, пошатываясь, сделал первый шаг плена. Привели и втолкнули в церковь, где сидели, лежали, бродили угрюмые, неразговорчивые, небритые пленные красноармейцы.

Здесь же в церкви немцы отдельно выводили куда-то коммунистов, евреев, командиров. Потом выводили украинцев и предлагали им служить в националистических добровольческих отрядах. Потом они брели по дорогам войны – обросшие, голодные, изможденные, в гимнастерках без ремней, в солдатских галифе и босые. Николай узнал, что много красноармейцев и командиров немцы взяли в плен в самые первые дни войны, начиная с 22 июня. А он вот вместе со своей дивизией, отступая, продержался полтора месяца, когда один день, казалось, равен неделе.

Николая из Белой Церкви перевезли в концлагерь города Хелм в Польше, недалеко от Люблина. В середине октября 1941 года немецкое радио передавало, что на Восточном фронте разворачивается последняя решающая битва. Взятые города Одесса, Калуга и Калинин, что правительство СССР бежало в Казань. Передавали, что к тому времени уничтожено и взято в плен шесть млн советских солдат и офицеров.

Николай тогда уже не мог знать, что командир 41-й стрелковой дивизии Г.Н. Микушев погиб во время боя 12 сентября, и что после его гибели в результате длительных боев в Киевском котле дивизия в том же месяце полностью потеряла свою боеспособность.

Вот уже два года в плену он, как и многие другие, не имел ничего в своей душе, кроме животного страха за свою жизнь. От голода и холода, непосильной работы и истязаний его жизнь много раз висела на волоске. Он уже поддавался мысли о смерти, но ему было всего 24 года. Когда забывался, представлял себе свою деревню, пашню и измученную ожиданием мать. Эти воспоминания вселяли силы в его душу. Он начинал надеяться на то, что кончится война, он вернется в свою деревню, увидит мать. Утром запряжет в плуг лошадь и поедет пахать пашню.

Номер узника на руке всегда напоминал ему, что он здесь уже не человек, он просто номерной знак в лагере смерти. А как хотелось жить! Ведь он еще ничего не испытал на свете – ни любви, ни нормальной жизни, ни нормального питания. В 20 лет был призван в армию и вот уже почти пять лет не был дома. Что будет впереди, никто не знает, все предрекают смерть, а хочется жить. Семья Николая не была из кулаков или середняков. Советская власть у них, кроме лошади, двух коров да овец, ничего в колхоз не взяла. Так что никакой злобы на власть Николай не имел, ему просто очень хотелось жить.

Жизнь подтверждала, что в разных ситуациях люди могут быть кем угодно. Кого-то можно напугать, кого-то уговорить, кого-то подкупить едой, чтобы не умереть с голоду. Так было, есть и будет всегда, что человек цепляется за жизнь, а высокие идеи остаются где-то далеко.

В городе Хелм, что на территории Польши, недалеко от новой украинской границы, с июля 1941 по апрель 1944 года действовал один из самых больших лагерей для военнопленных рядового и сержантского состава – Шталаг 319. В этом лагере, в основном содержались советские пленные и поляки. После закрытия лагеря в апреле 1944 года, оставшихся в живых военнопленных перевезли в лагерь Заксенхаузен, что в тридцати километрах от Берлина. В этом лагере Николай находился один год, 21 апреля 1945 года их повели в сторону города Киль.

В конце апреля 1945 года Николай, в числе других пленных шел в колонне из этого лагеря в сторону города Киля. От лагеря до Киля было около 340 километров, немцы задумали всех оставшихся в живых пленных довести до берега Балтийского моря, погрузить на баржи, вывезти в открытое море и утопить вместе с баржами. В первых числах мая пленных, остановившихся в местечке Штейнфельд, в лесу недалеко от городка Шверин, освободили советские войска.

Николай еще раньше сумел отстать от колонны, конвоиры из украинских националистов уже не злобствовали, он убежал в лес и там уснул. Его задержали американские войска, отвезли в свой лагерь. В середине мая 1945 года Николай был передан в советскую зону, там проходил тщательную проверку в течение одного месяца.

Он тогда не знал и, конечно, не мог знать, что на совещании немецкого командования в рейхстаге 11 декабря 1941 года прозвучала цифра взятых в плен советских солдат и офицеров в период с 22 июня по 1 декабря 1941 года – 3 млн 806 тысяч 865 человек. Что на Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 года было решено, что все советские

военнопленные, освобожденные союзниками, подлежали передаче советским властям в кратчайшие сроки. В числе 1,8 млн советских военнопленных союзники передали 3441 карела, половину из которых после тщательной проверки вновь призвали в Красную Армию, пятую часть направили домой, а остальных зачислили в рабочие батальоны или передали в распоряжение НКВД.

Николая много раз допрашивали, сверяли новые показания со старыми показаниями, все сходилось. Ничего подозрительного не обнаружили и направили на дальнейшую службу в армию. Он, как и другие холостяки, оставленные на дальнейшую службы, почти год с июня 1945 года по май 1946 года проходил службу в мелкозенитном артполку на территории Германии, откуда был демобилизован домой.

В годы войны сотни тысяч оказались тех советских бойцов и офицеров, кто пробыл в немецком плену с осени 1941 года по апрель 1945 года. Многие из них по возвращении на родину были арестованы, каждому определили от 10 до 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

Николай вернулся домой, встретил мать и сестер, не отдыхал ни дня. На второй же день он поехал на лошади поднимать зябь, и стал работать на поле, как прокаженный. Он пытался работой вычеркнуть из памяти хотя бы часть того, что ему пришлось пережить за семь с половиной лет военной службы, войны и плена. К нему домой несколько раз приходил председатель колхоза Майоров Дмитрий Яковлевич. Уговаривал стать бригадиром полеводческой бригады, но Николай отказался.

Встретился с Антониной из соседней деревни, спросил про судьбу Ивана, которого он знал еще до армии. До службы в армии они вместе приходили на беседы в эту деревню. У Николая здесь еще жили его тетки – сестры по матери, а Иван взял в жены сестру Антонины. Она рассказала Николаю о судьбе Ивана, добавила, что после той августовской недели 1942 года через девять месяцев у жены Ивана родился третий ребенок – сын Иван.

Долго не задерживаясь после Покрова, в том же 1946 году, Николай и Антонина сыграли свадьбу, родился сын, молодая семья радовалась жизни. После войны Николай успел поработать в поле и покачать вечерами сына в подвесной люльке, которую он сам сплел из ивовых прутьев. Люльку обернули в холстину и подвесили к концу шеста. Второй конец шеста был прудет в кольцо на матице. Позднее Николай смастерил деревянную зыбку, к ножкам которой прибил пологие дуги, чтобы ее можно было качать. Сначала в люльку, потом в зыбку жена

клала утром и вечером свежего сена, накрывала его холстиной, потом пленкой. Два раза в день она выбрасывала промокшее сено на двор и заменяла его на свежее.

Тень плена тяжело легла на Николая, да и на всю его семью. Матери погибших сыновей не раз говорили ему, что их сыновья в плен не сдавались, вот и сложили свои головы. Много земляков погибло во время войны, а он вот отсиделся в плену. Значит, предатель и нечего тут рассусоливать.

Замкнулся Николай, в поле по наряду бригадира пахал один, много раз перебирал в голове деревенские разговоры. Он перестал рассказывать о том, как воевал, как отступали, как попал в плен. Один раз, выпив за столом во время религиозного праздника Введение, 4 декабря 1949 года, рассказал более-менее подробно о себе дальнему родственнику своей жены. Тот через много лет пересказал все, что слышал, подростку сыну Николая, а он запомнил и всю жизнь носил этот рассказ в своей памяти.

Законы военного времени еще продолжали действовать и в мирное время. В начале июля 1950 года к дому Николая подошли двое. Вышедшей на улицу его матери один из них сказал, что он сослуживец Николая, хотел с ним встретиться и поговорить. Предложили ему придти на край деревни. Мать пошла в поле, где сын лошадь поднимал зябь. Он приехал, не распрягая лошадь, прошел в дом, умылся, надел другую клетчатую рубашку.

На всякий случай подошел к зыбке, поцеловал годовалого сына и пошел на край деревни. В полукилометре от деревни, в логу, была спрятана легковая машина. Об аресте мужа Антонина узнала только вечером, придя домой с колхозной работы. На второй день приехали с обыском и конфискацией. Взяли свидетельство и военный билет Николая, всю его одежду, несколько самоваров и кровати. Со двора увели корову, теленка и десять овец, оставили одну железную кровать, стол, скамейки, посуду и кур.

После того, как забрали Николая, Антонина по вечерам, усыпив маленького сына, выходила на усадьбы, смотрела на заходящее солнце до тех пор, пока оно не пряталось за лесом. По ее щекам текли слезы, а губы шептали молитву, чтобы все обошлось, и муж вернулся домой.

В лагере Николай думал, почему судьба так несправедлива. Зная, по его же отрывочным рассказам, судьбу Федора, который после войны

жил напротив его дома, и других власовцев, воевавших против своих с оружием в руках, но не осужденных советской властью, он считал их виноватее его в сто раз. Счастливыми в его жизни были всего четыре послевоенных года.

После войны были разрешены пытки в отношении бывших плен-ных, у которых допытывались связи с немцами. Николая пытали, почему он не стрелял из своей винтовки при задержании. Он отвечал, что в винтовке не осталось ни одного патрона, он был один, контуженный, а немцев было пятеро. Ему не верили и говорили, что он добровольно сдался в плен немцам. Через десять месяцев после ареста Антонина получила письмо от одного заключенного из Коми АССР, что Николая на лесоповале насмерть задавило березой. Он писал, что скоро выходит на свободу, может приехать к ней и жениться. Антонина на это письмо ответила отказом.

Николай пробыл в лагере чуть более трех месяцев, уголовники рассчитались с ним за его плен. Во время лесозаготовок Николая убили обухом топора, а труп подложили под поваленную березу, позднее заявив, что его задавило упавшим деревом. О Николае спохватились только через несколько дней на вечерней поверке, так и не узнав точную дату его смерти. 14 апреля 1951 года в Калининский областной отдел записи актов гражданского состояния сообщили, что заключенный Николай содержался в лагере поселка Вожаель Устьвымлага и умер там, то ли 7, то ли 9 апреля 1951 года.

К слову сказать, о защитниках Брестской крепости, благодаря писателю С.С. Смирнову, знают многие. О защитниках Рава-Русского укрепрайона, которые пять суток **с 22 по 27 июня 1941 года** не только отстаивали свои рубежи, но и за эти дни четырежды прогоняли врага со своей территории, мало кто знает.

Мария

В 1943 году, когда Марии только что исполнилось 18 лет, и она еще никуда не выезжала из своей карельской деревни, плохо знала русский язык, ее завербовали работать на химкомбинат в город Березники. В районном центре, что в 15 километрах от деревни, посадили в «телячий» вагон и повезли в Москву. Там составили длинный эшелон из

таких вагонов, и повезли на восток. Привезли в Березники, врачи всех осмотрели, потом повели в баню и на дезинфекцию.

Прежде, чем определить на работу в химкомбинат, Марии дали подписать бумагу о неразглашении государственной тайны. Она никому не должна говорить и писать, где работает и чем занимается. В Березниках с 1930-х годов началось строительство химического комбината по переработке селитры, калийных, магниевых и технических солей. Селитра, которая применяется в технике взрывчатых веществ, в годы войны, как никогда, была нужна государству. Магний, дающий яркую магниевую вспышку, также был очень необходим.

Поселили в общежитие барачного типа, в котором комнатки были отделены друг от друга тонкими дощатыми переборками. В комнате поселили четверых вновь прибывших девушек, было очень холодно, к утру в ведре замерзала вода, одолевали клопы и вши. Работали по двенадцать часов в сутки поочередно в две смены. Если не выполняли норму, в барак не отпускали, приходилось работать до 16 часов в сутки.

В одну из ночей вольноопределяющиеся ээки взломали хлипкую дверь в комнату и надругались над всеми четырьмя молодыми, ничего еще в жизни не видевшими, девушками. Тех, кто попытался активно сопротивляться, жестоко избили, подавили их волю и изнасиловали. Другие перед этой грубой силой и жестокостью сильно испугались и не смогли оказать сопротивления. Пожаловаться было некому, всю жизнь в этом городе тогда контролировали ээки и криминальные элементы.

Один раз во время разговора с молодым офицером из конвойной роты Мария проговорила о случившемся. Офицер пообещал защитить ее от ээков, если она не будет отказывать ему. С тех пор он приходил по ночам в ее комнату. Через несколько месяцев она поняла, что беременна, сказала о беременности офицеру. Он сделал все возможное, чтобы отправить ее домой. Вернулась домой она с большим сроком беременности, но мать вытравила ребенка, а ее с трудом спасли в больнице.

Сразу же после окончания войны на запасном пути станции, что в пяти километрах от деревни Марии, стоял эшелон с военными. Чем они занимались, никто из местных жителей не знал. Один офицер зачистил в их деревню к этой 20-летней девушке. Здесь он чувствовал себя, как дома, обещал увезти в Ленинград и там жениться на ней. Она считала себя счастливой, так как мужчин после войны осталось в деревне мало.

Однажды вечером офицер прибежал к ней, сказал, чтобы быстрее собиралась, ночью эшелон отойдет в Ленинград. Она, радостная и

счастливая, собрала большой деревянный чемодан, мать проводила их до станции на лошади. А через несколько дней Мария вернулась домой и замкнулась в себе. Матери сказала, что дорогой узнала – офицер женат, у него двое детей. Но он обещал устроить ее на работу и в общежитие, обещал регулярно навещать ее в общежитии. На станции Бологое она сошла с поезда и вернулась обратно домой.

Прошло пять лет, почти в каждый дом деревенских жителей приезжали многочисленные родственники из Ленинграда в летние отпуска. Среди них выделялся красотой и привлекательностью мужчина лет за 30, в деревне его уважительно называли «Ипатьич». Знали, что он женат, есть дети, но по вечерам стал он заходить к Марии. Той хотелось женского счастья, годы для нее постепенно уходили, согласилась с ним уехать в Ленинград.

Первое время жила у своих дальних родственников, Ипатьич помог ей устроиться работать на прядильную фабрику, выделили койкоместо в общежитии. Полгода прожила Мария в Ленинграде на правах любовницы Ипатьича, к весне вернулась домой.

Прошло еще три года, время подходило к 30 годам, женихов в деревне не было, да и определенная «слава» уже была у Марии. На другом конце ее посада жил парень-перестарок, за 30 лет, маленький кривоногий горлопан, к кому бы ни сватался, все ему отказывали. Но сыграли они скромную свадьбу с Марией, перешла она жить к мужу на другой край деревни. Прожила в его семье несколько недель и опять сбежала домой к матери.

С тех пор Мария, испытывавшая близость с мужчинами, их жестокость, их предательство и обман, возненавидела всех мужиков. К себе в дом пускала только женщин, мужиков не пускала. Если кто-то из них ее сильно донимал на работе или, стучал в окно, она распахивала его, ставила на подоконник стакан с самогоном, огурец и кусок хлеба, после этого просила мужика уходить.

Так и жила с матерью до ее смерти. Потом перебралась жить на центральную усадьбу колхоза, где и прожила одна до конца своих дней. Некоторые спрашивали у жителей деревни, почему эта 50-летняя женщина такая злая, со всеми ругается, многих ненавидит, особенно мужчин. Знающие люди говорили, что во многом виновата война.

Деревенские люди объясняли, почему утром у женщин разное настроение. Настроение женщины хорошо заметно по ее поведению рано утром, когда она выгоняет коров. По ее отношению к корове видно отношения в семье и отношения с мужем. Одна женщина провожает корову

на пастбище ласковыми словами, а другая – со злостью, матом и битьем. Они говорили, что настроение женщины зависит от мужчины. Если ночью один был ласковым с женщиной, она целый день будет в хорошем настроении. Если другой пьяным проспал всю ночь или показал мужское бессилие, женщина будет весь день злиться и ругаться с другими.

* * *

Во время войны из каждой деревни направили по 3–5 молодых незамужних девушек на предприятия оборонной промышленности. После возвращения домой практически никто из них так и не смог выйти замуж и создать своей семьи. Позднее, уже в 90-е годы Мария по радио услышала, что в годы войны на оборонные заводы были мобилизованы около 2,5 млн девушек, молодых женщин и подростков. Чаще всего брали деревенских девушек, которые были посильнее и более беззащитные.

Многих девушек и бездетных баб из нашей местности направляли в Лесной и Максатихинский районы на лесозаготовки, как во время войны, так и после нее. Практически все хозяйства заставляли подписываться на облигации. Им приходилось зимой продавать телят, сено, картошку, чтобы рассчитаться по облигациям государственного займа.

Мужчин после войны в округе осталось мало, погибли или пропали без вести каждые двое из трех, ушедших на войну. Отбор невест, вернувшись с войны парнями, был очень разборчивый. Их привлекала красота, трудолюбие, смекалка, они смотрели, как девки пляшут и поют, как прядут и вяжут. Почти половина уже вполне зрелых военных девок так и не смогла выйти замуж. К каким только уловкам они ни прибегали! Просили мужика посмотреть печь, поправить стойло для скота, после чего поили самогоном для короткой близкой связи, для минутного женского счастья. Зазывали взять табак, который они сеяли в огородах, или просто выпить.

В деревне быстро становилось известно все. Жена, узнав о короткой связи мужа, трепала соперницу за волосы, била граблями стекла в ее доме, обливала водой из ведра у колодца. Но разойтись с мужем и не думала. Трудно было в послевоенной безденежной деревне вырастить одной двоих, а то и четверых появившихся детей.

Некоторые бывшие фронтовики «петухами» ходили по деревне, особенно, когда жена была на сносях. И появлялись у вдов или одино-

ких девок от них сыновья и дочери. Мужики их сразу не признавали, признавали значительно позднее, когда те подрастали.

Любопытно было наблюдать, как в 90-е годы XX века в доме того или иного ветерана войны и его жены по вечерам собирались все его «невесты», пили чай и обсуждали своих подруг, своих детей, вспоминая прошлое. Смиренная его жена была тут же и активно вела совместные разговоры.

Другие же послевоенные девки так и остались «вековухами» или «старыми девами» до конца своей жизни.

Глава III. В карельской деревне после войны (1950–1970-е годы)

1953 год – год смерти И.В. Сталина, отделил страшный период советской истории от наступившей первой оттепели.

Основной заботой государства после войны было обеспечение населения хлебом. 2 марта 1954 года вышло постановление партии об освоении целинных и залежных земель. Из больших городов колоннами и эшелонами направлялись добровольцы в Казахстан на подъем целины. Но людей не хватало, некоторым молодым деревенским парням, не выработавшим минимум трудодней, предъявляли обвинение в ведении паразитического образа жизни и направляли на исправление и перевоспитание в Казахстан, поднимать целинные земли.

В 1955 году местные колхозники впервые за послевоенные годы, кроме зерна и мякины, по итогам года получили деньги. С тех пор они стали получать деньги один раз в год в феврале или марте месяце по итогам прошедшего года. Так продолжалось до июля 1966 года, когда зарплату колхозникам стали платить ежемесячно.

В последний день работы XX съезда КПСС **25 февраля 1956 года** на утреннем закрытом заседании руководитель партии и государства Н.С. Хрущев сделал доклад «О культе личности и его последствиях». В марте было предложено ознакомить с текстом доклада всех коммунистов, комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

В докладе говорилось, что И.В. Сталин ввел понятие «враг народа», которое исключало возможность выражения своего мнения по любым

вопросам, даже практического значения. Пострадали многие ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии.

После XX съезда КПСС, прошедшего в 1956 году, по стране были реабилитированы сотни тысяч граждан страны. Началась эпоха «хрущевской оттепели», стали пересматривать дела репрессированных. Десятки тысяч заключенных и выселенных, оставшихся в живых, возвращались из лагерей домой. Они рассказывали другим о сталинских лагерях, о погибших сокамерниках, о жизни и политике.

С приходом Н.С. Хрущева во власть, на столах столовых общепита появился бесплатный хлеб, которого было вдоволь. Он исчез со столов в последние годы его правления. Деревенские жители до 1967 года хлеб в магазинах не покупали, в деревне не было денег, они пекли его сами.

В 1964 году Н.С. Хрущев был смещен со всех постов, его сменил Л.И. Брежнев. При нем с 1 июля 1966 года колхозники начали получать заработную плату деньгами ежемесячно, а не по итогам года, как было с января 1955 года, начались первые выплаты пенсий. Колхозникам было предоставлено право, по справкам покупать автомашины, мотоциклы, телевизоры и стиральные машины.

Именно во время правления Л.И. Брежнева в стране была стабильность и уверенность граждан в завтрашнем дне, любой мог воплощать в жизнь своей карьерный рост. Тогда в систему социалистических ценностей входили: бесплатная медицина и лучшее в мире бесплатное образование, летний отдых детей, доступ ко всем культурным ценностям, осознание социальной справедливости, дружба народов и единство общества.

При Л.И. Брежневе в 1960–1980-е годы сделано было немало для подъема сельского хозяйства средней полосы России, денег выделено достаточно. Осушены и вспаханы болота, лесные поляны, которые через двадцать лет были заброшены из-за отсутствия людей в деревнях. Восемнадцать лет правления Л.И. Брежнева некоторые историки называют «временем застоя». Но в карельских деревнях Карело-Кошевского погоста считали, что не было никакого «застоя», так как жизнь стала лучше.

В середине 60-х годов XX века были построены общественные бани в Петрайцеве, Муравьеве, Гремячихе, некоторые карелы начали строить в своих огородах личные бани. В 70-е годы в колхозе построили новый клуб, новые фермы, отремонтировали школу. Даже асфальт проложили до центральной усадьбы колхоза. А в 80-е годы построили и открыли детский сад, начали строительство новой школы.

При Брежневе появилось понятие «дефицит», когда любую вещь, любой товар можно было купить только по случаю, по знакомству, из-под прилавка. Самой важной персоной в деревне стали не председатель колхоза и бригадир, а продавец магазина. Вместе со словом «дефицит» в конце 70-х годов появилось другое слово «блат» по принципу: «Ты мне – я тебе». Но что могли дать кому-то бедные деревенские жители? Поэтому услугами по «блату» они воспользоваться не могли.

Уходу молодежи из наших деревень не помогло ничего: ни строительство нового дома культуры, открытого в канун нового 1971 года, ни переселение молодых семей на центральную усадьбу в Бережки. Не помогло создание механизированных звеньев, работавших от вспашки земли до уборки урожая, ни механизированная дойка коров установкой «ёлочка», ни новые животноводческие комплексы и новые ремонтные мастерские для техники.

Родители всеми силами пытались отправить детей из колхоза. Усилия родителей подкрепляла государственная политика о подъеме целинных и залежных земель, о неперспективных деревнях, об ударных комсомольских стройках. И ехали из деревни, кто куда. Призыв к освоению Нечерноземья начался очень поздно, когда многие деревни и дома уже глядели пустыми глазницами окон.

Программа подъема сельского хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР включала в себя строительство животноводческих комплексов вместо мелких ферм, строительство поселков возле этих комплексов, мелиорацию земель и строительство дорог.

Но когда в марте 1974 года ее приняли, в нашей деревне Петряйцево оставалось всего три молодых человека, один из них – школьник. А десять лет назад было 28 молодых людей в деревне. В деревне Горбовец из молодых оставались мы с женой да еще один школьник, другие разъехались. В каждом классе школы было не по 20–28 человек, как 15 лет тому назад, а всего по 8–12 учащихся.

Крестьяне уже не могли дать стране достаточно хлеба для нормальной жизни. Дело в том, что уже уходили из жизни бывшие крестьяне-единоличники со своей хозяйской ответственностью. Постепенно хлеборобы перестали быть хозяева земли, власть переложила эту ответственность на руководителей колхозов и районов. Это приводило к низкой трудовой дисциплине и пьянству, люди обленились, перестали работать, перестали быть ответственными за себя и свою семью.

«Ошибочка вышла»

Окончилась Великая Отечественная война, жизнь в карельской деревне продолжалась без многих мужчин. Государству нужны были бесплатные рабочие руки, за любую провинность людей по-прежнему сажали в лагерь. Анна Ивановна родилась в феврале 1929 года, в семье она была самой младшей дочерью. У нее было три сестры и два брата – оба военные. Закончила 7 классов Карело-Кошевской школы, стала работать в колхозе. Когда ей исполнилось 18 лет, родители попросили дальнего родственника выучить ее на продавца. Она училась у него два месяца, потом стала работать самостоятельно в магазине, в шести километрах от дома.

Через полгода ее перевели в село Карело-Кошево, магазин находился рядом с ее родной школой, от деревни в четырех километрах. Однажды, придя на работу, Анна Ивановна обнаружила, что в окне магазина разбито стекло. Она пришла в школу, оттуда позвонила председателю сельпо. Тот отругал ее, сказал, чтобы сама нашла стекло и поставила его в раму. А сам направил ревизию, которая обнаружила недостачу – три тысячи рублей. Это был 1948 год, ей было всего 19 лет.

Она стала скрывать от родителей эту недостачу, заняли деньги в долг, чтобы ее погасить. Потом она взяла из кассы деньги, чтобы вернуть этот долг. И в это время нагрянула вторая ревизия. Она снова обнаружила недостачу в эти самые три тысячи рублей. В начале 1949 года ее арестовали, арестовывал милиционер, которого она хорошо знала, так как его жена работала у нее помощницей. Надо сказать, что после подобного ареста второй девушки этот милиционер застрелился. Так 20-летняя девушка оказалась признанной расхитительницей народного добра и была арестована.

Во время обыска описали все имущество, которое предполагалось позднее конфисковать. Так как имущества почти не было, вывели со двора единственную корову-кормилицу. Правда, была еще швейная машинка «Зингер», которую матери привез из Германии старший брат. Молодой человек, с которым тогда дружила Анна Ивановна, работал почтальоном. Накануне он предупредил ее родителей об обыске и аресте дочери. Эту швейную машинку удалось спасти от конфискации, передав на временное хранение соседям. Она оставалась единственной семейной реликвией в доме.

Трудно передать словами, как выдержали ее арест родители, здоровье отца было резко подорвано. За два с половиной года до этого во время

родов умерла сестра Мария, оставив им на воспитание любимую ласковую внучку. За несколько дней до ареста Анна Ивановна приходила на могилу старшей сестры на кладбище села Карело-Кошево. Лежа на снегу, она плакала, приговаривая: «Почему умерла ты, а не я? Я должна лежать в этой земле, а ты должна была жить. Как мне сейчас жить, если все вокруг сжимается, а я не пойму, что случилось? Мария, возьми меня к себе!»

Были мысли повеситься, отравиться, только боль о своих родителях не давала сделать этого. Еще до своего ареста, однажды она пришла в родную школу отогреться в учительской, там зазвонил телефон. Анна Ивановна подняла трубку параллельного телефона, слушала молча. Услышала, как ее начальник сельпо спрашивал у кого-то, почему она до сих пор на свободе. Из разговора начальника с кем-то она поняла, что речь идет именно о ней. Она стала думать и вспоминать, почему начальник так зол на нее.

Вспомнила, что месяца за два до первой ревизии он переслал из сельпо двухсотлитровую бочку водки. Когда она открыла эту бочку, там оказалось чуть больше половины. Чтобы скрыть недостачу водки, а также кражу из ее магазина, начальник и добивался ее скорейшего ареста.

В день ареста в их дом пришли милиционер и сельский исполнитель. Мать сильно плакала, маленькая внучка, обнимая бабушку за шею, умоляла: «Бабушка, не плачь. Бабушка, не плачь!» Анну Ивановну посадили на телегу и повезли в районный центр в сопровождении милиционера. Два часа пути она находилась в шоковом состоянии. Неустанно стучала мысль: «За что? Что случилось? Как все произошло? Как же стыдно перед родителями и людьми».

Из воспоминаний Анны Ивановны: «Меня привезли в милицию и передали следователю, который был родом из соседней деревни, что в одном километре. Я очень хорошо знала его отца, мать, брата и его самого. Во время допроса я поняла, что следователь стал совершенно другим, чем он был в парнях до армии. Он все допытывался, что именно я брала из магазина – вещи, продукты или деньги. Я ничего не говорила, ничего ему не рассказывала, повторяя: «Я ничего не брала». Следователь не выдержал, стал ходить по кабинету взад-вперед, ругался матом и орал, показывая на висевшую плетку, что он меня измордует этой плеткой. Допрашивал до поздней ночи, потом посадил в камеру-одиночку.

От пережитого страха я сразу же уснула. Ночью меня подняли и снова повели на допрос. Все повторилось, следователь требовал признания

в хищении, грозился избиением. Так продолжалось трое суток, потом меня перевезли из районного центра в тюрьму города Бежецка, там я сидела три месяца в ожидании суда. На свидание ко мне пришел отец, отшагав пешком по грунтовой дороге 22 километра. Когда меня вывели на свидание, я плакала и не могла говорить. Отец тоже плакал и ничего не говорил. Тогда конвойная отвела меня в другую комнату, сказала, чтобы успокоилась, а через пять минут снова вывела на свидание. Я смогла сказать отцу, что не виновна, и попросила прощения у него и матери, что доставила им так много боли и переживаний. Отец смог только назвать дату суда. На этом свидание закончилось, и меня отвели в камеру».

Суд признал ее виновной в растрате государственного имущества и назначил наказание – 10 лет лишения свободы. Родители смогли ей передать котомку с сухарями, сахаром и чаем. Целый эшелон «растратчиков», «колосковиков», «болтунов» вместе с уголовниками и блатными отправили из Москвы в Хабаровск. Из Хабаровска их доставили в порт Ванино. Там погрузили в трюмы судна – в один трюм две тысячи женщин, в другой трюм тысячу мужчин. В туалет выводили по очереди, это была открытая клетка над морем. Судно шло из порта Ванино в Магадан, через сутки начался шторм, который продолжался восемь суток.

Из воспоминаний Анны Ивановны: «Во время этого шторма из трюмов никого не выпускали, воды не давали, кормили сухарями и селедкой. Все содержимое «туалета» сливали в большую бочку. При качке ее содержимое разливалось по полу трюма, была ужасная вонь, духота, нечем было дышать. Когда шторм поутих, стали прямо в море перегружать заключенных с корабля на другой корабль. Заключенные шли по узкому качавшемуся трапу, многие, кто раньше не видел моря, сильно боялись, их погоняли пинками и матом.

Привезли в Магадан, расселили в бараках. Эти бараки были построены специально для новеньких, с плохо закрепленными нарами в два яруса. В первую ночь верхние нары повалились набок, многих узиц придавило. В суматохе набежали уголовницы, осужденные за убийства, разбои, крупные хищения, в темноте стали шарить по нарам и отнимать у нас котомки с пожитками. Одна из новеньких, татарочка Венера, поругалась с конвойной, ее посадили в камеру к этим уголовницам. Те стали избивать девушку, а чтобы не было слышно ее криков и стонов, громко пели песни. Так и забили татарочку до смерти.

Работали на лесоповале, норма была 12 кубометров на одну женщину в день. Кто вырабатывал больше, делали зачет трудодней, уменьшая срок отбывтия наказания. Летом отправляли на покосы и другие сельскохозяйственные работы.

В одну зиму из-за тяжелых работ и плохого питания я совсем обесилела. У меня начался авитаминоз, руки распухли и потрескались, нос тоже треснул у переносицы. В одну из ночей я свалилась с нар и осталась под ними. Когда очнулась, увидела, что в бараке никого нет. Я доползла до медсанчасти, откуда меня направили в больницу. Там я пролежала три месяца.

В больнице я познакомилась с дочкой начальника автогаража Белякова. Он сам был из города Ленинграда. Как оказались они в Магадане, дочка мне не говорила. Она предложила отцу взять меня в домработницы. В первые два месяца от бессилия я ничего не могла делать. Меня приодели, подкормили, так я стала работать домработницей у начальника автогаража Белякова».

Много лет спустя Анна Ивановна посетила в Ленинграде своего бывшего хозяина, их воспоминаниям не было конца.

В 1953 году она попала под амнистию, отсидев в лагере 4 года, но продолжала по-прежнему работать у Белякова. Под амнистию тогда попали и некоторые украинцы, служившие ранее в украинской повстанческой армии (УПА), позднее осужденные к 10 годам лишения свободы. Один из них, освободившись, стал работать слесарем в автогараже. Анна Ивановна познакомилась с ним, они подружились.

Вольнонаемными они проработали полгода, заработали деньги на дорогу домой. Украинцы познакомилась со старпомом одного из судов, дали ему денег. Он достал им билеты на гражданский корабль, на котором из Магадана отплывали гражданские, военнотружущие и конвойные. Среди уезжавших пассажиров были и Анна Ивановна со своим другом. Из порта Ванино они прибыли в Хабаровск и на поезде поехали в Москву.

Освободившись по амнистии, многие остались жить в Магадане, не подавая никакой весточки домой. Многие родственники так и не узнали, где похоронены их мужья, отцы и деды. Было много случаев, когда солдаты, сержанты и офицеры Советской Армии, арестованные за незначительные провинности или свои слова, и сосланные в Магадан, не хотели писать родителям и женам, что они живы и арес-

тованы. Они говорили, пусть их считают без вести пропавшими на войне, чем арестантами. Когда они с будущим мужем ехали на поезде от Хабаровска, она видела на сопках сотни крестов с бирками на могилах захороненных.

Анна Ивановна со своим другом прибыли в ее родную деревню к матери, расписались и стали жить одной семьей. Отец так и не дождался ее, умер за несколько месяцев до их приезда. Через год у них родилась двойня, но мальчик умер при родах. Она вступила в колхоз, а муж работал там вольнонаемным работником.

В следующем 1955 году они купили старенький домик в соседней деревне, перевезли и стали строить свой дом. Муж оказался умелым плотником. Бревен не хватило, законно выписывать и покупать их не разрешали. По ночам на двух подводах они выезжали в лес, пилили там два бревна, вдвоем грузили на передок от телеги и волоком тащили в деревню. На оставшиеся пни переносили муравейники, чтобы скрыть следы. Муж ночью же очищал бревна от коры и прятал их среди старых бревен, а кору прикрывал соломой или навозом.

Все равно кто-то заявил председателю колхоза, началась проверка и угроза милицией. Но все обошлось, за два года построили дом, перешли туда из дома матери. Купили корову, стали жить своей семьей. Анна Ивановна своими глазами видела, сколько хороших, умных, здоровых мужиков, сбереженных войной, были сосланы в лагерь. После войны в деревне оставалось их мало, жили старики, молодежь, да те, кто сумел избежать призыва в действующую армию. Одним из таких был бригадир, которого все называли «коммунист».

Во время праздников и застолий не обходилось без песни «Я помню тот Ванинский порт», пели и плакали, мысленно возвращаясь к пережитому в лагерях:

Я помню тот Ванинский порт
И вид парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные, мрачные трюмы.

На море спускался туман,
Ревела стихия морская.
Лежал впереди Магадан –
Столица Колымского края...

Однажды муж накопил в лесу травы и привез ее сушить в свой огород. Бригадир стал требовать, чтобы он сдал траву в колхоз. Муж доказывал, что косил ее в лесу, где ее все равно не косят, она пропадает. Бригадир несколько часов не отходил от него и требовал сдать траву. Кончилось тем, что, не выдержав, муж схватил топор и побежал за бригадиром. Вызванная им милиция отпустила мужа Анны Ивановны на второй же день, не наказав его. Осоку на болоте бригадир косить не разрешал, траву-колючку на льяном поле после уборки льна косить не разрешал. Сгрести или косить стерню на подстилку скоту после уборки соломы тоже запрещал.

Муж стал думать, как переехать жить в город. Он устроился работать в военизированную охрану на железной дороге и ездил на работу из деревни поездом, вышагивая до станции 5 километров. После смены снова возвращался в деревню. Купил старый дом в городе, купил в деревне еще один дом. Перевез этот сруб из деревни в город и там начал строить новый дом. К тому времени они прожили в деревне 10 лет, воспитывали двух дочерей и сына. За два года он один построил дом в городе, в 1966 году они переехали туда жить.

Из воспоминаний Анны Ивановны: «Меня постоянно мучил вопрос: «За что же я отсидела четыре года, за что страдала?» В 1967 году я ездила по каким-то делам в районный центр Сонково. Совершенно случайно встретила на улице своего дальнего родственника, у которого когда-то училась на продавца. Он уже давно работал ревизором в райпотребсоюзе.

Мы разговорились, в разговоре он сказал: «Знаешь, Аня, ошибочка вышла. В 1950 году у твоего бывшего начальника, председателя сельпо, обнаружили растрату. На следствии он признался во всем, даже в том, что налил в ту злополучную бочку 100 литров водки, а документы выписал на 200 литров. Признался, что он организовал кражу из твоего магазина вместе с тем милиционером, который застрелился. Но эти два факта ему не стали вменять. Ты уже за них сидела, зачем ронять честь мундира правоохранительных органов. Но тебе же, применили гуманный акт советской власти – амнистию».

После этого разговора я была в таком же состоянии души, как и накануне ареста. Шла, плакала, не видя ни улицы и ни людей. Осознание случившегося пришло позднее, когда приехала домой. Никому не стала говорить о том, что узнала, все равно уже ничего не изменить».

О себе и своей судьбе Анна Ивановна рассказала нам с женой через несколько лет после смерти своего мужа, но своих детей в подробности так и не посвятила до конца своих дней. Я успел записать эти воспоминания еще при жизни Анны Ивановны.

Часовня

В июле 1952 года в деревне Петряйцево случился сильный ураган, он не обрушился на дома жителей, как было в 1690 году, а обрушился на колхозные постройки. От молнии в деревне загорелись скотный двор и телятник. Пока спасали и выводили упирившихся коров, многих телят спасти не удалось. Спаслись только те, кто сам выбежал со двора.

После урагана старушки подходили к тому месту, где была часовня и молились, чтобы не случались пожары, просили у Бога помощи. Это был первый и последний пожар в деревне, от пожаров никто не пострадал. После него деревенские жители доставали из-за икон поминальнички, чтобы рассказать другим, когда и почему на этом месте была построена часовня.

Карелы начали строить свои дома в этой деревне в 1649 году. Июльский ураган 1690 года пришел в деревню с юга. Померк яркий солнечный день, ветер поднимал облака пыли, листьев, скошенного сена. Все перемешалось и несло к ельнику. От грозовой молнии загорелся дом. По ветру огонь перекинулся на другие дома. Промокшие жители деревни, а их было около сотни человек, бегали с ведрами воды, поливали горевшие и соседние дома. Сгорели один дом на восточном посаде и два дома на западном. Некоторые говорили, что за несколько дней до пожара видели в деревне белок, и прилетала кукушка.

Потрясенные этим стихийным бедствием жители собрались на другой день на краю деревни между пепелищами и прудом. Несмотря на вчерашний ливень, пруд сильно обмелел от вычерпанной воды. В воздухе висел вопрос: «Что делать, как уберечь себя, скот, дома и постройки от пожаров и стихийных бедствий?» Деревенский сход жителей решил рядом выкопать большой пожарный пруд и на его берегу построить часовню Успенье Божьей Матери.

Не стали откладывать дело, так как сенокос уже заканчивался, а до уборки урожая оставалась целая декада, то есть 10 дней.

Распоряжался староста деревни, одних он отправил на реку за песком и камнями. Другие начали копать землю под фундамент. Третьи на лошадях поехали валить и трелевать лес.

За полдня выкопали траншею под фундамент по периметру. Туда стали засыпать привезенный на телегах речной песок, потом на него начали сбрасывать камни. Под углы установили плоские объемные камни. Стали подвозить на дрогах бревна. Принялись за работу плотники, сруб часовни рубили в угол. Недалеко от места стройки сколотили из жердей двою высокие козлы. На них подняли ряд бревен. Две пары мужиков длинными пилами стали пилить бревна вдоль на байдак для пола. Один мужик стоял наверху, а другой внизу. Работа эта трудная, холщевые рубахи намокли от пота, волосы и бороды нижних мужиков были покрыты опилками.

Эта напряженная работа продолжалась неделю, бабы приносили сюда на стройку обед, квас и пиво. Через неделю на берегу пруда красовался четверик часовни с входом с запада, свежим полом, полками для икон и местом для служения.

В это время мужики делали сруб для верхней меньшей части часовни, пилили осиновые доски для крыши. Два кузнеца у себя в кузнице ковали из проволоки и кусков металла четырехгранные гвозди с большими шляпками.

К началу уборочной, то есть Ильину дню 2 августа часовня была готова.

Её освящение решили провести в день Успенья 28 августа. В деревню из Русского Кошева пришел священник Борис. Из одного дома вынесли икону Николая Чудотворца, люди пошли вслед за ней к часовне, обошли её три раза. Потом батюшка освятил ее и вместе с иконой обошел вокруг деревни. Жители следовали за ним. Он вошел в часовню, где были уже установлены иконы, принесенные из домов, и совершил там молебен на русском языке.

Карелы почти не понимали его слов, но слушали внимательно, не оглядываясь, не перешептываясь и не переминаясь с ноги на ногу. Карельских священников тогда еще не было.

Карелы торжественно готовились к праздникам. К каждому празднику забивали барашка или теленка. Готовясь к Пасхе, терли потолки и стены берестяными лаптями, свернутой берестой или можжевельником, связанным в веник.

К Пасхе и другим праздникам варили пиво в больших чанах по 15 ведер прямо на улице всей деревней. Это называлось общим пивом. Как и общественными работами, так и пивоварением руководил старшой или староста деревни. На время проведения общественных работ или общих мероприятий ему на шею вешали деревянную круглую медаль.

Построив часовню, вся деревня дала обет не работать один день на Успенье 28 августа, чтобы больше не было пожаров. Крестьяне стали бережнее относиться к церковным обрядам. Входя в дом, первым делом молились на образа. В часовне летом молили Бога, чтобы дал больше зарниц, считая, что рожь наливается от сверкающих зарниц.

Люди помнили прежних умерших жителей деревни. Потом в домах появились поминальники, которые помогли составить священники. Туда записывали всех умерших родственников

В часовне стали крестить новорожденных, проводить исповеди, отпевать покойников, продолжая хоронить их здесь же у часовни.

Корельско-Кошевский приход образовался к 1700 году, на волостном сходе карелы решили строить деревянную Борисоглебскую церковь в память о прежнем названии села. Она была построена где-то к 1700 году, простояла около 100 лет, к 1800 году пришла в ветхость. Тогда на этом месте стали строить каменную Сретенскую церковь, которую построили и освятили в 1816 году.

Часовня в деревне Петрайцево стояла на одном месте 260 лет, ее перестраивали еще 2 раза. Карелы не хотели ходить далеко в церковь. Но в часовню приходили с охотой. Они считали, что Николай чудотворец оберегает деревню от пожаров, ураганов и бурь. Так оно и было, за 260 лет не сгорело в деревне ни одного дома.

Разрушили часовню в 1951 году, бревна пустили для строительства колхозного склада. А в июле 1952 года случился сильный ураган, он не обрушился на дома жителей, как было в 1690 году, а обрушился на колхозные постройки. От молнии загорелись скотный двор и телятник. Пока спасали и выводили упиравшихся коров, многих телят спасти не удалось. Спаслись только те, кто сам выбежал со двора.

Где-то в 1970-х годах недалеко от места, где стояла часовня, придумали сделать силосные канавы. Когда бульдозер стал углубляться в землю, волоча ее перед собой, тракторист увидел кости человеческих рук и ног. С испугу он убежал в деревню и привел народ.

Старожилы вспоминали, что здесь до 1951 года была часовня, а у часовни нередко хоронили покойников, так как на погосте в Кошеве почти пятьдесят лет, как пришли сюда карелы, не было церкви. Первые карелы на месте глинокопий выкопали пруд и хоронили покойников рядом с прудом. Недалеко от этих захоронений и была построена часовня. Карелы очень часто строили часовни на местах стародавних карельских кладбищ.

На берегу пруда, недалеко от бывшей часовни, построили пожарный сарай, в котором хранилась мотопомпа и шланги к ней. В случае пожара мотопомпу на первой же запряженной лошади привозили к ближайшему пруду. Четверо добровольцев начинали качать воду, еще двое направляли струю воды на горящий дом. В деревне оставались постоянно с водой шесть прудов из семи. В четыре пруда были запущены караси. В июле-августе, когда пруды мелели, их ежегодно чистили граблями и лопатами вручную, вытаскивали, убирали и вывозили на поля всю накопившуюся грязь вместе с илом.

«Хрущевская оттепель» (1953–1964 годы)

Когда и кто впервые произнес слова «хрущевская оттепель», и в чем она заключалась – трудно сказать. Может, в приоткрытии тайного занавеса сталинских репрессий, а может в волюнтаристских решениях по посеву кукурузы даже в тундре.

Может, она заключалась в борьбе с Л.П. Берией за власть, а может, в гонениях на представителей литературы и искусства, видных военачальников. Может, «хрущевская оттепель» заключалась в рождении целого поколения молодых поэтов и писателей, а может, в балансировании мира на грани третьей мировой войны.

Десятилетие правления первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР, Председателя Верховного Совета СССР Н.С. Хрущева было ознаменовано грандиозными событиями внутри страны и на международной арене. Были отменены незаконные акты, наделявшие некоторые органы судебными полномочиями. Упразднено понятие «враг народа», было запрещено прибегать к угрозам и насилию для получения показаний. Обвиняемые получили право на адвокатскую защиту.

Значительных успехов страна добилась на международной арене. 14 мая 1955 года был заключен Варшавский договор о дружбе и сотрудничестве между 8 социалистическими странами Европы. Этот блок стал своего рода противовесом военному блоку НАТО.

При Н.С. Хрущеве началось активное освоение космоса, 4 октября 1957 года в СССР был запущен первый искусственный спутник земли, 3 ноября – второй спутник с собакой Лайкой на борту. 13 сентября 1959 года советская космическая ракета «Луна-2» совершила первую, хотя и жесткую, посадку на лунную поверхность.

В апреле 1957 года государство прекратило понуждать своих граждан принудительно подписываться на государственные займы. Люди стали ожидать возврата денег за них, но многие так и не дождались их до своей смерти. Те, кто дождался, получил намного меньше денег, чем отдал государству. В июле 1957 года отменили обязательные поставки сельхозпродуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих. До той поры они все были обязаны выделять государству натуральный налог продуктами: мясом, молоком, шерстью, яйцами и сеном.

Жители карельских деревень в эти годы продолжали уклад своей жизни, обычаи и традиции, заложенные их предками. По звукам рельса, подвешенного на березе, выходили работать на колхозный луг и в поле. Все вместе общиной вывозили навоз на колхозные поля, выходили на покосы, в свободные от работ периоды строили друг другу дома. Зимними вечерами продолжали собираться в одном доме на посиделки и на беседы.

После окончания жатвы карелы по прежней традиции приносили последний сноп к себе домой, и ставили его в «красный угол» под божницу. Старались закончить жатву к Успенью – 28 августа, чтобы подготовить угощение и сварить пиво одновременно с окончанием жатвы. Как я знаю от родителей, как помню сам, иконы на божницах в домах карел были всегда, их не прятали.

Такого, чтобы кто-нибудь из взрослых, кроме старух и стариков, слонялся без дела по деревне, никогда у карел не было испокон веков. Исключение составляли только два религиозных праздника в году, при этом каждая деревня отмечала свои, да общие праздники – Масленицу и Пасху.

Была единственная в округе ветряная мельница в деревне Душково, изъятая у хозяина во время коллективизации и переданная колхозу. Заранее договаривались с мельником, когда можно будет привезти

зерно на помол. На мельнице мешки с зерном поднимали наверх, и зерно высыпали в ящик. За помол по-прежнему карелы давали мельнику плату зерном – гарцовку. С помолом зерна угадать было трудно: то не было ветра, то очень сильный ветер, то он изменял свое направление. Когда ветер менялся, мужики помогали мельнику поворачивать крылья мельницы против ветра с помощью поворотного приспособления в виде рычага. Когда поднималась туча, крылья мельницы привязывали веревками к ее основе.

Если зерна на помол было немного, карелы продолжали молоть его на жерновах. Жернова представляли собой два огромных деревянных круга, на которые набивали металлические пластинки из осколков косы. У верхнего круга в центре было отверстие для зерна. Верхний круг вращали с помощью закрепленного шеста, верхний конец которого крепили в отверстие доски, прибитой к балкам сеней. У нижнего круга в центре был забит высокий штырь, чтобы с него не слетал верхний круг. В отверстие верхнего круга горстями ссыпали зерно и вращали жернова. Мука ссыпалась в короб, в котором размещались жернова.

Летом 1957 года, когда мне исполнилось восемь лет, в деревне провели радио. Деревенские парни, еще не служившие в армии, под руководством радиомонтера из райцентра с желанием выполняли все работы. Они рулеткой измеряли расстояние 50 метров от столба к столбу, копали ямы и ставили столбы. Забирались на них, надевая на ноги «кошки» – изогнутые дугой металлические прутки с острым концом.

Забравшись наверх, парни привязывались к столбу ремнем и начинали накручивать крюки с фарфоровыми чашками. Такие же крюки они накручивали и на стены домов под самым козырьком крыши. Рядом с фарфоровыми чашечками они очень длинным сверлом со вставленным черемуховым прутком накручивали отверстие в стенах.

От столбов к домам натягивали провода. Отчим к этому времени смастерил полочку для радио, а для прочности еще и подвесил его к стене, чтобы не упало. С тех пор, набегавшись зимой на улице, я забирался на печку и очень внимательно слушал радио. Особенно нравились «последние известия» и футбол. Только удивлялся, что «последние известия» не были последними, а после них радио продолжало говорить.

1 мая 1960 года в небе недалеко от города Свердловска ракетой был сбит американский самолет-шпион. После этого американцы прекра-

тили разведывательные полеты над территорией СССР, которые они проводили с июля 1956 года.

12 апреля 1961 года всему миру стало известно, что в космос полетел первый человек – Юрий Алексеевич Гагарин.

Все эти успехи, неумная энергия, но низкая общая культура Н.С. Хрущева привели к тому, что он позволил себе, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке заявить, что СССР может показать всем «кузькину мать». Дошло до того, что председательствующий, пытаясь навести порядок в зале заседаний, сломал молоток.

С 1959 года в Советском Союзе активно освещали события на Кубе. Там произошла революция, когда 1 января в Гавану вошла повстанческая армия под руководством Фиделя Кастро, которая насчитывала всего 800 партизан. В октябре 1962 года началось острое противостояние СССР и США из-за размещения наших ракет на Кубе. Разразился Карибский кризис, во время которого мир в течение нескольких дней балансировал на грани ядерной войны.

С целью решения продовольственной проблемы он приказал сеять везде кукурузу, даже на побережье Белого моря и других северных морей. Урожаев кукурузы и там, и на полях центральной части страны не получали, но денег на семена, удобрения и труд вложили в землю достаточно много.

В 1961 году в нашей стране была проведена денежная реформа. Обмен старых денег на новые производился в соотношении 10 : 1, кроме 1, 2 и 3 копеек, которые имели прежнюю ценность. Тогда руководитель партии и государства Н.С. Хрущев на весь мир заявил, что через 20 лет в Советском Союзе будет построен коммунизм, и нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Оппозиция в деревне

После окончания Великой Отечественной войны, колхоз еще пять лет состоял из одной деревни. В ней было 35 мужиков, шестеро из них прошли фронт, но большинство составляли парни 18–24 года. В 1950 году колхоз укрупнили, в него вошли пять деревень: Душково, Муравьево, Петрайцево, Поцеп и Шейно. Объединенный колхоз назвали «Завет Ильича», его председателем избрали Марова Алексея

Васильевича из деревни Шейно. Через год председателем стал коммунист Кутузов Николай Георгиевич.

Бригадиром деревни Петряйцево избрали молодого 25-летнего фронтовика Николая, в бригаде было 32 хозяйства и около 70 колхозников. Через два года построили новую ферму для коров и новый склад. Летом, когда он был пуст, там натягивали белые простыни, привозили киноустановку и показывали фильмы.

В феврале 1955 года в деревню пришел председатель колхоза Н.Г. Кутузов проводить собрание. Два года подряд были тяжелыми, на трудодни колхозники по итогам года денег не получали. Жили тогда в деревне тяжело, колхозный скот от бескормицы с трудом дотягивал до весны. Подсобные хозяйства обложили налогами на мясо, молоко, яйцо, шерсть, на каждое дерево дикой яблони и каждый куст ягод. Денег не давали, на трудодни давали зерно, мякину, турнепс, иногда капусту.

Бригадира Николая сняли с должности, уговорили стать бригадиром 24-летнего парня Владимира. Он мало говорил, за день от него можно было услышать всего с десяток предложений. До войны смог окончить четыре класса школы, потом пошел в пастухи. С 14 лет в плотницкой бригаде, строили скотные дворы, сараи, житницы, водогрейки. Умел делать оконные рамы, шкафы, стулья, столы, класть печки.

Владимира, хотя молодого, но умелого крестьянина, всегда просили завершать скирды сена, клевера или соломы. Неумело завершенная скирда могла быть залита дождем, а сено или солома – сгнить. Он делал это с хорошей сноровкой и качественно. Ни в один год, ни одна завершенная им скирда не была залита дождем, он скатывался по ее сторонам. Зимой, когда брали сено или соломы, в середине скирды не было плесени или гнили.

В том, 1955 году, был получен хороший урожай льна, объединенный колхоз выручил достаточно много денег. По итогам года в марте 1956 года колхозники впервые получили деньги, а летом лично бригадиру была вручена премия. Часть премии он потратил на покупку телки для своей семьи, так как к тому времени уже женился. Другую часть премии передал на праздник колхозникам. Гармошки по вечерам не смолкали, в июне после посевной и навозницы целых три дня народ гулял.

В апреле 1956 года в правление колхоза «Заветы Ильича», которое располагалось в доме моей тетки Моревой Прасковьи Яковлевны в деревне Душково, пригласили коммунистов и бригадиров. В нашей де-

ревне тогда коммунистов еще не было, пригласили бывшего бригадира Д.Я. Майорова и действующего бригадира – моего отчима Владимира. На собрании из коммунистов были бывший председатель колхоза Николай Георгиевич Кутузов и его сын, теперешний председатель колхоза Николай Николаевич Кутузов. Кроме них – пять бригадиров, пять активистов и инструктор райкома партии. Хозяйку дома вместе с детьми на время проведения собрания попросили посидеть в соседнем доме у Кутузовых, так как оно было закрытым. Инструктор райкома партии зачитал решение съезда КПСС «О культе личности и его последствиях».

После этого собрания в дом бригадира, как обычно, вечером пришли мужики, сели в кружок возле входной двери на карточки, закурили и начались разговоры. Спрашивали, о чем говорили на собрании в правлении колхоза, фронтовики пытались защищать Сталина, заявляя, что Хрущев наводит на того напраслину. Парни 1930-х годов рождения больше молчали и слушали старших. Потом перешли на повседневные заботы, заговорили о весеннем севе, подсчитывая, за сколько дней механизаторы МТС смогут вспахать и заборонить яровые поля. Кто будет подвозить семена из склада в поле, кто будет налаживать сеялку и засевать поля. Накурив так, что замигала подвешенная к потолку пятилинейная лампа, обсудив планы на ближайшее время, мужики стали расходиться.

Обиженный Николай в тот год вообще уехал из деревни, оставив там свою семью, поселился недалеко от районного центра. Как ни уговаривал он жену переехать с детьми к нему, она не согласилась. Через год Николай вернулся в родную деревню, пришлось ему еще год мириться с тем, что бригадиром здесь Владимир.

Премия по итогам прошлого года не стала давать покоя Николаю, который поставил для себя цель стать бригадиром, хотя только год назад его сняли с этой должности. Меры продумывал разные: он вместе с бригадиром сопровождал приезжавшего на лошади из соседней деревни председателя колхоза. Так как бригадир на вопросы отвечал немногословно, Николай подробно обо всем рассказывал. Улучив момент, он приглашал председателя к себе на ужин. За стопкой водки и стаканом самогона протекали беседы о счастливом будущем этой деревни. Он внушил председателю, что Владимир малограмотный, у него всего 4 класса образования, он не может справиться с отчетностью, поэтому все отчеты за него делает жена.

Все это председатель колхоза сказал на партийном собрании, после которого бригадиром избрали Николая. Но что-то не заладились дела у нового бригадира, урожай льна и зерновых не удался, падеж скота был большой, надои коров уменьшились. Стал новый бригадир покрикивать на колхозников, да грозить им штрафами. Не выдержали колхозники и через три года стали снова просить Владимира стать бригадиром. В феврале 1962 года он согласился, и второй раз стал бригадиром в деревне.

К тому времени все карельские деревни, кроме Акинихи и Терехова, которые передали в другой русский колхоз, объединили в один колхоз. Председателем объединенного колхоза стал Иван Павлович Морев, который очень активно использовал радиоточку для утренних нарядов. В пять часов утра он выходил из дома, шел два километра, и без четверти шесть начинал по радио разбор вчерашнего дня и давал наряды на сегодня. Первые полгода он говорил на карельском языке, в который вплетались новые русские слова «колхоз», «трудодень», «наряд» (на работу), «выхододень». Ударения в этих словах ставились на первый слог, как это делается во всех карельских словах.

Потом И.П. Мореву где-то «подказали», и председатель перешел на русскую речь. Его внимательно слушали все колхозники, особенно бригадиры, сидя дома за столом с тетрадкой и карандашом. Председатель по радио хвалил тех, кто добивался хороших успехов в труде, и резко критиковал прогульщиков, лодырей, не выработавших за месяц минимум «выхододней». В карельских деревнях авторитет председателя и бригадиров был тогда еще очень высоким.

Бригада получала по тем временам неплохие урожаи льна, картофеля, ржи, пшеницы, овса и клеверов. Была ферма на 50 коров, телятник, конюшня с 30 лошаадьми. Оборудовали водокачку для набора воды прямо из реки, водогрейку для ее нагрева. Владимир, пройдя курсы механизаторов, умел наладить любую сеялку, помогал ремонтировать трактора. В эти годы в деревню провели сначала радио, потом электричество, платили деньги колхозникам сначала по итогам года, а с июля 1966 года – ежемесячно.

После ухода на пенсию в 1964 году уважаемого всеми председателя Ивана Павловича Морева, кандидатов на его должность стали привозить из района. Уполномоченные пытались формально провести собрание колхозников, считая вопрос уже решенным. Но упрямые карелы хотели видеть председателем своего «доморощенного», и добивались-таки этого.

Однако в 1965 году привезли заезжего жителя из соседнего города, уломали карел, вывернули им руки. Чуть больше года проработал этот председатель, не сложились у него отношения с колхозниками. После него еще двоих городских представителей сватали районные уполномоченные. Но лишь за третьего проголосовали карелы, потому что жена его была из местных, если что, спрос будет с нее.

В 1967 году Николай сумел убедить молодого, только избранного председателя колхоза снова поставить его бригадиром, с этой целью стал коммунистом. Владимир вообще не стал ходить на работу по нарядам и в том году не выполнил норму по трудодням. Его лишили натуральной оплаты зерном в полном объеме и премиальных по итогам года.

Через два года Николай стал заместителем председателя колхоза, а Владимира опять стали просить стать бригадиром. Он согласился и проработал им более десяти лет до 1980 года. В начале 80-х его заменили, но в конце 80-х многие жители стали уезжать из деревни на центральную усадьбу, уехала и бригадир Бритвина Екатерина.

Владимира последний, четвертый раз избрали бригадиром в 1988 году, он отработал до 1993 года и ушел уже навсегда. Отдыхал на пенсии всего два года и умер в январе 1996 года в возрасте 65 лет.

Сколько порою сил тратится не на дело, а на интриги. Лучше бы не говорить об имеющихся трудностях, а брать на себя ответственность за принятие решений.

Глава IV. Переход от социализма к капитализму (1985–2003 годы)

«Нас изобилием не возьмешь!», говорили советские люди в 70-е годы XX века, а ведь взяли нас изобилием буквально через двадцать лет в 90-е годы. Мы помним, что в советский период главной целью большинства жителей нашей страны было не обогащение и деньги, а выполнение интересов коллектива и государства. Тогда социальный мотив у людей в силу обстоятельств и условий жизни был выше эгоистического. В моде была романтика, по зову страны и сердца из больших городов и малых деревень уезжали добровольцы на освоение целинных и залежных земель, на ударные комсомольские стройки,

на БАМ. За всю целинную эпопею с 1954 по 1958 годы в Казахстан прибыли 1 млн 700 тысяч человек со всех уголков огромной страны.

В России веками были развиты взаимопомощь и взаимоуважение, обычное право всегда было выше государственного. Люди жили по нормам морали и обычного права, которое объединяло их и способствовало выживанию в трудные времена. Я не помню случая, чтобы деревенские жители нашей местности когда-либо по своей инициативе обращались в суд.

Все резко изменилось в конце XX века, когда главной целью большинства общества стали деньги. Жителям страны стали навязывать крайний эгоизм, крайний индивидуализм, которые всегда были чужды для русских людей. Визитными карточками многих граждан становились цинизм, двойная мораль и все более развивающееся равнодушие. Изменился вектор воспитания молодых поколений, который направлен на шик, блеск, богатство, глянец, но не на моральных авторитетов и подлинных героев.

С приходом во власть в марте 1985 года М.С. Горбачева начались изменения под названиями гласность, ускорение и перестройка. Гласность привела к свободе слова и печати. Основной базой ускорения называли развитие машиностроения в стране. Перестройка подразумевала обновление политических институтов общества. Но эти три направления не имели конкретных программ своего развития, а гласность обернулась обвинением партии в незаконности власти и кризисе экономики.

М.С. Горбачев метался в поисках выхода из экономического кризиса и чем дальше медлил, тем больше обстановка в стране ухудшалась. Он постоянно твердил: «Альтернативы рынку нет», но не знал, как подойти к рыночным отношениям.

Но постепенно начали готовить советское общество к рыночным отношениям, показывая по телевизору сериалы о красивой буржуазной жизни. Первым показали бразильский сериал «Рабыня Изаура», за которую советские люди переживали по вечерам с 16 октября 1988 года до 7 марта 1989 года. После него был сериал «Богатые тоже плачут», а за ним подобные бесконечные «мыльные оперы» пошли чередой.

Если во все времена князья и цари укрепляли Российское государство, то руководители страны в конце XX века сдали Россию зарубежью. Основными причинами распада СССР стали экономический, политический и межнациональный кризисы. М.С. Горбачев пошел

на невыгодные для страны договоры с США, где страх перед нашей страной сменился презрением к ее слабости.

24 декабря 1991 года в 17 часов Советский Союз перестал быть членом ООН, его место заняла Российская Федерация. На другой день, 25 декабря, в последний раз по телевидению в качестве Президента СССР выступил М.С. Горбачев, который заявил, что в связи с образованием Содружества независимых государств он прекращает свою деятельность на посту Президента СССР.

25 августа 1991 года М.С. Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС. **8 декабря 1991 года** руководители России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л.И. Кравчук) и Белоруссии (С.С. Шушкевич) на территории Беловежской пуши подписали соглашение об образовании Содружества независимых государств (СНГ), фактически прекратив существование СССР.

Советский Союз распался, образовались самостоятельные государства, которые должны были стать ответственными сами за себя. Если до 1991 года в Советском Союзе проживало 290 млн человек, то после развала Советского Союза в России осталось жить 148,5 млн человек. Огромная страна, веками собиравшая земли, потеряла треть территории и половину населения. Спустя 20 лет после революции 1991 года Россия потеряла еще 5,5 млн человек.

Россия, которая строилась более тысячи лет, которая побеждала шведов, поляков, французов, немцев – в начале 90-х годов XX века развалилась в одночасье. Значит, среди нас жили и живут те, кто не любит Россию, кто за деньги ждал своего часа сначала тайно, потом проявил себя явно при развале Советского Союза. Не ждут ли они дальнейшего развала России? Конечно, ждут.

В связи с лихолетьями, обрушившими на страну в XX веке, нарушением деревенского уклада жизни, переездом жителей из деревень в города, началось сокращение сельских жителей и населения страны в целом. В 1990 году был преодолен нулевой показатель, и с того времени началась резкая убыль населения России. После 1991 года многие еще не осознали всей трагедии последствий развала Советского Союза. Нарушились экономические связи, в один момент Россия потеряла управляемость власти и перестала быть авторитетом на международной арене.

Оценка событий 1991 года в разных странах была неоднозначной. Одни в России считали, что тогда свергли социалистический строй,

и страна пошла по пути капитализма, другие считали, что Америке удалось развалить СССР путем предательства партийной верхушки. В США и на Западе заявляли, что Россия проиграла третью «холодную войну», поэтому они вправе были диктовать нашей стране условия дальнейшего развития.

В XX веке в России дважды было уничтожено государство – в 1917 и 1991 годах. Оправившись от революции 1917 года, страна смогла быстро набирать мощь и независимость, благодаря людям, проживающим в ней. Но их подстерегало новое очередное испытание. С годами судить людей легче, понять ситуацию – труднее.

Периоды революций 1917 и 1991 годов схожи между собой уничтожением государства, нагнетанием психического напряжения в обществе. Шел разрушительный процесс преемственности жизненных устоев и материальных благ. Отрицались положительные моменты пройденного страной определенных отрезков исторического пути.

В XX веке Россия выдержала три мировых войны, две из которых были проиграны. Проиграли первую мировую войну 1914–1918 годов, потеряв по Брестскому миру Польшу, Финляндию, Западную Украину и Западную Белоруссию. Проиграли США третью «холодную» мировую войну 1956–1991 годов, потеряв еще больше территорий, собранных для страны нашими предками: Белоруссию, Украину, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизию, Туркмению, Прибалтику и Закавказье.

Россия с конца XX века пошла по новому, капиталистическому пути развития. За основу взяты правовые постулаты США и некоторых западных стран, порою без учета традиций и обычаев нашей страны.

Земля потеряла хозяина

Судьба тверских карельских деревень – это судьба многих деревень центра России. Одной из основных причин смерти карельских деревень явилось лишение крестьян самостоятельности. Старая до-революционная деревня была независима от города. Мужики сами мастерили себе все, что надо, от хомута и телеги до плуга и бороны. При советской власти, когда лошадей заменили тракторами, деревенский мужик попал в зависимость от всего – тракторов, бензина, сеялок,

веялок, комбайнов. Все больше сил деревенский мужик стал прилагать этим железкам, а не земле, постепенно уходя от земли.

Схема самостоятельности деревенского мужика до коллективизации была проста: он – лошадь – плуг – земля. При советской власти эта схема значительно усложнилась, в нее вошли: мужик – агроном – механик – тракторист – сеяльщик – комбайнер – склад. Земли в этой схеме уже не было, она была только на своем приусадебном участке. Так деревенский мужик постепенно терял чувство хозяина на земле, притом, не на своей земле, а колхозной. И стал он относиться к ней более бездушно.

Своей деревенской сметкой мужики понимали, что в стране всем руководит план, за которым людей не видно. План по всему: севу, заготовке кормов, уборке урожая, молоку и мясу, по зерновым – много было разновидностей плана. А как живут в деревне люди, на что живут, когда не выдавали денег, что едят, когда выгребали из амбаров в счет госпоставок все зерно, во что одеты, донашивая военные гимнастерки и телогрейки – это не очень волновало властные структуры.

В середине шестидесятых годов многие начинали понимать, что пора начинать спасать деревню от смерти. Но предлагаемые властью меры: индустриализация деревни, ее многоэтажность, укрупнение центральных усадеб, специализация хозяйств, создание животноводческих комплексов, объявление деревень неперспективными, в конце концов, привели к их гибели. Уже тогда некоторые начинали понимать, что земле нужен хозяин, иначе она становится бесхозной землей.

В начале 90-х годов XX века прошло шесть десятилетий с момента создания колхозов. Отработала свое и ушла на пенсию основная сила колхозного производства – поколение людей, родившееся после Октябрьской революции, детство которого прошло уже при советской власти, но при частной собственности на землю. Оно брало пример ответственного отношения к крестьянскому труду от своих родителей, которые не могли плохо работать на своих участках земли.

Полагая, что колхознику ничего иного не дано, они работали на колхозных полях с полной отдачей, хотя долгое время не получали ни денег, ни других благ. Такому же отношению к земле, к труду, к природе это поколение крестьян приучало и своих детей на своем собственном примере. Выручало подсобное хозяйство, на ведение которого оставалось очень мало времени утром да вечером. В значительной мере бремя ведения подсобных хозяйств ложилось на детей и престарелых.

Тяжелый труд, бессонные ночи, отданные маленьким детям, голодное существование не иссушали родники человеческой душевности, тепла, общинности. Но родители не хотели, чтобы их детей постигла такая же участь, всеми правдами и неправдами, любыми путями стремились отправить их в города.

В наших карельских деревнях последний сенокос косили сообща летом 1966 года. До этого времени деньги колхозникам выдавали на трудодни по окончании года, они были обесценены. С июля 1966 года деньги стали платить каждый месяц, поэтому уже в 1967 году каждая семья стала косить траву отдельно, считая, что именно они косили раньше больше других. Сначала от общины отделились семьи, где были молодые мужики и сыновья, а потом и все остальные. Общей заботой деревни еще некоторое время оставался ежегодный ремонт огородов на общественных выгонах скота. Последний ремонт их проводили в 1988 году, после этого огороды не ремонтировали.

Мелиораторы распахали заболоченную, поросшую кустарником местность с юга от деревни Петряйцево. При этом они повредили ключи, питавшие колодцы, вода в колодцах на возвышении в центре деревни пропала, ее брали в оставшихся двух колодцах из четырех. Полностью высох пруд в центре деревни, другие шесть прудов обмелели.

По берегам многочисленных ручьев и речек росло много ольхи, ее называют «царским деревом», ольху использовали в печах царских дворцов. Она горит ровно, не потрескивает и не выбрасывает угли и пепел. Запах дыма от нее сладковатый и приятный, поэтому ольху используют при копчении рыбы и мяса. Ольха не давала ручьям пересохнуть в жаркие июльские дни. В эти ручьи и речки весной поднималось много рыбы, которая здесь нерестилась, часть рыбы оставалась на лето в омутах.

Всю эту экологию летом 1986 года погубил один полет самолета «кукурузника», он тогда опрыскивал ядохимикатами льняное поле. Но из-за глупости местного молодого агронома или по ошибке летчика, самолет выбросил ядохимикаты над речками, ветер отнес их к ельнику. В одно лето был загублен вековой можжевельник, засохли ольхи, обмелели речки. В завершении всего неопытный агроном велел разгрузить мешки с ядохимикатами на берегу речки. Прошедший дождь смыл их в воду, погибла вся рыба от крупных щук до мелких пескарей.

В начале 1980-х годов начиналась развиваться идея гигантомании, то есть строительства крупных животноводческих комплексов. Это происходило при малогабаритности пастбищ и ухудшением условий

содержания скота. К мнению специалистов, выступавших против комплексов, не прислушивались. При этом на центральную усадьбу перевозили и доярок из других деревень, у которых удои от тех же коров сократились наполовину. Остались без ферм, без работы молодые семье в деревнях, которые называли «неперспективными». Жители стали покидать их, обезлюдили карельские деревни Акиниха, Терехово и Поцеп. Эти явления стало началом смерти всех карельских деревень Карело-Кошевского прихода.

В девяностые годы XX века везде начали распадаться колхозы, поделенные участки земли по 10 гектар на человека для многих пенсионеров остались лишь на бумаге. Реально никто не знал, где находится его участок земли и что с ним можно сделать. Кто же захотел стать фермером и получить свой пай, обил много порогов и имел много унижений, чтобы добиться цели. А потом его, фермера, обложили такими непосильными налогами, которые на один рубль продукции доходили до одного рубля. О какой нормальной жизни деревенского фермера можно было говорить, не заикаясь о его прибыли.

А вот технику все-таки поделили, кому досталась старая машина, кому трактор, кому тележка от трактора, а кому – бочка для опрыскивания ядохимикатов. Кому-то достался старый бензовоз, к которому нужны были новые запчасти и новые колеса. Долго стояли они в заулках домов, как памятники перехода от колхозов к фермерству. Развалив колхозы, крестьяне стали жить на пенсии стариков да детские пособия по 70 рублей в месяц на ребенка при стоимости буханки хлеба в 10 рублей и молока – 13 рублей за один литр. Можно было купить на одно детское пособие 3 буханки хлеба и 3 пакета молока.

В отчетах число фермеров резко росло, но фактически в каждом районе давали продукцию 4–5 фермеров. И как можно было давать продукцию, если молоко стоило в три раза меньше бензина, налоги доходили до 95 копеек с каждого рубля, проценты по кредитам были в 2,5 раза больше самого кредита. Как можно было давать продукцию, когда растащили колхозную технику, кому трактор, а кому – тележку от трактора. Когда фермеру надо было работать 40–50 лет, чтобы заработать на трактор и 10 лет, чтобы купить тракторную тележку. Прекратили фермеры заниматься полеводством, животноводством, стали выживать на срубках домов и бань, да за счет клюквы и грибов.

Первое время разваливающиеся колхозы жили за счет скота, который резали и продавали. Пустые фермы стали растаскивать по кирпи-

чику и по бревнышку, пока не разобрали до фундаментов. После этого принялись громить дома культуры, бывшие детские сады и другие постройки.

Придя на тверскую землю с Карельского перешейка, карелы обрабатывали землю с помощью лошади и сохи, корчуга лес. При советской власти землю обрабатывали не лошадьми, как ранее, а тракторами, и то стали тяготиться ею. После падения советской власти карел в их деревнях оставалось значительно больше, чем далеких родичей.

Но они уже отвыкли работать лопатой, пахать на лошадях, земля запустела, заросла кустарником и бурьяном. Забыли, что с первого поваленного дерева, с первой сотки, освобожденной от леса земли, начинали строить наши деревни далекие предки. Ничего, кроме топора, лопаты да сохи у них тогда не было. Сейчас много говорят о том, как можно копать землю без тракторов и лошадей. Видимо, начинать надо так же, как раньше – лопатой.

Когда в конце XX века разогнали колхозы, не стало работы, молодые люди, не раздумывая, стали массово покидать родные деревни. Закрылись школы, клубы, библиотеки. Оставшиеся в деревне люди жили на пенсии стариков да жалкие детские пособия. Деревни быстро пустели и умирали. Наши поколения, чаще всего по объективным причинам, сами лишили себя родины. Уехав жить в города и другую местность, допустили смерть родных деревень.

Новые законы жизни в постсоветский период, непостижимые для крестьян, практически лишили их труда земледельца, как основы их деревенского уклада. В деревне не осталось лошадей, телег, саней, хомутов, плугов и борон. Трактора разобрали новые фермеры, но без другой сельскохозяйственной техники они не могли обработать свои участки земли.

Наверху кто-то посчитал, что крестьянский труд стране не нужен. Тяжелый крестьянский труд наполнял жителей деревни содержанием, он был источником пропитания и источником радости жизни. Когда молодые поколения стали уезжать из деревни, крестьянам некому было передать свою землю, свои традиции, они стали последними деревенскими жителями. Они хотели продержаться с достоинством в своих домах до конца жизни. После их смерти погиб традиционный уклад карельской деревни и ее самобытная культура.

Поля вокруг деревень, где были ликвидированы колхозы без их реорганизации, зарастали бурьяном, кустарником и лесом. Как очень

редкое исключение можно было увидеть распаханное поле, стадо коров или свиноферму. Надежды на фермеров за 20 лет не оправдались. Развал сельского хозяйства – это одна из основных причин бедственного положения государства, когда пора было заявлять о продовольственной безопасности страны.

На наших глазах постепенно исчезает деревенская настоящая Русь, которую глотают, но пока еще полностью не проглотили города-монстры. Вместе с нею исчезают неприхотливые, честные, трудолюбивые люди, чьи корни были там, в деревне. Вместо равномерного распределения средств по регионам России в целях укрепления и развития всей страны, большинство денежных средств сосредотачивали в городах-монстрах, куда вслед за деньгами устремлялся поток жителей, ослабляя основную Россию.

Непонятная гордость тем, что в России уже 15 городов-миллионников может обернуться стране продовольственным кризисом и ее ослаблением. Кто будет ее держать на окраинах и в центре страны, если здесь уже не остается народа? Кто будет обрабатывать поля и растить хлеб, чтобы прокормить население страны?

В деревне у окна

В день своих именин 30 сентября 1991 года Смирнова Надежда Ивановна опять встала рано, не было шести часов. Осеннее позднее солнце еще не показалось из-за леса. Она истопила печь, поставила туда вариться картошку и яйца. Спешить было некуда, уже 18 лет она на пенсии, хотя нередко работала по наряду бригадира. Сходила на двор покормить оставшихся пять кур да петуха. С другим хозяйством справиться она уже не могла, поэтому корову свели на бойню пять лет назад. Теперь она брала молоко у Голубевых через день, в другие дни у них молоко брала Клавдия.

Год назад Надежда Ивановна перестала держать поросенка. Ее тогда вместе с поросенком тушей привезли к дочери в один подмосковный город. С большим трудом была прожита эта зима. Внучки уходили в школу, дочка с зятем на работу тоже в школу. Она оставалась одна в четырехкомнатной квартире. Одевалась и гуляла по комнатам, кухне, как по деревне. Но эта «деревня» была для нее тесной, каменной

и чужой. Иногда у дома останавливалась машина. Она выходила на лоджию 12-го этажа и смотрела вниз, не Славик ли приехал за ней из города Бежецка. Только стало пригревать весеннее солнце, как Надежда Ивановна запросилась домой в деревню.

Дни для нее стали длинными-длинными в ожидании отъезда. Приехав домой, не могла нарадоваться всему родному и знакомому с детства. Так далеко и так долго она никогда не была. Приехал зять сажать для нее лук и картошку. Еще посадил огурцы, морковь, свеклу и закрыл все гряды навозом, так как в этот день, 10 мая, выпал небольшой снег. Что будет, то и будет, что вырастет, то и вырастет. Когда дочь с зятем приехали к теще на летние каникулы, были удивлены хорошим урожаем всего, в том числе и огурцов.

Они поговорили с Белкиной Анной, чтобы она покупала в магазине продукты для тещи по талонам. Надежда Ивановна не совсем понимала, что такое талоны и положенный на них килограмм сахара. Она съедала сахар за десять дней, потом просила Белкину принести еще, но талонов не было. Приходилось зятю и дочери ехать в Москву, покупать хоть каких-то продуктов, которые вообще можно было тогда купить, выстояв 2–3 часа в очереди. А потом часть продуктов везти теще. Зять, как мог, разъяснял ей существующую талонную систему на продукты, но она не хотела этого понимать.

Зять приехал к ней в сентябре на выходные копать картошку. Были дожди, картошка вымокла и пропала. Оставлять тещу без картошки на зиму нельзя. Дождавшись вечера, зять пошел с мешком на поле соседнего колхоза. Там картошку убрали комбайном, достаточно много ее осталось на поле. Стал подбирать, проходя по боровкам, набрал мешок. Потом сходил второй, третий раз, принес три мешка картошки. Промысел закончил около 11 часов вечера, сильно устал.

На второй день, рассыпав мокрую картошку в сених, зять уехал домой. Попросил тещу потихоньку убрать картошку, когда она высохнет. Надежда Ивановна стала вспоминать разные случаи из жизни, когда зять со своей семьей жил у нее. Тогда она держала корову, телят, поросенка и кур, для коровы нужно было сено. Ее дочь и зять каждое лето косили в колхоз сено, чтобы получить для себя проценты. Однажды зять накопил травы в лесу и привез ее на свою усадьбу. На второе же утро к ним пришел бригадир и велел это сено высушить и отвезти в колхозный сарай. Зять отказывался, бригадир грозил милицией и судом, но они это сено в колхоз так и не сдали.

В то лето электрики из районного центра меняли подгнившие электрические столбы. Один столб сменили напротив ее дома, вечером зять ломом подкатил его к забору. Он хотел распилить на столбы для огорода. На следующее утро она увидела, как подъехал колесный трактор и стал тросом цеплять этот столб. Она спросила, куда его поволокут. Тракторист ответил, что лично председатель велел притащить этот столб на центральную усадьбу.

Осенью она с зятем наготовила осоки для подстилки скоту, потом они нагребли в поле остатки неубранной соломы. Когда выпал первый снег, на санях поехали за этой соломой. Возвращаясь с поля, увидели, что по дороге ехал гусеничный трактор с санями. Увидав их, тракторист повернул трактор в поле и поехал за ними, люди в санях что-то кричали и махали руками. Зять решил их подзадорить и стал погонять лошадь. Тракторист прибавил скорость, но догнать их не смог. Зять сказал, что не надо выгружать, пока не приедут. В заулочек въехал трактор, из саней выскочили сам председатель и его жена, стали кричать, зачем убегали и почему без разрешения взяли солому. Председатель подошел к саням с соломой, при ходьбе он слегка приседал, про его походку люди говорили: «не идет, а макает». Зять и Надежда Ивановна объяснили, что это солома не из скирды, а ее остатки с поля. Успокоившись, председатель разрешил ее выгружать.

Так вот, накормив кур, она села пить чай на кухне. Потом перешла в избу, села на диван у окна и стала смотреть, не идет ли к ней кто-нибудь. Содержащиеся на ферме бычки еще паслись. Из соседнего дома, где раньше жили Григорьевы, прошли два пастуха, они погнали бычков в поле. Надежда Ивановна проводила их взглядом, времени было почти восемь часов утра.

Через час прошел на ферму Голубев Михаил, чтобы напоить единственную оставшуюся лошадь Казбека. Она внимательно всматривалась в окно, но больше никто мимо ее дома не проходил. Вдруг за прудом у сарая она увидела что-то черное. Она долго всматривалась, как будто кто-то шевелится. Может опять едет зять, он недавно приезжал к ней копать картошку. Не выдержала, повязала шаль, накинула плюшевую жакетку, прикрыла дверь палкой и пошла смотреть. Прошла мимо пруда, позади Клавдиной усадьбы, подошла ближе к сараю, увидела темный ракутовый куст. Он шевелился от ветра. Тяжело вздохнув, Надежда Ивановна вернулась домой. Опять села к окну, продолжая смотреть в него.

Захотелось поесть, достала картошку, огурцы, яйца – поела. Снова налила чаю. Принесла из дровяного сарая дров на вечер и утро. Времени было уже около четырех часов дня. Кто-то открыл дверь в сени, послышались шаги. Пришла Белкина Анна, она принесла две буханки хлеба, один белый батон и полкилограмма конфет-подушечек. Снова сели пить чай с конфетами, Анна рассказала последние деревенские новости.

Первой новостью было то, что утром она пекла оладьи и ела их со сметаной, которую принесла Козлова Тося из соседней деревни Калиниха. Сказала, что в магазине она встретила свата Надежды Ивановны, который передал привет. Чтобы раньше получить хлеб, он носил его из машины в магазин. Купил хлеб одним из первых без очереди и пошел домой.

Рассказывала, что у Клавдии убежала с привязи собака. Вот теперь она с палочкой ходит вокруг деревни, зовет собаку и плачет. Наверное, к вечеру прибежит сама.

Что Кузьмин Иван опять ходил к своей тетке Марии в Бережки и просил денег на вино. Что у Голубевых захромала корова, может, будет давать меньше молока. Это известие обеспокоило Надежду Ивановну больше всего, вдруг откажут ей в молоке. Что тогда делать, если в деревне всего две коровы – у Голубевых да Кузьминых. К Кузьминым из Бежецка приезжает дочка Нина и забирает с собой почти все молоко, творог и сметану.

Попив чаю, Белкина ушла, а Надежда Ивановна опять села к окну. Хорошо, что еще одни рамы, все видно на улице. Зимой рамы двойные, замороженные, ничего не видно. Она тогда выдувала дыханием пятнышко и через него смотрела на улицу.

А сейчас дело к вечеру, опять на ферму прошел Голубев Михаил – Нилыч, как все его звали. Через некоторое время пастухи прогнали стадо бычков на ферму, и жизнь в деревне снова замерла.

Из воспоминаний Надежды Ивановны: «В начале Отечественной войны меня вместе с деревенскими бабами отвезли на лошадях в районный центр, а оттуда отправили поездом под Селижарово копать противотанковые рвы. Был август 1941 года, на траншеях работали одни женщины. Спали в сараях на сене, кормили едой из походных кухонь. Выкапывали в полях картошку и пекли ее на костре. Выкопав нужный участок, по ночам шли вдоль Волги к Ржеву копать ров на

другом участке. Немецкие самолеты бомбили их иногда по 2–3 раза в день. Все бежали к лесу, некоторые обратно не возвращались, уходили домой, других накрывали падающие бомбы.

В середине сентября мы с деревенскими бабами тоже решили уходить домой после очередной бомбежки, но сначала предупредить свое начальство. Немцы были уже почти рядом, а наше начальство из райисполкома тоже куда-то делось, мы его найти не смогли.

Шли лесом вдоль дороги, вечера и ночи уже были холодными. На ночь зарывались в сено сараев, но к утру все равно зуб на зуб не попадал от холода. Рано утром шли дальше, греясь ходьбой. В деревни заходить боялись, чтобы не вернули обратно на траншеи. За день проходили по 50–60 километров, от Торжка пошли не в Калинин, а через Лихославль на Микшино. Трое суток ничего не ели, и только в Новокарельском районе вечером постучали в один дом.

Заговорили на карельском языке, если свои люди, то поймут, если не поймут, то пойдем дальше. Это была карельская деревня Бронино возле Микшина. Хозяин сбегал к соседям, распределили нас на ночь по 2 человека. Достали из печки чугуны с теплой водой, в сенях при свете лампы по очереди помылись, став в корыте. Накормили всех ужином, уложили спать на теплую печку. Спали как убитые, утром позавтракали и пошли дальше уже по дороге. Жители деревни дали им продуктов с собою и сказали, чтобы не прятались и шли по дороге на Рамешки, через карельские деревни Тучево, Никольское и дальше, никто их не выдаст.

Следующую ночь ночевали в другой карельской деревне Заклинье Рамешковского района. Сюда мы пришли в субботу, как раз топились бани. За месяц мы как следует отмьлись, отдохнули и пошли дальше домой. Дома были через день к вечеру, здесь радовались нашему приходу и тревожились за нашу дальнейшую судьбу. Ведь за отказ работать на траншеях иногда отправляли в тюрьму. Но к этому времени немцы уже захватили Селижарово, всем было не до сбежавших девушек и женщин. Да и, поди, разбери, кто больной, кого отпустили, а кто сам сбежал».

Надо сказать, что сразу после нападения Германии на Советский Союз началось строительство оборонительных укреплений на территории Тверской области. Строили их в основном женщины и подростки. Мобилизовали на это по области 200 тысяч человек. По линии

Оленино–Селижарово–Осташково построили около 240 километров укреплений.

30 сентября 1941 года начальник УНКВД по Калининской области Токарев в спецсообщении докладывал первому секретарю обкома Бойцову о ходе строительства укрепленного рубежа по состоянию на 15 сентября. Бытовые условия мобилизованных были тяжелыми, питание плохое. Из-за этого с линии работ ежедневно уходили до 500 человек, кроме того, до 200 человек в день выбывали по причинам болезни.

В судебной практике на местах имелись случаи нарушения закона при рассмотрении дел об отказе от оборонных работ. Незаконно лишали свободы по ст. 61² УК РСФСР беременных женщин, женщин с малолетними детьми и больных... [18].

26 июня 1947 года, как и многие жители деревни, Надежда Ивановна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Начинало темнеть, можно одеваться и сходить к Голубевым посмотреть телевизор хоть часик, да узнать про корову. Вернулась домой она около девяти часов вечера, сварила кашу, поела и легла спать. Это была последняя осень Надежды Ивановны в деревне.

На следующий год летом ее пришлось отвезти в больницу, где она и умерла. А до этого была еще «гайдаровская шоковая весна» 1992 года. Деньги резко обесценились, вклады на сберегательных книжках пропали, продуктов было мало. Раньше зять всегда приезжал в деревню с полными сумками продуктов. А этой весной в рюкзаке у него были лишь хлеб, сахар, чай, консервы мясные и рыбные да кусок колбасы. Не хватало денег на учебу трех дочерей, да и продуктов в магазинах практически не было, полки там пустые. В доме у Надежды Ивановны было голодно.

Делать было нечего, зять впервые в своей жизни решил взять грех на душу. Он пошел в лес под названием «сосняк», хотя там росли березы. Раньше это был сосновый бор, но решили там добывать торф, прокопали канавы, осушили землю. Местные мальчишки устроили костер, не осталось ни торфа, ни сосен. Долго «болел» этот островок земли, пока не выросли березки. Зять нашел там два утиных гнезда, принес домой около двух десятков яиц. Набрал крапивы, сварил из них щи, покрошил в них вареные утиные яйца, поели.

Зять пошел к своим родителям, которые всегда жили зажиточно. Но и у них запасы продуктов заканчивались. Тоже сходил за утиными яйцами, сварил их. Мать и отчим во время обеда поставили щи, картошку с мясом, но от яиц отказались. Они никогда до конца своей жизни не ели яйца диких птиц. Зять отнес эти яйца к теще.

Да, трудно осознать пожилому человеку, что же произошло в этой жизни, почему она в конце долгого жизненного пути должна иметь продукты и одежду только по талонам и где деньги, которые она подбила на свою смерть?

Рынок в деревне

Днем 18 сентября 1992 года к пенсионерке Анне Ивановне Беляковой зашла соседка. Она сказала, что завтра правление колхоза будет раздавать земельные и имущественные паи колхозникам.

Анна Ивановна спросила, что это такое. Соседка стала подробно говорить, что советской власти в стране уже нет. Новое правительство решило развалить колхозы, а землю, скотные дворы, сараи, житницы, трактора, машины и все другое передать колхозникам. Кроме них, паи могут получить учителя, медики, пенсионеры, которые раньше работали в колхозе. Хоть и тяжело идти за три километра на центральную усадьбу, но надо быть на дележке, иначе ничего не достанется.

Анна Ивановна не спала всю ночь, вспоминая свою жизнь и работу в колхозе. Она родилась в 1925 году, в колхозе работала с 12 лет, отучившись в школе 4 года. Надо было помогать родителям, поднимать еще четверых младших братьев и сестер. Получается, что до своей пенсии она в колхозе отработала 43 года. Выйдя на пенсию, еще десять лет ни дня не пропустила, работала в колхозе.

Старалась больше поднять льна, наравне с другими косила вручную, зимой ухаживала за лошадьми. Перестала работать всего два года назад, и вот теперь колхоза не будет. Ей дадут 10 гектар земли, и может чего-нибудь из имущества. Трактор, машину, комбайн, сарай она не получит. Их получают те, кто моложе, кто родился в 50-х, 60-х годах и продолжал работать в колхозе. Но взять чего-то себе надо, а то ведь смеяться будут над ней соседи за скромность. Да и дети, которые живут в разных городах, ее не поймут.

Она перебирала, что бы ей взять из имущества, ее осенило. Надо взять остатки старой мельницы. Эта мельница принадлежала ее деду Николаю Яковлевичу. Ее в 1931 году взяли силой в колхоз. Мельницей она была до 1960 года, потом ее переделали в водогрейку. Сначала воду носили туда ведрами и заливали в котел. Позднее на речке оборудовали водокачку с насосом, провели трубы и закачивали котлы этой водогрейки. Водогрейка исправно работала до 1985 года, потом прохудилась крыша. Стадо перевели в другие деревни, водогрейку колхозники стали разбирать себе на дрова. К 1992 году от нее остались три венца бревен на угловых больших камнях, да гряда глины от бывшей печки.

Анна Ивановна решила, что из этой мельницы-водогрейки она ничего себе не сделает, но память о деде, отце и других родственниках будет у нее до конца своих дней.

Утром она надела темно-синее шерстяное платье, которое надевала по праздникам, новую шерстяную кофту, пропахшую в сундуке нафталином. Повязала серый шерстяной платок, накинула плюшевую жакетку и с палочкой пошла в правление. Проходя мимо дома культуры, увидела возле него много людей. Ей сказали, что правление будет заседать в доме культуры, потому что пришло много желающих.

Председатель колхоза сказал, что в стране новая власть взяла курс на фермерство и личные подсобные хозяйства. Поэтому, выполняя линию правительства, правление колхоза решило распустить колхоз, раздать всем землю и имущество. Они на правлении уже прикинули, кому что дать.

Больше получают те, кто до сих пор активно работает в колхозе, не пьянствует, не прогуливает, не нарушает дисциплину, у кого больше выходной и трудовые показатели. Что останется от них, получают учителя, медики и пенсионеры.

Тут начался такой гвалт, шум, неразбериха, которая не поддается описанию. Только через полчаса воцарилось относительное спокойствие, которое дало возможность зачитать список, кому что достанется. Споров было достаточно, так как те, кто поднимал колхоз, работал в тяжелые военные годы, возражали, почему они не попали в основной список по имуществу. Почему туда вошли только молодые.

Страсти кое-как улеглись, перешли ко второму списку. Анна Ивановна Белякова подняла руку и сама попросила в качестве имущественного пая остатки бывшей мельницы. В зале кто-то пошутил, кто-

то захихикал, но этот поступок разрядил напряженную обстановку. Просьба была поставлена на голосование членов правления и сразу же удовлетворена. Работа по распределению паев продолжалась.

На обратном пути Анна Ивановна присела на бревна мельницы, гладила их рукой, вспоминала и плакала. Прошло время, на практике ничего не изменилось. Председателя колхоза перевели в райцентр директором дорожной организации. Избранный председателем экономист колхоза решила не делить землю на паи. Свидетельства на них пусть остаются у колхозников, но они пусть напишут заявления, что передают земельные паи в колхоз. Так и сделали: написали заявления, и сволокли технику обратно в колхозные мастерские. Весной как могли, отсеялись, колхоз сохранился. Надо отметить, что не все районы в области сохранили колхозы.

Все резко изменилось летом 2005 года, когда на центральную усадьбу приехали москвичи на машине, где сидели нотариус с печатями, юрист, кассир с кассовым аппаратом и деньгами.

Они стали приглашать владельцев паев со свидетельствами и покупать их по цене одна тысяча рублей за гектар земли. Имущество оценивали по обоюдному согласию. Деревенские решили, что земля оценена хорошо, так как многие участки стали бросовыми, не обрабатывались. Каждый получал по 10 тысяч рублей за землю и 100–120 тысяч за имущество: скотный двор, сарай, трактор, комбайн, тракторную тележку и другое.

К Анне Ивановне Беляковой неожиданно приехали внуки из неблизкого города. Она им обрадовалась, так как не видела их уже 12 лет, внуки за это время стали взрослыми, отслужили армию, хорошо освоили рыночные отношения. Но недолго она радовалась, так как прямо с порога они предложили бабушке срочно одеваться. Расстроенная старушка мало чего понимала. Один внук стал искать свидетельства на земельные и имущественные паи, два других помогали бабушке одеваться. Они посадили ее в машину и привезли на центральную усадьбу к москвичам. На руках внесли в «Газель», где бойко оформляли договоры купли-продажи паев.

Нотариус предложил Анне Ивановне подписать договор, в который была внесена ее фамилия и другие данные. Внуки торопили, Анна Ивановна подписала. После этого оценили, как и всем, землю в 10 тысяч рублей, а имущество – 3 тысячи рублей и выдали деньги. Внуки тут же стали возмущаться, почему другим дали по 120 тысяч, а им 13 ты-

сяч. Представители московской фирмы внушали им, что есть разница между скотным двором или комбайном и их развалюхой.

Внуки привезли бабушку в деревню, привели домой, дали ей одну тысячу рублей, остальные поделили на троих и уехали. Как ни уговаривала Анна Ивановна их остаться на ночку, не остались. Лишь наговорили ей грубостей о том, что так много работала в колхозе, а ничего себе не попросила и не взяла.

На другое утро соседка, придя к Анне Ивановне, обнаружила ее мертвой у своей кровати. Она протягивала вперед руки вслед уходящим внукам.

Предприниматель в деревне

Двадцатисемилетний деревенский парень Алексей, отработав пять лет в Москве, заработал денег и заимел знакомства. Одна солидная фирма предложила ему вернуться на свою родину и начать там свой бизнес. Фирма предоставляла первичные средства для раскрутки дела. Идея была в том, чтобы в сельской местности установить две печи и в них сжигать древесные отходы на угли. Благо этих отходов были целые завалы, их сжигали как в лесу, так и на территории лесхозов, деревообрабатывающих комбинатов, цехов и предприятий. Фирма хотела, чтобы уголь привозили в Москву и сдавали ей оптом за определенную сумму.

Воодушевленный идеей, Алексей приехал в свой район по месту прописки, зарегистрировал ЧП – частное предприятие. Сразу начал поиски партнеров, которые могли бы ему продавать отходы. Сначала он приехал в один поселок, где работал фанерный цех. Увидел на его территории груды «карандашей» – отходов от березовых кряжей после снятия с них шпона для фанеры.

Он нашел начальника цеха, предложил ему свои услуги. Начальник цеха сказал, что со временем эти отходы им пригодятся. Алексей резюмировал, что отходы складировются годами, гниют и никому они не нужны. Начальник цеха направил его в районный центр к своему хозяину. Хозяин этого цеха долго не хотел принимать Алексея, пытаясь по телефону, какой вопрос. Телефонные переговоры длились около двух недель. За это время Алексей объехал еще четыре района

области, встречался с руководителями лесхозов и леспромхозов. Они соглашались сотрудничать при цене отходов от 600 до 800 рублей за кубометр, хотя сами покупали не отходы, а хорошие березовые кряжи за 350–400 рублей.

Наконец хозяин фанерного цеха принял Алексея и предложил ему отходы по 900 рублей за кубометр. Переговоры ни к чему не привели. Тогда Алексей побывал на конкурирующем предприятии и договорился там по 300 рублей за кубометр.

После этого начал поиск площадки, где можно было установить печи. Проехал почти все действующие и бывшие колхозы района, где пустовали старые фермы, ангары, бывшие мастерские и другие помещения. Но почему-то ни один председатель, ни один глава сельской администрации не соглашались передавать ему в аренду помещения.

Наконец один председатель колхоза не отказал в предоставлении пустующего ангара, но только с разрешения главы района. Снова начались длительные переговоры, во время которых глава района установил неподъемную сумму аренды ангара – 8 тысяч в месяц. Одновременно Алексей решал вопросы разных разрешений от земельного комитета, экологов, пожарников, санитарных и других служб. Он подсчитал, что на получение всех этих разрешений у него уйдет времени не менее полугодя и денег около 120 тысяч рублей. Он и так потерял за эти два месяца на поездки и телефонные переговоры почти месячную заработную плату, полученную в Москве.

Сослуживец Юрий отговаривал Алексея от затеи, он рассказал ему, как сам регистрировал некоммерческое партнерство в областном центре. На это ушло более двух месяцев, немало сил и нервов. Подготовил устав, направил на проверку в регистрационную палату, проверка шла месяц, нашли массу замечаний.

Устранил все замечания, зарегистрировал Устав, после чего в течение одного месяца нужно было: зарегистрировать партнерство в Госкомстате, налоговой инспекции, в фондах и открыть счет. За постановку на учет в Госкомстате надо было заплатить деньги не там, на месте, а на почте.

В налоговой инспекции все документы нужно было отпечатать на машинке. Это оказалось большой проблемой, так как с появлением компьютеров вдруг с рабочих мест исчезли все машинки. С трудом отыскал машинку в одной организации, ее при нем отремонтировали,

и он сам отпечатал все необходимые документы. Юрий отметил, что в налоговой инспекции сделали все очень быстро в течение получаса, унизибельно попросив для дел два скоросшивателя.

В фонде медицинского страхования попросили пять документов, и также поставили на учет. Он прошел, таким образом, еще пенсионный фонд и фонд социального страхования. Коммерческие банки за открытие счета потребовали от 1000 до 2000 рублей и 15 видов документов, заверенных нотариусом. Юрий прошел десять банков, лишь один филиал крупного банка открыл счет бесплатно, так как тогда он начинал развиваться.

Юрий, зарегистрировав свое некоммерческое партнерство и поставив его на учет, проработал в бизнесе около года, зарабатывал лишь на хлеб без масла. Потом он приостановил деятельность и снова уехал на заработки в Москву.

Приехав в свой район, Алексей тоже мечтал о том, что заведет свое дело, женится. Купит в деревне или поселке дом, пойдут дети. И заживут они так, как должна жить нормальная семья. Но с каждым днем эти мечты все больше отодвигались на дальний план. Он стал задумываться, почему люди так не уважают друг друга, мешают открыть любое дело. И сами не хотят этим заниматься и другим не дают. Ведь сколько отходов лежит в лесах и лесхозах. Почему надо пройти столько унижений, издевательств, чтобы открыть любое, даже такое малое дело. Он смог бы принести району какую-то пользу – устроил бы на работу 3–4 молодых человека, платил бы им хорошую зарплату, давал району налоги, платил бы деньги за аренду помещений, постоянно очищал бы от древесных залежей лесные площади. Этих «бы» много, но об этом никто пока не думает, каждый спрашивал одно: «А что я лично буду от этого иметь?» Алексей плюнул на эту идею и снова вернулся работать в Москву.

Как умирали карельские деревни

Число карел Карело-Кошевского прихода бывшего Бежецкого уезда за 250 лет, с 1650 года к началу XX века, возросло с 74 человек до 1910 человек или в 25,8 раза. Советская власть разбросала тверских карел по всей стране под видом кулаков, переселенцев в Карелию или

для строительства городов. Со второй половины XX века число карел стало очень резко сокращаться.

Основа сохранения карельского населения – это деревня. Местность, куда пришли карелы, была обезлюжена от мора, болезней и разбойников в конце XVI века. Карелы заселили ее, подняли, освоили, держали и преумножали четыре века. В этих деревнях чередовались понятия: любовь, рождение, жизнь, смерть и память об умерших родичах. Больше всего на свете они любили свою землю, свою семью и свою деревню.

Есть один Бог на свете, которому надо всегда поклоняться – это Земля. Она никогда не подведет, выручит в любую лихую годину. Крестьяне верят земле и часто поклоняются ей, работая на поле и в огороде каждый день. Выросшие в деревне доверяют земле и благодарят ее за то, что она кормит, поит, каждую весну рождает новую жизнь и принимает все живое, в том числе и человека, обратно в себя.

В начале 80-х годов XX века не стало карельских деревень Акинихи и Терехова. Еще когда в 1961 году объединяли два карельских колхоза «Заветы Ильича» и им. Сталина, две эти деревни почему-то отнесли к колхозу «Красный воин», состоящему из русских деревень. Карелы трижды откладывали общее собрание по объединению колхозов, но ничего не помогло. Именно эти две карельские деревни умерли самыми первыми.

В конце 80-х распалась деревня Поцеп, эта местность снова обезлюдела, одичала, заросла бурьяном, кустарником и молодым лесом. Нужно отметить, что карельские деревни держались еще тридцать лет после того, как обезлюдели окрестные русские деревни: Богородица, Заболотье, Зобищи, Молоди, Новоселье, Ножкино, Слепнево, Терebene, Ханино, Хотена и другие.

Деревня Петряйцево была основана карелами в 1649–1650 годах, прожила 353 года и умерла в 2003 году. В ней родились и жили тринадцать поколений карел. Почти до самой ее кончины в ней проживали потомки тех карел, которые пришли сюда в XVII веке: Борисовы, Головкины, Ивановы, Михайловы. Ее медленная смерть началась после Великой Отечественной войны и продолжалась полвека. В годы войны погибли 12 мужчин: И.М. Борисов, В.В. Быстров, М.И. Быстров, П.Я. Головкин, Ф.И. Иванов, В.Е. Калачев, Н.А. Лобанов, М.Я. Майоров, В.И. Малютин, И.С. Нетрусов, И.В. Фомичев, И.А. Фомичев.

Следующий удар по деревне был нанесен в начале 50-х годов XX века. Тогда не вернулись домой парни 1927–1931 годов рождения, ушедшие служить в армию: Василий Быстров, Анатолий Майоров, Алексей Малютин, Михаил и Иван Малинины, Павел Нетрусов, Василий Нетрусов-Семенов. Они остались жить там, где служили – в Ленинградской, Мурманской, Кемеровской области, в городе Рыбинске. Развитие промышленности и строительства требовало много рук, их так не хватало после войны в городах. Девушки вслед потянулись в города, чтобы, при отсутствии в деревне парней, устроить свою жизнь. Через 2–3 года карелы, ставшие городскими, приехали в деревню, женились на местных и увезли своих жен.

Русские парни из-за леса неоднократно пытались увести молодых карелок, чтобы жениться на них. Из-за этого во время праздника Успенье 28 августа 1954 года на окраине деревни разыгралась трагедия. Кто-то сказал местным парням, что русские собираются придти в деревню гулять с местными девками. Полтора десятка парней от 17 до 24 лет с кольями в руках стали ожидать русских у северных ворот деревни. Прибывший еще днем в деревню участковый инспектор гостил в одном из домов, в ситуацию не вмешивался.

Парни увидели, что от леса Оносиха приближается толпа мужчин, больше десятка человек, тоже вооруженных палками и кольями. Русские и карелы схлестнулись возле деревенских ворот в яростной битве. Заводилой у карел был местный гармонист Николай Михайлов – небольшого роста парень, верткий, шустрый и отчаянно смелый. От ударов у него сломался кол, он выдернул из стоящих, как на грех, неподалеку саней оглоблю, и ударил ею по голове первого подбежавшего русского парня.

От удара тот замертво упал на землю, в это время к месту происшествия бежал участковый инспектор, стреляя на ходу из пистолета. Русские парни побежали к лесу, карелы – в деревню. На другой день прибыл следователь, гармониста арестовали, судили, дали десять лет лагерей за убийство. Из лагеря он бежал, ему добавили за побег, так и умер за колючей проволокой, не увидев больше свободы.

Русские парни продолжали проявлять настойчивый интерес к карельским девушкам и через год увели из деревни четверых. Засидевшиеся в девках 1927–1930 годов рождения Тарасова Катя, Быстрова Анна, Нетрусова-Семенова Александра, Нетрусова Александра вышли замуж за русских парней в соседние деревни Грудино и Прокино. Это

было неожиданным для деревенских жителей, так как они впервые за всю историю этой карельской деревни нарушили старинные традиции и обычаи. Хотя из других карельских деревень девушки выходили ранее замуж за русских.

Парни, рожденные перед войной – Иванов Валентин, Иванов-Шляхтин Анатолий, Быстров Николай тоже не вернулись домой после армии. В дорожных происшествиях погибли, не женившись, Калачев Володя, Иванов Анатолий, Фомичев Михаил.

Но, несмотря на это, деревня продолжала жить полнокровной жизнью, к 1960 году было 110 жителей. Здесь люди жили, влюблялись, женились, растили детей, умирали, а живые сохраняли память об умерших сородичах. Когда в середине XX века из карельских деревень стали уезжать молодые люди, когда деревни объявляли неперспективными, они, наперекор всему, жили, потому что была работа. Была школа, клуб, библиотека, в домах появились холодильники, стиральные машины, телевизоры.

Серьезный удар по деревне нанесли мы, послевоенные. В нашем классе вместе со мной из нашей деревни учились 10 человек: Борисова Вера, Голубева Валентина, Базловы Николай и Анатолий, Старшovy Алексей и Анатолий, Борисов Николай, Аникаев Иван, Нетрусов Владимир, Фомичева Антонина. Никто из нас в деревне не остался, за нами потянулись следующие поколения. Из выпускников класса в родной местности до пятидесяти лет дожил здесь один Базлов Николай и тот уехал потом в Санкт-Петербург.

С нашего, тринадцатого поколения карел, родившихся на тверской земле, стали окончательно умирать деревни Карело-Кошевского прихода. Последним четырнадцатым поколением карел, родившихся в них, были наши дети. Одно поколение составляет примерно половину человеческой жизни, в период переселения карел – 25 лет, в начале XXI века около 35 лет.

В середине 80-х годов XX века деревню Петрайцево официально объявили неперспективной, начали строить дома на центральной усадьбе в Бережках. К 1990 году туда переехали семьи: Базловых, Бритвиных, Быстровых, Нетрусовых, Комаровых, Соколовых и Фомичевых, всего 7 семей. Остались жить моя мать с отчимом, да три русских семьи Туркиных.

Но потом развалили колхоз, работы в деревне не было никакой, не было средств на жизнь, жили только на пенсии стариков. В 1996 году

умер мой отчим, в 2000 году – моя мать. Моя мать до самой своей смерти никогда не переводила часы в марте на час вперед и в октябре на час назад. Она говорила: «Солнышко не обманешь, оно ходит по-прежнему, как всегда».

Потеряв работу, Туркин Николай повесился, Туркин Александр сошел с ума, и его направили в психбольницу. После смерти их матери в 2003 году, сыновья Михаил и Юрий переехали жить в деревню Душково.

Деревня Петрайцево, основанная карелами в 1649–1650 годах, прожила 353 года и умерла в 2003 году. Еще раньше умерли карельские деревни Акиниха и Терехово в 1987 году, Поцеп в 1989 году.

В октябре 2003 года по пути из Сонкова в Тверь я приехал на деревенское кладбище, где лежат карелы всей округи. Здесь остались жить около трех десятков карел, в деревнях живут в основном русские, но их тоже мало. На кладбище я увидел пожилую женщину, нашу бывшую соседку Быстрову (Калачеву) Александру, ей около 70 лет.

Я стал расспрашивать у Шуры о своих деревенских жителях. Она спросила, как лучше говорить по-карельски или по-русски. «Раньше здесь все говорили по-карельски. Теперь мы только дома с мужем Лешей говорим по-карельски. В Бережках сейчас много русских переселенцев из Таджикистана и Узбекистана. Из других деревень за хлебом не ходят. В Душково и Климантино ездят автолавки. Так что карельской речи уже почти не слышать».

Я спросил, что умирают и погибают многие, а кто-нибудь рождает или нет. Она ответила, что не помнит, чтобы кто-нибудь родился в прошлом и этом годах. А карел вообще осталось около трех десятков по 4–5 человек в деревне.

Я встал посредине кладбища и просил прощения у своих земляков. Подошел к могилам своих родственников и душою почувствовал очищение от скверны, которая скопилась в большом городе и которая забыла о деревне, давшей нам дорогу в большую жизнь. Душою чувствовал, что должен все-таки у нас наступить медленный поворот в сторону деревни. Успеть бы, пока там есть еще люди: совестливые, трудолюбивые, забытые властью, живущие верою в лучшее будущее.

После кладбища заехал к старому своему приятелю Александру Петровичу Белоусову (тезка главе города Твери). Он сказал, что летом умерла мама Лида, которая держала нашу деревню Петрайцево последние семь лет.

Мама Лида с мужем и пятью детьми переехала в нашу деревню в конце шестидесятых годов XX века. Эта русская семья внесла большую сумятицу в уклад жизни карельской деревни. В ней все было напоказ: пьянство, семейные разборки, крик на всю деревню, воровство и многие происшествия. Свою семью успокоить могла только мама Лида. В то время наша деревня насчитывала тридцать два дома и сто десять жителей.

В деревне Петрайцево оставалось стоять 10 пустых домов, заросла травой и бурьяном дорога на Душково. Эта дорога была протоптана теми, кто ходил в школу, кого силой увозили в Сибирь, кого со слезами провожали на войну. Эта дорога протоптана теми, кто нес на плечах гробы с умершими жителями на кладбище. Теми, кто уехал из своей деревни навсегда.

Другая карельская деревня Горбовец, где родилась и выросла моя жена, прожила до 2009 года. Екатерину Григорьевну увезли из Горбовца в районный центр самой последней из жителей, в сентябре 2009 года, после того, как она выкопала картошку. Ей было уже 84 года, месяц назад похоронила мужа, с которым прожила 61 год. Вырастили детей и внуков, из деревни никуда не выезжали. Как родились здесь, где жили все предки, так и прожили на одном месте. В деревне никого не осталось, последний сосед Кузьмин Иван летом уехал в дом своей тетки на центральную усадьбу.

Я и мои сверстники-земляки являемся последним тринадцатым поколением карел этой местности. Наши дети считают себя уже русскими, проживают в других городах и селах, поэтому четырнадцатого поколения карел здесь уже нет и не будет никогда.

Но может быть, когда-нибудь кого-то из уже обрусевших внуков и правнуков тверских карел потянет сюда, чтобы поклониться могилам своих предков. Они тогда вспомнят, что в их жилах течет кровь предков, покоящихся на этом кладбище. Кто-то из них решит остаться здесь жить, чтобы вдохнуть жизнь в восстановленные деревни, как это сделали переселившиеся сюда карелы в XVII веке. Так постепенно и возродятся наши исчезнувшие деревни, но карельская речь в них звучать уже не будет никогда.

Кладбище, как памятник истории (заключение)

Давным-давно на своей прародине, Карельском перешейке, карелы обсаживали кладбище елками, поэтому понятие «кладбище» некоторые карелы долгое время заменяли словом «ельник». Здесь же, по русской традиции, возле могил сажали не елки, а березки, которые выросли и переживают уже свое новое четвертое поколение со времени первых захоронений местных карел.

После поколения наших дедов, могилы тверских карел раскиданы по городам и весям, а порою они вообще неизвестны. Сколько людей в нашей стране так и не узнали до самой своей смерти, где покоятся их родители, братья и сестры, переселенные и высланные в другую местность. Остается только предполагать, а где будем лежать после смерти мы и наши потомки, оторванные ветром судьбы от своей малой родины?

Когда-то в каждой деревенской избе на божнице за иконами хранились поминальнички – тщательно завернутые в бумагу тетради. В них записывали свою родословную из поколения в поколение по линии хозяев дома. По этим поминальничкам вспоминали родственников во время праздников и церковных служб. В годы активной борьбы советской власти с религией и насаждением атеизма, поминальнички были утеряны или сожжены. Последние из них пропали в 1950-е годы во время правления Н.С. Хрущева. Так как память человека несовершенна, теперь многие помнят лишь родителей, да бабушек с дедушками. Кто жил до них – уже не помнят.

Как память о проживании здесь карел сохранилось лишь кладбище и разрушенная Сретенская церковь на погосте Карело-Кошево. На старом деревенском кладбище с могучими березами лежат карелы всего Карело-Кошевского прихода, начиная со второй половины XVII века и до наших бабушек и дедушек, отцов и матерей.

На кладбище лежат все двенадцать поколений моих предков, начиная с Петряйки Головкина и прибывших с ним людей, построивших деревню Петряйцево. На местном кладбище отживают свое 100-летнее время третьи по счету старые березы. Одни стоят без вершин и веток, другие обросли мхом и падают на землю, повреждая кладбищенские ограды.

Здесь покоятся потомки основателей карельских деревень: Душки (Евдокима) Афанасьева (Офонасьева), Акинши Захарова, Терентия Федорова, Климента Игнатьева и Калины Артемьева (Ортемьева). Покоятся под крестами и без них, наши родные, наши далекие предки, многих из которых мы не знаем и никогда не узнаем, всего около 15 тысяч человек.

Здесь, на Карело-Кошевском кладбище, в одной могиле покоятся: мой дедушка по материнской линии Визюркин Иван Иванович (1880–1940 гг.), моя бабушка Визюркина (Абрамова) Акулина Абрамовна (1884–1954 гг.), отчим Иванов Владимир Федорович (1930–1996 гг.), моя мать Иванова (Головкина, Визюркина) Наталья Ивановна (1922–2000 гг.) и ее старшая сестра Смирнова (Визюркина) Анастасия Ивановна (1919–1964 гг.). Младшая сестра Александра похоронена в Санкт-Петербурге, а где покоится старший брат матери Михаил, сгинувший в годы последней войны, никто не знает.

В другой могиле похоронены: бабушка по отцовской линии Головкина (Чеснокова) Иринья Тимофеевна (1880–1953 гг.) и дедушка Головкин Яков Михайлович (1877–1936 гг.). Могила моего отца затеряна на одном из кладбищ политзаключенных в Республике Коми.

В одной большой могиле на этом кладбище похоронены родственники моей жены – Головкиной (Лебедевой) Зинаиды Ивановны: ее мать Лебедева (Смирнова) Мария Ивановна (1920–1946 гг.), дедушка Смирнов Иван Федорович (1886–1954 гг.), бабушка Смирнова (Блохина) Татьяна Ивановна (1889–1964 гг.). В ней также покоятся: сестры матери – Смирнова Анастасия Ивановна (1910–1965 гг.), Смирнова Надежда Ивановна (1918–1996 гг.), Лучинская (Смирнова) Анна Ивановна (1929–2013 гг.).

Отец жены Лебедев Иван Михайлович (1921–1994 гг.) похоронен в Тосненском районе Ленинградской области на кладбище, что вблизи дороги между поселками Саблино и Никольское.

9 апреля 2012 года мы с женой побывали на кладбище села Карело-Кошево. Снегу кругом было очень много, дорога прочищена до церкви. Дальше не было ни дороги, ни человеческих следов, кругом белое снежное пространство с холмами, речками и перелесками, окаймленное лесами. В селе Карело-Кошеве оставались тогда жить две русских семьи. В доме давно умершей учительницы Веры Алексеевны Лебедевой жила учительница Румянцева Тамара Павловна, 1929 года рождения, с сыном предпенсионного возраста. В доме быв-

шего дьячка Василия Тихомирова жила 80-летняя Терпигорева Раиса с сыном. Последний карел Румянцев Михаил Арсеньевич, чья семья с 1938 года жила в доме священника, умер два года назад. В селе было еще два дома, пригодных для проживания, остальные четыре дома развалились.

На зимнем кладбище тропинок не было, снег выше колен, мы шли след в след сначала к могиле моих родителей, потом к могилам родственников жены. Положили на могилы цветы и зажгли свечи. На обратном пути зашли в построенную Белоусовым Александром деревянную часовню Сретенья Господня. Она по старой привычке на замок не закрыта, лишь накинут крючок в петлю. В часовне установлено 17 икон разных размеров и пустая коробка для пожертвований на ремонт Сретенского храма. Мы положили туда деньги, все равно кому-нибудь пойдут на пользу.

По дороге встретили и поговорили с местными жителями деревни Бережки. Они рассказали, что в деревне до 2011 года еще была колхозная ферма. Потом все колхозное имущество стали продавать с молотка: фермы, мастерские, заправку, здания правления, детского садика, клуба.

На площадке у детского садика, который не действовал уже 20 лет, стояли исправные качели, шведские стенки, турники. Жители сказали нам, что все земли от озера Уйвешь до Петряйцева, Байков и 13-го километра дороги Сонково-Бежецк скупил один генерал из Москвы. Он создал охотничьи угодья, установил три вышки и нанял для охраны своих владений трех местных егерей. В деревнях вообще никакой работы нет, живут на пенсии и подсобные хозяйства. Сохранились медпункт и два магазина.

Мы прошли по мертвой улице деревни Бережки, вновь построенные в конце XX века дома, через один пусты, к их крыльцу не вел по снегу человеческий след. Нами все воспринималось по-другому, чем тогда, когда мы жили здесь. Родники повреждены, поэтому речки обмелели. Деревни все опустели, почти все жители на местном кладбище. Поля заросли кустарником и лесом. Холмы стали не такими крутыми, их спустили бульдозером. Неизменными оставались березовая роща в Бережках, которую, слава Богу, сберегли и не вырубали на дрова, да уже переполненное кладбище.

23 февраля 2016 года я снова ездил на кладбище в Карело-Кошево. На протяжении всего пути в 150 километров от Твери, не встретилось

ни одной полноценной деревни, какие были еще до 1995 года. Во всех деревнях полуразвалившиеся дома, тропинки в снегу идут к 2–3 домам из всей деревни, нет никакой работы. Разрушены дома культуры, правления колхозов, детские сады, школы, фермы, хозяйственные постройки. К этой картине дополняются разрушенные советской властью церкви. Убожество, дикость, нищета в центре России в 200 километрах от Москвы.

Не остается тверских карельских деревень, не остается и самих карел, лишь на некоторое время сохранится память о них, а потом забудут совсем.

3 декабря 2005 года в городе Хельсинки я посетил выставку финской художницы Инны Коллиандер (1905–1985 гг.), которая была открыта в музее «Атенеум» в связи со 100-летием со дня рождения художницы. Меня поразила одна ее картина, посвященная любви, где изображены могилы предков, расположенные друг над другом, из поколения в поколение. А на земле над этими могилами двое влюбленных разжигают костер жизни. Скоро от этого костра у них появится новая жизнь, и так будет продолжаться из поколения в поколение. Жизнь на земле не умрет, пока есть Любовь, только надо любить друг друга, свою малую родину и свой народ.

*Город Тверь, 2006–2007 годы;
дополнения и изменения 2010–2014, 2023 годы.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Из личного архива автора.
2. ГАТО, ф. 160, оп. 1, д. 17930, л.д. 602–619.
3. Сонковский районный архив Тверской области, ф. 65, оп. 1, л.д. 98.
4. Там же, ф. 1, оп. 1, д.32, л.д. 44, 75.
5. Там же, д. 14, л.д. 4.
6. Там же, д. 32, л.д. 75–82.
7. Там же, д. 26, л.д. 56–58.
8. Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области, т. II. Тверь, 2001. С. 90.
9. Книга памяти, 1939–1940 гг., Патриот. М., 1999. Т. 2. С. 10–11.
10. Политическая история Финляндии. С. 131, 137, 177, 188.
11. Книга памяти, 1939–1940 гг. С. 12–45.
12. Политическая история Финляндии. С. 183, 189, 326.
13. Газета «Вече Твери» от 11.02.2005 г. Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области, т. IV. М., 2015. С. 178.
14. Газета «Труд-7», № 229 от 02.12.2004.
15. Книга памяти. Тверь, 1999. Т. 2.
16. Газета «Труд-7», № 229 от 02.12.2004.
17. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том II. Изд. «Новости», 1995. С. 19–20.
18. От ЧК до ФСБ. Тверь, 1998. С. 219–220.

Книга вторая

Деревенские нэпманы

Введение

В предыдущих книгах о тверских карелах я писал об истории и жизни карел на основе материалов, полученных из архивных источников, документов, воспоминаний очевидцев и других первоисточников. Попытался осветить многие факты, начиная от рождения карельской нации в IX веке на Карельском перешейке и Приладожье, и до начала XXI века уже на тверской земле. История карельских деревень Тверской губернии и их жителей неразрывно связана с русским населением, с которым они проживали рядом, своими деревнями, или совместно с ними в одной деревне.

Но остались неизученными еще «белые пятна» в истории тверских карел, одно из них – короткий период их жизни, так же, как и русского населения, во время объявленной советской властью новой экономической политики (НЭП) в 1921–1928 годах, последующего за ней раскулачивания и коллективизации крестьянских хозяйств в 1929–1932 годах.

Обучаясь в школе и институте, о времени НЭПа мы могли судить лишь по плакатам с критикой советского *городского* буржуя. На тех же плакатах мы видели крестьянина за работой: он пашет плугом или сохой землю, бросает из лукошка в нее зерна или молотит цепом хлеб нового урожая. Но тогда не было, и до сих пор нет понятия «деревенский нэпман», было и есть другое насаждаемое нам понятие – «кулак».

Задача кулака-ростовщика – заработать деньги путем скупки и перепродажи хлеба, скота и сельскохозяйственных продуктов на выгодных для себя условиях, то есть путем спекуляции, или выдачи ссуды под большие проценты, то есть в рост.

Главная задача **деревенского нэпмана**, как любого другого крестьянина, была – прокормить, одеть и обуть свою семью, при возможности дать образование детям. Деревенские нэпманы часто безвозмездно помогали бедным семьям продуктами питания, использованием теми молотилок, сеялок и других сельскохозяйственных машин, лошадей для пахоты, сева и уборки урожая. Они хорошо уживались со своими соседями, понимая, что в деревне все на виду, каждый житель все знает о жизни других.

Благодаря трудолюбию, знаниям, опыту и предприимчивости хозяйственных крестьян, после первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 года, Гражданской войны, нищеты и разрухи поднималось сельское хозяйство, ремесла и торговля в деревне. Зажиточные крестьяне составляли конкуренцию коммунам, потребительской кооперации и неповоротливым государственным структурам, невольно заставляя их работать более активно.

Чем дальше я исследовал тему деревенских нэпманов, тем больше вопросов у меня возникало. Основной вопрос заключается в том, каким способом крестьянами в деревне было приобретено богатство – напряженным трудом или ростовщичеством и спекуляцией?

Почему, провозглашая лозунг «Земля – крестьянам!», и тем самым приблизив к себе крестьян, которые и обеспечили на местах победу советской власти, большевики сразу же, одним из первых своих декретов, изъяли у них из собственности землю, установив государственную монополию на нее?

Почему советская власть, провозглашая и всячески поддерживая государственную и коллективную собственность, через четыре года после Октябрьской революции все-таки провозгласила новую экономическую политику (НЭП), и вновь вернулась к частной собственности?

И самый главный вопрос: как так оказалось, что врагами советской власти стали те, кто кормил и одевал эту самую власть?

Ответы на эти вопросы заключаются в политике коммунистов, когда возникло сильнейшее противоречие между объективным экономическим ростом сельского хозяйства и политической программой

большевиков *на коллективизацию деревни и раскулачивание зажиточных крестьян*. Партия большевиков поставила перед собой задачу построения социализма, экономической основой которого, по их идеологии, являлась только общественная собственность на средства производства, исключая любую частную собственность на них.

Одновременно советская власть, вопреки вековым традициям и обычаям, после Октябрьской революции 1917 года, резко отказалась от местного самоуправления в деревне. Она добивалась выхода крестьян из деревенских общин, искусственно раслаивая деревенских жителей на бедняков, середняков и кулаков. Большевики добивались изменения управления в деревне с помощью вооруженной силы, декретов и предписаний, отучая крестьян от общинной самостоятельности, и попирая права, данные им в ходе крестьянских реформ второй половины XIX века и начала XX века.

Сразу после Октябрьской революции 1917 года большевики, захватив власть, установили государственную монополию на хлеб, *превратив его в оружие классово-борьбы*. Они запретили крестьянам самим продавать хлеб, а рабочим и другим гражданам страны – его покупать. Были созданы вооруженные продовольственные и заградительные отряды из рабочих, матросов и солдат, которые силой забирали у крестьян все «излишки» хлеба, порою оставляя их самих на голодную смерть.

Проводя продразверстку, продовольственные отряды из городов одновременно устанавливали советскую власть на местах, сажая в руководство сельскими и волостными советами представителей деревенской бедноты. После принятия декрета «О земле» во многих деревнях усилились стихийные захваты и переделы земли, а также помещичьего, монастырского и церковного имущества.

Созданным в июне 1918 года комитетам деревенской бедноты (комбедам) поручалось проводить отчуждение земель и имущества. Комбеды делили помещичьи, церковные, монастырские земли и оставшееся после грабежей имущество бывших хозяев, а также земли хуторян, зажиточных крестьянских семей и их отруба. Одновременно комбеды, вместе с продовольственными отрядами, изымали у богатых крестьян так называемые «излишки» хлеба.

Период времени насильственной реквизиции хлеба с 1918 по 1921 годы, получил название «военного коммунизма». *Насильственная продразверстка* вызвала недовольство крестьян советской

властью. Массовые крестьянские волнения прокатились по всей стране, особенно активно выступали против продразверстки, и вообще против советской власти, крестьяне Дона, Кубани, Поволжья, Сибири, Тамбовской губернии и Украины. Против коммунистов поднялись матросы Кронштадта, которые в большинстве своем были выходцами из крестьян и выражали интересы крестьянства.

Любую революцию всегда сопровождают разрушения, хаос, бедность, доходящая до нищеты, грабежи, разбой и другие преступные проявления. Эти все негативные явления в России усугубились потерями в первой мировой войне, а позднее – в Гражданской войне. По некоторым данным, человеческие потери, вместе с эмиграцией, в общей сложности за годы войны составили около 16 млн человек. После окончания Гражданской войны советская страна лежала в руинах, производство товаров промышленности и продуктов сельского хозяйства резко упало.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 года была провозглашена новая экономическая политика (НЭП), которая продолжалась чуть более 7 лет до октября 1928 года. Главной целью НЭПа было снятие социальной напряженности в стране, предотвращение дальнейшей разрухи в промышленности и сельском хозяйстве.

С того времени *продразверстка была заменена натуральным продовольственным налогом, который крестьяне вносили различными видами продукции, установленными отдельными декретами советской власти. Позднее натуральный продовольственный налог был заменен единым сельскохозяйственным налогом, который выплачивался в денежном выражении.*

В период проведения в СССР новой экономической политики были претворены в жизнь ее основные элементы:

- продразверстка заменена натуральным продовольственным налогом, затем – единым сельскохозяйственным налогом;
- мелкие и некоторые средние национализированные предприятия вновь были переданы от государства в частные руки;
- разрешена частная торговля излишками сельскохозяйственной продукции и кустарными изделиями;
- в октябре 1922 года новым Земельным кодексом было закреплено право выхода крестьян из сельской общины. Разрешена в ограниченном виде передача земли в аренду и применение наемного труда в сельскохозяйственном производстве;

- отменена трудовая повинность;
- проведена денежная реформа с введением твердой денежной единицы – золотого червонца. Кроме него в обращение были выпущены казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей, чеканились разменные серебряные и медные монеты.

Вводя новую экономическую политику (НЭП), руководители коммунистической партии и советское правительство ставили задачу развития промышленности в стране за счет деревни. Они взвинтили цены на изделия неразвитой еще промышленности и одновременно резко снизили цены на продукцию сельского хозяйства, умышленно образовав так называемые «ножницы цен». Советское руководство ставило задачу не в том, чтобы брать с крестьянина меньше, чем брали при капитализме, а в том, чтобы брать с них еще больше. Развитие частной собственности во время НЭПа, по мнению коммунистов, являлось отступлением от идей социализма, на что они были вынуждены пойти.

Спекуляция, обогащение, мошенничество, праздный образ жизни во времена НЭПа бурно расцветали в городах. В этой книге речь пойдет о деревне, где подобные явления наблюдались редко, а разумных, трудолюбивых, умелых зажиточных крестьян отнесли к «кулакам», объявив их «классовыми врагами пролетариата и советской власти».

Дав возможность крестьянам некоторое время в годы НЭПа вести частную торговлю, сдавать землю в аренду и нанимать рабочую силу, обогащаться за счет увеличения поголовья скота и площади посевов, за счет развития ремесел и промыслов, советская власть впоследствии изуверски поступила с самыми трудолюбивыми хозяевами, направив многих из них в лагерь или ссылку на Урал, в Сибирь, Казахстан и на Север.

Советские писатели в своих статьях и книгах сообщали читателям о нравственном разложении кулаков, об эксплуатации кулаками бедняков, но они не сумели или не хотели отличать немногочисленного деревенского «кулака-мироеда», кулака-ростовщика от значительной массы середняков и зажиточных крестьян.

Они называли работу раскулаченных крестьян, проводимых в ужасных условиях на строительстве Беломорканала, «подвигом чести и славы, подвигом доблести и геройства, обычным в советской стране». А массовую гибель ни в чем неповинных людей от голода и стужи – системой «перековки» людей, которую «впервые так смело и в таком широком объеме применили при строительстве Беломорканала».

В постсоветской литературе по-прежнему пишут, что главной ценностью советских нэпманов было богатство. Что сначала на лесоповал отправляли нэпманов, а за ними кулаков и середняков. Как бы ни так? Надо бы различать городских нэпманов, кулаков и зажиточных крестьян. Городских нэпманов массово не направляли на лесоповал, их судили суды в индивидуальном порядке и за конкретные преступления, а не президиумы сельских советов и тройки райисполкомов массово, как это было в отношении крестьян. Большинство городских нэпманов были устроены работать в торговых и снабженческих советских организациях, а вот деревенских нэпманов выселили из своих мест и направили на лесоповал.

Почему в городе мелкий торговец, мелкий промышленник и ремесленник – это «нэпманы», а в деревне – «кулаки»? К кулакам порою относили даже тех крестьян, которых голод и лишения привели к занятиям торговлей или ремеслами.

Эти постсоветские авторы не смогли или не захотели отличить зажиточного крестьянина-хлебороба или крестьянина-ремесленника от кулака-ростовщика, лично не занимавшегося сельским хозяйством, постоянно эксплуатировавшего чужой труд или дававшего крестьянам хлеб в долг под большие проценты. В продолжение идеологии, поддерживаемой в свое время советскими писателями, некоторые постсоветские авторы так и не поняли разницы между городскими нэпманами, наживавшими богатство на обмане и спекуляции, и зажиточными крестьянами, имевшими достаток за счет своего тяжелого ежедневного труда.

Кто-нибудь из этих писателей пробовал вспахать лошадью с плугом хоть одну сотку земли, а тем более – сохой?

О жизни крестьян может более достоверно написать тот, кто жил в деревне, месил сапогами грязь, кто работал в поле, кто пахал землю плугом. Основные технологии земледелия и ремесел, вместе с инструментами, орудиями и сельскохозяйственными машинами были перенесены из 1920-х годов в 1950–1960-е годы. Проживая в деревне, я имел возможность все это наблюдать, запоминать, чтобы через 55–60 лет описать в книге.

В этой книге я хотел показать, что именно крестьяне, занятые сельским хозяйством, деревенские ремесленники, торговцы, владельцы мелких промышленных предприятий и сельскохозяйственных машин накормили после первой мировой войны, Октябрьской революции и

Гражданской войны голодную страну и давали тогда необходимые для сельской жизни промышленные товары в своих мелких предприятиях.

Достоверность мыслей и фактов, изложенных в этой книге, основана на материалах декретов и других нормативных актов высших органов советской власти, стенографических отчетов съездов и конференций коммунистической партии большевиков, а также на архивных документах, хранящихся в Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ).

Чтобы не утонуть в массиве информации из архивных документов и материалов, я написал о временах НЭПа на примере жизни русского и карельского населения Бежецкой и Сулежской волостей Бежецкого уезда Тверской губернии. Жизнь крестьян в других волостях и уездах Тверской губернии, да и в других центральных губерниях РСФСР, проходила подобным образом, о чем наглядно свидетельствуют сводки ОГПУ и другие документы.

К каждому параграфу привожу высказывания руководителей Советского государства, коммунистической партии и видных деятелей на партийных съездах, конференциях, в письменных трудах о продразверстке, НЭПе и коллективизации, а также цитаты из документов.

Глава I. От продразверстки к единому сельхозналогу

Продразверстка (1918–1921 годы)

Ради бога, хлеба, хлеба и хлеба!

Иначе Питер может околоть. Ради бога.

В.И. Ленин

Сразу же после Октябрьской революции, в конце ноября 1917 года, советская власть стала создавать вооруженные отряды для реквизиции хлеба у крестьян. В ноябре-декабре 1917 года крестьяне еще могли свободно продавать хлеб на рынках и базарах по ценам, утвержденным Временным правительством 25 марта 1917 года, хотя самого того правительства уже не существовало. Так продолжалось до создания

вооруженных продовольственных и заградительных отрядов, которые *действовали на праве силы*, так как какой-либо правовой базы для их деятельности еще не существовало.

Первые продовольственные отряды, по указанию главы Советского государства В.И. Ленина, были образованы из матросов Кронштадта по 5–10 человек в отряде. Каждому отряду были приданы по 10 питерских рабочих, по мере формирования отрядов они направлялись в губернии для изъятия хлеба у крестьян. Матросам было дано указание, что если не удастся получить хлеб путем убеждения, он должен быть реквизирован силой.

1917 год. К 20 ноября 1917 года в составе продовольственных отрядов в разные губернии направили свыше 7 тысяч матросов и питерских рабочих. Во главе каждого отряда был поставлен комиссар, сначала назначаемый Петроградским комитетом большевистской партии.

С 8 декабря 1917 года продовольственные отряды были переподчинены от Петроградского военно-революционного комитета Народному комиссариату продовольствия. Ситуация в стране с хлебом была критическая. В январе 1918 года в Петроград ежедневно поступало по 13 вагонов с хлебом из 30 вагонов, необходимых при самой низкой потребности по 250 грамм на едока в день.

15 января 1918 года В.И. Ленин телеграфировал в Харьков направленным туда народным комиссарам В.А. Антонову-Овсеенко и Г.К. Орджоникидзе: «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба! Иначе Питер может околеть. Ради бога» [1].

24 декабря 1917 года ВЦИК и Народный комиссариат продовольствия РСФСР направил письма во все губернии с поручением местным органам власти об организации продовольственных комиссий при советах. На комиссии возлагалась задача контроля над всеми местными продовольственными организациями, включив в них своих представителей в качестве равноправных членов [2].

1918 год. 22 июля 1918 года Совнарком РСФСР принял декрет «О спекуляции», по которому виновные в сбыте, скупке или хранении с целью сбыта продуктов питания, подвергались наказанию не ниже 10 лет лишения свободы, соединенного с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества [3].

Твердые цены на хлеб, которые первоначально предлагала крестьянам советская власть, были такими мизерными, ниже свободных

рыночных цен в 15–20 раз, что деревне они были явно невыгодны. Крестьяне прятали хлеб в ямы, но не продавали его государству по твердым закупочным ценам. В обмен же на хлеб и продукты питания, рабочие ничего не могли предложить крестьянам из промышленных товаров, так как фабрики и заводы стояли. Положение с хлебом особенно обострилось весной 1918 года, когда наиболее богатые хлебные губернии находились в руках белой гвардии. На имя наркома продовольствия А.Д. Цюрупы, во ВЦИК и Совнарком поступали сообщения о крайней нужде в хлебе из многих городов.

Борьба за хлеб превращалась в борьбу за сохранение советской власти, которая решила забирать хлеб у крестьян силой. В мае 1918 года начался массовый поход вооруженных продовольственных отрядов из рабочих в деревню, и создание там своих вооруженных отрядов из бедноты для изъятия у крестьян хлеба.

Выступая 9 мая 1918 года на заседании ВЦИК, Нарком продовольствия А.Д. Цюрупа докладывал: «Нами организуются продовольственные отряды, в задачи которых входит отбирание у задерживающих и не отдающих хлеб кулаков и богатеев. Эти продовольственные отряды посылаются не только в целях взятия и реквизиции хлеба, но и в целях, что появление их должно показать населению, что хлеб будет взят силой. Появление отрядов должно стимулировать и побуждать к сдаче хлеба не только в тех местностях, где эти отряды появились, но и в ближайших местностях».

Продразверстка была введена уже официально, на государственном уровне. Декретом, утвержденным ВЦИК 13 мая 1918 года, Наркомату продовольствия предоставлялось право *применять вооруженную силу в случае оказания сопротивления отобранию излишков хлеба или иных продовольственных продуктов*. Все местные продовольственные органы были выведены из-под контроля губернских советов и подчинены непосредственно Народному комиссариату продовольствия.

Расчеты советской власти на то, что крестьяне, имевшие излишки хлеба, добровольно будут передавать его государству по твердым установленным ценам и на основе товарообмена, не оправдались. В результате передела земельных участков в 1918–1919 годах, многие зажиточные крестьяне отличались от бедноты только сытостью членов семей, но уже не имели таких излишков хлеба, какие были у них до революции.

29 мая 1918 года Совнарком обратился с воззванием к рабочим и беднейшим крестьянам: «Скорее формируйте вооруженные отряды из выдержанных и стойких рабочих и крестьян, не поддающихся никаким соблазнам, и вполне дисциплинированных».

11 июня 1918 года ВЦИК утвердил декрет о создании «комитетов бедноты». Было вполне очевидно, что собственными силами деревенская беднота не сможет собрать хлеб у других крестьян, поэтому в помощь ей из городов продолжали подходить вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов. Они должны были наладить в деревне работу комитетов бедноты и оказать им содействие в изъятии хлебных запасов у крестьян.

Вооруженный отряд рабочих, солдат и матросов, прибыв в деревню, созывал сход деревенской бедноты и бывших фронтовиков. Из них избирался комитет бедноты, которому поручалось пройтись по деревне и изымать огнестрельное оружие. Этим оружием вооружить членов комитета бедноты, батраков и малоимущих граждан. Всем этим вооруженным людям давали инструкцию, какими способами проводить реквизицию хлеба у односельчан.

Очевидцы подтверждали тот факт, что без помощи прибывшего из города вооруженного отряда местные бедняки не смогли бы сами создавать комитетов бедноты и укреплять советскую власть на местах. Вооруженные отряды изгоняли из сельских, волостных и уездных советов всех, кого они считали меньшевиками, эсерами, кулаками, деревенской буржуазией, а на их место сажали представителей бедноты.

Советская власть делала ставку на батрацких сыновей, записывая их в комсомол, в комитеты бедноты и продовольственные отряды. Им поручалось узнавать, у кого, где и сколько припрятано хлеба, составлять списки бедняков, середняков и кулаков. Нередко именно грамотных комсомольцев ставили председателями и секретарями сельсоветов.

Советское государство установило монополию на хлеб, никто не имел права продавать его, а только должен был отдавать государству по твердым закупочным ценам, которые были значительно ниже рыночных цен. Против крестьян, пытавшихся провезти хлеб на рынок, в составе продармии сформировали специальные заградительные отряды. Жители городов десятками тысяч устремились в деревню за хлебом, обменивая его на товары, или покупая за деньги по невероят-

но высоким ценам. Но в пути заградительные отряды признавали их спекулянтами и мешочниками, и весь хлеб, доставшийся горожанам непомерными усилиями, отбирали.

3 августа 1918 года Совнарком РСФСР утвердил «Положение о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах», действовавших на железнодорожном транспорте и водных путях. Этим отрядам предписывалось проводить осмотр провозимого пассажирами багажа и грузов. Право осмотра распространялось на пассажирские, служебные вагоны и паровозы. Осмотру подвергался весь груз и весь ручной багаж пассажиров. В случае крайней необходимости поезд или пароход могли быть задержаны на время до одного часа.

Было разрешено одному пассажиру провозить продовольственных продуктов не более 20 фунтов (9 кг. – А.Г.), из них масла до 2 фунтов (900 грамм. – А.Г.), мясных продуктов до 5 фунтов (2 кг 270 грамм. – А.Г.). В набор продуктов ни в коем случае, и ни в каком количестве не могли входить мука и зерно.

Все излишки свыше общей нормы в 20 фунтов, подлежали реквизиции. На реквизируемые продукты начальник отряда выписывал квитанцию с указанием количества реквизируемых продуктов. Органы, принявшие продукты, должны были оплачивать по квитанциям стоимость их по твердой установленной цене. Но обесцененные деньги никакой роли для голодных людей не играли.

В связи с уборкой нового урожая 1918 года политическим комиссарам продовольственных отрядов была выдана подробная инструкция по проведению продразверстки. Нередко комиссарами продовольственных отрядов были рано повзрослевшие мальчишки 18–20 лет – грамотные молодые рабочие или недоучившиеся студенты, вступившие в партию большевиков. Среди них было немало латышей, евреев и поляков. Молодые коммунисты в возрасте 25–26 лет считались уже зрелыми людьми и занимали должности председателей волисполкомов, уездных исполкомов, а то и губернских исполнительных комитетов.

В направленной во все губернии депеше Народного комиссара продовольствия В.П. Милютина указывалось, что заградительный отряд должен иметь не менее 75 бойцов и 2–3 пулемета. Прибыв в деревню, политический комиссар отряда предлагал избрать комитет бедноты, а населению – сдать оружие, часть которого отряд

оставлял себе. Продовольственные агенты переписывали запасы хлеба во всех хозяйствах, оставляя часть его семье на пропитание и семена.

Отобранная у крестьян часть излишков хлеба передавалась созданному местному комитету бедноты, другая часть вывозилась на ссыпные пункты и склады. Для дальнейшего наблюдения распоряжений по реквизиции хлеба в деревне оставались 1–2 инструктора и 15–20 бойцов отряда, остальные переходили в соседнюю деревню, где действовали подобным образом, как и в предыдущей деревне.

Излишки хлеба принимались от населения по твердым установленным ценам, у скрывающих хлеб крестьян он отбирался бесплатно. Необмолоченный хлеб обмолачивался на месте, путем мобилизации у крестьян молотилок и привлечения к обмолоту бедняков. Для гужевого вывоза хлеба мобилизовались лошади и крестьяне за плату по нормам комитета продовольствия.

Противодействующие хлебной монополии мешочники и растратчики хлеба арестовывались и отправлялись в губернскую комиссию по борьбе с контрреволюцией. После извлечения излишков хлеба отряд покидал деревню и сообщал в губернский продовольственный комитет, сколько хлеба отчислено беднякам и сколько сдано на ссыпные пункты [4].

Одновременно 3 августа 1918 года Совнарком РСФСР издал декрет «Об уборочных и уборочно-реквизиционных отрядах», основными задачами которых были:

- уборка озимых хлебов с полей бывших помещичьих экономий;
- уборка хлебов в прифронтовых местностях;
- уборка хлебов с полей заведомых кулаков и богатеев;
- в содействии своевременной уборки всех хлебов вообще, и ссыпка всех излишков в государственные склады.

Собранный хлеб этими отрядами распределялся в первую очередь бедняцким слоям местного деревенского населения. Эта часть хлеба не подлежала вывозу и оставалась на месте. Остальной хлеб подлежал немедленной и безусловной сдаче в ссыпные пункты. Члены уборочных отрядов вознаграждались довольствием натурой, денежным вознаграждением и особой премией за успешное и быстрое окончание работ по уборке и ссыпке хлеба.

Таким образом, декретом Совнаркома РСФСР от 3 августа 1918 года к заготовке хлеба в деревне привлекались рабочие городов, которым

было предоставлено право, организовывать продовольственные отряды вместе с деревенскими бедняками. Эти продовольственные отряды направлялись в поездки в хлебные губернии для приобретения по твердым ценам и реквизиции у кулаков хлеба. Половина заготовленного хлеба направлялась в посланную отряд губернию, другая половина хлеба оставлялась на месте заготовок и передавалась в распоряжение Народного комиссариата продовольствия.

При попытке со стороны рабочих отрядов покупать хлеб выше твердых цен или уклониться от контроля продовольственных органов, весь заготовленный хлеб у отряда отбирался. Начальник и члены отряда, уличенные в нарушении закона, передавались в распоряжение ближайшей ЧК. Одновременно добровольцы-рабочие, отправляющиеся в продовольственные отряды, сохраняли за собой места на фабриках и заводах, наравне с теми, кто отправлялся на фронт [5].

Борьба советской власти с крестьянством за хлеб привела к тому, что в Петрограде за август 1918 года в течение 10 дней хлеб не выдавали совсем, рабочие в те дни не получили ни ломтя хлеба. Рабочие писали в центральные органы, что хлебопекарни закрыты, приюты и детские столовые закрыты, взрослые и дети бродили по улицам за подаяниями, как тени. Во имя всех человеческих законов они проклинали тех, кто хлеб избрал оружием политической борьбы.

Произведя реквизицию хлеба у крестьян, вооруженные отряды рабочих половину его отправляли своим предприятиям, часть передавали деревенской бедноте, другую часть – государству, направляя хлеб на ссыпные пункты. Членам вооруженных продовольственных отрядов раздавали памятку, в которой писали: «Учитывая отсталость деревни, нужно путем бесед, речей на собраниях, сходах, путем устного и печатного слова помочь деревенской бедноте освободиться от векового влияния ее врагов: кулаков-мироедов, богатеев, жиреющих на народном недоедании и горе, и тех жрецов-служителей православной и другой церкви».

Декретом Совнаркома РСФСР от 12 декабря 1918 года рабочим продовольственных отрядов было предоставлено право, кроме хлеба, закупать у крестьян по твердым государственным ценам: молоко, сметану, творог, овощи, живую и битую дичь, грибы, плоды, мед. Из них 25% передавалось органам Наркомата продовольствия, а 75% продуктов оставались в распоряжении рабочих продовольственных отрядов.

Крестьяне категорически отказывались сдавать хлеб продовольственным отрядам по твердым закупочным ценам, хотели продавать его по вольным ценам. Они заявляли рабочим, что продадут хлеб по той цене, которую сами установят. В ответ на эти заявления продовольственные отряды проверяли порою повально все домохозяйства, чтобы отыскать хлеб, который крестьяне закапывали в землю, прятали в лесу, скирдах сена и соломы и других местах.

Продотряды при обысках проверяли чердаки, подвалы, скирды сена и соломы, металлическим прутом прощупывали землю в огородах в поисках ям и тайников. Забирали зерно, муку, картофель и мясо, а позднее – «излишки» других продуктов, выращенных в огороде и на подворье. Уходили одни продотряды, а через некоторое время появлялись другие отряды, проверяя, не много ли зерна хозяин оставил для прокормления семьи и для посева.

Нередко представители деревенской бедноты прямо указывали вооруженным отрядам, кем и где спрятан хлеб. Зажиточные крестьяне с оружием в руках защищали его, не отдавая продовольственным отрядам. Во многих губерниях вспыхивали вооруженные крестьянские мятежи, во время которых они убивали рабочих из продотрядов и представителей комитетов бедноты, выдавших информацию о спрятанном хлебе.

1919 год. Декретом от 11 января 1919 года Совнарком РСФСР вновь на государственном уровне обязал крестьян продавать государству продовольственные излишки по твердым государственным ценам, *продолжая проведение продовольственной разверстки*. Это означало, что государство вооруженной силой продолжало изымать у крестьян весь собранный хлеб, оставляя домохозяйству ровно столько, сколько нужно было для прокормления семьи, чтобы не умереть с голоду, и посева. Вооруженные продовольственные отряды на деревенских сходах провозглашали лозунг: «Все излишки государству, ни одного фунта частнику».

Были установлены твердые задания по сдаче хлеба по губерниям, которые распределяли их по уездам, волостям, деревням и крестьянским хозяйствам. На душу населения в крестьянских хозяйствах власть требовала оставлять по 12–14 пудов хлеба на едока, остальной хлеб признавать излишками и изымать. Предписывалось производить максимальное обложение кулачества, умеренное – середняков, беднота от продразверстки освобождалась. К концу 1919 года, кроме хлеба,

мяса и картофеля, государственному обложению стали подлежать все остальные виды сельскохозяйственной продукции.

В мае 1919 года все вооруженные продовольственные отряды были подчинены структуре ВЧК с использованием их по своему конкретному назначению. В инструкции продотрядам указывалось, что прибыв в селение, отряд созывает сход, на котором политический комиссар объясняет населению все значение хлебной монополии, особенно указывая, что сдавшие свои излишки зерна крестьяне получают товары. В случае умышленного нежелания сдать излишки зерна, отряд приступает к решительным мерам, а именно: выбирает несколько домохозяев, особенно упорствующих, производят у них тщательный обыск во всем хозяйстве, и конфискует весь хлеб до последнего зерна.

Члены продовольственных отрядов позднее вспоминали, что излишки хлеба приходилось искать в разных местах: в двойных перегородках амбаров, в ямах, в лесных землянках. О спрятанном хлебе всегда кто-то из крестьян знал и сообщал об этом продотряду. Без помощи таких крестьян продотряды не смогли бы конфисковать так много хлеба. Одни крестьяне приходили к выводу, что лучше отдать часть хлеба, чем лишиться всего урожая.

Другие крестьяне с оружием в руках защищали себя и свои семьи от государственного грабежа и голодной смерти. Среди них было больше середняков, чем зажиточных крестьян, объявляемых советской властью кулаками. Крестьяне и рабочие задавали вопрос представителям советской власти: не лучше ли было власти снять заградительные отряды и позволить крестьянам продавать хлеб, а рабочим – покупать его или обменивать на другие товары?

Трудно теперь определить, сколько хлеба сгнило в земляных ямах и лесных землянках у тех хозяев, которые эмигрировали или были убиты вооруженными представителями власти, и не досталось ни рабочим, ни крестьянским семьям. Если даже и находили хлеб через год в земле, то в еду уже был непригодным – протухшим и горьким.

В телеграмме, направленной 15 июля 1919 года В.И. Лениным и А.Д. Цюрупой представителям советской власти губерний, сообщалось, что в Петрограде рабочим выдается паек в 3/4 фунта (или 340 грамм) хлеба на 2 дня. Москва 10 дней вообще не получает хлеба. Многие промышленные города, фабрики и заводы давно не выдают хлеба рабочим.

Среди рабочих происходили массовые волнения, многие из них бросали работу и ехали в деревню за хлебом. Совнарком РСФСР решил предприятиям, фабрикам и заводам производить в деревне самостоятельные заготовки хлеба в период с 1 июля по 15 августа 1919 года. Для этого формировались специальные вооруженные продовольственные отряды рабочих. Заготовленный, а точнее, конфискованный у крестьян хлеб, продотряды направляли на свои фабрики и заводы.

Эти вновь созданные рабочие продотряды после 15 августа оставались в деревне до конца 1919 года, забирая у крестьян хлеб уже для нужд государства, а не конкретных фабрик и заводов. Продотряды выставляли в крупных селениях заставы и ночные дозоры, перехватывали мешочников, выясняли у них, у кого был куплен хлеб. Шли с обыском к крестьянину, продавшему хлеб, и реквизировали у него весь оставшийся хлеб до зернышка.

С 1 ноября 1919 года по совместному постановлению Наркомпрода и Наркомпочтеля все невыданные по назначению продовольственные посылки и невостребованные в течение установленного срока хранения, отправителю не возвращались. Они передавались для детского питания без всякого возмещения стоимости посылок отправителям. Тем самым советская власть перекрыла еще один канал направления продуктов питания родственникам из деревни в город.

На Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 года отмечалось, что в том году у крестьянства взято хлеба в три раза больше, чем в 1918 году. В.И. Ленин в своем выступлении говорил, что коммунисты научились применять разверстку, то есть научились заставлять крестьян отдавать государству хлеб по твердой цене.

VII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1919 года, высказался за распространение метода разверстки, и на другие виды продуктов, кроме хлеба и зернофуража [6].

1920 год. Со времени заготовительной кампании 1919/1920 года продразверстка была распространена, кроме хлеба, на картофель и мясо, а к концу 1920 года – почти на все сельскохозяйственные продукты. В связи с этим увеличилось число продовольственных отрядов со 122 в 1918 году до 1039 отрядов в 1920 году, из них 689 централизованных продовольственных отрядов и 350 губернских отрядов. Кроме продовольствия продразверстка распространялась и на сельскохозяйственное сырье.

За 1918–1920 годы продовольственные отряды заготовили, конфисковав у крестьян, всего в млн пудов [7]:

Наименование продукта	1918 год	1919 год	1920 год
Хлеб и зернофураж	107,9	212,5	367
Мясо	3,3	4,7	23,6
Масло коровье	0,7	0,1	1,3
Лен	–	5,5	2,0
Пенька	–	2,1	1,1
Кожи, млн штук	–	5,4	1,6

Продовольствие у крестьян изымалось фактически бесплатно, так как денежные знаки, которые предлагались в качестве оплаты по твердым ценам, были полностью обесценены. Например, за пуд зерна в счет продразверстки по Тверской губернии предлагали твердую цену 17 рублей 75 копеек, а на рынке пуд зерна стоил 1200 рублей и выше. Рыночные цены были очень высокими, так осенью 1920 года пуд картофеля стоил 1200 рублей, пуд моркови – 5400 рублей, пуд капусты – 5000 рублей, луку – 6600 рублей и так далее.

Промышленные товары взамен изымаемого зерна государство предложить не могло в связи с падением промышленного производства. Так, за 8 месяцев 1919 года в деревню было направлено всего по 3 аршина ткани на одного человека (2,1 метра. – А.Г.), по одной паре обуви на 50 человек, по 450 грамм сахара на человека.

Зачастую при определении размера продразверстки исходили не из фактических излишков продовольствия у крестьян, а из потребностей в продовольствии городского населения и Красной Армии. Поэтому на местах изымались не только «излишки», но и весь семенной фонд, и продукты, необходимые для пропитания крестьянской семьи.

1921 год. На 1920–1921 годы, когда советская власть объявила продразверстку на всей территории РСФСР, число продотрядов увеличили в 2,5 раза, а их участников – в 3 раза в сравнении с 1919 годом. В продотряды, кроме рабочих и крестьян-бедняков, включали казаков, солдат Красной Армии, пробывших на фронтах не менее 1,5–2 лет, успевших зарекомендовать себя сторонниками советской власти, получивших знаки отличия или ранения. Несмотря на все

усилия продотрядов, из плана в 423 млн пудов хлеба за 1920–1921 годы было заготовлено по продразверстке около 259 млн пудов или 61,2% к плану.

Продразверстка разрушила экономические связи между городом и деревней, привела к продовольственному кризису и массовому голоду 1921–1922 годов. Она была одной из главных причин глубокого экономического, политического и социального кризиса весной 1921 года.

Ситуация с хлебом в 1921 году усугубилась в связи с засухой и неурожаем, повлекшим голод в Поволжье, Крыму, на Северном Кавказе и Украине. Эти территории были полностью освобождены от налогов, им предоставлялось продовольствие, собранное в других губерниях, в которых производили сбор хлеба в помощь голодающим. Для этого был образован специальный комитет помощи голодающим (Помгол) во главе с М.И. Калининым.

* * *

Когда-то я прочитал рассказ того времени под названием «Соль», автор И.Э. Бабель. Суть его в том, что красноармейцы из заградительного отряда посадили в свой вагон женщину с грудным ребенком, чтобы она смогла добраться домой. В пути они заметили, что ребенок почему-то не плачет, его мать не кормит, пеленки не меняет. Выяснилось, что женщина везла соль в узле, сделанном в виде куклы, завернутой одеялом. Красноармейцы, называя себя бойцами революции, соль отобрали, а женщину на ходу поезда выбросили под откос, а потом убили ее выстрелом из винтовки, стреляя прямо из вагона. Женщина везла соль, запрещенную декретом советской власти. Человеческая жизнь была оценена в 5–6 килограмм соли.

Этот рассказ потряс меня до глубины души. Работая в прокуратуре, видя смерть сплошь и рядом, перенеся около полутысячи криминальных и некриминальных трупов, я долгое время не мог успокоиться после прочтения этого рассказа.

Проведение продразверстки в тверской деревне

Появление продотрядов в деревне должно показать, что хлеб будет взят силой.

А.Д. Цюрупа

Установленная советской властью система продразверстки, по которой крестьяне были обязаны отдавать государству все имевшиеся излишки, а на деле не только их, но и часть необходимого самому крестьянину хлеба, приводила к тому, что крестьяне сокращали площади посевов, уменьшали поголовье скота. Бывшие помещичьи земли, которые занимали значительную площадь, вообще не обрабатывались, поросли бурьяном и сорняками.

10 августа 1918 года в письме Наркома продовольствия были указаны твердые цены по Тверской губернии за реквизируемые излишки хлеба. Цены были указаны в копейках за пуд: рожь 1775 коп., пшеница 2225 коп., овес – 1650 копеек. Указанные твердые цены вводились для всех хлебов урожая 1918 года и прошлых лет, сданных в период с 10 августа по 1 декабря 1918 года, при влажности 15% и сорности в 3%. За хлеб, сданный после 1 декабря, цены понижались на 25% и более. Увеличение влажности и сорности хлеба также понижали его цену.

В телеграмме от 26 августа 1918 года указывалось, что при посеве зерновых культур сеялкой норма оставленных на посев семян понижалась на 25%, при посеве сеялкой или не всей площади у крестьян изымались излишки хлеба, оставленного на семена [8].

В переводе на рубли один пуд ржи государство закупало по 17 рублей 75 копеек, в то время, как на рынке один пуд ржаной муки весной 1919 года стоил от 4500 рублей до 7000 рублей выпущенных в марте того года советских денежных знаков.

Крестьяне Тверской губернии проявляли недовольство действиями советской власти в связи с продразверсткой, мобилизацией их самих, и рабочего скота (лошадей) на вывозку отобранного хлеба. Местами вспыхивали крестьянские бунты, на их подавление направлялись карательные отряды, случались неисследованные чрезвычайные происшествия.

Председатель Бежецкой чрезвычайной комиссии Залескевич в своем докладе 30 октября 1918 года сообщал, что все товары и продукты, реквизируемые и конфискуемые у граждан, записывали в товарные

книги и сдавали в отдел снабжения по твердым ценам, а оружие передавали в военный комиссариат.

К тому времени из разных волостей уезда было арестовано около 50 кулаков по заявлениям, что у них есть оружие. После того, как из волости в комиссию доставляли арестованных кулаков, на второй же день деревенские комитеты бедноты высылали поручителей с приговорами сельских сходов об освобождении их из-под ареста. При обысках оружия не находили, в материалах на арестованных не было видно ничего антисоветского. Чрезвычайная комиссия освобождала таких кулаков из-под ареста под особо строгое обязательство [9].

29–30 ноября 1918 года в Твери состоялось совещание ответственных работников по продовольствию Тверской губернии, его открыл губернский комиссар продовольствия Патрикеев. В числе других в работе совещания участвовал Бежецкий уездный комиссар Александр Георгиевич Алексеев, позднее работавший там председателем уездного исполкома.

В докладе Патрикеева указывалось, что в Бежецком уезде, сравнительно богатом хлебом и картофелем, царила полная бездеятельность. Прежний продовольственный комиссар был предан суду за целый ряд неблагоприятных поступков уголовного характера.

На совещании в Твери было принято постановление об упразднении сельских и волостных комитетов бедноты, которые действовали в деревнях с августа по ноябрь 1918 года. После ликвидации волостных комитетов бедноты все дела по учету хлеба и скота, списки необеспеченных бедняков и решение других вопросов переходили волостным исполнительным комитетам [10].

В апреле 1919 года в сводке уездного комитета партии о положении Бежецкого уезда писали, что в связи с наступающими полевыми работами настроение крестьян не весьма удовлетворительное. Причинами их недовольства была мобилизация людей, скота, отчуждение единовременного чрезвычайного налога и пятифунтового хлебного пайка. Советские работники на местах проявляли громадное недовольство в виду того, что им не оплачивали за труд, а без оплаты работа не могла быть удовлетворительной.

В сводке указывалось, что партийная работа в уезде неудовлетворительная, так как местные коммунисты не уяснили задачи партии. Секретарем Бежецкого уездного комитета партии тогда был уроженец села Хонеево Бокаревской волости Бежецкого уезда М.С. Чудов, который подписал направленную в губернский комитет сводку [11].

Декретом ВЦИК РСФСР от 9 апреля 1919 года освобождались от долгов по единовременному чрезвычайному революционному налогу крестьяне-середняки. По Тверской губернии дальнейшему взысканию не подлежал долг по указанному налогу с крестьян-середняков в сумме до 1500 рублей. Все принятые к ним меры принудительного взыскания прекращались. Если невнесенный долг был больше указанного размера в 3 раза, то его сумма уменьшалась с 3 до 2 раз.

Эта льгота не распространялась на богатых крестьян, которые должны были за неуплату налога предаваться революционному суду и подвергаться суровым карам, лишению свободы на срок не менее 5 лет с отбыванием наказания вне пределов губернии их проживания с обязательным применением к ним принудительных работ [12].

ВЦИК РСФСР декретом от 26 апреля 1919 года освободил от внесения натурального налога урожая 1918 года некоторых крестьян. По Тверской губернии к ним отнесли тех середняков, которые имели долг менее 60 пудов. Эта льгота не распространялась на богатых сельских хозяев, которые были обязаны срочно сдать все излишки хлеба. В случае невнесения излишков в 2-недельный срок после опубликования декрета, налог с них взыскивался в двойном размере или сами хозяева подвергались наказанию по решению народного суда [13].

Кроме изъятия хлеба и других продуктов питания, у крестьян на Гражданскую войну мобилизовали лошадей. В газете «Тверская правда» № 114 за 29 октября 1919 года было опубликовано сообщение о мобилизации лошадей на основании телефонограммы Тверского губернского военкома № 21 от 18 октября. Для того, чтобы обеспечить Красную Армию конями, их владельцы были обязаны привезти на сгонные пункты всех своих лошадей. Владельцы, имевшие по 2 и более лошадей, были обязаны привести всех, включая и негодных, а имеющие одну лошадь – если она признана годной под верх (под седло). При себе иметь удостоверения на всех лошадей.

Деньги за мобилизованных лошадей выдавались по твердым ценам в губернском казначействе по квитанциям уездного военкома. Лица, которые не приводили лошадей на сгонные пункты в указанные сроки, привлекались к ответственности по законам военного времени, а их лошади подлежали конфискации без какой-либо оплаты.

К концу 1919 года по Тверской губернии на 10 крестьянских семей приходилось 53 человека вместо 55 человек в 1917 году. Из-за мобилизации лошадей их количество на каждые 100 крестьянских хозяйств

уменьшилось в сравнении с 1917 годом с 84 до 73 голов. В связи с мобилизацией лошадей, а также призывом мужчин из крестьянских хозяйств на Гражданскую войну, уменьшились посевы ржи на 22%, овса на 26%, льна на 51%, посадка картофеля на 10% в сравнении с 1917 годом.

В Тверской губернии в период с августа 1919 по август 1920 годов действовали 39 продовольственных рабочих отрядов общей численностью в 985 человек, по 25–30 человек в каждом отряде. Кроме изъятия хлеба, на рабочие продовольственные отряды возлагались и другие задачи:

- организовать в каждой деревне партийную и комсомольскую ячейки;
- наладить работу сельских и волостных советов;
- проводить коммунистическую земельную политику по передаче земли в собственность государства с правом крестьян пользования и владения усадьбами и полевыми наделами в прежних размерах;
- устраивать в каждой деревне избу-читальню с чтением-коммунистом.

За год, с августа 1919 по август 1920 годов, члены рабочих продовольственных отрядов помогали бедноте вести обмолот хлеба, вели учет всех продуктов, собранных крестьянами, руководили засыпкой хлеба на сыпных пунктах и его транспортировкой, одновременно отбирая у крестьян «излишки» хлеба.

Крестьяне, как могли, защищали свой урожай от реквизиции: уничтожали разверсточные списки, увозили зерно из сыпных пунктов и складов, угоняли собранный для вывоза скот, разоружали членов продотрядов и комитетов бедноты. В перестрелках и поодиночке убивали участников продотрядов, активистов и членов комитетов бедноты, выступая под лозунгом: «Долой продразверстку». Они защищали себя и свои семьи от неминуемой голодной смерти.

О каких излишках могла идти речь, когда самим крестьянам не хватало хлеба на продовольствие. Еще до Октябрьской революции 1917 года были произведены расчеты необходимости ржи на крестьянскую душу населения Тверской губернии в благополучные 1912–1913 годы. Для удовлетворительного питания даже в то время не хватало хлеба, собранного крестьянами со своих наделных земельных участков, независимо от состояния и зажиточности хозяйства, хорошей урожайности и других факторов.

Для того, чтобы крестьянин удовлетворительно питался, ему было необходимо иметь минимум по 12 пудов (192 кг) ржи в год на одного едока. Кроме того, хлеб нужен был для посева, для корма скоту и птице. В целом по Тверской губернии в благополучные 1912–1913 годы крестьяне собирали со своих наделных участков по 7,7 пуда ржи на едока, им недоставало по 4,3 пуда ржи на душу населения, которую они закупали на рынке.

В Бежецком уезде, где проживало тогда 301 275 крестьянских душ, в 1912–1913 годах в среднем крестьяне собрали со своих наделных земельных участков по 8,9 пуда ржи на одного едока, недоставало им на пропитание, за исключением семян, по 3,1 пуда на душу населения.

Избыток ржи в те годы был лишь в одном Зубцовском уезде из 12, где на душу населения в те годы крестьяне собрали по 12,58 пуда ржи [14].

Чтобы прокормить свои семьи, крестьяне Тверской губернии значительно увеличили посевы ржи, сокращая посевы льна и кормовых трав. Привожу сведения в процентном отношении к общей площади пашни в полевом наделе крестьянского хозяйства:

Культура	1917 год	1920 год
Рожь	38	50
Овес	23	25
Лен	18	10
Ячмень	4	5
Кормовые травы	10	5
Картофель	7	5
Итого:	100%	100%

Несмотря на увеличение посевов ржи, ни о каких излишках хлеба в годы продразверстки и позднее, в годы продналога, не могло быть и речи, речь шла о насильственном грабеже хлеба и оставления крестьянина без хлеба и продуктов на пропитание.

Вольные цены на продукты питания были очень высокими, к весне еще подрастали, что можно убедиться на примере средних вольных цен, действовавших в 1920 году в Бежецком уезде Тверской губернии [15].

Наименование продукта	Мера исчисления	Январь 1920 г.	Март 1920 г.
Ржаная мука	Пуд (16 кг)	4756 руб.	7111 руб.
Картофель	Мера (26 л)	661 руб.	1280 руб.
Масло коровье	Фунт (453 г)	1500 руб.	1616 руб.
Масло растительное	Фунт	636 руб.	964 руб.
Говядина	Фунт	143 руб.	333 руб.
Яйца	Десяток	310 руб.	750 руб.
Молоко	Четверть (3 л)	250 руб.	350 руб.
Соль	Фунт (453 г)	675 руб.	1072 руб.
Сахар	Фунт	1217 руб.	1680 руб.
Керосин	Фунт	600 руб.	758 руб.
Спички	10 коробок	807 руб.	917 руб.
Ситец	Аршин (0,7 м)	300 руб.	350 руб.

В сентябре 1918 года в тверских деревнях еще можно было купить меру картофеля (25 кг. – А.Г.) за 50 рублей царских денег. Бумажные деньги с советской символикой появились в марте 1919 года номиналом от 1 до 1000 рублей. В связи с их постоянным обесцениванием пришлось выпускать купюры достоинством от 5 до 10 тысяч рублей.

Но первые советские деньги в те годы играли весьма незначительную роль, на первый план вышел товарообмен. Рабочим на фабриках и заводах вместо денег выдавали муку, мануфактуру, табак, мыло. За недостатком продуктов питания, рабочие ездили за ними на большие расстояния в деревню. Продукты приобретали у крестьян не за деньги, а в обмен на одежду, белье, мыло, спички, иголки и другие товары.

После окончания Гражданской войны продрозверстка вошла в дальнейшее противоречие с экономическими интересами деревни. Крестьяне видели в бесплатной сдаче всех излишков хлеба и другой сельскохозяйственной продукции явную несправедливость, по-прежнему проявляли недовольство советской властью. Нужно было искать новые взаимоотношения власти с крестьянством.

В феврале 1920 года ЦК РКП(б) за подписью секретаря Елены Стасовой направила в Тверской губернский комитет партии письмо, в котором поручил выяснить, что фракция беспартийных существовала

при Тверском уездном и городском исполкоме. Спрашивали, о каком **Крестьянском союзе** там шла речь, и есть ли проект этого союза, который надо направить в ЦК партии.

В ответе Тверской губернский комитет партии сообщал, что 29 января 1920 года по инициативе беспартийных членов Тверского уездно-городского исполкома Комиссарова, Заботина, Павлова, Шарова и других на беспартийной конференции постановили образовать Крестьянский Союз, как партию крестьян. Устав союза был привезен из Москвы и хранился у Заботина. В результате организаторы Павлов и Шаров преданы суду, в отношении Заботина, Герасимова и других инициаторов создания Крестьянского Союза проводилось расследование для предания их суду[16].

Нужно отметить, что председатель Тверского уездно-городского исполкома Саул Аронович Банк, переведенный в Тверь с должности Вышневолоцкой ВЧК, проработавший на должности в Твери менее года, также был осужден.

В марте 1921 года X съезд РКП(б) принял решение о переходе от продразверстки к натуральному продовольственному налогу. В связи с новой экономической политикой все продовольственные и заградительные отряды были распущены.

Провозглашение новой экономической политики (1921 год)

НЭП это всерьез и надолго.

В.И. Ленин

Крестьянство в России в то время составляло около 90% всего населения страны. Военный союз крестьян с советской властью, заметный в годы Гражданской войны, в мирные годы не перерос в экономический союз. Большевики попытались превратить проводимые ими ранее чрезвычайные меры в методы Советского государства на мирную жизнь, но встретили резкое недовольство со стороны крестьянства.

Выступая с докладом на открытии X съезда РКП(б), который проходил с 8 по 16 марта 1921 года, руководитель Советского государства и коммунистической партии большевиков В.И. Ленин говорил:

«Будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Мы не могли поступать иначе в тех условиях, которые нам навязывали империалисты и капиталисты своей войной. Но эти обстоятельства привели к тому, что крестьянское хозяйство после продолжавшейся так долго войны так ослабело, что неурожай оказался спутником такого обострения кризиса, который, может быть, готовит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы...

В условиях кризиса, бескормицы и падежа скота крестьянин должен оказывать кредит советской власти во имя крупной промышленности, от которой он пока ничего не получает. Дело самое важное для нас – дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог, чтобы мелкий хозяин мог лучше рассчитать свое производство и, сообразно с налогом, устанавливать размер своего производства. *Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от полного голода фабрики и города. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно.* Встала задача перехода от продразверстки к натуральному налогу, эта задача требует к себе особого внимания» [17].

Далее, уже при обсуждении вопроса о замене продразверстки продовольственным налогом в своем докладе В.И. Ленин сказал: *«Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно...*

Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше. Крестьянство в России стало больше средним, и бояться, что обмен станет индивидуальным – нечего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий – трудовую повинность.

Нам нужно, чтобы о принятом решении было сразу же оповещено по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев. Вступая на этот путь, съезд исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством, которое составляет в стране 9/10 населения» [18].

В своем докладе Народный комиссар продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа на одном из заседаний X съезда РКП(б) в марте 1921 года заявил: «30% сельского населения страны или совсем не имеют посевов, или имеют в таких размерах, которые не в состоянии удовлетворить его нужды, обрезанные до последней степени. Установлена годовая норма 15 пудов хлеба на душу населения (или по 650 грамм хлеба на человека в сутки. – А.Г.). Этой нормы хлеба не имеют 30% населения страны, поэтому 106 млн пудов хлеба должны быть взяты у тех, у кого имеются излишки. Мы должны выделить беднейшие группы населения, чтобы не облагать их налогом, а наиболее мощные и менее мощные группы мы должны прогрессивно обложить налогом. Без учета Украины разверстка определялась в 423 млн пудов хлеба, мы предлагаем налог уменьшить до 200 млн пудов хлеба в год. В 1920 году государство смогло предложить крестьянам в расчете на одно хозяйство по 64 грамма гвоздей и по 0,1 ручной косы.

Мы употребляли государственное принуждение и этим брали хлеб. Иного способа я не мыслю и при налоге. Говорить об истязаниях, если они и были, являются исключениями, недопустимо. В выступлениях на съезде было сказано, что циркуляр об истязаниях был издан по соглашению с Наркомпродом, но я с ума не сошел, чтобы давать такие циркуляры» [19].

В прениях выступающие ораторы говорили, что в стране мелких крестьян-собственников свыше 100 млн человек. Придется развязать руки кустарям, так как крупная промышленность еще долгое время не сможет снабжать деревню в полной мере ни гвоздями, ни обувью, ничем [20].

В резолюции X съезда «О замене разверстки натуральным налогом», принятой на утреннем заседании 15 марта 1921 года, указывалось, что налог должен иметь прогрессивный характер, процент отчислений для хозяйств середняков и маломощных хозяев, для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождены от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога.

Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частичного освобождения от налога.

Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении, и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельского хозяйства [21].

Таким образом, X съезд РКП(б) принял решение о замене продрозверстки продналогом, предоставил возможность крестьянину самому распоряжаться хлебом, оставшимся после сдачи продовольственного налога. Предполагалось, что крестьянин будет обменивать хлеб на необходимые промышленные товары – плуги, бороны, ткань, гвозди, керосин, мыло и другие. Но эти мысли, и расчеты были очень далеки от реальности, так как в условиях послевоенной разрухи у государства не было необходимых промышленных товаров на обмен.

Жизнь в условиях послевоенной разрухи заставила власть постепенно перейти от товарного обмена на легализацию свободы торговли и предпринимательства.

Во исполнение решений партийного съезда декретом ВЦИК РСФСР от 21 марта 1921 года продовольственная и сырьевая разверстки были заменены натуральным налогом, который должен быть меньше налагавшегося до той поры путем разверстки обложения [22].

Таким образом, в декрете «О замене продрозверстки продналогом» было заявлено, что старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога. Этим решением Советское государство стимулировало развитие крестьянских хозяйств.

Ответственность за выполнение налога возлагалась на каждого отдельного хозяина, и органам советской власти поручалось налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая ответственность деревенской общины за выплату налога отменялась.

23 марта 1921 года ВЦИК и Совнарком РСФСР обратились к крестьянству с письмом, в котором высшие органы советской власти разъясняли, зачем нужна была разверстка, условия отмены разверстки. Они заявляли, что продовольственный налог – это облегчение крестьянину и является временной мерой.

На X съезде РКП(б) не принимали никакого решения о введении свободы торговли и легализации частного предпринимательства, но в скором времени ситуация заставила большевиков пойти на это. Выступая на партийной конференции в мае 1921 года, В.И. Ленин убеждал коммунистов, что НЭП в стране *«всерьез и надолго»*.

В то же время на этой конференции В.И. Ленин заявил, что пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и с большими лишениями его преодолевать. Помимо класса эксплуататоров во всех капиталистических странах есть свои мелкие производители и мелкие земледельцы, в России они составляют большинство. Главный вопрос революции, по заявлению Ленина, заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов. С ними нельзя разделаться простыми мерами экспроприации и вытеснения, которые применялись к эксплуататорам, здесь необходимы другие методы.

Таким образом, ставя эти цели, В.И. Ленин создал много проблем в будущем для страны и крестьян, с одной стороны, считая крестьянство главным союзником пролетариата, а с другой стороны – объектом длительной борьбы, направленной на победу над крестьянством.

В октябре 1921 года В.И. Ленин, выступая с докладом «Новая экономическая политика и задачи политпросветов», вынужден был признать, что в России проведена реставрация капитализма, но она необходима для выживания большевизма. Власть разрешила открывать частные торговые заведения, постепенно отменяя государственную монополию на различные виды продукции, разрешила использовать наемный труд.

Одной из особенностей налоговой политики первых лет НЭПа было преобладание натуральных налогов и повинностей, так как деньги в те годы быстро обесценивались. На содержание громоздкого аппарата по сбору налогов тратилось до 50% всего валового сбора.

Многие советские идеологи и политики считали, что капитализм в России прорастал из деревни. Но пойти на НЭП заставили крестьянские бунты и восстание матросов в Кронштадте, которые на девять десятых выражали недовольство крестьянства.

Виды натурального продовольственного налога

*Ответственность за выполнение
налога возлагается на каждого
отдельного хозяина.*

Из декрета ВЦИК РСФСР
от 21 марта 1921 года

Основными видами занятий сельских жителей при НЭПе оставались земледелие и скотоводство при сохранении мелких крестьянских хозяйств. Самой основной культурой на территории всей Тверской губернии была рожь. Пшеницу, в небольших количествах, сеяли в Кашинском и Тверском уездах. Далее по значимости был овес, который в значительной мере шел на корм скоту и птице, а также на изготовление толокна, каши, киселей, сеяли ячмень (жито), который мололи на крупу, варили пиво и каши.

Из технических культур в Бежецком уезде Тверской губернии были распространены лен и конопля. Кроме посевов на полевых земельных наделах, у каждого крестьянского хозяйства имелся огород. В давние времена основными огородными культурами были репа и капуста. Позднее в огородах стали выращивать картофель, лук, чеснок, морковь, редьку и свеклу. Из садовых культур в огородах высаживали яблони, вишни, кусты крыжовника и смородины, другие плодовые деревья и кустарники встречались редко.

При переходе от продразверстки к продналогу крестьяне стали платить несколько видов натурального продовольственного налога, в зависимости от площади использованной земли, числа едоков, имевшегося скота, наличия отдельных видов продуктов и некоторых других условий.

Натуральный налог на хлеб, картофель и масличные семена

Был введен декретом Совнаркома РСФСР от 21 апреля 1921 года. Размер этого налога определялся для каждого крестьянского хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве с учетом урожая в данной местности. В состав пашни включали яровые и озимые культуры, посевные травы и пары, а также часть залежей и перелогов.

Установление размера налога для каждого отдельного хозяйства проводилось сельсоветами под контролем волостных исполкомов. Был введен ярко выраженный прогрессивный налог, если крестьянское хозяйство в Тверской губернии имело пашни от 1 до 3 десятин на едока, с него взималось 10 фунтов или 0,45 кг зерна с каждого пуда зерна. При наличии пашни более 3 десятин на едока, при самом низком полученном урожае, налог составлял 5–6 пудов или 80–96 кг зерна с каждой десятины.

Хозяйства, имевшие под пашней не свыше одной десятины земли, от обложения налогом освобождались. Плательщики налога были обязаны приступать к сдаче продуктов немедленно после уборки урожая, и полностью уплатить его не позднее 15 декабря.

Натуральный налог на яйца

Введен декретом Совнаркома РСФСР в тот же день, 21 апреля 1921 года. Этому налогу подлежали все хозяйства, имевшие пахотную землю. Норма налога по Тверской губернии была установлена по 2 яйца с каждой десятины пашни. Сдача яиц проводилась к 1 июля 60%, к 1 сентября 10%, к 1 октября – остальные 30% от общей суммы налога.

Натуральный налог на шерсть

Был установлен на основании декрета Совнаркома РСФСР от 10 мая 1921 года. Налог взимался с каждого хозяйства в отдельности и исчислялся в зависимости от количества перезимовавших овец. Норма обложения налогом по Тверской губернии составляла с каждой овцы:

- за весеннюю шерсть 3/8 фунта (170 грамм);
- за осеннюю шерсть (поярок) 1/8 фунта (57 грамм);
- за грубую шерсть – 1/2 фунта, (227 грамм).

Настриг шерсти с одной овцы за два раза весенней и осенней стрижки был примерно по 2–2,3 кг, с одного барана – до 3 килограмм. Налог на шерсть весенней стрижки взимался к 15 июля, осенней стрижки – к 15 ноября.

Натуральный налог на льняное и пеньковое волокно

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР в тот же день, 10 мая 1921 года. Размер налога определялся для каждого хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству посева льна-долгунца и конопли по урожаю в данной местности. Установили 6 разрядов по урожаю льняного волокна от 6 до 16 пудов на одну десятину, а по конопле – 5 разрядов от 9 до 21 пуда пенькового волокна на десятину посева.

При самом низком урожае льняного волокна в трепаном виде 6 пудов налог по Тверской губернии составлял 24 фунта или 11 кг с одной десятины посева. При самом высоком урожае льняного волокна в трепаном виде 16 пудов и выше, налог составлял 64 фунта или 29 кг с одной десятины посева льна. Если лен сдавался в нетрепанном виде, а только в мятом виде, как лен-сырец, то крестьяне были обязаны за один пуд трепаного льна сдавать два пуда льна-сырца.

Натуральный налог на табак

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР от 11 мая 1921 года. Тверская губерния не входила в список основных табаководческих губерний. Поэтому за посев табака здесь были установлены нормы налога на него, как на *другие огородные культуры* при условии, если посевы табака были менее 1/30 десятины. Если посевы табака были более 1/30 десятины, то есть более 3 соток, то хозяева уплачивали налог табаком, нормы устанавливались Народным комиссариатом земледелия.

Натуральный налог на сено

Был введен декретом Совнаркома РСФСР от 17 мая 1921 года. Ставка налога по Тверской губернии была определена по 8 пудов с заливных лугов и по 5 пудов с незаливных сенокосов на одну десятину сенокоса. Налог на сено должен быть выполнен не позднее 15 февраля следующего года.

Натуральный налог на продукты пчеловодства

Был установлен Постановлением Совета труда и обороны РСФСР от 3 июня 1921 года. Все крестьянские хозяйства, которые имели пасаеки, были обязаны платить налог на мед и воск. От налога освобождались крестьянские хозяйства с одним ульем и пасекой в первый год ее основания. По Тверской губернии был установлен налог на мед в хозяйствах, имеющих до 15 ульев по 3 фунта меда с каждого рамочного улья и по 2 фунта меда с каждого колодного улья, то есть при бортничестве.

Налог на воск был установлен по 0,5 фунта (227 грамм) светлой сухой вошины или по 0,25 фунта (113,5 грамм) чистого желтого воска с каждого колодного улья. С каждого рамочного улья должны были отдавать в счет налога 0,25 фунта светлой сухой вошины или по 0,125 фунта чистого желтого воска с каждого улья. Плательщики налога были обязаны приступать к сдаче меда и воска немедленно после начала сбора, конечным сроком сдачи этого налога было 1 ноября.

Нужно отметить, что в карельских деревнях Бежецкого уезда Тверской губернии было распространено бортничество, важность которого заключалась в том, что мед заменял сахар, дефицит которого при НЭПе был повсеместно. Другой продукт бортничества – воск применялся в основном для изготовления восковых свечей, которыми заменяли непрактичные, дурно пахнущие сальные свечи.

Крестьяне брали мед из дупла липы, сосны, вяза или тополя, куда пчелы собирали мед. Бортничество было непростым делом, чтобы добраться до борти на большой высоте, крестьянин на веревках подвешивал к дереву люльку. Сидя в ней, он с помощью долота, ножа и бурава делал отверстие, через которое ножом вырезал и доставал соты с медом. Нередко крестьянин деревянные колоды, которые устанавливал на сучьях или подвязывал веревками высоко на деревьях, поблизости от естественной борти.

Карелы в нашей местности занимались бортничеством до 1960-х годов, постепенно переходя на разведение пчел в домиках на пасеках. Пчелиные ульи залетали в приготовленные домики прямо из леса. К тому же пчелы повышали урожайность садовых деревьев и огородных культур.

Натуральный мясной налог

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР от 14 июня 1921 года. С каждой головы крупного рогатого скота старше 2 лет по Тверской губернии брали по 7 фунтов мяса (3,2 кг. – А.Г.).

С каждой головы овец, включая ягнят весеннего помета, по Тверской губернии брали в счет налога по 2,5 фунта мяса (1,14 кг).

С каждой головы свиней старше 9 месяцев по Тверской губернии платили натуральный налог мясом по 15 фунтов свинины (6,8 кг).

От натурального мясного налога освобождались крестьяне Московской, Петроградской, Иваново-Вознесенской, Тульской, Калужской и Брянской губерний.

Для выполнения мясного налога отдельные плательщики объединялись в группы для решения вопроса, чей именно скот поступит в уплату налога. За мясной натуральный налог возмещали его стоимость по твердым закупочным ценам (которые были крайне низкие. – А.Г.). Когда согласия между отдельными плательщиками не было, сельсовет в установленном порядке определял, у кого из плательщиков должен быть взят скот для уплаты налога. Также определялось, в какой форме и порядке должна быть уплачено другим плательщиками стоимость взятого скота. Основная сдача натурального мясного налога была определена на октябрь-декабрь каждого года.

Декретом Совнаркома РСФСР от 19 мая 1921 года была утверждена инструкция губернским продовольственным комитетам по проведению натуральных налогов. Им было поручено, немедленно приступить к сбору сведений по каждому крестьянскому хозяйству об основных данных, согласно которых производилось исчисление налога. Сельские советы на основании собранных сведений составляли предварительные именные списки плательщиков по каждой деревне и по каждому виду натурального налога.

Именные списки по каждому поселению содержали следующие сведения:

- поименное перечисление всех плательщиков в деревне, с указанием по каждому крестьянскому хозяйству числа едоков, количества десятин земли, количества скота и других данных, в зависимости от видов натурального налога;

- количество продуктов, назначенных к сдаче по налогу с каждого крестьянского хозяйства;
- сроки сдачи натуральных налогов.

Волостные исполнительные комитеты проверяли все эти сведения и составляли волостные сводки по каждому виду налога. Эти сведения направлялись в уездные продовольственные комитеты.

Поступавшие по налогу продукты сдавались заготовительным конторам, никаким другим органам, кроме заготконтор, налоги сдаваться не могли. По истечении установленных сроков к неисправным плательщикам применялись административные и судебные меры принуждения.

Декретом Совнаркома РСФСР от 24 мая 1921 года был разрешен свободный обмен, покупка и продажа оставшихся у крестьян после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Этот обмен, продажа и покупка могли проводиться на рынках и базарах, с лотков и ларей, а также в закрытых торговых помещениях – лавках и магазинах.

Переход от натурального налога к денежному налогу (1923 год)

*В России проведена реставрация
капитализма.*

В.И. Ленин

В резолюции XII съезда РКП(б), прошедшего 17–25 апреля 1923 года, «*О работе РКП в деревне*» говорилось, что созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения, затрудняют развитие значительной части маломощных крестьян и вызывают обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства [23].

На съезде РКП(б), в числе других решений, была принята резолюция: «*О налоговой политике в деревне*». В отношении налоговой политики в деревне говорилось, что в эпоху открытой Гражданской войны все тяготы легли на крестьянство в виде продрозверстки. Как только закончился этот период, коммунистическая партия провела переход от продрозверстки к продналогу.

Этот переход принес значительное облегчение крестьянству. Новая экономическая политика необходима для развития торговли между городом и деревней, которая невозможна, пока постоянное обесценивание денег срывает денежный оборот и препятствует реализации продуктов, как сельского хозяйства, так и промышленности.

Таким образом, непосредственно облегчая положение крестьянства, эта мера укрепляет все хозяйство страны, что, в свою очередь, поможет крестьянству быстрее выйти из разрухи и нищеты, восстановить свой инвентарь и повысить технический уровень своего хозяйства – писали в резолюции.

Кроме перехода от натурального обложения к денежному налогу, коммунистическая партия, в целях облегчения положения крестьянства, должна провести объединение всех государственных прямых налогов, лежащих на крестьянстве – продналога, подворно-денежного и трудгужналога, а равно и всех местных прямых налогов в единый прямой сельскохозяйственный налог.

До введения единого прямого сельскохозяйственного налога в 1921–1923 годах для крестьянских хозяйств действовали следующие налоги:

- единый натуральный налог, который взимался с крестьянских хозяйств различными видами продуктов;
- трудовой гужевой налог, когда каждый гражданин в возрасте от 18 до 50 лет и каждая лошадь старше 3 лет должны были отработать в пользу государства бесплатно по 6 дней в году;
- подворно-денежный налог, который был установлен декретом ВЦИК от 25 мая 1922 года, предоставившим право губернским исполкомам взимать его с крестьянских дворов дополнительно к другим налогам;
- единовременный налог на восстановление сельского хозяйства (общегражданский налог), введенный в 1922 году для оказания помощи голодающим;
- местные налоги, налагаемые советами народных комиссаров автономных республик, областными исполнительными комитетами, губернскими исполнительными комитетами и уездными исполнительными комитетами на сельское хозяйство.

Единый сельскохозяйственный налог должен был решительно покончить с множественностью обложения, которая вызывала справедливые жалобы крестьянства и мешала ему твердо подсчитать свои расходы и доходы и в соответствии с этим вести свое хозяйство.

Единый сельскохозяйственный налог должен обеспечить соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков при помощи учета всех данных, определяющих мощностъ и платежеспособность хозяйства – количество едоков, количество пашни и сенокосов, количество рабочего и продуктивного скота, средний размер урожая.

При установлении размеров единого сельскохозяйственного налога, а также натуральной и денежной части его, советская власть, – утверждалось в резолюции XII съезда РКП(б), – должна руководствоваться интересами развития и поднятия сельского хозяйства, тщательно оценивая действительную платежную силу крестьянского хозяйства, как в целом, так и по отдельным районам. Необходимо поэтому учитывать особые условия отдельных районов, отличающихся более земледельческим или более промысловым характером, в целях наиболее полного соответствия размеров налога и его форм – денежной или смешанной – действительному состоянию крестьянского хозяйства данного района. В тех же целях для внесения налога должны быть назначены не один, а несколько сроков, согласованных с моментами снятия урожая, продажей излишков.

В целях содействия поднятию сельского хозяйства предполагалось провести в жизнь систему поощрений, доступных в данных условиях широким массам крестьянства, улучшенных приемов хозяйствования – ранние пары, вспашка на зябь, развитие технических и трудоемких культур, рационализация животноводства.

Районы (районами до 1929 года назывались отдельные сельсоветы в пределах одной волости, исходя из видов основной деятельности жителей деревень. – А.Г.), волости и коллективы, особо проявившие себя в этом отношении, по представлениям земельных органов, подлежали премированию губисполкомами в форме частичной скидки причитающегося с них сельскохозяйственного налога в пределах одного процента с общей его суммы. Одним из решительных способов борьбы с непомерно низкими ценами на хлеб, разоряющими крестьянское хозяйство и одновременно затрудняющими промышленность, должно явиться облегчение выхода за границу тех излишков крестьянского хлеба, которые не могли быть потреблены внутри страны.

В целях удовлетворения этой насущной потребности крестьянского хозяйства, – говорилось в резолюции съезда, – советское правительство должно добиваться возможности беспрепятственной реализации крестьянского хлеба за границей. Завоевание для сельского хозяйства

заграничных рынков, утерянных в эпоху империалистической войны, должно явиться ближайшей задачей советской власти, ибо при отсутствии сельскохозяйственного вывоза из России неизбежны крайне низкие цены на хлеб на внутреннем рынке. Это, в свою очередь, приведет к сокращению запасов, застою в крестьянском хозяйстве, а, следовательно, и к общему хозяйственному застою государственного экспорта. В целях устранения частного посредничества экспорт хлеба должен быть сосредоточен в руках государства и его органов.

Коммунистическая партия, писали в резолюции съезда, отдает себе полный отчет как в трудном положении разоренного войной и контрреволюцией крестьянского хозяйства, так и в тяжести лежащих на нем обязательств. Проводимые ныне советской властью меры к облегчению положения крестьянства, представляя значительный шаг вперед к упорядочению крестьянского хозяйства, отнюдь не освобождают его от необходимости напрячь все силы для удовлетворения предъявленных крестьянству советским государством требований.

Крестьянство должно убедиться, что, собирая налоги, рабоче-крестьянское правительство в то же время решительной рукой сокращает всякие непроизводительные расходы и является действительно самым дешевым правительством для страны. Коммунистическая партия должна будет пристально следить за тем, чтобы получаемые от налогов средства расходовались с величайшей экономией и исключительно на действительно необходимые нужды:

- на оборону революционных завоеваний рабочих и крестьян;
- на развитие просвещения;
- на всемерную поддержку сельского хозяйства в виде организации сельскохозяйственного дешевого кредита, агрономической и другой поддержки деревне;
- на развитие крупной промышленности, без широкого развития которой население страны было бы обречено на хозяйственное прозябание и на экономическое и политическое рабство.

При всех этих расходах рабоче-крестьянское правительство должно равняться по крестьянской силе и возможностям крестьян.

Настойчивое и систематическое проведение указанных выше мер приведет к быстрейшему развертыванию производительных сил города и деревни. Приведет к ограждению интересов крестьянской бедноты и середняков, к укреплению доверия крестьянина к рабочим и к закреплению союза рабочих и крестьян на твердом фундаменте

роста народного богатства, распорядителем которого при советском государстве являются сами же трудящиеся массы [24].

До установления единого сельскохозяйственного налога крестьяне платили натуральный налог продуктами по установленным нормативам. Отбывали трудгужналог или трудгужповинность, когда сельсовет, волисполком, военкомат и другие представители советской власти мобилизовали на несколько дней подводы вместе с хозяевами. Они вывозили в указанное место конфискованное зерно и продукты питания, доставляли призывников на призывные пункты, возили коммунистов и комсомольцев на уездные конференции и выполняли другие поручения советской власти. Возчики днями, а иногда сутками оставались возле своих подвод, чтобы везти делегатов обратно домой. За это время их не кормили, им ничего не платили и ничего не выдавали, кроме дегтя, чтобы смазывать колеса у телег.

30 апреля 1923 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принял декрет «*Об амнистии неплательщиков единого натурального налога*». В нем было заявлено, что Президиум ВЦИК постановил освободить от дальнейшего отбывания наказания лишением свободы и принудительными работами граждан, осужденных за невыполнение единого натурального налога в 1922–1923 годах, то есть за преступные деяния, предусмотренные ст. 79 и 2 ч. ст. 80 Уголовного Кодекса, при установленном по суду отсутствии злостности.

Действие постановления Президиума ВЦИК от 30 апреля 1923 года не распространялось на имущественные взыскания – конфискацию всего или части имущества и штраф. От имущественных взысканий освобождались маломощные семьи красноармейцев, инвалиды империалистической и Гражданской войн и семьи погибших в эти войны.

На основании решений XII партийного съезда *10 мая 1923 года ВЦИК и Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР своим декретом установили единый сельскохозяйственный налог на 1923–1924 год*. На население, занимающееся сельскохозяйственным промыслом, а также на коллективные и советские хозяйства устанавливался на 1923–1924 год единый сельскохозяйственный налог взамен всех перечисленных выше налогов, взимаемых в 1922–1923 году с населения, занимающегося сельским хозяйством.

Волостные и сельские сборы, согласно декрету от 10 мая 1923 года, могли производиться волостными и сельскими советами только на

основании особого положения, точно предусматривающего те потребности волостного и сельского бюджета, которые могли покрываться местными волостными и сельскими сборами. К оставленным к взысканию налогам, на основании Временного положения о местных финансах, утвержденным постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 года, отнесли:

- налог с лошадей и экипажей;
- налог на право застройки;
- налог с наследства;
- сбор за ветеринарно-санитарный осмотр скота;
- сбор с продаж на рынке и другие виды местных налогов.

Промысловая и торговая деятельность сельского населения подлежала обложению, установленному на промыслы и торговлю.

Обложение сельского хозяйства какими-либо дополнительными налогами, кроме единого сельскохозяйственного налога, волостных и сельских сборов, воспрещалось под страхом уголовной ответственности.

Единый сельскохозяйственный налог исчислялся и выражался в весовой мере – пуде ржи (ржаной единице), а в районах преимущественного распространения пшеницы – в пуде пшеницы (пшеничной единице) и взимался натурой или деньгами.

В губерниях, областях и автономных республиках, где единый сельскохозяйственный налог взимался в чисто денежной форме, все работы по обложению, исчислению и сбору налога возлагались на органы Народного комиссариата финансов.

В губерниях с чисто денежной формой налога, где по условиям реализации урожая сдача налога в денежной форме была затруднительна для населения, Народному комиссариату финансов, по ходатайствам Советов народных комиссаров автономных республик, областных и губернских исполнительных комитетов, предоставлялось право взимать часть налога натурой.

Каждому налогоплательщику предоставлялось право уплачивать причитающуюся с него натуральную часть налога деньгами полностью или частично в сроки, установленные для сдачи причитающейся натуральной части налога. Натуральная часть налога оплачивалась хлебными и зерновыми продуктами.

При определении размеров налога учитывались:

- а) количество в хозяйстве пашни и сенокоса (в переводе последнего на пашню);

- б) количество едоков в хозяйстве;
- в) количество в хозяйстве взрослого рабочего и взрослого крупного рогатого скота;
- г) урожайность хлебов и трав на десятину.

Состав облагаемой площади определялся:

- а) площадью пашни, занятой яровыми и озимыми полями, паром, толокой и посевами трав, приусадебными землями и одворцами (проулками и заулками. – А.Г.);
- б) площадью заливных и незаливных сенокосов;

Учету при обложении подлежал рабочий скот в рабочем возрасте и крупный рогатый скот, старше 2 лет.

В целях облегчения уплаты налога семьям, члены которых находились на действительной службе в Красной Армии и флоте, предоставлялись следующие льготы:

- а) при учете едоков в хозяйстве для исчисления налога, причитавшегося с их хозяйства, зачислялись в число едоков семьи все состоящие на службе красноармейцы, причем курсанты и лица командного состава, до командира батальона включительно, принимались за два едока каждый;
- б) семьи состоявших на службе в Красной Армии и флоте лиц, не имевшие в своем составе трудоспособных членов мужского пола, освобождались от уплаты всего причитавшегося с них налога, если на их хозяйства приходилось менее 2–2,5 десятины облагаемой площади земли;
- в) семьи лиц, состоявших на службе в Красной Армии и флоте, имевшие облагаемой площади менее 11 десятин на хозяйство, освобождались от 3/4 налога;
- г) семьи инвалидов Гражданской войны, семьи красноармейцев, находившихся в плену, и семьи милиционеров пользовались теми же льготами по налогу, которыми пользовались и семьи красноармейцев, состоявших на действительной службе.

Составление поселенных налоговых списков с установлением для каждого хозяйства объектов и признаков обложения единым сельскохозяйственным налогом – пашни, посевов, сенокоса, едоков, скота, производилось волостными исполнительными комитетами и сельскими советами в срок до 1 июня 1923 года.

Плательщики обязаны были приступить к сдаче налога тотчас же после уборки урожая и предъявления им окладных листов. Сдача

производилась в несколько сроков. Граждане, не уплатившие налога, несли личную и имущественную ответственность в судебном и административном порядке. На неуплаченную в установленные сроки часть налога начислялась пеня. Подача жалоб взыскания налога не приостанавливала.

Тверская губерния вошла в список губерний, областей и автономных республик, в которых была установлена *денежная форма налога*. Для того чтобы перейти к денежной форме налога, нужны были новые советские деньги. Нужно отметить, что после Октябрьской революции 1917 года все царские деньги и деньги Временного правительства были уничтожены. Право выпуска денег от имени правительства Советской России было передано не только Народному комиссариату финансов, но и местным органам советской власти. Эти деньги выпускались на любой имеющейся бумаге, даже на винных этикетках. На них писали номинал, слово «обеспечено» и ставили печать губернского или уездного исполкома. Так продолжалось почти до середины 1920 года.

На основании декрета Совнаркома от 4 марта 1920 года начали выпускать в обращение новые советские денежные знаки достоинством в 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей. Денежные знаки старых образцов сохраняли платежную силу и имели хождение наравне с новыми советскими знаками [25].

Обесценивание денег было в таких масштабах, что финансисты не могли вести их счет, в обороте страны вращались триллионы различных денежных советских знаков. Чтобы навести элементарный порядок в денежном обращении, в октябре 1921 года был учрежден Государственный банк, которому поручили проведение денежной реформы.

В ноябре 1921 года была проведена первая деноминация, во время которой денежные советские знаки 1922 года обменивались на все прежние знаки из расчета 1 знак за 10 тысяч прежних знаков.

В декабре 1922 года провели вторую деноминацию, когда 1 знак 1923 года обменивали на 100 знаков 1922 года. Государственный денежный знак СССР 1923 года достоинством в 10 тысяч рублей был изготовлен на бумаге, с указанием номера на каждой купюре и с подписями Народного комиссара финансов и кассира.

В октябре 1922 года в оборот был введен червонец, который соответствовал 10 новым рублям. Он имел золотое содержание наравне

с дореволюционной золотой монетой – 7,74 грамма чистого золота. Одновременно с золотым червонцем в обращении находились советские знаки образца 1922 и 1923 годов, которые ходили в деревне, там червонцев не было.

В марте-апреле 1924 года выпуск советских денежных знаков был прекращен, взамен выпустили бумажные рубли номиналом в 1, 3 и 5 рублей, а также серебряную и медную разменные монеты. Например, 3 копейки 1924 года выпуска были изготовлены как монетой, так и на бумаге, где было написано, что они «имеют хождение наравне с серебряной монетой».

Официально один рубль выпуска 1924 года обменивался на советские знаки выпуска 1923 года номиналом в 50 тысяч. Советские денежные знаки обесценивались катастрофически. Фактически на 1 января 1924 года один бумажный рубль стоил 30 тысяч советских знаков, а к 13 января 1924 года – 46 тысяч советских знаков. На 13 февраля 1924 года один бумажный рубль равнялся 120 тысячам советских денежных знаков.

Чтобы подвигнуть крестьян расстаться с оставшимися у них золотыми монетами царской чеканки Народный комиссариат финансов поручил уездным исполкомам провести покупку этих монет:

- за полновесную десятирублевую монету царской чеканки платить наличными деньги в сумме 9 руб. 75 копеек;
- за пятирублевую монету царской чеканки платить наличными деньгами в сумме 4 руб. 84 копейки.

Все операции по покупке царских золотых монет проводили государственные трудовые сберегательные кассы.

Таким образом, после объявления новой экономической политики и проведения денежной реформы 1922–1924 годов, основной формой расчета за работу, промышленные товары и продукты питания, как и до Октябрьской революции 1917 года, вновь стали деньги.

Введение в действие единого сельхозналога (1924 год)

*Я с ума не сошел, чтобы давать
циркуляр об истязаниях крестьян.*

А.Д. Цюрупа

Таким образом, взяв курс на развитие товарно-денежных отношений, с 1 января 1924 года государство заменило продналог единым сельскохозяйственным налогом, который стал взиматься в денежном выражении. Этот налог в среднем составлял до 5% от дохода крестьянского хозяйства.

Среди прямых денежных налогов для частных крестьянских мелких промышленных и торговых предприятий был введен единый промысловый налог из расчета 3% с оборота в госбюджет, 3% в местный бюджет и 1% в пользу голодающих, всего 7% с оборота. Полностью освобождались от промыслового налога все сельские кооперативы с оборотом не свыше 20 тысяч рублей в год.

Центральный исполнительный комитет СССР своим декретом от 27 июля 1923 года предоставил некоторые льготы крестьянам в связи с введением единого сельскохозяйственного налога. В этом нормативном акте государства было заявлено, что закон о едином натуральном налоге являлся началом основной реформы в области налогового законодательства в деревне. Польза этого закона для крестьянского хозяйства была понята населением, и оно встретило его сочувственно. Громадное большинство крестьянства сдало натуральный налог в новой облегченной форме полностью.

Закон о едином сельскохозяйственном налоге дает крестьянину возможность заранее знать всю сумму причитающегося с него прямого обложения и иметь дело только с одним сборщиком. Предоставляемое плательщику право уплаты части налога деньгами сократит издержки крестьянина по взносу налога и даст возможность избрать более выгодную для него форму уплаты.

Вводя в жизнь новый закон, упрощавший и твердо ограничивавший обложение крестьянства, предоставлявший ему значительные льготы, Рабоче-крестьянское правительство, призывало все крестьянство советских республик к выполнению революционного долга по укреплению хозяйственной мощи страны, полностью и в срок выполнить налоговые обязательства.

Сознавая затруднительность для беднейшего крестьянства выполнения революционного долга, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров, в целях подъема хозяйственных сил страны, установил следующие льготы:

- а) сложить полностью все числящиеся за населением недоимки:
 - по натуральным налогам 1921 года;
 - по временному налогу 1922 года на молочные продукты и яйца.
- б) Сложить задолженность населения по всем семенным ссудам, выданным до 1921 года и по ссуде, выданной весной 1921 года.
- в) Сложить задолженности по семенной ссуде, выданной осенью 1921 года и весной 1922 года, следующим категориям хозяйств:
 - имеющим по 2–2,5 и менее десятин облагаемой пашни, если в семье имелось лицо, состоявшее на действительной службе в Красной армии;
 - беднейшим и наиболее малоземельным хозяйствам, особенно тем, в которых не было трудоспособных работников мужчин или рабочего скота;
 - дать отсрочку выплаты до 1924 года задолженности всем хозяйствам, для которых, в силу хозяйственных условий 1923 года, уплата частично или полностью задолженности по семенной ссуде оказалась непосильной.

Декретом ЦИК СССР и СНК СССР от 30 апреля 1924 года было введено «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» уже не на один год, а на последующие годы, начиная с 1924–1925 годов.

Обложению единым сельскохозяйственным налогом подлежали занимавшееся сельским хозяйством население, а также коллективные и советские хозяйства.

Плательщики единого сельскохозяйственного налога не облагались никакими иными падающими на сельское хозяйство налогами или сборами, *за исключением надбавки на местные нужды и платежей по обязательному окладному страхованию.*

Доходы сельского населения от торговли, промышленности и других источников, не связанных с сельским хозяйством, подлежали в общем порядке обложению, установленному на промыслы, торговлю и доходы.

Единый сельскохозяйственный налог исчислялся в золотых рублях и взимался деньгами.

Налог исчислялся и взимался с каждого отдельного хозяйства по количеству принадлежавшей ему по праву трудового пользования и арендуемой земли, а также по количеству рабочего и крупного рогатого скота. *За единицу обложения единым сельскохозяйственным налогом принималась десятина пашни.*

Облагаемый скот в хозяйстве приравнивался к пашне по соответствующим нормам пересчета, и полученное путем такого перечисления количество десятин прибавлялось к числу десятин облагаемой земли в хозяйстве.

В состав облагаемой земли включались:

- площадь пашни, занятая яровыми и озимыми полями, паром, толокой, посевами трав, риса, хлопка и других технических растений;
- сады, огороды, виноградники, ореховые, чайные и другие культурные насаждения, приусадебные земли и одворицы (проулки и заулки. – А.Г.);
- площадь заливных и незаливных сенокосов.

В состав облагаемого скота включались лошади, волы в возрасте старше 3 лет и крупный рогатый скот, за исключением волов старше 1,5 лет, к 1 апреля года, предшествующего окладному году.

Сумма налога по каждому хозяйству определялась по количеству имевшихся у него облагаемых земли и скота, выраженных в десятинах пашни или посева, в зависимости от количества едоков в хозяйстве. Ставки налога на данный окладной год устанавливалась по районам в зависимости от урожая текущего года и состояния сельского хозяйства, на основании чего данный район относится к тому или иному разряду по обложению.

Для обложения имеющихся в каждом хозяйстве земли и скота устанавливались три различных ставки с десятины в зависимости от приходящегося на едока количества облагаемой земли и скота, выраженных в десятинах пашни (посева):

- а) по первой – наименьшей ставке на десятину облагалась первая наименьшая доля земли на одного едока в хозяйстве;
- б) по второй – средней ставке на десятину облагался излишек земли сверх обложений по первой ставке, до установленного предела на едока в хозяйстве;
- в) по третьей – наивысшей ставке на десятину облагался остальной излишек, сверх обложений по первой и второй ставкам.

В целях облегчения беднейшему крестьянству возможности восстановиться и улучшить свое хозяйство устанавливались льготы:

- а) совершенно освобождались от налога и надбавки к нему на местные нужды:
 - все хозяйства, не имевшие облагаемого скота, если в этих хозяйствах имелось не более 3/4 десятины облагаемой земли на едока в районах обложения по пашне и не более 1/2 десятины в районах обложения по посеву;
 - хозяйства, не имевшие работников и работниц, если они имели не более 3/4 десятины земли (или полудесятины посева) на едока и одной головы облагаемого скота.
- б) Хозяйства, не имевшие рабочего скота (лошадей или волов. – А.Г.), если облагаемой земли в них не более 3/4 десятины на едока в районах обложения по пашне и не более 1/2 десятины в районах обложения по посеву, уплачивали налог и местную надбавку к нему в половинном размере.

Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 15 июля 1924 года были введены дополнительные льготы по единому сельскохозяйственному налогу в целях поощрения развития животноводства и в первую очередь разведения крупного рогатого скота.

Определение размера дополнительной скидки производилось в зависимости от общего состояния сельского хозяйства конкретной губернии, экономической мощности отдельных групп населения и степени развития животноводства.

По получении сообщения губернского исполнительного комитета о сумме скидок, установленной для определенного уезда, а также о категориях хозяйств, которым предоставляется льгота, уездные исполнительные комитеты и соответствующие им органы распределяли сумму скидок между отдельными волостями и указывали им порядок предоставления льгот плательщикам.

В партийных и советских документах первой половины 1924 года не было никаких указаний на усиление налогового нажима на частный сектор. Но объединение всех налогов в один денежный налог легло тяжким бременем на крестьян, оно было усугублено местными налогами и сборами, а также принудительной подпиской на крестьянский заем.

На XIV партконференции 27–29 апреля 1925 года был поставлен вопрос о сокращении единого сельскохозяйственного налога и более

равномерном распределении его, в зависимости от доходности хозяйств. Предлагалось исключить из практики взимания налога наложение штрафов на неплательщиков и применение их ареста.

В апреле 1925 года на пленуме РКП(б) разрешили расширение применения наемного труда в крестьянских хозяйствах ввиду значительного избытка рабочих рук в деревне. На местах органам власти поручалось устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле, к развитию крестьянских промыслов, обеспечив их кредитованием и облегчая налоговое бремя.

7 мая 1925 года было принято «Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1925/1926 год», по которому общий объем налога был снижен на 40% в сравнении с предыдущим годом. Это Положение действовало до 25 апреля 1926 года, когда оно было заменено новым, усиливающим классовое расслоение в деревне. В новом Положении от 25 апреля 1926 года установили необлагаемый налогом минимум доходов по 28 рублей за год на каждую душу. Усилили прогрессивный налог, когда зажиточные крестьяне стали платить от 12% до 22% от совокупного дохода, а бедняки – от 2 до 4% от дохода.

Конфискация земли и имущества

*Помещичьи имения
переходят в распоряжение
Советов без всякого выкупа.
Из декрета «О земле»*

Ко времени свершения Октябрьской революции 1917 года помещики владели своими земельными участками более 300 лет, хотя площадь их сократилась в ходе реализации крестьянской реформы 1861 года. Удельные крестьяне, к которым относилось большинство тверских карел, являлись собственниками усадебных участков и полевых земельных наделов более 50 лет, с 1865 года. Большинство помещичьих крестьян за 20 лет до революции 1917 года успели расплатиться за земельные наделы, и тоже стали собственниками земли.

Крестьяне поверили лозунгу большевиков «Земля – крестьянам» и встали на их сторону, полагая, что земельные наделы останутся в их

собственности, и их площади увеличат за счет помещичьих земель. Но они ошиблись, после 1917 года вся земля стала государственной, она передавалась крестьянам лишь в пользование.

Уже на второй день после победы Октябрьской революции 26 октября 1917 года в 2 часа ночи II Всероссийский съезд советов принял декрет «О земле»:

«1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всеми их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3. Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и прочим» [26].

К «Декрету о земле» прилагался «крестьянский наказ», основными пунктами которого были:

- право частной собственности на землю отменяется навсегда;
- все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и другие, а также леса и воды переходят в исключительное пользование государства;
- весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или сельской общины без выкупа;
- наемный труд не допускается;
- земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение;
- земельный фонд подвергается периодически переделам в зависимости от прироста населения. Земля выбывающих членов

поступает обратно в земельный фонд, преимущественное право на получение их участков получают ближайшие родственники и лица по указанию выбывших [27].

Проект декрета «О земле» составил первый советский Народный комиссар земледелия Владимир Павлович Милютин, проработавший в этой должности всего 9 суток с 26 октября по 4 ноября 1917 года. В губернии были направлены эмиссары с инструкцией, подписанной Лениным и Милютиным. Они должны были собрать информацию, как принят декрет «О земле» крестьянами на местах [28].

В день отставки народного комиссара земледелия Милютина 4 ноября 1917 года, В.И. Ленин предложил на этот пост левого эсера А.Л. Колегаева [29].

Назначенный 24 ноября 1917 года вместо Милютина Народным комиссаром земледелия левый эсер Андрей Лукич Колегаев на другой же день разослал телеграммы всем губернским и уездным земельным комитетам. В них новый нарком еще раз подтверждал главные положения декрета «О земле», а именно:

- все земли с живым и мертвым инвентарем, служебными, жилыми постройками, продуктами объявлялись народным достоянием и поступали в ведение земельных комитетов;
- частная собственность на землю полностью отменялась;
- уничтожение, разгромы, поджоги и расхищение помещичьих имений, инвентаря, построек, продуктов признавались, как огромный вред и убыток самому трудовому крестьянству. Поэтому земельные комитеты должны были принять все меры к охране в целости имущества в интересах трудового народа.

29 ноября А.Л. Колегаев уволил некоторых специалистов в области земледелия, в том числе А.В. Чаянова, за отказ работать вместе с Совнаркомом по проведению в жизнь постановления о передаче земель в ведение земельных комитетов [30].

Таким образом, советская власть провела конфискацию земли у бывших помещиков, монастырей и церквей, то есть принудительное и безвозмездное изъятие ее у собственников. Значительная часть дворянских усадеб была сожжена и разграблена крестьянами в 1917–1918 годах. Наркомат земледелия в 1918 году установил выселение помещиков, как в судебном, так и в административном порядке. Разрешили оставлять на местах тех помещиков, которые не проявляли контрреволюционных выступлений против советской власти, при

ограничении их земельных участков трудовыми нормами с обязательством вести хозяйство без применения наемного труда.

На практике крестьянам дополнительно распределили для пользования около 90 млн десятин из 150 млн десятин отобранной земли. Из них около половины земли было отобрано у самих крестьян, которые ранее купили земельные участки на свои деньги или получили их при выходе на хутора и свои отруба в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина. Бедняки и батраки дополнительно получили к своим наделам по 1–1,5 десятин земли, что для них при отсутствии сельскохозяйственных орудий и инвентаря сыграло незначительную роль.

С другой стороны действительно трудовые хозяйства зажиточных крестьян уже в 1918–1919 годах подверглись земельному и инвентарному раскулачиванию в результате передела земли. Деревня значительно потеряла из-за этого свою дореволюционную производительность и товарность хлеба и сельскохозяйственных продуктов.

В «Крестьянском наказе», вошедшем в Декрет о земле, было записано, что право частной собственности на землю отменяется навсегда. Вся земля обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование крестьянам и другим лицам, которые обрабатывали ее своим трудом.

Декрет о земле одним росчерком пера уничтожил результаты всей выкупной кампании крестьян по реформе 1861 года. За выкуп одного надела крестьянин Тверской губернии заплатил 150 рублей и стал собственником этого надела. После 1917 года оказалось, что три предыдущих поколения крестьян, экономя на питании и одежде, выкупали напрасно эти земельные наделы. Они смогли ими воспользоваться, как собственники, всего 20–30 лет, в зависимости от срока окончания выкупа наделов каждой сельской общиной. Узнав о декрете, крестьяне ожидали, когда советская власть заключит с ними купчие на гербовой бумаге с печатью на их наделы, еще не осознавая, что земля им уже не принадлежит.

Таким образом, выдвигая революционный лозунг «Земля – крестьянам», после Октябрьской революции 1917 года большевики на деле лишили крестьян их собственности на землю, доставшейся им путем длительного денежного выкупа, то есть фактически обманули неграмотных крестьян. Объявив диктатуру пролетариата, большевики всеми силами препятствовали и не допустили для защиты крестьян создания Крестьянской партии или Крестьянского союза, хотя в России тогда было около 90% крестьян.

Беда деревни после Октябрьской революции 1917 года была в том, что советская власть боролась с сельской общиной. Во время неурожая, пожара, падежа скота или при стихийном бедствии община выделяла бедной семье хлеб из хлебного магазина и помогала крестьянину работой и другими способами. После революции все общинные связи были нарушены, крестьянин мог надеяться только сам на себя и свою семью.

Формально сохранялась форма местного самоуправления – сходы, на которых допускались все члены крестьянского двора, в том числе и женщины. Женщины-активистки собирались на сход, как на праздник. Вместо повседневных рабочих фуфаяк они надевали плюшевые черные жакетки, головы повязывали серыми или коричневыми шерстяными полшалками. Но сходы были далеки от праздничного состояния.

Формальность заключалась в том, что сход, хотя и признавался высшим органом деревенского самоуправления, но на деле он не имел права решать основные вопросы жизни деревни. Все права перешли в руки органов советской власти. Земельные переделы и земельные споры полностью решали созданные волостные и уездные земельные комиссии. Выдел из общины на хутора мог проводиться без всякого решения схода, обязательного в деревне до революции 1917 года.

Повсюду после Октябрьской революции происходило перераспределение земельных участков, *мерой распределения был едок*. По числу едоков делились пахотные земли, сенокосы обычно делили по количеству имевшегося в хозяйстве скота. Перераспределением земельных участков летом и осенью 1918 года занимались созданные советской властью комитеты бедноты (комбеды). Само существование комбедов было тесно связано с вооруженными продотрядами, на которые они опирались. После ликвидации комбедов в ноябре 1918 года, перераспределением земли стали заниматься волостные советы.

В деревнях из-за передела земли мужики не только спорили и ругались, а дрались кулаками и кольями, пускали в ход вилы, топоры и ножи. Жадность из-за земли одолевала их во время разделов на деревенских сходах. Одни кричали, чтобы бабам и девкам земли не давать, солдаткам тоже не давать. Другие говорили, что на сыновей давать, а на дочерей – нет. Иногда делили землю не по едокам, а по числу мужчин в семье. Получалось, что у одного в семье семь едоков, а ему давали три надела, у другого – пять едоков, ему давали четыре надела, а солдатке с шестью едоками всего один надел за мужа-солдата.

Малограмотные представители советской власти зачастую ссылались на дореволюционные законы и обычаи, когда женщину не признавали душой, и ей земли не полагалось. Бабы и некоторые обиженные мужики в жарких спорах и жалобах в вышестоящие инстанции доказывали, что землю полагается делить по числу едоков, а не по числу работников в семье, при этом не разделять сыновей и дочерей, давать землю на всех.

При делении участков земли во время переделов нередко использовали жребий, когда каждый участок был пронумерован, а домохозяйева вытаскивали номер. Хотя этот дележ казался справедливым, но часто получалось, что лодырю доставался ухоженный, унавоженный участок, а трудолюбивому крестьянину – участок лентяя, поросший бурьяном.

В деревнях говорили: *«Иван всю жизнь трудился на своей ниве, а Василий вечно был пьян. Потом комиссары прислали Декрет о земле, Васька стал председателем комитета бедноты, отобрал у Ивана его отруб, и тот стал нищим».*

Действие комбедов привело к «двоевластию» с местными советами, поэтому к концу 1918 года они были распущены, многие их члены вошли в новые составы советов после проведения перевыборов.

В декрете Совнаркома РСФСР от 30 апреля 1920 года отмечалось, что производящиеся частые и бесхозяйственные переделы земли сопровождались понижением производительности сельского хозяйства. Поручалось в дальнейшем проводить переделы пахотной земли в сельских обществах только с разрешения местных земельных органов.

Частичные переделы пахотных земель могли быть разрешены волостными земельными комитетами:

- при предоставлении участков вновь организуемым хозяйствам;
- при отобрании излишков земли у отдельных землепользователей;
- в случае уклонения пользователя от улучшения и использования своего участка [31].

3 января 1921 года Совнарком РСФСР принял декрет «О реквизициях и конфискациях». Конфискации подлежали все хранящиеся у частных лиц без разрешения советской власти:

- платиновые, золотые и серебряные монеты, независимо от их количества;
- золото, серебро, платина и металлы платиновой группы – осмий, иридий, рутений и другие, в слитках и сыром виде, независимо от их количества;

- процентные бумаги, кроме тех, которым советской властью было присвоено обращение наравне с денежными знаками;
- бриллианты, алмазы и другие драгоценные камни, если они превышали 3 карата на одно лицо, а также жемчуг, превышающий 5 золотников на одно лицо.

В случае обнаружения у частных лиц значительных денежных сумм, внушающих подозрение в приобретении их спекулятивным путем, таковые подлежали принудительному внесению на текущий счет владельца в государственную кассу впредь до разрешения народным судом вопроса об их происхождении.

Народному комиссариату здравоохранения предоставлялось право реквизиции и конфискации предметов и имущества, необходимых для удовлетворения нужд, связанных с охраной народного хозяйства.

Народному комиссариату просвещения предоставлялось право реквизиции и конфискации следующего имущества:

- предметов старины или искусства, вывозимых за границу без разрешения, а равно брошенных владельцем;
- научных музеев, коллекций, лабораторий, библиотек, наглядных пособий, учебных книг;
- макетов, костюмов, декораций театральных постановок, представляющих художественно-историческое значение;
- музыкальных инструментов и принадлежностей к ним;
- предметов религиозного культа, имеющих историческое или художественное значение [32].

На основании отдельных декретов советской власти у населения также изымались мешки, мешочная ткань и шинели.

30 октября 1922 года был принят и введен в действие в декабре того же года Земельный кодекс РСФСР. *Он законодательно закрепил отмену права частной собственности на недра, воды и леса в пределах РСФСР. Земля перешла в собственность государства, она оставалась в пользовании крестьян в пределах имевшейся площади усадьбы и полевого надела.* Сдача крестьянином участка земли в аренду разрешалась на срок не более одного севооборота, или на три года при трехпольном севообороте и четыре года при четырехполье.

Всем гражданам РСФСР, желающим обрабатывать землю своим трудом, было предоставлено право бессрочного пользования землей.

В случае временного ослабления крестьянского хозяйства допускалась трудовая аренда земли, когда ее обрабатывал сам арендатор. Применение наемного труда допускалось в том случае, когда трудовое крестьянское хозяйство не могло своевременно самостоятельно выполнить сельхозработы при условии непосредственного труда самого нанимателя.

В декрете ВЦИК от 15 ноября 1922 года «Об отклонении домогательств бывших помещиков о возврате отобранных имений» подчеркивалось, что выселенные из имений помещики навсегда утратили какие-либо права на свои имения, и всякое домогательство их о восстановлении права на эти имения полностью или частично, подлежат решительному отклонению. Этим же декретом воспрещалось отбирать у бывших помещиков земельные наделы, предоставленные им советской властью в трудовое пользование.

Органы советской власти вновь стали искать, у кого и чем можно было поживиться, издав новый декрет о конфискации земель и имущества у оставшихся помещиков и зажиточных крестьян, а самих их выселить. Бывшие помещики, оставшиеся в своих имениях, были переведены в статус крестьян, таковых к 1925 году оставалось в пределах 10% от дореволюционной численности, они были, прежде всего, из числа мелкопоместных помещиков. Уже само происхождение их ставило в ряд «лишенцев», не имеющих политических прав и гарантий.

31 мая 1924 года Наркомат земледелия направил в губернии циркуляр «О предоставлении сведений о бывших частных землевладельцах (помещиках), оставленных в прежних их имениях». В циркуляре отмечалось, что оставление бывших помещиков в прежних имениях в 1918 году допускалось в виде исключения. Мера эта не могла и не должна была иметь сколько-нибудь широкого распространения. С опубликованием Земельного кодекса, – указывали в циркуляре, – всякого рода исключения в земельном пользовании потеряли свою силу.

Наркомат земледелия потребовал из всех губерний предоставить сведения о бывших помещиках, оставленных в прежних имениях, а также о бывших землевладельцах, которым земли были отведены вне пределов их губерний.

В ноябре 1924 года нарком земледелия РСФСР, уроженец деревни Никола Васильевской волости Тверского уезда Тверской губернии,

Александр Петрович Смирнов направил в свои низовые структуры приказ, в котором требовал ускорить работы по выселению бывших помещиков, чтобы они были закончены с уборкой урожая 1925 года, при проведении этих работ:

1. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, пользующихся землей в бывших своих имениях единолично или в составе артелей, и не оформивших своих прав, выселить в административном порядке.
2. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, всеми правдами и неправдами оформивших свое право на землю, выселить из их бывших имений, используя для этого все имеющиеся в вашем распоряжении средства.
3. Выселение не должно влечь никаких расходов и возмещений со стороны правительства.
4. Выселяемые в этом порядке земледельцы-кулаки могут быть вновь наделены землей лишь за пределами своих губерний.

20 марта 1925 года было опубликовано постановление Президиума ЦИК и Совнаркома СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». На его основании у помещиков из дворян конфисковали все имущество, за исключением урожая, а они сами выселялись за пределы губерний. Советская власть обосновала это выселение «непримиримо-враждебным отношением» к ней со стороны бывших помещиков.

До издания этого постановления о выселении бывших помещиков, их надлежащего учета со стороны представителей советской власти в Тверской губернии не было.

Во исполнение постановления Президиума ЦИК и Совнаркома СССР от 20 марта 1925 года, на основании протокола уездной рабоче-крестьянской инспекции от 12 августа 1925 года с территории Бежецкого уезда Тверской губернии было выселено шесть семей бывших дворян и одна крестьянская семья. Среди них:

- семья крестьянки деревни Бережки Бежецкой волости Боткиной Татьяны Николаевны, к моменту выселения земли не имела. Я не исключаю, что Т.Н. Боткина приходилась родственницей промышленника В.П. Боткина, имевшего до революции в Бежецке крупнообдирный завод;

- семья дворянки Куторга Елены Александровны из деревни Загранье Молоковской волости, до революции имела 150 десятин земли;
- семья дворян Мартьяновых из деревни Илково Краснохолмской волости, до революции имели 81 десятину земли;
- семья дворянки Бестужевой-Рюминой из сельца Бестужевское Максатихинской волости, до революции имели 600 десятин земли;
- семья дворян Гагман с хутора Крутой Краснохолмской волости, до революции имели 156 десятин земли;
- семья дочери чиновника дворянки Мальковской из села Рыбинское Максатихинской волости, до революции имели 300 десятин земли. Эти две семьи были выселены по решению Тверской губернской рабоче-крестьянской инспекции от 26 октября 1925 года.

По Бежецкому уезду были оставлены проживать в своих бывших имениях 14 семей, из них 12 крестьянских семей и 2 мещанские семьи. Среди семей, оставленных проживать в своих домах, была семья П.Н. Серова из деревни Панцино Бежецкой волости [33].

14 января 1928 года заведующий Тверской губернской рабоче-крестьянской инспекцией Беликов сообщал своему руководству, что с 1925 года по Тверской губернии было намечено выселить 155 семей бывших помещиков. Из них оставлено на местах 25 семей, выселено 130 помещичьих семей, о месте их проживания сведений не имеется. У этих 130 семей бывших помещиков отобрано 3,1 тысячи гектаров земли, построек и имущества на сумму 141,1 тысяча рублей, сельскохозяйственного инвентаря и машин на 9,2 тысячи рублей, скота на 7,3 тысячи рублей.

Из отобранной земли 45% передано в трудовое пользование, 25% – в арендное пользование, прежде всего, крестьянским комитетам общественной взаимопомощи. Половину строений ликвидированы или подлежат ликвидации, 25% строений эксплуатируется, как государственное земельное имущество. Половину инвентаря и скот были переданы в действующие коммуны и другие кооперативные хозяйства, другая половина инвентаря была ликвидирована путем продажи. Не было никаких сведений еще о 33 помещичьих семьях на территории Тверской губернии [34].

Сведения об изъятом имуществе, очень далеки от реальности, к тому времени имения были разграблены, многие постройки растаще-

ны, никто не учитывал этот скрытый передел имущества помещичьих хозяйств, много чего попало в руки тех, кто осуществлял сам передел бывшего помещичьего имущества.

Глава II. Тверская деревня в годы НЭПа

Положение тверской деревни в 1922–1923 годах

*Недовольство крестьян
отмечается повсеместно.
Из донесений ОГПУ*

На заседании Тверского губисполкома был заслушан доклад Тверской губернской прокуратуры за период с августа 1922 по октябрь 1923 года. В докладе указывалось, что при населении 2 109 860 человек в Тверской губернии имелось 5,6 млн десятин пахотной земли. Крестьянское население составляло 1 972 499 человек, оно проживало в 366 622 крестьянских дворах. Трудоспособных крестьян насчитывалось 987 719 человек, на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем по 5,4 едока и по 2,7 трудоспособных работников.

Общая площадь крестьянских наделов после Октябрьской революции 1917 года по Тверской губернии увеличилось с 49,7 до 63,3% к общей земельной пахотной площади. До революции средняя норма обеспеченности крестьянского двора землей всех видов культурных угодий составляла 9,5 десятин, в 1923 году – 8 десятин земли. В том числе усадьба составляла 0,33 десятины, пашня 3,7 десятины, сенокос – 4 десятины. Причины понижения надела объяснялись возвращением из городов в деревню крестьян и, в связи с этим, разделами крестьянских дворов на ряд самостоятельных хозяйств.

В годы Гражданской войны и после нее в деревню из городов хлынули потоки населения. Вернулось много отходников, годами постоянно проживавших в городах, так как там не стало работы, было голодно, а в деревне в это время проводились переделы земли. Возможность получить наделы за счет раздела своего хозяйства и за счет отобранных помещичьих, церковных и монастырских земель, приводило к распаду больших семей. Вернувшиеся крестьяне и молодые

семьи требовали от родителей и родственников раздела, поэтому земельные наделы мельчали, на каждое хозяйство стало приходиться меньше скота и сельскохозяйственного инвентаря.

После законодательного разрешения Земельным кодексом пользования различными формами земельных участков, вновь начался отход крестьян на хутора и отруба. Отруб, в отличие от хутора, выделялся из общинной пахотной земли для передачи в личное пользование крестьянина без переноса его усадьбы из деревни.

К 1922 году общие переделы земли по Тверской губернии произошли в 40,5% селений, уравнивание наделов без общего передела коснулось почти всех селений области. В 1923 году отвод земли землеустроителями по отрубам и хуторам по губернии составил 35% от общего числа отрубных и хуторных хозяйств. Одновременно отвод земли колхозам, артелям, товариществам и коммунаам за два года землеустроители провели всего лишь в пределах 1% от необходимого им отвода земли. В 1923 году было сдано земли в аренду, согласно регистрации, 42,5 тысяч десятин по всей губернии.

К тому времени в Тверской губернии было образовано 163 коллективных хозяйства, из них 52 колхоза и 111 артелей. Все они были экономически слабы, малочисленны и неактивны, в них наблюдалась низкая производительность труда, отсутствие оборотных средств и кредита, недостаточная внутренняя спайка и низкие цены на сельскохозяйственную продукцию. Хотя им было передано 52 бывших помещичьих имения, 73 тысячи пудов семян, кредит и небольшое количество хлебных запасов.

Число крестьянских хозяйств увеличилось на 90162 двора в сравнении с 1913 годом, когда их по губернии было 276 460 единиц, за счет сокращения отхожих промыслов и прилива рабочей силы из городов обратно в деревню. В 1913 году на каждое хозяйство приходилось в среднем 1,02 лошади, в 1922 году – 0,89 лошади, число безлошадных крестьянских хозяйств по губернии увеличилось за этот период с 9,8% до 23,3%.

Основными причинами безлошадности явились многочисленные разделы крестьянских хозяйств, в связи с возвращением их членов из городов. При разделе семья не могла выделить новым хозяйствам лошадь или корову. Другой причиной безлошадности была война и мобилизация лошадей на фронт во время Гражданской войны, а также значительная заболеваемость и падеж скота. Ощущалась нехватка

специалистов, один ветврач работал на территории 500 квадратных верст, один агроном приходился на 300 селений.

Крестьяне тяготели к хуторской системе ведения хозяйства, постепенно превращаясь в кулака новой формации. На хуторах, вдали от посторонних глаз, происходило спаивание самогоном представителей советской власти, – отмечалось в докладе Тверской губернской прокуратуры.

В 1922 году число хозяйств с отхожими промыслами уменьшилось в сравнении с 1913 годом с 77,2 до 15,2%.

Общий размер натурального продовольственного налога по Тверской губернии на 1923 год составил:

- ржи – 15,5 млн пудов;
- овса – 9,65 млн пудов;
- ячменя – 3 млн пудов;
- семян льноволокна – 1,7 млн пудов;
- картофеля 24,8 млн пудов;
- сена – 98,9 млн пудов.

На 31 октября 1923 года из общего задания по налогу сдано всего 1,9 млн пудов ржи или 12,3% к заданию, из которых натурой поступило 24 тысячи пудов, хлебным займом – 1,8 млн пудов, остальное – деньгами.

Какого-либо учета кустарной промышленности, в том числе – количество артелей, число работающих в них, доход артелей и по другим показателям в Тверской губернии в 1922–1923 годах не было. Безработица в сельских уездах, в отличие от городов, наблюдалась в незначительном числе, а в деревне ее вообще не было. На 1 января 1923 года безработица в городе Твери составляла 50,8%, в Бежецком уезде – 3%, Краснохолмском – 2%, Весьегонском – 0,7% от общего числа трудоспособного населения.

Тверская губерния в 1922–1923 годах испытывала недостаток хлеба, так как своим хлебом она прокормиться не могла. До революции 1917 года ввоз хлеба в губернию составлял 4,5 млн пудов в год, а в 1922 году его завезли всего 806 тысяч пудов или 17,9% от необходимого ввоза. В то же время крестьяне в 1923 году значительно сократили посевы озимой ржи, овса и ячменя. Тверской губернский комитет продовольствия и уездные комитеты в 1923 году были ликвидированы.

Недовольство крестьян Тверской губернии вызывало общереспубликанское зло – несоответствие цен на продукты сельского хозяйства и промышленности. Стоимость товаров в феврале 1923 года резко

возросла, индекс на продукты сельского хозяйства возрос в 70 раз, а на промышленные товары первой необходимости – в 169 раз.

Основной набор сельскохозяйственных продуктов в октябре 1922 года на рынке стоил 73 руб. 55 коп., а в сентябре 1923 года – 2724 рубля или в 37 раз больше. Набор наиболее ходовых промышленных товаров в сентябре 1923 года стоил в 107 раз выше, чем в 1922 году. Цены на промышленные товары были повышены в 3 раза больше, чем сельскохозяйственные товары. При этом в сентябре 1923 года продукты сельского хозяйства стоили на 44% меньше, чем до войны, а промышленные товары стали дороже довоенных более чем на 100%, и ни о какой «смычке» города с деревней говорить не приходилось [35].

В 1923–1924 году *единый сельхозналог вместе с госпромналогом* в Тверской губернии собирался из расчета по 2 рубля 76 коп. с каждого едока. На 1924–1925 годы по этим двум видам налога предусматривалось собирать по 2 руб. 83 коп. с каждого едока.

Кроме единого сельскохозяйственного налога и госпромналога крестьяне в те годы платили следующие виды местных сборов и платежей:

1. За земельные участки.
2. Налог с лошадей и экипажей.
3. Налог за право застройки земельного участка.
4. Налог со скота.
5. Налог со строений.
6. Налог за пользование прислугой.
7. Разовый сбор на базарах.
8. Сбор за санитарный осмотр продукта на базаре.
9. Волостной сбор.

Общая сумма всех местных налогов и сборов за 1923–1924 бюджетный год составила по 58,6 копейки с каждого едока, а вместе с единым сельхозналогом крестьяне платили по 3 рубля 42 копейки с едока [36].

* * *

14 декабря 2017 года ФСБ России провела презентацию десяти томного сборника «Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 годы)». Издание, подготовленное архивистами ФСБ, знакомит с документами,

ранее находившимися под грифом «Совершенно секретно». О ситуации в стране ее руководству регулярно докладывало Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), отдельно сообщалось о настроениях среди рабочих, крестьян, красноармейцев, духовенства, интеллигенции, а также давалась информация по конкретным территориям.

Из этих сводок я выбрал информацию, которая относилась к ситуации в Тверской губернии за разные годы НЭПа. Привожу выдержки из справок о ситуации в Тверской губернии во время проведения новой экономической политики. ОГПУ было преобразовано из Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в 1922 году.

1922 год. В сводке ОГПУ за *март 1922 года* сообщалось, что настроение крестьян Тверской губернии неудовлетворительное вследствие *принудительного сбора продналога, проведения трудгужналога и самообложения в пользу голодающих*. Пассивное недовольство крестьян, вызванное принудительным сбором продналога и голодом, отмечается повсеместно. К этому примешивалось недовольство, вызываемое недостатком семян для посева и опасением за проведение посевной кампании. Но, несмотря на повсеместный недостаток семян, сельхозинвентаря и рабочего скота, подготовка к весенней кампании по Тверской губернии в марте развернулась в полном объеме.

23 февраля ВЦИК принял постановление «Об изъятии церковных ценностей в фонд помощи голодающим», по которому изымались все церковные драгоценные предметы из золота, серебра и камней. Патриарх Тихон призвал священников и всех верующих препятствовать изъятию ценностей. Поэтому с 10–15 марта в жизнь деревни ворвался новый фактор остро-политического характера – кампания по изъятию церковных ценностей. До послания патриарха духовенству о противодействии сдаче церковных ценностей, эта кампания шла спокойно. Но с 15 марта она перешла с подготовительной стадии, связанной с учетом ценностей и агитацией, к активной оперативной стадии, а именно – изъятию церковных ценностей. В связи с этим, и под влиянием усиления сопротивления духовенства, положение в деревне резко ухудшилось. Крестьяне доходили до категорических отказов от выполнения распоряжений представителей советской власти, до самосудов и оказания вооруженного сопротивления действиям власти.

Декрет ВЦИК о прекращении принудительного сбора продналога, вследствие проведения кампании по изъятию церковных ценностей, в деревне прошел совершенно незаметно.

В апреле настроение крестьян Тверской губернии отмечалось, как неудовлетворительное, вследствие *принудительного* сбора продналога на масло и яйца. В Вышневолоцком уезде отношение крестьян к партии коммунистов и советской власти отрицательное. Отношение духовенства к изъятию церковных ценностей всюду враждебное.

В мае-июне 1922 года крестьяне, утомленные и издерганные войной, эпидемиями, продналогом, неурожаями, все свое внимание уделили восстановлению своих личных хозяйств. Одной из главных причин крестьянских недовольств являлось проведение в самый разгар посевной страды трудгужналога при условии почти повсеместной безлошадности. Он являлся крайне тяжелым, а порою вовсе невыполнимым бременем для крестьян.

Другой причиной недовольства являлось усиленно проводимый сбор продналога на масло и яйца. Особенно сильное возмущение он вызвал в районах, не объявленных официально голодающими, население которых несло на себе все тяжести хлебного налога, не получая никакой поддержки ни советских, ни иностранных органов.

Третьей причиной недовольства крестьян являлся сбор местных денежных налогов и поборов. Во многих районах обнищавшее крестьянство для уплаты их было вынуждено продавать последнее имущество и скот.

В мае-июне тверская деревня была занята полевыми работами, страда в полном разгаре, ни о чем другом крестьянин не думал, ничем другим не занимался. Поэтому окончание кампании по изъятию церковных ценностей прошло при полном равнодушии крестьян. Отмечалось их стремление к увеличению площадей для озимых посевов. Отношение к кооперации довольно безразличное вследствие отсутствия у крестьян товаров для обмена.

В июле 1922 года в связи с общим обеднением крестьянства наблюдались кабальные сделки бедноты и некоторых середняков с зажиточными крестьянами, распродажа за бесценку имущества и продажа хлеба на корню.

Центральным вопросом в *сентябре*, который больше всего волновал крестьян, был сбор продналога. Все жалобы и недовольства были направлены на уменьшение ставки налога. Советская власть предлагала сдавать продналог до 1 октября, чтобы воспользоваться 10% скидкой.

В *октябре-ноябре* недовольство крестьян усилилось из-за *принудительного* сбора продналога до окончания срока. Кроме того,

крестьянство было недовольно множеством видов налога: продналог, денежный налог, трудгужналог, мельничный и другие налоги. Отмечалось, что в Бежецком уезде Тверской губернии отмечались массовые избиения крестьян членами продотрядов. В этом уезде был случай изгнания крестьянами продотряда из деревни (название деревни не указано. – А.Г.). В целом по губернии отмечалось стремление крестьян расширять посевные площади и выделение крестьян из деревень на хутора.

В стране прошла предвыборная кампания, во время которой в волispолкомы и сельсоветы были выбраны большинство беспартийных бедняков и коммунистов. Власть объясняла этот факт в большей мере влиянием на настроения крестьян вернувшихся демобилизованных красноармейцев.

В сводке ОГПУ *от 8 ноября 1922 года* указывалось, что среди крестьянства Тверской губернии наблюдалось недовольство в связи с чрезмерностью налоговых ставок. Для прокормления своей семьи беднейшее крестьянство губернии вынуждено покупать хлеб на вольном рынке. Нередко списки налогоплательщиков были перепутаны, вследствие чего с крестьян взималось значительно больше налогов, чем причиталось.

В целом продналоговая кампания по губернии проходила неудовлетворительно вследствие бездеятельности местных органов продорганов. Работа агитпунктов, библиотек, читален, народных домов и клубов крайне слаба, работники политпросвета в течение года не получали ни жалованья, ни пайков.

В сводках *за 11, 18 и 22 ноября* сообщалось, что настроение крестьян Тверской губернии неудовлетворительное из-за недорода и проведения продналоговой кампании. Вследствие обременительного налога крестьяне не в состоянии восстановить свои хозяйства, во многих местах крестьяне вынуждены продавать скот. Продналога по губернии собрано 85% к заданию, он сдается большей частью под давлением властей. За неуплату продналога по Тверской губернии отдано под суд 1085 человек, наложено административных взысканий на 232 человека, за неуплату масляного налога еще 85 человек.

Состояние посевов в губернии плохое, среди крестьян распространялись слухи, что с 1923 года будет введена карточная система, ликвидирован вольный рынок, и что весь хлеб, поступивший по продналогу, будет вывезен за границу [37].

В декабре 1922 года произошло важнейшее событие мирового значения – образование Союза советских социалистических республик (СССР).

1923 год. В сводке ОГПУ от 13 января указывалось, что в сельсоветах Тверской губернии 4% коммунистов, в волисполкомах – до 50% коммунистов. В Новоторжском уезде сильно развито пьянство, борьба с самогонщиками велась слабо. Волостная милиция, вследствие ее материальной необеспеченности, почти бездействовала.

10 марта сообщалось, что в Ржевском уезде прошла беспартийная конференция, на ней крестьяне просили заменить все продовольственные налоги каким-нибудь одним налогом. На конференции был выдвинут вопрос о борьбе с самогоном, но крестьяне высказались за его изготовление. Они заявили, что дорогие вина и латвийский спирт им недоступны, поэтому они и в дальнейшем будут изготавливать самогон для своего употребления.

Во время весеннего сева 1923 года наблюдался значительный недостаток посевного материала. Из-за нехватки сельхозинвентаря местами приходилось возделывать пашню старыми сохами и даже мотыгами.

Материальная необеспеченность работников сельсоветов приводила к уклонению бедняков от работы в советах, предоставляя возможность вести там дела зажиточным крестьянам.

Роль кооперации в тверской деревне ничтожна и у крестьянства она не популярна. Кооперация не в состоянии вести в деревне конкуренцию с частной торговлей.

Ко всем налогам дополнялись облигации хлебных займов. Первый хлебный заем на сумму стоимости 10 млн пудов ржи советскими знаками, был выпущен в 1922 году. Его погашение проводилось рожью, пшеницей и мукой по установленным эквивалентам. Облигации хлебного займа принимались в счет уплаты продналога. Второй хлебный заем был выпущен в 1923 году, сначала на сумму стоимости 30 млн пудов ржи, но в скором времени сумму увеличили до стоимости 100 млн пудов ржи.

К осени 1923 года многочисленные продовольственные налоги были заменены единым сельхозналогом, но оказался чрезмерно высоким для крестьян. К тому же образовались своего рода «ножницы» между ценами на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары. Для приобретения, например, отреза ситца на 3 рубахи нужно было продать корову или продать хлеба в 3 раза больше, чем до Гражданской войны [38].

Тверская деревня в сводках ОГПУ (1924–1927 годы)

*Недовольство крестьян вызвано
нажимом по сбору единого сельхозналога.
Из донесений ОГПУ*

1924 год. На XIII съезде РКП(б), прошедшем в мае 1924 года, были приняты резолюции «О работе в деревне», «О культурной работе в деревне» и «Работе среди работниц и крестьянок». Говорилось, что политика НЭПа в основном оправдала себя целиком, результаты, уже достигнутые, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои населения. Наряду с этим растет беднота – происходит расслоение деревни. Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средства эксплуатации маломощных элементов.

Партийным комитетам было поручено содействовать в выдвижении маломощных крестьян на общедеревенские советские посты. Вовлекать в партию наиболее сознательных крестьянок, в том числе жен бедняков, батраков и лучшей части середняков. Активнее вовлекать комсомол в повышение культуры и грамотности крестьян [39].

В сводках ОГПУ говорилось, что *начало года* выразилось недовольством крестьян, вызванным нажимом власти по сбору единого сельхозналога. Его взимание во многих местах Тверской губернии, как и по всей стране, привело к продовольственному кризису в деревне, которая могла выживать лишь за счет продажи скота для покупки семян, уход в батрачество или сдачи пашни в аренду.

Обложение налогом скота привело к его массовому сбыту и понижению цен на него, корова на рынке стоила 25–30 рублей, лошадь – 40–50 рублей. Распродавала скот в основном беднота, которая на вырученные деньги могла выплатить единый сельхозналог. Покупали скот частники, кооперация на рынок не влияла из-за отсутствия денежных средств.

После уборки урожая 1924 года широкий размах в Тверской губернии получило самогонварение, самогонка играла своего рода роль валюты при расчетах за работы. Положение в деревне усугубилось де-

нежными сборами и надбавками в местные бюджеты. По Тверской губернии эти дополнительные сборы составляли до 45% сельхозналога.

Репрессии против неплательщиков налога нередко принимали уродливую форму. Так Сандовский волисполком Весъегонского уезда Тверской губернии отказывал крестьянам в выдаче документов на проезд в город до уплаты налогов.

Председатель Лукинского волисполкома Весъегонского уезда Суворов, получивший от президиума уездного исполкома выговор за медленное поступление налога, желая наверстать упущенное, 2 ноября 1924 года сформировал демонстративный отряд. В его состав вошли все представители райсовета волости, председатель волостного комитета взаимопомощи Сахаров, члены волисполкома Беляков и Нечаев. Руководил этим отрядом из 12 человек уполномоченный Весъегонской уездной финтройки Лойзан.

Отряд прибыл в деревню Новинки Никольской волости, у крестьянина Евгеньева Павла взломали дверь в амбар и взяли 2 сундука. В той же деревне у Елисеева Петра за неуплату им денег за аренду отобрали лошадь и разъезжали на ней в течение 5 дней по району. У многих граждан волости отряд отобрал вещи в счет погашения налога. На сходе граждан села Измайловского начальник отряда Лойзан выражался площадной бранью. В результате действий этого отряда население волости было возбуждено, участие в отряде председателей сельсоветов прекратило их работу по волости в течение 5 дней. Отряд был расформирован 7 ноября по предложению Весъегонской уездной финтройки.

Политическое состояние тверской деревни ярко проявилось во время прошедших в декабре 1924 года перевыборов в советы. Местами на избирательные собрания явилось всего 5–10% избирателей. Сотрудники ОГПУ в своих сообщениях объясняли этот факт тем, что перевыборы совпали с очередным нажимом по сбору единого сельхозналога. Другой причиной явились заранее подготовленные избиркомками списки кандидатов в волисполкомы и сельсоветы. Крестьяне говорили: «Нам нечего выбирать, коммунисты без нас уже выбрали», «пусть власть просто назначает советы» [40].

К 1925 году в Тверской губернии, как и по всей стране, произошел рост сельскохозяйственной продукции, ее производство достигло уровня 1913 года. В результате проведения денежной реформы с 1924 года наступила финансовая стабилизация, расширились ры-

ночные денежные отношения, поднялся уровень внешней торговли, прорвав экономическую блокаду со стороны зарубежных стран, организованную после Октябрьской революции. В связи с восстановлением, в определенной мере, частной собственности, оживилось мелкое кустарно-промышленное производство.

1925 год. В этот год начинает ярко проявляться отрицательное отношение крестьян к городу, для которого советская власть создавала более благоприятные условия, чем деревне. Общее требование крестьян Тверской губернии, как в целом по стране, – снижение ставок прибывшим в деревню городским советским работникам, обеспечение деревни промышленными товарами и снижение цен на них.

Выступая на собраниях, беспартийных конференциях, крестьяне заявляли: «Власть с крестьянством обращается зверски», «Советская власть все разрушает, а восстановить не может». Ими заявлялось, что, если компартия не переменит политику к крестьянству, то молодое поколение заменит партию более дешевыми беспартийными работниками: «Советская власть – ярмо на шее крестьян».

В Тверской губернии, как еще в 37 губерниях, ярко проявлялась тенденция к созданию Крестьянских союзов, как организаций, независимых от ВКП(б), представляющей, по мнению крестьян, лишь один рабочий класс. Во время съезда волостных советов один делегат, сын торговца (фамилия в справке не указана. – А.Г.), распространил наказ среди делегатов. В нем требовалось снижение единого сельхозналога, организации крестьянских союзов, снижение расценок на промышленные товары и повышение их на сельхозпродукты.

Советская власть активно выступала против создания любых крестьянских союзов, полагая, что это будет их собственная политическая организация. Объединившись вокруг зажиточных крестьян, эта организация может поставить своей целью захват власти. К 1925 году идея создания крестьянских союзов обсуждалась в 38 губерниях, но советская власть всеми силами не допускала объединения крестьян.

В марте 1925 года прошли вторичные перевыборы в советы, повсеместно в Тверской губернии велась интенсивная агитация против выбора в советы коммунистов. Основной тон выступлений крестьян: «Довольно коммунистам властвовать. Нам нужен свой совет из беспартийных, который бы знал крестьянские нужды». «Выбирать следует своих, а не варягов-коммунистов, которые только воруют и грабят народ».

Несмотря на некоторые противоречия в самой деревне, зажиточным крестьянам удалось объединить крестьян против политики советской власти. Хотя зажиточные крестьяне своевременно сдавали все 100% налога, посылали сыновей служить в Красную Армию, их дети нередко состояли в комсомоле, представители советской власти на местах, записав крепких хозяев в кулаки, объявила их своими врагами.

Но понимая силу крестьянства, его многочисленность, в 1925 году советская власть вынуждена была выдвинуть лозунг: «Лицом к деревне». Крестьяне связали этот лозунг с проведением вторичных перевыборов в советы, и относились недоверчиво к его прочности. Зажиточные крестьяне толковали этот лозунг, как отстранение от руководства деревней коммунистов и бедноты. Они заявляли: «Это вам не военный коммунизм, теперь наша власть».

Беднота толковала поворот советской власти «лицом к деревне», как возвращение к старому. Она начала постепенно отходить от власти, от коммунистов и прислушиваться к мнению и влиянию зажиточных крестьян и середняков. Средняки относились к лозунгу «лицом к деревне» положительно, во многих местах Тверской губернии они блокировались с зажиточными крестьянами на выборах, чтобы не допустить в советы коммунистов и бедноту. На деревенских сходах в губернии нередко высказывалось сомнение к повороту советской власти к деревне: «Даже сомнительно в действительной правдивости лозунга, так как мы часто видим на деле, что к нам становятся задом».

В одном из уездов Тверской губернии (уезд не указан. – А.Г.) крестьяне на собрании говорили, что советская власть – власть рабочих России, хотя страна преимущественно крестьянская. Но крестьяне поставлены в худшие условия, и РКП, боясь крестьянского засилья, принимает их в партию с ограничением.

В декабре 1925 года прошли очередные перевыборы в советы, явка избирателей была значительно выше, чем год назад. Например, в 3 волостях Новоторжского уезда Тверской губернии (волости не указаны. – А.Г.) явка избирателей колебалась от 40 до 85%, в 2 волостях Тверского уезда – 70–80%. В других уездах губернии и волостях явка составляла 30–40%. На предвыборных собраниях крестьяне-середняки, обращаясь к коммунистам, заявляли: «Зачем раскалывать деревню на два класса, у нас нет кулаков». «Почему вы нас разъединяете с беднотой, мы все одинаково защищаем советскую власть». «Вы опять стали вводить военный коммунизм и комитеты бедноты» [41].

В своем докладе на XIV съезде уже не РКП(б), а ВКП(б) И.В. Сталин 18 декабря 1925 года заявил: «Сейчас единственно правильным является лозунг прочного союза пролетариата и бедноты со средним крестьянством. В партии возникли два уклона, один в сторону преуменьшения кулацкой опасности, другой – в сторону ее преувеличения. Мы подчиним себе и кулака, и частного капиталиста в городе. Но пока факт остается фактом, что кулак растет, собирает силы, он есть агент капитализма в деревне. Основная задача в деревне состоит в борьбе за завоевание середняка, за отрыв его от кулака, в борьбе за изоляцию кулака путем установления прочного союза с середняком» [42].

1926 год. В марте прошла очередная предвыборная кампания по выборам в советы, явка избирателей по Тверской губернии составляла 40–50%. Упор в деревне власть сделала на середняка, число которых в сельсоветах достигало до 50%. Одновременно в деревне усилилось влияние торговцев, кустарей, мелких промышленников и других прослоек, порожденных НЭПом.

На собраниях во время избирательной кампании крестьяне требовали от власти уравнивания экономических условий жизни, а также в правах, рабочих и крестьян. В одной волости Тверской губернии (название в справке не указано. – А.Г.) на съезде крестьяне спрашивали коммунистов: «Почему крестьянам отказывают при поступлении на фабрики и заводы. Настанет ли время, когда крестьянин будет пользоваться одинаковыми правами с рабочими?». На съезде Молоковской волости Бежецкого уезда один делегат из деревни Господинково (фамилия не указана. – А.Г.) требовал отменить все налоги, заявляя: «Вы, коммунисты, есть пиявки на нашем теле, современная система управления давит нас. Вы на одном собрании в Москве установили цену на рожь 70 коп., на пшеницу 40 коп. за пуд. Вот вы, какие социалисты-доброжелатели крестьян». На предвыборных собраниях также довольно ярко проявилось отрицательное отношение крестьянства к совхозам, коммунам и сельхозартелям.

Переизбранные органы власти в деревне по директивам сверху энергично взялись за сбор единого сельхозналога, применяя **репрессивные** меры. Они описывали у неплательщиков имущество, скот, сельхозинвентарь и продавали их за бесценок, вызывая возмущение крестьян.

Весной и летом 1926 года сильное недовольство в деревне вызвал дополнительный налог на неземледельческие заработки, так как члены

многих семей работали на отхожих промыслах и мелких частных промышленных предприятиях. При этом, сбор налога на неземледельческие заработки местами превышал единый сельхозналог в 1,5–1,55 раза. Многие крестьяне Тверской губернии на собраниях говорили: «При новом налоге никто работать на отхожих промыслах не будет». «Этим налогом как будто хотят крестьян совершенно выжить с заработков».

Новый налог, по которому значительная часть бедноты освобождалась от его уплаты, вызвал резко отрицательную реакцию среди зажиточных крестьян и середняков. Они возмущались, что льготы власть дает лодырям, которые бедны только потому, что не хотят работать. Крестьяне рассматривали новый налог, как стремление советской власти улучшить положение рабочих и служащих за счет крестьянства: «Рабочие в настоящее время находятся на положении бывших помещиков и живут за счет крестьянства. Для увеличения им зарплаты власть увеличила сельхозналог».

Этот новый налог взимался по совокупности доходов, как от сельхозработ, так и промысловых заработков. К промысловым заработкам в деревне отнесли доходы от кузниц, крупорушек, мельниц, маслобоек, от сдачи сельхозмашин в аренду, обработки чужой земли своим инвентарем.

Зажиточные крестьяне повсеместно считали прогрессивный подоходный налог, как стремление советской власти разорить сельское хозяйство. На собраниях они говорили: «На съезде партии говорили, что необходимо поднимать и развивать сельское хозяйство, в то же время власть делает погром на хозяйства, которые стремятся к расширению. С таким обложением мы возвратимся к временам продразверстки». «Последние три года стали улучшать хозяйства, а наступающий налог – это не сельхозналог, а продразверстка 1918–1919 годов». «Советская власть это делает для того, чтобы ликвидировать все мощные хозяйства, и сделать всех батраками».

Крестьяне выражали недовольство высокими нормами определения доходности земли, считая, что при определении доходности с десятины в 40 рублей, она явно завышена. Они заявляли: «Пусть лучше государство даст нам по 20 рублей с десятины, а весь урожай забирает себе». Новый повышенный налог привел к свертыванию многих хозяйств – продаже скота, сокращению аренды земли, сокращению площадей посевов. Одновременно кустари стали завышать цену за свои изделия, а зажиточные крестьяне – увеличивать плату

за эксплуатацию своих сельхозмашин и обработку земель бедняков своим инвентарем и рабочей силой.

Если до налога оковка одной пары колес стоила 50 коп., то стала стоить 2 руб. 50 коп., насадка сошника к лемеху выросла с 80 коп. до 3 рублей. Одновременно все кустари и зажиточные крестьяне стали скрывать размеры своих заработков, показывая уменьшенную доходность. Крестьяне возмущались: «Расширять хозяйство при современной власти нельзя, придется сеять только для себя». «Сеять на будущий год мы не будем, вот пусть тогда со своих бедняков и берут». Чтобы избежать нового высокого налога, многие зажиточные крестьяне стали дробить свои хозяйства путем разделов между членами семьи.

В связи с новым налогом в Тверской губернии активизировалась агитация за создание Крестьянского союза. На собраниях крестьяне говорили: «Нам, всему крестьянству СССР, нужно создать Крестьянский союз, иначе нас задавят налогами, а когда будет у нас организация, мы сможем со всем этим бороться». За июль 1926 года было зарегистрировано 22 массовых выступлений за создание Крестьянского союза.

Счетовод Калашниковского лесничества Вышневолоцкого уезда, агитируя за организацию Крестьянского союза, требовал у представителей власти: «Дайте свободу печати всем партиям и группам всех течений, как это было при Керенском». Делегаты съезда Вышневолоцкого уезда выдвигали программные положения: «Крестьянский союз должен быть официальной организацией, в распоряжении которой государство должно уделять часть средств, собранных по сельхозналогу. Союз должен владеть и управлять всеми земельными угодьями. Сельхозбанки и кооперация должны быть подотчетны союзу. Союз созывает съезды, которые выбирают советы в одинаковой пропорции от каждого селения. Таким образом, крестьянство займет наибольшее число мест в советах».

Одновременно с повышением налога, *летом 1926 года* были понижены цены на хлеб, что вызвало новую волну возмущения среди крестьян. Чтобы купить крестьянину одну пару сапог, нужно было продать 30 пудов хлеба, за одну рубаху – 4 пуда, за одни штаны – 5 пудов хлеба. Крестьяне заявляли об организованном невывозе хлеба на рынок, чтобы рабочие пришли в деревню с товарами, а им они в обмен дадут хлеб.

Однако советская власть не реагировала на массовые протесты крестьян против нового повышенного налога и понижения цены на хлеб. Например, по Ржевскому уезду Тверской губернии, наоборот,

норму доходности одной десятины земли увеличили с 43 до 49 рублей. В ответ осенью 1926 года массовый характер приобрело придержание хлеба крестьянами с расчетом на повышение его цены. Они заявляли, что пока цена на хлеб не поднимется, продавать его не будут.

Летом и в начале осени 1926 года была проведена опытная мобилизация в Красную Армию призывников 1904 года рождения. Сам факт мобилизации деревня восприняла благоприятно, что если придется – надо идти воевать. Крестьяне были возмущены лишь тем, что мобилизацию провели не осенью или зимой, а в самый разгар полевых работ.

В ноябре-декабре 1926 года началась работа по подготовке очередных перевыборов советов. В деревне, прежде всего, составляли списки крестьян, лишенных избирательных прав, число которых резко возросло. Применение новой инструкции привело к увеличению лиценцев повсеместно в 2–3 раза в сравнении с предыдущими выборами. Лишались избирательного права зажиточные крестьяне, признанные властью «кулаками», а также *часть середняков, применявших свои сельхозмашины в чужих хозяйствах и нанимавших рабочую силу*. В списки лиценцев попадали члены партии и комсомольцы из семей кулаков, рядовые солдаты бывших белых армий, часть интеллигенции и другие лица, которых признавали чуждыми советской власти элементами [43].

1927 год. В феврале проходили перевыборы в сельсоветы, из-за повышения налогов и понижения цен на хлеб, активность избирателей в Тверской губернии, как и по всей стране, несколько снизилась в сравнении с прошедшим годом и составила 48,6%.

В марте проходили перевыборы в волостные советы, в ходе избирательной кампании повсеместно отмечалось недовольство крестьян навязыванием фракцией коммунистов своих кандидатур: «Зачем было тратить средства и собирать людей, когда можно было назначить и все». «Пора бы не дурманить народ, а прямо сказать: власть наша, а не ваша, кого хотим, того и поставим вам в начальники. Нас, мужиков, не спросят, как и что делать».

В апреле-мае проводилась ударная кампания по ликвидации недоимок по сельхозналогу, она сопровождалась репрессивными мерами. Массовый характер по стране приняли описи имущества налогоплательщиков, продажа описанного имущества с торгов по низким ценам и без ведома его владельцев. По Тверской губернии сильных крестьянских массовых волнений и недовольств в 1927 году в справках ОГПУ не отмечалось. Не наблюдалось фактов сокрытия и сопро-

тивления крестьян перечету объектов обложения сельхозналогом. Не проявлялось недовольства со стороны крестьян ценами, как на промышленные товары, так и на сельскохозяйственную продукцию.

Был выявлен факт противодействия крестьян землеустройству. 31 октября 1927 года 17 крестьян деревни Тимхово Сандовской волости Весьегонского уезда противодействовали проведению землемерных работ уполномоченному, вызванному группой бедноты. Но каких-либо кулацких группировок, активного сопротивления со стороны крестьян советской власти по Тверской губернии в справках ОГПУ за 1927 год не отмечено [44].

К 1927 году по Тверской губернии средних хозяйств насчитывали 75,3%, мелко-капиталистических хозяйств, названных «кулацкими» – 4,1%, батраков, которых тогда именовали «сельским пролетариатом» – 5%, бедняцких хозяйств, которых называли «сельским полупролетариатом» – 15,6%. Основным источником доходов бедняков являлся наем на работу к зажиточному крестьянину или уход на работу в город.

Из всех батрацких хозяйств 91,2% не имели лошадей, 62,5% не имели коров, 25% не имели никаких сельскохозяйственных орудий производства. Бедняцкие хозяйства, которых не относили к «сельскому пролетариату», имели по Тверской губернии в среднем по 1,12 десятины посевной пашни. Одно бедняцкое хозяйство продало или обменяло за 1926 год продукции в среднем на 36 рублей, когда середняк продал и обменял тогда на 159 рублей.

В 1927 году в Тверской губернии представители советской власти пытались провести разграничение между бедняком и середняком. Посчитали, что середняцкое хозяйство имеет одну лошадь, 1–2 коровы, теленка и 1–2 овцы, стоимость которых определили в 220–250 рублей. На полученный доход в 160 рублей середняк, по подсчетам губернских специалистов, мог купить плуг, борону, телегу, сани, три косы, три серпа, веялку и соломорезку [45].

Годы НЭПа сыграли значительную роль в улучшении жизни деревни. В 1927 году число безлошадных крестьянских хозяйств по Тверской губернии в сравнении с 1923 годом, уменьшилось в 1,9 раза, а имевших 2 и более лошадей, увеличилось в 2,2 раза. Число бескоровных крестьянских хозяйств по губернии в 1927 году в сравнении с 1923 годом уменьшилось в 2,4 раза, а имевших 3 и более коров за это время увеличилось в 9 раз.

Бежецкий уезд Тверской губернии в годы НЭПа

Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы избавить от голода фабрики и города.

В.И. Ленин

Административно-территориальное деление уезда

Перед Октябрьской революцией 1917 года Бежецкий уезд Тверской губернии был поделен на 30 волостей. После революции в течение 1918 года дополнительно образовали еще 19 волостей, общее число их стало 49.

Постановлением НКВД от 2 марта 1922 года Микшинская волость из Бежецкого уезда была передана в состав Тверского уезда. Постановлением Тверского губисполкома от 30 мая 1922 года были упразднены 13 волостей и дополнительно образована Бежецкая волость. В результате этой реорганизации в конце 1922 года в Бежецком уезде оставалась 21 волость.

На 1 июня 1922 года в Бежецком уездном исполкоме работали 17 человек, все мужчины, из них 11 коммунистов [46].

В июне 1923 года в деревни Бежецкого уезда были направлены уполномоченные уездного исполкома для изъятия недоимок по продовольственному налогу. Кроме уплаты налога и недоимок по нему, крестьянам был навязан хлебный заем, а также выигрышный заем. Тем рабочим и служащим, которые получали жалованье, 10% его выдавали не деньгами, а облигациями займов [47].

Основной задачей Бежецкого уездного исполкома было районирование уезда. Слияние Краснохолмского уезда с Бежецким прошло в марте 1924 года, укрупнение волостей закончили во второй половине апреля. В июле 1924 года окончательно решили вопрос о сельских районах. *Сначала в понятие «сельский район» было включено основное направление деятельности, а позднее под «районом» стали подразумевать территорию отдельного сельсовета.*

По видам деятельности Бежецкую и Сулежскую волости, куда были включены карельские деревни Карело-Кошевского прихода, и о которых речь пойдет далее, отнесли в район промышленного льноводства

и развития молочного хозяйства. Другие волости по видам деятельности распределили следующим образом:

- район лесных промыслов и низовой сельскохозяйственной техники;
- район отхожих промыслов и преобладания зерновых культур в яровом клину;
- район среднеразвитых промыслов и незначительной товарности крестьянского хозяйства [48].

Циркуляром Тверского губисполкома от 15 октября 1927 года в состав Бежецкого уезда были дополнительно включены Кесовская, Койская и Сонковская волости в связи с ликвидацией Кашинского уезда.

В результате всех реорганизаций и укрупнений к 1927 году в Бежецком уезде оставалось 14 волостей:

1. Бежецкая.	8. Молоковская.
2. Заручьевская.	9. Моркиногорская.
3. Кесовская.	10. Поречская.
4. Киверичская.	11. Сонковская.
5. Койская.	12. Сулежская.
6. Краснохолмская.	13. Трестенская.
7. Максатихинская.	14. Юркинская.

Из этих 14 волостей чисто карельскими были Заручьевская и Трестенская волости. Смешанными волостями, где находились русские и карельские деревни, были:

1. Киверичская.	5. Моркиногорская.
2. Краснохолмская.	6. Сонковская.
3. Максатихинская.	7. Сулежская.
4. Молоковская.	8. Юркинская.

Таким образом, в 10 волостях Бежецкого уезда из 14 в годы НЭПа продолжали проживать карелы. По переписи 1926 года в Бежецком уезде Тверской губернии проживало 388 332 жителя, в том числе 177 059 человек мужского пола и 211 273 человека женского пола. В городе Бежецке проживали 5964 лица мужского пола и 6830 лиц женского пола, а всего 12 794 жителя [49].

Положение в сельском хозяйстве

Как и до революции 1917 года, в годы НЭПа Бежецкий уезд оставался быть сельскохозяйственным, и имел большое значение по выращиванию и выработке льна. До 27% от общего объема льноволокна Тверской губернии заготавливалось и вывозилось с территории Бежецкого уезда, ежегодно до 10 тысяч тонн. После Октябрьской революции цена на лен росла, так как спрос заготовителей на него был значительно выше, чем предложение. Во время НЭПа заготовкой льна у населения пытались заниматься государственная и кооперативная торговля, не допуская к нему частника, но это им сразу не удавалось. В 1924 году заготовители предлагали закупить 635 тысяч пудов льна, а торговля предложила им всего 400 тысяч тонн.

Наступление 1924 года в Бежецком уезде началось неблагоприятно из-за роста безработицы. Бежецкий маслозавод, директором которого работал бывший его владелец Андреев, прекратил работу из-за отсутствия сырья, все рабочие были распущены по домам. С марта остановился Максатихинский деревообрабатывающий завод под предлогом ремонта, а на самом деле – писали в справках – из-за бесхозяйственности, рабочие остались без работы.

Под угрозой закрытия были оружейно-пулеметные мастерские в Бежецке, что лишало уезд пролетарской основы. Решался вопрос о переводе этого завода на выпуск мирной продукции. Оружейно-пулеметные мастерские были эвакуированы в Бежецк из Пскова в 1917 году. Рабочие этих мастерских устанавливали советскую власть в городе Бежецке и Бежецком уезде в 1918 году. В 1924 году мастерские были преобразованы в Бежецкий государственный механический завод (ныне завод «Автоспецоборудование». – А.Г.).

Отмечалось улучшение настроения крестьян, так как результат снижения цен на промышленные товары до деревни дошел [50].

Рынок мяса и мясопродуктов, в отличие от льна, в Бежецком уезде полностью находился в руках частной торговли. Оборот мясопродуктов по уезду в 1924 году достигал 400 тысяч рублей. На XIV уездной партконференции, проведенной 17–20 ноября 1924 года, коммунисты обращали внимание на укрепление государственной торговли и кооперации для постепенного вытеснения с рынка частного торговца. Они ставили задачу перед кооперацией взять на себя часть рынка мясопродуктов, а также скобяных, шорных и других товаров. Для этого

кооперативы должны были продавать товары по более низким ценам, чем частник, снижать свои внутренние затраты и закупать товары из первых рук, минуя посредников, и учитывая запросы потребителей и сезонность товара.

В 1924 году выросли цены на рожь, в сравнении с 1923 годом:

- октябрь 1923 года – 72 коп. за пуд;
- с января по июль 1924 года – 1 руб. 20 коп. за пуд;
- октябрь 1924 года – 80 коп. за пуд.

Повышение цены на рожь в октябре 1924 года в сравнении с октябрём 1923 года на 8 коп. на конференции в Бежецке объясняли недостаточностью хлеба. Тогда же предлагали уравнивать заработок некоторых служащих. Так, уездный страхоагент получал процент от страхования, его заработок доходил до 500 рублей в месяц, на партийной конференции предлагалось уменьшить заработок этих специалистов до 50 рублей в месяц [51].

На пленуме Бежецкого уездного комитета РКП(б) 24 августа 1924 года была принята резолюция по единому сельскохозяйственному налогу:

1. Признать, что объекты обложения по сельхозналогу – земля и скот, не задерживают развитие сельского хозяйства, но пленум считает необходимым в дальнейшем налоговую политику в деревне перестраивать на принцип подоходно-имущественного налога, так как только при последнем может учитываться совокупность доходов, получаемых семьей.
2. Льготы для беднейшего населения не охватывают всех бедняков, кому нужно их предоставлять. В тоже время целый ряд хозяйств, имеющих возможность платить налог, освобождается по формальным признакам – по количеству земли и скота.
3. Сведения, предоставляемые сельсоветами, заверенные волисполкомами об имущественном состоянии на получение льгот, не всегда соответствовали действительности. Не всегда население знало о времени и порядке подачи заявления на получение льгот. В дальнейшем налоговые комиссии не должны рассматривать заявления о получении льгот по бедности без заверения их крестьянскими комитетами общественной взаимопомощи.
4. Премировать отдельные государственные и коллективные хозяйства за улучшение ведения обработки земли или улучшения животноводства не деньгами, а живым и мертвым инвента-

рем – племенными производителями, льномялками, молотилками, сеялками и другими.

5. В связи с переходом взимания сельскохозяйственного налога от натуральной и смешанной форм исключительно к денежной, необходимо усиление кредитования государственных и общественно-кооперативных закупочных организаций, чтобы они избавили население от зависимости частного скупщика.
6. Обратить внимание на необходимости организации закупки скота, так как она до настоящего времени находится в руках частного скупщика.
7. Изменить сроки уплаты единого сельскохозяйственного налога, увязав его со временем сбыта продуктов населением, не выходя за предельный срок – 1 апреля.
8. Обязать всех секретарей партячеек усилить агитацию по реализации крестьянского займа, дабы каждый крестьянин знал, какие выгоды он получит при приобретении выигрышного займа [52].

В 1924 году общая посевная площадь по Бежецкому уезду в сравнении с 1916 годом увеличилась со 118,9 тысяч десятин до 133 тысяч десятин. Увеличились посевы ржи, ячменя, овса и клевера. Но значительно уменьшились посевы льна с 22,8 тысяч десятин в 1916 году до 13,0 тысяч десятин в 1924 году. Партийные и советские руководители уезда ставили задачу дальнейшего развития земледелия именно в направлении льноводства.

В уезде к тому году сократилось поголовье крупного рогатого скота со 183,5 тысяч голов в 1916 году до 149,4 тысяч голов, но увеличилось поголовье лошадей с 54,1 тысячи голов до 62,9 тысячи голов.

На крестьянской конференции Бежецкой волости Бежецкого уезда волости осенью 1924 года, где присутствовали 330 крестьян, не считая тех, кто зашел на конференцию прямо с базара, крестьяне выступали, против разового сбора и сбора за клеймение животных на базаре, против незаконных поборов на местах. Просили, чтобы не было колебаний цен на льноволокно, а также перенести сроки взноса налогов на более позднее, после продажи хлеба нового урожая. В протоколе конференции записали «а вообще в развивающейся деревне несет здоровым духом» [53].

В начале 1925 года в уезде были вынуждены проводить вторичные перевыборы в сельсоветы и волисполкомы. Они были связаны с тем, что в декабре 1924 года в перевыборах приняло участие крайне малое число избирателей – 8,5%. Результаты декабрьских выборов были

отменены, во время вторичных перевыборов в голосовании приняли участие 52,2% избирателей. Рост активности был связан с тем, что избирательные собрания проходили не по районам волостей, то есть в сельсоветах, а по селениям. Из общего числа председателей и членов сельсоветов и волисполкомов были избраны 8% коммунистов и комсомольцев и 92% беспартийных [54].

В общей системе экономики уезда слабой организацией оставалась кооперация. На 1 января 1925 года по Бежецкому райпотребсоюзу насчитывалось 65 потребительских обществ с числом их членов 10,2 тысячи человек. Торговый и промышленный оборот за год составил 7 млн 160 тысяч рублей, из них частный сектор продал 85,3% всех товаров и продуктов [55].

В августе 1925 года в Бежецкую волость Бежецкого уезда прибыл рабочий отпускник Василеостровского района города Ленинграда Федор Голубев. Он две недели находился у своих родителей, одновременно выполняя партийное поручение об изучении ситуации в волости. В своем отчете писал, что необходимо урегулировать цену на хлеб, осенью 1924 года крестьянин был богатым, и хлеб продавал на рынке в Бежецке по 85 копеек за пуд. Весной 1925 года он же покупал на том же рынке хлеб по цене 2 руб. 15 копеек за пуд [56].

Урожайность сельскохозяйственных культур по Бежецкому уезду была низкой, зерновые культуры в пределах 7–11 центнеров с одной десятины (0,96 гектара. – А.Г.), картофель в пределах 75–99 центнеров с десятины, льноволокно – от 2,6 до 3,5 центнеров с десятины. Здесь приведена урожайность в пудах с десятины [57]:

Культура	1925 год	1926 год	1927 год
Рожь озимая	63	56	58,8
Ячмень	49	51	52,8
Овес	68	63	65
Картофель	462	616	505
Льносемя	23	20	20,5
Льноволокно	22,1	18	16,7

Выполняя директивы правительства и партийных органов, весной 1927 года руководство Бежецкого уезда по-прежнему требовало от волостных исполкомов и партячеек активизировать среди крестьян посевы льна. Для этого предлагали предоставлять льготы крестьянам, в

том числе 50% скидки налога с площади, засеянной льном. Повышение заготовительных цен на льноволокно на 70 копеек за пуд с гарантией, что эти цены понижаться не будут.

Уездный исполком требовал заключать договоры контрактиции с сельскохозяйственными кооперативами и отдельными крестьянскими хозяйствами с указанием в них площади посева льна и сдачи его в установленные сроки, с предоставлением под посев льна кредита. Получение кредита должно особенно популяризировать среди населения, в большей степени среди бедняцкой части деревни его посева льна.

21 сентября 1927 года на заседании Бежецкого уездного комитета партии было отмечено, что, несмотря на обещанные льготы, расширения площадей льна в уезде не было. Число коров в личных крестьянских хозяйствах уменьшилось за год на 17,1%, а в некоторых волостях снижение их поголовья доходило до 38%. Поголовье лошадей за год уменьшилось на 9%, а в Молоковской и Краснохолмской волостях сокращение лошадей достигало 25%.

В то же время неземледельческие заработки, в среднем по уезду, за год увеличились на 205%, а в Сулежской волости – на 649% или в 6,5 раз [58].

Кроме льноводства и зерновых культур, на территории Бежецкого уезда активно развивалось молочное производство. До революции 1917 года на его территории работало 506 крестьянских маслобоен, объединенных в молочные кооперативы, которые давали до 36 тысяч пудов сливочного масла и до 106 тысяч пудов сыра в год. Эта продукция вывозилась в Петербург, часть ее шла оттуда за границу.

Политическая ситуация

С 1927 года шла постепенная ликвидация частных предприятий под разными предлогами, так, например, крестьянин одной из деревень Бежецкого уезда заключил договоры с 3 рабочими на производство разных кустарных работ. Проверкой по жалобе односельчанина было установлено, что фактических рабочих у него 4–5 человек, поэтому решили вопрос о лишении крестьянина всех кустарных льгот [59].

В заявлении в комиссию по чистке партии другого крестьянина Бежецкого уезда Тверской губернии указывалось, что он до 1926 года был безработным, потом открыл в селе чайную. Торговал всего 4 месяца, и за это его лишили избирательных прав, как торговца [60].

Как отмечалось в отчете Бежецкого уездного исполнительного комитета за 1926–1927 и 1927–1928 годы, применение закона о едином сельхозналоге на практике имел целый ряд ошибок и искривлений. Не был правильно учтен момент перехода к обложению от пашни к посеvu, почему нормы доходности десятины посева первоначально были несколько преувеличены. Понижение норм вызвало перерасчет налога. Переход к исчислению налога от дохода на едока, к доходу на хозяйство повлек некоторое переобложение многоедоцких средняцких хозяйств.

Недостаточная гибкость местных налоговых органов в учете доходов и определении мощных эксплуататорских хозяйств имела следствием переобложение части средняцких хозяйств. Все эти недочеты и ошибки пришлось исправлять в процессе работы. Что работа была проведена большая, можно видеть из следующих цифр: первоначально исчисленная сумма сельхозналога, после снижения норм посева, в целом по уезду составляла 1 719 193 рублей. Окончательно установленная сумма к выполнению была назначена 1 228 000 рублей. Таким образом, на снижения и льготы по разным причинам было израсходовано – 491 193 рубля.

Из них на регулирование переобложенных хозяйств 85 314 руб.; красноармейцам и переселенцам 29 517 руб.; по стихийным бедствиям – 44 483 руб.; прочие – 90 487 руб. и остаток еще не распределенного фонда на первое января составлял 41 860 рублей. Всего получили, те или иные льготы, 46 146 хозяйств, что составляет 55,25% всех дворов уезда. *Полностью были освобождены от налога 35% хозяйств уезда.* При таком массовом пересмотре обложения неизбежны были отдельные ошибки в льготах, что объяснялось недостаточным привлечением к этой работе секций сельсоветов и бедняцкой части деревни.

Принятыми мерами основные недочеты были сглажены. В конечном результате налог 1928 года выразился в среднем на хозяйство в 14 руб. 70 коп., а в 1926/27 г. он выражался в 15 руб. 85 коп., в 1927/28 г. – 11 руб. 79 коп. Таким образом, нужно признать, что тяжесть налога текущего года не была обременительной для массы крестьянских хозяйств. Что эта тяжесть налога в целом соответствовала экономической мощности деревни, подтверждается и цифрами роста дохода населения, как от сельского хозяйства, так и от побочных заработков.

Так, в 1926/27 году общий нормативно-условный доход от сельского хозяйства по Бежецкому уезду составлял 16 973 680 руб., а в 1928/29 г. – 19 651 546 руб. или более на 2 677 866 рублей.

Доход от кустарно-ремесленных промыслов по уезду в 1926/27 г. составлял – 579 620 руб., а в 1928/29 г. – 1 616 154 рубля, или более на 1 036 534 рубля.

Нужно отметить вполне удовлетворительное выполнение по уезду сельхозналога за 1928 год. К последнему сроку 1 января 1929 года поступило сельхозналога 1 151 256 руб. или 93,75% годового задания, а к 1 февраля 1929 года кампания была полностью закончена. Случаев применения мер принудительного взыскания, по сравнению с прошлыми годами, было незначительное количество, и, главным образом, по отношению к зажиточным хозяйствам [61].

По отчетам Бежецкого уездного исполнительного комитета в 1926/27 и 1927/28 годах были полностью освобождены от налога 35% крестьянских дворов, в то время как в Сулежской волости насчитывалось 8,7% бедняцких хозяйств, а среди карел Сулежской и Бежецкой волостей – всего 3,2% бедняцких хозяйств. Кого же тогда полностью освобождали от налогов в Бежецком уезде Тверской губернии во время расцвета НЭПа, если по уезду было не более 17% бедняцких хозяйств, а в карельских волостях – до 5% бедняков? Значит, освобождали от налогов без разбора не только бедняков, но и середняков, и зажиточных крестьян, о чем нередко говорили крестьяне на собраниях и сходах.

Сулежская волость Бежецкого уезда

*Обогащайтесь, накапливайте,
развивайте свое хозяйство!*

Н.И. Бухарин

До укрупнения в 1924 году в состав Сулежской волости Бежецкого уезда Тверской губернии входило 44 деревни и села. После ее укрупнения на основании постановления Тверского губернского исполкома от 24 марта 1924 года, волость стала объединять 75 русских селений и 6 карельских деревень Карело-Кошевского прихода: Байки – 45 дворов, Душково – 29 дворов, Муравьево – 39 дворов, Петрийцево – 39 дворов, Поцеп – 29 дворов и Шейно – 14 дворов.

В волости были созданы 5 сельсоветов: Борисковский, Лесоклинский, Морозовский, Плишкинский и Сулежский. До 1924 года цент-

ром волости была деревня Холмцы, с 1924 года – деревня Борисково, 22 двора, с 1927 года – село Толстикovo, 20 дворов. Перечисленные карельские деревни относились к Сулежскому сельсовету. Каких-либо собраний или праздничных мероприятий в карельских деревнях представители советской власти не проводили. Их основной задачей был сбор единого сельхозналога, который дисциплинированные крестьяне-карелы платили исправно.

На 1923–1924 бюджетный год единый сельскохозяйственный налог по Сулежской волости был определен в сумме 79,1 тысячи рублей, собран в сумме 76,2 тысячи рублей или 96,3% [62].

По состоянию на 25 октября 1924 года Сулежский волостной исполком располагался в деревне Холмцы, а волостной комитет РКП(б) на квартире секретаря волостного комитета И.Ф. Кокарева в деревне Фешево, что в 14,5 километрах от волисполкома.

Представители Бежецкого уездного комитета партии рекомендовали поместить Сулежский волостной исполком и волостной комитет партии в одном из помещений бывшего имения Кузьминых-Караваевых в Борискове. Но эти помещения были столь сильно разграблены и разгромлены, что на их восстановление требовалась большая сумма денег, а их в волисполкоме не было. Этот вопрос был рассмотрен на заседании волостного комитета партии 5 января 1925 года, к весне 1925 года Сулежский волостной исполком и волостной комитет партии перебрались в деревню Борисково [63].

На территории волости после ее укрупнения в 1924 году тогда стали проживать 20320 человек. По итогам 1924 года средняя урожайность в крестьянских хозяйствах по волости составляла:

- рожь 50 пудов с десятины или по 8 центнеров;
- ячмень 48 пудов с десятины или по 7,68 центнера;
- овес 45 пудов или по 7,2 центнера;
- картофель по 400 пудов или по 64 центнера с десятины;
- льносемя 16 пудов или по 2,56 центнера с десятины;
- льноволокно 17 пудов или по 2,72 центнера с десятины;
- клевер 225 пудов с десятины или по 36 центнеров [64].

Карелы до 1865 года относились к удельным крестьянам, с 1865 года стали крестьянами-собственниками. Крестьяне русских деревень, относящихся к Сулежской волости, почти до конца XX века, то есть до полного выкупа, еще оставались временно-обязанными крестьянами. О положении бывших помещичьих крестьян волости можно судить по

анкетам вступающих кандидатами в члены ВКП(б). Жители волости, испокон века, проживавшие в своих деревнях по-прежнему, как и до революции 1917 года, имели полевой надел в пределах 9–10 десятин.

Например, в хозяйстве Ивана Павловича Ключкина, 1904 г. р., из деревни Большой Дорок пахотной земли было 5,68 десятин, сенокосов 3,83 десятины, также была неучтенная земля в неудобьях. Всего учтенной земли в полевом наделе этого хозяйства было 9,51 десятины. Хозяйство входило в сельскую общину, с 1924 года применяло шестипольную систему севооборота, имело 1 лошадь, 2 коровы, 2 овцы. На паях с соседом имели одну вейлку и деревянную льномялку.

Многие крестьяне, вернувшиеся из городов во время Гражданской войны в свои деревни, могли рассчитывать лишь на свой пай, полученный при разделе родительского крестьянского хозяйства, поэтому они имели земли, значительно меньше постоянных жителей.

Например, в хозяйстве председателя Сулежского волисполкома Ивана Николаевича Юдина, 1906 г. р., прибывшего из Петрограда с матерью в 1920 году, ставшего председателем волисполкома в 19 лет, имелось 2,42 десятины пахотной земли, 0,91 десятина сенокосов, 1 лошадь, 1 корова. Полевой надел в их хозяйстве составлял всего 3,33 десятины или 1/3 надела местного жителя. Общий надел в 10 десятин после возвращения их семьи в деревню был поделен на 3 крестьянских хозяйства с двумя другими братьями отца. Доход от хозяйства составил 187 рублей в год, единый сельскохозяйственный налог – 8 руб. 95 копеек или 4,8% от дохода [65].

Рассмотрев вопрос о развитии крестьянского сельского хозяйства, Сулежская общеволостная конференция 9 февраля 1925 года постановила:

- как можно скорее переходить от трехполья к многополью;
- ввести в своих личных хозяйствах ранние пары, произвести очистку земли;
- развивать свое личное животноводство посредством подыскания в свои стада улучшенных производителей и посредством более улучшенного кормления скота разнообразными кормами – сеном, соломой, дурандой, мукой и корнеплодами.

За улучшение земель и своего стада было решено премировать лучшие крестьянские хозяйства натурой – машинами, сельскохозяйственными орудиями, семенами. В отношении премирования за улуч-

шение своего стада половину денежной премии отдавать владельцам животных, а половину – обращать для организации случных пунктов животных.

В заключение проведения конференции коммунисты призвали крестьян к дружной работе по улучшению и укреплению каждым хозяином своего личного хозяйства [66].

11 января 1926 года на собрании волостной партячейки отмечалось, что за сельскохозяйственной кооперацией, что находилась на территории волости, были закреплены 4 зерноочистительные пункта с 15 машинами. На мельнице работал один трактор, закупленный на общественные деньги членов крестьянского комитета общественной взаимопомощи. К весне 1926 года в волость поступили еще два трактора. На кооперативной работе находилось всего 4 человека.

В том же месяце в волости провели переборы крестьянских комитетов общественной взаимопомощи во всех 5 районах волости. Активно работали 3 района волости: Лесоклинский, Плишкинский и Сулежский, (под районами волости здесь подразумевали территории сельских советов. – А.Г.) в которых вовлечено в комитеты взаимопомощи 873 двора с числом 1151 житель. С каждого хозяйства собрали по 100 рублей (это почти стоимость одной коровы по тем ценам. – А.Г.), на эти деньги купили мельницу на полном ходу и один трактор, о котором сказано выше.

Кроме того, комитет взаимопомощи владел одним зерноочистительным пунктом, где за три месяца 1926 года было очищено всего 140 пудов (2240 кг) зерна. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи заявляли, что они со временем станут лучшими помощниками бедноты [67].

В 1926 году была проведена Всесоюзная перепись, согласно которой в Сулежской волости население составляло 18 424 человека, в том числе 8305 человек мужского пола и 10 119 человек женского пола. Площадь волости была 373 квадратных километра, плотность населения являлась самой высокой по уезду – 48,9 человека на один кв. км при средней плотности по уезду 33,2 человека на один квадратный километр [68].

В 1928 году по волости насчитывалось 4156 крестьянских и бывших помещичьих хозяйств, в 113 из них хозяева отсутствовали, наемных работников имели всего 69 хозяйств или 1,7% от общего числа крестьянских хозяйств.

По волости имелось 4336 лошадей, 5991 дойная корова, а всего крупного рогатого скота – 11 733 головы, 12 753 головы овец и коз вместе с молодняком. В распоряжении крестьян имелся 3551 плуг, 3566 борон, 1153 веялки и сортировки.

К 1927 году по всему Бежецкому уезду насчитывалось 54 сельскохозяйственных и промышленных кооператива, из них всего лишь 15 кооперативных крестьянских хозяйств – коммун и сельскохозяйственных артелей. По Сулежской волости было занято в мелкой кустарной промышленности 350 человек [69].

Единый сельскохозяйственный налог, как уже было сказано выше, с 1926 года устанавливался прогрессивным. Так, с учтенного в хозяйстве годового дохода в сумме 187 рублей, удерживали налог 8 руб. 95 копеек или 4,8% от дохода. При годовом доходе 365 рублей удерживалось 17 руб. 95 коп. единого сельскохозяйственного налога или 4,9% от дохода, а при доходе в 386 руб. 60 коп. налог платили уже в сумме 36 руб. 89 копеек или 9,54% от суммы дохода, то есть в 2 раза больше [70].

Кроме единого сельхозналога, разных денежных и трудовых повинностей крестьяне выплачивали деньги на обязательное государственное страхование строений от огня, скота (коров и лошадей) от падежа и посевов от градобития. С целью сбора страховых платежей в каждой волости был создан аппарат страховых агентов. По Сулежской волости Бежецкого уезда по обязательному страхованию за 1927–1928 годы поступило 15,7 тысяч рублей, выплачено по несчастным случаям 4 тысячи рублей. По добровольному страхованию в те годы выплачено по волости 20,6 тысячи рублей, выплачено по несчастным случаям 1,7 тысячи рублей [71].

Укрепление партийных организаций в деревне

*Местные коммунисты
не уяснили задачи партии.
М.С. Чудов*

Изучение становления и укрепления партийных ячеек на местах вызывает интерес тем, что во времена НЭПа власть фактически принадлежала не советским органам, а коммунистической партии большевиков. Коммунисты определяли сроки проведения выборов в

сельсоветы, волостные советы и другие советские органы – сначала через каждые 3 месяца, затем через 6 месяцев, через год и так далее. Во время этих частых перевыборов коммунисты старались не допускать в советы представителей других партий, зажиточных крестьян и других неугодных большевикам людей.

Более 50% состава всех деревенских партячеек в 1925–1926 годах составляли работники сельсоветов, волисполкомов, руководители коммун, артелей, потребительской кооперации. Для того, чтобы улучшить показатели о вступлении в партию рабочей прослойки, с 1925 года в нее стали принимать батраков и наемных работников, записывая их в категорию «*сельский пролетариат*» или «*полупролетариат*», хотя они все вели свои личные крестьянские хозяйства. Они имели в деревне дома, некоторые имели скот, обрабатывали землю личным трудом, а с осени до весны нанимались в батраки к зажиточным крестьянам или наемными работниками к кустарям.

Первоначально при волостях организовывали партийные ячейки из 3–5 коммунистов, это были рабочие, прибывшие ранее в деревню в качестве членов бывших продотрядов, или вернувшиеся с партийным билетом в свои деревни из Петрограда рабочие остановившихся заводов и фабрик, а также демобилизованные красноармейцы. Со временем ряды партии стали пополняться местными комсомольцами и представителями бедноты, избранными в сельсоветы и волостные исполкомы.

Некоторые молодые люди вступали в партию в возрасте 17–20 лет, с 1922 года с ними начали вести активную работу по вступлению в ряды комсомола. Например, милиционерам Бежецкой уездной милиции Андреевой и Гириному предлагали вступить в комсомол в августе, затем в сентябре 1922 года. В феврале 1923 года Бежецкий уездный комитет партии на основании решений XI съезда РКП(б) потребовал от всех партячеек, чтобы каждый коммунист, не достигший 23-летнего возраста, вступал в комсомол [72].

Для учебы секретарей партячеек и коммунистов с 29 января 1923 года в Бежецке провели их казарменный сбор. На казарменное положение перевели 23 деревенских и 9 городских коммунистов. Им читали лекции по политграмоте, земельным вопросам, они занимались читкой книг и газет, в том числе газеты «Бежецкая жизнь», которая издавалась 3 раза в неделю тиражом 1,5 тысячи экземпляров [73].

На 1 октября 1923 года по Бежецкому уезду насчитывалось 19 волостных партийных ячеек с общим числом членов партии 168 и 17 кандидатов, из них 148 крестьян [74].

В августе 1924 года Бежецкий уездный комитет РКП(б) своим письмом разъяснял всем членам партии и комсомольцам, что они не должны принимать участие при обысках и отборе самогонки у граждан, а должны лишь давать сведения о самогонщиках в милицию [75].

В резолюции XVIII Тверской губернской партконференции, проведенной осенью 1927 года, отмечалось, что в деревенских партиячках очень мало коммунистов, всего до 10 человек. Они недостаточно выполняют важнейшие директивы партии по работе среди бедноты и беспартийного актива. Причина в том, что сами коммунисты недостаточно четко разбираются в этих директивах и не умеют перейти к их практическому разрешению.

Подавляющее число коммунистов по губернии в 1927 году были служащими – 51,8%, крестьяне – 34,6%, из них с индивидуальными хозяйствами 22,8%, членов партии из коллективных хозяйств 0,6%. Служащие из прибывших в деревню рабочих и крестьяне, работавшие на платной выборной работе в волисполкомах, сельсоветах и в сельских партиячках составляли 63% коммунистов губернии [76].

Отмечалось, что коммунисты недостаточно внимательно относятся к вопросам сельского хозяйства, они не могли отговорить крестьян от перехода из деревень на отруб и хутора. Агитируют за многополье и пользу клевера, но голые слова до крестьян не доходят. У коммуниста-крестьянина такое же хозяйство, как у его соседей, и никакого примера в улучшении своего хозяйства он не подает.

С мест в Тверской губернский комитет партии сообщали, что в деревне расслоения крестьян нет. Бедняки во многих деревнях говорили, что до революции оттуда уходили работать в пастухи и няньки. Сейчас они, бывшие бедняки, могут сами держать няньку, в деревне безлошадников и бескоровников нет. Земли всем хватает, бедные хозяйства лишь у вдов.

Середняки поднимаются, почти в каждом хозяйстве есть веялка, появляются молотилки и льномялки. По Тверской губернии середняками считали тогда те хозяйства, которые имели до 6 десятин пахотной земли, по одной лошади и корове, а также имели сельскохозяйственный инвентарь, зажиточными власть считала те хозяйства, которые имели более 6 десятин пахотной земли.

Сдача в аренду земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря на один год или полгода никем не регистрировались, а более длительной аренды в деревне нет. Однолошадники нередко сообща пахали по очереди свои поля, а зажиточный крестьянин помогал однолошаднику или безлошаднику лошадью. Местные советские работники говорили, что отработки за аренду скота почти нет, есть отработка на хозяина за аренду сельскохозяйственных машин [77].

Таким образом, за время НЭПа коммунисты накапливали свои силы за счет прибывающих в деревню рабочих, деревенской бедноты и подрастающего поколения комсомольцев. Одним из путей укрепления партийных рядов в деревне был прием в партию комсомольских активистов. НЭП для коммунистов был своего рода подготовкой ко второй решительной попытке кооперации сельского хозяйства в виде колхозов. Первая попытка создания сразу после Октябрьской революции коммун, товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей и построения безрыночного капитализма успехом не увенчалась.

Партийная организация Сулежской волости

Как создавались партийные организации на местах, можно проследить на примере Сулежской волостной организации Бежецкого уезда Тверской губернии. Она была создана на базе *Сулежской и Фешевской (Яковлевской)* ячеек, объединенных в одну партийную ячейку в сентябре 1924 года.

До ноября 1923 года секретарем Сулежской волостной партийной ячейки был Семен Андреевич Андреев, 1887 года рождения. С 21 ноября 1923 года решением бюро Бежецкого уездного комитета РКП(б) был утвержден Петр Феодорович Козлов, а Андреев был избран председателем Сулежского волостного исполкома совета.

В Сулежскую партиячейку входили 4 коммуниста и 2 кандидата в члены партии, собрания проводились в доме Козлова, проживавшего в деревне Плишкино [78].

При проверках партиячейки было установлено, что коммунисты в Сулежской партиячейке разбились на два лагеря по родственным признакам из-за дележа имущества бывшей коммуны, которое ранее принадлежало дворянам Кузьминым-Караваевым. Как доказательство

этому – происходившие драки между членами ячейки. Для разбора ситуации туда дважды выезжал инструктор Бежецкого уездного комитета партии.

В своих докладных записках он указывал, что интриги наблюдались между С. Бойцовым и Ивановым на почве личных счетов. Это негативно действовало на беспартийных из-за того, что коммунисты не могут ужиться друг с другом. Было предложено С. Бойцова перебросить на другую работу. Недостатком в работе ячейки было и то, что она проводила лишь закрытые партийные собрания. Предлагалось это явление изжить, особенно в зимний период, когда крестьянин дома свободен [79].

В других деревнях имущество помещичьих имений, которое еще оставалось к тому времени, делили между крестьянами на деревенских сходах. Тогда в деревне нужда была во всем, грабили все, что можно. Из имений растаскивали по домам стекла, рамы, двери, посуду, столы, шкафы, стулья, зеркала. После схода к вечеру в имении не оставалось ничего, лишь ветер гулял между оконными и дверными проемами. А тут вот решили разделить оставшееся имущество Кузьминых-Караваевых два семейных клана деревенских коммунистов, не допуская никого чужих.

На собрании Сулежской партячейки 21 января 1924 года обсуждали вопрос о введении в стране новой экономической политики (НЭП), хотя ввели ее почти три года назад. Говорили, что ее введение вызвано разрухой промышленности, НЭП – это временная мера, способствующая развитию промышленности и торговли.

На собрании говорилось, что в сельскохозяйственном отношении Тверская губерния менее развитая, так как крестьяне не могут выбросить на рынок столько хлеба, сколько необходимо купить. Для крестьянина остается затруднением купить на рынке столько хлеба, сколько нужно ему для прокормления своей семьи. Отмечалась гибкость частного торговца в смысле торговых операций, и вялость государственной кооперации [80].

Фешевская партийная ячейка вышла из «коллектива рабоче-крестьянской партии Яковлевской волости», ликвидированной в марте 1924 года. Свое название получила в связи с тем, что все собрания ячейки проводились в доме ее секретаря Ивана Федоровича Кокарева, работавшего председателем Фешевского потребительского общества, проживавшего в деревне Фешево, в партячейку входили 10 коммунистов.

2 июня 1924 года Бежецкий уездный комитет партии своим письмом поручил секретарю Сулежской партийной ячейки П.Ф. Козлову созвать общее собрание членов и кандидатов в члены партии *Сулежской и Фешевской* ячеек, избрать волостной комитет из 3 членов. Уездный комитет рекомендовал избрать членами волостного комитета партии Андреева, Козлова и Кокарева. Иметь в виду, что волостной комитет партии является органом, руководящим всей жизнью волости, было указано в письме [81].

В сентябре 1924 года секретарем объединенного Сулежского волостного комитета партии был избран И.Ф. Кокарев [82].

В 1924 году был введен ежемесячный отчет всех партийных ячеек о проделанной работе, в отчетах указывали:

- количество членов и кандидатов в члены партии, а также беспартийных, которые постоянно посещали открытые партийные собрания;
- влияние партийной ячейки на работу волостного исполкома и сельскохозяйственных товариществ;
- отношение крестьян к советской власти и рабоче-крестьянской партии;
- какие книги за отчетный период прочитали члены партии, сколько и какие газеты выписывает ячейка и коммунисты;
- как идет ликвидация неграмотности среди коммунистов;
- какую работу проводят коммунисты среди беспартийных, в том числе: работа среди комсомольцев, женщин, работа избы-читальни, организация митингов, лекций, докладов и конференций;
- что нужно сделать уездному комитету партии, чтобы повысить работоспособность ячейки [83].

Коммунисты Сулежской партиячейки, порою, не понимая своих задач и функций, нередко подменяли волостной исполком. На ее партийных собраниях в числе других были приняты решения о закрытии библиотеки для изъятия оттуда литературы, об утверждении заработной платы некоторым работникам исполкома, о переводе учителя в другую школу и другие решения, не входящие в компетенцию партийных организаций.

Деревенские мужики откровенно ёрничали в отношении коммунистов, что на их собраниях хотели обсуждать помощь бедноте, но, ни хлеба, ни денег нет, пришлось коммунистам обсуждать борьбу с

мировым империализмом. Эти откровенные насмешки имели под собой конкретную почву. Так по докладу о международном положении Сулежский волостной комитет РКП(б) постановил: *«доклад принять к сведению, волкому поручить принять меры к свержению мирового капитализма»*.

На своих собраниях, слушая частые доклады о международном положении, коммунисты заявляли, что сначала надо расправиться с местными частниками, как представителями новой буржуазии, а потом отправиться воевать с мировой буржуазией [84].

24 октября 1925 года был избран новый состав бюро Сулежского волостного комитета партии, в него вошли: С.А. Андреев, С.Т. Бойцов, И. Векшин, П.Ф. Козлов и секретарь комитета Николай Иванович Мельников. Это было связано с разногласиями сулежских коммунистов во главе с С.А. Андреевым, и фешевских коммунистов во главе с секретарем партячейки И.Ф. Кокаревым.

Бюро Бежецкого уездного комитета РКП(б) 1 декабря 1925 года рассмотрело дело бывшего секретаря Сулежского волостного комитета партии И.Ф. Кокарева, который в «День урожая» 25 октября 1925 года, на другой день после освобождения его с должности секретаря Сулежской партячейки, организовал попойку среди членов партии и беспартийных.

Иван Федорович Кокарев, 1886 г. р., член РКП(б) с февраля 1918 года, крестьянин, секретарь Фешевской партячейки с марта по сентябрь 1924 года, секретарь Сулежского волостного комитета партии с сентября 1924 года по октябрь 1925 года, оклад 60 рублей, многосемейный. Бюро Бежецкого уездного комитета РКП(б) постановило: признать необходимым переброску Кокарева в другую парторганизацию.

Секретарем Сулежского волостного комитета партии вместе него был избран Николай Иванович Мельников [85].

С 1926 года ЦК ВКП(б) перешел с ежемесячной, никому не нужной, отчетности на трехмесячную отчетность партячек. В отчет дополнительно ввели указание в национальных республиках и областях указывать национальность подавших заявления кандидатов. На территории Тверской губернии эти графы не заполнялись до 1931 года, когда были выделены карельские национальные сельсоветы и национальные районы [86].

При Сулежском волостном комитете партии до декабря 1925 года работала школа-передвижка политграмоты, она находилась в 12 вер-

стах от волостного центра. С 28 декабря 1925 года начала работать стационарная школа политграммоты деревенского типа. Занятия проводились 2 раза в неделю по вечерам. Они заключались в том, что руководитель школы Н.И. Мельников ставил доклад на 5–10 минут, потом начиналось его обсуждение слушателями, с перерывом на перекур через каждые 45 минут. Каждая такая беседа, по отчетам Мельникова, продолжалась по 3–4 часа. К занятиям в декабре 1925 года приступили 15 слушателей, потом их число увеличилось до 25, а проверочные испытания прошли 19 слушателей.

Руководитель стационарной школы секретарь волостного комитета партии Мельников просил Бежецкий уездный комитет прислать другие учебники, считая, что учебник Ярославского устарел и в нем много повторов. Просил также в Тверской губернии организовать курсы для руководителей таких школ [87].

Тверской губернский комитет партии спустил план Бежецкой уездной партийной организации принять за 1928 год в члены ВКП(б) 333 кандидата, из них 35 крестьян, что составляло 10,5% от общего числа кандидатов. По Бежецкому уезду в 1928 году насчитывалось 49 партийных ячеек, в том числе 13 городских и 36 деревенских ячейки. Всего в деревенских ячейках по уезду к концу 1928 года состояло 368 членов и 312 кандидатов в члены партии [88].

12 января 1929 года инструктор Бежецкого уездного комитета партии Александров обследовал Сулежскую партиячейку. Он сделал вывод, что партиячейка вела слабую работу среди бедноты, наблюдалось полное отсутствие должного руководства работой групп бедноты, созыв которых проходил лишь по мере необходимости.

Отсутствовала также специальная работа с батрачеством по вовлечению их в партию и подготовку для выдвижения на руководящую работу в советы, кооперативы и другие органы. Не было системы проведения женских собраний по селениям, а также отсутствовала работа с беспартийным активом [89].

За все годы существования НЭП почти на каждом партийном собрании, как волостной, так и первичных партиячеек, а также на собраниях бедноты непременно обсуждали вопросы международного положения, тем самым отвлекая внимание крестьян от их внутренних житейских проблем. В то же время, например, о жизни крестьян карельских деревень, входящих в Сулежскую волость, даже не заикнулись ни разу.

Местные коммунисты вообще редко затрагивали вопросы жизни крестьянства волости, не выезжая в деревни, не проводя никаких собраний, кроме перевыборов с советами, ни праздничных мероприятий. По протоколам партийных собраний создается впечатление, что коммунисты Сулежской волости собирались для того, чтобы делить должности в волостном совете и сельских советах. Распределять обязанности в самих партиячках, да обсуждать вопросы международного положения, а до жизни крестьян им было далеко. Ждали указаний вышестоящих организаций, и отчитывались в их исполнении один раз в три месяца.

Бокаревская партийная ячейка Бежецкой волости Бежецкого уезда

Интересно знать, кто же устанавливал советскую власть в других карельских деревнях нашей местности, которые относились не к Сулежской, а к Бежецкой волости Бежецкого уезда? Ответственность за работу в карельских деревнях, в 1922–1923 годах, несла Бокаревская партийная ячейка, к чьей волости относились эти деревни. С 1924 года, после ликвидации Бокаревской волости, работа Богородского, Синевево-Дубровского и Горского сельсоветов Бежецкой волости, куда относились 7 карельских деревень Карело-Кошевского прихода, по-прежнему оставалась под контролем Бокаревской партийной ячейки.

Первое собрание партийной ячейки, куда входило 10 коммунистов, прошло 1 марта 1921 года. Хотя ячейка продолжала называться Бокаревской, собрания проходили в доме секретаря ячейки Михаила Николаевича Русакова, в то время его возраст был 22 года, в деревне Гостиницы Горского сельсовета. По состоянию на 23 октября 1923 года в ячейку входили коммунисты, все крестьяне, некоторые имели дополнительные ремесла и приработки:

1. Краснов Владимир Иванович, 1897 г. р., в партии с 1918 года, председатель Бокаревского волисполкома, 26 лет.
2. Петров Иван Иванович, 1903 г. р., в партии с 1920 года, член Бокаревского волисполкома, 20 лет.
3. Русаков Михаил Николаевич, 1899 г. р., в партии с 1918 года, секретарь партийной ячейки, 24 года.
4. Сумерин Василий Васильевич, 1896 г. р., в партии с 1918 года, председатель сельсовета, 27 лет.

5. Куликов Федор Васильевич, 1888 г. р., портной.
6. Тихонов Гаврила Михайлович, 1885 г. р., в партии с 1918 года, бондарь.
7. Андреев Василий Андреевич, 1894 г. р., в партии с 1919 года, столяр, председатель сельсовета, 29 лет.
8. Раkitин Петр Иванович, 1892 г. р., в партии с 1918 года, сапожник.
9. Смирнов Михаил Иванович, 1903 г. р., в партии с 1920 года, портной.
10. Крюков Александр Федорович, 1880 г. р., в партии с 1920 года.

К этому времени из Бокаревской партиячейки выбыл Иванов Иван Иванович, 1888 г. р., в партии с 1923 года, сапожник, в связи с направлением в политсостав Красной Армии, а также Смелков Георгий Андреевич выбыл в распоряжение Бежецкого уездного комитета партии. Карел среди коммунистов Бокаревской партиячейки не было [90].

В справках Бежецкого уездного комитета партии за 1923 год сообщалось, что в Бокаревской партиячейке преобладают ремесленники, активных работников в партиячейке нет, рядовые члены развиваются слабо, бюро не работает, секретарь партиячейки М.Н. Русаков политически малоразвит, и слаб, как организатор. В августе 1924 года секретарем партиячейки был избран П.И. Раkitин, сообщалось, что он политически развит и активен. С выбором нового секретаря ячейка заметно оживилась, налажена тесная связь с комсомольцами, с волисполкомом, с кооперацией. Коммунист В.И. Краснов, 27 лет, был переведен на должность заместителя председателя Бежецкого уездного исполкома [91].

При обследовании волостным комитетом партии работы Бокаревской партиячейки от 6 февраля 1925 года в отношении карельских деревень указывалось, что местные коммунисты содействовали переводу лечебного пункта из карельской деревни Бережки в село Головское и прикреплению там врача вместо фельдшера. В Горском сельсовете действовала тогда одна изба-читальня в селе Хонеево [92].

Таким образом, в Бережках не осталось ни лечебного пункта, ни фельдшера, которые могли бы обслуживать 13 карельских деревень и село Кошево Корельское.

На заседании бюро Бежецкого волостного комитета партии 4 декабря 1926 года П.И. Раkitин заявил: «У нас будет прореха по сбору недоимки по единому сельскохозяйственному налогу, так как некото-

рые крестьяне не платят его по три года. Были случаи, что крестьянин может платить, и хозяйство у него хорошее, а налог не платит. К моменту описи его имущества, он все вывозит к соседям, и у него ничего не оказывается, описывать нечего. Надо подталкивать крестьян к уплате сельхозналога, пока они богатые, есть лен, скот, имущество, а не дожидаться, когда придется описывать кур и тому подобное» [93].

23 декабря 1926 года Бежецкий уездный комитет партии направил телеграмму секретарю Бежецкого волостного комитета ВКП(б) о неплате единого сельхозналога. По волости на 1 ноября 1926 года было собрано 24,2% налога, на 15 декабря – 44%. Указывалось, что среди неплательщиков имелись зажиточные хозяйства, к которым волостной исполком применял недостаточные административные меры. Поручалось, не позднее 7 января 1927 года обеспечить выполнение налога в полном объеме, а в случае невыполнения бросить в деревни 80% советского аппарата для принудительного взыскания налога и недоимок [94].

Партячейка Бежецкого волостного комитета 12 января 1927 года на своем собрании рассмотрела вопрос о ходе сбора единого сельхозналога. Отмечалось, что на 1 января поступило 64,4% налога вместо планового поступления 80% от общей суммы сбора налога. Для сбора налога в сельсоветы и деревни направлялись уполномоченные волисполкома и волостного комитета партии. На партсобрании отмечалось, что в Богородском сельсовете его председатель к сбору налога подходил не как администратор, а как товарищ, и там налог платят, а жесткие меры много не дадут.

Коммунисты говорили, что много бедняков, а вместе с ними и середняков писали заявления на освобождение от налогов и не платили их, дожидаясь решений сельсоветов, а те затягивали с их разрешением. Уполномоченные нередко неправильно подходили к неплательщикам. Например, начальник волостной милиции Макаров угрозами заставил бедняка зарезать корову, чтобы уплатить налог. Увеличение сбора налогов до 64,4% связано с тем, что в 1925 году 20% крестьянских хозяйств волости было освобождено от них, а в 1926 году платили все, освобожденных не было. Налог упал не на кулака, не на добавочный заработок, а на все деревенские прослойки.

С высылкой уполномоченных в сельсоветы и деревни надо покончить, а надо нажать на сельских исполнителей, отдать под суд хоть одного, который не работает. А то все члены волостного исполкома выезжают

в деревни, как сборщики податей, и полгода не выполняют своей работы. На этом собрании было решено взять на особый учет все сильные крестьянские хозяйства волости, имеющие 3 и более голов скота [95].

Таким образом, анализ протоколов собраний Бокаревской партийной ячейки дает возможность говорить о том, что основная работа коммунистами проводилась по сбору единого сельскохозяйственного налога, а также улучшению работы сельскохозяйственных и потребительских кооперативов.

Первые коммунисты-карелы

Первым коммунистом-карелом среди карельского населения Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда стал уроженец деревни Климантино Бокаревской волости Алексей Александрович Волков, 1902 г. р., образование низшее, крестьянин, член РКП(б) с 26 августа 1924 года [96].

В период с 1918 по 1922 годы, когда карельские деревни еще входили в Сабуровскую волость, Алексей Волков был избран секретарем волостной комсомольской организации. Он сообщал в Бежецкую уездную организацию, что 20 декабря 1920 года выбыли два комсомольца – Дмитрий Бордаков и Иван Михайлов, граждане деревни Климантино. К 1 марта 1921 года в комсомольской организации Сабуровской волости был 21 комсомолец, в том числе одна девушка. В письме не указывалось, по какой причине выбыли из организации эти два комсомольца, но через 10 лет, в марте 1931 года вся семья Дмитрия Ивановича Бордакова была признана кулацкой и выселена из деревни Климантино в Казахстан.

25 июня 1921 года комсомольская организация Сабуровской волости была переведена из села Сабурово в деревню Климантино, по месту жительства ее секретаря Алексея Волкова. Туда же из Сабурова перевели клуб в дом Ивана Васильевича Волкова с его согласия [97].

Первым коммунистом-карелом в Сулежской партийной ячейке стал Иван Степанович Беляков из деревни Поцеп. Осенью 1925 года в списке увольняемых в бессрочный отпуск красноармейцев Ленинградского военного округа, направленных Бежецким уездным комитетом партии на партийный учет в Сулежскую волостную ячейку РКП(б), находился кандидат в члены партии И.С. Беляков. В направлении ука-

зывалось, что он в воинской части вел работу библиотекаря, групповода, поэтому может быть рекомендован на должность председателя волостного крестьянского комитета общественной взаимопомощи.

И.С. Беляков, будущий первый секретарь Карельского окружного комитета партии, встал на партийный учет осенью 1925 года, и уже с 22 января 1926 года вел протоколы заседаний бюро и партийных собраний Сулежской ячейки, как технический секретарь [98].

18 февраля 1926 года И.С. Белякова избрали в Сулежский волостной крестьянский комитет общественной взаимопомощи (ККОВ). На бюро волостного комитета партии 27 марта 1926 года рассмотрели заявление о переводе его из кандидатов в члены ВКП(б).

8 июня 1926 года секретарь волостного комитета Н.И. Мельников обратился с письмом в Бежецкий уездный комитет партии, в котором просил сообщить причину не перевода Белякова из кандидатов в члены партии.

В письме Мельников сообщал, что Беляков бедняк, из-за бедности ему пришлось на время работать на стороне маслоделом. С 1922 года Беляков состоит активным членом комсомола, с апреля 1925 года – кандидат в члены ВКП(б). В одно и то же время исполняет ряд общественных обязанностей: председатель ревизионной комиссии Сулежского волисполкома, член Сулежского сельсовета, член комитета рабочего просвещения, а основная его должность – избач. Красноармеец, демобилизован в конце 1925 года, в 1926 году с успехом окончил школу-передвижку политграмоты и отнесен ко второй группе. Пользуется авторитетом среди населения, но его больше года не переводят из кандидатов в члены партии [99].

На заседании Сулежского волостного комитета партии 25 января 1927 года был заслушан отчет избача волостной избы-читальни И.С. Белякова. В своем отчете Беляков много говорил о работе со справочной литературой, которую он наладил. Беляков заявил, что его опыт работы со справочной литературой можно передавать в другие избы-читальни и «красные уголки». Коммунисты волости беспокоились, не будет ли нарушена эта работа после его отъезда в Тверь на учебу в совпартшколу.

Дело в том, что еще 28 июля 1926 года на бюро Сулежского волостного комитета партии курсантами Тверской губернской школы были направлены Иван Федорович Бойцов, Иван Степанович Беляков и Владимир Михайлович Кангур [100].

После окончания курсов Беляков домой не вернулся, его направили на работу в Максатихинский райком партии, затем – первым секретарем Рамешковского райкома партии, оттуда – первым секретарем Карельского окружного комитета партии.

5 января 1925 года Сулежская партия приняла кандидатом в члены партии красноармейца Алексея Ивановича Лежушкина из карельской деревни Байки. В 1926 году он перешел жить в деревню Бережки, которая относилась к Горскому сельсовету, поэтому А.И. Лежушкина в 1926 году поставили на учет в Бокаревской партиячейке, как кандидата в члены партии. Лишь по истечении двух лет, в январе 1927 года А.И. Лежушкина перевели из кандидатов в члены партии, после чего он в списках Бокаревской партиячейки нигде не значился, скорее всего, он из деревни выехал [101].

Таким образом, до начала создания колхозов в 1931 году, коммунистов в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода не оставалось. Колхозы там создавали уполномоченные коммунисты, направленные из района вместе с местными комсомольцами, ставшими в скором времени также членами партии.

Чистки рядов партии

*Коммунисты научились заставлять
крестьян отдавать хлеб государству.
В.И. Ленин*

На 1 сентября 1922 года по всей Тверской губернии насчитывалось всего 4130 членов и 376 кандидатов в члены РКП(б). За период с 15 сентября 1922 года по 15 марта 1923 года добровольно вышли из партии 63 человека, из них 42 крестьянина. Руководители партиячек объясняли выход крестьян, вступивших в партию во время Гражданской войны или службы в Красной Армии, из нее разобщенностью деревни. Партийные лидеры заявляли, что деревенские коммунисты разбросаны порою до 40 верст друг от друга, они активно заняты своим личным хозяйством, чтобы прокормить семьи. Поэтому они не являлись на партийные собрания и учебу, не выполняли партийные указания, постепенно отрываясь от партии большевиков.

За указанный выше период по Тверской губернии были исключены из партии за разные проступки 169 человек, в том числе 76 крестьян. За пьянство исключили 47 членов и кандидатов в члены партии, за нарушение партийной дисциплины – 62 человека [102].

В апреле 1924 года ЦК ВКП(б) направил циркуляр всем низовым структурам, которым запретил принимать заявления от бывших эсеров, меньшевиков, бундовцев и представителей других партий. Исключение делали тем, кто ранее отработал в пользу коммунистов не менее 3 лет, или кто имел особые заслуги перед партией большевиков, при этом поручалось принимать таких кандидатов только из числа рабочих.

Кроме зажиточных крестьян деревенскими нэпманами со временем становились советские чиновники из коммунистов. Новоявленных нэпманов из числа коммунистов деревенские жители называли «красными купцами» или сокращенно «краскупам» или «советской буржуазией». Тогда же среди коммунистов возникло новое слово «перерожденец», который изменил их идеалам, начав обогащаться.

В сентябре 1924 года из Тверской губернской контрольной комиссии всем секретарям партячеек ВКП(б), под грифом «совершенно секретно», было направлено письмо о «хозяйственном обрастании». В нем указывалось, что среди членов партии большевиков наблюдается улучшение своего личного хозяйства и увеличение личной собственности. Коммунист со значительной собственностью не может быть пролетарски настроенным, его собственный быт влияет на его сознание в сторону сочувствия кулачеству и нэпмановским элементам.

Далее в письме обращали внимание секретарей всех партийных ячеек: «Явление это опасное, грозящее перерождением отдельных членов партии, с этим явлением необходима борьба очень серьезная. Проверки выявили случаи, когда коммунист строит себе лишний дом на имя брата, свата или имеет на каком-нибудь предприятии частный пай. Он начинает увеличивать на своем дворе количество скотины, далеко превышая нормы требования к его хозяйству.

При этом надо иметь в виду, что к коммунисту-крестьянину отношение должно быть очень осторожным. Крестьянин-коммунист является примером для деревни в ведении хозяйства. Но если у него появляются кулачские замашки, то это позорное явление, и такого товарища надо отдернуть или совсем исключить из партии. Необходимо также обратить внимание на расширяющегося и обзаводящегося

хозяйством коммуниста, за счет каких доходов он обрастает, так как случается, что при обрастании страдают общественные доходы».

Обо всех таких подобных явлениях уполномоченный Тверской губернской контрольной комиссии просил сообщать в уездные контрольные комиссии [103].

В 1925–1926 годах проводились местные чистки деревенских партийных ячеек с целью очищения их от кулацких элементов. Тогда были предприняты меры по улучшению ситуации в деревне. Проведена проверка деревенских партийных ячеек, во время которой были отстранены от работы наиболее революционно настроенные местные советские и партийные работники. По некоторым сельсоветам отменили результаты выборов 1924 года и проведены повторные выборы без административного нажима. В сельсоветы тогда избрали действительно авторитетных сельских жителей, правда позднее, во время коллективизации, некоторые из них были признаны «кулаками» и выселены из своих деревень в Сибирь, на Север или в Казахстан.

В тех же 1925–1926 годах несколько отошли от применения репрессивных мер по отношению к недоимщикам по единому сельхозналогу. Коммунисты и комсомольцы перестали активно участвовать в работе по выявлению скрытых объектов обложения налогом. При такой ситуации председатели сельсоветов, волисполкомов, руководители деревенских партячеек растерялись, не зная, как работать дальше, и заняли выжидательную позицию.

На собраниях в партячейках некоторые коммунисты выступали за необходимость возврата чрезвычайных мер к крестьянству, какие были во время Гражданской войны. Со стороны же крестьян сильнее звучал лозунг о создании Крестьянского союза, который власть оценивала, как антисоветскую организацию, и препятствовала его созданию.

В 1929–1930 годах вновь проводилась тотальная проверка членов ВКП(б) на лояльность к советской власти, многие члены партии были исключены из нее по разным причинам, другие привлекались к уголовной ответственности. Чистка партии была связана не только с внутрипартийными распрями и проблемами, но и серьезными промахами коммунистов при первых попытках коллективизации крестьянских хозяйств.

По примеру 1921 года были созданы областные, окружные и районные комиссии по чистке партии. Первоначально по всему Советскому Союзу было исключено из партии 174 тысячи коммунистов, но мно-

гие подавали апелляции и восстанавливались, в итоге исключенные составили 10,2% от всего состава партии.

18 июня 1929 года проверочная комиссия парторганизации Бежецкой волости Бежецкого уезда в составе председателя Спирова, членов Новикова и Брейдака провела проверку и чистку *Горской партячейки*. В то время шла реорганизация, создавались районы и округа, но партячейка относилась еще к Бежецкой волости Бежецкого уезда.

На собрании по проведению чистки присутствовало 2 коммуниста, 3 кандидата в члены партии и 52 беспартийных гражданина, в том числе жители из деревни Горка и коммунары коммуны «Красный октябрь». Чистку прошли коммунисты:

- Петр Иванович Ракитин, 1892 г. р., член ВКП(б) с 1918 года, крестьянин-сапожник, председатель коммуны «Красный Октябрь», секретарь Горской партячейки;
- Владимир Александрович Нежкин, 1877 г. р., член ВКП(б) с 1921 года, коммунары коммуны «Красный Октябрь», имел партвысказание за религиозность жены. Выступившие при этом беспартийные крестьяне говорили, что партия неправильно суется в личную жизнь коммунистов, и выговор Нежкину дали неправильно. Но комиссия рекомендовала ему всеми силами отвлечь жену от религии и вовлечь ее в коммуну.

Чистку прошли кандидаты в члены ВКП(б):

- Федор Михайлович Ермаков, 1897 г. р., прибыл недавно из Сибири, в годы Гражданской войны воевал с Колчаком. Во время чистки партии был служащим, работал начальником станции Подобино Виндаво-Рыбинской железной дороги, одновременно являлся на этой станции избачом;
- Анастасия Ивановна Баркова, 1896 г. р., прибыла в сельсовет беженкой, в Гражданскую войну служила в Красной Армии, была ранена. Кандидат в члены ВКП(б) с 14 июня 1928 года, крестьянка, домохозяйка. Заведовала детскими яслями, руководила ликвидацией неграмотности населения;
- Арсений Иванович Блинов, 1903 г. р., кандидат в члены ВКП(б) с 15 ноября 1928 года, маляр. На время проведения чистки работал избачом в Горском сельсовете, занимался индивидуальным крестьянским хозяйством, бедняк. Ко времени чистки написал заявление о вступлении в коммуну «Красный Октябрь».

Комиссия по чистке партии всех пятерых посчитала проверенными коммунистами без партийных взысканий, но всем им предложила более активно работать с беднотой, и уделять особое внимание организации новых колхозов [104].

Проводилась проверка по чистке членов партии *Сулежской партийчейки*. Чистку прошли 5 коммунистов и 4 кандидата в члены ВКП(б), кроме них на собрании присутствовали 7 комсомольцев и 35 беспартийных жителей. В числе других проверили коммуниста Сергея Тимофеевича Бойцова, 1893 г. р., члена партии с 1924 года, крестьянина-середняка, работал председателем Сулежского волисполкома. В 1924 году именно он враждовал и дрался с другим коммунистом Ивановым из-за дележа имущества из имения Кузьминых-Караваевых в деревне Борисково.

Всех коммунистов Сулежской волости засчитали проверенными членами партии без партийных взысканий, кроме С.Т. Бойцова. За недостаточное руководство волостной организацией ВЛКСМ ему поставили на вид.

15 августа 1929 года были подведены итоги чистки партии. По Бежецкому уезду Тверской губернии проверке подверглись 538 коммунистов и кандидатов в члены партии из 680 человек, подлежащих проверке. Исключили из партии 70 человек, из них добровольно вышло 15 бывших коммунистов, партийным взысканиям подверглись 74 коммуниста [105].

Письмом Бежецкого окружкома комитета ВКП(б) от 23 декабря 1929 года указывалось, что партийная чистка по Бежецкой окружной партийной организации в основном закончена [106].

В период чистки не только к партийной, но и уголовной ответственности нередко привлекались невиновные коммунисты. Так 7 января 1930 года бывший секретарь Сулежского волостного комитета партии Николай Иванович Мельников написал записку ответственному секретарю партколлегии Бежецкой окружной контрольной комиссии Филиппову: «Тов. Филиппов! Второй день нахожусь в милиции, допрос сделали и не освобождают. Думаю, что десятилетний партстаж и десятилетняя общественная и партийная работа ужели только этого и стоят. Выясните, пожалуйста».

На другой день Мельников написал подробное письмо в Бежецкую окружную контрольную комиссию, приложив к нему свой партийный билет. Мельников просил контрольную комиссию больше не считать

его членом партии, куда он вступил в самый разгар Гражданской войны в 1919 году. Через четыре дня после вступления в партию он был направлен на фронт против Юденича в район города Луги сначала рядовым связистом, затем – комиссаром команды связи. После окончания Гражданской войны окончил в Петрограде учительский институт.

После демобилизации из рядов Красной Армии вернулся в Бежецкий уезд, где в скором времени был избран секретарем Сулежского волостного комитета партии. Позднее его перевели управляющим Бежецким городским коммунальным трестом.

«На всех должностях, – писал Мельников, – кроме одобрения и хороших отзывов, ничего не получал. Почти за 11 лет пребывания в партии не имел ни одного партийного взыскания.

И все награды за участие в боях, за работу, за утерянное здоровье – арест. За что и почему. В городе Бежецке капитально отремонтировали баню, установили дизель на электростанции, город стал освещаться. По постановлению горсовета за перебои в электричестве, которые можно было устранить в течение суток, арестовали главного машиниста и мастеров подстанции, а по приезду из Ленинграда и меня. Сижу под арестом трое суток, не чувствую за собой никакой вины. Простояв в милиции на голом полу две ночи, пришел к выводу, что партбилет надо сдать, так как беспартийному работать лучше. И пусть суд судит, как беспартийного».

Суд оправдал Н.И. Мельникова, 29 мая 1930 года ему вернули партийный билет [107].

Дело Н.И. Мельникова было показательным уроком для тех коммунистов, председателей сельсоветов и волисполкомов, которые постоянно заявляли в вышестоящие партийные организации, что они не знают, как надо работать с бедняками и батраками, и чем они отличаются от других крестьян.

В период НЭПа в СССР было сформировано не советское, а партийное государство, в котором партийные аппараты поглотили советы и другие государственные структуры. Созданная политическая система представляла собой централизованную структуру, основу которой составляли партийные комитеты. Деятельность всех советских, профсоюзных, правоохранительных, комсомольских, кооперативных органов находилась под непосредственным контролем соответствующих партийных комитетов.

Нужно тут сказать, что формирование Советского государства на основе партийных ячеек и организаций коммунистов, а не на основе

советов, стало одной из основных причин развала Советского Союза в 1990-е годы, после того, когда коммунистическая партия рухнула. Но это было через 70 лет после объявления новой экономической политики и через 60 лет после создания колхозов.

Глава III. Расслоение крестьянского общества

Ремесла и промыслы в деревне

*Мелкие крестьянские ремесла
и промыслы представляют собой
типичный мелкобуржуазный строй.*

В.И. Ленин

К 1927 году крестьянство Тверской губернии, по отчетам советских и партийных органов, расслоилось следующим образом: середняки и зажиточные крестьяне (деревенские нэпманы) – 79,4%, кулаки – 4%, бедняки вместе с батраками наемными работниками 16,6% от всех крестьянских хозяйств губернии. В связи с отсутствием надлежащего персонального учета кулаков и зажиточных крестьян, в 4% кулацких хозяйств, включили по сумме доходов тех крестьян, которые не занимались ростовщичеством и не имели наемных работников сверх установленных советскими законами норм.

Тверская земля по своей скудости не могла сытно накормить деревню и город. Деревенские жители были вынуждены покупать хлеб на рынке, для этого нужны деньги. Их зарабатывали разными способами – одни крестьяне выращивали на продажу скот, другие уходили на промыслы и разные работы в города, третьи в свободное от сельского хозяйства время занимались ремеслами, вплоть до создания мелких промышленных предприятий.

Еще до Октябрьской революции 1917 года в своей работе «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин назвал домашней промышленностью переработку сырых материалов в крестьянском хозяйстве: домашняя выработка изделий изо льна, конопли, дерева и прочих материалов. Но промышленности, как профессии, в России долгое время не было, весь промысел был неразрывно связан в одно целое с земледелием.

В.И. Ленин сделал вывод, крестьяне-промышленники принадлежали к исправным земледельцам, а нанятые ими рабочие относились к разоренным крестьянам. Занимающиеся сапожным промыслом крестьяне-общинники Кимрской волости находили более выгодным нанимать для обработки своих полей батраков и рабочих, приходящих в Кимры из Тверского уезда и соседних местностей [108].

Деревенские умельцы могли при помощи своего опыта и обычных инструментов производить необходимые в крестьянских хозяйствах промышленные товары. Со временем на основе этих деревенских ремесел в России возникали различные направления промышленности. Во время НЭПа основными ремеслами в тверских и бежецких деревнях оставались:

- прядильное и ткацкое ремесла;
- плотницкое и столярное;
- кузнечное;
- скорняжное, сапожное и валяльное;
- печное;
- мельничное и пекарное;
- плетение из лозы, бересты и лыка;
- бондарное и шорничное;
- дегтярный промысел.

На первом месте у большинства крестьян Бежецкого уезда Тверской губернии, в том числе и проживавших здесь тверских карел, была обработка льна, связанная с ткачеством, шитьем, вязанием, вышиванием и другими ремеслами. Лен также связан с торговлей и выжимкой льняного масла на маслобойнях, которые порою даже считали мелкими промышленными предприятиями в деревне.

За годы революции и Гражданской войны число крестьянских хозяйств, занимавшихся дополнительно различными видами ремесел и промыслов, резко сократился. Если в 1912 году по Тверской губернии ими занимались 76,8% от всех крестьянских хозяйств, то в 1920 году – всего 41%.

Основными видами деятельности всех ремесленников во времена НЭПа по-прежнему оставались земледелие и скотоводство. Ремеслами крестьяне занимались в период после уборки урожая и до весеннего сева. По данным статистики, начиная с 1922 года, около 90% ремесленных и промысловых предприятий, получивших патенты на свою деятельность, были мелкими домашними мастерскими, имевшими от одного до трех наемных работников.

Эти мелкие кустарно-ремесленные предприятия в годы НЭПа обеспечивали население обувью и другими кожаными изделиями на 68%, мукой, крупой и печеным хлебом на 57%, изделиями деревообработки свыше 40%, кузнечными изделиями металлообработки на 25%. Большинство этих предприятий работали на дому, в том числе сами мастера и наемные работники. Производительность труда в них была в 2 раза выше, чем в государственных предприятиях подобных направлений.

Между хозяином и наемными работниками, как правило, устанавливались добрые деловые отношения. Хозяева помогали наемным работникам в трудные моменты жизни деньгами, семенами, рабочим скотом и сельскохозяйственными машинами. Никакого классового антагонизма в деревне не наблюдалось, несмотря на активное искусственное деление крестьянского общества со стороны коммунистов.

Но, с 1928 года политика советской власти на постепенное вытеснение частного капитала, сменилась на политику его полной ликвидации. После Октябрьской революции 1917 года одни деревенские ремесленники вступали в коммунистическую партию большевиков. Они вместе с другими коммунистами составляли списки кулаков, в которые включали и своих братьев по цеху – ремесленников, с целью выселения их из родных деревень.

Других трудяг-ремесленников, работавших без выходных и отдыха, советская власть разделила на середняков и кулаков. Одних хозяев отнесли к кулакам за то, что они имели доход больше соседей-коммунистов или бедняков-активистов, вторых – за применение узаконенного наемного труда, третьих – за имеющиеся в хозяйствах риги, кузницы, мельницы, маслобойни и другие «мелкие промышленные предприятия», четвертых – за то, что имели много скота или земли. Эти обстоятельства для многих земледельцев-ремесленников стали трагическими, их при коллективизации выслали из родных мест в Сибирь, Казахстан, на Урал и Север, а все нажитое имущество отобрали.

Работа со льном

Лен был одной из основных культур, которая давала достаток и прибыль крестьянской семье. Если крестьянское хозяйство терпело убытки от остальных культур земледелия, то один лен не только перекрывал эти убытки, но и давал прибыль.

У деревенских жителей северных уездов Тверской губернии, к которым относился Бежецкий уезд, была особая любовь, и уважение ко льну, который одевал и кормил их. Они носили льняные рубахи, штаны, сарафаны, на столах были льняные скатерти, на окнах льняные занавески, на кроватях – льняные наволочки и подвески, утирались льняными полотенцами с вышитыми концами. Из льна делали и до сих пор изготавливают вату и бинты, которые исключают заражения больных.

Изделия из льна, убранного и обработанного вручную, отличались мягкостью, свежестью, прочностью, долговечностью и красотой. Они смогли выдержать конкуренцию со стороны английской шерсти, азиатского хлопка, первых синтетических материалов.

Но лен требует напряженного труда и большого терпения. В мае его чаще всего сеяли ручным способом из лукошка, так как сеялок во времена НЭПа было мало. В июне руками пололи сорняки, в августе лен теребили, связывали в снопы, которые ставили в суслоны. Крестьяне знали, что лен надо вытеребить быстро, не дольше 12 дней, чтобы в нем не было основного сорняка – колючего пырея, уколы которого крестьянки и подростки при тереблении испытывали на себе. Ручное теребление льна обеспечивало высокое качество, как льноволокна, так и семян, в которых сорняков не наблюдалось.

Потом снопы льна отвозили с поля на гумно, там их молотили и провеивали семена. Льносолому снова отвозили в поле, расстилали под августовские росы, а через месяц поднимали отлежавшуюся тресту. Тресту привозили на гумно или в ригу, там ее мяли, трепали, очищали от костры до получения льноволокна.

Из льноволокна долгими зимними вечерами бабы и девки пряли на расписных прялках нити, из которых потом ткали льняное полотно. Орудиями для прядения было веретено и прялка. Веретено – это гладкая тонкая палочка, суженая к верхнему концу с утолщением на нижнем конце. Длина веретена примерно 25 см, диаметр в средней части 10–12 мм. Прялку в деревне делали из хорошей ели с мощными корнями. Из корня тесали основание прялки, а из ствола саму тонкую прялку с широкой лопастью на конце. На лопасть наносили рисунок, а на основу – резьбу, на какую только был способен мастер.

В долгие зимние вечера собирались деревенские девушки с прялками в нанятой просторной избе и начинали прясть, поглядывая на других – чья же пряжа тоньше и кто больше напрял. Пряли, пока не

приходили к ним парни с гармошкой, которые рассказывали разные случаи из жизни, пели частушки, хороводились, влюблялись. В это время дома пряли льняную нить их матери и бабушки. В деревне не было ни одной женщины, которая бы, не умела прясть нить и ткать холст.

А потом начинали в деревенских избах стучать ткацкие станки до самой весны. Весной расстилали холсты на мартовский снежный наст, от солнца и морозов холст отбеливался. Из него начинали кроить и шить рубахи, сарафаны, занавески, полотенца и другие изделия. Обязательным элементом для карельского мужского и женского костюма был пояс, их делали в достаточном количестве. Карелы считали большим грехом и неприличием ходить без пояса, то есть «распоясаться».

Домашнее ткачество в наших карельских деревнях сохранялось до конца 1950-х годов. Ткали только изо льна, из шерсти не ткали, шерстяные нити использовались для вязания рукавиц, носков, свитеров, безрукавок и других теплых изделий.

Одну необходимую часть льняных семян откладывали на посев, а из оставшихся семян били льняное масло. В деревнях обычно применяли самые простые маслобойки. В толстой липовой или осиновой чурке насквозь выдалбливали прямоугольное отверстие в виде усеченного конуса, сужением вниз. Между двумя плоскими клиньями закладывали холщевый мешочек с льносеменем. Маслобойку устанавливали надежно на двух деревянных плашках, снизу под отверстие подставляли деревянную плоску или алюминиевую миску. Сверху по клинью били большим молотком или кувалдой, масло вытекало в плоску. Назначение более производительных маслобоен и крупорешек выполняли ветряные мельницы.

Плотники и столяры

В карельских деревнях Бежецкого уезда основным видом ремесел была работа с деревом, из которого строили дома, хозяйственные постройки, мебель, одры, телеги, сани, другие транспортные средства, посуду и многое другое. Основными инструментами у плотника и столяра были топор, пила и стамеска с молотком. Топорище изготовляли из сухой березовой плашки с помощью другого топора, ножа и осколка стекла, которым шлифовали топорище. У каждого плотника было до

десятка топоров, один из которых – любимый, именно с ним он ходил на строительство домов и построек. Были топоры с кривым топоричем для тесания бревен внутри избы после строительства дома.

Технология строительства деревенского дома для плотника-специалиста была несложной. Сначала ошкуривали бревна с помощью двуручного струга. Оструганные им бревна заваливали корьем и оставляли сушиться до готовности, чтобы потом от солнца и влаги не появились на бревнах трещины. Деревенский дом, двор, сарай или ригу обычно строила плотницкая бригада из 4–5 плотников, больше не было нужно, чтобы не мешали друг другу. В наших карельских деревнях дома рубили «в угол», вырубая чаши по форме круглого бревна, а не «в лапу», как это делали в других местах. Между бревнами клали боровой мох, собранный в сухом бору, но не на болоте.

В нашей местности дерева было в избытке разных видов: ель, береза, ольха, осина, черемуха, можжевельник. Все виды этих деревьев легко поддаются обработке. Из одних деревьев строят дома и хозяйственные постройки, из других делают мебель, транспортные средства, бочки, посуду и многое другое. Войдя в любую деревенскую избу, можно определить мастерство хозяина, у каждого мастера были свои приемы и свой почерк.

В избе умелого столяра лавки, столы, шкафы, полки, сундуки, табуретки, стулья и другая мебель была изготовлена своими руками. Хозяин дома сам делал ложки, миски, доски для разделки мяса и рыбы, рукоятки для хватов и сельскохозяйственного инвентаря.

Кузнецы

Во многих деревнях были свои кузницы, без них крестьянину никуда. Кузница обычно стояла при въезде в деревню, на некотором расстоянии от домов. Сруб ее строили из дерева, пол был земляным. Ремесло кузнеца было обычно семейным и передавалось из поколения в поколение. Попасть в ученики к кузнецу в деревне считалось удачей, так как это ремесло могло прокормить семью во все времена.

В послевоенном детстве я еще мог заходить в последние деревенские кузницы, в которых пахло дровами, углем и каленым железом. Перед началом работы большой и сильный кузнец раскладывал по местам инструменты, железные заготовки и готовые изделия. Потом

он дровами разжигал горн, помощник начинал вверх-вниз двигать рукоятку мехов, подавая в горн воздух, а кузнец подкладывал туда древесный или каменный уголь. Стол горна выкладывался из огнеупорного кирпича, а боковые стены его и дымоход – из простого красного кирпича.

В раскаленный уголь кузнец клал железные заготовки большими щипцами, потом вытаскивал раскаленную докрасна заготовку, клал ее на большую наковальню, и начинался перестук большого молота кузнеца с маленьким молотком помощника. Помощник у кузнеца мог быть постоянным, им же мог быть сам заказчик или его сын.

Наковальня стояла на большом дубовом пне, сверху она была плоской, с одной стороны ее торчал рог, а с другой стороны – хвост, с двумя отверстиями: круглым и квадратным. И рог, и хвост нужны для сгибания заготовок и придания им нужной формы. Готовое изделие окуналось в бак с водой, оттуда поднималось облако пара, так его закаливали, чтобы изделие было твердым и крепким.

Без кузнеца в деревне в то время нельзя было обойтись, по любой мелочи обращались к нему. Он мастерил самодельные гвозди из твердой проволоки, дверные петли из металлических пластин, зубья борон, сошники, подковы для лошадей и многое другое.

Скорняки, сапожники и валяльщики

Выделка кож и пошив кожаной обуви были распространены в нэповской деревне и еще долго после ликвидации НЭПа. Кожа из шкур животных нужна была не только для обуви, но и для лошадиной сбруи. Ею обтягивали хомуты и седла, изготавливали уздечки, вожжи и ремни. Для сырья скорняки и сапожники использовали шкуры лошадей, крупного рогатого скота, овец и свиней. Из овчин портные шили в основном шубы, полушубки и тулупы.

Скорняки выделывали меха и кожи известными им способами. Шкуры сначала замачивали, затем разными способами очищали их от мездры и волоса и дубили дубильными веществами – корой дуба, ольхи или ивы. Кроме дубильной кожи мастера своими способами изготавливали сыромятную кожу.

Выделывать кожи умели и сапожники, которые шили из них сапоги – кирзовые из свиной кожи или хромовые из мягкой телячьей кожи.

Инструментами у сапожника были сапожные ножи, кривые круглые и ромбовидные шилья, набор деревянных березовых или липовых колодок, сапожные деревянные гвозди, пробойники и нитки. Технология изготовления обуви была непростой, сапожники передавали ее в семье из поколения в поколение.

На подошвы они оставляли самые толстые участки выделанной кожи, их прибивали к сшитым сапогам заостренными деревянными гвоздиками из березового гонта. Для этого сапожник шилом проделывал отверстие в подошве, вставлял в него конусный деревянный гвоздик и забивал его в сапог, натянутый на колодку. Острые концы гвоздя об колодку сплющивались и не ранили ноги, деревянные гвозди служили долго, не боясь влаги.

Кроме сапожников в деревне очень ценился труд мастера-валяльщика или каталья, так как таких мастеров было немного. Они передавали секреты своего мастерства из поколения в поколение, не допуская к нему посторонних глаз. Валяльщики из овечьей шерсти в бане катали валенки. Сначала каталь струной из бараньих кишок разбивал свалявшуюся овечью шерсть, иногда шерсть разбивали отдельные специалисты-шерстобиты. Разбитую пушистую шерсть каталь раскладывал на холстину, мочил ее водой, сминая руками, потом на нее клал прокладку в виде буквы «Г» и соединял края.

Этот будущий валенок каталь варил в банном котле, вынув его, бил колотушкой и валял, разминая изо всех сил. Вытаскивал прокладку, натягивал заготовку на колодку и снова варил ее в котле с водой. Вынув, снова бил заготовку, мял, катал и очищал пемзой, высушенный валенок был готов. Валенки во время НЭПа могли иметь не все члены крестьянской семьи, стоили они дорого, кроме двух килограмм шерсти за одну пару, каталь брал с заказчика деньгами за работу. Валенки служили долго, подшивали стертые задники и подошвы, и передавали их по наследству.

Бондари

Без бондаря в деревне было не обойтись, так как почти все емкости изготавливались из дерева. Работа бондаря отличалась высоким профессиональным мастерством, терпением и тщательностью, чтобы изготовленные им изделия не протекали. Бондарь делал бочки и шай-

ки от 50 до 200 литров, в которые солили огурцы и грибы, устанавливали на улицах для дождевой воды. Кроме них мастера изготавливали много ведер по 10–12 литров емкостью, пивные и квасные жбаны на 1–3 литра, ушаты на 2–6 литров, лоханки разных размеров от 6 до 25 литров емкостью.

Для изготовления всех этих изделий бондарь из толстого елового или соснового кряжа, разделанного на 8 частей, раскалывал по годичным кольцам тонкие доски. Тщательно обрабатывал их, внизу вырезал прорези для днища и стягивал можжевельными обручами. Свой опыт бондарь передавал детям, его мастерство передавалось из поколения в поколение.

Плетение из лозы, бересты и лыка

В нашей местности из ивовых прутьев плели корзинки разных размеров и большие круглые корзины для сбора картофеля. Также продолговатые низкие корзины для хранения лука на русской печке, и мерды (верши) для ловли рыбы в весенний период. Заготавливали ивовые прутья в конце марта – начале апреля, когда до низменных болотных мест, где растет ива, можно было добраться по твердому насту. Ивовые прутья отмачивали 1–2 дня в деревянных корытах с водой или в пруде, и приступали к плетению изделий. Корзинки с крышкой плели также из тонких можжевельных корней.

В крестьянском обиходе было много изделий из бересты. Легкие короба у коробейников, берестяные футляры на поясе каждого косца для точильного бруса и другие изделия плели из бересты. Наиболее распространенным видом берестяной посуды был цилиндрический туюс с крышкой, в котором обычно дети носили в поле косцам и жнецам квас или молоко.

Из бересты плели большие берестяные короба, в которых хранили молоко, сметану, творог, ягоды. Эти короба были для деревенских жителей своего рода термосами, в которых продукты хранились дольше, чем на полках или в посудных шкафах. Надо помнить, что никаких холодильников тогда не было.

Самый древний вид крестьянской обуви – лапти, тоже плели не только из лыка, но и бересты. Бересту для плетения заготавливали весной, когда начиналось сокодвижение.

Из лыка чаще всего в деревне плели лапти, плести их умели почти в каждом крестьянском доме. Плетение лаптей считалось легким делом, им занимались в свободное от других работ время. На пьяного человека, который не был способен что-то делать или ходить, говорили, что он «лыка не вяжет».

Липовое лыко драли весной, пока не распустились листья. Наши предки умели дерево «не обдирать, как липку», а расчетливо сдирать с него часть лыка, чтобы дерево не погубить. Во времена НЭПа лапти стали символом нищеты, бедности и отсталости, к 1930 году они почти полностью вышли домашнего деревенского обихода.

Мельницы

С хозяев ветряных мельниц во времена НЭПа государство брало гарнцевый сбор за помол муки, который составлял 1–2 кг за перемол одного пуда или 16 кг зерна.

На все 13 карельских деревень Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии было всего две ветряные мельницы, в Акинихе и Душкове, при ветряной погоде к ним выстраивались очереди. Крылья ветряной мельницы вращались от потоков воздуха, к ним крепился горизонтальный вал с передаточным колесом. Оно передавало движение на вертикальный вал, который крепился к верхнему каменному жернову. Принцип работы жерновов такой же, как и в ручной мельнице.

В то же время, почти в каждом карельском доме были ручные мельницы – жернова. Жернова устанавливали обычно в сенях или кладовке, на массивном столе крепили нижний круглый камень-жернов диаметром с полметра. В его середине было отверстие для деревянной оси, на которую устанавливали верхний камень-жернов. В середине верхнего жернова также было отверстие, в которое засыпали зерно. Его плотно обхватывал деревянный обруч с деревянной скобой. В скобу вставляли шест длиной в 2,5 метра, верхний конец которого входил в отверстие бруса, как раз над центром жернова. Брус из толстой доски прибывали к балкам сеней.

На столе с жернова делали деревянный короб с лотком, к которому крепили мешок для муки. Правой рукой с помощью шеста вращали верхний жернов, а левой – подсыпали зерно в его отверстие. Со временем муку с короба через лоток ссыпали в мешок.

Я в детстве еще имел возможность крутить жернова и помогать матери молоть муку, их сняли у нас в 1967 году, когда ежемесячно начали платить деньги, а в сельский магазин завозить хлеб.

Дегтярный промысел

Распространенным был дегтярный промысел, которые карельские переселенцы принесли с собой с Карельского перешейка и Приладожья. Тогда в избытке было сырье для него – сосновые пни и береста. Этим промыслом занимались карелы осенью, закончив полевые работы.

В яму закладывались сосновые пни с берестой, сверху яма накрывалась дерном. Яма соединялась с соседней ямой глиняным желобом. Под воздействием малого огня при незначительном доступе воздуха из сырья выгонялся деготь и оседал на дно ямы. Оттуда по желобу деготь стекал в соседнюю яму, где под него подставляли тару.

Потом этот метод заменил более современным – металлическими котлами и казанами. Путем перегонки дегтя и смолы получали другие ценные продукты: скипидар, канифоль, вар. Деготь применялся для смазки осей колес на телегах, одрах и дрогах, для смазки замков и сапог. Им промазывали нижние венцы деревянных срубов от гниения. С помощью дегтя выделявали юфть – кожу для изготовления обуви [109].

Наемные работники

*Крестьяне-промышленники
принадлежат к исправным
земледельцам, а нанятые ими рабочие
относятся к разоренным крестьянам.*
В.И. Ленин

Кроме бедняков, советская власть в деревне делала опору на наемных работников, называя их «сельским пролетариатом», тем самым отделяя их от крестьян-земледельцев. При анализе отчетов советских и партийных органов, можно сделать вывод, что по Бежецкому уезду

Тверской губернии их число было незначительным. В 1926 году их количество определялось в пределах 3% к общему числу работоспособных крестьян, в 1927 году – 1,7%, в 1928 году – 1,4% к общему числу крестьян уезда.

Можно сравнить жизнь в деревне наемных крестьян Бежецкого уезда Тверской губернии во времена расцвета НЭПа в 1927 году с до-революционной жизнью этой категории людей. Тогда экономисты и статистики сравнивали экономику с 1913 годом, так как во время НЭПа и после него в СССР развитие экономики проводили под лозунгом: «Превзойдем уровень 1913 года!»

В 1913 году действовали следующие расценки на проведение работ наемными работниками:

1. Работник с лошадей во время весенней вспашки, будучи на своих харчах – 65,7 руб., на хозяйских харчах – 48 рублей в месяц.
2. Рабочему пешему во время сева, будучи на своих харчах – 34,8 руб., на хозяйских харчах – 27 рублей в месяц.
3. Работник пеший во время сенокоса, будучи на своих харчах, зарабатывал в среднем 24,6 руб., на хозяйских харчах – 17,1 рубля.
4. Работница во время жатвы, находясь на своих харчах, зарабатывала 30 рублей в месяц, на хозяйских харчах – 23,1 рубля.
5. Работник, нанятый на весь летний сезон с апреля по ноябрь, и находившийся на хозяйском содержании, получал за все время работы в среднем 77,5 рубля, а работница за это время получала 46,25 рубля.

На рынках северо-восточных городов Тверской губернии – Бежецке, Весьегонске, Красному Холму были следующие цены:

1. Один центнер ржи тогда стоил 6,56 рубля, овса – 5,63 рубля.
2. Русское топленое масло – 17 коп. за фунт или 6 рублей за пуд.
3. Белый сушеный гриб – 40 коп. за фунт или 14 рублей за пуд.
4. Клюква мороженая – 15 коп. за фунт или 5 руб. 28 коп. за пуд.
5. Мед в бортиках – 10 коп. за фунт или 5 руб. 28 коп. за пуд.
6. Рябчик, тетерев и куропатка – по 10 коп. за штуку.
7. Заяц вместе со шкурой – 25 коп. за штуку.
8. Кожа конная – 2 руб. 50 коп. за штуку, кожа телячья – 30 коп. за штуку.
9. Севрюга астраханская – 12 коп. за фунт или 4 руб. 22 коп. за пуд.

10. Осетрина – 20 коп. за фунт или 7 рублей за пуд.
11. Сазан-маломер и сельдь астраханская – 3 коп. за штуку.
12. Икра паюсная – 60 коп. за фунт или 21 руб. 12 коп. за пуд.
13. Пара кожаных сапог – 3 руб. 50 копеек.
14. Лошадь – 50–80 рублей [110].

Таким образом, дореволюционный наемный работник с лошастью во время одной весенней вспашки мог заработать деньги на покупку одной лошади. Чтобы полностью обеспечить семью из 6 едоков по норме 15 пудов на едока в полном объеме покупным хлебом, не имея своего, дореволюционный наемный крестьянин должен был пахать на своей лошади два месяца во время весенней вспашки и один месяц во время осенней вспашки. Но не целый год работать, как было во времена НЭПа.

Стоимость хлеба на семью из 6 едоков в 1913 году была равна: 90 пудов или 14,4 центнеров при цене 6,56 рубля за центнер = 94,46 рубля.

Зарплата на вспашке в месяц 32,85 рубля × 3 мес. = 98 руб. 55 коп.

До Октябрьской революции 1917 года на месячный заработок на сенокосе наемный деревенский работник мог купить 5,3 центнера ржи или 6,18 центнера овса, то есть *в 4–5 раз больше, чем во время НЭПа*. Кроме хлеба и картофеля, как это было при НЭПе, наемный крестьянин до Октябрьской революции 1917 года мог покупать на заработанные деньги для своего питания мясо, рыбу, масло и другие необходимые продукты.

В 1927–1928 годах, во время расцвета НЭПа, действовали следующие расценки на проведение работ с указанием числа наемных работающих по Бежецкому уезду:

- на полевых и других сельскохозяйственных работах 1960 наемных работников при среднем заработке 11 руб. 24 коп. в месяц;
- наемных рабочих мелких сельских промышленных предприятий – 121 человек при средней месячной зарплате 15 руб. 14 копеек;
- наемных нянь – 3335 человек при средней зарплате 5 рублей в месяц;
- пастухов и прочих наемных работников – 173 человека при средней зарплате 15 руб. 94 копейки в месяц;
- в 1928 году число наемных работников в сельской местности по уезду сократилось до 5274 человек, средняя месячная зарплата взрослого мужчины составляла 19 руб. 40 копеек в месяц, а женщины – 10 руб. 27 копеек в месяц [111].

При этом один центнер ржи на базаре в Бежецке, в зависимости от времени года, стоил от 8,5 до 20 рублей;

- один центнер овса – от 8 до 14 рублей;
- одна лошадь крестьянская среднего качества на базаре в Бежецке в 1927–1928 годах стоила от 150 до 180 рублей;
- одна дойная корова – от 130 до 140 рублей, овца – 13–15 рублей [112].

Всего по состоянию на средину августа 1927 года по Бежецкому уезду насчитывалось 84775 крестьянских хозяйств и всего 5589 наемных работника в единоличных крестьянских хозяйствах. Это составляло 6,6% от всех крестьянских хозяйств, с учетом даже нетрудоспособных членов семей. Если учитывать, что во многих хозяйствах было по 2 работника и более, то процент крестьянских хозяйств, в которых трудились наемные работники, по уезду составлял менее 3%. Эти хозяйства, в которых работали наемные работники, можно отнести к зажиточным, а хозяев – к деревенским нэпманам.

Процент же самих наемных работников числом 5,6 тысяч человек по Бежецкому уезду к общему числу проживавших крестьян 388,3 тысячи человек, в 1927 году составлял 1,4%, а по отношению ко всем трудоспособным крестьянам уезда – 3%.

Чтобы купить лошадь по самой низкой цене, наемному крестьянину во время НЭПа нужно было отработать на сельскохозяйственных работах не 2 месяца, как это было в 1913 году, а 14 месяцев.

Наемный крестьянин во время НЭПа должен был отработать почти целый год, чтобы закупить хлеб по минимальной цене для своей семьи из 6 едоков при годовой норме по 15 пудов на едока:

Стоимость хлеба равна: 14,4 центнеров при цене 8 руб. 50 коп. = 122 руб. 40 копеек.

Эту сумму он мог заработать: 122,4 руб. : 11 руб. 24 копеек за работу в месяц = 10,9 месяцев.

На свой месячный заработок мужчина, будучи наемным работником, в 1927–1928 годах мог купить 1–1,5 центнера ржи или 2 центнера овса, женщина – 0,5–1 центнер ржи или овса.

С учетом действовавших тогда цен, на одного едока минимальные месячные потребности в питании в 1927 году составляли:

- хлебные продукты на 2 руб. 67 копеек;
- овощи на 81 копейку;

- мясные продукты на 2 руб. 77 копеек;
- селедка и другие рыбные продукты на 28 копеек;
- молочные продукты на 1 руб. 32 копейки;
- масло, яйца и сахар на 1 руб. 22 копейки;
- соль и чай на 25 копеек;
- табак и спички на 25 копеек [113].

Таким образом, минимальный расход на питание одного едока в семье, без учета фруктов, конфет, водки и вина составлял в 1927 году 9 рублей 57 копеек, то есть две месячных зарплаты одной няни или вся месячная зарплата одной взрослой женщины на наемных работах. Но в каждой семье было по 4–6 едоков, им нужно было продуктов на 40–60 рублей по тем деньгам. Кроме того, нужна была одежда и обувь. Нянями обычно работали девочки-подростки 10–13 лет из бедных семей, до перевода их на работу в поле наравне с взрослыми членами семьи.

Но перечисленные выше данные – это не показатель реальной жизни крестьян, так как процент наемных работников по Бежецкому уезду был сравнительно низок, в пределах 2–3% трудоспособного населения, а их семьи не порывали со своими хозяйствами.

В связи с низкими зарплатами по найму и высокими ценами на продукты питания, все крестьянские хозяйства, за очень редким исключением, питались продуктами со своих полевых наделов, огорода и своего двора, в том числе и наемные работники, которые, как правило, были сезонными, а не постоянными. Это были не одиночки, а семейные люди, где другие члены семьи занимались сельским хозяйством и направляли детей или жен на подработку к ремесленникам или более зажиточным односельчанам.

Сельскохозяйственная кооперация

*Все виды единоличного земледелия
проходящие и отживающие.*

Из декрета Совнаркома
от 13 февраля 1919 года

Все виды кооперации в Советском государстве после Октябрьской революции 1917 года формировалась преимущественно в сельской местности. Возникшие в 1918 году первые сельскохозяйственные кооперативы до 1922 года входили в систему потребительской кооперации, потом стали самостоятельным ее видом.

Первые сельскохозяйственные кооперативы, в виде коммун, в Бежецком уезде Тверской губернии возникли в 1918 году на базе бывших помещичьих усадеб, которых в уезде до революции 1917 года насчитывалось 239. После революции многие дворяне погибли в годы Гражданской войны и объявленного большевиками «красного террора», другие эмигрировали за границу. Оставшиеся по каким-то причинам дворянские семьи разместили в отведенных небольших комнатах в их же бывших имениях.

Сразу же после революции у помещиков отобрали все жилые и нежилые постройки, рабочий и другой скот, сельскохозяйственные машины и орудия, семена и всю домашнюю утварь. Где крестьяне не успели разграбить помещичьи имения и растащить все по домам, их хозяйства перешли сельскохозяйственным коммунам. В коммуны вступали представители самой бедной части деревни, не желавшие или не умеющие вести свое индивидуальное сельское хозяйство, а также осевшие в деревнях бывшие рабочие, прибывшие из городов.

Коммунары обобществляли свой скот и сельскохозяйственный инвентарь, если их имели. Распределение доходов было не по участию в труде, а по едокам. Члены коммун не имели своего личного подсобного хозяйства. Кроме помещичьей земли, жилых и нежилых построек, скота и инвентаря, коммунары получали от государства семена, муку, другие продукты, освобождались от налогов.

В декрете Совнаркома РСФСР от 13 февраля 1919 года говорилось, что необходим переход от единоличных форм пользования земли к товарищеским формам, поэтому на все виды единоличного земледелия следует смотреть, как на проходящие и отживающие

виды хозяйствования. Создаваемым на месте бывших частновладельческих, монастырских и церковных хозяйств коммуна передавались здания, скот, сельскохозяйственные машины и инвентарь бывших хозяев.

Наемный труд в коммуне воспрещался, но на время запашки, посева, жатвы и других спешных работ коммунары могли привлекать в качестве временных работников лиц, не состоящих членами коммуны. Временные работники могли участвовать в решении дел в коммуне с правом совещательного голоса.

Каждая коммуна была обязана вести культурно-просветительскую работу в соседних деревнях, всеми мерами поддерживать бедноту в ее борьбе против кулаков. Коммуна могла добровольно в любое время прекратить свое существование и ликвидировать дела по решению общего собрания коммунаров [114].

В 1920 году в бывшем имении Гумилевых-Львовых в деревне Слепнево была образована **Синьковская коммуна**, в основном, жителями деревни Синьково Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда. Карельская деревня Синьково была образована во время Столыпинской реформы в 1911–1913 годах из 5 семей жителей деревни Поцеп.

В 1920 году в Синьковской коммуне насчитывалось 16 трудоспособных едоков и 15 нетрудоспособных едоков, 118 десятин земли. Коммуна имела 3 лошади, 4 коровы, из сельскохозяйственного инвентаря – 3 плуга и 3 бороны. Кроме жителей деревни Синьково, в коммуне трудились крестьяне карельских деревень Акиниха и Поцеп, а также русской деревни Слепнево. Председателем коммуны был назначен житель деревни Акиниха Василий Федорович Румянцев.

В справке Тверского губернского комитета партии указано, что коммуна находилась в Корельской волости Бежецкого уезда, хотя такой волости не существовало. Карельские деревни, в том числе, Акиниха, Поцеп и Синьково, в то время относились к Сабуровской волости Бежецкого уезда, а русская деревня Слепнево, где располагалась Синьковская коммуна, тогда относилась к Новской волости Бежецкого уезда [115].

К 1927 году деревня Синьково полностью распалась, так как оставшиеся там жители вернулись в Поцеп, откуда они ранее вышли. Коммуна в Слепневе была до 1929 года, пока ее не преобразовали в сельскохозяйственную артель, а в начале 1931 года во всех деревнях

создали колхозы. Среди коммунаров была Анна Ивановна Круглова, которая позднее, в годы Великой Отечественной войны, держала в деревне Поцеп колхоз «За Новый Быт», будучи его председателем.

С введением НЭПа в 1921 году коммуны и другие коллективные хозяйства были менее всего приспособлены к новым условиям хозяйствования. Они объясняли свою неприспособленность к хозяйствованию уходом значительной части коммунаров в города, ослаблением внимания к ним со стороны советской власти, предоставления возможности самим решать свои организационно-хозяйственные задачи. Поэтому с введением НЭП число коммун и других коллективных хозяйств стало сильно сокращаться [116].

О кооперировании крестьянства, как самой важной экономической задаче Советского государства было заявлено в апреле 1923 года на XII съезде РКП(б). Кооперацию в сельском хозяйстве не надо путать с потребительской кооперацией на селе.

ЦИК и Совнарком СССР 22 августа 1924 года приняли постановление о сельскохозяйственной кооперации. Гражданам, занимающимся сельским хозяйством вновь предоставлялось право образовывать кооперативные объединения – товарищества по совместной обработке земли, артели и коммуны. Наименьшее число членов сельскохозяйственного кооперативного объединения не могло быть менее 5 человек.

Проев все доставшееся им от помещиков и помощи государства, к 1924 году члены многих коммун переоформили свои уставы на кооперативные товарищества по совместной обработке земли и стали вновь просить помощи у государства. Им давали семена, рабочий и молочный скот, орудия производства, но, чаще всего, не впрок. Многие товарищества не развивались, а постепенно приходили в упадок, пока бывшие коммунары не начинали каждый работать на себя, как индивидуальные крестьянские хозяйства.

Коммуна «Красный Октябрь» в Подобине. К декабрю 1927 года в Бежецкой волости Бежецкого уезда насчитывалось 8 сельскохозяйственных и 5 потребительских кооперативов. В декабре 1927 года жителя деревни Горка Бежецкой волости Бежецкого уезда коммуниста, секретаря Бокаревской партийной ячейки кустаря-сапожника Петра Ивановича Ракитина назначили председателем сельскохозяйственной коммуны, созданной на базе бывшего помещичьего имения Неведом-

ских в Подобине, которую назвали сначала «Подобино», а с 1928 года – коммуной «Красный Октябрь».

На собрании коммунистов Бежецкой волости в декабре 1927 года был заслушан отчет секретаря Бокаревской партийной ячейки П.И. Ракитина о своей работе. Акцент был направлен на популяризацию среди местного населения сельскохозяйственного кооператива «Подобино» (позднее названного коммуной «Красный Октябрь». – А.Г.), оказав ему всемерное содействие в объединении и организации. На том собрании секретарь Бокаревской партийной ячейки П.И. Ракитин был назначен председателем сельскохозяйственного кооператива «Подобино», секретарем партийной ячейки вместо него избрали В.Н. Русакова из деревни Гостиница [117].

После образования в июне 1929 года Сонковского района П.И. Ракитина назначили заведующим районным земельным отделом. Но уже в октябре того года в Сонковский районный женский отдел пошло письмо его жены В.Н. Ракитиной от имени женщин коммуны «Красный Октябрь». Она писала, что женщины недовольны руководством коммуной со стороны нового председателя Нежкина. Упала производительность труда, председатель проявляет бесхозяйственность и зажим критики.

На заседании Сонковского райкома партии от 19 октября того же года слушали вопрос о необходимости возврата П.И. Ракитина обратно в коммуну «Красный Октябрь» в Подобине для работы в ней. Приняли решение оставить вопрос открытым, поручить Ракитину за 2 недели подготовить отчет об итогах осенней кампании 1929 года и план подготовки к весеннему севу 1930 года в районе.

На заседании пленума Сонковского райкома партии 6 декабря 1929 года решили освободить П.И. Ракитина от работы заведующим районным земельным отделом, и отпустить обратно в коммуну «Красный Октябрь» на председателя Горского колхозного куста [118].

Коммуна «Красный Октябрь» в деревне Подобино Горского сельсовета Бежецкого уезда Тверской губернии, а с 1929 года – Сонковского района Московской области просуществовала около 4 лет с 1927 по февраль 1931 года, когда она была преобразована в колхоз.

Кооперативное товарищество им. Урицкого. Коммуна имени Урицкого на территории Сулежской волости Бежецкого уезда была образована в 1919 году на базе помещичьего имения Мышенковой с указанием адреса – станция Толстикovo. В 1920 году в коммуне было 42 трудоспособных едока и 45 нетрудоспособных едоков, 220 десятин

земли. В коммуне имелось 4 лошади, 8 коров, 1 теленок, 1 овца, из сельскохозяйственного инвентаря – 4 плуга и 4 бороны [119].

С ноября 1923 года коммуна им. Урицкого была преобразована в кооперативное товарищество. Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) были в основном созданы после принятия в 1924 году Положения о них, они, чаще всего, возникли в тех же бывших помещичьих имениях вместо существовавших коммун. Орудия, средства производства и скот, принадлежавшие крестьянам, в ТОЗах не обобществлялись. В единый массив объединялись лишь их земельные наделы, покосы и выгоны.

Члены ТОЗа вели совместную обработку земли, во время которой каждый из них предоставлял свой инвентарь, сельскохозяйственные машины, лошадей и транспортные средства. В конце хозяйственного года, владелец средств получал долю дохода, в зависимости не только от количества вложенного им труда, но и от предоставленных им в товарищество средств производства.

22 мая 1925 года на собрании коммунистов Сулежской ячейки был заслушан доклад о состоянии сельскохозяйственного товарищества им. Урицкого его председателя М.Ф. Ульянова. Он сообщил, что собственные средства у товарищества отсутствовали, единственным источником незначительной прибыли являлось молочное производство, без которого товарищество не могло бы существовать. Производственный союз, которому сдали 800 пудов льноволокна, выдал незначительный кредит [120].

Вопрос о сельскохозяйственной кооперации в Сулежской волости был рассмотрен на совещании кооператоров 29 июня 1925 года. Говорилось, что в деревне наряду с потребительской кооперацией необходимо развивать сельскохозяйственную кооперацию. К этому вопросу подойти осторожно, изучить опыт районов (сельсоветов), где имеются кооперативные товарищества, коммуны и другие виды сельскохозяйственной кооперации [121].

На территории Сулежской волости действовали тогда два кооперативных товарищества: имени Урицкого и Сулежское товарищество. Оба работали очень слабо, поэтому Сулежский волостной комитет партии летом 1925 года снял с работы членов правления товарищества им. Урицкого Дмитриева и Ульянова, как не справившихся с работой. Оставил члена правления Семена Бойцова и направил членом правления члена РКП(б) С.А. Андреева, а третьего члена предложили избрать от беспартийного крестьянства.

Также были сняты с должностей все члены правления Сулежского кооперативного товарищества, введен туда кандидат в члены РКП(б) А. Печенов, а остальных рекомендовали выбрать на месте [122].

10 марта 1926 года инструктор по кооперации Бежецкого уездного комитета партии Зайцев провел обследование кооперативного товарищества им. Урицкого. В акте обследования он указал, что коммуна им. Урицкого возникла в 1919 году на земле бывшего имения помещицы Мышенковой, получила в свое пользование хозяйство с постройками, скотом и засеянными полями. Коммуна существовала до 23 ноября 1923 года, после чего перешла на устав кооперативного сельскохозяйственного товарищества, а фактически самоликвидировалась.

То обстоятельство, что бывшую коммуну продолжают считать коммуной или сельскохозяйственным товариществом, по заявлению инструктора Зайцева, не соответствует действительному положению вещей. Фактически она стала выселком самого обыкновенного типа. «К моменту обследования коммуна состояла из 10 семей, 54 человека. Все они бывшие крестьяне из окрестных деревень, порвавшие с ними всякую связь. Из коммунаров С.А. Андреев – председатель Сулежского волисполкома, М.Ф. Ульянов – председатель кооперативного товарищества.

Все бывшие члены коммуны, ни в хозяйственном, ни в бытовом отношении, нисколько друг от друга не зависят, живут и работают каждый совершенно самостоятельно.

На момент проверки в коммуне находились 11 государственных и 14 личных коров, одна государственная и 6 личных лошадей, а также 2 овцы, 6 свиней и боров-производитель. Коммуна снабжала местное население поросятами, продав за 5 месяцев 1925–1926 годов больше 100 голов.

Жители окрестных деревень относятся к коммунарам недоброжелательно, прежде всего, из-за земли. Коммунары на 54 едока имеют 53 десятины пашни, а жители деревни Малая Щетинка – 35 десятин на 66 едоков, деревни Булычево – 30,5 десятин пашни на 54 едока. После Октябрьской революции жители этих деревень и деревни Гнездово надеялись, что бывшие помещичьи земли отойдут им» – писал Зайцев в своем акте обследования.

Инструктор уездного комитета партии Зайцев предлагал государственное хозяйство, занимаемое бывшей коммуной им. Урицкого ликвидировать. «Землю передать в постоянное пользование бывшим коммунарам, наделив их по установленной трудовой норме. Излиш-

ки земли распределить и закрепить в пользование между необеспеченными землей крестьянами деревень Булычево, Гнездово и Малая Щетинка.

Постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода передать на выкуп бывшим коммунарам с рассрочкой платежа на ряд лет. Причем, провести эту передачу как можно скорее, в целях предотвращения строений от дальнейшего разрушения» [123].

Всего в начале 1927 года коллективных хозяйств в Бежецком уезде было 21, из них: 5 коммун, 4 сельскохозяйственных артели и 12 товариществ по общественной обработке земли. Количество семей, объединяемых этими коллективными хозяйствами, по уезду было всего 325 или 0,38% от всех крестьянских хозяйств уезда. На 1 октября 1927 года коллективных хозяйств осталось всего лишь 7, объединявших 144 семьи. Средний размер землепользования на одно коллективное хозяйство – 116,4 гектара; земельная обеспеченность на 1 едока – 2,17 гектара. За 1927 год было землеустроено 16 коллективных хозяйств, остальные, как вновь возникшие, находились в стадии землеустройства.

По мнению Бежецкого уездного исполкома, хозяйственные успехи колхозов характеризовались следующими данными. Посевная площадь по пяти старым колхозам увеличилась на 24,4%. Урожайность в колхозах, благодаря применению улучшенных способов обработки земли и засеву полей чистосортными семенами, значительно выше средней урожайности единоличных крестьянских хозяйств. Урожайность ржи составила 80–85 пудов с десятины (12,8–13,6 центнеров), ячмень 62–64 пуда, корнеплоды – 1300 пудов.

В деле улучшения продуктивного скота первое место занимала Бежецкая Трудовая коммуна, в которой средняя удоимость коров поднялась с 82 пуда (1312 литров) в 1924 году до 184 пудов (2944 литров) в 1927 году. Большинство колхозов имели усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь и сложные сельскохозяйственные машины. 5 колхозов имели 8 тракторов. За 1927 год колхозами было приобретено 3 трактора, 2 дисковых бороны, 3 полусложных молотилки, 3 жнейки, 2 сенокосилки, 2 конных грабель [124].

Эти данные уездный исполком считал достижениями коллективных хозяйств, хотя многие из них к концу года распались.

В 1927 году во всех коммунах и сельскохозяйственных артелях, крестьян, имевшие 2–3 десятины земли, было 29,6%, имевших по

1–2 десятины земли 23,2%. Однолошадные крестьяне составляли 81,3% коммунаров и артельщиков, 9,9% их хозяйств имели по 2 лошади. Имели по одной корове 40,2% членов коллективных хозяйств, по 2 коровы – 37,1%, по 3 коровы – 13,9% хозяйств.

В 1927 году в Бежецком уезде, как и по всей Тверской губернии, снизились цены в сравнении с предыдущим 1926 годом:

- на сахар – на 22,2%;
- соль – на 26,4%;
- мыло – на 24,6%;
- ситец – на 7,7%.

Одновременно повысились цены на лен, который являлся главным сельскохозяйственным продуктом, на 17,4% [125].

На 1 ноября 1929 года по образованному недавно Бежецкому округу Московской области из 10 районов всего числилось 227 сельскохозяйственных кооперативов, в том числе: 16 коммун, 94 сельхозартели и 117 товариществ по общественной обработке земли.

В только что образованном Сонковском районе в то время было организовано 3 коммуны и 4 сельхозартели, в том числе:

- коммуны «Красный Октябрь» в Подобине, «Вперед» в Литвинове и «Пробуждение»;
- сельхозартели в Слепневе, Бокареве, Пирогове и Ильинская артель «Заря». В секретной справке Бежецкий окружной комитет партии отмечал, что в Сонковском районе бедняцкая часть деревни в ряде случаев не только по инициативе кулаков, но и по своей собственной инициативе противодействует проведению коллективизации. А члены профсоюзов в этом районе сами подчас ведут антиколхозную агитацию [126].

По-видимому, к 1 ноября 1929 года еще не определились с конкретными границами районов, поэтому Синьковскую сельскохозяйственную артель в деревне Слепнево, в которую входили жители соседних карельских деревень Акиниха и Поцеп, в отчетах относили не к Бежецкому, а к Сонковскому району.

Многочисленные первые эксперименты советской власти по созданию в деревне коммун, товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей оказались неудачными, несмотря на передачу им государством денежных кредитов, скота, семян, сельскохозяйственных орудий и оказания другой помощи.

Потребительская кооперация

Многие сельские потребительские общества при НЭПе замерли, а частники богатеют.

Д.И. Логинов

Декретом Совнаркома РСФСР от 16 марта 1919 года «О потребительских коммунах» за основу создания подобных коммун в сельской местности определили сельскую потребительскую кооперацию. Каждый гражданин данной местности, согласно Декрету, был обязан стать членом потребительской коммуны. К коммунам переходили все изъятые у бывших владельцев и ставшие советскими кооперативные лавки, магазины, склады, распределительные пункты, без какого-либо изъятия. Права в области заготовок также переходили к потребительским коммунам и их союзам. С целью контроля над их работой в правление коммуны вводились по одному представителю от губернского или уездного продовольственного комитета [127].

По мнению руководителей страны, именно потребительская кооперация должна была стать основой распределения продуктов и товаров в новом советском обществе. 27 января 1920 года вышел декрет Совнаркома РСФСР «Об объединении всех видов кооперативных организаций». Но подобный эксперимент не дал положительных результатов. Действия советских руководителей противоречили основным принципам кооперативного движения. Добровольное вступление в кооперативы заменялось обязательным членством, одному виду кооперации были подчинены все другие виды кооперативов.

Возрождение кооперативов началось со времени провозглашения новой экономической политики (НЭПа). 7 апреля 1921 года Совнарком РСФСР принял декрет «О потребительской кооперации», по которому все граждане данной местности включались в единое потребительское общество. Вернулись к добровольному членству в кооперативах, к практике вступительных взносов и паев, свободному избранию правлений кооперативов. *Одновременно ранее единая кооперация была разделена на сельскохозяйственную, промысловую, кредитную и потребительскую кооперации.*

Потребительским обществам предоставлялось право обмена и купки излишков сельскохозяйственного производства, а равно кус-

тарных и ремесленных изделий и сбыт их. Никакие предметы продовольствия и широкого потребления, предоставляемые населению государством, не могли распределяться среди населения иначе, как через потребительские общества. Единые потребительские общества объединялись в губернские союзы.

С первых дней НЭПа потребительская кооперация рассматривалась руководством Советского государства, как один из основных рычагов борьбы с частным капиталом. В своем письме от 9 мая 1921 года Центральный Комитет РКП(б) указывал всем партийным организациям, что задачей кооперации является:

- вырвать мелкого производителя из цепких лап спекулянтов;
- освободить потребителей и производителей от эксплуатации скупщиков;
- направить главный приток излишков мелкого хозяйства в руки советской власти, а не в руки возрождающегося мелкого капиталиста.

В условиях НЭПа государство активно воздействовало на потребительскую кооперацию путем регулирования закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, назначение руководящих кадров, регулирование социального состава кооперации.

На собрании уполномоченных потребительской кооперации Бежецкого уезда Тверской губернии, проведенного 26 мая 1923 года, были предоставлены некоторые сведения о заготовках сельскохозяйственной продукции. За период с 1 июня 1922 года по 1 мая 1923 года потребительская кооперация уезда, как слабо развитая, произвела заготовок некоторых видов продукции значительно меньше, чем было продано частниками на рынке:

Продукция	Общества потребителей	Частный рынок
Лен	2,2 тыс. руб.	17,6 тыс. руб.
Кудель	78 руб.	2,1 тыс. руб.
Картофель	1,8 тыс. руб.	27,9 тыс. руб.

Через общества потребителей больше всего заготавливалось от крестьян: ржи, ячменя, овса, масла сливочного, яиц, творогу и сметаны – в виде продовольственного налога.

Правления потребительских обществ объясняли недостаточность заготовок продукции, не входящей в список видов продовольственного налога, недоверием крестьян к обществам потребителей, слабостью аппаратов обществ, неспособностью их работников.

При этом цена на хлеб при закупках в потребительских обществах была на 2 рубля за пуд ниже, чем крестьянин мог продать его на рынке. Из-за низкого доверия крестьян по всему Бежецкому уезду за год было собрано аванса на покупку сахара, хлеба и мануфактуры всего 13,9 тысяч рублей. Это случилось потому, что потребительские общества при внесении аванса не называло крестьянам цены, по которым они будут им продавать товары за внесенный аванс [128].

Вел собрание 26 мая 1923 года председатель комиссии уполномоченных от потребительских обществ уезда Дмитрий Иванович Логинов, уроженец деревни Большое Заболотье Константиновской волости Бежецкого уезда. На собрании говорилось, что крестьянин не получает товары и продукты в сельских магазинах потому, что у него нет денег. Он везет на рынок в Бежецк продукты своего хозяйства, продает их, добывает себе деньги, и на них в городе покупает товары. Чтобы не посылать его в город с продуктами, надо принимать их на месте, но по настоящим рыночным ценам, а не по низким ценам.

Например, льна от крестьян закуплено совсем немного, большинство льна крестьянин увез на рынок и продал его по более высокой цене, чем предлагало потребительское общество. Крестьянин продавал лен не потребительскому обществу, а частным торговцам потому, что те большей частью ему платили деньгами, а не товарами. Нередко потребительские общества получали товары и продукты в счет уплаты за лен, которые в деревне не пользовались спросом – рис, сукно и другие. Эти товары крестьянам не были нужны, их приходилось продавать, а уже потом на вырученные деньги вести заготовки, в том числе и льна. Кроме того, в потребительских обществах на местах вообще не было специалистов, которые могли бы определить качество и сортность льна.

Одновременно потребительские общества продают свои товары по более высокой цене, чем на рынке, ассортимент товаров мал. Имелись случаи продажи обществами некачественных товаров. А частники нередко скрывали свои истинные доходы, уклонялись от уплаты уравнительного сбора. Это позволяло им продавать свои товары дешевле, чем в обществах, их брали лучше. Поэтому многие сельские потребительские общества замерли и работы не проводили, а частники богатели.

На работе потребительских обществ сильно отражается быстрое падение курса рубля, так как Тверской губернский союз потребителей отпускал товары по твердой валюте, а сельские общества торговали и отчитывались в советских знаках.

На собрании 26 мая 1923 года во многих выступлениях звучало, что основная задача потребительских обществ – это борьба с частным капиталом [129].

С 1924 года потребительская кооперация Бежецкого уезда стала увеличиваться за счет перехода с обязательного на добровольное членство пайщиков и увеличения суммы кредитов.

19 марта кооперативная комиссия при Бежецком уездном комитете ВКП(б) установила торговую наценку в пределах 5–10% к оптовой цене. При этом наценку на рожь установили 5%, на белую муку – 8%. Вел заседание комиссии ее председатель, секретарь Бежецкого уездного комитета партии Гурий Андреевич Князев, 1893 г. р., член партии с 1910 года. Членами комиссии были председатель Бежецкого уездного исполкома Алексеев Александр Георгиевич, 1888 г. р., член партии с 1917 года, и председатель правления потребкооперации Барков Павел Андреевич, 1883 г. р., член партии с 1919 года. Д.И. Логинов в то время работал председателем Тверского губернского комитета потребсоюза [130].

22 октября 1924 года состоялось первое собрание потребительских кооператоров Сулежской волости Бежецкого уезда, на нем присутствовало 18 человек от 9 кооперативных организаций, в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода тогда членов-пайщиков потребительских кооперативов еще не было. С докладом выступал председатель волисполкома Николай Фролович Бойцов, назначенный на эту должность в конце сентября, до него председателем Сулежского волисполкома работал Андреев [131].

В 1925 году на территории, заселенной карелами, была организована Карело-Кошевская торгово-заготовительная кооперация, которую возглавил уроженец и житель деревни Климантино Бокаревской (в те годы Бежецкой. – А.Г.) волости Алексей Александрович Волков, 1902 г. р., образование низшее, крестьянин, член ВКП(б) с 26 августа 1924 года [132].

Торгово-заготовительная кооперация, созданная А.А. Волковым, постепенно расширялась за счет увеличения числа членов-пайщиков, обзавелась магазином в селе Карело-Кошево и складскими помеще-

ниями. Эта кооперация тогда была примером не только в Бежецкой волости, но и других волостях Бежецкого уезда.

Случилось так, что членами-пайщиками Карело-Кошевской торгово-заготовительной кооперации были крестьяне 6 карельских деревень, входящих в Сулежскую волость, и 7 карельских деревень, входящих в Бежецкую волость. Поэтому в свои отчеты о работе этой кооперации писали как коммунисты Бокаревской партиячейки Бежецкой волости, так и партиячейка Сулежской волости.

11 января 1926 года на собрании Сулежской волостной партиячейки был рассмотрен вопрос о потребительской кооперации, указывалось, что на 1 октября в Сулежской волости насчитывалось 1050 членопайщиков потребительской кооперации, к 31 декабря 1925 года их число увеличилось до 1450 членов. Это означало, что 40% личных хозяйств волости были кооперированными [133].

9 марта 1926 года на собрании Бокаревской партиячейки, проходившем в деревне Бережки, был заслушан отчет председателя правления кооперации А.А. Волкова. Отметили, что торговые обороты растут, но среди членов-пайщиков есть должники. Постепенно увеличивался товарооборот, цены не дороже, чем на рынке в городе Бежецке. Членам-пайщикам была установлена скидка в 5% от стоимости товара.

22 августа на партсобрании Бокаревской партиячейки, где он состоял на учете, вновь заслушивали А.А. Волкова о работе кооператива. Было заявлено, что если на 1 октября 1925 года в кооперативе было 1160 рублей средств, то к августу 1926 года – 4058 рублей. Кооперировано 282 двора из имеющихся на территории кооперации 642 дворов. В 1926 году кооперация заготовила сельскохозяйственных продуктов у населения на 30,6 тысяч рублей, примерно на такую же сумму закуплено товаров. Членам-пайщикам продано товаров на 12 тысяч рублей, не членам кооперации – на 18,1 тысяч рублей. На территории кооперации, кроме 501 двора в карельских деревнях, был еще 141 двор в русских деревнях Гостиницы, Заболотье, Подобино и Слепнево.

В кооперации была установлена торговая надбавка к себестоимости товаров 12%, к закупленным товарам – 15%, валовой прибыли в 1926 году получено 5,7 тысяч рублей, чистой прибыли – 1632 рубля. А. Волков предлагал исключить скидку для членов-пайщиков, разъясняя им, что цена на товары тогда уменьшится.

На партийном собрании решили, что Карело-Кошевская торгово-заготовительная кооперация дала положительные результаты. Но при

закупке сельскохозяйственной продукции не обращалось внимание на ее качество, например, хлеб, закупался у крестьян разного сорта, но по одной цене. Волков допускал ошибки в отчетности, на что тот возразил, что ошибок не было, если даже на все 13 карельских селений он учел одного кулака, как середняка [134].

На 10 августа 1927 года на кооперирование бедноты Карело-Кошевскому торгово-заготовительному кооперативу было передано 80 рублей. Всего по Бежецкой волости отпущено средств на создание 12 подобных кооперативов.

19 ноября 1927 года коммунисты Бокаревской партячейки вновь заслушали доклад председателя правления Карело-Кошевского торгово-заготовительного кооператива А.А. Волкова за прошедший год. Тот отметил, что паевой взнос был увеличен, за год принято 50 членопайщиков из числа бедноты, но произошел упадок торговли. Он связан с сокращением одного приказчика (в нашей местности карелы называли продавцов приказчиками до начала 1980-х годов. – А.Г.), их осталось двое. За год продали товара на 49 тысяч рублей или 98% к намеченному плану. Средняя продажа составляла 160 рублей на одного покупателя, товар лежал в магазине в среднем 19 дней, что можно считать нормальным, оборот товара 12 раз за год. Расходы на содержание правления и культурно-просветительскую работу среди населения по нормативу установлены 8% от доходов, фактически по кооперативу 7,3% [135].

Председатель Карело-Кошевской торгово-заготовительной кооперации А.А. Волков был направлен для передачи опыта и организации подобной кооперации в село Градницы Новской волости Бежецкого уезда.

По Бежецкому уезду пай на одного пайщика составлял на 1 октября 1926 года – 3 руб. 45 копеек, на 1 октября 1927 года – 3 руб. 77 копеек. К концу 1927 года пайщики не выплатили более одного рубля на каждый пай. На собраниях членов-пайщиков крестьяне говорили, что частные магазины и лавки никаких паев не собирают, а товаров у них сколько угодно и чего угодно. Они разрешают смотреть на товар и его оценивать, а не дают тот, который хочет передать продавец в кооперативной лавке. У частника нет счетоводов, председателей, заведующих и сторожей, поэтому товары у них дешевле и качественнее [136].

Осенью 1930 года на общих районных собраниях представителей кооперативов было решено объединить все кооперативы, находящиеся

ся на территории районов в районное потребительское общество (райпо). В числе других было создано райпо Сонковского района Московской области, куда вошла и Карело-Кошевская торгово-заготовительная кооперация в качестве сельпо [137].

Большинство бывших торгово-заготовительных кооперативов в системе райпотребсоюзов стали сельскими потребительскими обществами (сельпо).

Опора советской власти на бедноту

*Партийным комитетам содействовать
в выдвижении маломощных крестьян
на советские посты.*

Из стенограммы XIII съезда РКП(б)

Большевики искусственно разделили крестьянство на три класса: *бедняки, середняки и кулаки*. Они считали бедняка союзником советской власти, а кулака – врагом советской власти, заявляя, что середняка надо приближать на свою сторону. Но в деревне каких-либо бытовых отличий от бедняка кулак не имел. Зажиточный крестьянин, названный «кулаком», имел более добротную избу, крепкие хозяйственные постройки, что-то из сельскохозяйственных машин и инвентарь. Он несколько лучше других односельчан одевал членов своей семьи, и она лучше питалась.

Советская власть сделала своей опорой не сильного крестьянина, а слабого – бедняка. Эксплуатация человека человеком была провозглашена государственным преступлением. Со временем многие зажиточные крестьяне хотели бы казаться бедней и скромней, чем были до революции, чтобы не оказаться в лагерях или высланными с места постоянного проживания с конфискацией земли и нажитого имущества. С этой целью они делили свое хозяйство на 2–3 отдельных хозяйства для сыновей и других близких родственников.

Многие из деревенских бедняков были возвращенцами из городов, толковые и работающие из них в скором времени выходили на уровень зажиточных крестьян. Другие бедняки становились зажиточными благодаря перераспределению бывшей помещицкой, церковной и мо-

настырской земли и их имущества, а также близких связей с местными руководителями партийных и советских органов, или став председателями сельсоветов и волисполкомов. Основными критериями или мерилем богатства в деревне советская власть определила: *количество десятин земли, голов скота, наличие мелких промышленных предприятий и сельскохозяйственных машин.*

В результате тяжелого материального положения незначительной части безлошадной бедноты развивалось батрачество. Беднякам, которые не имели своих семян для посева и хлеба для прокормления семьи, приходилось наниматься в работники к зажиточным крестьянам и кустарям. При этом не каждый крестьянин, использовавший наемный труд, чаще всего – сезонный, являлся эксплуататором или кулаком. И далеко не всякий бедняк был тружеником, среди них встречались лодыри и пьяницы, не желавшие заниматься тяжелым сельским трудом.

Свою землю бедняки сдавали в аренду с последующим разделом урожая между ними и арендатором. При этом преобладали скрытые формы аренды, без какой-либо регистрации, поэтому налоги за сданные в аренду участки земли платили сдатчики, а не арендаторы. По устной договоренности арендаторы учитывали налоги, выплаченные бедняками, возвращая их.

Одновременно было распространено предоставление беднякам в пользование рабочего скота (лошадей и волов), сельскохозяйственных машин и инвентаря за последующую отработку или долю урожая. За 2 пуда данной в долг ржи бедняк обычно отработывал 5 дней, за передачу лошади для вспашки надела он осенью передавал ее хозяину до 15 пудов (240 кг) хлеба. За посев весной всего своего надела чужой лошастью, бедняк осенью передавал ее хозяину до половины полученного урожая.

14 мая 1921 председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин подписал декрет о создании Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (название сократили до ККОВ. – А.Г.). Было поручено образовать эти комитеты при сельсоветах и волисполкомах. Создавать натуральный фонд социального обеспечения, куда направлять конфискованные по суду и в административном порядке продукты питания первой необходимости, а равно бесхозное имущество.

Заместитель Народного комиссара по социальной помощи Н. Милютин подготовил и разослал инструкцию о порядке создания денеж-

ных и натуральных фондов Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. С целью их создания внутри волости или села, применять самообложение крестьян и сборы. Размеры обложения, порядок вноса определять по постановлениям сельских сходов и волостных съездов комитетов взаимопомощи, которые являлись обязательными для исполнения для всех граждан села или волости.

Уклоняющиеся от вноса самообложения крестьяне привлекались к судебной ответственности, при этом причитающиеся с них по обложению деньги или продукты питания взыскивались принудительно через местные органы власти, сельсоветы, волисполкомы и милицию. Комитеты взаимопомощи были обязаны учитывать все хозяйства, нуждавшиеся в помощи, определять размер и характер этой помощи [138].

В июне 1923 года Бежецкий уездный комитет партии потребовал от всех партиячек, чтобы до 1 июля на территории уезда не оставалось ни одного дезертира из Красной Армии. Дезертирство во время весенних полевых работ происходило потому, что оставшиеся дома семьи бедные и малообеспеченные, им надо было помогать [139].

Многие бедняцкие семьи, которым после Октябрьской революции 1917 года распределили землю по едокам, к 1925 году становились середняками, некоторые из них к 1930 году выбились в зажиточные крестьяне, имели по 2 лошади, 3–4 коровы, и не очень-то желали вступать в коммуны или в колхозы. Протоколы партийных собраний свидетельствуют, что коммунисты были в растерянности, они не знали, как приступить к работе с беднотой, и долго к этой работе не приступали.

Дело в том, что сначала на апрельском пленуме 1925 года ЦК РКП(б) констатировали, что вместе с развитием рыночных отношений в деревне, усилением торговой связи деревни с городом будут укрепляться основные массы середняцких хозяйств. При этом в ближайшие годы будут одновременно расти с одной стороны зажиточные слои деревни с выделением капиталистических элементов – кулачества, а на другой стороне будут батраки и деревенские бедняки.

Но уже через несколько месяцев, в декабре 1925 года, XIV съезд РКП(б) поставил перед коммунистами задачу победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом.

Из-за непоследовательной политики государства хлебозаготовительная операция 1925/1926 годов была провалена. Коммунистическое

руководство страны перенесло акцент активности коммунистов на работу с беднотой, а не на привлечение в советы авторитетных крестьян.

Но малоэффективная экономическая помощь бедняцким хозяйствам привела к недовольству, как со стороны зажиточных крестьян и середняков, так и со стороны самих бедняков. Зажиточные крестьяне раздражались в связи с чрезмерным вниманием к лодырям и пьяницам, а беднота ожидала большей помощи, в ней сильнее укреплялись иждивенческие настроения. Навязывание бедноте главной роли в местных органах порождало недоверие к советской власти не только зажиточных крестьян, но и середняков.

В результате прогрессивного налога и нажима на зажиточных крестьян, они просто-напросто были вынуждены увольнять наемных работников, отказывать беднякам давать в долг хлеб и семена, передавать в аренду молотилку, лошадь или плуг. В условиях нехватки хлеба ситуация ставила бедняцкие семьи на грань выживания. Бедняки понимали, что помощь от зажиточного соседа придет быстрее, чем от государства, поэтому стали поддерживать обеспеченные хозяйства и превратились, по определению советской власти, в «подкулачников».

Другая часть бедняков покорились власти от безысходности или, рассчитывая на ее поддержку. Но этой поддержки не было, так как все бывшее помещичье имущество было разграблено, разделено и проедено, а у сельсоветов не было никаких средств не только для помощи беднякам, но и для ведения всей хозяйственной деятельности на местах.

В мае 1926 года Бежецкий уездный комитет партии обобщил работу коммунистов среди бедноты. В отчете указано, что работа среди них только начиналась, поэтому необходимо выявить действительно бедняцкие хозяйства. При обсуждении этого вопроса на волостных партячейках высказывалось опасение, как бы не поссорить середняка с бедняком. Поэтому к вопросу предоставления лучших земельных участков бедноте при намеченном землеустройстве надо подойти серьезно и осторожно.

На собраниях бедняки говорили, что советская власть им все равно не поможет, потому что у нее нет средств. Хотя бы освободили от налога, так как им стыдно не платить, на собраниях, на них показывают пальцем. *Секретарь Сулежского волостного комитета партии Н.И. Мельников жаловался в Бежецкий уездный комитет партии на*

отсутствие практических указаний по работе среди бедноты, а у самого волостного комитета ясных представлений о работе среди бедноты нет.

На деревенских собраниях сами бедняки говорили, что им приходится залезать в долги к зажиточным крестьянам, а потом молчать перед ними. Помощь партии коммунистов остается лишь обещаниями. Даже при сборе единого сельскохозяйственного налога у бедноты описывают вещи, которые потом за бесценок продают богачам. Поэтому бедняк все больше и больше закабалется. И единства среди самих бедняков нет, а есть рвачество [140].

Постановлением Совнаркома СССР от 29 октября 1926 года было предусмотрено создание фондов кредитования деревенской бедноты. Порядок кредитования деревенской бедноты за счет фондов определялся законодательством союзных республик.

Политика советского правительства, направленная на оказание всемирной помощи маломощным крестьянским хозяйствам, нашла свое отражение в следующих мероприятиях, проведенных по Бежецкому уезду в 1926–1928 годах:

- бесплатно землеустроено было бедняцких хозяйств: в 1926/1927 году – 2371 двор, а в 1927/1928 году – 4587 дворов, причём бедноте при землеустройстве отводилась лучшая земля. Размер скидок бедноте по землеустройству составлял в 1926/1927 году – 15 тысяч рублей, а в 1927/1928 годах – 86 тысяч рублей;
- фонд для освобождения бедноты по сельхозналогу, составлявший в 1926/1927 году – 36 620 рублей, в 1927/1928 году – 131 тысячу рублей, был увеличен на 1928/1929 год до 176 529 рублей. Освобождено вовсе от налога хозяйств в 1928 году на сумму 26 697 рублей;
- льгот и скидок по государственному страхованию бедноте было предоставлено в 1926/1927 году на сумму – 24 100 рублей, при числе хозяйств, которым скидки предоставлены, – 10 183 дворов. В 1927/1928 году размер льготного фонда был увеличен до 55 421 рублей;
- при сельскохозяйственном кредитовании в первую очередь преследовались интересы беднейших хозяйств, что видно из распределения кредитруемых по социальному составу. Так, например, по выборочным данным, на 1 октября 1926 года ссу-

- ды беднейшим хозяйствам в процентном отношении к общей сумме ссуд составляли 50,7% и на 1 октября 1927 года – 61,9%;
- бесплатно было отпущено леса беднейшему населению в 1926/1927 году – 232,6 десятин и, кроме того беднейшим хозяйствам была представлена скидка с таксовой стоимости леса в сумме – 23 602 рубля, с увеличением против предыдущего года на 40%;
 - за счёт фонда кооперирования бедноты кооперативными союзами в 1927/1928 году было кооперировано по всем видам кооперации – 9709 хозяйств, против 7069 хозяйств, кооперированных за предыдущий год;
 - фонд помощи детям бедноты, обучавшимся в школах, был увеличен с 300 рублей, отпущенных в 1927/1928 учебном году, до 3700 рублей в текущем году.

Кроме того, из числа не поддающихся точному цифровому учёту льгот и преимуществ для маломощных крестьянских хозяйств, нужно отметить:

- рассрочку при покупке сельскохозяйственных машин;
- сниженную плату за обучение;
- посылку бедняков на курорты за счет государства и ряд других льгот, имеющих целью помочь бедноте улучшить свое хозяйство и повысить культурный уровень [141].

В материалах подготовки к XVIII Тверской губернской партийной конференции в 1927 году отмечалось, что общие кредиты в основной массе не попадали в бедняцкие хозяйства, так как губернский сельскохозяйственный банк заставлял кредитные товарищества передавать кредиты в наиболее надежные по платежеспособности хозяйства. Передача кредитов зажиточным хозяйствам была связана с тем, что кредиты были краткосрочными и с большими процентами. Чтобы общие кредиты доходили до бедноты, предлагалось установить их долгосрочными и дешевыми [142].

27 января 1928 года Бежецкий уездный комитет партии направил письма во все волостные партийные организации, в которых выражали обеспокоенность снижением заготовок льноволокна, льносемени, кожсырья. Частники срывали государственные цены, так как низовые сельскохозяйственные кооперативы, состоявшие в основном из бедняков, сдавали заготовленное сырье не государству, а частникам [143].

7 мая 1929 года Бежецкий уездный комитет партии в своих письмах в волостные комитеты указывал, что на поля выходят землеустроители для работ по землеустройству. Лучшие земли предполагалось передавать колхозам и беднякам, поэтому власти остерегались, что кулаки прибегнут ко всем возможным действиям, чтобы помешать организации колхозов и развалу существовавших колхозов. При этом кулачество будет привлекать на свою сторону наиболее авторитетных лиц среди бедняков и середняков.

Коммунисты остерегались, что кулаки будут воздействовать на землеустроителей, путем предоставления им квартир и продажи продуктов по более низким ценам. Поэтому ко всем селениям, где будет проводиться землеустройство, поручалось закрепить политически развитых и авторитетных членов партии. Добиваться создания колхозов, чтобы в каждом из них было не менее 20–30 крестьянских хозяйств, с наибольшей площадью земли. Чтобы не допускать нарекания со стороны крестьян и распада существовавших колхозов, поручалось не задерживать с оформлением и малых колхозов с 8–10 крестьянскими хозяйствами [144].

За годы НЭПа большинство крестьянских хозяйств поднялись и твердо встали на ноги. Об этом свидетельствуют некоторые цифры по Бежецкому уезду Тверской губернии:

- если к 1924 году число безлошадных бедняков в сравнении с 1920 годом увеличилось в 1,6 раза, то к 1927 году число безлошадников уменьшилось в 2 раза в сравнении с 1924 годом;
- если число крестьянских дворов, не имевших коров, в 1922 году увеличилось в сравнении с 1917 годом в 2,3 раза, то к 1927 году число бескоровных хозяйств уменьшилось в 3 раза в сравнении с 1922 годом;
- если число крестьянских дворов, имевших 2 и более лошадей, в 1922 году уменьшилось в 4,7 раза в сравнении с 1917 годом, то к 1927 году их число увеличилось в 2,2 раза уже в сравнении с 1922 годом;
- если число крестьянских дворов, имевших в 1922 году по 3 и более коров, уменьшилось в сравнении с 1917 годом в 18 раз, то к 1927 году таких хозяйств, стало в 9 раз больше в сравнении с 1922 годом.

Но если в 1922/1923 году от натурального продовольственного налога были освобождены всего 3% крестьянских хозяйств, считавшихся

бедными, то в 1927 году от единого сельскохозяйственного налога были освобождены 35% крестьянских хозяйств. Когда же стали вести поименный учет бедняков, то в разных сельсоветах и волостях Бежецкого уезда Тверской губернии их вместе с батраками и наемными работниками оказалось в пределах 17–20%, но не 35%. Одновременно с освобождением бедняков от налога ужесточили налоговую политику в отношении зажиточных крестьян.

По Бежецкому уезду в 1926/1927 году было землеустроено 2370 крестьянских дворов, которые власть посчитала бедняцкими хозяйствами. При общем числе по уезду 84775 крестьянских дворов, можно определить, что в отчет включили 20,1% дворов. По-видимому, в общий список дворов Бежецкий уездный исполком включил все крестьянские хозяйства, в которых были проведены землемерные работы, не разделяя их по признаку доходности. Эти доводы подтверждаются анализом хозяйственных и партийных документов, откуда исходит, что по всей Тверской губернии количество бедняков в 1921 году составляло 30% к общему числу крестьян, в 1923 году – 23,3%, а в 1927 году, вместе с батраками и наемными работниками, – 17–20%.

Нужно учесть, что Бежецкий уезд считался одним из зажиточных в масштабах области. Этот тезис подтверждается цифрами: по Сулежской волости в 1928 году бедняки составляли 8,7%, а по карельским деревням уезда – в пределах 3,2% от общего числа проживающих крестьян.

Работа коммунистов с беднотой на местах

Мы должны выделить бедняцкие группы, чтобы не облагать их налогом.
А.Д. Цюрупа

Сулежская волость Бежецкого уезда

Коммунистов Сулежской волости, как и по всей стране, усиленно направляли на работу с беднотой, в связи с этим за 1925 год ими были формально проведены всего 3 собрания с беднотой в деревнях Ежево, Плишкино и Поцеп. На этих собраниях обсуждали вопросы перехода с трехпольной системы обработки полей на многополье, и обработ-

ки бросовых полей трактором, купленным на собранные у крестьян деньги в виде средств самообложения. Никаких решений принято не было, например, в бывших удельных деревнях вообще бросовых полей не наблюдалось, а на многополье перейти крестьяне не спешили, исходя из небольших площадей своих наделов.

17 апреля 1925 года на партийном собрании Сулежской ячейки Бежецкого уезда рассматривали вопрос о Крестьянском комитете общественной взаимопомощи, председателем которого был П.Ф. Козлов. Приняли решение о срочном сборе среди крестьян средств самообложения на общественные нужды, прежде всего, на приобретение сельскохозяйственных машин и семян. Также использовать общественную запашку в пользу комитета взаимопомощи [145].

Группы бедноты к 1926 году в волости не были организованы и не работали. При разных советских, партийных и профсоюзных организациях групп бедноты также не было. Помощь некоторым беднякам оказывалась не только за счет комитета крестьянской взаимопомощи, но и за счет налоговых льгот. В 1925–1926 годах освободили от всех налогов 360 бедняцких хозяйств по всей Сулежской волости, на сумму 3035 рублей 40 копеек, из имевшихся тогда 4156 крестьянских хозяйств, или 8,7% ото всех хозяйств.

Коммунисты волости заявляли, что они так и не усвоили смысл и формы работы среди бедноты. Предлагали Бежецкому уездному комитету партии сообщать о достижениях в работе с бедняками в других волостях, чтобы они поделились опытом [146].

5 января 1927 года на расширенном заседании Сулежского волостного комитета партии в числе других рассматривался вопрос о работе среди бедноты. «Эта работа была связана с перевыборами советов и необходимостью подбора кандидатур из бедняков в советы, чтобы они могли защищать права бедноты, а не зажиточной и кулацкой части крестьянских хозяйств. Зажиточные крестьяне проявляют активность, чтобы пройти в советы и оттолкнуть бедняков». Так говорил в своем докладе представитель Бежецкого уездного комитета партии.

Коммунисты волости говорили о том, что если проводить выборные собрания только с бедняками, то они от себя оттолкнут середняка. О работе с бедняками говорится более года почти на каждом собрании, но никакая работа с ними не проводится из-за большой загруженности партактива. Партийные ячейки учли бедняков по имущественному положению для освобождения от налогов, но работы с ними не вели.

На собрании постановили создать 20 пунктов по работе с бедняками, в том числе: Борисковский район (то есть сельсовет) волости – 5, Сулежский – 5, Плишкинский – 5, Лесоклинский – 2 и Морозовский – 3 пункта. В эти пункты командировать от волостного комитета членов и кандидатов в члены партии для проведения бесед на тему: «Перевыборы советов и задачи бедноты», а также наметить кандидатуры от бедняков по каждому сельсовету [147].

В январе 1927 года состоялись перевыборы в сельсоветы, в них приняли участие 41% избирателей. Участие бедноты в выборах было активным, хотя в Сулежском районе волости с нею не было проведено ни одного собрания [148].

В связи с перевыборами в советы в 1927 году были составлены списки беспартийного актива Сулежской волости. В карельских деревнях в него вошли:

- Петряйцево – Василий Васильевич Паскин, Дмитрий Иванович Иванов и Василий Васильевич Соколов;
- Поцеп – Николай Дмитриевич Соколов, Василий Петрович Костров и Матвей Чесноков;
- Шейно – Алексей Васильевич Маров;
- Муравьево – Михаил Смирнов и Г.И. Смирнов;
- Байки – Иван Михайлов [149].

Нужно отметить, что в скором времени четверо из этого списка: В.В. Паскин, Д.И. Иванов, Н.Д. Соколов и А.В. Маров будут объявлены кулаками. Н.Д. Соколова из деревни Поцеп и Д.И. Иванова из Петряйцева жители деревень смогли отстоять при условии, что все они подали заявления в колхоз, а семьи Паскина и Марова сослали в Сибирь.

На собрании 24 ноября 1927 года коммунисты говорили, что беднота смотрит на советскую власть, как на дойную корову, которая должна им постоянно что-то давать и давать [150].

2 февраля 1928 года на собрании Сулежской партийной ячейки был рассмотрен вопрос о работе коммунистов среди бедноты. Протокол собрания вел Лебединский, будучи уже вместо Н.И. Мельникова секретарем волостной парторганизации, переведенный туда для укрепления партийных рядов из парторганизации Бежецкой волости. На собрании коммунисты говорили, что никакой работы среди бедноты не проводится. Было решено созвать районное собрание бедноты Сулежского сельсовета.

Собрание бедняков, проживавших на территории сельсовета, состоялось 5 ноября 1928 года, на собрании был один представитель от 6 карельских деревень – Михаил Богданов, пастух в деревне Петряйцево. Он в другой русской деревне имел свою избу, двор, лошадь и корову, семья состояла из 4 человек, из них двое малолетних детей, 4 года работал в деревне Петряйцево пастухом по найму [151].

28 января 1929 года Бежецкий уездный комитет направил письма во все волостные комитеты партии. В нем говорилось, что поступающие сведения о первых результатах перевыборов говорят о промахах в работе со стороны коммунистов. Важнейшим промахом является обход середняка в предвыборной работе, непривлечение середняцкого актива на предвыборные собрания. В Сулежской волости был взят курс на увеличение процента бедноты, и первые итоги дали 80% бедняков в советы.

На это письмо секретарь Сулежского волостного комитета партии Лебединский 29 января направил срочные телеграммы всем секретарям партийных ячеек волости. В ней он указывал, что собрания бедняков и батраков проводить с участием середняцкого актива. Не допускать роста процента бедноты в составе сельсоветов более 50%, установленной партией нормы. Но означенный процент должен быть выдержан, во что бы то, ни стало [152].

Выборные собрания проходили не в сельсоветах и волисполкоме, как было ранее, а прямо в деревнях, в них участвовали все те, кому были вручены повестки на выборные собрания. Такие повестки не вручались зажиточным крестьянам, лишенным права голоса, и почему-то жителям старше 50 лет. На собраниях голосование проводили открыто, путем поднятия рук за того или кандидата в делегаты (члены) сельсовета или волостного совета.

По действовавшей тогда Конституции РСФСР в сельские советы избирался один делегат на каждые 100 жителей. Но общее число делегатов должно быть не менее 3 и не более 100. Сельские советы в 1929 году избирались сроком на один год [153].

В своих заявлениях крестьяне нередко указывали на факты явного несправедливого разделения деревни на бедняков и середняков. Так в заявлении в Бежецкую комиссию по чистке партии в 1929 году крестьянина одной деревни было указано, что он вместе с односельчанином и их женами, уезжали на зиму в Москву разносчиками, торговали с корзинками в руках.

У него семья 6 человек, старшему сыну 8 лет, хозяйство имеет избу, сарай и корову, хлеба он намолотил 6 пудов, его хватило на семью всего на 1,5 месяца. Они с женой наняли старуху нянчить их детей, а сами поехали в Москву торговать, чтобы семья не умерла с голоду, но его засчитали середняком и установили единый сельхозналог в сумме 5 руб. 50 копеек.

У его односельчанина, который вместе с ними торговал в Москве, семья 4 человека, имел избу, сарай, амбар, лошадь и корову. Но его хозяйство засчитали бедняцким, хозяина избрали членом сельсовета и полностью освободили от налогов [154].

Активность работы с беднотой в Сулежской волости проявилась с 1929 года, после того, как вместо Н.И. Мельникова секретарем волостного комитета партии стал Григорий Петрович Лебединский, 1900 г. р. крестьянин Бокаревской волости, образование низшее, член ВКП(б) с 26 августа 1924 года [155].

5 января 1929 года провели общее волостное собрание представителей групп бедняков, от карельских деревень на нем не было ни одного представителя. На повторном собрании 26 февраля 1929 года от карел были представители бедняков: Соколов Иван и Костров Василий из Поцепа, Иванов Петр Иванович из Петряйцева и Морев Андрей Петрович из Душкова.

К 1 апреля 1929 года были проведены первые собрания с беднотой в карельских деревнях:

- Байки, приняли участие 13 мужчин и 3 женщины;
- Муравьево, 11 мужчин и 3 женщины;
- Душково, 9 мужчин и одна женщина;
- Петряйцево, 15 мужчин и одна женщина;
- Поцеп, приняли участие 12 мужчин и 2 женщины [156].

На собраниях обсуждались общие вопросы положения в деревне и были избраны представители на совещание групп бедноты Сулежской волости, которое прошло в конце марта 1929 года. Совещание групп бедноты приняло резолюцию: «Заслушав информацию о предстоящей чистке партии от разложившихся и неустойчивых элементов, волостное совещание групп бедноты со своей стороны считает:

- в момент подготовки к чистке партии обсудить на группах бедноты членов партии, потерявших классовое чутье и немедленно сообщать о них в волостной комитет партии;
- волостное совещание групп бедноты предостерегает всех товарищей батрацко-бедняцкого актива не подпасть под ку-

лацкую агитацию, направленную, как правило, против всех коммунистов;

- пополнять ряды партии более устойчивыми товарищами из батрацко-бедняцкой части деревни» [157].

На 20 апреля 1929 года по Сулежской волости среди 41 члена союза сельхозработников, куда включили пастухов, батраков и служащих, из карел была включена одна батрачка 19-летняя Нетрусова Мария Семеновна из деревни Петряйцево, отработавшая к тому времени по найму 6 лет. Других батраков по 6 карельским деревням Сулежского сельсовета не выявили.

В 1929 году составили новые списки актива, но уже лишь из бедноты и середняков, по карельским деревням волости в него вошли 10 человек, из них 5 человек были определены бедняками и избраны делегатами в Сулежский сельсовет: И.Т. Соколов (Попец), Ф.Ф. Травкин (Муравьево), В.В. Соколов и П.И. Иванов (Петряйцево), Я.И. Смирнов (Байки) [158].

Горский сельсовет Бежецкой волости

В 1927 году начали активно выявлять бедняков и в Бежецкой волости Бежецкого уезда, куда относились 7 карельских деревень Карело-Кошевского прихода. В январе по Горскому сельсовету составили списки бедняков, но провели лишь одно собрание в русской деревне Заболотье, в карельских деревнях собраний не проводили. Собрание в Заболотье проводилось с целью рекомендаций представителей бедноты в члены сельсоветов, составления списков бедноты для предоставления им льгот по единому сельскохозяйственному налогу.

В деревне Заболотье Горского сельсовета в 1927 году было 60 дворов, 282 жителя, из них безлошадных 18 дворов, население деревни преимущественно бедняцкое, бедняки составляли 30% от числа жителей. Коммунистов в деревне не было, был один комсомолец Архаров, но влияния среди жителей он не имел. На том собрании крестьяне жаловались на начальника волостной милиции Макарова, который говорил, что он выбьет из них «хлебную чахотку», которой страдает беднота, и вытащит «все пёнышки с корешками» [159].

5 апреля 1927 года коммунисты волости рассмотрели вопрос по работе среди бедноты. Выступающему с докладом новому начальнику

волостной милиции Лузину, назначенному вместо Макарова, они задавали вопросы, которые остались без ответа: «Нужно ли учитывать всю бедноту или только там, где вызывает необходимость? Есть ли где-нибудь положительные результаты работы среди бедноты? Если бедняки лодыри, нужно ли учитывать ту их часть, которая временно сделалась беднотой?» [160].

Первые сведения о бедняках в карельских деревнях Горского сельсовета появились 13 августа 1928 года:

1. Деревня Горбовец, 32 двора, из них шесть бедняков: Блинов Андрей, Голубев Иван, Михайлова Анна, Петров Сергей, Петров Иван, Чистякова Екатерина.
2. Деревня Гремячиха, 20 дворов – один бедняк Николай Мартовский.
3. Деревня Калиниха, 30 дворов – одна беднячка Киселева Акулина.
4. Деревня Климантино, 32 двора – один бедняк И.М. Ёлкин.
5. Деревня Терехово, 22 двора – один бедняк В.П. Венедиктов.

В деревне Бережки, 35 дворов, бедняков не выявили. Все бедняки, включенные в списки, были освобождены от уплаты единого сельскохозяйственного налога за год [161].

10 сентября 1928 года член комиссии по обследованию Бежецкого волостного комитета партии Дубовик, обследовал Горскую ячейку ВКП(б) Бежецкой волости. В Горский сельсовет тогда входили 30 селений, в том числе 7 карельских деревень и село Карело-Кошево. В то время секретарь партячейки В.Н. Русаков обучался в губернской совпартшколе, председатель Карело-Кошевского кооператива А.А. Волков был направлен для налаживания работы в Градницы. Вся работа была возложена на председателя коммуны «Красный Октябрь» П.И. Ракина.

Председателем сельсовета работал Бажеев, заведующей почтой в Хонеевской Горке – Пушкин. При проведении собраний по самообложению 4 деревни отказались от его уплаты. В Горском сельсовете имелся торгово-закупочный кооператив с тремя отделениями, молочная артель и опытное поле, но работа с ним не велась.

На территории сельсовета за период с октября 1927 года по сентябрь 1928 года вообще не проводились никаких собраний с беднотой, с беспартийным активом, с женщинами. За отчетный период председатель сельсовета отчитался по своей работе перед избирателями всего в

4 деревнях из 30. Нотариальные действия в сельсовете не велись, хотя в других сельсоветах их вели давно.

Горский сельсовет не стал руководящим органом власти в деревне. Его работа выражалась в сборе единого сельскохозяйственного налога, страховки и других платежей. Бежецкий волостной исполком завалил сельсовет циркулярами, распоряжениями и другими бумагами, которые не исполнялись, а лишь подшивались к делу, отмечалось в справке проверяющего представителя [162].

В карельских деревнях Бежецкого уезда Тверской губернии процесс социального расслоения был выражен слабо. Как и по всей стране, с 1924 года наблюдался общий подъем благосостояния бежецкой деревни, возрастал вес середняков и зажиточных крестьян. Бедняков насчитывали единицы, поэтому их могли записать наперечет, поименно.

Советская власть заявляла, что по стране тогда было 35% бедняков от численности всех крестьян, такую же цифру указывали и в отчетах Бежецкого уездного исполкома. В карельских деревнях Бежецкой волости Бежецкого уезда были определены всего 10 бедняцких хозяйств, Сулежской волости Бежецкого уезда – 5 бедняков да одна батрачка, всего 16 бедняков на 501 карельское крестьянское хозяйство – это всего 3,2% от общего числа крестьянских хозяйств в 13 карельских деревнях.

Кулаки в деревне

*Кулаком является не владелец
имуществом вообще,
а тот, кто ростовищически
эксплуатирует местное население.*

М.И. Калинин

Слово «кулак» – это не изобретение советской власти, его можно найти в романе И.С. Тургенева «Новь», оно появилось в ходе реализации крестьянской реформы 1861 года, когда началось расслоение среди мужиков. Успешные хозяева могли скупать у сельской общины или у других крестьян участки земли, давать в долг зерно под проценты или за отработку на своем участке, преумножая свои богатства.

В деревне их называли разными словами: *перекупщик*, *маклак*, *прасол*, *сводчик*. Перекупщики разъезжали по деревням, покупали у крестьян скот, зерно, муку, масло, другие продукты и продавали их на рынке по более высокой цене. Маклаки, прасолы (скупщики скота. – А.Г.), сводчики выступали в роли посредников при торговых сделках.

Нередко их люди останавливали крестьянские подводы на подъезде к рынку или базару, предлагали продать им оптом зерно, мясо, рыбу или другие продукты, которые они везли на рынок. Говорили, что сами заклемят тушу теленка или быка, выплатят торговый сбор на рынке. Потом продавали эти товары на рынке по более высокой цене, получая себе барыш. В деревне было явно негативное отношение к истинным кулакам – перекупщикам.

Современники И.С. Тургенева писали, что кулак не любит ни земли, ни хозяйства, ни труда, он любит только деньги. Все у кулака держится на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Капитал ему достался по наследству, или добыт неизвестно какими средствами.

Владимир Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» писал: «Кулак – это перекупщик, переторговец, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером». Здесь также имеется в виду, что сам кулак ничего не производил, не пахал, не сеял, не убирал хлеб и не молотил его, никакими ремеслами не занимался.

Руководители Советского государства и коммунистической партии применяли произвольное расширительное толкование понятия «кулак», подводя под него как единичных крестьян-ростовщиков, так и массовый слой зажиточных крестьян. В официальных советских документах не было понятия «деревенские нэпманы», в них зажиточных крестьян называли не иначе, как «кулаки», «сельские эксплуататоры», «сельская буржуазия», «нетрудовые хозяйства», «лишенцы». Позднее из всех этих понятий осталось одно определение зажиточного крестьянина – «кулак», независимо, занимался крестьянин ростовщицеством, давал хлеб в долг под большие проценты, или сам и его семья наживали капитал своим личным трудом.

Руководитель Советского государства В.И. Ленин заявлял, что *кулаком надо считать даже всякого крестьянина, который собрал хлеб своим трудом и даже без применения наемного труда, но прятал хлеб.*

Использование крестьянами наемного труда во время НЭПа допускалось при условии, что все наличные члены хозяйства работали наравне с наемными работниками, и что эту работу самому хозяйству выполнить было невозможно. Право граждан на организацию промышленных и торговых предприятий было закреплено в Гражданском кодексе РСФСР, введенном в действие с 1 января 1923 года.

Всех зажиточных крестьян советская власть называла не иначе, как «кулаками», она навязывала всем это понятие и навязывала признание кулака, как классового врага, который подлежал ликвидации. Признание кем-либо из оппонентов, кулаков, как зажиточных трудолюбивых и рачительных крестьян, руководители большевистской партии рассматривали не иначе, как «правый уклон» к линии партии.

Советская власть умышленно поделила деревенских жителей на классы, начиная с 1925/1926 годов, введя необлагаемый налогом доход малоимущих крестьян, и одновременно – прогрессивный налог для экономически крепких хозяйств. В печати стали последовательно формировать образа «кулака-мироеда», как злейшего врага социализма. Руководители советского правительства пытались определить критерии класса «кулачества».

Председатель Моссовета *Л.Б. Каменев (Л. Розенфельд)* в 1925 году утверждал, что «кулацким является любое хозяйство, имевшее свыше 10 десятин земли, независимо от территории страны и числа едоков в семье».

Секретарь ЦК ВКП(б), отвечавший за работу в деревне, *В.М. Молотов (Скрябин)* в 1927 году заявлял, что «к кулакам надо отнести тех крестьян, которые арендуют землю и нанимают работников не на сезон, а на год и более длительные сроки».

Но тогда землю арендовали как середняки, так и бедняки, а середняки нанимали как сезонных работников, так и на более длительный срок.

Председатель Совнаркома *А.И. Рыков* относил «к кулацким хозяйствам те, которые хорошо обеспечены и применяют наемный труд, а также владельцев сельских промышленных заведений – мельниц, кузниц, маслобоен, толчей и других».

Председатель ЦИК СССР, деревенский выходец, *М.И. Калинин* говорил, что «кулаком является не владелец имуществом вообще, а тот, кто ростовщически эксплуатирует местное население, отдает в рост капитал и использует средства под ростовщические проценты». *М.И. Калинин* был ближе всех к истине в понятии слова «кулак».

Ростовщики, чаще всего, сами не занимались сельским хозяйством, скупка и перепродажа хлеба и скота были их основным занятием. На вырученные обманом, обсчетом или обвесом деньги ростовщик осенью закупал хлеб по низкой цене не только впрок для своей семьи, а набивал им амбары. Весной же продавал хлеб на рынке по высокой цене, или давал зерно на семена в долг под большие и неподъемные для крестьян проценты, то есть себе в рост.

В деревне тогда было распространено не денежное, а натуральное ростовщичество. Долг платили хлебом, собственным трудом или услугами. В любой деревне все жители хорошо знали, кто дает хлеб в долг без наживы, а кто сделал это дело промыслом для себя, на котором богатеет. Весной, когда в бедных хозяйствах не оставалось хлеба, ростовщик давал мешок зерна, чтобы бедняк в августе вернул ему два мешка. Если ростовщик давал зерно на семена, то требовал вернуть ему половину урожая.

Кроме того, ростовщик закупал хлеб по низким государственным ценам у бедных крестьян, которые не имели лошади и не могли везти его на рынок за 20–30 километров. Продавал его на рынке по высоким рыночным ценам, обычно весной, или молот муку и продавал ее в 2 раза дороже, чем стоит зерно.

Таким образом, в годы НЭПа классическим кулаком в деревне оставались перекупищики, которые скупали по деревням скот, хлеб, мясные и молочные продукты и продавали их на рынке по завышенной цене, или давали хлеб в долг под большие проценты. Таких истинных кулаков в тверской деревне к 1925 году оставались единицы, не более 1% крестьянских хозяйств.

Многие из них были раскулачены сразу же после Октябрьской революции 1917 года. У них отобрали часть земли, промышленные предприятия, магазины и торговые лавки. Во время продразверстки подчистили все закрома, отобрав запасы хлеба. Им запретили иметь наемную рабочую силу, они не могли заниматься некоторыми ремеслами из-за национализации мельниц, кузниц, маслобоен и других мелких предприятий. Во время НЭПа к 1925 году им возвратили некоторые национализированные предприятия и магазины.

В 1925 году зажиточные крестьяне, имевшие мельницу, маслобойку, стадо скота, давали в долг хлеб и другие продукты бедноте, в основном, за отработку долга в летнее время. Постепенно во время НЭПа из маломощных групп деревни стали появляться новые зажиточные

крестьяне. Эта группа постоянно росла, получив название «советские кулаки». К ней относилось большинство деревенских коммунистов, по дешевке покупавших имущество и скот сначала разоренных помещичьих усадеб, а затем – у бедняков.

К классическим кулакам относились перекупщики хлеба, скота и сельскохозяйственных продуктов, а также ростовщики, дававшие хлеб в долг под большие проценты, то есть в рост. *Остальных всех зажиточных крестьян можно было отнести к категории «деревенских нэпманов», но такого понятия при советской власти не было, и до настоящего времени в литературе его нет.*

22 ноября 1926 года была утверждена новая редакция Уголовного Кодекса РСФСР, она вступила в силу с 1 января 1927 года. Начиная с 1927 года, все виды скупки и перепродажи стали считать спекуляцией, многих скупщиков привлекли к уголовной ответственности. Это был ответ советской власти на нежелание крестьян продавать хлеб государству по низким закупочным ценам. В декабре 1927 года органы ОГПУ начали проводить массовые аресты частных скупщиков, заготовителей и торговцев.

За спекуляцию предусматривалось наказание от 1 месяца до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества и запретом заниматься частным предпринимательством до 5 лет. В результате судебных решений на треть сократилось число частников, имевших патенты на торговлю.

Нужно отметить, что их судили суды после проведения дознания в персональном порядке и за совершение конкретных действий, нарушающих принятый закон. В тоже время, выступая за насилие против кулаков, советская власть во времена НЭПа не допускала их полной экспроприации, так как они надежно вели хозяйство на земле, и значительную часть капиталов накопили своим трудом.

С 1928 года понятие «кулак» было включено в советское законодательство, в котором попытались определить критерии этой группы деревенских жителей. Главным критерием, по которому советская власть стала считать хозяйство кулацким – применение наемного труда более 70–80 дней в году.

В законе о сельхозналоге на 1928/1929 годы были выделены зажиточные крестьяне, которые должны были выплачивать налог с процентной надбавкой, и кулацкие эксплуататорские хозяйства, которые должны были выплачивать высокий прогрессивный налог. Таким об-

разом, основным критерием отношения к кулакам стало использование труда наемных работников.

Но почему же тогда, сезонный наемный труд, как основной критерий понятия «кулак», применялся в коммунах и сельскохозяйственных артелях, которые советская власть считала образцами будущего деревни? Крестьяне об этом хорошо знали, а некоторые бедняки сами нанимались в коммуны на время сева и уборки урожая.

Учитывая, что долгое время других конкретных критериев определения понятия «кулак» так и не было выработано, в 1928 году этот вопрос был передан на усмотрение местных органов советской власти. Местные органы власти относили к кулацким хозяйствам, как зажиточные, так и середняцкие крестьянские хозяйства. Они не делали никакого различия между зажиточными крестьянами, добившимся благополучия своим трудом, и перекупщиками-спекулянтами, пользующимися плодами чужого труда.

В 1928–1929 годах стали активно практиковать индивидуальное обложение налогом крестьянские хозяйства под разными предлогами. Но так как критерии индивидуального обложения не были законами выработаны, на местах его применяли, кому как вздумается. Партийчики и волисполкомы вырабатывали местные «признаки» для повышенного индивидуального обложения: «имеет лучший племенной скот», «хорошо обрабатывает землю», «отказался от покупки крестьянского займа», «сократил посевную площадь» и другие подобные критерии.

В постановлении Совнаркома СССР от 21 мая 1929 года «О признании кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» к кулацким хозяйствам отнесли:

1. Хозяйство, которое систематически применяет наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах и предприятиях, за исключением случаев применения наемного труда в тех пределах, в которых оно, согласно законодательству о выборах в советы, не влечет за собой лишения избирательных прав.
2. Хозяйство, в котором имеется мельница, маслобойня, крупорушка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие, при условии применения в этих предприятиях механического двигателя, а также, если

в хозяйстве имеется водяная или ветряная мельница с двумя или более поставами.

3. Если хозяйство систематически сдает в наем сложные сельскохозяйственные машины с механическим двигателем.
4. Если хозяйство сдает в наем постоянно или на сезон отдельное оборудованное помещение под жилье или предприятие.
5. Если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа).

Этот документ советской власти, наряду с другими принятыми документами, был направлен на уничтожение в деревне самостоятельных трудолюбивых хозяев. Основанием для признания кулаком являлось не только ростовщичество или уровень нетрудовых доходов, а применение наемного труда или наличие мелкого промышленного предприятия, сельскохозяйственных машин с механическими двигателями.

Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР в июне 1929 года была узаконена конфискация имущества крестьян по решению сельского совета за невыплату налоговых платежей. В том же году были определены правовые основания для полной экспроприации кулацких хозяйств по решению органов исполнительной власти за невыполнение государственных повинностей.

Но деревенские жители хорошо отличали кулака-ростовщика от более богатого соседа и относились к зажиточным крестьянам по-доброму, в деревнях было много случаев, когда они защищали их от нападков советской власти. Представители советской власти порою пытались любой ничтожный конфликт превращать в эпизоды классовой борьбы.

Подобный ничтожный конфликт произошел в одной большой деревне Старогвоздино Бежецкого округа Московской области в 1929 году. С 1921 года в деревенской школе работала сторожихой М.К. Ильина, а чуть раньше учителями школы стали супруги Николаевы. Некоторое время назад, в годы Гражданской войны, они создали молочный кооператив из нескольких крестьянских хозяйств, но он быстро распался.

Из-за создания учителями Николаевыми в соседней деревне молочной артели, отношение к ним со стороны деревенских жителей несколько изменилось в худшую сторону, о чем им говорила сторож

школы Ильина. В один из дней, 10 марта 1929 года, Ильина утром не приготовила воды для учеников, налила воду в бак только во время большой перемены. Учителя Николаевы стали добиваться увольнения Ильиной за этот проступок. В конфликт между учителями Николаевыми и сторожихой Ильиной были постепенно втянуты ученики и их родители. Деревня разделилась на две части, большинство было за Ильину, меньшинство – за Николаевых.

4–5 июня 1929 года председатель правления Бежецкого уездного союза рабочих просвещения провел собрание бедноты деревни, где проживали Николаевы и Ильина. На этом собрании выяснилось, что когда в 1928 году судили по ст. 107 УК РСФСР зажиточного крестьянина этой деревни Бойкова, вся беднота встала на его защиту. Она защищала его и на том собрании в июне 1929 года, заявляя дословно следующее: «Советская власть только говорит о бедноте, а когда бедняк придет, так ему хода нет. Нам советская власть ничего не дает, а только с нас тянет. Бойков, кулак, нас кормит и обувает, а вот советская власть что дала? Мы разутые без Бойкова ходим, к нему неправильное отношение власти».

Проводивший собрание председатель правления Бежецкого уездного союза рабочих просвещения Протопопов в своей докладной записке на имя руководства назвал всех выступающих представителей бедноты «подкулачниками», «злостными неплательщиками налогов» и «друзьями лишенцев». Он сообщал, что уездное правление рабочих просвещения от защиты уволенной Ильиной отказывается, так как травля учителей Николаевых проводится группой кулака Бойкова, участницей которой является Ильина.

По Бежецкому уезду это второй случай, когда технические служащие используются в целях травли учителей-общественников, одно дело уже передано прокурору, указывалось в справке Протопопова.

По этому факту была статья в Бежецкой уездной газете, где анонимный автор писал: «В 1928 году Бойков попал под суд по доносу учителя Николаева. Но чего стоила эта история Николаевым! Кулацкой травле пора перегородить не только прямые, но и обходные пути» [163].

Советская власть навязывала деревенским жителям мысль, что «кулак» и «нэпман» одно и то же понятие в их неразрывном единстве. ***Но я специально и умышленно отделил кулаков-ростовщиков от других зажиточных крестьян, то есть от деревенских нэпманов.***

Абсолютное большинство зажиточных крестьян по всем признакам не относились к понятию «кулак-ростовщик». Во многих директивах ЦИК и Совнаркома СССР повторяли указание, чтобы на местах не путали кулаков и зажиточных крестьян, давая понять местным органам власти, что разница между ними есть. Сельское ростовщичество отличалось от обычного тем, что расчет шел не деньгами в рост, а хлебом, трудом и другими услугами. В любой деревне хорошо знали, кто, чем живет, кто дает хлеб в долг из сострадания, а кто на этом наживается.

Кулаки, то есть перекупщики, ростовщики, маклаки и прасолы порою нарушали действовавшие законы, их судили суды персонально за конкретные противоправные действия, прежде всего за спекуляцию. Подобное негативное отношение к ним было не только со стороны власти, но и со стороны крестьян, как бедняков, так и середняков. После принятия в 1926 году новой редакции Уголовного Кодекса РСФСР кулаков судили за спекуляцию по статье 107 УК.

Категории зажиточных крестьян, которые относились к деревенским нэпманам, перечислены в следующем параграфе. Они не были преступниками, не нарушали законов, жили честно и достойно своим трудом. Нарушили закон те, кто во время коллективизации отправлял деревенских нэпманов под видом «кулаков», «классовых врагов советской власти» в Сибирь, Казахстан и на Север. Эти властные нарушители понимали, что поступают не по закону, поэтому высылали крестьян с семьями без проведения следствия или дознания, массово, без решения суда, «тройками», и без права и возможности обжалования этого решения. Получилось так, что властью являлись сами нарушители законов, разве такое бывает? Но в истории СССР такое было.

Хотя большевики подвели под слово «кулак» трудолюбивых зажиточных крестьян, как классовых врагов советской власти, но сразу сломать вековые традиции общинности в деревне они не смогли, ломали их силовыми методами с 1918 по 1931 год, а потом еще до 1938 года. Большинство из раскулаченных крестьян были обычными середняками, которые более активно, чем другие, выступали против коллективизации крестьянских хозяйств. Лишь после принятия Конституции СССР в 1936 году крестьяне, лишённые избирательных прав, и оставшиеся в живых, стали равноправными гражданами страны с точки зрения политических прав.

Проблемы «кулаков» государство могло решить экономическим путем. В крайнем случае, при нарушении закона, их могли судить су-

дом по закону за спекуляцию или мошенничество, но, не признавая «классовым врагом пролетариата», то есть репрессивным путем, по которому пошла советская власть.

Деревенские нэпманы

*Источник обогащения деревенских
нэпманов – здоровая, творческая,
действительно полезная
хозяйственная деятельность.*

В.П. Рябушинский

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова в понятие «нэпман» отнесены частный предприниматель и торговец во времена НЭПа, в то же время «зажиточный хозяин» в словаре указан, как обладающий достатком, состоятельный человек.

Чем же деревенский нэпман, то есть трудолюбивый, старательный, зажиточный крестьянин – «культурный хозяин», отличался от кулака? Тем, что все свое богатство он наживал своим тяжелым трудом и трудом своей семьи, а кулак-ростовщик наживал капитал за счет спекуляции, мошенничества, обмана, обсчета и применения труда наемных работников.

Русский фабрикант В.П. Рябушинский, отец которого с 1869 года, в числе других предприятий, владел бумагопрядильной фабрикой в Вышнем Волочке Тверской губернии, будучи в эмиграции, написал книгу «Русский хозяин», изданную в Париже в 1928 году. Говоря о времени НЭПа в России, он делил всех людей по отношению к собственности на четыре основные группы:

1. Хозяева – работающие, бережливые и деловые люди, организаторы труда, созидатели ценностей, накопители богатств.
2. Святые – бескорыстные, неприхотливые, невзыскательные люди, для них житейские блага не имеют никакого значения.
3. Завистники – люди озлобленные и бесплодные, не требующие дальнейшего пояснения. В России широко известен завистник-обличитель, вечный искатель чужих ошибок и проступков, вздорный, мелочный, придирчивый и всегда бестолковый человек.

4. Неудачники – бесхозяйственные, безалаберные люди, лишенные делового чутья и понимания, бездарные, расточительные, бестолковые и ленивые. Сюда же нужно отнести фантазеров, далеких от жизни теоретиков и наивных мечтателей.

Во время Октябрьской революции, Гражданской войны и НЭПа в СССР, по утверждению Рябушинского, господствовали идеи завистников и неудачников. Возникла новая буржуазия, как в городе, так и в деревне. Городской нэпман наживает капитал главным образом рвачеством, обходом большевистский законов, умением давать взятки, пронирством.

«Другой тип буржуазии возникает в деревне, – писал Рябушинский. Источник ее обогащения – здоровая, творческая, действительно полезная хозяйственная деятельность». Эта группа очень однородная по своему составу – ее пополняет крестьянство, за ней, по утверждению Рябушинского, будущее.

«На двух фронтах бьется деревенская буржуазия против коммунистов – на деловом и на церковном фронте, ибо и сейчас хозяйственный мужик является ревнителем благочестия. В России возрождается не только хозяйская сознательность, но и созревает основательная «теория хозяина» и оправдание собственности. Большевики превратили всю Россию в громадный экономический семинарий, посвященный доказательству правильности идей Маркса и Ленина. Но работа этого семинария воочию доказала значение частной собственности и пользу хозяев» – писал Рябушинский в книге «Русский хозяин».

В.П. Рябушинский утверждал, что хотя, дорогую цену платим мы за проверку экономических аксиом, но усваиваем их теперь твердо: *выстраданную идею собственности русский народ никогда больше не отдаст.*

После Октябрьской революции большинство из зажиточных крестьян потеряло часть земельных участков, купленных ими ранее за свои деньги, и отобранных советской властью. Но в результате накопленных ранее средств, трудолюбия и предприимчивости, в годы НЭПа они сумели приумножить свои капиталы и средства производства. Одни, скупая осенью у односельчан и в соседних деревнях хлеб по одной цене, они хранили его до весны и продавали в 2–3 раза дороже. Также поступали со скотом, когда беднякам или середнякам нечем было платить продналог, и они продавали скот богатым односельчанам.

Другие крестьяне увеличивали посевы хлеба и льна для продажи, всю зиму занимались ремеслами, уходили в города на промыслы, зарабатывали деньги, на которые покупали сельскохозяйственные машины и орудия. Эти машины сдавали в аренду другим крестьянам в счет будущего урожая, продавали изделия своих промыслов на рынке, зарабатывая деньги на питание и одежду своей семье.

В то время помещики и купцы были разорены советской властью, частью погибли в Гражданскую войну и после нее, другие бежали за границу, оставшиеся в большинстве своем стали нищими, так как все земли, дома, постройки и имущество их было конфисковано. Деревенскими эппманами в первую очередь становились зажиточные крестьяне, которых позднее объявили «кулаками» – врагами советской власти.

До революции 1917 года не считали и не называли «кулаками» тех зажиточных крестьян, которые могли одеть, обуть, прокормить свою семью и иметь запасы хлеба, благодаря своему личному труду. О зажиточных крестьянах тогда писали, что хотя, они и пользуются наемными работниками, но никаких кулацких черт в них нет, всего они добиваются своим трудом, а не перепродажей продуктов чужого труда.

Но большевики подвели под слово «кулак» идеологическую основу, считая всех зажиточных крестьян «классовыми врагами» советской власти.

Новая экономическая политика ярко выразила расслоение деревенского общества. Во второй половине 1920-х годов зажиточными крестьянами и середняками большевики считали более 65% хозяйств, хотя фактически их было около 80%, а бедняцких хозяйств вместе с батраками и наемными работниками, судя по Тверской губернии, – не более 17–20%.

Каждый трудовой день большинства крестьян начинался с восходом солнца и заканчивался летом затемно, а зимой – поздно вечером. Ни хозяин, ни члены семьи без дела никогда не были.

По утверждению представителей советской власти, около 35% крестьянских хозяйств по стране были признаны бедняцкими, их освободили от продовольственного налога и оказывали помощь хлебом. Большинство тех, кого освобождали от налогов, были середняки, близкие к представителям власти на местах. Бедняком становился тот, кто сидел без дела или имел человеческие пороки, особенно – пьянство. Многие лентяи, голытьбы, асоциальные элементы были возвышены и становились опорой советской власти на местах.

Некоторые зажиточные крестьяне, пытаясь уйти от повышенных налогов, дробили свои хозяйства на более мелкие, производя семейные разделы, число которых в годы НЭПа увеличилось в 2 раза в сравнении с дореволюционным периодом.

ВЦИК и Совнарком РСФСР декретом от 7 июля 1921 года разрешили каждому гражданину свободно заниматься кустарным промыслом и организовывать мелко-промышленные предприятия, в которых могли работать до 20 наемных работников, включая надомников. Кустари и владельцы мелко-промышленных предприятий получали право свободно распоряжаться продуктами и изделиями своего производства. При этом мелко-промышленные предприятия, по Декрету, не подлежали ни национализации, ни муниципализации.

Основными видами деятельности крестьян оставались земледелие и скотоводство, но многие крестьяне продолжали заниматься на дому бытовым обслуживанием за деньги или продукты: пошив и ремонт одежды и обуви, парикмахерское, бондарное и шорническое дело. Стали или продолжали производить пищевые продукты, запуская мельницы, маслобойни, хлебопекарни, сыроварни, колбасные цеха.

Мельницы, маслобойки, кузницы превращали их хозяев в деревенских промышленников. Некоторые из них были национализированы государством еще до НЭПа, потом возвращены хозяевам после его провозглашения. Благополучие НЭПа покоилось на частной инициативе. Воскресные базары и рынки действовали в каждом городе и поселке, они служили главным источником для горожан, как продуктов питания, так и изделий деревенских ремесленников.

На XI съезде РКП(б), который проходил с 27 марта по 2 апреля 1922 года, в числе других, была принята резолюция «*О работе в деревне*». В ней указывалось, что по вопросу об условиях наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли, съезд рекомендовал всем работникам отрасли не стесняться излишними формальностями ни того, ни другого явления. Ограничиться изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях.

Говорилось, что необходима практическая помощь делу немедленного увеличения запашки, расширения посевов, увеличения количества сельскохозяйственных продуктов, уменьшения тяжелой нужды крестьянства. При этом надо всеми силами и средствами поддерживать и поощрять помощь беднейшей части крестьянства [164].

ВЦИК РСФСР Декретом от 22 мая 1922 года определил основные имущественные права частных лиц. Всем гражданам было предоставлено права организовывать промышленные и торговые предприятия, заниматься дозволенными профессиями и промыслами.

В Гражданском кодексе РСФСР, введенном в действие с 1 января 1923 года, собственность в РСФСР была поделена на государственную, кооперативную и частную. Предметами частной собственности могли быть:

- строения, торговые и промышленные предприятия, на которых можно было иметь наемных работников в количестве, не превышающем норм, установленных законами;
- орудия и средства производства;
- деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотые и серебряные монеты и иностранная валюта;
- предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления;
- товары, продажа которых не воспрещалась законом;
- всякое имущество, не изъятое и частного оборота.

Частному собственнику принадлежало в пределах, установленных законом, право владения, пользования и распоряжения имуществом. Собственник был вправе отыскивать свое имущество из чужого незаконного владения и требовать от недобросовестного владения и требовать от недобросовестного владельца возвращения или возмещения всех доходов, которые он извлек и должен был извлечь за все время владения. Собственник также был вправе требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы они и не были соединены с лишением владения.

Но бывшие собственники, имущество которых было экспроприровано на основании революционного права и перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 года, не имели никакого права требовать возвращения этого имущества. Гражданский кодекс РСФСР отменял Декрет Совнаркома от 16 марта 1922 года о праве истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев. Бесхозное имущество, оставленное бежавшими за границу или убитыми во время Гражданской войны бывшими владельцами, переходило в собственность государства.

Реквизиция имущества у собственников допускалась в порядке, установленном Декретом о реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ, с вознаграждением собственника по средним

рыночным ценам к моменту изъятия имущества. Конфискация имущества у собственников допускалось в виде наказания.

Основной фигурой частного сектора в деревне оставался мелкий ремесленник: сапожник, портной, бондарь, шорник, колесник и другие ремесленники. К частному сектору относились мелкие промышленные предприятия и кустарно-ремесленные мастерские: мельницы, кузницы, толчеи, маслобойни, крупорушки и другие.

До 1924 года к деревенским нэпманам советская власть относила крупных торговцев, арендаторов и кулаков, имевших до 20 наемных работников. С 1927 года к ним стали относить владельцев мелких кустарно-ремесленных мастерских с наемными работниками и мелких торговцев, даже без использования наемного труда. Таким образом, проанализировав нормативные акты того времени, можно уверенно заявить, что с 1927 года **к деревенским нэпманам**, под понятием «кулак», советская власть отнесла следующие категории деревенских жителей:

1. Прежде всего, крестьян-земледельцев, которые продавали на рынке свой личный скот, хлеб, льносемя, холсты, другие продукты и товары, в зависимости от полученного ими годового дохода.
2. Деревенских купцов-торговцев, имевших в деревне свои лавки или торговавших с лотков и даже «из корзинки», в зависимости от их годового дохода.
3. Зажиточных крестьян, которые имели более 3 голов скота или нанимали до трех сезонных наемных работников, допустимых законом о выборах. Хотя наемные работники у нэпманов получали жалованье в разы больше, чем они могли заработать в советских сельскохозяйственных коммунах, там их число не было ограничено.
4. Крестьян, которые имели в собственности сложные машины для уборки урожая, молотилки, веялки, сеялки и другие сельскохозяйственные агрегаты без механических двигателей.
5. Крестьян, которые владели мелкими промышленными предприятиями без механических двигателей – маслобойней, крупорушкой мельницей, кузницей и другими.
6. Деревенских ремесленников – портных, сапожников, бондарей, шорников, валяльщиков, жестянщиков и других, которые нанимали до трех наемных работников, допустимых законом о выборах.

В 1926 году в Тверской области насчитывали 79,4% середняцких и зажиточных хозяйств, при 15,6% бедняцких хозяйств и 5% хозяйств наемных работников и батраков. Благодаря деревенским нэпманам, постепенно поднималась экономика нашей страны. Крестьяне стали проводить частную коммерческую торговлю, продавая продукты, действительно им принадлежавшие, прежде всего, хлеб, скот и ремесленные изделия. Что деревенский частник произвел, то и продавал на рынке, ему не было нужды «накручивать» цену для содержания счетовода, председателя кооператива, заведующего складом, сторожа и других нанятых лиц кооперативе, артели или сельскохозяйственном товариществе. Поэтому товар и продукты у частника были дешевле и качественнее. Советская власть не помогала зажиточным крестьянам и середнякам, помогая лишь бедноте, но и не мешала им в годы НЭПа развиваться и укрепляться.

При НЭПе по деревням продолжали бродить коробейники с большими коробами за плечами со всякой мелочью. Порою короб заменяли плетеные корзинки, говорили, что человек продает товар «в корзинке» или «из корзинки». Ночевали коробейники в избах, куда впускали, иногда в стоге сена или прямо в поле. Некоторые коробейники со временем становились богатыми людьми, заводили в деревне свои лавки или какое-либо другое дело.

Уровень доходов деревенских нэпманов немногим превышал средний доход остальных крестьян на душу населения. Многие из них, кроме земледелия, дополнительно занимались ремеслами и промыслами, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Другие из них, заработав деньги, покупали сельскохозяйственные машины, лошадей и коров, так как по-прежнему основными видами деятельности крестьян оставалось земледелие.

До 1925 года разрешалось сдавать в аренду участки земли, как правило, сроком до 3 лет. С 1925 года решениями III съезда Советов СССР крестьяне получили право сдавать участки земли в аренду до 2 севооборотов при многополье, а также на срок до 12 лет при трехполье и четырехполье. На арендуемых землях, как и на надельных, допускалось применение подсобного наемного труда.

Однако крестьяне по-прежнему предпочитали брать в аренду участок земли лишь на один сезон, реже, на один севооборот сроком в 3 года. И сдатчики, и арендаторы не хотели идти на более длительные сроки аренды, чтобы не регистрировать сделку в сельсовете или волисполкоме и не платить налог за арендуемую землю. Крестьяне, сдавав-

шие участок земли в аренду, рассчитывали, что к следующему году они устранят причину сдачи в аренду – отсутствие семян, лошади, плуга или другую причину, и сами начнут обрабатывать этот участок земли.

Таким образом, в жизни деревни распространялась скрытая форма аренды участков земли без регистрации сделки. Крестьяне, как правило, сдавали в аренду не весь надел, а его часть или даже отдельную полосу. Частый переход арендуемого участка из рук в руки приводил к истощению земли, так как временщики ее не уваживали и не заботились о ее качестве при обработке.

Больше всего сдавали в аренду сенокосные участки, они составляли 80–85% от всей арендуемой земли. Цены за аренду одной десятины сенокоса и пашни были практически одинаковыми. За аренду чаще платили не деньгами, а другими разными способами, прежде всего, рабочей силой. При этом одна десятина арендуемой земли стоила 3 конских поденщины или 9 людских поденщин. Иногда сдатчик земли договаривался с арендатором, что тот будет отрабатывать за него в течение года общественные повинности по ремонту дорог, мостов, изгородей, выгонов и другими работами. Но чаще всего за аренду участка земли договаривались платить частью урожая с арендуемого участка в пределах от 1/3 до половины урожая.

Свои наделы чаще всего сдавали в аренду бедняки, большинство из них были те крестьяне, которые до революции уходили на промыслы в города, и там зарабатывали деньги на пропитание семьи. Октябрьская революция заставила их вернуться обратно в деревню, так как дворян, купцов и других богачей прогнали, в городе работы и продуктов не стало. Вернулись они домой, а в хозяйстве ни лошади, ни сохи, ни бороны. Только надел земли, который надо обрабатывать или сдавать в аренду односельчанину. Некоторые бедняки арендовали у односельчан лошадь, соху, чтобы осенью расплатиться зерном нового урожая. Другую категорию бедняков составляли лодыри, пьяницы и другие асоциальные элементы.

Наемными работниками были батраки из беднейших крестьян, которых советская власть называла *сельским пролетариатом*. Одни из них нанимались на работу к зажиточным крестьянам на год, с ноября по ноябрь, или с мая по май. Другие батрачили в зимний сезон с 4 ноября по 6 мая или в летний сезон с 6 мая по 4 ноября. Некоторых батраков нанимали на отдельные виды работ – вывозку навоза, сенокос, тербление льна, уборку зерновых культур и другие работы.

Таким образом, на практике сложилось так, что зажиточные крестьяне арендовали у бедняков участки земли, а бедняки арендовали у них сельскохозяйственные орудия и машины, лошадей, семена на условиях натуральной оплаты хлебом или отработкой.

В апреле 1925 года на XIV партконференции ВКП(б) единый сельскохозяйственный налог для зажиточных крестьян увеличили на 30% в сравнении с другими жителями деревни. Согласно этому решению, налогом облагались доходы не только от земли и рабочего скота, но и на мелкий скот, отходничество, ремесла и другие заработки, не связанные с землей. В 1924–1925 годах зажиточные крестьяне платили налог в 12% от своего общего дохода.

На XIV партконференции ВКП(б) 27–29 апреля 1925 года был поставлен вопрос о сокращении единого сельскохозяйственного налога и более равномерном распределении его, в зависимости от доходности хозяйств. Предлагалось исключить из практики взимания налога наложение штрафов на неплательщиков и применение их ареста. После принятия партконференцией названного решения, бедноте снизили налог до 2% от дохода, а тем, кого местная власть считала кулаками, налог увеличили до 20–23% от совокупного дохода.

На пленуме ВКП(б) в апреле 1925 года разрешили значительное расширение применения наемного труда в крестьянских хозяйствах ввиду избытка рабочих рук в деревне. На местах поручалось устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле, к развитию крестьянских промыслов, обеспечив их кредитованием и облегчая налоговое бремя.

7 мая 1925 года было принято Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1925/1926 год, по которому общий объем налога был снижен на 40% в сравнении с предыдущим годом. Это положение действовало до 25 апреля 1926 года, когда оно было заменено новым положением, усиливающим классовое расслоение в деревне. В новом положении установили необлагаемый налогом минимум доходов по 28 рублей на каждую душу. Усилили прогрессивный налог, когда зажиточные крестьяне стали платить от 12 до 22% от совокупного дохода, а бедняки – от 2 до 4% от дохода.

С 1926 года продолжились более активные притеснения зажиточных крестьян, торговцев и ремесленников. Для них вводили прогрессивный единый сельскохозяйственный налог, лишали избирательных прав, не разрешали продавать машины, орудия производства,

запчасти к ним, семена. Согласно переписи 1926 года в СССР было 7% «лишенцев», граждан, лишенных избирательных прав, абсолютное большинство из них были крестьяне. Начинали крестьян бить пока не классово, а поодиночке, привлекая к уголовной ответственности за спекуляцию, неплатеж и уклонение от налогов, в том числе по статьям 79 и 80 Уголовного кодекса РСФСР, но чаще всего – за антисоветскую агитацию.

22 ноября 1926 года была утверждена новая редакция Уголовного Кодекса РСФСР, она вступила в силу с 1 января 1927 года. С 1927 года зажиточных крестьян стали привлекать к уголовной ответственности по статье 79 за неплатеж налогов и натуральных повинностей и другим статьям Уголовного Кодекса.

Но в 1927 году крестьян судили судами за конкретные действия и персонально. В отношении значительной части крестьянства применяли лишение избирательных прав, что являлось ярко выраженной репрессивной кампанией, проводимой большевиками, начиная с 1922 года. Эта была целенаправленная политика советской власти на монополию одной коммунистической партии большевиков.

В разъяснении Верховного суда РСФСР 1924 года было сказано, что при рассмотрении уголовных дел все суды были должны учитывать социальное положение подсудимого как в момент совершения им преступления, так и до революции. Устанавливалась социальная группа подсудимого: помещик, купец, крестьянин-кулак, середняк или бедняк. Создавалась система ухода от наказания политически лояльных к советской власти социальных групп – рабочих и крестьян-бедняков.

У лишенных избирательных прав крестьян отбирались наделенные участки земли, вместо них отводились отдаленные необработанные участки. Им запрещалось выделяться из деревень на хутора и отруба, сдавать свои участки земли в аренду. С 1927 года на деревенские сходы не стали допускать зажиточных крестьян, которые были лишены избирательных прав. Одновременно советская власть создавала условия, чтобы принудительно выкупить у зажиточных крестьян трактора, молотилки, сеялки, веялки, сложные машины по низким ценам. Прекращали кредитование этих семей и снабжение их плугами, боронами и другими сельскохозяйственными орудиями.

С апреля 1927 года налог на зажиточные хозяйства увеличили более чем в 2 раза, в сравнении с 1926 годом. В связи с непосильными налогами весной 1928 года многие из крестьян стали отказываться

от своих земельных наделов. В заявлениях на полное или частичное изъятие земли они писали, что налоги невозможно высокие. В тот год остались нераспаханными и незасеянными тысячи десятин земли.

Крестьян, отказавшихся в 1927–1928 годах сдавать государству хлеб по низким государственным ценам, и продававших его на базарах по рыночным ценам, привлекали к уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР за спекуляцию хлебом, хотя признаков спекуляции не было, а была возможность продажи собственного хлеба по нормальным рыночным ценам.

Во время выборов 1927 и 1929 годов ужесточили критерии лишения избирательных прав, это позволило отсеять от выборов значительную часть самого активного деревенского общества. Кампания по хлебозаготовкам и сбору налогов 1928/1929 годов проводилось с помощью чрезвычайных мер. В связи с этим крестьяне все чаще стали высказываться против политики советской власти. К этому времени крестьянское общество искусственно раскололось, у советской власти появились, как активные сторонники, так и убежденные противники. Большинство крестьян относилось к советской власти, как к силе, при которой надо было жить и выживать.

Деревенский нэпман оказался в роли изгоя советской власти, в годы НЭПа он выживал сам по себе, вопреки искусственным трудностям, создаваемым государством и стечению обстоятельств. С точки зрения идеологов советской власти – деревенский нэпман или «кулак» – отрицательный тип, ненавистный и презираемый властью, а ей казалось – и общественностью.

Но, как бы, ни искали в деревне «толстопузого кулака», каким его изображали на плакатах, среди крестьян таковых не было. Тут не до жиру, быть бы живу, работая по 14–16 часов в сутки. К сожалению, до сих пор у многих городских жителей действует искаженное представление о зажиточном крестьянине времен НЭПа, как «кулаке-мирооде», «вредителе» и «враге народа».

Это абсолютно не так, кому они были враги, если сами крестьяне представляли тогда более 80% всего населения страны? Исходя из вышеперечисленных признаков, деревенских нэпманов к 1929 году по Тверской губернии их насчитывалось 14–16% от общего числа крестьянских хозяйств. Половина из них были позднее раскулачены и выселены из своих деревень, остальные вступили в колхозы, отдав туда все свое имущество и скот, или переехали в города и другую местность.

Многие из раскулаченных крестьян были обычными середняками, которые упрямо не хотели вступать в колхоз. Когда их силой загоняли в колхозы, заупрямились, наговорили разный негатив про советскую власть. Им за это приписали антисоветскую агитацию и отправили с родных мест на 3–5 лет, а то и большие сроки.

Проблемные карельские деревни

*Необходимо проведение в жизнь резолюции
XII съезда по национальному вопросу.*

Из материалов совещания ЦК РКП(б)
9–12 июня 1923 года

После Октябрьской революции 1917 года и окончания Гражданской войны крестьяне деревень Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии сосредоточились на ведении и укреплении своего ослабленного личного хозяйства. Им было далеко до политических процессов, которые происходили в стране. Они жили вдалеке от больших дорог и городов, большинство из них не знали русского языка и советских законов.

Чтобы не умереть с голоду во времена продразверстки, карелы высаживали много капусты, свеклы, огурцов, которые не попадали под разверстку, нацеленную на изъятие хлеба.

Крестьяне-карелы долго всерьез не воспринимали новые органы советской власти – сельсоветы, куда руководители не избирались, а просто назначались, хотя формально выборы их проводились. В сельсоветы входили немногочисленные в деревне коммунисты, комсомольцы, а также представители бедноты. Но коммунистов до второй половины 1920-х годов в этих карельских деревнях не было, а несколько малолетних комсомольцев авторитетом не пользовались. Работники сельсоветов и волисполкомов видели свою основную задачу в сборе сельскохозяйственного налога и выполнении распоряжений вышестоящих органов.

За карелами Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда сохранялась их усадебная оседлость в деревнях, где они проживали, а также земельные наделы, которые они обрабатывали испокон века со времени переселения с Карельского перешейка и Приладожья.

Карелы считали, что если они пользуются земельными наделами, как и прежде до Октябрьской революции, то это их собственная земля. Им было далеко до понятия, что они только пользуются землей, а владеет и распоряжается землей уже государство. Если даже многие грамотные граждане страны, в том числе и коммунисты, не различали понятий пользования, владения и распоряжения, то, что можно было спрашивать с неграмотных крестьян, тем более плохо владеющих русским языком карел.

Чтобы не было несправедливости между ними, карелы категорически отказывались вести переделы пахотной земли. Они пахали и обрабатывали свои участки, передававшиеся из поколения в поколение уже более 250 лет. Покосы в деревнях не делились, велись общими силами, между хозяйствами делили уже готовое сено. Считали, что так более справедливо, чем делить участки с разным травостоем и неудобьями.

Так как делились лишь при крайней необходимости, в карельских деревнях многие семьи сохранялись большими, а дома были пятистенными на две избы. Другие дома тоже были с двумя избами, отделенными сенями. Одна изба смотрела окнами на деревенскую улицу, а другая – в огород. В каждой избе жили женатые братья с детьми, их родители жили у старшего брата, а младшие навещали их каждый день по несколько раз. Так и жили в деревнях три поколения – работоспособные крестьяне, их дети и престарелые родители.

Работали много и натужно, старики едва доживали до 60–65 лет, надрываясь на тяжелой работе в поле, в лесу и на гумне или риге, страдая от болезней и военных ранений. Редко кто из них перешагивал 70-летний рубеж, лишь некоторые карельские женщины доживали до 85–90 лет и дольше.

Слава Богу, что до глухих карельских деревень с неграмотным населением не доходили первые законодательные акты советской власти, что по мере коммунистического строительства семья отомрет, и что сформируется новый свободный тип отношений между мужчиной и женщиной. Да и сама советская власть в конце 1920-х годов спохватилась, что переборщила со свободой отношений, и возвратилась к традиционной семье, как «основной ячейке социалистического общества».

Учитывая, что никаких изменений с приусадебными участками и полевыми наделами не производилось, карелы по-прежнему считали

эти участки земли своей собственностью, вплоть до создания колхозов в 1931 году. Они работали на своих полях, порою объединялись с родственниками или соседями для вывозки навоза, строительства дома или выполнения других тяжелых работ. В хозяйствах зажиточных крестьян, кроме набора обычного сельскохозяйственного инвентаря – лопат, кос, грабель, плугов, борон были разные сельскохозяйственные машины.

По воспоминаниям жителей наших карельских деревень, обычно зажиточные хозяйства до Октябрьской революции 1917 года имели состав семьи в 9–11 человек, если взрослые женатые сыновья не успели отделиться, в том числе по 3–4 работника. В хозяйстве было по 2–3 лошади, 3–5 коров, до 8 голов молодняка – телят, телок, бычков и жеребят, 10–15 овец. Как правило, зажиточное хозяйство что-то имело: мельницу, маслобойку, кузницу или ригу. Имело также сельскохозяйственные машины – молотилку, сеялку, сортировку, веялку, конную косилку или другие. Члены зажиточной семьи хорошо одевались, сытно питались, упряжь для лошадей была добротной. Делились лишь крепкие семьи, имевшие много земли и скота, не случайно через несколько лет, при коллективизации, были раскулачены династии Зайцевых из деревни Байки, Голубевых из Горбовца, Маровых из Шейна. Семейные устои в карельских деревнях оставались крепкими и незыблемыми.

Во времена НЭПа каждое крестьянское хозяйство в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода имело по 10–12 гектар наделной земли и полгектара усадебной площади. Основной рабочей силой в деревне оставалась лошадь, а кормилицей – корова. В каждом хозяйстве имелся дом с одной или двумя избами, двор для скота, сарай для сена, житница для зерна.

Основными видами занятий в карельских деревнях были полевые работы, последовательно: подготовка и ремонт сельскохозяйственного инвентаря к весеннему севу, весенний сев, вывоз навоза на поля, сенокос. После этого, с августа по октябрь включительно, начинался своего рода аврал, который заключался в одновременных работах по уборке урожая, молотье, расстилке и подъему льна, проведению озимого сева. Уже поздней осенью и зимой вырабатывали льноволокно на примитивных деревянных мялках.

Зимой портные по-прежнему, как в старину, шили для односельчан рубахи, штаны и сарафаны, сапожники шили кожаные мужские са-

поги и женские коты (сапожки). Бондари мастерили бочки, бочонки, жбаны и шайки из тонких еловых досок, надежно стягивая их можжевельными обручами. Шорники обивали кожей деревянные хомуты и седелки. Кузнецы ковали гвозди, зубья для борон, сошники для сох и плугов, петли для ворот и дверей и другие изделия.

Столяры длинными зимними вечерами мастерили оконные рамы, шкафы, столы, табуретки, полки для посуды и другие предметы домашнего обихода.

Не смолкал шелест веретен в руках женщин и девушек, которые при свете керосиновых ламп, а то и сальных свечей, пряли пряжу. Вязальщицы вязали из ниток кружевные скатерти на столы, занавески на окна, накидки на подушки, подвески к кроватям, украшали вязью концы полотенец и многое еще чего.

Много забот для крестьянина доставляла лошадь и связанные с нею транспортные средства. В деревне сами крестьяне выполняли работы шорника, который мастерил упряжь для лошади, и тележника, мастерившего телеги, одры, дроги и сани.

До революции в богатых помещичьих имениях вместо тележника было много отдельных ремесленников, о которых можно судить по их названиям: клещевики, которые делали заготовки для хомутов, оглобельщики, осевики, колесники, санники, каретники и другие. В деревне же крестьянин готовил телегу или одер, начиная от осевых подушек, колес и до оглобель и ременной упряжи один самостоятельно.

После Октябрьской революции и Гражданской войны карельские деревни обеднели наравне со всеми. В связи с намерением советской власти переселить часть тверских карел в Карелию, представители Тверского губисполкома в 1928 году провели исследование карельских хозяйств Бежецкого, Весьегонского, Вышневолоцкого, Новоторжского и Тверского уездов. Общее состояние среднего карельского двора характеризовалось следующими показателями:

- средний полевой надел составлял 10 гектар, из них площадь посева всех культур на один двор 2 гектара, в том числе: озимой ржи – 0,6 га, овса – 0,5 га, льна – 0,4 га, многолетних трав – 0,2 га, прочих – 0,3 га;
- наличие скота: лошадей – 1,1; коров – 2,4; овец – 2,8; свиней – 0,1 на один двор;
- процент неграмотных карел в возрасте от 8 лет – 41% к общему числу карельского населения. В докладной записке сообща-

лось, что в карельской нации своей письменности не имеется. Поэтому какой-либо культурно-просветительской работы среди карельской нации Тверской губернии проводить невозможно.

Недостающий для пропитания семьи хлеб карелы покупали на рынке, зарабатывая на него сохранившимися промыслами и продажей личного скота. Число тверских карел тогда в полтора раза превышало численность карел в Карельской АССР. Часть карельских семей переселилась в Карелию, но массового переселения туда тверских карел, как было задумано властью, не произошло.

Во время НЭПа для советской власти карельские деревни, где жители плохо понимали русский язык, не могли на нем изъясняться, были дерзки и упрямы, стали проблемными. Карелы никогда не знали крепостного права, не страдали рабской психологией, и последующим поколениям ее не передавали. Поэтому мало кому нужные карельские деревни Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии за первые 10 лет советской власти неоднократно перебрасывались из одной волости в другую.

За период с 1924 по 1926 годы никаких собраний в связи с проведением очередных выборов, празднованием 1 мая, годовщины Октябрьской революции и другим политическим событиям в карельских деревнях Бежецкой и Сулежской волостей не проводили. В списках женщин-батрачек Бежецкой волости, работавших у нанимателей, карелок не было ни одной. В школьный совет Бережковской школы тогда входили учительницы Петропавловская и Большакова [165].

За все годы нахождения карельских деревень в составе Бежецкой и Сулежской волостей на заседаниях бюро и волостного комитета партии, ни разу не поднимали и не обсуждали, ни одного вопроса по ситуации в них. На заседаниях Бокаревской партиячейки лишь популяризировали Карело-Кошевский торгово-заготовительный кооператив, других вопросов из жизни карельских деревень не рассматривали. Собраний с беднотой, женщинами и по другим вопросам в этих деревнях до апреля 1929 года не проводили.

Определенную роль в отсутствии политической работы в карельских деревнях, думаю, сыграл язык, так как неграмотные карелы плохо говорили по-русски и мало что понимали по-русски. Для работы с ними нужны были коммунисты, знающие карельский язык, но их в

деревнях не было. Среди жителей карельских деревень члены сельсоветов и волостных исполкомов проводили одну работу, которую с них активно требовали, сначала проведение продразверстки, затем сбор натурального продовольственного налога, позднее – сбор единого сельскохозяйственного налога и недоимок по налогам.

Местным коммунистам поручалось провести полный учет заработков владельцев кустарных кожевенных и маслобойных заводов, мастерских валяной обуви, кузнецов и мельников. К октябрю 1927 года в Бежецкой волости Бежецкого уезда насчитывалось 1318 кустарей, в том числе: бондарей – 140, кожевников – 80, корзинщиков – 62, сапожников – 74, вязальщиц – 152, валяльщики обуви – 24 и другие кустари. По Сулежской волости сведений о кустарях нет [166].

В ноябре 1927 года секретарь Бокаревской партячейки Владимир Николаевич Русаков доложил в Бежецкий волостной комитет партии о проведении кампании в связи с 10-летием Октябрьской революции. Доклада и мероприятий в ячейке не было, так как члены ячейки 7 ноября были на торжественном заседании Бежецкого уездного комитета ВКП(б). Доклады и приветствия прошли лишь в школах: Карело-Кошевской, Хонеевской и Гостиницкой [167].

21 января 1929 года работу Горского сельсовета по организации проведения перевыборов в сельсоветы проверил уполномоченный Тверского губернского исполкома Трошин. В справке он указал, что никакого учета по перевыборной кампании не было ни в сельсовете, ни в партийной и двух комсомольских ячейках. Во время беседы с уполномоченным, председатель сельсовета Бажеев и секретарь партячейки Русаков заявили, что ожидают кулацкие выступления, особенно со стороны эсеров в карельской деревне Бережки.

Избирательной комиссией сельсовета были лишены избирательных прав 50 крестьян, из них 3 человека восстановлены в правах по их жалобам. Установлено, что в Карело-Кошевской торгово-закупочной кооперации приказчики (то есть продавцы) торгуют по своему усмотрению. Например, привозную пшеницу в счет льнозаготовок раздали не беднякам, а двум селениям из 14, и то зажиточным крестьянам по 15–20 пудов каждому. Также раздали гарнцевую муку в счет льнозаготовок населению, минуя бедняков.

В помещении Горского сельсовета висят иконы, хотя председатель сельсовета – комсомолец. В результате перевыборов в 1929 году в со-

став сельсоветов Бежецкой волости из 729 членов был включен лишь один карел в Горском сельсовете [168].

То, что советская власть не вмешивалась в жизнь карельских деревень, кроме сбора единого сельскохозяйственного налога, было крестьянам во благо. Жизнь в них в годы НЭПа постепенно налаживалась, крестьяне почувствовали свободу. Земли было достаточно, кто не ленился, тот стал жить сытно. Начали строить новые дома, перестраивать старые, заводили улучшенный племенной скот, тщательнее обрабатывать полевые наделы. Дома стали перекрывать вместо соломой дранкой.

В карельских деревнях стали набирать силу активные, самостоятельные крестьяне, поверившие советской власти о поддержке ею *«старательного культурного хозяина»*. Складывались и в складчину покупали сельскохозяйственные машины – молотилки, веялки, сеялки, жнейки, косилки и другие. На огородах, кроме овощей, многие растили табак-махорку, который выгодно продавали на базаре в Бежецке или сдавали государству. Многих зажиточных крестьян карельских деревень к концу НЭПа советская власть стала считать «культурными хозяевами».

Только бы жить да радоваться, как с 1926 года стали облагать зажиточных крестьян карельских деревень дополнительным налогом, лишая права голоса на выборах. С 1930 года стали давать невыполнимые твердые задания, а в 1931 году – выселять зажиточных крестьян вместе с семьями, называя их «кулаками», а не «культурными хозяевами», как их называли в годы НЭПа.

Выработанный десятилетиями уклад жизни крестьян в карельских деревнях был нарушен в феврале 1930 года, когда был создан первый колхоз «Новый Путь» в деревне Климантино. Создать колхозы в других карельских деревнях тогда не удалось, они были образованы ровно через год, в феврале-марте 1931 года.

Глава IV. Курс на колхозное строительство

Крестьяне – заложники политики

*НЭП был всерьез, надолго,
но не навсегда.*

И.В. Сталин

За все годы советской власти в деревне действовало право силы, а не сила права. Сразу после Октябрьской революции 1917 года стали проводить продразверстку, порою забирая у семьи весь хлеб, оставляя крестьян на голодное существование. Те, кто не отдавал свой хлеб, кто не пускал продармейцев в свои амбары, становились для Советского государства контрреволюционерами и нарушителями законов. Те же продармейцы, которые с оружием в руках силой врываются в дома и амбары крестьян, грабили чужой хлеб, по утверждению советской власти, действовали законно. С точки зрения законности и справедливости, все перевернулось наоборот.

В 1921 году продразверстку заменили неподъемным для крестьян натуральным продовольственным налогом, при котором порою силой забирали половину урожая и половину доходов с личного хозяйства. В 1924 году его заменили единым сельскохозяйственным денежным налогом и многими местными налогами и сборами.

Крестьяне поверили лозунгу «Обогащайтесь!», который выдвинул «любимец партии» Н.И. Бухарин. На собрании актива Московской парторганизации 17 апреля 1925 года он заявил, что всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: *«обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство»*. Крестьяне поверили одному из видных партийных руководителей, стали увеличивать посевы и поголовье скота, активно занялись ремеслами и торговлей. В результате самые крепкие деревенские хозяйственники были объявлены кулаками и выселены с родных мест.

Советская власть обманула крестьян с государственными займами, насаждая их угрозами и административными путями. После революции у крестьян не было денег, поэтому в годы НЭПа выпускались продуктовые займы. В 1922 году выпустили хлебный заем на 10 млн пудов ржи, в 1923 году – сахарный заем, с 1924 года стали выпускать облигации денежных займов. Крестьяне не верили советской

власти, что надо покупать облигации государственного займа, что со временем им вернут вложенные средства и даже с процентами. Поэтому облигации государственных займов давали в счет погашения налогов, заработной платы советским служащим, при получении справок из сельсоветов. Многие из крестьян понимали государственный заем, как очередную принудительную меру, к которым их советская власть приучала. Покупка облигаций государственного займа засчитывалась в счет уплаты единого сельскохозяйственного налога.

К моменту коллективизации и раскулачивания долг государства перед крестьянами по государственным займам составлял 2 млн рублей, которые никогда никому не вернули, ни самим крестьянам, ни их наследникам.

НЭП – это короткий промежуток времени, когда советская власть делала попытки проведения политики, хоть как-то отвечающей интересам крестьянства. Крестьяне поверили, что власть прислушивается к ним и выполняет некоторые их требования. Аналитики и многие эксперты считают, что 7 лет новой экономической политики, с марта 1921 года по октябрь 1928 года, были одними из самых удачных проектов за все годы советской власти. НЭП привел к восстановлению разрушенное в годы Первой мировой и Гражданской войн сельское хозяйство.

Но руководство страны не пошло на дальнейшее расширение демократии в обществе, в результате уже к осени 1923 года в экономике наступил кризис, так как искусственное завышение цен на промышленные товары привело к недовольству крестьян, которые не могли покупать товары из-за отсутствия денег. В дальнейшем кризисы разразились в 1925/1926 году и в 1927/1928 году из-за провала хлебозаготовительных кампаний.

Делегаты XV съезда ВКП(б), проведенного в декабре 1927 года, голосуя за всенародное развертывание коллективизации сельского хозяйства, тем самым отменили НЭП, не заявляя об этом народу. Началась подготовка к одной из самых страшных трагедий крестьянства России – коллективизации и раскулачиваю зажиточных крестьян.

С докладом о работе в деревне на XV съезде ВКП(б), который открылся 2 декабря 1927 года, выступил В.М. Молотов. Из его выступления можно еще раз убедиться, как на самом деле велась политика в отношении крестьян: «Коренной задачей всей политики партии в

деревне является переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному общественному хозяйству в деревне. Большая часть снабжения деревни промышленными товарами и большая часть заготовок сельскохозяйственных товаров находится в наших руках. Тем самым у нас имеется огромный рычаг государственного планового воздействия на развитие сельского хозяйства.

У нас примерно 24 млн мелких крестьянских хозяйств, из них 8 млн наиболее слабых хозяйств, батраков в деревне более 3 млн человек, до сих пор в деревне применяется более 5 млн сох вместо плугов. Перед партией стоит задача форсированного наступления на кулака, это и есть то, что именуется строительством социализма в нашей стране. Вопрос стоит в том, как наступать, что взять сейчас за основной рычаг в этом наступлении на капиталистические элементы в деревне. Но чего сейчас у нас не хватает, так это смелости и настойчивости в поддержке коллективного строительства в деревне» [169].

Решения XV съезда ВКП(б) были посвящены вопросам социалистического переустройства деревни. Предполагалось постепенно сокращать площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов. Ограничивать срок аренды земли не более как сроком одного севооборота, но не свыше 6 лет.

Решительно карать как уголовное преступление виновных в нарушении закона по всем и всяким видам субаренды. Сдавать в аренду государственные фондовые земли, главным образом, хозяйствам трудового типа, ограничив срок аренды шестилетним периодом.

Ограничить практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив ее в тех случаях, где она ведет к росту кулацких элементов.

Всемерно привлекать демобилизованных красноармейцев и краснофлотцев к советскому и культурному строительству в деревне, для чего в самой общественно-политической подготовке их в рядах Красной Армии и флота следует внести необходимые улучшения в соответствии с настоящими решениями [170].

Если в 1921 году руководитель Советского государства В.И. Ленин заявлял, что НЭП в стране **«всерьез и надолго»**, то другой руководитель страны И.В. Сталин в 1927 году говорил: **«НЭП всерьез, надолго, но не навсегда»**.

Конфискация хлебных запасов в конце 1927 года у зажиточных крестьян с помощью силы означала свертывание НЭПа в деревне. По-

вторно конфискацию хлеба провели осенью 1928 года. И хотя НЭП официально никто не отменял, но в связи с принятием в октябре 1928 года первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, он был фактически свернут, и страна пошла по пути плановой экономики.

В ответ на конфискацию хлеба и привлечение к уголовной ответственности, крестьяне повсеместно сократили посевы зерновых культур, и в следующем 1928/1929 году хлеба было продано государству еще меньше, чем в предыдущем году, кризис обострился. В городах с 1929 года была введена карточная система распределения хлеба и других продуктов питания.

В 1929 году И.В. Сталин вступил в борьбу с оппозицией «правых уклонистов», которыми считал любимца партии, редактора газеты «Правда» Н.И. Бухарина, председателя Советского правительства А.И. Рыкова, руководителя профсоюзов М.П. Томского.

Видные советские и партийные руководители: редактор газеты «Правда» Н.И. Бухарин, председатель Советского правительства А.И. Рыков, руководитель советских профсоюзов М.П. Томский, министр финансов Г.Я. Сокольников и другие предлагали уйти от чрезвычайных мер. По их мнению, нужно повысить закупочные цены на хлеб, направить в деревню необходимые там товары, усилить налоговое обложение зажиточных слоев деревни.

Они убеждали И.В. Сталина и его сторонников, что ни одна хозяйственная единица не будет выполнять на совесть административные команды, если они противоречат ее экономическим интересам. Заставлять можно только экономическими мерами, как в городе, так и в деревне. Закупочные цены на хлеб в то время были в 3 раза ниже рыночных цен, но чтобы их повысить, нужно было отказаться от строительства каких-то объектов индустриализации.

Н.И. Бухарин и его сторонники предлагали экономический путь выхода из кризиса хлебозаготовок:

1. Увеличение выпуска товаров народного потребления и насыщения ими рынка, то есть первоначальное развитие легкой промышленности.
2. Сбалансированность цен на зерно и продукты питания с ценами на промышленные товары.
3. Усиление налогообложения на зажиточных крестьян с одновременной закупкой хлеба за границей.
4. Развитие кооперативного движения в деревне.

Но И.В. Сталин и его сторонники объясняли причины продовольственного кризиса саботажем кулаков и неспособностью мелкотоварного крестьянского хозяйства обеспечить хлебом потребности страны. Обеспечить страну хлебом и другими продуктами, по утверждению Сталина, могла только массовая коллективизация крестьянских хозяйств. И.В. Сталин и его сторонники предлагали другой, репрессивный путь выхода из кризиса:

1. Форсирование индустриализации страны.
2. Форсированное создание колхозов, как формы насыщения зерном и продуктами питания городских жителей.
3. Ликвидация кулачества, как последнего эксплуататорского класса.
4. Проведение государственного контроля над деятельностью крестьянства.

Таким образом, вместо решения экономических проблем, в годы НЭПа вся страна была втянута во внутрипартийные бурные баталии в борьбе за власть. Личные амбиции руководителей коммунистической партии, их соперничество, непримиримость привели к трагедиям. И.В. Сталин, используя свой пост генерального секретаря Центрального комитета партии, постепенно шел к лидирующему положению в партии и государстве.

Сначала он, при помощи привлеченных на свою сторону, авторитетных коммунистов Бухарина, Зиновьева и Каменева смог нанести поражение сторонникам Л.Д. Троцкого. Затем расправился и со своими сторонниками, назвав их «новой оппозицией» во главе с Зиновьевым и Каменевым.

Победил сталинский план коллективизация крестьянских хозяйств и раскулачивания зажиточных крестьян. Н.И. Бухарин и его сторонники были объявлены «правым уклоном» в партии, многих из них позднее арестовали и расстреляли.

Тверская деревня накануне коллективизации (1928–1930 годы)

*Арестовывали за спекуляцию хлебом
не только кулаков, но и середняков.*

Из донесений ОГПУ

По данным переписи 1926 года в СССР проживало 147 млн человек населения, из них сельское население составляло 121 млн человек или 82% от числа всего населения. Советская власть считала, что в СССР бедняки составляли около 30–35% деревенских жителей, хозяйство бедняка имело в среднем по 2–4 десятины земли, средний доход семьи – около 300 рублей в год. Крестьян-середняков насчитывали 60–65%, средний годовой доход такого хозяйства составлял до 600 рублей, оно имело 10–12 десятин земли, лошадь и корову. Питанием крестьянина-середняка в 1928 году были в основном хлеб, картофель и мясо. На одного едока в этих семьях приходилось по 250 кг хлеба и хлебных изделий (15,6 пудов) или по 685 грамм в день. Картофеля – 141 кг на едока в год, мяса – 40 кг на едока в год или по 110 грамм в день.

Кулаки в деревне составляли 3–4%, их годовой доход был в пределах 1,5–2 тысяч рублей, земли до 15 десятин и дополнительная аренда земли у односельчан. Основной критерий отнесения к кулачеству по-прежнему – использование труда наемных работников.

До 1924 года к деревенским нэпманам власть относил крупный торговцев, арендаторов и кулаков-ростовщиков. К 1927 году к деревенским нэпманам стали относить владельцев мелких кустарно-ремесленных мастерских с наемными работниками, мелких торговцев, имевших лавки или продававших товары с лотков без использования наемного труда. Доходы этих ремесленников и мелких торговцев не отличались от доходов земледельцев-середняков, в 1927 году составляли 350–450 рублей [171].

Для того, чтобы крестьянская семья удовлетворительно питалась, по данным за 1913 год, необходимо было иметь по 12 пудов ржи на одного едока. Если при провозглашении НЭП в 1921 году ставилась задача иметь хлеба по 15 пудов на едока, то в 1928 году средняя крестьянская семья имела по 15,6 пудов хлеба на едока.

Именно едок был критерием для советской власти в годы НЭПа, а не человек в его высшей форме развития, потому что перед крестья-

янами стояла, как и всегда, их основная задача – накормить себя и страну хлебом и продуктами сельского хозяйства. Тогда в каждой семье рождалось по 10–12 детей, а то и больше, но выживали не все. Редкая крестьянская семья имела возможность отправить своего сына или дочь в город для дальнейшего обучения, им бы прокормить свои семьи. Порою лишний рот в семье – дети, беспомощные больные или старые нетрудоспособные члены семьи, были большой обузой, особенно в бедняцких семьях.

По Тверской губернии к 1928 году насчитывалось около 65% середняков, 14–16% зажиточных крестьян (деревенских нэпманов), около 1% кулаков-ростовщиков, 17–20% бедняков вместе с батраками и наемными работниками. В наделе крестьянина-середняка по Тверской губернии к 1928 году было 4–5 десятин пашни, 4–5 десятин сенокосов и 0,33 десятины усадьбы. Урожайность ржи в 1927 году, например, по Бежецкому уезду, составляла 58,8 пудов (9,4 центнера) с десятины, поэтому половину пашни была занята рожью, как основным продуктом пропитания. Остальная часть пашни в полевом наделе засеивалась овсом, ячменем и льном. Урожайность овса по Бежецкому уезду в 1927 году составила 65 пудов (10,4 центнера) с десятины, ячменя – 52,8 пудов (8,5 центнера) с десятины.

К 1928 году крестьяне накормили хлебом свои семьи, городских жителей и тех, кто в скором времени начнут их раскулачивать.

* * *

Привожу выдержки из справок о ситуации в Тверской губернии за 1928–1930 годы, и докладов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), в которых отдельно сообщалось о настроениях среди рабочих, крестьян, красноармейцев, духовенства, интеллигенции, а также по конкретным территориям.

1928 год. *Январь-февраль* был отмечен придержанием хлеба крестьянами, которые ждали повышения цен на него весной. Они платили налоги деньгами, и отказывались от получения промышленных товаров в обмен на хлеб. В это время проходила активная агитация со стороны коммунистов за создание колхозов и противодействие крестьян коллективизации. Представители советской власти на местах в некоторых случаях вводили подворную разверстку вывоза хлеба,

проводили поголовные обыски дворов с целью выявления излишков хлеба. Арестовывали для привлечения к уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР не только кулаков, но и середняков.

В редакции 1926 года ст. 107 УК РСФСР означала: злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок – лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой.

Те же действия при установлении наличия сговора торговцев – лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества.

В феврале 1928 года в деревне Бокарево Бежецкого уезда Тверской губернии во время изъятия имущества за неуплату налога у мясоторговца во двор ворвалась толпа местных крестьян числом в 100 человек и стала угрожать фининспектору и милиционерам. Они были вынуждены уехать, не изъяв у торговца описанного ими имущества.

Весной 1928 года советская власть проводила кампанию по реализации займа восстановления сельского хозяйства. Наблюдались срывы деревенских сходов и собраний по вопросам займа по всей Тверской губернии. В ряде местностей наблюдалось принудительное размещение займа, когда председатели сельсоветов запугивали не подписавшихся на заем крестьян арестами. В других случаях грозили конфискацией имущества, составляли на это протоколы, вызывали неоднократно в сельсоветы, где предлагали им приобретать облигации займа согласно раскладке, которую сельсоветы делали по деревням. Местами крестьяне являлись в сельсоветы с заготовленными сухарями, уверенные, что будут арестованы.

Были многократные случаи продажи скота, как бедняками, так и середняками для уплаты насильно навязанных облигаций займа. Широко применялся способ вручения облигаций займа при выдаче крестьянам разных справок, удостоверений на помол зерна, на приобретение леса, ссуд для покупки скота или сельхозинвентаря. Кооперация повсеместно отпускала крестьянам мануфактуру, спички, керосин, соль, одежду, обувь и другие товары только лицам, купившим облигации займа. После опубликования в печати письма председателя Совнаркома А.И. Рыкова о добровольном распределении займа крестьяне пытались возвращать облигации сельсоветам, требуя возврата денег, но всем им было в этом отказано.

В марте-апреле 1928 года продолжалась активная агитация советской власти по созданию колхозов, но крестьяне откликались на это

неохотно. Бедняки, порою желавшие создать колхоз, не знали, как это сделать из-за отсутствия у них скота, сельхозинвентаря и помещений для обобществления.

Летом 1928 года был введен новый единый сельхозналог, по некоторым волостям Тверской губернии он был увеличен в 2 раза в сравнении с 1927 годом. В Тверской губернии, как и по всей стране, были обложены по некоторым волостям до 100% бедняков, имевших льготы в 1927 году и ранее. При этом резко повысили налог крестьянам-кустарям, они, платившие в 1927 году 9 рублей сельхозналога, при неизменившейся доходности в 1928 году, были обложены налогом в 80 рублей. Крестьяне-кустари, платившие ранее 22 рубля, были обложены налогом в 205 рублей. По всей стране в советские и партийные органы массово поступали жалобы о заявления на высокий налог.

Новым явлением для Тверской губернии в 1928 году стало противодействие мельников сдаче гарнцевого сбора, их отказ от заключения договоров с советскими и кооперативными органами на помол зерна вплоть до того, что сами закрывали свои мельницы.

В 1928 году участились случаи восстановления лишенцев в избирательных правах. В них восстанавливали служителей религиозных культов, участники борьбы против советской власти в белых армиях, бывшие помещики, бывшие полицейские, а также кулаки, пользовавшиеся постоянной наемной силой и занимавшиеся торговлей. Особенно многочисленны были случаи восстановления в избирательных правах членов семей лишенцев.

Предвыборная кампания в советы показала обострение обстановки в деревне между зажиточными крестьянами и бедняками, которых поддерживала советская власть. При обсуждении вопроса об участии бедноты в предвыборной кампании председатель Чамеровской волостного Крестьянского комитета общественной взаимопомощи Весьегонского уезда Тверской губернии, который занимался оказанием помощи в кооперировании крестьянских хозяйств, заявил: «У нас нет бедноты, а есть лодыри, пьяницы, которым советская власть оказывает поддержку льготами и кредитами, а тут еще хотят их выделить в сельсоветы, чтобы они там деньги пропивали».

Большую активность во время выборов проявляли лишенцы, массово подавая заявления о восстановлении в избирательных правах, заявляя о своей активной общественной позиции и поддержке советских мероприятий. Они подвозили дрова к школам, активно участво-

вали в работе изб-читален, становились застрельщиками проводимых в деревне кампаний по покупке облигаций займов, внесению взносов по самообложению. Они давали бесплатно бедноте для молотьбы, очистке зерна, помола муки свои сельхозмашины и мельницы.

Основным и наиболее распространенным лозунгом крестьян во время выборов было требование о прекращении расслоения крестьянства на бедняков, середняков и кулаков. Они заявляли: *«Зачем вы устроили какое-то расслоение, где вы тут кулака нашли, все село перепутали. Там актив, там группа бедноты, там середняк – мы все одинаковы»*.

1929 год. В том году по всей стране губернии были заменены областями, а уезды и волости – районами. Бывшая Тверская губерния была разделена на округа, в том числе Бежецкий и Тверской, которые вошли в состав Московской области.

14 января 1929 года была образована Московская Центрально-Промышленная область, а с 3 июня 1929 года она переименована в Московскую область.

Летом 1929 года в Тверском округе Московской области наблюдалась нехватка хлеба, нормы отпуска муки кооперацией, ведающей снабжением сельского населения, были сокращены. Также сократился подвоз муки на рынки всего округа, цены на хлеб поднялись с 7–8 рублей за пуд, достигнув в некоторых районах округа 14 рублей. Население компенсировало проблемы с хлебом и голодом появлением съедобной зелени и увеличением надоев молока.

Осенью 1929 года отмечалось слабое поступление хлеба от вновь созданных колхозов. Колхозы, с целью сокрытия своих хлебных запасов, преуменьшали хлебофуражные балансы, произвольно увеличивали потребительские нормы на свои нужды, и задерживали обмолот хлеба, одновременно продавая его на частных рынках. Зачастую задержка обмолота хлеба происходила из-за распоряжения местных властей об обмолоте хлеба в первую очередь индивидуальным хозяйствам. Сентябрьское задание по сдаче хлеба бежецкими и тверскими колхозами было выполнено на 7–14%, в зависимости от района. В результате нажима на них по хлебозаготовкам, некоторые колхозы распались.

В связи с широко распространенными слухами о предстоящем насильственном изъятии скота и передачи его в колхозы, по всей стране с декабря 1929 года началась массовая распродажа и убой скота. Создалась реальная угроза проведению весной 1930 года посевной кампании

из-за резкого сокращения поголовья лошадей. Многие крестьяне вступали под нажимом во вновь организуемые колхозы, предварительно распродав свой скот.

Представители ОГПУ в своих справках руководству страны объясняли задержку хлеба колхозами их засоренностью кулаками, зажиточными крестьянами и антисоветскими элементами, которые вступали в колхозы, по мнению чекистов, исключительно личного обогащения и укрытия от налогового прессы [172].

1930 год. Год начался с продолжения убоя скота перед вступлением в колхозы, а также совершенными терактами. За период с 1 января по 17 февраля по Московской области было совершено 47 терактов в отношении имущества, жизни и здоровья руководителей колхозов, работников низового аппарата советских органов, общественников и колхозников. Из них в Бежецком округе было совершено 4 теракта, в Тверском округе – 2 теракта. Из 47 терактов совершено 24 поджога, 7 повреждений имущества и 3 убийства.

Органы ОГПУ расценивали эти факты, как противодействие антисоветских элементов деревни проводимым мероприятиям по коллективизации и раскулачиванию. В помощь советским органам деревни для создания колхозов были направлены 25 тысяч рабочих. Основную массу добровольцев составляли малоквалифицированные рабочие с небольшим производственным стажем. Нередко эти малообразованные рабочие допускали факты присвоения конфискованного у кулаков имущества. Занимали дома кулаков, предназначенные под общественные и социальные организации, под собственное жилье. Допускали грубое отношение с колхозниками и единоличниками.

Продолжались выступления крестьян против вступления в колхозы, против закрытия церквей и обложения их высокими налогами. В селе Буйлово Рамешковского района Тверского округа поп церкви, которой были предъявлены страховые платежи на сумму свыше 2 тысяч рублей, назначил службу на 7 ноября 1930 года. Когда в церкви собрался народ, поп заявил, что сельсовет церковь закрывает, и он служит последний раз. Возбужденная толпа, свыше 300 человек, направилась в Алешинской сельсовет с выкриками: «Долой коммунистов, не дадим церковь, все расходы берем на себя, окажем помощь попу». По дороге толпа увеличилась до 1000 человек и всю ночь ходила с антисоветскими выкриками.

В селе Завидово Завидовского сельсовета Тверского округа 10 февраля 1930 года в колхоз вступили около 500 хозяйств. Организацию

колхоза предполагалось ознаменовать массовой демонстрацией, выехав на 400 подводах в соседние селения. Накануне, 9 февраля, поп села Завидово Дмитриев распустил слух, что 10 февраля он совершает последнюю, особо торжественную службу. На службу пришло около 400 местных крестьян, в связи с чем, намеченная демонстрация колхозников была сорвана.

Эти и другие факты были отмечены в справках сотрудников ОГПУ, направленных руководству страны, эти справки сейчас рассекречены [173].

Колхозное строительство в Бежецком округе

*Чего сейчас у нас не хватает,
так это смелости и настойчивости
в коллективизации.*

В.М. Молотов

В ходе административно-территориальной реформы на основании постановления ВЦИК СССР от 14 января 1929 года на территории РСФСР губернии, уезды и волости заменили областями, округами, районами и сельсоветами. Бежецкий округ с 10 районами вошел в состав Московской области, он, как и прежний Бежецкий уезд, оставался сельскохозяйственным. Многие образованные тогда округа, в том числе и Бежецкий, просуществовали чуть больше года и были ликвидированы.

Коллективизация в СССР проходила в два этапа, первый этап в 1929–1930 годах, второй – в 1931–1932 годах. Первый этап коллективизации по всей стране официально начался с 1 февраля 1930 года. *Бежецкий округ пережил первый этап коллективизации, так как во время второго этапа округа уже не существовало.* В 1930 году по округу насчитывалось 127 тысяч крестьянских хозяйств.

По плану, утвержденному Московским областным исполкомом, по Бежецкому округу предполагалась коллективизация к весеннему севу 1930 года – 50,8 тысяч крестьянских хозяйств или 40% к общему их числу, а за 1930 год – 63,5 тысяч крестьянских хозяйств или 50% к общему числу [174].

Одновременно с коллективизацией поручалось провести раскулачивание зажиточных хозяйств согласно постановлению Совнаркома СССР от 21 мая 1929 года «О признании кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». Кроме хозяйств, применявших наемный труд, к ним отнесли хозяйства, которые имели мелкие промышленные предприятия с механическим двигателем, занимались торговлей, ростовщичеством или коммерческим посредничеством.

Многие председатели сельсоветов и другие местные руководители не соглашались с признаками «кулака», обозначенные в этом постановлении. Они считали кулаком лишь ростовщика или торговца, одновременно имевшего сельское хозяйство с наемной рабочей силой. Они заявляли, что до революции можно было легко определить, кто буржуй. Он имел лавку, имел собственность, эксплуатировал чужой труд. После революции у буржуя забрали все, и как теперь его отличить от бедняка?

Другим малограмотным председателям сельсоветов и коммунистам было без разницы, было в хозяйстве до трех или более наемных работников, и были ли малые промышленные предприятия с механическими двигателями, с ручной или лошадиной тягой. Революционно настроенные бедняки и коммунисты в ответ говорили, что может быть у крестьянина мало скота и хозяйство небольшое. Но он – раскулаченный кулак, у которого революция взяла все, что можно. Поэтому в политике он даже более свирепый враг революции, чем современный буржуй, который нажил богатство сейчас и пользуется нажитым. Поэтому тех, кого раскулачили после революции, заявляли эти коммунисты, надо раскулачивать снова.

Таким образом, в 1929–1930 годах все категории деревенских «нэпманов» свели в один класс – кулачество и объявили его врагом пролетариата и деревенской бедноты. Нагнетание борьбы с кулачеством, как классом, резко возросло после принятия 18 июля 1929 года постановления ВЦИК и Совнаркома «О целесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов». Самые трудолюбивые крестьяне, более зажиточные семьи, объявленные советской властью «кулаками» и «классовыми врагами пролетариата», были отданы на растерзание государственной машины под названием «диктатура пролетариата».

Осенью 1929 года по Бежецкому округу началась сплошная коллективизация крестьян, которую обязали провести в кратчайшие сроки,

при этом зажиточных крестьян, отнесенных к кулакам, в колхозы не принимать. Советская власть повела решительную борьбу с кулаками, требуя от них в кратчайшие сроки продать по низким государственным ценам в колхоз землю, постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь, а самим добровольно покинуть родную деревню, в которой исстари проживали все их предки.

Некоторые зажиточные крестьяне от безысходности за бесценок продавали свое нажитое упорным трудом имущество, и всей семьей уезжали в города, на стройки народного хозяйства, в другую местность. Они понимали, что лучше самому собраться и тихо покинуть свои родные места, чем ждать, когда тебя насильно отправят в неизвестные края. Используя свое должностное положение, некоторые представители советской власти предлагали зажиточным крестьянам, чтобы они продали лично им или их родственникам дом с постройками и земельный надел за бесценок.

По всему Бежецкому округу проводились собрания с жителями селений и группами бедноты в целях агитации вступления в колхозы и одновременно в целях чистки партии. На этих собраниях жители деревень, в том числе и беднота, требовала силой не расслаивать деревенское общество, заявляя: «Кулака у нас нет, а вы относите к кулакам всех трудовиков крестьян. Кто лучше знает политику – М.И. Калинин или партийная ячейка? Калинин прав, когда предлагал проводить землеустройство, не выделяя бедноту. Нас разъединяют, делят на три группы, раскалывают деревню и вносят вражду внутри нас» [175].

«Налог не дает развиваться сельскому хозяйству, как заведешь вторую корову, попал в середняки, и налог увеличивают. Не могу понять, почему беднота не уменьшается, ведь им власть помогает и помогает, а толку мало. Надо делать снисхождение и льготы тем, кто больше заводит скота, тогда лучше будут и землю удобрять и будет больше пользы власти. А то сами не работают и другим не дают» [176].

В справках о ходе проведения собраний в деревнях указывалось, что деревенские коммунисты и бедняцкий актив давали слабый отпор подобным выступлениям. Они не могли подобрать весомые аргументы в ответ на выступления основной массы крестьян.

В целях взыскания недоимок по налогам в Бежецком округе Московской области, в декабре 1929 года был образован штаб из представителей рабочих, прокуратуры и окружного финансового отдела. На местах создавали тройки из представителей прокуратуры, райисполкомов

и окружного штаба. В обязанность троек вменили проведение обысков, прежде всего, среди нетрудовых элементов, а также отдельных категорий плательщиков – торговцев, служителей религиозных культов, кустарей и ремесленников, которые имели по 3 и более наемных работников. Обыски также проводились и среди лиц, привлеченных к уплате единого сельхозналога в индивидуальном порядке [177].

В результате угроз, шантажа, повышения налогов и других репрессивных мер, в начале 1930 года в Бежецком округе Московской области, уполномоченные из городов, местные коммунисты и представители советской власти активно организовывали колхозы. К 10 января 1930 года в округе было создано 320 колхозов с числом крестьянских дворов 7,8 тысячи, а уже через месяц к 10 февраля было создано 1048 колхозов с числом крестьянских дворов 58,5 тысячи или 55,7% от всех крестьянских дворов округа [178].

31 января 1930 года Бежецкий окружной комитет партии направил письма секретарям райкомов партии 10 районов, входящих в состав округа, «О практических мероприятиях против кулачества, как класса в деревне». В письме было указано, что исходя из общей установки ВКП(б) необходим переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса.

Этот поворот, сказано в письме, требует немедленных и решительных действий во всей практической работе партийных организаций. Стоит задача – ликвидировать кулачество, как класс, для чего требуются смелые и решительные действия.

Бежецкий окружной комитет партии в своем письме требовал от секретарей райкомов, что «раскулачивание должно стать составной частью развертывания колхозного строительства, и идти неотрывно от работы по организации колхозов. В районах сплошной коллективизации сами бедняцко-средняцкие массы должны выносить решения о раскулачивании. В районах, где коллективизация охватывает незначительный процент бедняцко-средняцкий хозяйств, раскулачивание должно явиться толчком, стимулом к организации колхозов.

Раскулачивание, то есть ликвидация кулака, как класса, должно вести к ликвидации его собственности на средства и орудия производства. При раскулачивании в кулацких хозяйствах подлежат конфискации:

- все сложные машины сельскохозяйственного производства;
- молотилки, сеялки, веялки и другие агрегаты;

- промышленные и перерабатывающие предприятия – крупорушки, маслобойни, мельницы и другие;
- весь продуктивный скот – коровы, лошади, овцы, свиньи и другой;
- жилые и нежилые хозяйственные строения, могущие быть использованы для нужд колхоза;
- валюта, золото и ценности.

Домашние вещи конфискации не подлежат, за исключением случаев нахождения запасов явно спекулятивного характера – избыточные запасы мануфактуры, одежды и других товаров. Все конфискованное имущество должно быть немедленно обобществлено в колхозах и зачислено полностью в их неделимые фонды по оценке.

При оказании сопротивления к раскулачиванию, либо антисоветской агитации, кулак подлежит немедленному аресту, преданию суду и строгому наказанию. То же самое при попытке к вредительству, поломке инвентаря, агитации за убой скота.

Вместе с этим в отношении раскулаченных хозяйств, подавленных до степени невозможности их активного сопротивления коллективизации, им могут быть выделены земли на неусвоенных или неудобных участках, – песок, кочки, заболоченность и другие, оставляя им минимум орудий и средств производства.

Во всех видах кооперации исключить из членов все кулацкие хозяйства, при этом, переданные ими основные капиталы кооперации возврату не подлежат. Не включать кулаков в договоры контрактации, но при этом установить для кулацких хозяйств обязательство о сдаче всех его товарных излишков по твердой цене.

Не снабжать их сельскохозяйственными машинами, запчастями и другим. Раскулачиванию подлежат только кулаки – хозяйства с индивидуально облагаемым налогом, лишенцы, спекулянты и торговцы, середняцкий слой деревни раскулачиванию не подлежит.

Ввиду имеющихся случаев административного подхода к полному закрытию церквей в районах сплошной коллективизации, что приводит к обратному выходу целых сел из колхозов, необходимо категорически запретить огульное закрытие церквей без предварительного решения об их закрытии крестьянскими сходами» [179].

10 марта 1930 года ЦК ВКП(б) направил всем партийным комитетам под грифом «секретно» постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

Постановлением поручалось:

- устранить все ошибки при обобществлении птицы, коров, мелкого скота, приусадебной земли, вернуть все это колхозникам в единоличное пользование;
- восстановить базары, рынки и не стеснять крестьян, в том числе и колхозников, продавать свои продукты на рынках;
- немедленно прекратить в какой бы то ни было форме насильственную коллективизацию. Решительно бороться с применением, каких бы то ни было репрессий по отношению к крестьянам, не идущим пока в колхоз;
- немедленно проверить списки раскулаченных и исправить допущенные ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семей красноармейцев и краснофлотцев, вернув им отобранное имущество;
- предложить ОГПУ не принимать кулаков к отправке без одежды и продовольствия, и принять все необходимые меры к исправлению ранее допущенных ошибок;
- решительно пресекать практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемом общественно добровольным желанием населения;
- обязать редакцию газеты «Правда», исходя из настоящего постановления, усвоить соответствующий тон, освещать задачи партии в колхозном движении в соответствии с настоящими директивами [180].

Этот документ Центрального комитета партии продублировал во все районы округа Бежецкий окружной комитет партии, признав свои ошибки. В письме от 14 марта 1930 года резюмировали, что исполняя решения партии при раскулачивании, в округе допускались нарушения прав середняка и других групп деревни. Раскулачивались семьи красноармейцев, краснофлотцев, красных партизан, рабочих и трудящейся интеллигенции, которые раскулачиванию не подлежали.

Практиковалась «голое» раскулачивание, когда у крестьянина отбиралось все, в том числе, предметы домашнего обихода, одежда, обувь, кухонный инвентарь. Все эти действия ставят под угрозу срыва выполнение плана коллективизации и проведения весенней посевной кампании по Бежецкому округу.

Райкомам партии было поручено, категорически прекратить всякое закрытие церквей административным или финансово-на-

логовым способом. Немедленно пересмотреть списки лишенных избирательных прав и индивидуально обложенных крестьян сельхозналогом. Рассмотреть списки всех раскулаченных, исправить их, исправленные списки срочно направить в Бежецкий окружной исполком [181].

Но уже к весне 1930 года колхозы стали быстро распадаться, несмотря на проведение репрессивных мер. Так, например, 6 января 1930 года представители власти закрыли церковь в селе Ключевая Максатихинского района, не поставив в известность крестьян окружающих деревень. На Крещение, 7 января, к церкви съехался народ, начал возмущаться закрытием церкви, но был разогнан милицией. Несколько активистов защиты церкви, большинство из них – женщины, были арестованы. В ответ на следующий день, 8 января, около 100 крестьянских дворов вышли из колхоза.

При выходе из колхозов крестьяне разбирали сданные туда сельскохозяйственные орудия, скот и семена. За уклонение от проведения весеннего сева 1930 года по Бежецкому округу Московской области были арестованы 30 крестьян [182].

25–30 мая 1930 года в Бежецке прошла II окружная партийная конференция, от Сонковского района в числе других коммунистов делегатом с решающим голосом был Ракитин Петр Иванович, 38 лет, член партии с 1918 года, председатель коммуны «Красный Октябрь». На конференции отмечалось, что по состоянию на 1 мая в округе действуют 279 колхозов, в которые входят около 5 тысяч крестьянских хозяйств или 4% от всех хозяйств округа. План коллективизации на 1930 год был сорван.

После значительного отлива из колхозов крестьян, и распада колхозов, в работе местных парторганизаций появились растерянность, паника, колебания, сомнения и пассивность к подготовке весеннего сева 1930 года и по созданию новых колхозов.

К 1930 году увеличилось число крестьян, привлеченных к индивидуальному обложению по налогам с 0,9% от всего крестьянского населения округа в 1929 году до 2,7%. Число хозяйств, освобожденных от налога, за этот период увеличилось с 29 до 32,5%, от общего числа крестьянских хозяйств.

В связи с этой и другими причинами общая сумма единого сельхозналога уменьшилась в сравнении с 1929 годом с 2,6 млн рублей до 1,6 млн рублей или на 38%.

По-прежнему шло вытеснение частника с рынка товаров и услуг, его доля товаров и услуг за один год уменьшилась с 7 до 1% от общей суммы проданных товаров и предоставленных услуг.

Снижение удельного веса частника произошло за счет увеличения товарооборота в потребкооперации с 89 до 92% и в государственной торговле с 4 до 7%. Число членов-пайщиков кооперации по округу увеличилось за полгода со 106 тысяч до 147 тысяч человек.

На партийной конференции в Бежецке отмечалось, что в обстановке решительной борьбы с кулаком со стороны власти и партии коммунистов, в округе не было активной борьбы с ним со стороны бедноты. В момент массовых выступлений в деревне было выявлено много случаев открытого проявления сочувствия к раскулаченным крестьянам со стороны бедноты и составление одобрительных приговоров на деревенских собраниях в отношении их. В ряде мест кулаки влияли на работу в деревне больше, чем коммунисты [183].

Бежецкий округ был ликвидирован наравне с большинством других округов 23 июля 1930 года, все районы округа перешли к Московской области.

Первые попытки коллективизации в Сонковском районе Московской области

*Некоторые товарищи стали
проявлять чрезмерную
торопливость, стали насаждать
колхозы в принудительном порядке.*

И.В. Сталин

Сонковский район в составе Бежецкого округа Московской области, в числе других, был образован 12 июня 1929 года. К 1930 году район имел население 53 166 жителей, из них 52 тысячи были крестьянами. Районный центр поселок Сонково с числом жителей 1078 человек, расположен на узловой станции Октябрьской и Северной железных дорог. В 1929 году район объединял 17 сельсоветов, в 1930 году в результате их разукрупнения в районе было 33 сельсовета. Населенных пунктов в районе 348, крестьянских дворов 11 738, на десять дворов в среднем приходи-

лось по 45 человек. Среди сельского населения было много отходников и сезонных рабочих, которые тяготели в большей части к Ленинграду.

До образования района в 1929 году коллективизация сельского хозяйства здесь имела весьма слабое отражение. На 1 октября 1929 года на территории только что образованного Сонковского района имелись:

- 3 коммун с общим числом членов 80 человек;
- 5 товариществ по совместной обработке земли с числом членов 109 человек;
- 11 сельскохозяйственных артелей с общим числом членов 245 человек.

В январе-феврале 1930 года была взята установка на сплошную коллективизацию района. На 1 марта 1930 года в районе имелось 12 коммун и 114 сельскохозяйственных артелей, которые объединяли 7729 крестьянских хозяйств или 66,6% от общего числа дворов. Но с 1 марта начался массовый выход из колхозов, по заявлению советских и партийных органов, по следующим причинам:

1. Установка на сплошную коллективизацию всего района была взята при неподготовленности деревенских общественных организаций.
2. Акцент был сделан на крупные коммуны-комбинаты, а не на сельскохозяйственные артели.
3. Имели место перегибы при обобществлении в форме приказов и администрирования.
4. Была ожесточенная агитация классового врага – кулачества среди крестьян, направленная на срыв коллективизации.

В связи с этим, к маю 1930 года в районе осталось 9 коммун и 15 сельхозартелей с общим числом 1043 крестьянских двора, в которых проживало 1510 человек, из них 740 трудоспособных крестьян. В среднем на каждое крестьянское хозяйство, вступившее в колхозы, приходилось по 1,44 человека, в то время как в среднем по району в каждом крестьянском хозяйстве было по 4,5 человека. (Для меня непонятно, с какой целью приняли в эти коллективные хозяйства 303 двора без трудоспособных крестьян, не оказывая им никакой помощи, возможно для отчета. – А.Г.).

К 1 октября 1930 года в районе было создано 23 колхоза, из них 10 колхозов состояли от 5 до 10 крестьянских дворов. В 17 колхозах председателями были коммунисты, в 6 колхозах – беспартийные руководители. *К тому времени на территории района насчитывалось*

11 758 крестьянских хозяйств, из которых 33,9% бедняков, 65,9% середняков и 0,2% кулаков [184].

3 марта 1930 года состоялось собрание бедноты и батрачества Сонковского района. На собрании бедняки задавали много вопросов представителям власти: «Можно ли раскулачивать тех, кто вступил в колхоз, если беднота считает их вредными?» «Чем объясняется медленный темп раскулачивания?» «Как строится колхоз – добровольно или под нажимом, и почему колхозы быстро распадаются?» «Что будет бедняку, если он не идет в колхоз, где ему будет нарезан надел земли?»

В выступлениях бедняков и представителей власти говорилось, что причина развала колхозов – кулацкая агитация, она обоснована тем, что нет достаточной подготовки к севу, не работают отобранные у частных кузницы, нет удобрений. Плохо, что кулаки, хотя и раскулачены, но остаются жить на прежних местах. Они распускают слухи, что будут раскулачивать и бедноту, но у нее нечего взять, подшитые сапоги не возьмут. Нужно усвоить всем беднякам, что мирным путем колхозов не создать.

В постановлении собрания бедноты Сонковского района от 3 марта 1930 года записали, чтобы не останавливали темпов коллективизации по району с таким расчетом, что к весенней посевной кампании 1930 года коллективизировать Сонковский район на 100%. Произвести чистку руководящих составов колхозов. Беднота обязалась принять самое горячее участие в строительстве колхозов и раскулачивании кулаков [185].

В документах Бежецкого окружного комитета партии отмечалось, что коллективизация идет быстрыми темпами. На 1 февраля 1930 года по округу создано 643 колхоза с охватом 27,6 тысяч крестьянских хозяйств или 22,4% от общего числа крестьянских хозяйств. В том числе по Сонковскому району создано 59 колхозов с 2,8 тысячами дворов или 23%. Получалось, что по округу в каждом колхозе в среднем по 43 хозяйства, по Сонковскому району – 47 хозяйств.

5 марта 1930 года состоялся пленум Сонковского райкома ВКП(б), в работе которого приняли участие 22 коммуниста. На пленуме было принято решение по сплошной коллективизации батрацко-бедняцкой и середняцкой массы деревни. Говорилось о необходимости создания батрацко-бедняцких групп во всех создаваемых колхозах и выборных органах. Оставлять в индивидуальном пользовании члена артели одну корову, мелкий скот и огород. Там, где приспособлены артельные дворы и организован уход, перевести обобщественный скот с частных дворов, в которых он по-прежнему находился.

8 марта 1930 года на общем собрании членов и кандидатов в члены ВКП(б) Сонковской организации с участием 88 человек, отмечалось, что в вопросах коллективизации в районе были допущены ошибки и промахи. Увлечлись созданием высшей формы колхозов – коммунами, в сельскохозяйственных артелях обобществляли весь молочный и другой скот, а также птицу. При этом в сельхозартели вовлекали путем административного подхода, что вызывает законное недовольство бедняцко-средняцких масс крестьянства.

Собрание отмечало, что распад колхозов, и особенно недовольство женщин, использовалось кулачеством против колхозного движения. Из сельсоветов района сообщали, что колхозов фактически нет, назначенные правления колхозов никакого влияния не имеют. Ответственные работники потеряли доверие масс ввиду самоликвидации колхозов [186].

На собрании подтвердили о правильности принятого ранее решения об обобществлении скота и семян, что оставлять в индивидуальной собственности колхозников лишь по одной корове. Обобществленный скот размещать в колхозных скотных дворах, где они есть, а не оставлять на дворах у колхозников.

Во всех организуемых колхозах создать батрацко-бедняцкие группы, ни одного мероприятия не проводить без предварительной проработки на бедняцких собраниях, при этом не игнорировать работу и с середняком. Принять все меры к недопущению раздела обобществленных семян зерновых культур и льна [187].

Протестуя против вступления в колхозы, крестьяне массово забивали личный скот, чтобы не передавать его в общественное стадо. В советских агитационных плакатах того времени, призывая вступать в колхозы, писали: «Со всем инвентарем в колхоз вступай, не режь свой скот, не продавай».

На второй Сонковской районной партийной конференции 20–21 мая 1930 года коммунисты заявляли о том, что они свои ошибки чувствовали раньше. «Но работу по коллективизации иначе построить было нельзя. В район приезжал начальник Бежецкого окружного административного отделения Лузин, который командовал, приказывал, учащая аресты середняков. А окружная контрольная комиссия в срок каких-либо мер не принимала. Представители профсоюзов в районе зачастую выступали против директив партии и против коллективизации (коммунист Калнин)».

«Много говорят об укреплении колхозов, но мало что делают. Коммуна «Красный Октябрь» существует третий год, но до этого времени в ней нет детских яслей, детской площадки, общественной столовой (коммунист Ракитина В.Н.)».

«Представитель окружного комитета партии Лузин нас брал за шиворот и издевался, как уполномоченный, над теми крестьянами, которые ему возражали (коммунист Куликов)».

«Было неправильное руководство окружным комитетом партии в части проведения коллективизации. Говорили «лучше перегнуть, чем недогнуть», так и получалось. В районе административным путем церкви не закрывались, церковные советы сами приносили ключи (коммунист Журавлев)».

В резолюции было указано, что вторая партийная конференция коммунистов Сонковского района отметила ошибки Бежецкого окружного комитета партии в проведении политики в деревне, объявившего сплошную коллективизацию в округе весной 1930 года.

«Были допущены ошибки при раскулачивании, при установлении индивидуального налога, проявлении грубого администрирования при создании колхозов. Окружной комитет партии допустил неправильный подход в деле закрытия церквей, базаров, рынков, запрещения торговли частниками и другие подобные ошибки. Все эти перегибы привели к срыву плана коллективизации в Бежецком округе и затормозили дальнейший ход коллективизации» [188].

В Сонковском районе за допущенные перегибы при проведении коллективизации председатель Кузнецовской сельхозартели, член партии с 1924 года И.И. Мельников был приговорен к полутора годам лишения свободы. В приговоре деревенских жителей, которые просили отменить решение суда, указывалось, что Мельников из зажиточной семьи, которая арендовала землю, но суд не учел, что он с 11 лет порвал с семьей, работая булочником в Петрограде [189].

На бюро Сонковского райкома партии 17 декабря 1930 года снова рассмотрели вопрос о положении в колхозах района. В постановлении отметили бесплановое ведение коллективных хозяйств, бесхозяйственность, позднюю уборку и обмолот урожая. Отмечалось, что в колхозах низкая производительность труда и трудовая дисциплина.

На заседании бюро райкома партии коммунисты заявляли, что нехватка лошадей в колхозах для перевозки сельскохозяйственной продукции на заготовительные пункты, привела к отсутствию денег в

колхозах. Колхозники не могут купить себе необходимые товары, они оказались в худшем положении, чем единоличники. Они нуждаются в теплой одежде, обуви и рукавицах. У них нет необходимых продуктов – крупы, подсолнечного масла, рыбных и других продуктов.

На подвозку одной льнопродукции требовалось около тысячи подвод, поэтому ситуация может быть изменена не ранее месячного срока. До этого поручалось райисполкому добиться ввоза для колхозников 500 пар валяной обуви и рукавиц. Поручить райпо, выдать в колхозы 10 мешков крупы в счет последующей сдачи колхозами молока. Разрешить колхозам оставлять по 10 килограмм на едока льносемян для переработки их в льняное масло.

Коммунисты заявляли, что все недостатки привели к шатаниям и колебаниям колхозников, их выходу из колхозов. Поручено партячейкам проверить социальный состав колхозников, изгоняя из них примазавшихся чуждых элементов. Добиваться на место изгнанных из колхозов кулаков принимать туда бедняков, батраков и середняков [190].

Советское государство в числе других мер по проведению коллективизации пошло на изменение торгово-снабженческой политики. Промышленные товары начали отпускать только колхозникам, ставя единоличника в сложное положение. Он не мог на свои заработанные деньги купить в сельском кооперативе керосин, мыло, спички, гвозди, ситец и другие товары, необходимые в крестьянском хозяйстве.

Первые итоги колхозного строительства (1928–1930 годы)

*Нарушили принцип добровольности
при построении колхозов.*

И.В. Сталин

Аналитики и многие эксперты считают, что 7 лет новой экономической политики, с марта 1921 года по октябрь 1928 года, были одними из самых удачных проектов за все годы советской власти. НЭП в тверской деревне, как и по всей стране, завершился началом коллективизации крестьянских хозяйств. Историки признают 1929 год, ука-

занный в статье И.В. Сталина как «Год великого перелома», отправной точкой начала в СССР сплошной коллективизации и раскулачивания крестьянских хозяйств.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 года принял постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в котором была поставлена задача завершения коллективизации крестьянских хозяйств к концу пятилетки или к концу 1932 года. На пленуме приняли решение о направлении в деревню для организации колхозов и руководства ими 25 тысяч городских рабочих. Документы утверждают, что после 1929 года фактически было направлено в деревню свыше 73 тысяч рабочих. Руководство по проведению сплошной коллективизации было поручено Наркомату земледелия СССР под руководством Я.Л. Яковлева (Эпштейна).

Началось соревнование между районами и областями о повышении процентов коллективизации и раскулачивания. Шло принудительное создание колхозов и ликвидация кулачества как класса, при этом руководители страны активно использовали ОГПУ и другие силовые структуры.

По замыслу политбюро ЦК ВКП(б) коллективизации был придан характер добровольного крестьянского движения. На собраниях жителей деревень местные власти вместе с коммунистами и комсомольцами, при помощи прибывших городских уполномоченных, упорно навязывали крестьянам вступать в колхозы. Крестьяне находились перед трудным выбором, так как их возражения и несогласие с установкой партии могли быть расценены, как саботаж и вредительство, а выступавших выселяли из своих домов.

Местные власти вместе с партийными ячейками ко времени проведения собраний уже составили списки кулаков, которых на собраниях требовали раскулачить и выселить. Имущество раскулаченных крестьян передавалось колхозам, нередко расхищалось, а раскулаченные семьи высылались на Урал, в Сибирь, Казахстан, многие из них погибли в пути следования. Разрушались вековые традиции, в результате массовых репрессий и высылкой самых трудолюбивых крестьян, произошло разорение деревни.

В своей статье «Год Великого перелома», опубликованной 7 ноября 1929 год в газете «Правда», руководитель коммунистической партии И.В. Сталин назвал таковым год, прошедший с одиннадцатой до двенадцатой годовщины Октябрьской революции, то есть с 7 ноября

1928 года по 7 ноября 1929 года. Сталин писал, что год прошел под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни.

И.В. Сталин писал, что рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов, группа Н.И. Бухарина, что крестьяне не пойдут в колхоз, что усиленные темпы развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство, что развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба.

Можно с уверенностью сказать, писал Сталин, что благодаря росту колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса.

Но спустя всего четыре месяца после этой победной статьи, И.В. Сталин обратил внимание на допущенные ошибки, на силовое давление власти в отношении крестьянства с требованиями о вступлении в колхозы. В газете «Правда» от 2 марта 1930 года была напечатана его статья «Головокружение от успехов».

Политика колхозного движения, по словам Сталина, опирается на добровольность и учет разнообразных условий в различных районах СССР. Нельзя насаждать колхозы силой, – заявлял он в статье. А что происходит на деле? Нельзя сказать, что принцип добровольности и учета местных особенностей не нарушается. В ряде северных районов стараются нередко подменить подготовительную работу по организации колхозов чиновничьим декретированием колхозного движения, организацией бумажных колхозов, которых еще нет в действительности – писал И.В. Сталин.

В ответ на статью Сталина «Головокружение от успехов» в газету «Правда» начали поступать с мест письма крестьян, многие из них были без указаний имен авторов. В письмах крестьяне высказывали свою боль и обиду: «Насилие, которое произвели бригадники (уполномоченные организаторы колхозов. – А.Г.), привели к полному недоверию к ЦК партии, особенно к товарищу Сталину. Его называют «зимогором», «прохвостом», говорят, что это у него самого закружилась голова. Если в районе 10 кулаков, то раскулачивали 500 дворов».

«Мы, все низы, проморгали вопрос о руководстве колхозами, а товарищ Сталин, наверное, в это время спал богатырским сном и ничего

не слышал и не видел ошибок. А теперь товарищ Сталин сваливает всю вину на места, а себя и верхушку защищает».

«Лозунг ликвидации кулачества сам по себе является загибом влево. Правильно «правые» указывали на трудности. Нельзя согласиться с тем, какую линию проводили после XV партсъезда. Много погибло человеческих душ во время выселения кулаков. При морозе в 40 градусов везли семьи на лошадях в Тюмень, в Тобольск. В одном Тобольске похоронено около 3 тысяч людей, это совершенно невинные жертвы.

Пусть меня считают кулаком за то, что я не желаю пойти в колхоз, но причем же тут дети виновны? Правы товарищи Бухарин, Рыков, Томский и Фрумкин, они лучше Вас знают крестьянский быт и крестьянскую идеологию».

На имя И.В. Сталина, а также в центральные советские и партийные органы поступали тысячи подобных жалоб от раскулаченных крестьян. Некоторые из них писали, что до революции были бедняками, после революции служили в Красной Армии или ВЧК. После службы, получив наделы земли, они стали обзаводиться хозяйством. К 1930 году имели свой дом, двор, амбары для сена, житницы, по 2–3 лошади, 2–3 коровы, их хозяйства стали считать кулацкими и обложили индивидуальными твердыми заданиями.

В жалобах эти крестьяне писали, что если он кулак, то все в деревне кулаки, они живут так же. Батраков они не имеют, мелких промышленных предприятий у них нет. Предупреждали, что если их запишут в «кулаки», они наполовину сократят посевы.

Газета «Правда» 8 апреля 1930 года опубликовала «*Ответ товарищам колхозникам*», где И.В. Сталин ответил на несколько вопросов в связи с опубликованием статьи «Головокружение от успехов».

Отвечая на вопросы, Сталин писал, что корень ошибок в крестьянском вопросе состоит в неправильном подходе к середняку, и допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком. В колхозном движении, по крайней мере, было совершено три ошибки.

1. Нарушили принцип добровольности при построении колхозов. Нарушили примерный устав сельскохозяйственной артели о добровольности колхозного строительства. Некоторые товарищи стали проявлять чрезмерную торопливость, стали насаждать колхозы в принудительном порядке. Наскоро возникшие колхозы стали так

же быстро таять, как быстро они возникли, а часть крестьянства, вчера еще относившаяся к колхозам с громадным доверием, стала отворачиваться от них. В этом первая и главная ошибка в колхозном движении.

2. Нарушен принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству. Забыли, что темпы колхозного движения и методы колхозного строительства не могут быть одинаковыми для далеко неодинаковых областей. ЦК партии в своем постановлении «О темпе коллективизации» в январе 1930 года разбил области СССР на три группы. Одна группа может закончить коллективизацию весной 1931 года, вторая – весной 1932 года, третья – в 1933 году.

На деле Московская область, например, стала ориентировать своих работников на окончание коллективизации весной 1930 года, хотя она имела в своем распоряжении не менее трех лет до конца 1932 года. Такие случаи имели место и в других районах. Понятно, что при таком скоропалительном темпе коллективизации районы оказались вынужденными пустить в ход усиленный административный нажим. В этом вторая ошибка в колхозном движении.

3. Нарушили принцип последовательности. Главной формой колхозного движения в данный момент является сельскохозяйственная артель. Это значит, что сейчас мы должны держать курс не на коммуну, а на сельскохозяйственную артель. Нельзя допускать перекачивания через артель к коммуне, и нельзя подменять массовое движение крестьян к колхозам декретированием колхозов и игрой в колхозы.

Из-за того, что некоторые товарищи стали применять устав коммуны, принудительно обобществлять жилье, постройки и живность, устойчивых коммун не создали, а ряд сельскохозяйственных артелей выпустили из рук. В этом третья ошибка в колхозном движении. Отлив части крестьян из колхозов означает, что колхозы очищаются от неустойчивых элементов. Дутые колхозы исчезнут, прочные останутся и будут крепнуть.

Мы выдвинули лозунг ликвидации кулачества, как класса, как главный лозунг нашей практической работы в деревне в данный момент. *Кулак есть враг советской власти, с ним у нас нет, и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации, как класса.* Политика ликвидации кулачества, как класса,

должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики – писал И.В. Сталин в «Ответе товарищам колхозникам».

На XVI съезде ВКП(б), открывшемся 26 июня 1930 года были подведены первые итоги колхозного движения в стране и определены более конкретные сроки и задачи по колхозному строительству. Была принята резолюция «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства», в котором указывалось, что истекшие со времени XV съезда партии 2,5 года были периодом величайшего перелома в развитии сельского хозяйства СССР.

На основе развертывания сплошной коллективизации ряда районов СССР партия перешла от прежней политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в деревне к новой политике – **политике ликвидации кулачества как класса**, осуществляя эту политику как неразрывную составную часть сплошной коллективизации, проводимой самими бедняцкими и середняцкими массами.

Колхозы могут быть построены только на основе добровольности – отмечалось в резолюции съезда. Всякая попытка применения насилия или административного принуждения в отношении бедняцко-середняцких масс, в целях их присоединения к коллективам, является грубым нарушением линии партии и злоупотреблением властью.

Исходя из всего этого, съезд считает особо важным, уяснение каждым членом партии характера тех ошибок и извращений линии партии, которые имели место весной этого (1930) года в практике проведения коллективизации. Эти ошибки и извращения выражались в применении мер принуждения и насилия в отношении середняков и бедняков при построении колхозов:

- в обобществлении у членов артели мелкого скота и коров, имеющих потребительское значение;
- в перенесении на незерновые районы темпов коллективизации, оправдавших себя на опыте и предусмотренных решениями ЦК только в отношении зерновых районов;
- в скороспелом создании коммун без соответствующей материальной и организационной подготовки;
- в создании под видом колхозов-«гигантов» безжизненно бюрократических организаций, построенных на началах командования;

- в задержке предназначенных правительством для колхозов кредитов и лишении колхозников предоставленных правительством льгот;
- в грубом администрировании по отношению к колхозам и колхозникам и замене выборности назначением, командованием сверху;
- в затирании середняка и неиспользовании его хозяйственного опыта;
- в перенесении на середняка мер борьбы, направленных против кулака (раскулачивание, лишение избирательных прав).

Если бы эти ошибки не были своевременно исправлены Центральным комитетом партии, статьями товарища Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», это грозило бы срывом дела коллективизации сельского хозяйства, подрывом самой основы Советского государства – союза рабочего класса с крестьянством, – заявляли в резолюции партийного съезда [191].

Голод начала 1930-х годов, массовое выселение «кулаков» из своих деревень, силовое и экономическое давление по вступлению в колхозы в марте 1931 года, подтвердили, что Николай Иванович Бухарин не ошибался. Крестьяне отреагировали на статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов» повальным выходом из колхозов, куда их загоняли силой. Местные советско-партийные активы были в полной растерянности, они плохо представляли себе, как вести себя и работать дальше.

Из спецпереселенцев, отправленных в ссылку из родных мест до появления статьи Сталина, обратно вернулись немногие, при этом имущество им никто не возвратил. Против колхозов, как символов разорения и нищеты после статьи выступали не только середняки, но и бедняки.

Подготовка карельских национальных кадров

*Создать школы политграмоты
на родном языке.*

Из материалов совещания
ЦК РКП(б) 9–12 июня 1923 года

В связи с созданием колхозов, необходимо было готовить для этих целей карельские национальные кадры. В начале декабря 1929 года Бежецкий окружной комитет партии направил письма во все районы округа. В них сообщалось, что намечено провести курсы на 80 человек карел на их родном языке. Курсы должны иметь цель подготовки низовых работников для районов, где компактные массы карел. Окружной комитет партии предлагал райкомам обеспечить эти курсы карелами и подбор их провести на первом же заседании бюро райкома партии. При направлении карел на курсы райкома партии должны обеспечить их пролетарский социальный состав – батраками, бедняками, колхозниками и женщинами.

Кроме этого необходимо обеспечить партийной и комсомольской прослойкой на эти курсы так, чтобы их было не менее 50%. Остальные 50% послать тех карел, которых можно было принять в партию по социальному положению и их общественной работе. Одновременно Бежецкий окружной комитет партии направил в районы разнарядку по районам о выделении курсантов-карел. Согласно разнарядке окружного комитета партии, районы Бежецкого округа должны были направить на курсы из карельских деревень таким образом, чтобы среди них было:

- руководителей колхозов – 13 чел.;
- председателей и секретарей сельсоветов – 30 чел.;
- работников кооперации – 10 чел.;
- батраков – 20 чел.;
- бедняков – 10 чел.;
- колхозников – 50 чел.;
- женщин – 20 человек.

Курсы карел проводились в Кашине, они проходили с 15 декабря 1929 года по 15 января 1930 года. Занятия предполагалось проводить в одной из помещений местной школы, но из-за ее дезинфекции, курсы пришлось проводить в одной из комнат общежития, в котором прожи-

вали курсанты. В комнате имелись маленькие курортные столики, скамейки и классная доска при некоторых неудобствах для проведения занятий. Занятия с курсантами проводили студенты Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Мархлевского, большинство из них были финского происхождения. Никаких учебников у курсантов не было, были лишь тетради и карандаши.

В план проведения занятий с курсантами были включены следующие дисциплины:

1. Пятилетний план развития народного хозяйства – 50 часов.
2. Контрольные цифры развития народного хозяйства – 20 часов.
3. Колхозное строительство – 25 часов.
4. Кооперативное строительство – 20 часов.
5. Советское строительство – 20 часов.
6. Методы антирелигиозной пропаганды – 15 часов.
7. Политпросветительная работа – 50 часов.
8. Финский язык изучали каждый вечер с 20 до 22 часов на кружке, его преподавал курсантам студент Генрих Иванович Юнтунен.

Исходя из программы курсов, начальной подготовки преподавателей и слушателей, они смогли получить лишь общее смутное представление о коллективизации, колхозном строительстве, кооперации и пятилетнем плане развития народного хозяйства. Колхозное строительство преподавала финка, член ВКП(б) М. Котталайнен. В характеристике на нее указано, что ввиду слабого знакомства с колхозным строительством с практической стороны, преподавание на курсах было слабое.

В характеристике на преподавателя М.И. Мелентьева, студента из Ленинграда, члена ВЛКСМ, отмечалось, что он теоретически и методически хорошо подготовлен. Среди курсантов пользовался самым большим авторитетом по сравнению с другими преподавателями.

Студент Коммунистического университета нацменьшинств Запада И.И. Никутьев преподавал контрольные цифры и методы антирелигиозной пропаганды.

Заведовал курсами Алексей Антонович Беляков, уроженец деревни Яблонька Никулинской волости Вышневолоцкого уезда, который смог добиться их проведения. До этого времени А.А. Беляков работал заведующим школой крестьянской молодежи в селе Влади-

мирском Вышневолоцкого уезда, активно добивался создания карельской письменности среди тверских карел. С сентября 1929 года Беляков стал слушателем первого курса педагогического факультета 2-го Московского государственного университета, который через год был реорганизован. Педагогический факультет, где учился Беляков, стал Московским государственным педагогическим институтом им. А.С. Бубнова.

Занятия проводились по 45 минут с перерывом по 15 минут. Кормили курсантов по тому времени неплохо. На завтрак предлагалось первое, чай и булка, обед и ужин состояли из двух блюд, а также чай и булка. Первые блюда включали 7 наименований, вторые блюда – 6 наименований, а также чай и булочка. Питание было организовано из расчета по 1 руб. 10 коп. в день на одного курсанта.

В документах на уплату проезда указаны следующие железнодорожные станции, на которых садились курсанты, чтобы прибыть в город Кашин:

Максатиха – 17 чел.;	Подобино – 5 чел.;
Сонково – 9 чел.;	Овинищи – 4 чел.;
Кесьма – 12 чел.;	Орудово – 4 чел.;
Дынино – 7 чел.;	Брусово – 3 человека.

Зная эти пункты отправления на занятия, с точности и уверенностью можно выяснить места проживания курсантов. Так на станции Дынино на поезд садились карелы из деревень вокруг села Сандово (ныне Старое Сандово). Поселок при железнодорожной станции Орудово – ныне поселок Сандово, центр Сандовского района. Со станции Подобино выезжали карелы Корельско-Кошевского прихода, из Сонкова – карелы Прилуцкого и Литвиновского приходов. Остальные названия станций говорят сами за себя.

Курсантами из Бережковского и Душковского сельсоветов Сонковского района были карелы:

1. Мальков Петр Михайлович – 21 год, член ВЛКСМ, середняк из деревни Акиниха, активен, рекомендовано использовать его на комсомольской работе.
2. Белов Александр Леонтьевич – беспартийный, бедняк, колхозник из деревни Климантино, рекомендовано использовать его на новой работе в колхозе.

3. Румянцев Алексей Васильевич – 18 лет, член ВЛКСМ, малограмотный из деревни Акиниха, не вполне активен, рекомендовано использовать на работе в колхозе. Он был сыном председателя Синьковской коммуны, расположенной в доме Гумилевых в деревне Слепнево, Василия Федоровича Румянцева.
4. Харчиков Михаил Федорович – 19 лет, член ВЛКСМ, бедняк из деревни Акиниха, малограмотный, рекомендовано учиться дальше.
5. Башилова Марья Михайловна – 18 лет, член ВЛКСМ, беднячка из деревни Терехово, малограмотная, рекомендовано учиться дальше.

За время обучения курсанты выпустили два номера стенгазеты «Карельский факел», где заметки писали на русском и карельском языках. В январе 1930 года было выпущено 60 курсантов, в основном, молодые люди. В возрасте 16–20 лет было выпущено 26 курсантов, 20–25 лет – 20 курсантов, до 30 лет – 6 человек и старше 30 лет – 11 курсантов. Среди окончивших курсы были 41 мужчина и 19 женщин. В том числе одна батрачка, 9 бедняков, 5 середняков, 45 колхозников. Членов партии и кандидатов – 14 человек, комсомольцев – 21, беспартийных – 25 курсантов.

После окончания курсов всем курсантам выдали удостоверение с характеристикой и рекомендациями, где их можно использовать. В свои районы вернулись национальные кадры, которые стали организаторами колхозного строительства в карельских деревнях, в том числе:

Максатихинский – 17 чел.;
Сандовский – 15 чел.;
Весьегонский – 10 чел.;
Михайловский – 3 чел.;

Молоковский – 1 чел.;
Краснохолмский – 2 чел.;
Сонковский – 12 человек.

С целью поощрения лучших курсантов, решили организовать экскурсию в Москву в период с 17 по 20 января 1930 года. Отобрали 25 колхозников и 5 единоличников. Посетили планетарий, зоопарк, музеи им. Ленина, Революции, Красной Армии, побывали на других мероприятиях. Они встречались с работниками Московского областного отдела народного образования, были на вечере памяти В.И. Ле-

нина в доме политэмигрантов. Состоялась их встреча в Московском областном комитете ВКП(б), где курсанты вместе с другими слушали доклад по экономике Е.А. Преображенского, только что, в январе 1930 года восстановленного в рядах ВКП(б) после его исключения в 1927 году.

В связи с тем, что на питание курсантам было выделено по 2,50 руб. в день, а они питались на сумму 1,60 руб. в день, получилась экономия. Московский обком партии принял решение о продлении экскурсии еще на один день, 21 января, чтобы посетить завод «Серп и Молот».

Среди курсантов начались распри, десять человек стали настаивать на отъезде из Москвы, а сэкономленные деньги поделить между всеми, другие 20 человек хотели оставаться еще на один день. Курсанты из Максатихинского района Матвеев, Рябков, Строгов, из Сандовского района Удальцов, Хлебников и другие заявляли, что все равно возьмут сэкономленные деньги хотя бы с помощью милиции. На завод они идти не хотят, этот поход не даст пользы ни уму, ни сердцу. Все эти курсанты были членами или кандидатами в члены партии. Им решили выдать деньги на проезд до города Кашина и по 2,50 руб. суточные. Хотели было переписать на бунтовщиков характеристики и рекомендации, но все документы уже были у них на руках [192].

Судя по архивным документам, карелы Бережковского и Душковского сельсоветов Сонковского района, обучавшиеся на курсах в Кашине по колхозному строительству, какой-либо активной роли при коллективизации в 1931–1932 годах не сыграли. Ни в одном документе не прослеживается участие в создании колхозов курсантами: П.М. Мальковым, А.Л. Беловым, А.В. Румянцевым, М.Ф. Харчиковым и М.М. Башиловой.

Из-за своей молодости, неопытности и малограмотности, бывшие курсанты не пользовались уважением среди своих односельчан. При коллективизации председателями колхозов и сельсоветов, бригадирами и звеньевыми полеводческих бригад, комсомольскими вожаками были совсем другие люди. Среди них были и родственники курсантов А.В. Румянцева, М.Ф. Харчикова и М.М. Башиловой.

Позднее, 25 апреля 1931 года, ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада Мария Яковлевна Фрумкина на заседании президиума Совета национальностей ЦИК СССР,

при рассмотрении вопроса о создании карельской письменности, признала свои ошибки. Она заявила, что университет готовил для Карелии финские, а не карельские кадры. Когда была образована Московская область, ее попросили дать студентов для проведения работы среди карельского населения. Она направила студентов с финского сектора в карельские районы Московской области. По словам Фрумкиной, финны, которые сами плохо владели русским языком, проводили занятия по-русски, так как местные карелы по-фински их не понимали. После этой поездки студентов к тверским карелам Фрумкина стала добиваться открытия в университете карельского сектора.

Коллективизация и раскулачивание в карельской деревне (1930–1931 годы)

*Кулацким является любое хозяйство,
имеющее свыше 10 десятин земли.*

Л.Б. Каменев (Л. Розенфельд)

Вторая и окончательная попытка колхозного строительства в Сонковском районе началось во второй половине 1930 года, к 1 января 1931 года в колхозы вступили треть всех крестьянских хозяйств. В карельских деревнях Сонковского района колхозы организовали в феврале-марте 1931 года. Активность по проведению коллективизации и борьбе с кулачеством, как классом, стала проявляться после проведения административно-территориальной реформы и создания на территории РСФСР районов. На заседании пленума Сонковского райкома ВКП(б) Бежецкого округа Московской области в ноябре 1929 года определили два района (сельсовета. – А.Г.) сплошной коллективизации – Горский и Григоровский сельсоветы, заселенные как русским населением, так и карелами [193].

По состоянию на 1 сентября 1929 года жители карельских деревень Карело-Кошевского прихода вновь образованного Сонковского района не входили ни в колхозы, ни в коммуны, ни в льноводческие и молочные кооперации. Они являлись лишь членами-пайщиками потребительской кооперации.

В результате полученного хорошего урожая в 1929 году, по сообщению первого председателя Сонковского райисполкома М.К. Брудис, на 14 ноября в районе был перевыполнен государственный план по заготовке ржи в 2 раза, овса в 2,1 раза, ячменя в 1,2 раза, сена в 1,3 раза. План по льноволокну к тому времени выполнили на 28,2%, так как основная его поставка производилась позднее – зимой.

Теперь, по истечении времени, можно понять, что план выполнялся в результате применения жестоких административных мер, прежде всего, установлением твердого индивидуального задания по сдаче продукции государству зажиточным хозяйствам.

Число кулацких хозяйств, привлеченных к индивидуальному обложению, по сообщению председателя райисполкома Брудис, в 8 сельсоветах района – 137 дворов. По некоторым сельсоветам были установлены сроки сдачи ржи, овса и ячменя по установленным твердым заданиям в течение 24 часов с момента объявления постановления. К 11 ноября 1929 года полностью выполнили обязательства 104 хозяйства, частично выполнили 19 хозяйств, совершенно не приступали к выполнению 14 хозяйств, имевших твердые индивидуальные задания.

Кулацкие хозяйства должны были сдать по установленным индивидуальным заданиям 480,5 тонн зерна, к 11 ноября сдали 359,3 тонны. В суд было передано дело на одного кулака, на него наложили штраф в сумме 1662 рубля 70 копеек [194].

28 февраля 1929 года состоялась конференция женщин-делегаток Горского сельсовета, в ней приняли участие 69 женщин. Основной доклад, как тогда практиковалось на всех собраниях и совещаниях, был о международном положении. Заслушав доклад, женщины-делегатки передали горячий привет зарубежным сестрам и пожелали им успешной борьбы в освобождении от гнета капитала.

Женщины-делегатки проголосовали за протокол, где было записано, что они считают коллективную жизнь единственным средством освобождения женщин от тяжелого труда для правильного воспитания детей. Председателем конференции была Варвара Николаевна Ракитина из коммуны «Красный Октябрь». Четыре делегатки: Румянцева из Терехова, Голубева из Горбовца, Белоусова из Гремячихи и Соколова из Поцепа, представляли интересы карельских женщин 13 деревень. Сведений о проведении собраний женщин в этих ка-

рельских деревнях и направления делегатов на конференцию не имеется [195].

Первый в карельских деревнях колхоз «Новый Путь» был создан в деревне Климантино в начале 1930 года, создавался он с большим трудом. Активно ратовал за коллективизацию карельских деревень секретарь Карело-Кошевской комсомольской организации Михаил Петрович Лежушкин, 1907 г. р., уроженец и житель деревни Байки, член ВЛКСМ с 1925 года. В то время он был холостым, проживал с родителями и занимался вместе с ними сельским хозяйством.

Лежушкин сообщил в милицию, что 30 октября 1929 года около 10 часов вечера он возвращался из села Корельское Кошево домой в деревню Байки. Между деревнями Климантино и Байки возле него грянул выстрел, он от испуга упал. Стреляли с близкого расстояния, поэтому он на некоторое время оглох. Кто стрелял, он не видел, вреда выстрелом ему не причинено, подозрений ни на кого он не имеет. По этому факту его допросил агент уголовного розыска Дмитриев [196].

4 января 1930 года в Сонковский райком партии пришла докладная записка от коммуниста А.М. Волкова, который в то время проживал на станции Брусово. О себе он сообщал, что родился в деревне Климантино, потом с 1910 по 1914 год жил в Петербурге. В 1914 году призван на службу, в 1916 году был тяжело ранен. После выздоровления в 1918 году пошел добровольцем в Красную Армию, там служил продовольственным агентом. В 1922 году вернулся в деревню Климантино, где произвел раздел хозяйства с отцом. В 1928 году выехал на станцию Брусово, где создал сельскохозяйственную артель и продолжал работать ее председателем.

Суть докладной записки заключалась в том, что его родной брат комсомолец Николай Михайлович Волков хочет организовать колхоз в родной деревне Климантино. Но жители деревни не хотят вступать в колхоз, заявляя, что они не желают быть в одном колхозе с бывшим торговцем. Волков в письме не отрицал, что их отец до революции торговал лоскутом и горшками, так как имел всего 3 десятины земли, а семья состояла из 10 человек. Поэтому двух дочерей приходилось отправлять в няньки, а одного сына отправили в Петербург по найму.

На его брата, как на бывшего торговца, показывают жители деревни Климантино: Ф.А. Сидоров, сын Андрея Васильевича, имеет

трепалки, льномялки, имел по 15–20 работников по найму. На него 2 года работал и сам автор письма со своей сестрой.

Федор Васильевич Войлоков, известный крупный подрядчик, имел по 30–40 работников по найму, которых беспощадно эксплуатировал.

М.А. Сабуров, сын бывшего старосты, который служил старостой Корельского Кошевского сельского общества более 30 лет, сват Войлокова, а также П.И. Белов – подкулачник [197].

В помощь местным коммунистам в проведении сплошной коллективизации в Горский сельсовет были направлены рабочие-коммунисты, прибывшие из Москвы – И.П. Разумнов, В.П. Павлусь и В.П. Михайлов. В результате активных действий к апрелю 1930 года в Сонковском районе было организовано 25 колхозов, куда вошли 68 батраков, 243 бедняка и 198 середняков. Среди них был создан колхоз «Новый Путь» в деревне Климантино из четырех бедняцких хозяйств, четырех середняцких и одного батрака, а всего из 9 хозяйств.

Николая Михайловича Волкова приняли кандидатом в члены партии 4 мая 1929 года на собрании коммунистов партячейки при коммуне «Красный Октябрь» [198].

Нужно сказать, что хозяйствам жителей деревни Климантино Ф.А. Сидорова и Ф.В. Войлокова в 1930 году было дано твердое индивидуальное задание по сдаче государству сельхозпродукции, а в 1931 году они были выселены вместе с семьями в Сибирь.

В феврале 1930 года формально был создан колхоз в другой карельской деревне Поцеп еще Сулежского сельсовета Сонковского района, куда записали 16 крестьянских хозяйств. Но уже в марте жители деревни, не успевшие еще обобществить скот и орудия производства, разобрали по своим хозяйствам сданные ранее льносемена, и вышли из колхоза [199].

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Так как Горский и Григоровский сельсоветы Сонковского района были объявлены районами сплошной коллективизации, в них начали активно ликвидировать все крепкие хозяйства, признанные «кулацкими». В результате разукрупнения, к октябрю 1930 года от Горского сельсовета отошли Бережковский и Душковский сельсоветы, полностью заселенные карелами, где также начали ликвидировать крепкие крестьянские хозяйства.

Массовый выход из колхозов весной и летом 1930 года не поколебал уверенности советского руководства в достижении поставленной цели – коллективизации крестьянских хозяйств и раскулачивании зажиточных крестьян. Как только с осени 1930 года наметилось принудительное создание колхозов, в том числе путем непосильного индивидуального обложения налогами, крестьяне начали массово забивать скот. Почти прекратились поставки мясомолочных продуктов из деревни в город, где большим дефицитом стали молоко, сметана, творог, масло, мясо и колбаса.

Перед каждым крестьянином был поставлен выбор: или в колхоз, или полное разорение индивидуального крестьянского хозяйства непосильными налогами. С учетом всех видов налогов с февраля 1931 года единоличные крестьянские хозяйства платили при совокупности годового дохода:

- при годовом доходе до 370 рублей налог составлял 18 рублей;
- до 400 рублей налог 37 рублей;
- до 700 рублей налог составлял уже 630 рублей;
- до 1000 рублей налог 840 рублей;
- до 2 тысяч рублей налог 2340 рублей;
- до 3 тысяч рублей налог 3840 рублей;
- при годовом доходе до 5 тысяч рублей налог составлял 7440 рублей.

Это было изуверство и издевательство над крестьянами, когда сумма налога значительно превышала сумму дохода крестьянского хозяйства. В карельских деревнях Карело-Кошевского прихода Сонковского района колхозы организовали в феврале-марте 1931 года. К тому времени в них власть насчитала 16 бедняков, да 50 кулаков на 501 крестьянское хозяйство, остальных карел отнесли к середнякам.

Как происходили коллективизация и раскулачивание, можно узнать на примерах крестьян Бережковского, Григорковского и Душковского сельсоветов, заселенных карелами, которые были объявлены районами сплошной коллективизации.

3 февраля 1931 года президиум Московского облисполкома направил письмо в Сонковский райисполком. Поручалось до 20 февраля составить списки всех зажиточных крестьян, так как в районе процент зажиточных крестьян указан ниже, чем в среднем по области. Те председатели и члены сельсоветов, которые этого не сделают, будут привлечены к ответственности.

Бережковский и Душковский сельсоветы, в числе других, были образованы к октябрю 1930 года на основании решения пленума Сонковского райкома партии от 2 июня 1930 года, который поручил райисполкому разукрупнение сельсоветов [200].

Вместе с представителями административных органов – прокурора, уполномоченного райисполкома и других, активную роль в проведении коллективизации играли местные комсомольцы. В их числе Костров, 24 года, Волков, 23 года, Лежушкин, 23 года, Пекин 22 года, Кренделев, 23 года.

По Душковскому сельсовету списки составлял его президиум в составе председателя П.П. Кострова из Поцепа, секретаря И.Д. Баруздина из Душкова, членов Быстрова и Морева, уполномоченного прокурора М. Голубева, уполномоченного Сонковского райисполкома Тараканова, учителей Карело-Кошевской школы В.А. Лебедевой и Ивановой.

По Бережковскому сельсовету списки составлял президиум в составе председателя сельсовета Н.М. Волкова, бывшего первого председателя колхоза в деревне Климантино «Новый Путь», секретаря Б.Ф. Кренделева, члена сельсовета В. Пекина, секретаря комсомольской организации М.П. Лежушкина, уполномоченного прокурора М. Голубева и бригадира Миронова. Потом с этими списками члены президиума выходили в деревни и там проводили собрания с беднотой и середняками. Уполномоченным от Сонковского райкома партии по коллективизации и раскулачиванию крестьян в деревнях Бережковского и Душковского сельсоветов был прокурор района М. Голубев.

Каждому уполномоченному от райкома ВКП(б), как руководителю «тройки» по развертыванию массовой работы на селе и выселению кулаков в феврале-марте 1931 года, была дана совершенно секретная памятка, не подлежащая оглашению. В ней был подробно расписан порядок проведения коллективизации и раскулачивания по дням.

«Первый день. Прибыв в сельсовет, уполномоченный райкома партии, окончательно знакомится с крестьянскими хозяйствами, указанными в списках, переданными ему в райкоме партии. Он уточняет, действительно ли являются кулаками лица, указанные в переданных ему списках. Есть ли в этих хозяйствах трудоспособный мужчина в возрасте 18–50 лет. При этом о своей цели прибытия уполномоченный ни с кем не разговаривает, и никому не сообщает,

зачем он приехал. Заявляет, что это обычный приезд в сельсовет по подготовке к весеннему севу, коллективизации и другим проводимым кампаниям.

Второй день. Утром уполномоченный говорит секретарю местной партячейки, а где ее нет – комсомольской ячейки, чтобы срочно собирали собрание коммунистов или комсомольцев. К обеду проведение собрания должно быть окончено. На собрании уполномоченный делает доклад о подготовке к весеннему севу, о коллективизации, связав ее с примерами вредительства на территории сельсовета. Требуется включить в резолюцию собрания необходимость выселения кулаков из своего сельсовета, как срывающих мероприятия советской власти.

После обеда уполномоченный срочно собирает пленум сельсовета вместе со всеми колхозниками, группами бедноты и активом середняков. При этом обязывает всех коммунистов и комсомольцев присутствовать на пленуме сельсовета. Снова выступает с повесткой дня о весеннем севе, коллективизации, выполнении других политических кампаний и вредительстве на территории сельсовета. Добивается принятия на пленуме политической резолюции с требованием немедленного выселения кулаков и вредителей из сельсовета, которые мешают коллективизации. Уполномоченный должен добиваться такого положения, чтобы на пленуме персонально указали, кого надо выселять.

Третий день. Целый день уполномоченный ходит по деревням и проводит индивидуальные беседы с колхозниками, беднотой, женщинами, середняцким активом. Выясняет у них, как они смотрят на коллективизацию, выявляет их настроение к принятым решениям о выселении кулаков. Наблюдает, как реагируют на происходящее сами кулаки, но так, чтобы не расшифровать свою конечную цель.

Четвертый день. Уполномоченный утром собирает президиум сельсовета вместе с партийной и комсомольской ячейкой, активом колхозников, бедняков, чтобы на президиуме присутствовало 15–23 человека. Он объявляет о том, что, согласно принятому решению на общем собрании сельсовета, ему дана санкция, выселить таких-то кулаков, и объявляет их список. А за 15 минут до заседания расширенного президиума уполномоченный знакомит со списком секретаря партячейки, председателя сельсовета и председателя колхоза. Требуется от них, чтобы они на этом расширенном президиуме поддержали

предложенный список кулаков, для выселения их с территории сельсовета.

На заседании расширенного президиума сельсовета избираются «тройки» на каждое крестьянское хозяйство, подлежащее раскулачиванию, во главе с уполномоченным райкома партии. «Тройка» через час после собрания должна отправиться во двор кулака для описи всего имущества. По пути связаться с милиционером, которого уполномоченный уже знает. В состав «тройки» должны входить: член сельсовета – бедняк, один колхозник, один представитель от партийной или комсомольской ячейки, желательно, чтобы все они были коммунистами или комсомольцами.

После описи имущества у кулака, оно сдается под охрану сельсовета и под личную ответственность его председателя до утверждения решения президиума сельсовета районным исполнительным комитетом. Кулацкую же семью после описи сейчас же выселяют и препровождают ее до сборного пункта (в данном случае до станции Сонково. – А.Г.).

Выселяемые, как глава, так и члены семьи, должны быть одеты в теплую одежду, и с собой обязаны забрать следующее имущество:

- пилу, топор, лопату, кирку;
- упряжь – хомут, седелку, шлею, вожжи, уздечку и другие;
- белье и одежда, какие есть в семье, полностью остаются в их распоряжении;
- на семью, из описанных у них же продуктов, выдается питание из расчета на 2 месяца, примерно по 16 кг ржаной муки на одного человека и другие продукты, но не более 25–30 пудов всего имущества на семью;
- до 500 рублей денег оставляется в семье.

Вечером того же дня уполномоченный собирает партийную и комсомольскую ячейки, группу бедноты и колхозников. Он ставит перед участниками собрания доклад с разъяснением о принятых мерах по выселению кулаков, согласно требованиям самих же бедняков и колхозников. Говорит о дальнейших задачах колхозного строительства, разъясняет, как будет передана земля и имущество кулаков в колхозы. Где еще нет колхозов, уполномоченный тут же добивается их создания. Он заостряет внимание вопрос о бдительности партийцев, комсомольцев, колхозников и бедноты к террору, поджогам и другим возможным эксцессам со стороны кулаков.

Пятый день. Утром уполномоченный является в райком партии с докладной запиской, в которой подробно освещает информацию о проделанной им работе. В этой записке ему нужно было осветить следующие вопросы:

1. Как реагировали ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ, помогали ли они в подготовке к этим мероприятиям.
2. Как отнеслись колхозники, бедняки и помогали ли они в этом деле, их активность, выступления на собраниях, разговоры.
3. Какое настроение у населения, колхозников, бедноты, учителя-средняка. Как они реагировали на принятые решения о выселении кулаков и в день проведения мероприятий по их выселению. Примерные выступления, разговоры, суждения, возгласы.
4. Как кулаки и их семьи реагировали на принятые решения об их выселении, как они поняли эти решения. Были ли факты побегов, попыток к побегу, как они реагировали в момент описи имущества и выселения. Какие были крики, вызовы, попытки к террору и провокациям.
5. Как в особенности реагировали на это женщины, примеры их выступлений и разговоров.

Все это описать в докладной записке конкретно, на примерах, переименовав, как правило, фамилии выступающих, разговаривающих, кто, как и где реагировал на эти мероприятия, как в хорошую сторону, так и в плохую» [201].

Как происходило раскулачивание, можно проследить на примере собрания жителей деревни Акиниха Душковского сельсовета. Собрание в марте 1931 года проводили коммунисты Харчиков и Мальков с членами созданного колхоза «Новая Деревня». Обсуждали представленный президиумом Душковского сельсовета список зажиточных крестьян деревни для признания их кулаками и выселения за пределы Московской области.

Василий Кузьмин Мельников, имел в городе Бежецке собственный дом, в деревне имел мельницу. До революции был старостой сельской общины, а также – волостным старшиной. Приняли решение о выселении вместе с семьей за пределы Московской области.

Иван Андреевич Мельников, имел в деревне мельницу, получил индивидуальное твердое задание. Жители деревни посчитали, что

твердое задание ему выдано неправильно, так как Мельников не кулак, а середняк, и просили не выселять его с семьей из деревни. (Но его все равно раскулачили и выселили из деревни вместе с семьей. – А.Г.).

Арсений Васильевич Маслов, отец его до революции купил землю, которую советская власть у него отобрала. После революции Маслов продолжал иметь толчею, поэтому ему дали твердое задание, но толчея уже два года назад пришла в негодность. Деревенское общество считало, что Маслов за собой толчею не имел, выселять его с семьей не надо. (Семью А.В. Маслова раскулачили и выслали из деревни. – А.Г.).

Николай Федорович Мельников, в 1929 году был лишен избирательных прав за спекуляцию. Жители деревни просили сельсовет расследовать все его проступки, о которых они не знают. (Семью Н.Ф. Мельникова раскулачили и выслали из деревни. – А.Г.).

Иван Дмитриевич Сапожков, которому Душковский сельсовет дал твердое задание по передаче государству сельскохозяйственной продукции. Жители деревни считали, что это задание ему дано неправильно, и просили сельсовет это задание с него снять. (Семью И.Д. Сапожкова раскулачили и выслали из деревни. – А.Г.) [202].

Таким образом, вступая в колхоз «Новая Деревня», жители деревни Акиниха согласились на выселение всего одной семьи В.К. Мельникова, однако в 1931 году из деревни были выселены 6 зажиточных крестьян вместе с семьями: В.К. Мельников, И.А. Мельников, Н.Ф. Мельников, А.В. Маслов, И.И. Иванов и И.Д. Сапожков.

Рассматривая решения президиумов сельских советов, президиум исполкома Сонковского районного совета, как правило, оставляя эти решения без изменений. *Из 6 деревень Душковского сельсовета было выселено 22 зажиточных хозяйства вместе с семьями.* Например, житель деревни Душково *Иван Петрович Шукин* был раскулачен и выслан с семьей из деревни за то, что до 1931 года имел собственную мельницу и «кулацкий авторитет среди местного населения» [203].

В карельских деревнях Душковского сельсовета иногда удавалось защитить того или иного крестьянина, признанного властями кулаком. Жители деревни Поцеп защитили Н.Д. Соколова, имевшего молотилку, а жители деревни Петряйцево – Д.И. Иванова. Но при этом все крестьяне, присутствовавшие на собраниях, писали заявления о вступлении в колхоз.

В марте 1931 года президиум исполкома Сонковского райсовета, в числе других, слушал постановление пленума Бережковского сельсовета о выселении кулацкой семьи *Василия Ивановича Волкова* из деревни Климантино за то, что Волков до 1917 года торговал мясом, до 1925 года имел сепаратор, подоходный налог платил по 500 рублей в квартал.

Семья его брата *Дмитрия Ивановича Волкова* из деревни Климантино была выселена за то, что хозяин семьи до 1927 года торговал мясом.

Вместе с семьей был выселен другой житель деревни Климантино *Войлоков Федор Васильевич* за то, что являлся крупным подрядчиком, имел от 10 до 50 человек наемных работников, до 1927 года имел собственную кузницу. Категорически отказывается выполнять индивидуальное государственное задание. Всего из деревни Климантино было выселено 5 семей зажиточных крестьян [204].

Из деревни Горбовец Бережковского сельсовета было выселено 5 семей, в том числе, семья из 6 человек *Михаила Алексеевича Рудова*, 48 лет, который до революции имел торговлю, скупал и продавал лен. Из этой же деревни выселена семья из 6 человек *Василия Евграфовича Голубева*, 50 лет, за то, что до революции имел торговлю в деревне, скупал молочные продукты, льноволокно и хлеб, продавал их на рынке, применял наемный труд до 4 работников.

По Бережковскому сельсовету из 7 деревень выселено 28 семей, по 6–8 человек в каждой семье. По двум карельским сельсоветам Карело-Кошевского прихода были выселены 50 семей, или не менее 300 жителей.

Основания для выселения записывали разные: «Занимался выделкой кожи, злостно тормозит колхозному движению»;

«Кулак, ранее имел до 20 коров, открыто ведет агитацию против всех мероприятий советской власти»;

«До 1927 года имел сепаратор, продавал масло и сыр»;

«Имел 20 десятин земли, 3 лошади и 6 коров» и другие подобные основания для выселения [205].

Это были обычные крестьяне, сначала зажиточные, потом, волею власти, ставшие нищими, над которым власть просто-напросто глумилась и издевалась. Таких в 13 карельских деревнях Карело-Кошевского прихода насчитали 50 крестьянских хозяйств. Председатель Душковского сельсовета И.Д. Баруздин, вынужденный исполнять

волю государства, в отношении подобных хозяйств говорил уполномоченному райкома партии М. Голубеву: *«Как считать эту семью кулаками? У нас такие кулаки подряд найдутся. Эксплуатации не было, значит – кулаков нет. Кулаков уже раскулачили и выселили, и искать я их не знаю как».*

Прокурор Сонковского района Голубев, который по должности был обязан стоять на страже законов, являлся одним из основных нарушителей закона, без суда и следствия отбирая имущество и дома у зажиточных крестьян, и направляя их семьи на высылку. Председателю Душковского сельсовета Баруздину как-то повезло, за свои слова о кулаках его не наказали, оставили на должности. Многих председателей сельсоветов и колхозов, например П.П. Кострова, П.В. Харчикова и других, которые «не вели работы по очищению колхозов от кулацких вредительских элементов», снимали с должности и привлекали к партийной ответственности, вплоть до исключения из рядов ВКП(б).

Из 13 карельских деревень Карело-Кошевского прихода только из одной деревни Поцеп не выселили ни одной семьи, хотя пытались выселить Соколовых и Костровых. Обошлось тем, что П.П. Кострова сняли с должности председателя Душковского сельсовета и исключили из партии. У Соколовых отобрали в колхоз злосчастную молотилку вместе со скотом и хозяйственными постройками. Одновременно все жители деревни были вынуждены записаться в колхоз «За Новый Быт».

Зажиточным крестьянам запрещали вступать в колхозы, чтобы оставаться жить в деревне. В оперативной сводке за 1930 год по Сонковскому району, в числе других фактов, было указано, что в деревне Сносы Григоровского сельсовета в члены сельхозартели была принята семья крупного скупщика Гудина. Он, с целью сохранения своего хозяйства, сделал фиктивный раздел, сам выделился без хозяйства, а семья его из-за боязни быть раскулаченной, подала заявление о вступлении в члены колхоза и была принята.

Президиум исполкома Сонковского райсовета рассмотрел постановление пленума Григоровского сельсовета о выселении кулацкой семьи Ивана Алексеевича Гудина из деревни Сносы за то, что он был мясником, занимался скупкой и перепродажей скота до 1929 года, лишен избирательных прав, и принял решение о выселении этой семьи [206].

Во время погрузки выселяемых семей в вагоны на станции Сонково в начале апреля 1931 года, сотрудники ОГПУ записывали высказывания присутствовавших женщин.

«Вот взяли у нас Крутикова, как семью кулака, а для чего взяли? Для того, чтобы всех загнать в колхозы, так как мужики не хотят в колхозы, вот и берут кулаков, а за ними могут взять и других мужиков».

«Смотрите, как власть страшит мужиков, если будет война, то уж не один мужик не посмеет слова сказать. Смотрите, сколько невинных людей угоняют неизвестно куда. Не обращают внимания ни на стариков, ни на детей. По наружному виду ГПУ вежливо с ними обращается, а по внутреннему состоянию, дали бы им плетку, то, пожалуй, они бы стали всех пороть, как раньше пороли жандармы».

«Смотрите, сколько ликвидировано хозяйств, сколько хозяйств пойдет к низу, их земли так и останутся незасеянными. И в лавках уже ничего не стало».

«Не хочешь, да пойдешь в колхозы теперь, когда тысячу человек из одного Сонковского района выселяют. Уж потерпим и в колхозе, не все же будет эта власть, когда-нибудь же перемениться» [207].

В сводке по Сонковскому району отмечалось, что без высылки кулаков, за 6 дней в марте 1931 года было зарегистрировано 12 колхозов с 48 крестьянскими хозяйствами. А за 5 дней периода проведения кампании по выселению кулаков с 27 марта по 1 апреля 1931 года, было зарегистрировано 30 колхозов с 433 хозяйствами [208].

Из Московской области всех раскулаченных крестьян направляли в качестве спецпереселенцев на Урал, в Сибирь и Казахстан. По установленным в постановлении от 30 января 1930 года нормам, число раскулаченных крестьянских хозяйств должно быть в пределах 3–5% от их общего числа. По Бережковскому и Душковскому сельсоветам было раскулачено 50 хозяйств из 501 или 10% от общего числа крестьянских хозяйств, выслано из родных мест около 300 человек.

Трагедия советской деревни

*В СССР проведена страшная
борьба с 10 миллионов кулаков.*

И.В. Сталин

Никто и никогда не ответит на вопрос: в чем провинились крестьяне перед советской властью? Почему деревенских эппманов объявляли «врагами народа», раскулачивали и направляли на Урал, в Сибирь, Казахстан, на Север без суда – созданными «тройками»?

В результате коллективизации крестьяне в СССР были поставлены в полную зависимость от государства. Ввели паспортную систему, которая препятствовала уходу крестьян из колхоза в город. Создали систему принудительного труда в колхозах с большим бременем непосильных налогов и мизерной оплатой лишь по итогам года. Победил путь развития деревни с применением чрезвычайных, насильственных мер, который предлагал фактический руководитель Советского государства И.В. Сталин.

Русский фабрикант В.П. Рябушинский в своей книге «Русский хозяин» ошибся, что народ больше никогда не отдаст свою собственность. На объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) в январе 1933 года было заявлено о достижении цели партии и государства по ликвидации кулачества как класса и победе социалистических отношений в деревне.

Частной собственности на средства производства в деревне не стало, земля принадлежала государству, а все остальное – колхозам. В частной собственности у деревенского жителя оставался лишь дом с двором, домашняя утварь и сельскохозяйственный инвентарь. У него отобрали и передали в колхоз даже все сараи, житницы и амбары, стоящие на его усадьбе, земля которой тоже стала государственной. Во время сенокоса некоторые усадьбы колхозников превращались в дороги, по которым возили сено в колхозные сараи, особенно в дождливое лето.

В 1942 году во время беседы с премьер-министром Англии У. Черчиллем И.В. Сталин заявил: «В СССР проведена страшная борьба с 10 миллионов кулаков. Это было что-то страшное, это длилось 4 года. Но основная их часть была весьма непопулярна, и была уничтожена самими батраками» [209].

Таким образом, И.В. Сталин подтвердил тот факт, что 10 миллионов наиболее трудолюбивых крестьян были сосланы на Урал, в Сибирь, Казахстан, на Север, часть из них погибла в дороге и холодных бараках от стужи и голода.

Привожу выдержку из письма одного раскулаченного крестьянина, направленного в адрес председателя ВЦИК М.И. Калинина: «Находясь в ссылке, я насмотрелся на весь ужас этого массового выселения целых семейств. Пусть это кулаки, хотя многие из них имели совершенно ничтожное, ниже середняцкого состояния, пусть вредные элементы, хотя, правду сказать, многие попали сюда только из-за злых языков своих соседей. Но все же, это люди, а не скотина, и жить им приходится гораздо хуже, чем живет скотина у культурного хозяина».

Кроме раскулаченных и высланных крестьянских хозяйств, десятки тысяч крестьян умерли от голода в своих домах. Здесь уместно привести слова одного поэта, что хотели сравнить деревню с городом, а сравнивали ее с землей. В годы коллективизации, как и позднее, в послевоенное время, просто выжить в бедной голодной деревне, в лагере или на спецпоселении, было сродни подвигу.

Советская власть признавала кулаков в деревне отдельным контрреволюционным классом, так ли это, были ли зажиточные крестьяне отдельным классом? Споры о делении общества на классы и группы не утихали длительное время, вспыхивают и сейчас. Сторонники теории К. Маркса и В.И. Ленина в основу деления отнесли отношения к собственности и формы владения средствами производства. В своей работе «Великий почин» В.И. Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающихся... по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда. Классы – это такие группы людей, из которых может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Другие теоретики делили общество на классы в зависимости от профессиональной деятельности людей и их вклада в развитие общества. Третьи – в зависимости от уровня доходов, авторитета и влияния.

Зажиточные крестьяне, имевшие наемную рабочую силу, и даже середняки, стали заложниками классовой теории Маркса–Ленина, интерпретированной И.В. Сталиным. Большевики вдалбливали крестьянам, что кулацкое хозяйство само по себе является антагонистиче-

ским социалистическому хозяйству. Что кулацкое хозяйство остается таковым до тех пор, пока основано на эксплуатации чужого труда.

Но до 1928 года почему-то единоличное кулацкое хозяйство уживалось с социалистическим (коллективным) ведением хозяйства, то есть большого антагонизма в самой деревне не было. Наоборот, бедняки нередко защищали зажиточные хозяйства от нападков коммунистов и рабочих-уполномоченных.

Экономические ошибки, допущенные руководством страны, и трудности по хлебозаготовкам коммунисты превратили в антагонистические отношения между крестьянством и пролетариатом. Но до 1928 года пролетариат мирился и сохранял капиталистические элементы в деревне. Вслед за своим вождем коммунисты на местах голословно повторяли, что *сопротивление умирающих классов, к которому они относили кулаков, в дальнейшем будет возрастать, и классовая борьба будет обостряться.*

Но примеров обострения борьбы умирающего класса с властью в истории никогда не было. Да и были ли зажиточные крестьяне, названные «кулаками», отдельным деревенским классом? Многие из них выступали против коллективизации, против мероприятий советской власти, но из-за малочисленности, до 1% кулаков-ростовщиков и до 14–16% зажиточных крестьян (деревенских нэпманов. – А.Г.) от деревенского населения, несплоченности в отдельную партию или союз, экономического ослабления, они, конечно, не составляли отдельного контрреволюционного класса. Многие из них воевали за советскую власть в годы Гражданской войны, другие состояли в первых сельских и волостных советах, третьи вступали в колхозы, отдавая туда все, что имели.

В связи с повышением достатка середняцких хозяйств, уменьшением числа бедняков, влияние кулаков в деревне на крестьян резко ослабло. Но это серьезно противоречило сталинской теории обострения классовой борьбы. Поэтому при претворении в жизнь лозунга «ликвидации кулачества как класса», его объектом стали в основном зажиточные крестьяне, середняки и даже бывшие бедняки.

Например, к 1930 году по всему Сонковскому району Московской области из 52 тысяч крестьян и 8728 крестьянских хозяйств, **насчитали всего 0,26%** или 137 чисто кулацких хозяйств, в них около 800 человек. Если из каждого 33 имевшихся тогда в Сонковском районе сельсоветов выселили по 20–25 семей, всего было выселено не менее 660–825 семей или 3–4 тысячи крестьян, что составляло 6–7,5% от всех

крестьян района. На территории бывшей Тверской губернии раскулачили и выселили из родных деревень не менее 150 тысяч человек, или 30 тысяч крепких крестьянских хозяйств.

Выселяя их из своих деревень, советская власть забирала дома, постройки, скот, сельскохозяйственные машины и другое имущество. Одновременно она получала бесплатную рабочую силу для освоения необжитых местностей, на строительстве каналов, заводов и других объектов. Случалось, что некоторым деревенским нэпманам, которые под давлением силы «добровольно» вступали в колхозы и передавали туда мельницы, кузницы, сельскохозяйственные машины и другое имущество, советская власть прощала их «кулацкое» прошлое. Если они при этом не высказывали ничего против коллективизации и советской власти.

Подрыв крестьянства означало подрыв экономики всей страны, прежде всего, в сельском хозяйстве, что привело к массовому голоду. Результатом коллективизации и раскулачивания стал голод 1931–1933 годов, который охватил несколько территории СССР. Крестьяне массово забивали скот, в том числе и рабочих лошадей, чтобы не сдавать их в колхозы. В колхозах происходил значительный падеж обобщественных лошадей и коров из-за некачественного ухода за ними и нехватки кормов, в результате в колхозах не хватало рабочих лошадей. Если в 1928 году в СССР было 33,5 млн лошадей и 70,5 млн голов крупного рогатого скота, то в 1932 году осталось 19,6 млн лошадей и 40,6 млн голов крупного рогатого скота.

Резко сократился валовой сбор зерна, хотя по отчетам показывали, что площадь посевов была увеличена. В деревне не стало хватать рабочих рук, так как самая активная часть крестьян была выселена из родных деревень, а другие уходили в города и промышленные районы в результате проведения индустриализации страны. Планы советского руководства по скорой механизации сельского хозяйства провалились. Поля плохо обрабатывались, удобрения не вносились, урожай был низким. Основные показатели в СССР по зерновым культурам:

	1928 год	1930 год	1931 год
Валовой сбор зерна	733,2 млн ц	835,4 млн ц	694,8 млн ц
Посевные площади	92,2 млн га	101,8 млн га	104,4 млн га
Урожайность	7,95 ц/га	8,2 ц/га	6,7 ц/га

В прошлом – уроки будущего. Хотя В.П. Рябушинский в 1928 году и ошибался, что *выстраданную идею собственности русский человек больше никогда не отдаст*, но через 60 лет после ликвидации и уничтожения основ новой экономической политики в России в 1990-х годах снова вернулись к частной собственности...

Заключение

...Эстафету от деревенских нэпманов 1920-х годов подхватили фермеры в конце XX – начале XXI веков. НЭП в 1921–1928 годах был успешным потому, что крестьяне-землепашцы и мастеровые люди умели много и хорошо работать, трудолюбие им прививалось из поколения в поколение. Но беда насильственной коллективизации заключалась в том, что колхозы постепенно отучили крестьян от повседневной добросовестной работы.

Да, их заставляли работать за трудодни и мизерную оплату в конце отчетного года. Но это был уже не добросовестный свободный, а принудительный труд, приведший к краху многих колхозов сразу после того, как ушли на пенсию поколения, начинавшие свою жизнь при единоличных крестьянских хозяйствах. Последующие поколения так много работать на колхозы не хотели, несмотря на применение метода кнута и пряника.

В конце XX века стали активно ратовать за рынок и частную собственность, забыв, как в революцию 1917 года и первые годы советской власти погубили тысячи жизней, чтобы избавиться от рынка и частной собственности.

Когда попробовали ввести что-то, наподобие НЭПа в 1990-е годы, долгое время ничего не получалось, так как люди, привыкшие к разрушению, лени, праздному образу жизни, работать уже разучились. Они хотели получить все и сразу, чтобы мало работать, но много получать, без напряжения физических сил, но так не бывает, пришлось брать у других, которые в одночасье стали бедными.

Многие ученые-экономисты считают бедными семьи, если доход на каждого члена семьи менее двух прожиточных минимумов. На 1 января 2018 года численность сельского населения Тверской области

составляло 311 014 человек или 24,2% от общего населения области, которое составляло 1 283 873 человека. Большинство сельского населения области – пенсионеры при средней пенсии в 13–14 тысяч рублей.

В 2018 году средний прожиточный минимум в Тверской области составил 10,5 тысяч рублей. Таким образом, на одного члена семьи должно приходиться не менее 21 тысячи рублей. По данным Тверского статистического управления, средняя зарплата в сельском хозяйстве по области за 2018 год составила 22,7 тысяч рублей. При условии, если в семье сельского жителя 4 человека, из них 2 работающих, то на человека приходилось всего по 11,35 тысяч рублей. *Выходит, что по критериям ученых-экономистов, все деревенские жители Тверской области, не относящиеся к фермерам и предпринимателям, в 2018 году жили за чертой бедности.* Если говорить о демографии, то в начале XXI века каждый рожденный ребенок являлся движением к дальнейшей бедности в крестьянской семье.

В результате принятия неординарных законов, а также криминальным путем, в постсоветской России произошло более значительное расслоение общества, чем было во времена НЭПа. Опыт НЭПа должен чему-то научить власть, предпринимателей и рядовых граждан в современной России, где за последнюю треть века, начиная с 1985 года, проводилась беспомощная экономическая политика.

Как и 100 лет назад «кулаки-ростовщики», так и постсоветские мошенники давали в долг деньги под неподъемные губительные проценты, скупали по дешевке акции, спекулировали, обманывали, обсчитывали, обвешивали. Заключали мошеннические договоры, особенно с доверчивыми престарелыми людьми, которых легко обмануть. Создавали фирмы микрозаймов при наличии множества банков, долги выбивали так называемые «коллекторы», когда существовали целые государственные структуры правоохранительных органов.

Взяв за образец американский способ ведения бизнеса, многие постсоветские российские бизнесмены и олигархи вдруг стали неимоверно богатыми на обмане и мошенничестве. По их понятиям, честность – это не прибыльный товар. Но если самые первые богачи дурачили народ от бедности, то последующие мошенники дурачили народ от своей жадности. Мошенники не гнушались ничем – от откровенного рэкета до распускания слухов о банкротстве конкурен-

та с целью приобретения его акций по низкой цене. Спекуляция, мошенничество, обман стали в стране обыденным делом, никто не закрывал жульнические фирмы, не сажал в тюрьму мошенников и воров до тех пор, пока те не убегали за границу вместе с наворованными деньгами.

Народ ненавидел бизнесменов и олигархов, которые не сами заработали свои богатства, а присвоили народные сбережения и дальше продолжали эксплуатировать труд наемных работников. Ненавидели вместе с их дворцами, офшорами, яхтами, роскошью и несметным состоянием. Особенно ярко эти противоречия проявлялись в таких депрессивных регионах, как Тверская область.

Как и 100 лет назад, в начале XXI века не были устранены «ножницы цен», прежде всего, между стоимостью бензина и продукции сельского хозяйства. Если, например, в СССР закупочная цена одного литра молока была в 4 раза выше стоимости одного литра бензина, то в начале XXI века стоимость бензина в 2 раза выше закупочной цены молока. Это происходило в нашей стране, богатой нефтью. Всеми народными природными ресурсами: нефтью, газом, морепродуктами, полезными ископаемыми владели и наживались единицы лиц, а не все население страны.

Случилось так, что по распределению доходов в России, есть Москва и остальная страна, никаких мер по перераспределению средств из Москвы для остальных территорий не проводилось. Почему же учителя, врачи, другие бюджетники и работники предприятий разных территорий за одинаковую работу должны получать в 2 раза меньше, чем получали в Москве? В чем причины такой дискриминации?

В связи с этой дискриминацией и другими причинами беспомощной экономической политики, в первой половине XXI века вымирали не только деревни в центре России, но и районные города, в которых не было никакой работы. В годы СССР в районных городах, кроме промышленных предприятий союзного и республиканского значения, находились производства местной промышленности: молокозавод, льнозавод, кондитерский цех, мясокомбинат, комбинат бытового обслуживания, а также дорожные, строительные, мелиоративные и другие организации. Работали разные кооперативные и заготовительные структуры: райпотребсоюз, заготскот, заготзерно, заготконтора и другие. Жизнь показывает, что со временем к мест-

ным предприятиям и каким-то видам кооперации все равно придется вернуться.

Игнорирование экономических проблем страны, решение их политическими методами, привели страну в XX веке к бедности, культу личности одного человека и репрессиям в отношении советских граждан. Не повторить бы подобных ошибок в XXI веке!

Но какой бы, ни была власть в стране, крестьянина никто никогда не освободит от природной зависимости. Весной ему надо сеять хлеб, сажать овощи, а осенью убирать урожай, и корову надо доить три раза в день. Так было, есть и будет всегда.

*Город Тверь – Крым, Колоски,
ноябрь 2018 года – июнь 2019 года,
изменения – 2023 год.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 30.
2. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1957. Т. I.
3. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1964. Т. III. С. 78.
4. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 9, л.д. 3–4, 9–10.
5. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1964. Т. III. С. 142.
6. Съезды советов в постановлениях и резолюциях. М.: изд. «Власть Советов», 1935. С. 118.
7. Статистический ежегодник. М., 1921. Вып. второй. С. 226–230.
8. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 9, л.д. 20, 32.
9. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 32, л.д. 27; д. 81, л.д. 10.
10. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 36, л.д. 14.
11. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 167, л.д. 46.
12. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1971. Т. V. С. 51.
13. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1971. Т. V. С. 105.
14. Обзор Тверской губернии за 1913 год. Тверь, 1914. С. 7.
15. Бюллетень Тверского губернского статистического бюро № 1 от 25 июня 1920 года. С. 11.
16. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 575, л.д. 8, 41.
17. Протоколы X съезда РКП(б). М.: Партийное издательство, 1933. С. 28–29, 39.
18. Там же. С. 410–411, 415–416, 418.
19. Там же. С. 419–421, 428.
20. Там же. С. 439.
21. Там же. С. 564–566.
22. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1957. Т. 1.
23. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: издательство политической литературы, 1968. С. 717–723.
24. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: издательство политической литературы, 1968. С. 688–691.
25. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1975. Т. VII. С. 298.

26. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1957. Т. I. С. 17.
27. Там же. С. 18–19.
28. Первое советское правительство. Сборник статей. М., 1991. С. 81–82.
29. Там же. С. 445.
30. Там же. С. 284–285.
31. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1976. Т. VIII. С. 127.
32. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1986. Т. XII. С. 127.
33. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 451-а, л.д. 41–47.
34. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 451-а, л.д. 1, 16–17.
35. ТЦДНИ, ф. 60, оп. 1, д. 9, л.д. 15–17, 74–78, 83–88, 100–107.
36. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполкома с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года. Бежецк, 1925. С. 25–27.
37. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1922–1923 годы. М., 2001. Т. 1. Ч. 1.
38. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1922–1923 годы. М., 2001. Т. 1. Ч. 2.
39. XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: издательство политической литературы, 1963. С. 633, 637, 679.
40. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1924 год. М., 2001. Т. 2. Ч. 1,2.
41. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1925 год. М., 2002. Т. 3.
42. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: государственное издательство, 1926. С. 46–47.
43. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1926 год. М., 2002. Т. 4.
44. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1927 год. М., 2003. Т. 5.
45. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1131, л.д. 86.
46. ТЦДНИ, ф. 60, оп. 1, д. 9, л.д. 7.
47. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 77.
48. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 101–102.
49. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 4–7.

50. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 1.
51. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 1, л.д. 41.
52. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 54–55.
53. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 7, л.д. 53.
54. Там же. Л.д. 42–43.
55. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 16, л.д. 17–19.
56. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 85, л.д. 5.
57. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1131, л.д. 104.
58. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 24, л.д. 11–12, д. 26, л.д.79.
59. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 2.
60. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 75.
61. Отчет о деятельности Бежецкого Уездного Исполнительного Комитета Тверской губернии. За 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография «Труженик», 1929.
62. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполкома с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года. Бежецк, 1925. С. 14.
63. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 1, л.д. 46, 49, ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 22.
64. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполнительного комитета Тверской губернии с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года. Бежецк, 1925. С. 15.
65. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 44, л.д. 8, 14–16.
66. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 38–40.
67. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 17, л.д. 15–17, д. 29, л.д. 5.
68. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 4–7.
69. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 368–369, 380–381, 498.
70. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 10.
71. Отчет о деятельности Бежецкого Уездного Исполнительного Комитета Тверской губернии. За 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография Труженик, 1929 год.
72. ТЦДНИ, ф. 5259, оп. 1, д. 4, л.д. 12–13, д. 5, л.д. 1.
73. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 1–2.
74. ТЦДНИ, ф. 5259, оп. 1, д. 5, л.д. 79.
75. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 8, л.д. 87.
76. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1128, л.д. 1–2, 5–6.
77. Там же. Л.д. 21–23, 50, 73.
78. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 8, л.д. 1, ф. 5, оп. 1, д. 298, л.д. 45.

79. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 82–83, 110, 128.
80. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 298, л.д. 3.
81. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 298, л.д. 24.
82. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 1, л.д. 3.
83. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 50, л.д. 3.
84. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 665, л.д. 12, 122.
85. Там же. Д. 6, л.д. 229.
86. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 86, л.д. 5.
87. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 27, л.д. 78.
88. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 81, л.д. 2–7, д. 85, л.д. 13–14.
89. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 85, л.д. 7.
90. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 45, л.д. 1, д. 46, л.д. 1–4.
91. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 82, 109.
92. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 46, л.д. 55.
93. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 15, л.д. 47.
94. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 26, л.д. 1.
95. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 23, л.д. 1–2.
96. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 48.
97. ТЦДНИ, ф. 346, оп. 1, д. 31, л.д. 1–5.
98. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 12, л.д. 19, д. 14.
99. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 20, л.д. 10, д. 27, л.д. 28.
100. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 20, л.д. 46, д. 31, л.д. 7.
101. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 44, л.д. 6; ф. 5, оп. 2, д. 39, л.д. 2; ф. 1124, оп. 1, д. 15, л.д. 5, 29.
102. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 140, л.д. 68–72.
103. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 8, л.д. 82.
104. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 861, л.д. 44–45.
105. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 861, л.д. 47–48, 193.
106. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 23, л.д. 82.
107. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 23, л.д. 312–316.
108. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. СПб.: изд. «Паллада», 1908.
109. ГАТО, Сборник материалов по статистике. Тверская Губерния, выпуск 2–4. Тверь, 1874. С. 53.
110. Обзор Тверской губернии за 1913 год. Тверь, 1914. С. 8–9. *Сиверцев П.А.* Крещенская ярмарка. Краеведческий альманах «Весьегонск», выпуск 1. М.–Весьегонск, 2006. С. 295–296.
111. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 178–179, 202–203.

112. Там же. С. 476–477, 480–481.
113. Там же. С. 210–217.
114. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1968. Т. IV. С. 371.
115. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 462, л.д. 8.
116. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1129, л.д. 1.
117. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 23, л.д. 87, 116, 120.
118. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 4, л.д. 24, 56, д. 11, л.д. 45.
119. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 462, л.д. 8.
120. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 39, л.д. 9.
121. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 121.
122. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 168–169.
123. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 444, л.д. 73–74.
124. Отчет о деятельности Бежецкого Уездного Исполнительного Комитета Тверской губернии. За 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография «Труженик», 1929.
125. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1129, л.д. 80, 88–89.
126. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 12, л.д. 37, д. 55, л.д. 1, 52–55.
127. Декреты советской власти. М.: Изд. «Политическая литература», 1968. Т. IV. С. 371.
128. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 19–20.
129. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 30–34, 46.
130. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, л.д. 466, л.д. 1–3.
131. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 2, л.д. 1–2.
132. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 48.
133. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 17, л.д. 15–17.
134. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 49, л.д. 26, 94–95.
135. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 30, л.д. 4, д. 50, л.д. 26–27.
136. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1129, л.д. 75–76.
137. ТЦДНИ, ф. 4202, оп. 1, д. 6, л.д. 24.
138. Права и обязанности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Госиздат, Тверское отделение, 1921. С. 3–6, 11–14.
139. ТЦДНИ, ф. 5259, оп. 1, д. 5, л.д. 41.
140. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 9, л.д. 41–42.
141. Отчет о деятельности Бежецкого Уездного Исполнительного Комитета Тверской губернии. За 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография «Труженик», 1929.
142. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1128, л.д. 35.

143. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 48, л.д. 2–3.
144. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 51, л.д. 191–192.
145. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 39, л.д. 7.
146. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 27, л.д. 22.
147. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д.31, л.д. 1–2.
148. Там же. Л.д. 7.
149. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 35, л.д. 1–13.
150. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 31, л.д. 80.
151. ТЦДНИ, ф. 5242, оп. 1, д. 1, л.д. 1–2, 26.
152. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 51, л.д. 9, 42–43.
153. Там же. Л.д. 46.
154. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 73–74.
155. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 48.
156. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 53, л.д. 14, 23.
157. Там же. Л.д. 37–38.
158. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 53, л.д. 51–52.
159. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 30, л.д. 27.
160. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 23, л.д. 42.
161. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 39, л.д. 1, 13.
162. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 85, л.д. 38–39.
163. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 161–171.
164. Протоколы XI съезда РКП(б). Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 572–573.
165. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 14; д. 27, л.д. 4, 41–43.
166. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 26, л.д. 102–103, д. 24, л.д. 33.
167. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 33, л.д. 32.
168. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 44, л.д. 4–6, 169.
169. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Государственное издательство, М.–Л., 1928. С. 1062–1079.
170. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Государственное издательство, М.–Л., 1928. С. 1304–1317.
171. *Муравьева Л.А.* НЭП: результаты, противоречия и тупики развития // Финансы и кредит. 2002. № 21 (111).
172. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1928 год, том 6; 1929 год, том 7. М., 2003.
173. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1930 год, том 8, ч. 1. М., 2008.
174. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 59.

175. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 4, л.д. 3–4.
176. Там же.
177. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 24, л.д. 175.
178. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 29.
179. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 55, л.д. 50–51.
180. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 55, л.д. 102–103.
181. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 55, л.д. 71–72.
182. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 32.
183. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 9, л.д. 20–23, 34–35.
184. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 20, л.д. 1–5.
185. ТЦДНИ, ф. 4202, оп. 1, д. 6, л.д. 7–8.
186. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 54, л.д. 1, 8, 11.
187. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 1, л.д. 7–8.
188. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 54, л.д. 12–16.
189. Там же. Л.д. 20.
190. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 16, л.д. 123–125.
191. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Государственное издательство, 1930. С. 730–735.
192. ТЦДНИ, ф. 423, оп. 1, д. 3, л.д. 1–32
193. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 2, л.д. 39.
194. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 9, л.д. 25, 43, 46.
195. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 11, л.д. 97.
196. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 5, л.д. 13.
197. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 9, л.д. 85–87.
198. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 7, л.д. 11, д. 9, л.д. 91, 162.
199. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 57.
200. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 14, л.д. 1.
201. ТЦДНИ, ф. 136, оп. 1, д. 60, л.д. 1–3.
202. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 30, л.д. 7.
203. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 17, л.д. 15.
204. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 17, л.д. 14–15.
205. Там же.
206. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 17, л.д. 14, д. 29, л.д. 9.
207. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 29, л.д. 16–17.
208. Там же. Л.д. 16.
209. Журнал «Октябрь». М., 1988. № 11. С. 101.

Книга третья

История одного колхоза

*Мне уголок России мил
Мой добрый отчий дом.*

Е. Шевелева

Введение

Отчего дома, где я родился в 1949 году, уже нет, с 2003 года нет и моей родной деревни Петряйцево, как многих других деревень в округе. По посаженным в 1961 году сосне и березам, я могу определить, где раньше стоял мой дом. Могу пройти вдоль бывшей деревни и рассказать, чьи дома были здесь. Помню, кто и где жил в деревнях Бережки, Горбовец, Душково, Муравьево, Поцеп, Шейно. Но уже некому об этом рассказывать и незачем, немногие оставшиеся местные жители из других деревень знают и сами, а переселенцам, приехавшим жить в Бережки, это неинтересно.

И все-таки в этой книге я расскажу хотя бы крупницу истории колхоза «Знамя Ильича», то, что нашел в архивах, что вспомнил сам из рассказов матери, деревенских жителей и личных наблюдений. А чтобы понять, с чего начинался колхоз, как он жил 71 год, и чем закончил, приведу в книге некоторые законы и другие государственные нормативные акты по сельскому хозяйству. По ним жили в свое время все колхозы, в том числе и Нечерноземной зоны РСФСР, к которой мы относимся.

История колхоза «Знамя Ильича Сонковского района Калининской (Тверской) области, как коллективного хозяйства, включает в себя 71 год, с 1931 по 2002 годы. Она вместила в одну человеческую жизнь. В последние 10 лет перед банкротством, с 2002 по 2012 годы, форма собственности колхоза была уже не коллективной, а частной. Историю этого колхоза, как и многих других, можно разделить на несколько этапов:

1. Создание колхозов (1931–1932 годы).
2. Становление колхозов (1933–1941 годы).
3. Колхозы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы).
4. Восстановление колхозов после войны (1946–1949 годы).
5. Укрупнение колхозов (1950–1961 годы).
6. Развитие колхоза «Знамя Ильича» (1961–1970 годы).
7. Дальнейшее развитие колхоза «Знамя Ильича» (1970–1988 годы).
8. Последние годы колхоза «Знамя Ильича» (1989–2002 годы).
9. Банкротство и ликвидация колхоза (2002–2012 годы)

Сонковский район был образован 12 июня 1929 года в составе Бежецкого округа Московской области. В числе других, в этот район вошли Бережковский и Душковский сельсоветы, которые 30 июня 1931 года получили статус *карельских национальных*. Нужно отметить, что Бежецкий округ Московской области, образованный в 1929 году, был упразднен 30 июля 1930 года. Все районы округа, в том числе и Сонковский, отошли в прямое подчинение Московской области.

На первом этапе колхозного строительства в 1931–1932 годы в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода были организованы 13 колхозов, по одному колхозу в каждой деревне. В Бережковский сельсовет входили 6 колхозов, в Душковский – 7 колхозов. Коллективизация стала трагедией деревни, тогда раскулачили и выслали на Север, в Сибирь и Казахстан десятки тысяч деревенских жителей, в том числе 16% тверских карел – 24,2 тысячи человек.

В нашей местности в то время в каждой деревне было по 30–40 домов. При своем создании каждый колхоз принимал свой устав по Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1930 года, а в 1935 году они принимали новые уставы. Все эти колхозы сохранялись в первоначальном виде до их укрупнения в 1950–1951 годах, пережив становление, тяжелые годы Великой Отечественной войны и последующее восстановление.

В течение 1950–1951 годов в каждом мелком колхозе проводили собрания, на которых должны были присутствовать не менее двух третей колхозников. Колхоз принимал решение об объединении большинством голосов членов, присутствующих на собрании. Тогда из 13 первых колхозов были образованы 3 укрупненные колхоза – «Завет Ильича», имени Сталина и «Новая Деревня».

В колхоз «Завет Ильича» вошли 5 карельских деревень: Душково, Муравьево, Петрайцево, Поцеп и Шейно, центр колхоза находился в Душкове. В колхоз имени Сталина вошли 6 карельских деревень: Байки, Бережки, Горбовец, Гремячиха, Калиниха и Климантино, центр колхоза находился в деревне Бережки. В колхоз «Новая Деревня» вошли две карельские деревни Акиниха и Терехово, а также русская деревня Заболотье, центр деревни был в деревне Акиниха.

После проведенных собраний Сонковский райисполком принимал решение об объединении колхозов. Затем были проведены первые собрания объединенных колхозов, на которых избрали их правления, председателей и Устав объединенного колхоза.

Деревни объединенных колхозов располагались кучно, так от центра колхоза «Завет Ильича» Душково все деревни располагались в радиусе не более 1,5 километров. От центральной усадьбы колхоза им. Сталина деревни Бережки до удаленных деревень Байки, Горбовец и Калиниха было около 3 километров.

В связи с объединением колхозов сократились штаты руководящего колхозного персонала. В колхозе «Завет Ильича» вместо 5 председателей и 5 счетоводов стал работать один председатель, один счетовод и один агроном, семь человек пошли работать по нарядам бригадиров. В колхозе им. Сталина сократилось 9 человек бывшего управленческого аппарата, то есть в двух объединенных колхозах произошло сокращение 16 административных единиц. Кроме того, в деревнях, где ранее были по две бригады, оставили по одной объединенной бригаде.

Следующее укрупнение колхозов произошло зимой 1960–1961 годов, два колхоза – «Завет Ильича» и имени Сталина были объединены в один колхоз «Завет Ильича» и приняли устав. По нему объединенный колхоз жил 8 лет, с 1961 по 1969 годы, с 1965 года он стал именоваться «Знамя Ильича».

На третьем Всесоюзном съезде колхозников в 1969 году был принят новый Примерный устава колхоза. Было поручено, в каждом колхозе принять свой новый устав, по образцу Примерного устава, и за-

регистрировать его в райисполкоме. Устав колхоза «Знамя Ильича» был вновь зарегистрирован исполнительным комитетом Сонковского районного Совета депутатов трудящихся 18 февраля 1970 года по книге регистрации Уставов колхоза за № 24.

В неизменном виде колхоз «Знамя Ильича» находился до 1987 года, когда начался переезд семей из других деревень на центральную усадьбу колхоза Бережки. Прекратила свое существование деревня Поцеп, обезлюдили деревни Байки, Горбовец, Муравьево, Петряйцево. Этот период развала колхоза «Знамя Ильича» завершился в 2002 году, когда он прекратил свое существование в виде коллективной собственности и перешел в частную собственность. Началась процедура банкротства и ликвидации колхоза.

Таким образом, наши бабушки и дедушки были первыми колхозными поколениями, именно они создавали колхозы. Наши отцы и матери, родившиеся уже при советской власти, стали основной силой становления и развития колхозов. Мы были третьим поколением, которое могло дальше держать колхозы, но большинство из нас уехали из деревни в города и поселки. Наши дети родились в деревне и провели там ранее детство, школу они заканчивали уже вне деревни. В 1990-е годы открылись архивы, и мы смогли узнать о жизни наших родителей и бабушек больше, чем знали они о времени, в котором жили.

Да, каждое поколение людей проживает свою жизнь: рождение, любовь, семья, работа, старость и смерть. Но у каждого поколения жизнь разная, она зависит от места и времени рождения, внутренней и внешней политики страны.

Эта книга написана на основании архивных документов, хранящихся в Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ), личных впечатлений и воспоминаний автора. Подобную книгу могли бы написать о любом колхозе на территории России. Были бы другие фамилии, названия колхозов, другая местность, но история колхоза, в основном, была бы подобной той, что написана в этой книге.

Каждый параграф книги разделен на две части. В первой части приводятся законы и другие основные государственные нормативные акты советских и партийных органов в определенный период колхозного строительства. Во второй части параграфа рассказывается о создании, становлении, жизни, упадке и ликвидации колхоза «Знамя Ильича» в конкретном историческом периоде.

Создание колхозов (1931–1932 годы)

*Дролю голоса лишили,
В это воскресенье.
Меня приняли в колхоз,
Его – на выселенье.*

На XV съезде ВКП(б), который проходил со 2 по 19 декабря 1927 года, была выработана программа коллективизации сельского хозяйства. Решено было не допускать «проникновения» кулаков в колхозы, то есть исключить из производственной сферы наиболее умелых, трудолюбивых крестьян. Был создан новый административный орган, который стал ударной силой в проведении коллективизации, – Наркомат земледелия.

В деревню из крупных городов направили 25 тысяч рабочих-коммунистов, считавшихся носителями передового пролетарского мировоззрения, которых стали называть «двадцатипяти тысячниками». Некоторые из них до недавнего времени были деревенскими жителями, прибывшими в города и ставшие рабочими. Часть из них после переезда из города прижилась в деревне, работая, как правило, председателями колхозов, а для многих из них это стало лишь этапом в дальнейшем продвижении по ступеням партийной карьеры.

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило мероприятия по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. В его постановлении было сказано, что партия исходит из политики ликвидации кулачества как класса, и в связи с этим, из необходимости провести наиболее организованным путем начавшийся в районах сплошной коллективизации процесс ликвидации кулацких хозяйств.

ЦК ВКП(б) постановил в районах сплошной коллективизации провести немедленно, а в остальных районах по мере действительного массового развертывания коллективизации, следующие мероприятия:

1. Отменить в районах сплошной коллективизации в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств действие законов об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве.
2. Конфисковать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы.

3. В целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-средняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям, принять в отношении кулаков следующие меры:
 - а) первая категория – контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии;
 - б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края;
 - в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.
4. Количество ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств должно строго дифференцироваться по районам, в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем, примерно 3–5%.

Настоящее указание, 3–5%, имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и, безусловно, предупредить распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняцких хозяйств.

Выселению и конфискации имущества не подлежат семьи красноармейцев и командного состава Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В отношении же кулаков, члены семей которых длительное время работают на фабриках и заводах, должен быть проявлен особо осторожный подход с выяснением положения соответствующих лиц не только в деревне, но и у соответствующих заводских организаций.

О высылке и расселении кулаков

В качестве мероприятий для ближайшего периода провести следующее:

1. Предложить ОГПУ (Объединенному государственному политическому управлению при Совете народных комиссаров СССР) репрессивные меры в отношении первой и второй категории кулаков провести в течение ближайших четырех месяцев (февраль-май), исходя из приблизительного расчета – направить в концлагеря 60 000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы – 150 000 кулаков; озаботиться принятием всех мер к тому, чтобы к 15 апреля (1930 года) эти мероприятия были осуществлены в отношении, во всяком случае, не менее, чем половины указанного количества.
2. Члены семей, высылаемых и заключенных в концлагеря кулаков, могут, при их желании и с согласия местных райисполкомов, остаться временно или постоянно в прежнем районе (округе).
3. Ориентировочно, в соответствии с данными мест, установить по областям следующее распределение заключаемых в лагеря и подлежащих высылке – Средняя Волга: в концлагерь 3–4 тысячи человек, высылка – 8–10 тысяч человек. (Таким же образом по всем территориям СССР была разработана таблица по числу крестьян, которых нужно было направить в концлагеря или подвергнуть высылке. – А.Г.).
4. Высылку произвести в округа Северного края – 70 тыс. семейств, Сибири – 50 тыс. семейств, Урала – 20–25 тыс. семейств, Казахстана – 20–25 тыс. Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности с использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах (лес, рыба и пр.). Высылаемые кулаки подлежат расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами.
5. Высылаемым и расселяемым кулакам, при конфискации у них имущества, должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум

- продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфискуются с оставлением, однако, в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 рублей на семью), необходимой для проезда и устройства на месте.
6. В отношении кулацких хозяйств, оставляемых на месте с отводом им новых участков вне колхозных полей, руководствоваться следующим:
 - а) окружными исполкомами должны быть указаны места расселения с тем, чтобы поселение в отведенных районах допускалось лишь небольшими поселками, управление которыми осуществляется специальными комитетами (тройками) или уполномоченными, назначаемыми райисполкомами и утверждаемыми окружными исполкомами;
 - б) расселяемым кулакам этой категории средства производства оставляются в размерах, минимально необходимых для ведения хозяйств на вновь отводимых им участках;
 - в) на расселяемых кулаков возлагаются определенные производственные задания по сельскому хозяйству и обязательству по сдаче товарной продукции государственным и кооперативным органам;
 - г) окружным исполкомам срочно проработать вопрос о способах использования расселяемых кулаков как рабочей силы в особых трудовых дружинах и колониях на лесоразработочных, дорожных, мелиоративных и других работах;
 - д) в отношении кулацких семей, выселенных за пределы районов, необходимо в частности иметь в виду возможность их расслоения с противопоставлением – где это возможно – отдельных элементов молодежи остальной части кулаков.
 7. Списки кулацких хозяйств (вторая категория), выселяемых в отдаленные районы, устанавливаются райисполкомами на основании решений собраний колхозников, батрацко-бедняцких собраний и утверждаются окружными исполкомами. Порядок расселения остальных кулацких хозяйств (третья категория) устанавливается окружными исполкомами.

О конфискации и распоряжении конфискованным имуществом

1. Конфискация имущества кулаков производится особо уполномоченными райисполкомов с обязательным участием с/совета, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрацких комитетов.
2. При конфискации производится точная опись и оценка конфискуемого имущества с возложением на сельсоветы ответственности за полную сохранность конфискованного.
3. Конфискуемые у кулаков средства производства и имущество передаются райисполкомами в колхозы и в качестве взноса бедняков и батраков с зачислением конфискованного в неделимый фонд колхозов. При этом производится полное погашение из конфискуемого имущества причитающихся с ликвидируемого кулацкого хозяйства обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам.
4. Колхозы, получающие землю и конфискуемое имущество, должны обеспечить полный засев передаваемой земли и сдачу государству всей товарной продукции.
5. Конфискуемые жилые кулацкие постройки используются на общественные нужды с/советов, колхозов или для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков.
6. Сберкнижки и облигации госзаймов у кулаков всех трех категорий отбираются и заносятся в опись, с выдачей расписки о направлении их на хранение в соответствующие органы Наркомфина (Народного комиссариата финансов). Всякая выдача выселяемым кулацким хозяйствам их взносов в сберегательные кассы, а также выдача ссуд под залог облигаций в районах сплошной коллективизации, безусловно, прекращаются.
7. Паи и вклады кулаков всех трех категорий в кооперативных объединениях передаются в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а владельцы их исключаются из всех видов кооперации [1].

Первый примерный устав сельскохозяйственной артели был утвержден Совнаркомом СССР и Президиумом ЦИК СССР 3 ноября 1930 года. На основании его каждый колхоз принимал свой устав, в котором указывалось, что батраки, бедняки и середняки селения добровольно объединяются в сельскохозяйственную артель.

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР *13 ноября 1930 года* постановили не допускать кулаков и лишенцев в кооперацию.

Согласно этому постановлению членами колхозов и других сельскохозяйственных кооперативов, а также промысловых кооперативных товариществ (артелей) и потребительских обществ не могут быть кулаки и другие лица, лишенные права выбирать в советы.

23 декабря 1930 года ЦИК СССР и СНК СССР своим постановлением обложили кулацкие хозяйства прогрессивным единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке.

7 августа 1932 года ЦИК СССР и Совет народных комиссаров СССР приняли постановление «*Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности*». В постановлении указывалось, что применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам.

Закон от 7 августа 1932 года о борьбе с хищениями в народе чаще всего называли «законом о трех колосках» или «законом о пяти колосках».

* * *

В 1931–1932 годы было образовано 13 колхозов в карельских деревнях Бережковского и Душковского сельсоветов Сонковского района Московской области, в каждой деревне по колхозу. Деревни относились к двум карельским национальным сельсоветам: в Душковском было образовано 7 колхозов, в Бережковском – 6 колхозов.

Бережковский сельсовет:

1. Деревня Байки – колхоз «2-ой областной съезд Советов».
2. Бережки – «Парижская Коммуна».
3. Горбовец – им. Сталина.
4. Гремячиха – «Красный Пахарь».
5. Калиниха – «Красный Пролетарий».
6. Климантино – «Новый Путь».

Душковский сельсовет:

1. Деревня Акиниха – колхоз «Новая Деревня».
2. Душково – «3-й Год Пятилетки».
3. Муравьево – «6-ой съезд Советов».
4. Петрайцево – «Красная Артель».
5. Поцеп – «За Новый Быт».
6. Терехово – «Путь Социализма».
7. Шейно – им. Ленина [2].

В числе других семей, первые колхозы в карельских деревнях этой местности создавали династии:

- в деревне Акиниха – Грибовых, Масловых, Мельниковых, Моревых, Сапожковых, Старшовых, Харчиковых, всего жителей в деревне было 140 человек;
- в деревне Байки – Архиповых, Бычковых, Воллиных, Елисеевых, Зайцевых, Косточкиных, Кузнецовых, Лежушкиных, Орловых, всего жителей 243 человека;
- в деревне Бережки – Бобровых, Верзиных, Горельцовых, Зубовых, Егоровых, Козыревых, Кренделевых, Кучаковых, Румянцевых, всего жителей 154 человека;
- в деревне Горбовец – Беловых, Блиновых, Голубевых, Григорьевых, Дядюкиных, Смирновых (родственников моей жены по материнской линии), Соколовых, Рудовых, Чистяковых, всего жителей 167 человек;
- в деревне Гремячиха – Белоусовых, Голюшкиных, Корсаковых, Куликовых, Пустяковых, всего жителей 89 человек;
- в деревне Душково – Абрамовых, Афанасьевых, Баруздиных, Быстровых, Градовых, Мольковых, Моревых, Шметкиных, Щукиных, Смирновых, Соколовых, Теллиных, всего жителей 168 человек;
- в деревне Калиниха – Мурышкиных, Киселевых, Рудовых, Сергеевых, Сизовых, Руттушкиных, Черновых, всего жителей 116 человек;
- в деревне Климантино – Воиновых, Волковых, Елкиных, Ляпкиных, Мартовских, Постниковых, Пуговых, Сапожковых, Суловых, всего жителей 164 человека;
- в деревне Муравьево – Виноградовых, Гордеевых, Нечаевых, Петуховых, Поповых, Поросенковых, Постниковых, Румянцевых, Скурловых, Смирновых, всего жителей 176 человек;

- в деревне Петряйцево – Борисовых, Беляковых, Быстровых, Головкиных (моих предков и родственников по отцовской линии), Ивановых, Нетрусовых, Майоровых, Скоробогатовых, Тарасовых, Фомичевых, всего жителей 168 человек.

Жителей деревни Петряйцево по фамилии Нетрусовы было так много, что им для отличия давали двойную фамилию – Нетрусовы-Лаврентьевы, Нетрусовы-Семеновы, Нетрусовы-Ульяновы, Нетрусовы-Фураевы;

- в деревне Поцеп – Беляковых, Баюновых, Быстровых, Визюркиных (моих предков и родственников по материнской линии), Костровых, Кругловых, Крюковых, Соколовых, Чесноковых, всего жителей 175 человек. Семья П.И. Визюркина из 10 человек и Цветковых из 5 человек, не вступая в колхоз, уехали в Петрозаводск;
- в деревне Терехово – Басковых, Борисовых, Моревых, Румянцевых, Тютюшкиных, Шуваловых, всего жителей 123 человека;
- в деревне Шейно – Бархатовых, Маровых, Кононовых, Паскиных, Румянцевых, Черновых, всего жителей 62 человека.

Многие первые колхозники из 13 карельских колхозов погибли во время Великой Отечественной войны.

Все 13 карельских колхозов были созданы в марте 1931 года. Создание колхозов прошло болезненно и трагично для жителей: из семи деревень Душковского сельсовета было раскулачено 22 хозяйства, из шести деревень Бережковского сельсовета – 28 крепких хозяйств. Хозяева вместе с членами семьи, в том числе престарелыми родителями и малолетними детьми были направлены в Сибирь и Казахстан, их дома, имущество, скот и сельхозинвентарь конфискованы в пользу колхозов [3].

3 февраля 1931 года президиум Московского облисполкома направил письма в райисполкомы 15 районов Московской области, в том числе и в Сонковский. В письме сообщалось, что процент кулацко-зажиточных хозяйств в районе ниже среднего процента по области. Предлагалось до 20 февраля 1931 года произвести проверку списков для исчерпывающего выявления всех хозяйств, принадлежащих кулацкой и зажиточной верхушке деревни.

Вновь выявленным после 1 января 1931 года кулацко-зажиточным хозяйствам немедленно дать твердые задания по заготовкам. Сельсоветы, допустившие недоучет кулацко-зажиточных хозяйств или недоведение до них твердых заданий, привлечь к ответственности. Переучет кулацко-зажиточных хозяйств поручено провести с широким использованием сельской общественности, и в первую очередь – групп

бедноты, батрачества и актива колхозников. Если в районе имеет место невыполнение кулацко-зажиточными хозяйствами данных им твердых заданий по заготовкам, срочно принять меры к выполнению задания и передать дела в суд за противодействие советской власти.

Сведения о числе дополнительно выявленных кулацких и отдельно зажиточных хозяйств выслать не позднее 21 февраля 1931 года в орготдел Мособлисполкома [4].

Исполняя это решение Московского облисполкома, 7 февраля 1931 года президиум Душковского сельсовета Сонковского района в составе председателя сельсовета П.П. Кострова, секретаря И.Д. Баруздина, членов Быстрова и Морева, уполномоченного прокурора Голубева, уполномоченного райисполкома Тараканова, учителей Карело-Кошевской школы Лебедевой и Ивановой признали 15 хозяйств кулацкими и зажиточными. Перепуганные молодые учительницы, сидя рядом с уполномоченным, мигая глазами от страха, пытались как-то пощадить свои уши от крика и площадной брани. Порядки в деревне устанавливала не община, а чужие люди – уполномоченные, прокуроры, милиция из районного центра, а также местные коммунисты.

Каждому из этих хозяйств было дано твердое задание – сдать государству по 1 корове, 1–2 теленка, до 5 килограмм шерсти, по 750 штук яиц, а также заготовить по 60 кубометров дров. Из своего урожая сдать государству по 1 центнеру льносемена, 13 центнеров клевера на сено, 10 центнеров соломы, по 30 центнеров сена, 2 центнера ржи, 4 центнера овса, 4 центнера картофеля, 1 центнер льноволокна.

Среди «верхушки» деревни оказался житель деревни Муравьево Михаил Васильевич Васильев, который до этого времени 3,5 года отработал председателем Душковского сельсовета. Его вина была в том, что он при царе был избран народом старостой этой деревни и получал жалование от мирских сборов 50 копеек в месяц.

Почти все, признанные кулаками и зажиточными, обжаловали решение Душковского сельсовета в Сонковский райисполком. Он отменил решение только в отношении двух хозяйств – Д.И. Иванова из деревни Петрайцево и Н.Д. Соколова из деревни Поцеп. Остальные 13 хозяйств райисполкомом были признаны кулацкими или зажиточными.

Жители деревни Петрайцево смогли отстоять хозяйство Дмитрия Ивановича Иванова, по его жалобе решение президиума Душковского сельсовета отменил Сонковский райисполком одновременно с рассмотрением жалобы Соколова из Поцепа. Дмитрий Иванович Иванов,

признанный кулаком, только что женился на карелке Татьяне из деревни Села, они стали жить в его отцовском доме. Вместе с ними жила младшая его сестра Мария, брат Федор Иванович жил со своей семьей через дом. Младший брат Василий Иванович жил на краю деревни в своем доме. После отмены решения президиума Душковского сельсовета о признании его кулаком, вместе с женой уехал жить в Ленинград.

Чтобы его вновь не признали кулаком, житель деревни Поцеп Н.Д. Соколов 5 марта 1931 года написал заявление о вступлении в колхоз «За Новый Быт». В тот же день заявления в колхоз подали еще 17 хозяйств деревни Поцеп. В их числе оказался и мой дед Визюркин Иван Иванович, он был неграмотным, за него расписался Петр Петрович Костров.

Кострова к тому времени сняли с должности председателя сельсовета, как не выполнившего государственного задания по коллективизации и раскулачиванию. Председателем Душковского сельсовета стал работать Алексей Васильевич Маров из деревни Шейно. В числе других он признал кулаком односельчанина И.И. Паскина, который к тому времени уже уехал из деревни и работал в милиции города Ленинграда. Паскин писал неоднократные жалобы на Марова прокурору Сонковского района Корнилову и председателю райисполкома Данилову: «В деревне Шейно Душковского сельсовета в колхоз вступили бывшие лишенцы, мясники, спекулянты и торговцы, которые укрыты от твердого задания председателем сельсовета А.В. Маровым. Среди них 7 домов Кононовых, 4 дома Бархатовых, а последние – Маровы».

Прокурор Сонковского района Корнилов 7 июня 1931 года вынес протест на решение Душковского сельсовета о признании хозяйства И.И. Паскина кулацко-зажиточным и привлечении его к твердым заданиям по хлебозаготовкам. Свой протест он обосновал тем, что хозяйство Паскина ранее индивидуальным налогом не облагалось, избирательных прав он не лишен, признаков торговли, и спекуляции не было. Паскин около 5 лет был членом Душковского сельсовета, теперь работает в милиции и пользуется льготами наравне с военнослужащими.

После этого протеста прокурора, А.В. Марова в 1931 году сняли с должности председателя сельсовета. Он проработал на этой должности около 4 месяцев, вместо него снова поставили П.П. Кострова из деревни Поцеп.

30 апреля 1932 года президиум Душковского сельсовета из трех человек – П.П. Кострова, И.Д. Баруздина и М.Я. Майорова, признал кулаками три хозяйства Маровых из деревни Шейно. Среди них было хозяйство

бывшего председателя сельсовета Алексея Васильевича Марова, которого вместе с семьей, выслали в Казахстан, его дом и имущество конфисковали, передав колхозу имени Ленина (Шейно). С 1917 по 1922 годы А.В. Маров служил в Красной Армии, прошел всю гражданскую войну. При коллективизации в 1931 году сдал в колхоз 3,42 га земли, лошадь, корову и весь сельхозинвентарь. Его исключили из колхоза и признали кулаком тогда, когда в хозяйстве, кроме дома и домашнего имущества, уже ничего не оставалось, и вместе с семьей выслали в Казахстан.

Ничего не оставалось и в других хозяйствах, признанными кулацкими, они уже все сдали в колхоз. 9 февраля 1931 года на собрании жителей деревни Петряйцево было отмечено, что хозяйство Василия Васильевича Паскина было раскулачено в 1930 году, оно находится в упадке. Семья состояла из 8 человек, где шесть малолетних детей и жена-инвалид. Паскин уже не в состоянии выполнить твердое задание, данное ему Душковским сельсоветом 8 февраля 1931 года. Несмотря на это решение жителей деревни, просивших не раскулачивать Паскина, Сонковский райисполком оставил без удовлетворения жалобу Паскина и просьбу жителей. В.В. Паскин вместе с другими 22 семьями из Душковского сельсовета Сонковского района, был раскулачен и отправлен в Сибирь [5].

В Бережковский сельсовет входило 6 карельских деревень: Бережки, Байки, Климантино, Гремячиха, Горбовец, Калиниха и село Карело-Кошево. 6 февраля 1931 года президиум Бережковского сельсовета в составе председателя сельсовета М. Волкова, секретаря Б. Кренделева, члена сельсовета В. Пекина, секретаря комсомольской ячейки М. Лежушкина, уполномоченного прокурора М. Голубева и бригадира Миронова приняли решение о признании кулацкими и зажиточными 28 хозяйств. Все жалобы, без исключения, Сонковский райисполком оставил без удовлетворения [6].

С родных мест, куда 300 лет назад пришли их далекие предки, были переселены 50 карельских семей или около 300 человек. Всех тех, кого в административном порядке местная власть признала кулаками, отправили на срок от 3 до 10 лет в Сибирь, Казахстан, на Север. Некоторые семьи, отбыв наказание, вернулись домой. Кто подходил по возрасту, участвовали в боях в Великой Отечественной войне, многие погибли. В каждой деревне было по 30–40 хозяйств, а кулаками признавались по 5–8 хозяев, или вместо 3–5%, указанных в мероприятиях по раскулачиванию, кулаками признавали более 15–20% хозяев. К кулакам относили тех домохозяев, которые к моменту коллективизации имели

ветряные мельницы, молотилки, толчеи для битья льняного масла или сепараторы для получения сливочного масла. К ним относили тех, кто до революции занимался торговлей, были ростовщиками, старшинами или сельскими старостами [7].

***Список карел Карело-Кошевского прихода,
раскулаченных и высланных в 1931–1933 годах***

Деревня Акиниха

Мельников Василий Кузьмич
Мельников Иван Андреевич
Мельников Николай Федорович
Сапожков Иван Дмитриевич
Маслов Арсений Васильевич
Иванов Иван.

Деревня Байки

Елисеев Иван Васильевич
Быстров Кузьма Михайлович
Астафьев Василий Иванович
Зайцев И.А.
Зайцева И.А.
Зайцева П.А.
Михайлова Н.М.
Астафьев И.Е.

Деревня Бережки

Соколов Иван Елисеевич
Борисов И.Б.
Быстров Иван Михайлович
Мольков Михаил Михайлович
Горельцов П.В.
Травкин Петр Иванович

Деревня Горбовец

Блинов Николай Федорович
Голубев Егор Евграфьевич
Голубев Василий Евграфьевич.
Колобов Матвей Михайлович
Рудов Михаил Алексеевич

Деревня Гремячиха

Смирнов Михаил Петрович

Смирнов Александр Иванович

Деревня Душково

Михайлов Василий Михайлович
Соколов Николай Дмитриевич
Щукин Иван Петрович
Деревня Калиниха
Колесов Н.И.

Сизов Петр Иванович

Деревня Климантино

Бордаков Дмитрий Иванович
Войлоков Федор Васильевич
Волков Василий Иванович
Волков Дмитрий Иванович
Сидоров Федор Андреевич
Деревня Муравьево

Васильев Михаил Васильевич
Павлов Василий Павлович

Деревня Петряйцево

Паскин Василий Васильевич
Прохоров Александр Прохорович
Деревня Терехово

Басков Александр Иванович
Шувалов Иван Васильевич
Редькин Александр Михайлович
Румянцев Федор Васильевич

Деревня Шейно

Маров Василий Михайлович
Маров Федор Васильевич
Маров Алексей Васильевич
Кононов Дмитрий Михайлович
Паскин Иван Иванович

Кроме высылки зажиточных крестьян, признанных кулаками, из родных мест, применялись другие административные меры вовлечения крестьян в колхозы. Уроженца и жителя деревни Терехово Мельникова Михаила Яковлевича, 1881 г. р., не желавшего вступать в колхоз, арестовали 25 февраля 1931 года за антисоветскую агитацию. Тройка приговорила его к одному году принудительных работ.

Административные меры и страх сыграли свою роль, на 10 июня 1932 года по Душковскому сельсовету в 7 деревнях было 215 колхозных дворов и всего лишь 2 двора единоличников. К тому времени была создана партийная ячейка из 3 человек: председатель Душковского сельсовета Иван Дмитриевич Баруздин из деревни Душково, секретарь партийной ячейки Петр Петрович Костров из деревни Поцеп и председатель колхоза «Новая Деревня» (Акиниха) Петр Васильевич Харчиков.

Через месяц объединили Бережковскую и Душковскую партиячейки, в которых стало 3 коммуниста и 15 кандидатов в члены ВКП(б), ее секретарем избрали П.В. Харчикова. На первом объединенном собрании коммунистов 3 июля 1932 года отмечалось, что в колхозах нет учета колхозного имущества. Например, в колхозе им. Сталина (Горбовец) все плуги и бороны валяются в разных местах, вразброс. Там у колхозников нет никакого желания проводить силосование кормов для зимнего содержания скота.

На том собрании приняли еще 3 кандидатов в члены ВКП(б): Федора Ивановича Смирнова, Марию Баскову и Ивана Ивановича Башилова. Приняли также решение о передаче избы-читальни в колхозе «3-й год пятилетки» (Душково) под детские ясли [8].

На собрании партиячейки 2 августа 1932 года присутствовало 18 членов и кандидатов в члены ВКП(б). Решали вопрос о распределении карельских газет по каждому колхозу, всех коммунистов и кандидатов прикрепили ответственными по колхозам за подписку колхозниками на карельские газеты. Просили разрешения Сонковского райисполкома об организации карельской школы. Но карельские газеты на латинице малограмотные колхозники не читали, карельский язык в Карело-Кошевской школе не изучали.

20 августа 1932 года партийное собрание закрепило ответственных за выполнение планов хлебозаготовок: по Бережковскому сельсовету – Николай Иванович Башилов, Николай Федорович Лежушкин и Петр Петрович Костров, по Душковскому сельсовету – Иван Дмитриевич Баруздин, Петр Васильевич Харчиков и Михаил Михайлович Виноградов.

Были также закреплены ответственные за распределение урожая между колхозниками:

- Петр Петрович Костров – колхозы «За Новый Быт» (Попец) и «Красная Артель» (Петряйцево).
- Петр Васильевич Харчиков – колхозы «Новая Деревня» (Акиниха) и «Путь социализма» (Терехово).
- Иван Дмитриевич Баруздин – колхозы им. Ленина (Шейно) и «3-й год пятилетки» (Душково).
- Михаил Михайлович Виноградов – колхоз «6-ой съезд Советов» (Муравьево).
- Николай Иванович Башилов – «Парижская Коммуна» (Бережки) и «Красный Пахарь» (Гремячиха).
- Щеглова (инициалы не указаны) – колхозы им. Сталина (Горбовец) и «Красный Пролетарий» (Калиниха).
- Василий Семенович Евстафьев – колхоз «Новый Путь» (Климантино).
- Николай Федорович Лежущкин – колхоз «2-ой областной съезд Советов» (Байки).

На том собрании был рассмотрен также вопрос об организации горячих завтраков для школьников и подвозки детей в школу из дальних деревень в зимнее время.

На партийном собрании 19 сентября 1932 года коммунисты решили, что прежде, чем распределять доходы колхозникам с 1 октября, необходимо:

- а) выполнить обязательства перед государством по сдаче хлеба, льносемян и денежных выплат до 1 октября 1932 года;
- б) во всех колхозах назначить комиссии для проверки правильности подсчетов трудодней и выявления лучших бригад. Лучшим бригадам увеличить выплату натурой и деньгами до 20%, в других бригадах уменьшить выплаты на 10%;
- в) ревизионным комиссиям провести ревизии деятельности правлений колхозов;
- г) управленческому аппарату произвести натуральную выплату на уровне лучшего производственника, а оплату трудодней не более 3% от общего дохода колхоза;
- д) с 1 октября 1932 года выдать колхозникам колхозов, выполнившим все государственные планы, 70% сена в счет натуральной оплаты и 70% денежной части дохода [9].

Первыми коммунистами объединенной Душковской партячейки Сонковского района, которые стали организаторами карельских колхозов, были:

1. Харчиков Петр Васильевич из деревни Акиниха – секретарь партячейки.
2. Баруздин Иван Дмитриевич из деревни Душково – председатель Душковского сельсовета.
3. Лежущин Николай Федорович из деревни Байки – председатель колхоза «2-ой областной съезд Советов».
4. Евстафьев Василий Семенович из деревни Байки – бригадир колхоза «2-ой областной съезд Советов».
5. Башилов Николай Иванович из деревни Терехово – председатель Бережковского сельсовета.
6. Виноградов Михаил Михайлович из деревни Муравьево – председатель колхоза «6-ой съезд Советов».
7. Баскова А.А. из деревни Терехово – счетовод колхоза «Путь социализма».
8. Харчиков Иван Васильевич из деревни Акиниха – заведующий Акинихинской двухлетней школой.
9. Майоров Михаил Яковлевич из деревни Петряйцево – секретарь Душковского сельсовета.
10. Козлов В.А. из деревни Петряйцево – бригадир колхоза «Красная Артель».
11. Смирнов Я.И. из деревни Байки – бригадир колхоза «2-ой областной съезд Советов».
12. Орлов Иван Федорович из деревни Шейно – член колхоза им. Ленина.
13. Кренделев Борис Федорович из деревни Бережки – секретарь Бережковского сельсовета.
14. Башилов Иван Иванович из деревни Терехово – председатель колхоза «Путь социализма».
15. Степанов Павел Степанович из деревни Байки – член колхоза «2-ой областной съезд Советов».

Одновременно с колхозами создавались государственные машинотракторные станции (МТС), которые по договорам с колхозами помогали им в проведении полевых работ. В сентябре 1932 года на закрытом партийном собрании ячейки при Сонковской МТС коммунисты и руководители производственных участков взяли на себя

обязательства закончить озимой сев к 16 сентября. Организовать в колхозах бесперебойную работу молотилок, чтобы выполнить государственный план хлебозаготовок к 15 сентября 1932 года.

Сдать государству по колхозам Бережковского сельсовета: 855 центнеров льносемян, 66 центнеров ржи, 247 центнеров овса, 56 центнеров ячменя и 589 центнеров льноволокна. Сдать по колхозам Душковского сельсовета: 400 центнеров льносемян, 77 центнеров ржи, 245 центнеров овса, 50 центнеров ячменя и 664 центнера льноволокна. В тот год Сонковская МТС обслуживала 11 сельсоветов из 33.

Таким образом, основным показателем работы Сонковской МТС в 1932 году был обмолот зерновых культур и льна, представляя колхозам молотилки. Все другие работы: вспашка, сев, жатва, тербление льна, расстил и подъем его, выработка льноволокна колхозники проводили вручную и на лошадях.

Первые результаты работы карельских колхозов в 1931–1932 годах рассмотрим на примере колхоза «Новая Деревня» (Акиниха), который в декабре 1931 года бы премирован решением районной комиссии. Премия в сумме 300 рублей и переходящее Красное Знамя колхозу были даны за выполнение следующих показателей:

- перевыполнение плана по подъему зяби и силосованию;
- сдача государству 100% льносемян и картофеля;
- выполнение плана по сдаче государству льнотресты на 80%;
- мобилизация средства на погашение единого сельскохозяйственного налога и самообложения на 100%;
- погашение государственного займа на 100%;
- приобретение акций тракторцентра на сумму 400 рублей.

Колхоз «Новая Деревня» был организован 15 марта 1931 года из 16 хозяйств, после выселения в другую местность двух кулацких хозяйств, в колхоз вступили и другие хозяева. К концу 1931 года в колхозе было 28 хозяйств, едоков в них 158 человек, из них 60 трудоспособных. Из трудоспособных в детских яслях и на детской площадке работали 4 человека, в правлении колхоза – 2 человека, 1 пастух и 16 человек отходников.

Обобщественного скота: 25 лошадей, 12 коров, 3 телки, 3 быка-производителя. В 1932 году колхоз засеял 93 гектара яровых культур. Дневная норма работ: вспашка на лошади – 0,5 га за один трудодень, ручной сев – 2 га в день, боронование на двух лошадях – 2 га в 2 следа.

Летом 1932 года было скошено и убрано сено с 123 га покоса, сенокос закончили 10 августа. В колхозе лен посеян на площади 35,5 га,

норма теребления льна 5 соток в день на одного человека, передовики теребили до 10 соток льна в день. Молотьбу в 1932 году закончили к 18 сентября, убрано овса с 33 га, ржи с 25 га, ячменя с 12 га и картофеля с 6 га.

Вика на корм скоту скошена с 5 га, семенники клевера с 2 га. Подъем льна закончили 8 октября, зяблевую вспашку – 23 октября, под зябь вспахано 112 га, в том числе 25 га целины. Засилосовали 90 кубометров силоса. При трепке льна засчитывали 1 трудодень за 1 кербь или 2 груды льноволокна. Кербь – это пучок льна или льноволокна, который можно взять двумя руками, вес одной кербви льноволокна примерно 8 килограмм.

Ударников в колхозе 24 человека, премировано 9 человек, из них 7 человек – ботинками, одной – платье и одному – брюки. Детские ясли открыты в колхозе с 5 июня, детская площадка – с 5 июля 1932 года. Во время летних полевых работ два месяца работала колхозная столовая.

В колхозе им. Ленина (Шейно) на 1 октября 1931 года было более 10 ударниц, в том числе молодые колхозницы в возрасте от 17 до 24 лет – Кононова Анна, Бархатова Мария, Паскина Анастасия, Марова Иринья. При норме выработки при трепке льна 8 кг в день они трепали по 13–13,5 кг, выработав к тому времени за 9 месяцев по 93–98 трудодней. Первым председателем колхоза работал Румянцев Василий Федорович, бригадиром Кононова Матрена Васильевна.

Коллективизация в Сонковском районе проходила следующим образом:

- на 1 января 1931 года – 36% коллективных хозяйств;
- на 1 июня 1931 года – 51,7%;
- на 1 января 1932 года – 61,9%;
- на 1 июля 1932 года – 63,6%;
- на 1 января 1933 года – 67,9%.

На 1 июня 1932 года в Сонковском районе было 8728 личных хозяйств, из них 1510 хозяйств оставались единоличными, 15% населения района принадлежала к карельской национальности. Сколько тогда было колхозов, я данных не нашел, но, если исходить из того, что в каждом колхозе было по 30–32 хозяйства, в районе было 230–240 колхозов. По всему району только в 6 деревнях района колхозы к тому времени созданы не были [10].

Становление колхозов (1933–1935 годы)

*Василечки, как глазочки,
Расцветают в полюшке.
За то Сталину спасибо,
Что живем на волюшке!*

В декабре 1932 года в СССР была введена паспортная система, колхозники паспортов не получали, их учет вели сельсоветы по хозяйственным книгам. Таким образом, было закрепление крестьян за одной местностью, откуда они выехать не могли, если только по орнабору. Такое положение сохранялось до 1960-х годов.

В феврале 1933 года были приняты законы и постановления советской власти по обязательным поставкам колхозами и единоличными хозяйствами зерна и картофеля.

Единоличные хозяйства, не выполнившие своих обязательств по сдаче картофеля государству к установленному сроку, привлекались к судебной ответственности по ст. 61 Уголовного кодекса РСФСР.

Колхозная торговля картофелем разрешалась только после выполнения установленного плана картофелезаготовок в целом по республике, краю, области и полной засыпки семенных фондов.

27 февраля 1933 года Совет народных комиссаров СССР утвердил «Инструкцию по проведению в жизнь закона об обязательной поставке зерна государству».

Группа кулацко-зажиточных хозяйств конкретного сельского совета выделялась в особый список. Норма сдачи с гектара в отношении этих хозяйств устанавливалась в **полуторном размере** против нормы сдачи, установленной для единоличных хозяйств по данному сельскому совету.

Постановлением президиума ЦИК СССР *от 17 марта 1933 года*, дети высланных кулаков, как находящиеся в местах ссылки, и достигшие совершеннолетия, восстанавливались в избирательных правах при условии, если они занимались общественно-полезным трудом и добросовестно работали.

8 мая 1933 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР направили инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и Прокуратуры.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили: немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. Выселения допускать только в индивидуальном и частном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых вели активную борьбу против колхозов и организовывали отказ от сева и заготовок.

Постановлением ЦИК СССР *от 27 мая 1934 года* был принят порядок восстановления в гражданских правах бывших кулаков. Краевым и областным исполнительным комитетам предлагалось восстанавливать в гражданских правах *по истечении пяти лет* со дня выселения, а проработавших в течение трех лет в золотой и платиновой промышленности – по истечении трех лет, по представлениям соответствующих полномочных представительств ОГПУ, тех спецпереселенцев, которые выявляли себя в местах новых поселений безусловно честной работой, лояльным отношением и поддержкой мероприятий советской власти.

* * *

О состоянии в 1933 году карельских колхозов можно судить по колхозу «Новая Деревня» (Акиниха), который являлся одним из лучших в Сонковском районе. Представители колхоза участвовали в тот год в областном съезде колхозников-ударников Московской области.

Колхоз «Новая Деревня» был организован 15 марта 1931 года, в него вступили 28 хозяйств из 30, колхоз состоял исключительно из жителей карельской национальности. Обслуживался колхоз Сонковской МТС, в 1932 году МТС проводила на небольшой площади пахоту, дискование и молотьбу. Направление деятельности колхоза льняно-молочное.

В 1932 году в колхозе был введен 10-польный севооборот, с весны 1933 года он перешел на 7-польный севооборот. В колхозе имелась: ветряная мельница, жнейка, косилка, сеялка, 4 пароконных молотилки и одна соломорезка. Рабочего скота в колхозе 20 голов и 3 молодых жеребенка. Одна рабочая лошадь и один жеребец-производитель были выделены в фонд Красной Армии. Обобщественных коров 18 голов, один бык-производитель, 7 телят, 5 овец, 3 свиноматки, один хряк и 22 поросенка.

Урожайность культур в центнерах с одного гектара в колхозе следующая:

Культура	1931 год	1932 год
Овес	8,7	9,6
Рожь	12,9	12,2
Льносемя	4,1	4,4
Льноволокно	2,1	2,1
Картофель	137	70

Выплата колхозникам на один трудодень за 1931 год составила 23 коп. деньгами и натурой из расчета 46 коп., а всего – 69 копеек на один трудодень. За 1932 год – 41,5 коп. деньгами и 49 коп. натурой, всего по 90,5 копеек за трудодень. Каждое хозяйство (в хозяйстве не менее двух колхозников. – А.Г.) колхоза в среднем за 1932 год выработало по 474 трудодня, получило деньгами и натурой (зерном, сеном, соломой, мякиной) по 429 рублей.

Ударников в колхозе в 1933 году 17 человек, преимущественно женщины. При норме вспашки на лошади в 0,5 га они пахали по 0,6–0,65 га, при вязке снопов во время уборки ржи и пшеницы норма была 400 снопов в день, вязали по 450–500 снопов. При расстиле льна норма 500 снопов в день, колхозники расстилали до 700 снопов. При трепке льна норма выработки кудели 8 кг в день, вырабатывали по 12–15 кг кудели. Особенно хорошо работали Харчикова Анна, Грибова Анастасия, Журкина Александра.

Кроме репрессивных мер в виде высылки и конфискации имущества, на крестьян ввели сельскохозяйственный налог, самообложение, обязательное страхование дома и имущества. При этом на единоличников наложили повышенные налоги по сравнению с колхозниками. Во всех вновь созданных колхозах был принят свой устав на основе Примерного устава 1930 года. Колхозники лишались не только лошадей, коров, свиней, овец, сельхозинвентаря, но и земли, у них оставались лишь приусадебные участки в 40 соток, да небольшие огороды в 10 соток.

Мясо, молоко, яйца, овощи и другие продукты колхозники получали из своего подсобного хозяйства. Личный доход одного колхозного двора в 1932 году в среднем составлял 2132 рубля. Колхозы тогда,

кроме зерна, сена и мякины, не выдавали по трудодням ничего – ни денег, ни продуктов.

Колхозникам за работу начисляли трудодни. Все сельхозработы были разделены до 1933 года на 5 уровней, с 0,5 до 1,5 трудодня. В 1933 году – на 7 уровней с коэффициентом от 0,5 до 2, то есть за тяжелую или квалифицированную работу начисляли в 3 раза больше трудодней, чем за самую легкую. Колхозник за день мог заработать полтрудодня, а мог и 2 трудодня. Больше всего трудодней начисляли кузнецам, трактористам и руководству колхоза. Колхозники должны были обязательно отработать минимум, который до войны составлял 100 трудодней.

В 1932 году на трудодни денег не давали, давали по 2 кг зерна на один трудодень или в среднем за 118 трудодней по 236 кг на работающего колхозника. Чтобы выжить и не умереть с голоду, человеку нужно не менее 160 кг зерна в год, то есть колхозники с детьми были тогда на грани голодной смерти. Потребление мяса в 1932 году сократилось в сравнении с 1913 годом с 28 до 7 кг на человека, хлеба – с 312 до 178 кг на человека [11].

Власть по-прежнему в деревне искала кулаков, на партийном собрании 2 апреля 1933 года председатель Душковского сельсовета И.Д. Баруздин сказал: «Как считать Мольковых из деревни Акиниха кулаками? У нас такие кулаки подряд найдутся. Эксплуатации не было, значит, и кулаков нет, их уже раскулачили и выслали, и искать я их не знаю как». Представители райисполкома расценили это выступление неверным, оппортунистическим, так как задача каждого коммуниста повышать классовую бдительность [12].

Зато «врагов народа» нашли в Сонковской МТС и требовали их разоблачить. На собрании коммунистов Душковской партиячейки 19 апреля 1933 года говорили, что МТС прислало негодные сеялки, которые высевают не больше 6 пудов зерна в день. Также оттуда в колхозы поступали негодные неисправные молотилки, которые не работают, а поломанными стоят в Коммуне (Подобино). В деревне Горбовец до 15 февраля под окнами стояла дисковая борона.

Сонковская МТС была создана в марте 1931 года, кроме основной базы в Сонкове она имела несколько производственных участков, в том числе Подобинский (Краснооктябрьский) участок, который располагался в помещениях бывшего имения Неведомских в сельце Подобино. После Октябрьской революции 1917 года это сельцо пере-

именовали в деревню Красный Октябрь. Местные жители называли ее Коммуной, так как в помещицьем доме местным коммунистом Петром Ракиным была организована коммуна из бедняков.

Не надо путать Подобинский (Краснооктябрьский) участок Сонковской МТС с Подобинской машинотракторной станцией, которая обслуживала колхозы Бежецкого района. Подобинская МТС располагалась в помещицьих постройках местного барина у развилки дорог Сонково–Бежецк и на Ульянову Гору, находилась в 3 километрах от деревни Красный Октябрь (Подобино) в сторону города Бежецка.

К концу 1933 года Сонковская МТС обслуживала колхозы 13 сельсоветов из 33, в том числе Бережковский и Душковский. Она располагала следующей техникой:

- 37 тракторов общей мощностью 602 лошадиные силы;
- 10 сложных молотилок;
- 4 конных сноповязалки;
- 7 тракторных сеялок;
- 7 конных сеялок;
- 14 сенокосилок;
- 78 льнотеребилки;
- 2 картофелекопалки.

Во всех колхозах района имелись: 3 картофелекопалки, 116 сенокосилок, 136 конных сеялок и 294 молотилки.

В первые годы становления колхозов большие полномочия были предоставлены политотделам МТС, которые могли заслушивать на своих собраниях председателей колхозов и председателей сельсоветов, выносить по ним решения.

В феврале 1933 года в Сонковской МТС рассматривали вопрос о ходе подготовки весеннего сева в колхозах района. Собрание поручило заведующим участкам до 15 февраля организовать занятия сельскохозяйственных кружков с выступлениями на них опытных колхозников и агрономов. Провести совещания счетоводов и проверить их социальное лицо. Поручить счетоводам, в своих колхозах провести совещания с бригадирами и кладовщиками по учету материальных ценностей. Провести совещания с конюхами, проработать с ними постановления о коне, о колхозе и о бригаде.

Заведующим участками МТС организовать работу кузниц, где еще не приступали к ремонту сельхозинвентаря. Собрать совещания кузнецов, на котором устранить все недочеты и недоговоренности с

колхозами. Поручить, заведующим участками организовать в колхозах работу по сбору золы и вывозке навоза, закончить эти работы не позднее 1 марта 1933 года.

Заведующим Краснооктябрьским (Подобинским) производственным участком Сонковской МТС с января 1933 года работал член ВКП(б) с 1931 года Скворцов Андрей Николаевич, 41 год, крестьянин, колхозник. Он служил в Красной Армии с 1919 по 1922 годы, судим в 1927 году за нарушение правил кооперативного сбыта к 6 месяцам лишения свободы условно.

Бюро Сонковского райкома ВКП(б) 17 апреля 1933 года в своем постановлении указало, что партийная ячейка МТС не сумела вовремя вскрыть явный кулацко-вредительский саботаж части пробравшихся в аппарат МТС кулацко-вредительских элементов. Не смогла разоблачить двурушничество и молчаливый саботаж бывшего директора МТС Воскобойникова. Бюро райкома партии приняло решение: бюро ячейки МТС распустить, секретаря партиячейки Ушакова снять с партийной работы, объявить строгий выговор и отозвать его в распоряжение райкома партии. Районному прокурору ускорить окончание следствия и слушания дела работников МТС.

Просить секретариат Московского областного комитета ВКП(б) подобрать и командировать работника на секретаря партиячейки Сонковского МТС. Обсудить это решение бюро Сонковского райкома ВКП(б) всем колхозным партиячкам.

Собрание коммунистов Душковской партиячейки 19 апреля 1933 года решило одобрить решение бюро Сонковского райкома партии и общего собрания Сонковской МТС о роспуске руководящего состава и скорейшего расследования дела вредителей [13].

В 1933 году происходила чистка рядов ВКП(б), под которую попали активисты советского и колхозного строительства. Остановлюсь на некоторых делах коммунистов Душковской партиячейки, рассмотренных Сонковской районной контрольной комиссией ВКП(б).

Дело П.В. Харчикова. Харчиков Петр Васильевич, карел, 30 лет, образование низшее, середняк, избач Душковского сельсовета и секретарь Душковской партиячейки, месячный заработок 100 рублей в месяц, проживал в деревне Акиниха.

В марте 1933 года житель деревни Гремячиха Иван Смирнов написал письмо в районную газету «Дело Октября». Он писал, что секретарь партиячейки Душковского сельсовета П.В. Харчиков ищет кулаков

по всем деревням Душковского и Бережковского сельсоветов. В своей деревне Акиниха он не видит кулаков, а кулак Маслов Арсений имел толчею, сепаратор и свою машину по очистке льносемян, а сейчас он бригадир.

По этому письму началась проверка. Заведующий Подобинским участком МТС А. Скворцов в докладной записке сообщал партийному следователю Еремину, что коллективизация в деревне Акиниха проходила с ноября 1930 года, с агитацией выступал председатель коммуны из деревни Красный октябрь П.И. Ракитин.

Первый председатель колхоза «Новая Деревня» (Акиниха) Петр Васильевич Харчиков до революции жил своим хозяйством, а также сапожничал на дому. В период новой экономической политики нанимал работников на сенокос, занимался скупкой льносемян, после их битья продавал льняное масло на базаре.

Работая председателем колхоза, а потом секретарем партячейки, Харчиков не поставил вопрос об исключении из колхоза Мельникова Ивана, который имел личную мельницу.

Председатель Душковского сельсовета И.Д. Баруздин 26 марта 1933 года дал показания партийному следователю Еремину, что Петра Васильевича Харчикова знает хорошо по работе в сельсовете. Он принимал активное участие в колхозном строительстве и укреплении колхоза.

Колхозник Федор Степанович Морев заявил следователю, что на свиноферме колхоза «Новая Деревня» в 1932 году было 5 поросят, на личных подворьях по одному поросенку есть у П.В. Харчикова и еще у четырех колхозников.

Председатель колхоза «Новая Деревня» Старшов Егор Иванович 26 марта 1933 года сообщил партийному следователю Еремину, что первым председателем колхоза с 1931 года до мая 1932 года был П.В. Харчиков, с 5 июня 1932 года председателем работает он. В колхозе еще имеются кулаки:

- Мельников Иван Андреевич, который до революции и после нее имел мельницу.
- Мельников Николай Федорович торговал мясом, привозил товары из Москвы и продавал их в деревне.
- Маслов Арсений Васильевич в 1925 году имел торговлю, толчею, сепаратор, на котором перерабатывал масло и продавал его, в 1930 году получал твердое задание, которое выполнил.

8 апреля 1933 года Сонковская районная контрольная комиссия заслушала дело П.В. Харчикова, который обвинялся в том, что занимался спекуляцией в 1926–1927 годах и за нерешительность борьбы с очищением колхозов от классово-чуждых элементов – в Акинихе мельник, в Горбовце – торговцы. Спекуляция со стороны Харчикова не подтвердилась, но он был предупрежден, что если не проявит большевистскую настойчивость по очищению колхозов от классово-чуждых элементов, к нему будут приняты суровые меры партийного взыскания вплоть до исключения из рядов ВКП(б) [14].

Нужно отметить, что в 1933 году жители деревни Акиниха Мельников Иван Андреевич, Мельников Николай Федорович и Маслов Арсений Васильевич были раскулачены и высланы из деревни в Казахстан, их дома, имущество, скот и весь сельхозинвентарь были конфискованы в пользу колхоза.

Дело П.С. Степанова. Степанов Павел Степанович, карел, 1911 года рождения, уроженец и житель деревни Байки, бригадир колхоза «2-ой областной съезд Советов», заработок в трудоднях.

В своем заявлении в марте 1933 года П.С. Степанов писал: «Я сделал преступление, 15 января 1933 года в городе Бежецке, где я был на курсах советской партийной школы, выпил вместе с товарищами пол-литра вина и был сведен в милицию. В настоящее время исключен с курсов и из рядов ВКП(б), где был кандидатом. Прошу восстановить меня кандидатом в члены ВКП(б)». Сонковская районная контрольная комиссия приняла решение П.С. Степанова из рядов ВКП(б) исключить [15].

Дело И.М. Боброва. Бобров Иван Михайлович, карел, 1907 года рождения, уроженец и житель деревни Бережки, образование низшее, рядовой колхозник колхоза «Парижская Коммуна».

В 1931 году И.М. Бобров работая председателем Васьянского сельсовета, не выполнил план государственных заготовок по картофелю. За это был исключен ВКП(б), будучи кандидатом в члены партии. Бобров писал заявление в центральную контрольную комиссию, в связи с этим Сонковская районная комиссия 9 июня 1933 года восстановила его в рядах ВКП(б), объявив ему выговор [16].

Дело Н.И. Башилова. Башилов Николай Иванович, карел, уроженец и житель деревни Терехово, с 1932 года работал председателем Бережковского сельсовета, заработок 90 рублей в месяц.

В июле 1933 года в редакцию районной газеты «Дело Октября» поступило заявление, что во время уборочной компании председатель

Бережковского сельсовета Башилов, находясь в отпуске, устроил пиршуку, на которой были: бригадир 2-й бригады Смирнов, секретарь партячейки Харчиков, секретарь сельсовета Травки и другие.

При рассмотрении заявления Башилов пояснил партийному следователю Еремину, что 19–20 июля наварил пива, принес его на кладбище, туда пригласил людей. В их числе был заведующий Подобинским участком Сонковской МТС Андрей Николаевич Скворцов. Башилов заявил, что пьянки не было, сидели у могил, беседовали и пили пиво.

Районная контрольная комиссия объявила Н.И. Башилову выговор и сняла с должности председателя сельсовета, он стал работать рядовым колхозником. 9 декабря 1933 года районная контрольная комиссия повторно рассмотрела дело Н.И. Башилова в связи с тем, что тот отказывался ехать за 50 километров работать председателем Спиридовского сельсовета. Комиссия постановила: предложить Н.И. Башилову к 13 декабря выехать на работу председателем Спиридовского сельсовета. В случае невыезда он будет исключен из кандидатов в члены ВКП(б), как не выполнивший решение райкома партии [17].

Дело П.П. Кострова. Костров Петр Петрович, карел, 27 лет, уроженец и житель деревни Поцеп, председатель Душковского сельсовета.

Работник Сонковского райфинотдела, сын церковного старосты Г.П. Мольков 26 марта 1933 года дал показания партийному следователю Еремину, что братьев Костровых из деревни Поцеп он знает с детства, потому что после двухгодичной школы был отдан их отцу в портные мальчишки. Работал у Костровых 4 зимы до сенокоса, с 1 октября по 1 июня, бесплатно. Только на четвертый год стал получать мизерную зарплату, работая до 2–3 часов ночи.

После революции его сын Костров Петр получил патент на торговлю скотом, второй сын Василий отделился от отца. Костров Василий вместе с Петром Харчиковым сохранил от высылки своего тестя Мельникова Ивана Андреевича. Он давал тестю свою лошадь для вывозки хлеба и муки от мельницы на базар.

Мальков писал, что при чистке рядов ВКП(б) надо обратить внимание на П.В. Харчикова, его брата Ивана, Петра и Василия Костровых.

Дело П.П. Кострова было рассмотрено районной контрольной комиссией 27–29 июня 1933 года по обвинению в том, что, будучи секретарем партячейки, не вел работы по очищению колхоза от кулацких вредительских элементов. Комиссия решила: с должности председателя Душковского сельсовета снять и из партии исключить [18].

Дело М.Я. Майорова. Майоров Михаил Яковлевич, карел, 1906 года рождения, уроженец и житель деревни Петрайцево, на момент рассмотрения рядовой колхозник колхоза «Красная Артель».

В своем заявлении М.Я. Майоров просил районную контрольную комиссию восстановить его в рядах ВКП(б) и подробно описывал его участие в создании колхоза. В 1928 году он организовал в деревне Петрайцево артель по совместной обработке земли, в нее вступили 16 дворов. Артель проработала один год, потом распалась, он уехал жить в Ленинград. В 1931 году вернулся в деревню из Ленинграда, стал организовывать колхоз, в него вступили 42 домохозяева.

Сначала он работал счетоводом в организованном колхозе «Красная Артель», в 1932 году его избрали председателем колхоза. На этой должности он проработал полгода, с июня 1932 года он стал работать секретарем Душковского сельсовета. Проработал полгода, с января 1933 года ушел работать в милицию. Там снова проработал полгода и вернулся в свою деревню.

Из-за трудных семейных обстоятельств решил покончить с собой, выстрелил себе в грудь, но остался жив. Председатель Душковского сельсовета И.Д. Баруздин во время чистки партийных рядов заявил, что Майоров пьянствовал. 11 ноября 1933 года Сонковская районная контрольная комиссия исключила М.Я. Майорова из рядов ВКП(б) [19].

Активную роль в создании и становлении колхозов играли комсомольцы. На собрании ячейки ВЛКСМ колхоза «Новая Деревня» (Акиниха) Душковского сельсовета 28 июня 1933 года решили организовать комсомольские молодежные звенья по перевозке урожая и сдачи зерна государству. Организовать комсомольскую дружину по охране урожая у зернохранилищ и молотбы.

2 июня 1933 года комсомольцы колхоза им. Сталина (Горбовец) на собрании постановили организовать молодежные звенья по уборке урожая, назначив звеньевыми В.И. Смирнова и Е.Е. Рудову. Было решено, проверить амбары на готовность принять зерно, проверить весь инвентарь и сельхозмашины.

Собрание комсомольской ячейки того же колхоза 18 июня 1933 года прикрепило комсомольцев к отдельным домохозяевам по сбору от них досрочного государственного займа. Они решили в выходной день очистить силосную яму, чтобы начать силосование не позднее 15 июля. На собрании отмечалось, что к тому времени комсомольцы

пропололи от сорняков в колхозе им. Сталина 20 га овса и 15 га льна, да 7 пионеров пропололи еще 5 га зерновых культур. В колхозе «Красный Пролетарий» (Калиниха) комсомольцы пропололи от сорняков 20 га льна и 10 га овса [20].

Известно, что организаторами первичных комсомольских организаций и колхозного строительства в 1934 годы были:

- Колхоз им. Сталина (Горбовец) – Смирнов Василий Иванович, карел, середняк, счетовод колхоза, 1914 года рождения, образование 4 класса, в комсомоле с 1931 года, организатором избирался в третий раз.
- Колхоз «2-ой областной съезд Советов» (Байки) – Кузнецов Иван Иванович, карел, середняк, рядовой колхозник, 1915 года рождения, окончил школу колхозной молодежи, в комсомоле с 1931 года.
- Колхоз «Новая Деревня» (Акиниха) – Грибов Иван Иванович, карел, бедняк, рядовой колхозник, 1910 года рождения, образование 3 класса, в комсомоле с 1931 года [21].

Партийные органы подробно регламентировали сроки проведения основных сельскохозяйственных работ в колхозах, будто крестьяне занимались сельским хозяйством не веками, а первые годы. На расширенном пленуме Сонковского райкома ВКП(б) от 16 июля 1933 года для всех колхозов были установлены сроки проведения работ:

1. По обработке и сдаче льносемян и льноволокна;
 - а) теревление льна начать, не дожидаясь созревания всего льна, а по мере поспевания отдельных участков до светло-желтой спелости. Провести теревление льна за 6–7 дней, закончить его 2–3 августа, как это установлено пленумом Московского областного комитета ВКП(б);
 - б) теревление льна провести отдельно длинные стебли и отдельно короткие стебли. Вязку в снопы произвести не сразу, а спустя 2–3 дня после теревления, чтобы дать стеблям хорошо провянуть в рядах. Не допускать большого разрыва между теревлением, околотом и расстилом, чтобы использовать лучшее для отлежки льна августовское время. Околот и расстил льна начать немедленно, как только лен подсохнет в бабках, и разослать его не позднее 25 августа;
 - в) сдачу по контрактации льносемян провести не позже 20 августа. Обработку и сдачу основной массы льноволокна про-

- вести в октябре с тем, чтобы весь лен сдать к 16-й годовщине Октябрьской революции. Чтобы обеспечить сдачу льна к указанному сроку, обработку его начать не позже 15 сентября.
2. По зерновым культурам;
 - а) уборку начать, не дожидаясь вызревания всего поля, начать ее по мере созревания отдельных участков до периода восковой спелости. Закончить уборку ржи в 4 дня, ячменя в 2–3 дня, овса и остальных культур в 6–7 дней с тем, чтобы уборку ржи закончить не позднее 3 августа, всех остальных культур не позднее 10–12 августа;
 - б) на всех полях организовать скашивание углов, сгребание и ручной сбор колосьев. Организовать немедленно после высыхания обмолот одной части, возку и укладку в скирды другой части зерновых культур. Организовать так, чтобы избежать ошибок прошлых лет, когда большое количество хлеба гнило и прорастало в снопах в поле;
 - в) выполнить обязательства перед государством по поставке зерна ржи до 15 августа, остальных зерновых культур до 25 августа.
 3. По севу озимых;
 - а) не позднее 20 июля провести боронование незанятых паров и дискование целины;
 - б) вспашку освобожденных паров провести не позже 25 июля;
 - в) озимовой сев начать не позднее 10 августа и закончить не позднее 20 августа;
 - г) освобождающуюся рабочую (колхозников) и тягловую (лошадей) силу в колхозах использовать на работах по раскорчевке и вспашке целины, которые закончить не позже 10 ноября.
 4. По уборке картофеля и овощей;
 - а) провести прополку и второе окучивание картофеля до 25 июля и последнее окучивание в период цветения картофеля;
 - б) уборку картофеля начать 10 и закончить 20 сентября, поставку его государству закончить не позднее 25 сентября.

Первая тракторная бригада Краснооктябрьского участка Сонковской МТС начала свою работу в колхозах Бережковского сельсовета весной 1935 года, в колхозах Душковского сельсовета трактора к

тому времени еще не работали, все работы проводились на лошадях. Руководством МТС работа Краснооктябрьского участка по ремонту тракторов и прицепов в мастерских была признана хорошей.

На собрании партийной группы Бережковского сельсовета, состоящей из трех коммунистов, от 30 ноября 1935 года, на котором присутствовал директор Сонковской МТС Сафонов, за коммунистами закрепили колхозы:

- За парторганизатором Н.Ф. Лежушкиным – колхозы «2-ой областной съезд Советов (дер. Байки) и «Новый путь» (дер. Климантино).
- За коммунистом А.А. Нетрусовым – колхозы им. Сталина (Горбовец) и «Парижская Коммуна» (Бережки).
- За коммунистом В.С. Евстафьевым – колхозы «Красный Пахарь» (Гремячиха) и «Красный Пролетарий» (Калиниха).

Эти три первых коммуниста на шесть карельских колхозов, проживавшие в Бережках и Климантине, иногда заслушивали сами себя о работе над собой. К декабрю 1935 года коммунист А.А. Нетрусов прочитал все три речи Сталина и речь Молотова. Коммунист В.С. Евстафьев прочитал одну речь Сталина и больше ничего не читал, ему вынесли предупреждение.

В связи с образованием в 1935 году Калининской области начальник Сонковского районного отдела НКВД Милов направил в управление НКВД по Калининской области совершенно секретные сведения о раскулаченных и кандидатах на раскулачивание. Органы НКВД предлагали раскулачить хозяйства по Бережковскому и Душковскому сельсоветам, главами которых были:

- Борисов Иван Борисович, из деревни Терехово, 1870 г. р., жена Анна Михайловна, 1895 г. р., сыновья: Михаил, Василий и Петр, дочери – Анна, Мария и Александра. До 1927 года занимался перепродажей скота, в колхоз вступила вся его семья.
- Мельников Михаил Яковлевич, из дер. Терехово, 1880 г. р., жена Анна Васильевна, 1881 г. р., сыновья: Петр и Александр, дочери – Анна и Евгения. До революции занимался бакалейной торговлей в Санкт-Петербурге. С 1933 года вся семья состояла в колхозе, работали рядовыми колхозниками.
- Смирнов Михаил Васильевич из дер. Муравьево, 1874 г. р., жена Евгения Михайловна, 1894 г. р., сын Иван 1905 года рождения.

До революции имел купленную землю, применял наемный труд. Семья с 1931 года состоит в колхозе, работают рядовыми колхозниками, сын Иван живет в Ленинграде.

- Мольков Иван Петрович из дер. Акиниха, 1877 г. р., жена Анна Ивановна, 1886 г. р., сын Василий служит в РККА. Сноха Александра Семеновна, внучка Александра, внук Василий, бабушка Вера Ивановна. Имел сельскохозяйственные машины, которыми эксплуатировал население. С 1931 года со всей семьей состоит в колхозе, в 1933 году их исключили из колхоза, но приняли обратно в том же году.
- Быстрова Дарья Васильевна, из дер. Бережки, 1878 года рождения. Глава семьи Быстров Иван Михайлович отбывает наказание 5 лет лишения свободы по ст. 58, ч. 10 и 11 УК. Хозяйство было кулацкое, имелся сепаратор, применялась наемная рабочая сила, в 1930 году были раскулачены.
- Зайцева Матрена Михайловна из дер. Байки, 1878 г. р., сын Петр 14 лет. Глава семьи Зайцев И.А. отбывает наказание 5 лет лишения свободы по ст. 58, ч. 10 УК. Хозяйство было кулацкое, до революции и после нее до 1927 года занимался перепродажей сельхозпродукции. За неуплату штрафа часть имущества была изъята. Вместе с сыном состоит в колхозе, работают рядовыми колхозниками.
- Быстрова Наталья Васильевна из дер. Бережки, 1870 г. р., сын Алексей 14 лет. Глава семьи Быстров И.М. отбывает наказание 5 лет лишения свободы по ст. 58, ч. 10 и 11 УК. До революции занимались торговлей, после революции до 1928 года перепродажей скота, хозяйство раскулачено.
- Нилова Александра Федоровна из дер. Бережки, 1888 г. р., муж выслан и отбывает наказание. До революции и после нее занимались перепродажей скота. С 1931 года состоит в колхозе, работает рядовой колхозницей.
- Войлоков Федор Васильевич из дер. Климантино, 1883 г. р., жена Екатерина, сын Александр, дочери Александра и Мария. До революции и после нее был подрядчиком на отхожих работах, эксплуатировал чужую рабочую силу. По решению суда был в ссылке, освобожден в 1935 году. Состоит в колхозе, работает рядовым колхозником.
- Сапожков Михаил Алексеевич, из дер. Климантино, 1905 г. р., мать Мария, брат Николай. В 1930 году, как зажиточному хо-

- зьяйству, доводилось твердое задание, за его невыполнение часть имущества была изъята. В 1931 году вступил в колхоз, в 1932 году осужден судом по закону от 7 августа 1932 года на 10 лет лишения свободы. От отбытия наказания освобожден условно-досрочно по болезни. С 1934 года снова принят в колхоз, работает рядовым колхозником, брат Николай – бригадиром.
- Белов Петр Иванович из дер. Климантино, 1898 г. р., мать Пелагея, жена Анна, дочери Антонина и Екатерина. В 1933 году судим по закону от 7 августа 1932 года за расхищение колхозной собственности к 10 годам лишения свободы. Наказание отбывал один год, освобожден условно-досрочно. В 1934 году восстановлен членом колхоза, работает завхозом.
 - Чистяков Иван Иванович, из дер. Климантино, 1893 г. р., жена Мария, пятеро детей в возрасте от 5 до 17 лет. В 1933 году судим по закону от 7 августа 1932 года к 10 годам лишения свободы. Отбывал один год, освобожден условно-досрочно. Восстановился в колхозе, работает рядовым колхозником.
 - Рудов Михаил Алексеевич из дер. Горбовец, 1882 г. р., жена Анна, четверо детей в возрасте от 10 до 19 лет. До революции и после нее занимался перепродажей скота, имел сепаратор. С 1931 года состоит членом колхоза, работает рядовым колхозником.
 - Рудов Егор Алексеевич из дер. Горбовец, 1875 г. р., жена Мария, трое детей в возрасте от 6 до 21 года. До революции и после нее занимался перепродажей скота. С 1931 года состоит в колхозе, работает рядовым колхозником. Имеет постоянную связь с бывшим крупным торговцем Кирчиным, проживающим в Ленинграде.
 - Смирнова Ольга Алексеевна, из дер. Гремячиха, 1893 г. р., четверо детей в возрасте от 10 до 22 лет. Глава семьи Смирнов Александр Иванович проживает в Ленинграде. Имели крепкое зажиточное хозяйство, в том числе мельницу и толчею. За невыполнение индивидуального задания часть имущества была изъята. В данное время семья состоит в колхозе, работают рядовыми колхозниками.
 - Сизов Василий Петрович, из дер. Бережки, 1904 г. р., жена Анна, дочь Нина. Его отец Сизов Петр Иванович жил в деревне Калиниха, была раскулачен и выселен. Сам Сизов В.П.

в 1932 году судим по закону от 7 августа 1932 года за расхищение социалистической собственности к 10 годам лишения свободы. Освобожден условно-досрочно, работает в Сонкове. Жена живет в деревне Бережки, работает в колхозе рядовой колхозницей.

- Волков Александр Егорович из дер. Климантино, 1877 г. р., жена Евдокия, двое детей в возрасте 12 и 14 лет. Имели крепкое зажиточное хозяйство с крупными сельхозмашинами и сепаратором. В 1930 году облагался индивидуальным заданием, состоял в колхозе с 1931 по 1933 годы. Был исключен из колхоза в 1933 году, снова принят в колхоз в 1934 году. В настоящее время работает на Сонковском льнозаводе рабочим.

Нужно отметить, что по каким-то причинам перечисленные в справке начальника Сонковского районного отдела НКВД хозяйства не были раскулачены и высланы, хотя в списках они назывались репрессированными. В других хозяйствах, ранее подвергнутых раскулачиванию, хозяева которых отбывали наказание в местах лишения свободы, органы НКВД предлагали раскулачить оставшихся в деревнях членов их семей. Но семьи их не тронули, они остались здесь проживать, и многие главы вернулись к ним после отбывания наказания [22].

В первые годы колхозного строительства у крестьян по-прежнему оставались в использовании традиционные орудия труда: плуг или соха, лопата, мотыга, серп, коса, тяпка, цеп, вилы и грабли. Все эти орудия изготовляли кузнецы и другие деревенские мастера. В помощь колхозникам по-прежнему была и оставалась лишь лошадь.

Работали колхозники очень много, труд был ручным. В конце лета поднимали зябь, а весной – яровой клин лошадьми до 1 га в день. Обычно одно поле на лошадях пахали 8–10 мужиков, идя друг за другом на расстоянии 5–6 метров. Перед ними ставилась задача вспахать поле за 1,5–2 дня, чтобы не было большого перерыва между пахотой и севом.

Осенью сеяли озимую рожь и пшеницу, а весной – овес, ячмень и яровую пшеницу вручную или сеялками, которые тащили лошади. Мужики проходили с тяжелыми лукошками в лаптях по грязи много километров, разбрасывая семена. Сеяльщикам как-то помогали мальчишки и девчонки, устанавливая ольховые ветки на границе, докуда долетали зерна, чтобы определять следующие проходы сеяльщиков по полю.

После сева – очень тяжелая работа по вывозке навоза, вместе с мужчинами его грузили и женщины. Те, кто уже имел детей, оберегали молодых девок и женщин, кому еще рожать, направляя их возчиками и на поле выгружать навоз. Затем – сенокос, все луга и неудобья косили вручную косами, сушили сено и возили в сараи. За сенокосом – теребление льна вручную и уборка урожая зерновых серпами, косами или жатками. Далее: обмолот зерна молотилками, очистка зерен от сорняков и мусора, скирдование соломы.

Рожь и пшеницу мужчины скашивали косами, за ними шли женщины, вязали снопы, которые ставили по 10 штук в суслоны, колосьями вверх. Сверху надевали один снопок колосьями вниз для защиты от дождя. Зерно в суслонах дозревало, снопы везли в ригу, где обмолачивали цепами или молотилкой.

В колхозах также применяли жатки, молотилки и веялки, отобранные у состоятельных крестьян. Жатку тащила пара лошадей, за день ею скашивали до 4 га зерновых культур. С помощью жатки лишь валяли стебли в валки, женщины подбирали эти валки, связывая снопы.

Снопы привозили на ток, в шоху или в ригу, где работала молотилка. Сложные зерновые молотилки в СССР к тому времени уже выпускали, они приводились в действие вручную. Крестьян без перерыва крутил ручку барабана, а женщины со стола подавали в барабан снопок за снопом. Молотилка была полностью сделана из дерева, лишь барабан изготовлен из металла. Первые молотилки только обмолачивали хлеб, не выделяя зерна из вороха с мусором.

Потом ворох пропускали через веялку для очистки зерна от сорняков и мусора. Веялка тоже приводилась в действие вручную, ворох засыпали в короб, при вращении устройство из деревянных дощечек гоняло воздух, который выдувал сорняки.

Одновременно работали со льном – его теребление вручную, расстилка и подъем льнотресты, вывозка на лошадях льна и зерна в районный центр в счет госпоставок. Убирали с полей вручную картофель, капусту, турнепс и другие овощи.

Кроме того, на их плечах было домашнее хозяйство и забота о семье. Родив ребенка дома, в бане или на поле, женщина уже через неделю выходила на работу наравне со всеми. Даже трудно перечислить и представить, какую огромную работу проделывали наши бабушки, дедушки, отцы и матери с 4 часов утра и до 10 часов вечера ежедневно. Их непосильным, практически неоплачиваемым, трудом поднимались колхозы.

Жизнь колхозов по новому Уставу (1935–1941 годы)

*С каждым днем колхозы большие,
Начинают богатеть,
Дома строят, тесом кроют,
Просто любо посмотреть.*

17 февраля 1935 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) утвердили новый Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников.

На основании этого Примерного устава каждый колхоз принимал устав своего колхоза. В нем говорилось, что крестьяне деревни такой-то, например, Сонковского района Калининской области добровольно объединяются в сельскохозяйственную артель, чтобы общими средствами производства и общим организационным трудом построить коллективное, то есть общественное хозяйство.

Каждый колхозный двор мог иметь в личном пользовании корову, до 2 голов молодняка рогатого скота, 1 свиноматку с приплодом или, если правление колхоза найдет необходимым, 2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев.

В члены артели могли вступать все трудящиеся, как женщины, так и мужчины, достигшие 16-летнего возраста. В артель не принимались кулаки и все лица, лишённые избирательных прав.

За 1935 год на трудодни колхозники получили в среднем по 230,4 кг зерна уже на одного члена семьи, считая детей и стариков. С того года на трудодень стали выдавать по 4–5 кг зерна, а в более успешных колхозах – до 7 кг зерна. В 1937 году в среднем по стране каждый колхозник выработал по 194 трудодня, на каждый трудодень ему выдали по 4 кг зерна, а всего – 776 кг зерна на работающего колхозника.

31 июля 1937 года политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В период с 5 августа 1937 года в течение четырех месяцев органам НКВД поручалось провести операцию по репрессированию следующих категорий лиц:

1. Бывших кулаков, вернувшихся после отбытия наказания и продолжавших вести активную антисоветскую деятельность.

2. Бывших кулаков, бежавших из лагерей и трудовых поселков, а также кулаков, скрывавшихся от раскулачивания, которые вели антисоветскую деятельность.
3. Бывших кулаков и социально опасных элементов, состоявших в повстанческих и других организациях, отбывших наказание, скрывшихся от репрессий или бежавших из мест заключения и возобновивших антисоветскую деятельность...

Все репрессируемые кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы, согласно приказу, разбивались на две категории:

- а) к первой категории отнесли всех наиболее враждебных из перечисленных элементов. Они подлежали немедленному аресту и по рассмотрению дела на тройках – расстрелу;
- б) ко второй категории отнесли всех остальных менее активных, но все же враждебных элементов. Они подлежали аресту и заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьме по определению троек.

Было приказано образовать особые тройки в составе первого секретаря обкома, начальника областного управления НКВД и прокурора области. Решение особых троек по первой категории приводить в исполнение немедленно.

Приказом утверждалось следующее количество, подлежащих репрессии:

Калининская область – первая категория 1000 человек, вторая категория 3000 человек, всего – 4000 человек.

Всех кулаков, уголовников и другие антисоветские элементы, осужденных по второй категории к заключению в лагерь, использовать:

- а) на ведущихся строительствах ГУЛАГа НКВД СССР;
- б) на строительстве новых лагерей в глубинных пунктах Казахстана;
- в) для постройки новых лагерей, специально организуемых для лесозаготовительных работ силами осужденных.

28 марта 1938 года начальник управления НКВД по Калининской области Гуминский доложил руководству об итогах проведения операции. Он сообщал, что за период с 5 августа 1937 года по 26 марта 1938 года тройкой УНКВД осуждено 10 200 человек, из них по первой категории – 4587 человек, по второй категории – 5613 человек. В том числе осуждено бывших кулаков 6949 человек, из них в 1937 году – 5293 человека.

Президиум ВЦИК **29 сентября 1937 года** направил письмо соответствующим структурам, в котором указывалось:

«Президиум ВЦИК предлагает:

- 1) прекратить прием и рассмотрение ходатайств о возврате имущества, изъятого до 1933 г. включительно;
- 2) в тех случаях, когда уже имеется постановление правительственных органов о возврате имущества, изъятого до 1933 г., то в целях его выполнения следует выплачивать за имущество деньгами по страховой оценке.

Подписал письмо председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. Калинин».

21 августа 1938 года был принят закон «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств», которым был введен особый государственный налог на лошадей единоличных хозяйств. Ставки государственного налога с единоличных хозяйств, имевших лошадей, был установлен по РСФСР за одну лошадь – 400 рублей, за каждую лошадь сверх одной головы – 700 рублей.

Налог на лошадей уплачивали все единоличные хозяйства, имевшие к моменту опубликования Закона лошадей в возрасте от 3 лет и выше. Продажа лошадей после опубликования Закона не освобождала от уплаты налога.

* * *

В связи с образованием 29 января 1935 года Калининской области, Сонковский район был переведен из Московской области в ее состав. Из 13 председателей карельских колхозов Бережковского и Душковского сельсоветов Сонковского района Калининской области в 1935 году были всего два выходца из бедняков, остальные из семей середняков. После проведенной чистки партии и продолжения политических репрессий, членами и кандидатами в члены ВКП(б) оставались 4 председателя колхоза, остальные были беспартийными. На 1 августа 1935 года председателями карельских колхозов работали, по Бережковскому сельсовету:

1. Колхоз «Парижская Коммуна» (Бережки) – Егоров Иван Егорович, 1883 года рождения, председателем первый год, месячный оклад 25 рублей.

2. «Новый Путь» (Климантино) – Войлоков Иван Васильевич, 1896 года рождения, судимый, председателем первый год, месячный оклад 20 рублей.
3. «2-ой областной съезд Советов» (Байки) – Лежушкин Николай Федорович, 1901 года рождения, член ВКП(б), первый председатель колхоза с 1931 года, месячный оклад 30 рублей.
4. «Красный Пахарь» (Гремячиха) – Куликов Иван Петрович, 1889 года рождения, председатель колхоза с 1933 года, месячный оклад 15 руб.
5. «Красный Пролетарий» (Калиниха) – Белов Петр Федорович, 1903 года рождения, председателем с 1934 года, месячный оклад 22 рубля.
6. Им. Сталина (Горбовец) – Румянцев Николай Владимирович, 1900 года рождения, председателем с 1934 года, месячный оклад 20 руб.

По Душковскому сельсовету:

1. Колхоз «3-й год пятилетки» (Душково) – Морев Иван Павлович, 1906 года рождения, председателем первый год, месячный оклад 23 рубля.
2. «Красная Артель» (Петряйцево) – Майоров Дмитрий Яковлевич, 1908 года рождения, председателем первый год, месячный оклад 25 рублей.
3. «Путь социализма» (Терехово) – Башилов Иван Иванович, 1878 года рождения, член ВКП(б), бедняк, председателем колхоза с 1931 года, месячный оклад 24 рубля.
4. «Новая Деревня» (Акиниха) – Чистяков Николай Иванович, 1900 года рождения, член ВКП(б), председателем первый год, месячный оклад 22 рубля.
5. Им. Ленина (Шейно) – Кононов Григорий Яковлевич, 1893 года рождения, бедняк, председателем первый год, месячный оклад 12,5 рубля.
6. «За Новый Быт» (Поцеп) – Костров Петр Петрович, 1906 года рождения, член ВКП(б), председателем с 1934 года, месячный оклад 25 рублей.
7. «6-ой съезд Советов» (Муравьево) – Румянцев Иван Константинович, 1905 года рождения, председателем первый год, месячный оклад 24 рубля.

После чистки партийных рядов в партячейке Душковского сельсовета состояло 5 коммунистов, секретарем партячейки был избран учитель Карело-Кошевской школы А.В. Румянцев. Коммунистами были:

1. Баруздин Иван Дмитриевич – председатель Душковского сельсовета, в партии с 1932 года.
2. Румянцев Арсений Васильевич – учитель Карело-Кошевской неполной средней школы, в партии с 1932 года.
3. Башилов Иван Иванович – председатель колхоза «Путь социализма», кандидат в члены ВКП(б) с 1932 года.
4. Харчиков Иван Васильевич – учитель Карело-Кошевской неполной средней школы, в партии с 1931 года.
5. Чистяков Николай Иванович – председатель колхоза «Новая Деревня», в партии с 1931 года.

В то время в партячейке Бережковского сельсовета на учете состояло 3 коммуниста:

1. Лежущин Николай Федорович – председатель колхоза «2-ой областной съезд Советов», в партии с 1932 года.
2. Нетрусов Алексей Арсеньевич – председатель Бережковского сельсовета, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 года.
3. Смирнова Мария Егоровна, председатель колхоза им. Сталина, в партии с 1932 года.

В январе 1936 года отмечалось небрежное отношение к технике со стороны заведующего Краснооктябрьским участком Сонковской МТС и трактористов. В деревне Красный Октябрь посреди улицы 2 месяца стоял трактор, в деревне Калиниха стояли две льнотеребилки, все в грязи. На курсы трактористов второй очереди, которые должны были начаться с 5 января 1936 года, из 50 человек никто не явился.

В поисках новых «врагов народа» и кулаков агрессии порою в деревне было немало, и страсти разгорались нешуточные. На общем собрании колхозников колхоза им. Сталина (Горбовец), на котором присутствовало 36 человек, 19 марта 1936 года рассматривали поведение колхозника Рудова Михаила. Он отказался захватить с собою в Сонково на пленум райисполкома Евдокию Смирнову. На собрании вспомнили, что работая заведующим молочно-товарной фермой, Рудов допустил падеж двух телят. Что его сын Иван украл мешок колхозного зерна.

Собрание постановило: «За травлю активистки Е.И. Смирновой Рудова Михаила, как кулака, из колхоза исключить. Его сына Рудова Ива-

на, как вора колхозной собственности, из колхоза исключить. Просить прокурора привлечь Рудова Михаила за травлю члена сельсовета и президиума райисполкома Е.И. Смирновой к ответственности. Опротестовать приговор в отношении его сына Рудова И.М за мягкостью.

Учитывая, что член ВЛКСМ председатель колхоза Дмитриев встал на защиту кулака Рудова Михаила, считать невозможным его дальнейшее руководство колхозом. Просить районный земельный отдел провести перевыборы председателя колхоза» [23].

Нужно отметить, что Рудов Михаил Алексеевич вместе с семьей из 6 человек, как кулак, был выслан из деревни Горбовец в Казахстан в марте 1931 года, после отбытия наказания вновь вернулся в родную деревню.

На том же собрании 19 марта 1936 года было решено создать в колхозе им. Сталина моляковские звенья, названные так в честь А.Х. Моляковой, которым добиться 6–7 центнеров льноволокна с гектара. Звеньевой первого звена назначили Е.И. Смирнову, в звено вошли: А.Е. Смирнова, А.И. Рудова и Н.В. Чистякова. Звеньевой второго звена назначили Р.И. Смирнову, членами звена стали: А.М. Колобова, А.Ф. Голубева, М.И. Голубева и Н.И. Смирнова.

С марта 1936 года председателем колхоза им. Сталина была избрана Смирнова Евдокия Ивановна, 1912 года рождения. Председателю колхоза Арсению Арсентьевичу Дмитриеву в тот год исполнилось 20 лет, он погиб в августе 1941 года, похоронен в деревне Язвище Ленинградской области.

Как и по всей стране, в нашей местности, продолжались репрессии. 19 декабря 1937 года был арестован священник прихода Корельское Кошево Алексей Александрович Александров, 1892 г. р., тройкой УНКВД по Калининской области приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую агитацию. Сретенская церковь в селе Карело-Кошево была закрыта. 8 февраля 1938 года за антисоветскую агитацию был арестован житель деревни Бережки Василий Григорьевич Быстров, 1909 г. р. Тройкой УНКВД по Калининской области приговорен к расстрелу, расстрелян 15 февраля 1938 года в день празднования в деревнях религиозного праздника Сретенье.

На смену серпу и косе стала приходиться малая механизация, конными жатками в 1938 году в колхозах Бережковского и Душковского сельсоветов скосили более 40% зерновых культур. К тому времени молотилки с ручным приводом и механическим приводом полностью вытеснили молотью бы цепами и другими ручными орудиями.

В том году тракторные бригады Сонковской МТС работали в обоих карельских сельсоветах. Кроме того, в деревне Душково был установлен мально-трепальный пункт по обработке льна. Всего МТС тогда имел 5 таких пунктов, установленных в Беклемишеве, Беяницах, Вепре, Горицах и Душкове. В Душкове пункт работал плохо из-за несвоевременной смены шестерен в мялке и из-за частого отсутствия трактора.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 января 1939 года и от 8 марта 1939 года были установлены гарантированные минимумы оплаты труда трактористам МТС, бригадирам тракторных бригад и их помощникам. Им установили денежную оплату по 2 руб. 50 коп. за трудодень и дополнительно натуральную оплату в размере 3 кг зерна на трудодень.

Введение механизации ускоряло темпы работ, если крестьянин на лошади пахал примерно 0,5 га пашни, редко до 1 га, то тракторист на тракторе «Сталинец» с двухкорпусным плугом – до 2,5 га пашни. Появились трактора ХТЗ, работающие на керосине, колхозники их быстро расшифровали – «хрен трудодней заработаешь».

Постепенно укреплялись машинно-тракторные станции, к 1940 году Сонковская МТС имела 48 тракторов, молотилки, конные сеялки, дисковые бороны. К тому времени она проводила сев озимых и яровых культур на половине колхозных площадей. Однако полностью еще не были механизированы жатва хлебов, которая еще проводилась частично косами и серпами, льнотеребление и дальнейшая работа со льном, а также косьба лугов и неудобий [24].

Из колхозов брали много молодых парней, и далее обучали их на трактористов и комбайнеров и направляли работать в машинно-тракторные станции. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1940 года для них была введена уголовная ответственность за самовольный уход с работы [25].

Перед началом Великой Отечественной войны председателями карельских колхозов работали:

1. «Новая Деревня» (Акиниха) – Чистяков Николай Иванович.
2. «2-ой областной съезд Советов» (Байки) – Дементьева Евдокия Елисеевна.
3. «Красный Пахарь» (Гремячиха) – Егоров Иван Егорович.
4. Им. Сталина (Горбовец) – Смирнова Евдокия Ивановна.
5. «Красный Пролетарий» (Калиниха) – Солдаткин.
6. Имени Ленина (Шейно) – Баруздин.

7. «Парижская Коммуна» (Бережки) – Сапожков Н.А.
8. «Новый Путь» (Климантино) – Белоусов Николай Иванович.
9. «6-ой съезд Советов» (Муравьево) – Румянцев Иван Константинович.
10. «Красная Артель» (Петряйцево) – Иванов Федор Иванович.
11. «За Новый Быт» (Поцеп) – Баюнов.
12. «Путь Социализма» (Терехово) – Румянцев Иван Васильевич.
13. «3-й Год Пятилетки» (Душково) – Морев Алексей Петрович [26].

В своей работе председатели колхозов опирались на комсомольцев, число которых к этому времени выросло. На 20 июня 1939 года комсомольская организация колхоза «Новый Путь» (Климантино) насчитывала 10 человек:

- Мартовская Анна Николаевна – заведующая избой-читальней, секретарь комсомольской организации,
- Волков Василий Александрович – рядовой колхозник,
- Белоусов Петр Иванович – рядовой колхозник,
- Ляпкин Алексей Дмитриевич – рядовой колхозник,
- Иванов Михаил Васильевич – бригадир колхоза,
- Сергеев Михаил Семенович – единоличник,
- Зайцев Иван Андреевич – тракторист,
- Суслов Иван Иванович – председатель колхоза с апреля 1939 года,
- Мартовский Александр Александрович – рядовой колхозник,
- Постникова Александра Васильевна – рядовой колхозник.

Комсомольская организация колхоза «Новая Деревня» (Акиниха) насчитывала в своих рядах 6 человек:

- Румянцев Василий Алексеевич – бригадир колхоза, секретарь комсомольской организации,
- Борисов Николай Никитович – рядовой колхозник,
- Морев Алексей Матвеевич – рядовой колхозник,
- Морев Александр Степанович – счетовод колхоза,
- Матвеев Александр Иванович – рядовой колхозник,
- Морев Василий Иванович – рядовой колхозник.

Комсомольская организация колхоза им. Сталина (Горбовец) насчитывала 15 человек:

- Сергеев Алексей Иванович – рядовой колхозник, секретарь комсомольской организации,
- Голубев Михаил Егорович – письмоносец,
- Смирнова Мария Ивановна – продащица с июня 1938 года,

- Голубева Екатерина Ниловна – рядовая колхозница,
- Чернов Иван Дмитриевич – рядовой колхозник,
- Голубев Алексей Васильевич – рядовой колхозник,
- Голубев Иван Васильевич – рядовой колхозник,
- Дмитриева Серафима Арсеньевна – избач с марта 1939 года,
- Рудова Александра Михайловна – рядовая колхозница,
- Дмитриев Василий Арсеньевич – рядовой колхозник,
- Голубев Михаил Нилович – рядовой колхозник,
- Семенов Василий Павлович – заготовитель Подобинского сельпо,
- Громов Иван Кузьмич – заготовитель,
- Голубева Анна Васильевна – счетовод колхоза с февраля 1939 года,
- Смирнова Анна Александровна – рядовая колхозница [27].

В январе 1940 года решением Сонковского райисполкома Душковский и Бережковский сельсоветы были объединены в один Бережковский сельсовет с центром в деревне Бережки. Председателем сельсовета назначен Иван Дмитриевич Баруздин из деревни Душково, до этого работавший председателем Душковского сельсовета.

Тогда же, 29 января 1940 года, состоялось общее партийное собрание Душковской и Бережковской парторганизаций из 10 человек – 5 членов ВКП(б) и 5 кандидатов в члены ВКП(б). Коммунисты согласились с решением бюро Сонковского райкома ВКП(б) о слиянии Душковской и Бережковской парторганизации в одну Бережковскую. Секретарем парторганизации избрали директора Карело-Кошевской неполной средней школы Арсения Васильевича Румянцева, его заместителем – председателя сельсовета Ивана Дмитриевича Баруздина [28].

Постановлением партийного собрания в январе 1940 года были назначены коммунисты и кандидаты в члены ВКП(б), ответственные за досрочное выполнение плана лесозаготовок. В деревне Горбовец председатель колхоза Е.И. Смирнова, в деревне Петряйцево – заведующая молочно-товарной фермой колхоза А.А. Быстрова и кандидат в члены ВКП(б) Т.А. Головкина. Татьяна Андреевна Головкина (Соколова) родом из деревни Горбовец, вышла замуж в Петряйцево за моего дядю по линии отца Михаила Яковлевича. Она работала счетоводом колхоза, являлась кандидатом в члены ВКП(б). 21 апреля 1940 года постановлением партийного собрания она же была назначена ответственной за колхоз «Красная Артель» (Петряйцево).

На партийном собрании 2 марта 1940 года отмечали, что с момента объединения сельсоветов в январе и до 2 марта заведующая Бережковской избой-читальной Анна Ивановна Мартовская ни разу не побывала в колхозах бывшего Душковского сельсовета. Председатель сельсовета И.Д. Баруздин не контролирует ее работу, держит в сельсовете, как технического работника, который пишет повестки и принимает телефонограммы [29].

20 февраля 1940 года секретарь Бережковской партийной организации Арсений Васильевич Румянцев отчитался о работе колхозов за 1939 год. За уборку льна колхоз «Новая Деревня» (Акиниха) был награжден переходящим Красным Знаменем района.

По итогам 1939 года колхозники в среднем по сельсовету получили по 1,845 кг зерна на трудодень, это больше, чем в 1938 году – 1,051 кг на трудодень. По итогам 1938 года колхозники получили по 91 коп. за трудодень, по итогам 1939 года – по 96 копеек. В передовом колхозе «Красный Пахарь» (Гремячиха) колхозники получили по 3,125 кг зерна на трудодень. Колхоз им. Ленина (Шейно) добился урожая льнотресты по 4,5 центнера с гектара и льносемян по 5 центнеров с гектара.

Колхозы «Путь Социализма» (Терехово) и «Новая Деревня» (Акиниха) перевыполнили государственный план сдачи молока и получили районные премии.

Председатель колхоза «6-ой съезд Советов» (Муравьево) Иван Константинович Румянцев 20 февраля 1940 года был назначен секретарем Бережковского сельсовета [30].

В самом начале войны И.К. Румянцев, 1905 года рождения, был призван в Красную Армию, пропал без вести в июле 1943 года.

Весной и летом 1940 года в Бережковской тракторной бригаде трактора работали плохо, часто выходили из строя и долго их не ремонтировали из-за неопытности бригадира тракторной бригады Дикополова. Бывший активист колхозного движения в Бережковском сельсовете Николай Федорович Лежушкин из карельской деревни Байки тогда был избран секретарем партийной организации Сонковской МТС, в организации на учете состояло 6 коммунистов и 3 кандидата в члены ВКП(б). Он оставался на этой должности до апреля 1941 года.

В январе 1941 года к карельскому Бережковскому сельсовету отнесли две деревни с русским населением из Краснооктябрьского сельсовета – Гостиницы (колхоз «Буревестник») и Заболотье (колхоз «Красный Путь»).

12 февраля 1941 года на партийном собрании Бережковской парт-организации рассмотрели вопрос об объединении колхозов Бережковского сельсовета:

1. Муравьево и Байки.
2. Душково и Шейно.
3. Петряйцево и Поцеп.
4. Горбовец и Калиниха.
5. Бережки, Гремячиха и Климантино.
6. Акиниха, Терехово и Заболотье.

Ответственным за колхозы коммунистам и кандидатам в члены ВКП(б) в срок до 20 февраля 1941 года провести в колхозах собрания. Где-то успели объединиться до войны, где-то нет, объединились:

1. Душково и Шейно – колхоз им. Ленина.
2. Горбовец и Калиниха – колхоз им. Сталина.
3. Бережки, Гремячиха и Климантино – колхоз «Новый Путь».

Прежние колхозы остались в деревнях:

1. Байки – «2-ой областной съезд Советов».
2. Муравьево – «6-ой съезд Советов».
3. Петряйцево – колхоз «Красная Артель».
4. Поцеп – колхоз «За Новый Быт».
5. Акиниха – колхоз «Новая Деревня».
6. Терехово – колхоз «Путь Социализма».

А также присоединенные к Бережковскому сельсовету деревни – Гостиницы (колхоз «Буревестник») и Заболотье (колхоз «Красный Путь»). В карельских деревнях вместо 13 стало 9 колхозов [31].

3 апреля 1941 года на партийном собрании рассматривали вопрос состояния животноводства в колхозе «Красная Артель» (Петряйцево), где за зиму от тяжелых работ на лесозаготовках и бескормицы пали четыре лошади, а также молодняк. Там пятый год председателем работал Федор Иванович Иванов. На собрании постановили снять его с должности председателя, на его место рекомендовали члена ВКП(б) А.А. Быстрову, до того работавшую заведующей молочно-товарной фермой [32].

Иванов Федор Иванович, 1905 года рождения, призван в Красную Армию в 1941 году, рядовой, умер от ран в феврале 1942 года, похоронен на Серафимовском кладбище города Санкт-Петербурга.

Среди крестьян страсти постепенно улеглись, единоличников в деревнях остались единицы, крестьяне стали признавать колхозы,

как неизбежный уклад их жизни. Дети колхозников ходили в Акинихинскую и Бережковскую начальные школы, Карело-Кошевскую семилетнюю школу. Она располагалась в здании бывшей церковно-приходной школы рядом с церковью.

В 1935 году Акинихинскую начальную школу закрыли, учителей Арсения Васильевича Румянцева и Ивана Васильевича Харчикова перевели учителями Карело-Кошевской семилетней школы. А.В. Румянцева избрали секретарем Душковской партячейки, в 1937 году его с семьей поселили в дом арестованного священника А.А. Александра, чья семья мучилась в деревянном сарае, что рядом с их домом, потом уехала в Ленинград.

До войны в каждом из 13 созданных карельских колхозов Карело-Кошевского прихода были построены фермы на 30–40 коров, конюшни на 25–30 лошадей, телятники на 40–50 телят. Строили их колхозные бригады из местных умельцев. В некоторых колхозах успели построить колхозные склады для зерна и новые сенные сараи. В других по-прежнему использовали под зерно и лен, отобранные у крестьян при коллективизации риги, житницы и сараи. В деревне Калиниха открыли родильный дом, в деревне Бережки – фельдшерско-акушерский пункт.

Колхозы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)

*Девочки, война, война,
Девочки, страдания.
Нам теперь и за ребят,
Выполнять задания.*

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. *В тот же день указом Президиума Верховного Совета СССР в числе других в Калининской области было объявлено военное положение.*

В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежали

военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшему командованию войсковых соединений.

За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от **29 декабря 1941 года** с 1942 года был введен военный налог на всех граждан, достигших 18 лет, за редким исключением.

Колхозники и единоличники уплачивали налог в размере от 150 до 600 руб. в год с каждого члена хозяйства.

10 марта 1942 года Калининский облисполком принял решение об использовании на сельскохозяйственных работах крупного рогатого скота – быков, волов (кастрированных быков) и коров.

Своим постановлением от **4 апреля 1942 года** Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) обязали все колхозы, колхозные дворы и единоличные хозяйства поставлять табак и махорку государству для удовлетворения нужд Красной Армии.

13 апреля 1942 года вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» для оказания им помощи.

Мобилизации на сельскохозяйственные работы из числа трудоспособного населения и служащих подлежали лица мужского пола в возрасте от 14 до 55 лет и лица женского пола от 14 до 50 лет.

От мобилизации освобождались женщины, имевшие грудных детей, а также женщины, имевшие детей в возрасте до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними.

Учащихся неполных средних и средних школ поручалось направлять на сельскохозяйственные работы группами раздельно мальчиков и девочек во главе с учителями школ.

В тот же день, **13 апреля 1942 года**, СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим постановлением повысил для колхозников обязательный минимум трудодней.

По Калининской области был установлен минимум до 100 трудодней в год. Установлен обязательный минимум трудодней в году для подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет в размере не менее 50 трудодней в году. Трудоспособные колхозники,

не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней по периодам сельскохозяйственных работ, предавались суду и по приговору народного суда карались исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза.

* * *

Самое тяжелое испытание для населения Советского Союза – Великая Отечественная война. На фронт ушли мужчины призывных возрастов, в деревне остались женщины, девушки, подростки и старики.

23 июня 1941 года в Бережковский сельсовет поступило более 150 повесток следующего содержания: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года о мобилизации приказываю Вам 24 июня 1941 года к 10 часам явиться на сборный пункт райвоенкомата по адресу: пос. Сонково, площадь райисполкома.

С собой иметь приписное свидетельство или военный билет, вещевой мешок, смену чистого белья, кружку, ложку, полотенце, мыло и продукты питания на время следования до места назначения.

За неявку в указанный срок будете привлечены к ответственности по уголовному закону. Райвоенком».

Из 13 карельских деревень Бережковского сельсовета Сонковского района 24 июня 1941 года были мобилизованы в ряды Красной Армии более 150 мужчин 1896–1921 годов рождения. В июне 1942 года были мобилизованы парни 1922–1923 годов рождения, позднее – еще 55 человек, а за всю войну – более 220 человек.

Первое партийное собрание Бережковской парторганизации в условиях военного положения, введенного и в Калининской области, состоялось 4 июля 1941 года. На нем присутствовали 13 коммунистов, 13 комсомольцев и 18 активистов. Обсуждали выступление по радио руководителя страны И.В. Сталина.

Председатель колхоза «Новая Деревня» (Акиниха) Николай Иванович Чистяков заявил: «Мы обеспечим сбор хлеба от колхозников в счет сдачи государству досрочно. Соберем и выплатим государственный заем, соберем продукты для населения и детей эвакуированных из других областей. А если потребуется, то отдадим и свою жизнь за любимую Родину» [33].

На собрании 22 июля 1941 года секретарь Бережковского сельсовета А.Н. Мартовская, проживавшая в деревне Климантино, сказала: «Иван Алексеевич Мартовский, приехавший с принудительных работ с полосы фронта, распространяет ложные слухи в колхозе «Новый Путь». Он говорил, что был в плену у фашистов, там их очень берегли, а наших много убивают на фронте с пушек и самолетов» [34].

На партийном собрании 2 января 1942 года обсуждали вопросы подготовки колхозов к весеннему севу. Председатель колхоза «Новый Путь» (Бережки, Гремячиха, Климантино) Е.Е. Дементьева говорила, что не хватает 148 центнеров семян овса и взять их неоткуда. Если район не поможет, яровые поля останутся незасеянными.

Собрание постановило срочно начать сортировку семян во всех колхозах своими колхозными машинами и решетами вручную. До 10 января провести межколхозный обмен семян и взять у колхозников взаимнообразно семена яровых культур.

Председатель колхоза им. Сталина Е.И. Смирнова продала 6 баранов, не пригодных для стада, чтобы на эти деньги купить ярок. Собрание осудило поступок Смирновой, предложив ей до 15 января 1942 года восстановить разбазаренный скот, иначе она будет привлечена к ответственности. Сохранить в колхозах весь приплод 1942 года и закупить у колхозников весь молодняк месячного возраста.

На том же собрании мой дядя Михаил Яковлевич Головкин был принят из кандидатов в члены ВКП(б). Председатель колхоза «Красная Артель» (Петрайцево) А.А. Быстрова сказала, что Михаил Головкин, как бригадир колхоза, активно помогает ей соблюдать трудовую дисциплину, сам является примером на работе, хорошо ведет агитационную работу среди колхозников [35].

Буквально через 20 дней, на собрании 22 января вновь заслушали Е.Е. Дементьеву, уже работавшую председателем колхоза «2-ой областной съезд Советов» (Байки). Она сказала, что из плана сдачи государству 250 центнеров в колхозе имеется всего 120 центнеров ячменя.

На это председатель сельсовета И.Д. Баруздин заявил, что Дементьева вместо плана вывозки хлебозаготовок старается в первую очередь засыпать колхозные семенные фонды и дать семена колхозникам. Она еще до сдачи хлеба государству допустила распределение зерна на трудодни колхозникам. План хлебозаготовок не выполнен колхозом на 130 центнеров.

Собрание постановило, объявить Е.Е. Дементьевой выговор, в течение 5 дней ей выполнить план хлебозаготовок, а также план засыпки

семян. Иначе будет поставлен вопрос о ее пребывании в партии и на руководящей партийной работе [36].

Из колхозов забрали все исправные трактора и здоровых лошадей. Сонковская МТС, как и все другие, передала Красной Армии большинство тракторов, прицепов и другой техники. В 1941 году большинство исправных тракторов из Сонковской МТС были эвакуированы, через два месяца работники МТС вернулись на свои рабочие места. Самые лучшие трактористы были отправлены в поселок Некоуз Ярославской области для разборки старых тракторов на запчасти и сборки из них рабочих тракторов. После сборки трактора из Некоуза приходили неукomплектованными, оттуда же приходили запчасти в Сонковскую МТС.

Работникам МТС предложили заняться сбором запчастей на своих производственных участках и в колхозах, их там было немало. Например, по колхозам Беляницкого сельсовета была собрана 21 запчасть. К февралю 1942 года из 47 оставшихся в МТС тракторов отремонтировано всего 10, прицепы и сельхозмашины находились в беспорядочном состоянии в колхозах по всей территории зоны МТС. к 15 февраля необходимо было укомплектовать курсы трактористов, из плана 95 человек по состоянию на 12 февраля на курсах обучалось 55 человек.

На открытом партийном собрании 10 марта 1942 года заслушали председателей некоторых колхозов о подготовке к весеннему севу. Председатель колхоза «Красная Артель» (Петрайцево) А.А. Быстрова сообщила, что семена засыпаны полностью, картофель имеется и для государства, и для семян. Сельскохозяйственный инвентарь готов полностью. Заведующая молочно-товарной фермой Нетрусова информировала, что на ферме 46 коров, 15 овец и 27 кур.

Председатель колхоза «Новый Путь» (Бережки, Гремячиха, Климантино) Куликов заявил, что в колхозе недостаток 20 центнеров семян овса и 400 центнеров семян картофеля. Заведующий молочно-товарной фермой этого колхоза М.В. Войлоков сказал, что разбазаренный скот восстановлен, на ферме в Климантино порядок. Скотный двор в Бережках в плохом состоянии, там с января произошел падеж 9 ягнят.

Председатель колхоза «2-ой областной съезд Советов» (Байки) Е.Е. Дементьева говорила, что в колхозе не хватает 42 центнеров семян овса и 76 центнеров семян картофеля. Государственные поставки картофеля колхоз заменяет поставками лука. Для покупки недостающих семян картофеля будут продавать оставшееся сено [37].

На партийном собрании 9 мая 1942 года подводили итоги весеннего сева. Колхозницы колхоза «Новый Путь» Мария Войлокова (дочь раскулаченного в 1931 году Войлокова Федора Васильевича. – А.Г.), Сапожкова и Михайлова на весеннем севе ежедневно пахали по 0,75–0,85 га пашни. За весенний сев каждая вспахала по 17–20 га пашни. Такую же норму ежедневно выполняли колхозники колхоза «Путь Социализма» И.И. Башилов, Ф.В. Румянцев, И. Румянцев, вспахав за сев по 13–15 гектаров каждый. Колхозники колхоза им. Ленина И.М. Мольков, И.Г. Градов, И. Новожилов ежедневно пахали до 1 гектара пашни [38].

Житель деревни Душково Иван Сергеевич Новожилов, 1923 года рождения, был призван в Красную Армию сразу после проведения сева 1942 года, пропал без вести в июле 1943 года. Иван Григорьевич Градов, 1925 года рождения, был призван в Красную Армию в 1943 году, пропал без вести в октябре 1943 года.

Деревенские женщины во время посиделок, праздников, при встречах друг с другом до конца своей жизни вспоминали о войне. Очень жаль, что мы, послевоенные, мало что записали и запомнили из их воспоминаний. Вспоминали, что в годы войны колхозы сдавали хлеб почти даром, по 8 копеек за килограмм ржи, а на рынке килограмм ржаной муки стоил 300 рублей. Голодная деревня понимала цену победы и свято верила в нее, надеясь, что после войны они уж заживут. И отдавала деревня все свои силы, работая на совесть, чтобы прокормить себя, город и бойцов на фронте, где воевали ее пахари и кормильцы.

Девушек и подростков в возрасте 15–16 лет направляли на лесозаготовки в Максатихинский и Лесной районы. В 1944 году в Максатихинский район на лесозаготовки были направлены даже 14-летние подростки: Иванов Владимир (мой отчим), Малютин Алексей, Нетрусов Василий. Некоторых девушек в 16–17 лет на все лето направляли в Редкино на торфоразработки, там они работали весной, летом и осенью, на зиму возвращались домой. По два-три сезона в 1942–1944 годах отработали на торфоразработках Скоробогатова (Голубева) Мария, Тарасова Александра, Тарасова Екатерина из деревни Петряйцево.

В деревне большим дефицитом стали хлеб, соль, спички, чай, сахар, подсолнечное масло, керосин. Ставя хлеба, женщины добавляли в тесто отруби, жмых, мякину, еловую кору. К весне кончалось зерно и мука, из мерзлой картошки готовили крахмал, добавляли в него белый мох и пекли оладьи. Неприятный запах от них шел по всей деревне.

Денег не было, жили за счет обмена имевшихся льняных полотен, полотенец да продуктов со своего приусадебного участка и огорода. Сажали много картошки, лука, моркови, свеклы, огурцов, репы, брюквы. Дополнительно приходилось сеять махорку для сдачи ее государству. Пришлось вырубать кусты крыжовника, смородины, яблони, чтобы не платить за них налог. На заработанные трудовни заставляли брать облигации государственного займа, стоимость которых исключали из заработка колхозников по итогам года.

Женщины, исхудавшие, полуголодные, почерневшие от ветра и солнца, пахали на быках, а то и сами запрягались в плуг. Весенний сев, навозница, сенокос, уборка и молотьба урожая, тербление, расстил и подъем льна, уход за животными – все заботы легли на плечи женщин. Заготавливали дрова по берегам рек, вырубая ольшаник, а утром рано по насту спешили вывести дрова на санках, лошадей не хватало.

В каждой деревне оставили по одному племенному быку, остальные быки были кастрированы для тягла. На них пахали пашню, вывозили сено с лугов, солому с полей. При лесозаготовках работали, хоть и на бракованных, но лошадях, быков не применяли. Мало ли что вздумается ему в лесу, можно остаться без дрог и упряжи, если попрет напрямик, не разбирая дороги.

Осенью 1941 года все жители ближайших деревень были срочно направлены копать траншею в лесу под названием Репенка. Траншея проходила в двух километрах от Поцепа и Петряйцева, ее копали для отражения возможного нападения врага, если он пойдет в наступление от дороги Бежецк–Красный Холм. Эта траншея с блиндажами длиной более одного километра сохранились до настоящего времени. Но фашистов остановили на окраине Калинина, в сторону Кушалина и Бежецка они не прорвались, траншея не понадобилась. Военные, под руководством которых копали траншею, жили в Петряйцеве у председателя колхоза Дмитрия Яковлевича Майорова. Полуголодные колхозники делились с ними хлебом, молоком, картошкой.

Многие в деревнях во время войны вместо спичек использовали кремневое кресало, которым высекали искру для розжига или прикуривая самокрутку с махоркой. Деревенские мужики долгое время после войны прикуривали свои самокрутки от уголька или самокрутки товарища, по привычке экономя спички.

Еще женщины вспоминали, что видели настоящий боевой самолет, на котором прилетал младший брат бригадира колхоза капитан Алексей Яковлевич Майоров. Это было летом 1942 года, их аэродром базировался в 150 километрах от его родной деревни Петряйцево. Летчик посадил самолет на дороге Поцеп–Петряйцево возле речки Теплинка. Самолет окружили деревенские мальчишки, некоторых из них, в том числе своего племянника 7-летнего Майорова Толю, он посадил в кабину и пролетел над деревней, сделав круг. Навестил семью своего брата Дмитрия Яковлевича, немного погостил у него и улетел в свою часть.

Какие вопросы решали во время войны, можно проследить по сохранившимся протоколам партийных собраний колхоза «Новый Путь» (Бережки, Гремячиха, Климантино). Колхоз состоял из трех деревень, имел три бригады, бригадир первой бригады Бархагова (Бережки), второй – Волкова (Климантино), третьей бригады – Пустякова (Гремячиха). До лета 1943 года председателем колхоза работал Баронов Александр Яковлевич, направленный в колхоз из Сонкова. Летом 1943 года его сменила Дементьева Евдокия Алексеевна, 1914 года рождения, Баронов стал работать рядовым колхозником.

На партийном собрании 20 января 1944 года председатель колхоза Дементьева отчиталась о положении дел в колхозе. Сказала, что рожь по государственным поставкам сдана, на складе остались горох и льносемя. Из плана сдачи государству 185 центнеров льноволокна сдано всего 29 центнеров, из плана сдачи льнотресты 200 центнеров сдано всего 37 центнеров. Отставание произошло потому, что с 20 ноября 1943 года по 10 января 1944 года вся рабочая и тягловая сила была переключена на вывозку зерна государству в счет поставок, и на молотьбу зерна на сложной молотилке. Она часто портилась и простаивала, назначенные к сложной молотилке колхозники простаивали из-за поломок сучками.

Колхоз приступил к подготовке к весеннему севу, плуги все собраны и отвезены в кузницу для ремонта. Упряжь для лошадей ремонтируется, льносемя отсортировано, приступили к сортировке семян зерновых культур. На собрании постановили:

1. Организовать круглосуточное мятье льна в двух ригах в две смены.
2. Выделить из трех бригад 11 лошадей для вывозки государству льнотресты.

3. В каждой бригаде выделить по 3 человека престарелого возраста на сортировку семян, которую закончить через 20 дней к 10 февраля 1944 года.
4. Хозяйственникам бригад вместе с бригадирами собрать все телеги, одры, бороны, плуги, колеса, упряжь, проверить их и приступить к ремонту неисправных [39].

Все тяжелые военные годы председателями пяти из девяти карельских колхозов были женщины:

- Евдокия Ивановна Смирнова – колхоз им. Сталина (Горбовец, Калиниха).
- Евдокия Елисеевна Дементьева – колхоз «2-ой областной съезд Советов» (Байки), с лета 1943 года – председатель колхоза «Новый Путь». Попытались заменить ее в конце войны Михайловым, затем Зайцевым, но у тех не получилось.
- Анна Николаевна Быстрова – колхоз «Красная Артель» (Петряйцево), летом 1946 года ее сменил вернувшийся с фронта Майоров Дмитрий Яковлевич.
- Анна Ивановна Круглова – колхоз «За Новый Быт» (Поцеп). После войны пытались ее менять на вернувшихся фронтовиков Гаврилова, Соколова, потом Карпова, но снова колхозники просили вернуться председателем Круглову.
- Смирнова – «6-ой съезд Советов» (Муравьево), летом 1946 года ее сменил И.В. Романов, а через год – Смирнов.

За годы войны не вернулись домой 125 земляков, из них 61 человек пропали без вести на фронтах войны, и их дальнейшую судьбу уже никто не установит. Только в июле 1943 года пропали без вести 22 карела, возможно «корела вся вместе», как писали бойцы с фронта.

Погибли 5 мужчин из деревни Акиниха, 16 человек из деревни Байки, 13 мужчин из деревни Бережки. Не вернулись домой 7 защитников из деревни Горбовец, 7 – из деревни Гремячиха, 14 – из деревни Душково. Остались на полях сражений 7 мужчин из деревни Калиниха, 8 – из деревни Климантино, 15 – из деревни Муравьево. Не дождалась своих отцов и братьев: 12 в деревне Петряйцево, 12 – в деревне Поцеп, 7 – в деревне Терехово, 5 – в деревне Шейно [40].

***Карелы Карело-Кошевского прихода, погибшие
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов***

Деревня Акиниха

Грибов Иван Иванович, 1910 г. р., рядовой, пропал без вести в августе 1942 года.

Маслов Василий Федорович, 1915 г. р., умер от ран в феврале 1945 г., похоронен в городе Перми.

Матвеев Иван Иванович, 1918 г. р., рядовой, пропал без вести в декабре 1941 года.

Мельников Михаил Андреевич, 1909 г. р., рядовой, пропал без вести в марте 1943 года.

Морев Александр Степанович, 1913 г. р., рядовой, пропал без вести в сентябре 1941 года.

Деревня Байки

Быстров Алексей Иванович, 1923 г. р., рядовой, пропал без вести в марте 1943 года.

Бычков Михаил Андреевич, 1918 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Виноградов Иван Алексеевич, 1924 г. р., сержант, умер от болезни в июле 1944 года, похоронен в д. Магунай Швенченского района, Литва.

Елисеев Иван Васильевич, 1900 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Зайцев Петр Иванович, 1919 г. р., рядовой, погиб в октябре 1943 г., похоронен в селе Кривоз Чернобыльского района Киевской области.

Кузнецов Василий Иванович, 1909 г. р., сержант, пропал без вести в июле 1943 года.

Кузнецов Михаил Иванович, 1913 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Куликов Николай Иванович, 1926 г. р., рядовой, погиб в августе 1944 года, похоронен в д. Винишке Вилкевшинского района, Литва.

Лежушкин Михаил Петрович, 1906 г. р., умер от ран в марте 1943 года, похоронен в г. Кувшиново Тверской области.

Михайлов Иван Арсентьевич, 1924 г. р., младший сержант, погиб в феврале 1945 г., похоронен в г. Будофок, пригороде Будапешта.

Николаев Николай Васильевич, 1919 г. р., рядовой, пропал без вести в сентябре 1941 года.

Пекин Иван Гаврилович, 1908 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Румянцев Дмитрий Алексеевич, 1900 г. р., рядовой, умер от ран в феврале 1942 года, похоронен в городе Волхове Ленинградской области.

Сергеев Алексей Иванович, 1916 г. р., старшина, погиб в апреле 1945 года, похоронен в селе Джуксте Тукумского района, Латвия.

Смирнов Георгий Иванович, 1915 г. р., младший командир, умер от ран в 1942 году, похоронен в пос. Будогощь Киришского района Ленинградской области.

Степанов Павел Степанович, 1910 г. р., старший сержант, умер от ран в октябре 1943 года, похоронен на Пятницком кладбище г. Калуги.

Деревня Бережки

Бобров Иван Михайлович, 1912 г. р., сержант, умер от ран в декабре 1943 года, похоронен в д. Бор Гомельской области.

Зубов Александр Григорьевич, 1899 г. р., рядовой, погиб в январе 1944 года, похоронен в д. Большое Печелево Гатчинского района Ленинградской области.

Зубов Александр Иванович, 1919 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Зубов Михаил Александрович, 1920 г. р., младший лейтенант, погиб в июле 1941 года.

Козлов Василий Алексеевич, 1903 г. р., рядовой, пропал без вести в октябре 1941 года.

Козырев Михаил Иванович, 1904 г. р., рядовой, пропал без вести в октябре 1943 года.

Кренделев Алексей Федорович, 1909 г. р., погиб в феврале 1942 года, похоронен в пос. Успенское Чудовского района Новгородской области.

Кренделев Борис Федорович, 1907 г. р., рядовой, пропал без вести в мае 1944 года.

Кренделев Иван Федорович, 1899 г. р., рядовой, пропал без вести в сентябре 1941 года.

Кренделев Михаил Иванович, 1918 г. р., младший сержант, пропал без вести в сентябре 1941 года.

Кутузов Иван Егорович, 1905 г. р., сержант, умер от болезни в феврале 1942 года, похоронен в Ленинградской области.

Смирнов Иван Михайлович, 1917 г. р., рядовой, погиб в декабре 1942 года, похоронен в д. Белокурово Зубцовского района Тверской области.

Соколов Иван Елисеевич, 1921 г. р., погиб в марте 1945 года, похоронен в д. Корнево Багратионовского района Калининградской области.

Деревня Горбовец

Белов Михаил Алексеевич, 1923 г. р., рядовой, пропал без вести в декабре 1944 года.

Голубев Иван Васильевич, 1917 г. р., сержант, погиб в феврале 1944 года, похоронен в пос. Синимээ Кохтла-Ярвского района, Эстония.

Дмитриев Арсений Арсентьевич, 1916 г. р., рядовой, погиб в августе 1941 года, похоронен в д. Язвище Ленинградской области.

Кузьмин Василий Иванович, 1913 г. р., рядовой, умер от ран в январе 1942 года.

Румянцев Николай Алексеевич, 1901 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Смирнов Василий Константинович, 1916 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Чистяков Иван Сергеевич, 1911 г. р., рядовой, умер от ран в сентябре 1941 года, похоронен на Пискаревском кладбище г. Санкт-Петербурга.

Деревня Гремячиха

Белоусов Николай Ильич, 1897 г. р., сержант, погиб в августе 1943 года, похоронен в д. Рябки Ярцевского района Смоленской области.

Корсаков Алексей Михайлович, 1921 г. р., рядовой, пропал без вести в 1943 году.

Куликов Иван Васильевич, 1918 г. р., рядовой, погиб в феврале 1944 года, похоронен в Польше.

Мартовский Александр Никитович, 1922 г. р., младший сержант, погиб в августе 1944 года, похоронен в д. Плюсики Белостокского района, Польша.

Пустяков Иван Федорович, 1914 г. р., сержант, пропал без вести в сентябре 1941 года.

Уткин Николай Иванович, 1925 г. р., рядовой, пропал без вести в мае 1943 года.

Деревня Душково

Абрамов Михаил Егорович, 1911 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Баруздин Николай Иванович, 1922 г. р., умер в марте 1944 года, похоронен в д. Званое Полоцкого района Витебской области.

Быстров Иван Ильич, 1903 г. р., рядовой, погиб в октябре 1941 года, похоронен в д. Посадников Остров Киришского района Ленинградской области.

Градов Иван Григорьевич, 1925 г. р., рядовой, пропал без вести в октябре 1943 года.

Лебедев Яков Егорович, 1910 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Морев Алексей Петрович, 1911 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Морев Николай Павлович, 1908 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Новожилов Иван Сергеевич, 1923 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Орлов Петр Алексеевич, 1921 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Смирнов Василий Иванович, 1917 г. р., рядовой, умер от ран в декабре 1941 года.

Смирнов Дмитрий Иванович, 1920 г. р., дата гибели не установлена, похоронен в д. Залучье Старорусского района Новгородской области.

Степанов Анатолий Петрович, 1925 г. р., рядовой, погиб в октябре 1943 года, похоронен в д. Вербное Лиозненского района Витебской области.

Деревня Калиниха

Демин Дмитрий Сергеевич, 1918 г. р., пропал без вести январе 1944 г.

Мурышкин Григорий Иванович, 1911 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Сергеев Алексей Иванович, 1918 г. р., политрук, погиб в мае 1945 года, похоронен в г. Выборге Ленинградской области.

Чернов Василий Дмитриевич, 1916 г. р., сержант, погиб в январе 1943 года, похоронен в д. Чухолово Шаховского района Московской области.

Чернов Иван Дмитриевич, 1921 г. р., умер от ран в мае 1942 года, похоронен в пос. Парфино Старорусского района Новгородской области.

Чернов Петр Дмитриевич, 1909 г. р., рядовой, пропал без вести в августе 1941 года.

Шатаев Иван Васильевич, 1923 г. р., рядовой, пропал без вести в марте 1942 года.

Деревня Климантино

Белоусов Петр Иванович, 1918 г. р., пропал без вести в сентябре 1941 года.

Войлоков Евгений Иванович, пропал без вести в мае 1942 года.

Волков Иван Александрович, 1916 г. р., рядовой, пропал без вести в сентябре 1941 года.

Горбунов Михаил Андреевич, 1909 г. р., рядовой, погиб в марте 1943 года, похоронен на склоне горы Вангидолского перевала, Азербайджан.

Захаров Борис Николаевич, 1923 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Мартовский Петр Михайлович, 1915 г. р., рядовой, умер от ран в сентябре 1942 года, похоронен в д. Николаевка Донецкой области.

Постников Василий Иванович, 1914 г. р., рядовой, пропал без вести в январе 1942 года.

Сапожков Николай Алексеевич, 1907 г. р., умер в октябре 1942 года.

Деревня Муравьево

Виноградов Михаил Дмитриевич, 1924 г. р., рядовой, пропал без вести в сентябре 1943 года.

Гордеев Иван Ефимович, 1924 г. р., рядовой, пропал без вести в апреле 1943 года.

Гордеев Михаил Петрович, 1924 г. р., сержант, погиб в декабре 1943 года, похоронен в Рассонском районе Витебской области.

Максимов Павел Максимович, 1921 г. р., погиб в мае 1944 года, похоронен на хуторе Белебек в Крыму.

Носов Павел Григорьевич, 1911 г. р., рядовой, умер от ран в августе 1943 года, похоронен в селе Шестаково Волчанского района Харьковской области.

Орлов Федор Иванович, 1893 г. р., рядовой, погиб в июле 1943 года, похоронен в д. Дрогачево Нелидовского района Тверской области.

Попов Михаил Ефимович, 1906 г. р., младший сержант, погиб в марте 1945 года, похоронен в г. Струнить Бельского уезда, Польша.

Попов Николай Иванович, 1910 г. р., рядовой, пропал без вести в мае 1943 года.

Постников Василий Иванович, 1913 г. р., рядовой, пропал без вести в ноябре 1941 года.

Румянцев Иван Васильевич, 1905 г. р., пропал без вести в июле 1943 г.

Румянцев Иван Константинович, 1905 г. р., рядовой, пропал без вести в сентябре 1941 года.

Скурлов Григорий Петрович, 1902 г. р., рядовой, пропал без вести в октябре 1942 года.

Смирнов Михаил Васильевич, 1896 г. р., рядовой, умер от ран в марте 1944 года, похоронен в д. Заполье Витебского района Витебской области.

Смирнов Петр Иванович, 1918 г. р., политрук, погиб в 1942 году.

Травкин Василий Михайлович, 1919 г. р., младший сержант, погиб в мае 1943 года, похоронен в г. Новороссийске Краснодарского края.

Деревня Петряйцево.

Борисов Иван Михайлович, 1918 г. р., сержант, пропал без вести в апреле 1945 года.

Быстров Василий Васильевич, 1902 г. р., пропал без вести в сентябре 1941 года.

Быстров Михаил Иванович, 1923 г. р., рядовой, пропал без вести в январе 1942 года.

Головкин Петр Яковлевич, 1921 г. р., рядовой, пропал без вести в январе 1942 года.

Иванов Федор Иванович, 1905 г. р., рядовой, умер от ран в феврале 1942 года, похоронен на Серафимовском кладбище г. Санкт-Петербурга.

Калачев Василий Егорович, 1909 г. р., погиб в октябре 1943 года.

Лобанов Николай Алексеевич, 1907 г. р., погиб в феврале 1944 года, похоронен в д. Новины Кнышевского района Белостокской области, Польша.

Майоров Михаил Яковлевич, 1906 г. р., рядовой, пропал без вести в августе 1941 года.

Малютин Василий Иванович, 1919 г. р., сержант, пропал без вести в июле 1943 года.

Нетрусов Иван Семенович, 1906 г. р., рядовой, умер от болезни в декабре 1942 года, похоронен в д. Зеновское Зубцовского района Тверской области.

Фомичев Иван Васильевич, 1898 г. р., погиб в декабре 1943 года, похоронен в г. Новосколяники Псковской области.

Фомичев Илья Андреевич, 1920 г. р., младший сержант, пропал без вести в июле 1943 года.

Деревня Поцеп

Бантов Иван Федорович, 1899 г. р., рядовой, погиб в феврале 1943 года, похоронен в селе Морозовка Харьковской области.

Визюркин Михаил Иванович, 1914 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Костров Петр Петрович, 1908 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Круглов Алексей Алексеевич, 1919 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Круглов Дмитрий Кузьмич, 1899 г. р., рядовой, погиб в июле 1942 года, похоронен в д. Широково Смоленской области.

Майоров Иван Александрович, 1911 г. р., рядовой, погиб в июле 1942 года.

Марков Петр Арсентьевич, 1915 г. р., рядовой, погиб в марте 1942 года, похоронен в д. Маклаки Думиничского района Калужской области.

Чесноков Алексей Михайлович, 1910 г. р., рядовой, пропал без вести в марте 1945 года.

Чесноков Иван Васильевич, 1906 г. р., рядовой, погиб в январе 1944 года, похоронен в д. Веси Островского района Псковской области.

Чесноков Михаил Иванович, 1897 г. р., рядовой, пропал без вести в январе 1942 года.

Чесноков Михаил Михайлович, 1921 г. р., младший сержант, погиб в апреле 1944 года.

Чесноков Николай Михайлович, 1925 г. р., пропал без вести в июле 1943 года.

Деревня Терехово

Басков Григорий Александрович, 1919 г. р., умер от ран в марте 1943 года, похоронен на Пошехонском кладбище г. Вологды.

Басков Михаил Александрович, 1913 г. р., погиб в августе 1942 года, похоронен в д. Новогригорьевка Волгоградской области.

Башилов Иван Васильевич, 1924 г. р., рядовой, погиб в марте 1944 года, похоронен в Дубровинском районе Витебской области.

Борисов Михаил Иванович, 1919 г. р., погиб в августе 1944 года, похоронен в г. Гулбене, Латвия.

Румянцев Иван Федорович, 1923 г. р., лейтенант, погиб в феврале 1945 года.

Тучкин Александр Федорович, 1920 г. р., умер от болезни в сентябре 1942 года.

Шувалов Иван Иванович, 1919 г. р., лейтенант, погиб в апреле 1942 года.

Деревня Шейно

Кононов Алексей Иванович, 1916 г. р., лейтенант, пропал без вести в августе 1943 года.

Кононов Дмитрий Михайлович, 1900 г. р., рядовой, пропал без вести в июле 1943 года.

Кононов Николай Васильевич, 1923 г. р., рядовой, погиб в феврале 1944 года, похоронен в г. Доно Ровенской области.

Кононов Петр Григорьевич, 1923 г. р., сержант, погиб в августе 1942 года, похоронен в д. Лукашкино, Темкинского района Смоленской области.

Чуркин Иван Иванович, 1913 г. р., рядовой, погиб в августе 1943 года, похоронен в д. Мощеное Знаменского района Орловской области.

Демобилизация военнослужащих проходила с июня 1945 по март 1948 года в несколько этапов. В карельские деревни вернулись немногие, оставшиеся в живых, искалеченные и раненные мужчины. В деревню Петряйцево в начале зимы 1945 года с фронта пришел контуженный с перебитыми ногами Михаил Голубев. Вернулись израненные Петр Соколов, Петр Старшов, Иван Фомичев и, пожалуй, всё. Позднее вернулся с Дальнего Востока Николай Нетрусов.

Женщины, старики и дети, порою нечеловеческими усилиями, выдержали на своих плечах колхозы во время войны. Занятия в Карело-Кошевской школе в 1941 году начались с 1 ноября, пока дети не помогли взрослым убрать с полей картошку. В 1942–1944 годах занятия в школе начинались с 1 октября, все лето и сентябрь учащиеся работали

в поле наравне с взрослыми. Они пахали на лошадях, боронили, сеяли, вывозили навоз. Сразу после войны некоторые семьи, в том числе Быстровых, Нетрусова Петра, Нетрусовых-Лаврентьевых из деревни Петрайцево вместе с детьми уехали жить в Ленинград.

Восстановление колхозов после войны (1945–1949 годы)

*Пошлю Сталину приветик,
И частушку в его честь.
Научил меня в колхозе
Он работать и не есть.*

4 июня 1947 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества каралась заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации.

Хищение государственного имущества, совершенное повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах каралось заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до двадцати пяти лет с конфискацией имущества.

Недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, каралось лишением свободы на срок от двух до трех лет или ссылкой на срок от пяти до семи лет.

14 декабря 1947 года ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР приняли постановление «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленный товары».

* * *

После Великой Отечественной войны началось восстановление колхозов, бывших в упадке, которое требовало много людских сил, когда резко сократилось число жителей. Не исключением были де-

ревни Бережковского и Душковского сельсоветов, например, если в 1930 году в деревне Поцеп было 190 человека, то в 1961 году – 59 жителей или в 3,2 раза меньше.

Волевых, порою волюнтаристских решений сверху было тогда предостаточно. Война кончилась, но от деревни требовали работы из последних сил, с надрывом, чтобы государство могло встать на ноги. Указывая сверху, когда, что и сколько надо сеять в том или ином колхозе, чтобы выполнить план, многие районные и областные руководители отторгали от себя деревенский мир и крестьянский уклад жизни. Городским руководителям, плохо знающим деревню, было безразлично, как там выживают голодные колхозники и голодная скотина, им нужно было выполнение государственного плана по всем показателям.

На партийных собраниях Бережковской парторганизации большое внимание уделяли проведению весеннего сева в первую послевоенную весну.

На собрании 6 июня 1945 года было отмечено, что колхозы Бережковского сельсовета той весной увеличили посевные площади на 15–17%. В военные годы колхозы давали стране и Красной Армии хлеба, а промышленности – сырья в 5–7 раз больше, чем до войны. Партийное собрание постановило:

1. Запретить председателям и правлениям колхозов без решения общих собраний раздавать земли отдельным организациям.
2. Запретить превышение приусадебных участков по колхозам Бережковского сельсовета, а там, где это наличествует, отрезать в пользу колхоза.
3. Запретить колхозникам держать скота больше, чем положено по уставу. В течение 2 декад (20 дней. – А.Г.) продать по одной корове или обобществить на молочно-товарные фермы колхоза, в том числе: Тимофееву Е. – Душково, Орловой М.И. – Терехово и Колобову М.М. – Горбовец.
4. Запретить колхозникам, начиная с озимого сева 1945 года, высевать зерновые культуры на своих приусадебных участках.
5. Запретить эвакуированным жителям, выезжающим в Ленинград и другие города, передавать посаженные участки другим жителям, а передавать их непосредственно в колхозы.
6. Разрешить председателям и правлениям колхозов отрезать в пользу колхоза приусадебные участки у колхозников, которые

не участвуют в труде, и у престарелых жителей, оставив им до 15 соток [41].

На собрании коммунистов 31 августа 1945 года отмечали, что в колхозах плохо обстоит дело со сбором колосьев на полях после уборки урожая. Развелось много волков, которые нападают на лошадей. Собрание предупредило всех председателей колхозов, что они несут ответственность за случаи нападения волков на лошадей, так как им уже было вынесено письменное предупреждение [42].

Лошадь на протяжении многих веков оставалась надежным помощником человека. Она была основным средством передвижения из деревни в деревню, на рынок, в гости – летом на телеге или одре, зимой – на санях. В хозяйстве она была незаменима, оставаясь основной тягловой силой и выполняя все тяжелые работы: пахоту, боронование, сев, косьбу конными косилками, вывозку зерна, льна, сена, соломы. Не щадили лошадей, как и людей, на лесозаготовках, некоторые из них дошли из-за перегрузок. Не случайно, деревенские жители старались беречь лошадей и внимательно ухаживать за ними, но это не всегда получалось из-за нехватки кормов.

Партийное собрание 30 января 1946 года обратило внимание председателей на состояние лошадей в колхозах. Ветврач Бережковского ветеринарного пункта Моряков заявил, что в колхозах «Красный Путь» (Заболотье), им. Сталина (Горбовец, Калиниха), «6-ой съезд Советов» (Муравьево) 11 лошадей истощены. Еще 56 лошадей во всех колхозах ниже средней упитанности. Постановили истощенных лошадей поставить на отдых, а ниже средней упитанности перевести на более легкую работу. Падеж лошадей в колхозе «2-ой областной съезд Советов» (Байки) отнести на виновных.

Нужно отметить, что в зимних условиях более легкой работой для лошадей была вывозка сена и соломы с полей, а также вывозка льнотресты на льнозавод. Тяжелыми считались работы на лесозаготовках, вывозке навоза с ферм, силоса на фермы и зерна в мешках в районный центр.

На весеннем севе 1946 года хорошо поработала Бережковская тракторная бригада Сонковской МТС, она выполнила план на 175%. Передовые трактористы этой бригады Русаков и Смирнов выполнили план сева на 200% к 1 мая. Из 7 тракторных бригад Сонковской МТС лишь одна Бережковская бригада к 10 июня приступила к подъему паров, вспахав всего 16 гектар, другие бригады к подъему паров к тому времени не приступали.

Бригадиром Бережковской тракторной бригады тогда был член ВКП(б) Блинов Михаил Николаевич из деревни Горбовец, сын раскулаченного в 1933 году Н.Ф. Блинова. На партийном собрании 28 сентября 1946 года он говорил, что трактористы вынуждены часто приобретать запчасти за счет колхозов. Это неправильно, дирекции МТС надо самой покупать запчасти, а не надеяться на колхозы.

Секретарем парторганизации Сонковской МТС с 1946 по 1948 годы был избран фронтовик Иван Иванович Сулов из карельской деревни Климантино, до войны в 1939 году работавший председателем колхоза «Новый Путь» [43].

Тяжелым выдался для колхозников 1947 год из-за затяжной дождливой весны, за урожай волновались председатели колхозов, колхозники и руководители. На партийном собрании 11 мая 1947 года председатели отчитывались за состояние весеннего сева. К тому времени карельские колхозы оставались прежними, кроме «Нового Пути», который разделился на два колхоза. Колхоз «Новый Путь» остался в деревне Климантино, а деревни Бережки и Гремячиха объединились в колхоз «Дружба», карельских колхозов стало десять.

Колхоз им. Сталина (Горбовец, Калиниха) имел под весенний сев 180 га пашни, к 11 мая было вспахано всего 70 га, засеяно 46 га. Из-за сырой почвы пахари пахали сначала всего по 20 соток в день, позднее – по 60 соток, а пахари Белов и Григорьев – по 70 соток.

Колхоз «Дружба» (Бережки, Гремячиха) должен засеять весной 155 га, вспахано и засеяно 47 га. Колхозники Белоусов, Кутузов пахали по 75 соток в день, лошади очень слабые, истощенные, за время сева вышли из строя 2 лошади.

Колхоз «2-ой областной съезд Советов» (Байки) – план по севу 124 га, вспахано 44 га, засеяно 33 га, пахари пашут не менее 67 соток в день.

Колхоз им. Ленина (Душково, Шейно) – план ярового сева 155 га, вспахано 85 га, посеяно 46 га. Лошади в сутки получают по 16 кг сена и 3 кг овса. Хорошо работают на пахоте Градов, Соколов, Петров, Кононов.

В постановлении собрания от 11 мая 1947 года были отмечены передовые колхозы на весеннем севе: «Буревестник» (Гостиницы), «Путь Социализма» (Терехово), им. Ленина (Душково, Шейно), «Красный Путь» (Заболотье) и «За Новый Быт» (Поцеп).

Отстающим колхозам дали срок в 10 дней на выполнение плана. 27 мая снова рассматривали ход весеннего сева в колхозах Бережковс-

кого сельсовета, заслушав председателей 8 колхозов из 12, на тот день ситуация была следующей:

Колхоз	План	Посеяно
«Буревестник»	125	104
«2-ой областной съезд Советов»	124	70
Имени Сталина	185	152
«Красная Артель»	109	83
«Новая Деревня»	80	80
«Дружба»	155	155
«6-ой съезд Советов»	77	68
«Новый Путь»	114	103

В постановлении собрания отметили, что не справились с планом весеннего сева шесть колхозов, обязать председателей этих колхозов закончить весенний сев к 30 мая. Те колхозы, которые выполнили план по севу, обязать до 1 июня засеять в каждом сверх плана по 20 га, для чего засыпать необходимое количество семян.

21 мая 1947 года на партийном собрании коммунистов Сонковской МТС заслушали работу Бережковской тракторной бригады. В постановлении собрания отмечалось, что Бережковская тракторная бригада правильно поняла историческое постановление февральского пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период».

Бригада на 20 мая выполнила планы весеннего сева в 9 обслуживаемых колхозах Бережковского сельсовета, качество работы хорошее и отличное. Бригадир М.Н. Блинов сумел сплотить коллектив трактористов в дружную семью, ликвидировав безответственность и панибратство, организовал двухсменную работу трактористов. Бригада взяла дополнительные обязательства до конца весеннего сева довести выработку до 700 гектар.

Секретарь Бережковской партийной организации А.В. Румянцев (директор школы) 6 июля 1947 года отчитался по итогам весеннего сева. Он заявил, что сельсовет с весенним севом справился, посеяли 1476 га яровых культур вместо плана в 1442 га, выполнив его на 103% [44].

Здесь и во многих других протоколах партийных собраний ярко прослеживается тезис, что при положительных показателях хорошо сработала парторганизация. При срывах выполнения государствен-

ного плана и других недостатках ответственность возлагали на председателей или правление колхоза.

Долгое время после войны в колхозах не хватало техники, инвентаря, минеральных удобрений, кормов. Многие колхозы оставались убыточными, чрезвычайно низкая оплата труда по итогам календарного года вызывала большой отход трудоспособного населения из деревни в город.

К тому же неразумное планирование и централизация управления сельскохозяйственным производством вплоть до определения посевных площадей тех или иных культур и количества скота в хозяйствах, нанесли удар по экономике колхозов, и без того влачивших жалкое существование. Экономическое развитие колхозов было поставлено в жесткие рамки натурального продуктообмена, носившего налоговый характер.

У колхозов изымалась подавляющая доля продукции различными путями: обязательные заготовки, натуральные платежи МТС, сельскохозяйственный налог. С колхозников взимались высокие налоги на приусадебный участок, личный скот, ульи, фруктовые деревья и ягодники. Во многих колхозах, выполнивших план государственных поставок, заплативших МТС за работу по договорам, заплативших налоги, колхозники оставались без хлеба и молока. Коровы, как в колхозах, так и в личных хозяйствах были сданы на мясопоставки, зерно тоже все сдали государству. Основным источником жизни колхозников оставалось личное подсобное хозяйство – оставшийся скот, домашняя птица, огород и усадьба для сенокоса.

Задавленные непосильными налогами колхозы искали выход из положения, самочинно перечисляя часть закрепленных за ними земель в угоды, с которых не начислялись обязательные поставки, предоставляли отдельным колхозникам льготы, освобождая их от обязательных поставок продукции. Подобные нарушения действующих законов жестко пресекались властью.

В 1947 г. в МТС были восстановлены политотделы, одной из функций которых был контроль над сдачей колхозниками продукции государству. Колхозам, колхозникам и единоличным крестьянским хозяйствам запрещалась продажа и обмен зерна, муки, крупы, печеного хлеба до выполнения ими плана сдачи продукции государству в полном объеме. В случае невыполнения директив партии и правительства председателям колхозов грозило снятие с должности и перспектива оказаться на скамье подсудимых.

Такая участь грозила председателю колхоза «Новый Путь» (Климантино) Евдокии Елисеевне Дементьевой. К 1 октября 1947 года колхоз полностью выполнил государственные поставки хлеба и зерна. Но к тому времени к обработке льна и сдаче его государству не приступали, даже не весь лен был поднят со стлищ. На партийном собрании строго постановили выполнить государственную поставку льна к 5 ноября 1947 года, мобилизовав на это направление всех колхозниц. Всех колхозников, занятым на обработке льна, обеспечить дополнительной оплатой хлебом и деньгами [45].

С 1948 года увеличили ставку денежного налога с дохода колхозника, до 2 тысяч – 220 рублей, 2–3 тысячи дохода – 220–350 рублей. Доходность одной коровы при этом установили в 2540 рублей, за нее платили налог в 198 рублей. Хозяйству колхозника нужно было поставить государству 250 литров молока в год, если молока не было, то натуральный налог брали другими продуктами – мясом, маслом, овощами.

При этом закупочные цены государства были минимальными. Так один литр молока в 1947 году на рынке стоил 5 рублей, в 1950 году – 2,7 рубля, а государство закупало у колхозников молоко в счет обязательных поставок по 25 копеек за литр. Оно покупало мясо у колхозников по обязательным поставкам по цене 14 коп. за килограмм, а на рынке в 1947 году оно стоило 32 рубля, в 1950 году – 11,4 рубля за килограмм. Один килограмм сливочного масла у колхозников государство закупало по 4,5 рубля, а продавало через государственную торговлю в 1947 году по 66 рублей.

Кроме молока каждое хозяйство было обязано поставить 40–60 кг мяса, до 150 штук яиц, а также шерсть, зерно и картофель. Третья часть хозяйств не справлялась с обязательными поставками и числилась должниками. Лишь со снижением натурального налога в 1953 году после смерти И.В. Сталина число неплательщиков сократилось до 12% [46].

9 января 1948 года партийное собрание Бережковской парторганизации поручило всем коммунистам выехать вместе с колхозниками в Вельегонск на лесозаготовки. С собой взять необходимое количество сена и фуража для кормления лошадей. План лесозаготовок выполнить к 1 февраля, а план вывозки леса – к 1 марта 1948 года.

20 февраля на собрании рассмотрели ход выполнения плана лесозаготовок. Из плана 2880 кубометров леса заготовлено к тому времени 1880 кубометров. Одна из причин невыполнения плана в том,

что в период с 12 по 20 февраля все лесорубы, возчики, в том числе и коммунисты, выехали на лошадях за 100 километров домой на празднование религиозного праздника Сретенье. Собрание обязало, всем коммунистам 22 февраля выехать в Весьегонск, и не выезжать оттуда до полного выполнения плана лесозаготовок колхозами [47].

В январе 1949 года на колхозных собраниях произошло разделение колхозов. Колхоз им. Ленина разделился на два – колхоз «Завет Ильича» (Душково) и им. Ленина (Шейно). Председателем колхоза «Завет Ильича» избрали Новожилова Петра Сергеевича, имени Ленина – Морева Андрея Петровича.

Колхоз им. Сталина также разделился на два колхоза – колхоз «Красный Пролетарий» (Калиниха) и им. Сталина (Горбовец). Председателем колхоза «Красный Пролетарий» избрали Евдокию Ивановну Смирнову, колхоза им. Сталина – Ивана Михайловича Лебедева. Таким образом, с января 1949 года в Бережковский сельсовет входили 12 карельских колхозов и 2 колхоза с русским населением – «Буревестник» (Гостиницы) и «Красный Путь» (Заболотье).

Вместе с взрослыми колхозниками тяготы послевоенного восстановления несли на своих плечах комсомольцы в возрасте 17–18 лет. Хрупкие девушки валили лес, грузили кряжи и бревна на сани и волокуши, вывозя их из леса. Они наравне с мужчинами двуручной пилой валили деревья, топором обрубали сучья, распиливали деревья на кряжи и бревна. Грузили эти кряжи и бревна с помощью еловых колец на сани, вывозили из леса и разгружали с саней. Не выдерживали лошади, а им приходилось выдерживать.

На собрании 18 февраля 1948 года секретарь комсомольской организации колхоза «Новый Путь» (Климантино) отчиталась о ходе проведения лесозаготовок. На заготовке и вывозке древесины в Весьегонском леспромхозе участвовали все комсомольцы организации – 6 человек. Комсомольцы М.И. Чистяков и М.М. Войлоков ежедневно выпиливали по 3 кубометра плотной древесины. Комсомольцы Корольков, Ляпкин, Белов и Чистяков за 7 рабочих дней вывезли более 100 кубометров древесины.

В тот же день на собрании комсомольцев колхоза «За Новый Быт» (Поцеп) секретарь комсомольской организации А.Г. Филиппова говорила, что все комсомольцы организации участвовали в вывозке леса в Весьегонском леспромхозе. Заведующий молочно-товарной фермой комсомолец Соколов Михаил Иванович за 7 дней вывез 32 кубомет-

ра дров. Бригадир колхоза, комсомолец Фролов Василий Алексеевич вывез 50 кубометров дров, колхозник Жемчугов Михаил Иванович – 30 кубометров дров. Комсомолки Т. Соколова и А. Филиппова за 7 рабочих дней вывезли 30 кубометров дров [48].

Колхозные комсомольцы собирали местные удобрения – золу и птичий помет, готовили к весеннему севу семена, сельхозтехнику и лошадиную упряжь. Девушки из деревни Климантино Сапожкова и Мартовская в феврале 1948 года собрали 7 центнеров золы. Комсомольцы колхоза «За Новый Быт» (Почеп) зимой 1948 года приняли активное участие в сортировке семян, Баюнова Нюша и Чеснокова Нина собрали 6 центнеров золы [49].

При подготовке к севу, на собрании в колхозе им. Ленина (Шейно) 10 января 1948 года были организованы 3 семеноводческих звена, по одному звену в каждой бригаде. Звеньевыми назначены бригадиры: 1-го звена – Абрамова Наталья Ивановна, 2-го звена – Морева А.И., 3-го звена – Кононова Екатерина Арсеньевна.

Накануне массовых работ по уборке урожая, 30 июля 1949 года на собрании коммунистов Сонковской МТС отмечалось, что в работу запущена всего одна льнотеребилка из семи, из 8 молотилок на участки отправлено 5, три молотилки ремонтируются. Плохо ремонтируют мяльно-трепальные машины (по имени конструктора Сергеева их называли «серегеевки». – А.Г.). Плохо обстояли дела с ремонтом рядовых сеялок и конных жаток, из 4 имеющихся грузовых машин неисправны 2 машины.

Бригадир Бережковской тракторной бригады М.Н. Блинов сказал, что из 6 тракторов работали всего 3, два на ремонте, один трактор НАТИ совершил аварию. Льнотеребилка к работе не готова, сеялка неисправна, ее надо ремонтировать, чтобы проводить озимой сев. Не была исправна клеверотерка, молотилки исправны и работать будут.

В ответ на критику руководства МТС, лучшего бригадира тракторной бригады М.Н. Блинова дважды подряд обсуждали на партийных собраниях. На собрании 20 сентября 1949 года отмечали, что выполнение плана Бережковской тракторной бригадой проходит крайне неудовлетворительно. Бригадир М.Н. Блинов потерял ответственность и стал работать хуже, чем в прошлые годы. Из плана тракторных работ в 3330 гектар выполнено к 20 сентября 77%. Бригадир Блинов слабо организует работу трактористов и не требует с них нормы выработки.

Собрание тогда приняло к сведению заявление Блинова, что план тракторных работ будет выполнен к 10 октября 1949 года.

28 января 1950 года на собрании первичной организации Сонковской МТС снова заслушивали поведение М.Н. Блинова, который был направлен в колхоз «2-ой областной съезд Советов» (Байки) для организации молотбы на молотилке МК-1100. Он в течение 10 дней не побывал в деревне Байки и не организовал работу молотилки, за что на собрании ему вынесли предупреждение.

Выговор на том собрании был объявлен коммунисту Н.Е. Голубеву (сыну раскулаченного жителя деревни Горбовец Е.Е. Голубева. – А.Г.) за то, что он из 7 занятий в политкружке присутствовал всего на двух занятиях. На собрании Голубев заявил, что ему надо зарабатывать на хлеб и кормить семью, а не ходить на занятия за 4 километра из деревни Савелиха, где он жил вместе с семьей.

На этом собрании отмечалось, что Бережковская тракторная бригада, бригадир М.Н. Блинов, вновь стала лучшей по МТС, выполнив план на 100%. На 1950 год бригада взяла обязательство выработать по 650 гектар на каждый 15-сильный трактор [50].

На партийном собрании Бережковской парторганизации 10 января 1950 года коммунист из деревни Заболотье Павлов заявил, что председатель колхоза «Красный Путь» Н.И. Лукьянов в 1949 году из плана посадки картофеля в 11 га посадил всего 6 га. Во время сенокоса в колхозе не было скошено 40 га лугов, птицеферма числится лишь на бумаге, где значится 45 кур, в самом деле, в колхозе нет ни одной курицы. До декабря 1949 года лошади находились без присмотра, одну лошадь загрызли волки. В настоящее время Лукьянов гуляет уже вторую неделю, заместителя не оставил. Парторганизация, зная эти безобразия, мер к председателю колхоза не принимала.

На эти обвинения Н.И. Лукьянов ответил на следующем собрании 23 февраля 1950 года: «Меня упрекнули, что я бросил работу, что у меня чемоданное настроение. Это неверно, я восемь лет работал председателем колхоза без побега. Но дальше так работать нельзя, потому что руководители вышестоящих организаций вместо воспитания коммунистов, обещали мне сломать голову. Так выйти лучше по-хорошему» [51].

С марта 1950 года вместо Лукьянова председателем колхоза «Красный Путь» стал работать Трушин. С того же времени вместо председателя колхоза «Красная Артель» Д.Я. Майорова стал работать Н.И. Нетрусов.

Последние сведения о моем дяде Михаиле Яковлевиче Головкине, члене ВКП(б), бригадире колхоза «Красная Артель» (Петряйцево) в архивных материалах о колхозе имеются за 2 января 1942 года. Мне мать говорила, что он был направлен на работу в уголовный розыск Сонковской милиции. Последние сведения о его жене, члене ВКП(б) счетоводе колхоза «Красная Артель» Татьяне Андреевне Головкиной в архивных материалах имеются за 17 января 1947 года. Тогда она давала рекомендацию кандидату в члены ВКП(б) рядовому колхознику Петру Васильевичу Соколову. Т.А. Головкина после этого прожила недолго, умерла от чахотки, едва перешагнув 30-летний порог своей жизни, их сыну было 8 лет.

Перед укрупнением колхозов, председателями работали:

1. «Буревестник» (Гостиницы) – Григорьев Михаил Яковлевич.
2. «Новая Деревня» (Акиниха) – Громов Алексей Петрович.
3. «Дружба» (Бережки, Гремячиха) – Морев Иван Павлович.
4. «Завет Ильича» (Душково) – Новожилов Петр Сергеевич.
5. «За Новый Быт» (Поцеп) – Гаврилов Дмитрий Михайлович до 6 мая 1949 года, Соколов – с 8 июня 1949 года, Карпов Василий Иванович – с 23 августа 1949 года.
6. «2-ой областной съезд Советов» (Байки) – Войлоков Матвей Васильевич (ранее раскулаченный).
7. «Красный Путь» (Заболотье) – Лукьянов Николай Иванович, с марта 1950 года – Трушин.
8. Имени Ленина (Шейно) – Маров Алексей Васильевич (ранее раскулаченный).
9. «6-ой съезд Советов» (Муравьево) – Смирнов Михаил Иванович.
10. «Путь Социализма» (Терехово) – Борисов А.П.
11. «Новый Путь» (Климантино) – Сапожков.
12. «Красная Артель» (Петряйцево) – Нетрусов Николай Иванович.
13. Имени Сталина (Горбовец) – Лебедев Иван Михайлович.
14. «Красный Пролетарий» (Калиниха) – Смирнова Евдокия Ивановна [52].

Деревня вынесла тяготы войны, послевоенное восстановление колхозов и налаживание жизни, благодаря объединению в каждой семье трех поколений. Тяжелым было детство тех поколений, тяжелая юность, тяжелая работа, порою невыносимая судьба солдаток и вдов.

Когда рано утром на работу уходили родители и бабушки, старшие дети весь день заботились о младших братьях и сестрах. Девчонки и мальчишки в 8–9 лет становились для них няньками. Нередко матери зимой оставляли малолетних детей дома одних, а летом брали с собой в поле. Старших усаживали под снопы или сулоны, а младших укладывали рядом спать. Здесь же, на поле, кормили малышкой грудью или давали в тряпочке мякиш хлеба.

Бабушки проявляли чрезмерную смекалку, чтобы испечь оладьи из мерзлой картошки или испечь хлеб с добавлением в него мха, еловой коры, мякины, льняного жмыха, отрубей, головок клевера и других отходов. Варили супы с грибами, бобами, горохом, щавелем, мясо было только по праздникам. Женщины, девушки, подростки, старики и вернувшиеся домой фронтовики работали в колхозе по 16–17 часов. Заглушали все эти тяготы песнями, частушками, плясками, но не водкой. Все деревней спасали детей от болезней и голодной смерти, помогая друг другу, всех выхаживали и сохраняли.

Укрупнение колхозов (1950–1961 годы)

*Машинисты-трактористы,
На селе теперь в чести.
Машиниста-тракториста,
Надо в гости привести.*

Укрупнение колхозов в стране стало необходимым в результате больших людских потерь во время Великой Отечественной войны.

30 мая 1950 года Центральный комитет ВКП(б) своим постановлением обобщил первый опыт укрупнения колхозов и обязал руководящие партийные и советские органы вести активную работу по укрупнению мелких колхозов.

8 августа 1953 года Верховный Совет СССР принял закон «О сельскохозяйственном налоге», которым установил с 1 июля 1953 г. обложение сельскохозяйственным налогом хозяйств колхозников по твердым ставкам с одной сотой гектара приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора.

С хозяйств колхозников налог исчислялся по ставкам с одной сотой гектара земельной площади, по Калининской области средняя ставка налога составляла 8,5 рубля. От уплаты налога освобождались колхозники и единоличники в возрасте – мужчины 60 лет и старше, женщины – 55 лет и старше, если в хозяйстве не принимали участия личным трудом другие трудоспособные члены семьи.

* * *

Первое послевоенное укрупнение карельских колхозов Бережковского сельсовета проходило **в июне 1950 года**. Тогда вместо 14 имеющих на тот момент колхозов, в том числе двух колхозов в русских деревнях Гостиницы и Заболотье, было образовано 3 колхоза:

1. **Колхоз «Завет Ильича»**, куда вошли деревни Душково, Муравьево, Петрайцево и Шейно, центр колхоза в деревне Душково. Председателем объединенного колхоза избрали Алексея Васильевича Марова из деревни Шейно, ранее высланного, как кулака, но вернувшегося в свою деревню.
2. **Колхоз им. Сталина** – деревни Байки, Бережки, Горбовец, Гремячиха, Калиниха и Климантино, центр колхоза в деревне Бережки. Председателем колхоза стал председатель бывшего колхоза «Дружба» Иван Павлович Морев из деревни Душково.
3. **Колхоз «Новая Деревня»** объединил деревни Акиниха, Заболотье и Терехово. Председателем объединенного колхоза избрали жителя деревни Акиниха Алексея Петровича Громова.

Четвертый колхоз «За Новый Быт», деревня Поцеп, остался временно без изменений. Там после ухода А.И. Кругловой председатели менялись часто, ими были вернувшиеся с войны фронтовики: Д.М. Гаврилов, затем – Соколов, после него – В.И. Карпов. На партийном собрании 18 августа 1950 года бригадир колхоза «За Новый Быт» Чесноков сказал, что председатель Карпов пьянствовал, оттого произошло отставание в работе и бесхозяйственность, после этого собрания колхоз был объединен с колхозом «Завет Ильича» [53].

19 июня 1950 года состоялось организационное собрание комсомольцев колхоза им. Сталина, на учет встали 24 комсомольца. На собрании отмечалось, что в связи с объединением 5 бывших колхозов в

один колхоз, нужно было избрать комитет организации, а в каждой бригаде оставить комсомольские группы и избрать группоров.

Секретарем объединенной комсомольской организации избрали Белоусова Алексея Ивановича, его заместителем – Голубева Михаила Ниловича. Группоргами были избраны: Быстрова Раиса Васильевна в бригаде № 1 (Бережки, Гремячиха), Кудряшова Анна Дмитриевна в бригаде № 2 (Климантино), Суслова Александра Дмитриевна в бригаде № 3 (Байки), Мурышкина Екатерина Васильевна в бригаде № 4 (Калиниха) и Голубева Анна Васильевна в бригаде № 5 (Горбовец) [54].

В объединенных колхозах были созданы первичные партийные организации. На учете в парторганизации колхоза «Завет Ильича» было 4 коммуниста: секретарь парторганизации И.М. Морев, коммунисты Д.М. Гаврилов, П.В. Соколов и В.Д. Шметкин. На учете в парторганизации колхоза «Новая Деревня» было 4 коммуниста: секретарь парторганизации И.В. Харчиков, а также коммунисты Н.И. Чистяков, В.И. Борисова и И.М. Кириллов. Нередко поведение коммунистов вызывало недовольство со стороны колхозников.

На собрании парторганизации колхоза «Новая Деревня» 11 ноября 1950 года было заявлено, что бригадир бригады № 2 (Терехово) коммунист А.П. Борисов три месяца не заносил заработанные трудодни в трудовые книжки колхозников, что привело к негодованию колхозников и спаду трудовой дисциплины. Сам он занялся побочными заработками, работая на бойне, постоянно находился в отъездах. Тем же занимался бригадир бригады № 3 (Заболотье) И.М. Кириллов, выезжая в город Ленинград или на рынок в Бежецк. До этого Кириллов работал бригадиром Синево-Дубровской тракторной бригады Сонковской МТС.

Из-за низкой трудовой дисциплины на 11 ноября 1950 года сдано государству всего 297 центнеров зерновых из плана 930 центнера, 15 центнеров льносемян из плана 80 центнеров, не сдано ни одного килограмма льнотресты. Большая часть снопов клеверосемян осталась неубранной в поле, не полностью заскিরдована слома овса и ячменя.

На этом собрании было решено провести до 13 ноября бригадные собрания по выполнению государственного плана. Организовать круглосуточную сушку зерна на зерносушилке и в печах колхозников. Правлению колхоза довести до колхозников пятидневные задания по

первичной обработке льна, вывозке льнотресты на льнозавод и льноволокна в заготпункт. Выделять не менее 7 подвод в день для вывозки зерна и сдачи его государству.

На партийном собрании 15 декабря 1950 года с привлечением 12 колхозных активистов обсуждали выполнение государственного плана по льну. Отмечалось, что в бригаде № 1 (Акиниха) лен долгое время оставался, в десятках, стоять в поле из-за нераспорядительности бригадира Моревой, лен вывезли в риги уже сырым. В бригаде № 2 (Терехово) бригадир Румянцева, которая сменила Борисова, заявила, что председатель колхоза Громов не заставил бригадиров Кириллова и Мореву работать по ночам или с раннего утра, чтобы в их бригадах вывести поднятый лен сухим. На 15 декабря сдано всего 324 центнера льнотресты из плана 650 центнеров, к первичной обработке льна в колхозе не приступали.

На отчетно-выборном собрании 12 января 1951 года бригадир бригады № 3 (Заболотье) И.М. Кириллов заявил, что исполком Сонковского райсовета и райком партии повинны в том, что с первых дней организации укрупненного колхоза не укрепили его. Не было подобрано крепкое руководство колхоза, с первых дней не была создана партийная организация. Поэтому в колхозе была слабая трудовая дисциплина, работу затаянули с первых дней весеннего сева, а особенно в период вывозки навоза и сенокоса. Вместо колхозного покоса колхозники взялись за сенокос для своих собственных коров.

Заместитель председателя колхоза с ноября 1950 года Н.И. Чистяков сказал на собрании, что председатель колхоза А.П. Громов слабохарактерный и малограмотный. На собрании 4 коммуниста решили: для выполнения плана лесозаготовок обязать председателя колхоза А.П. Громова (беспартийного) выехать в леспромхоз Лесного района не позднее 15 января 1951 года для организации работ по лесозаготовкам и руководства бригадой возчиков.

На собрании 22 марта 1951 года в своем постановлении коммунисты заявили, что парторганизация добилась значительных успехов в выполнении плана лесозаготовок. Из плана подвозки в 450 кубометров леса вывезено 775 кубометров, из плана вывозки 210 кубометров вывезено 49 кубометров. План вывозки и подвозки леса будет выполнен к 1 апреля 1951 года. ***Партийная организация присвоила результаты работы себе, хотя из коммунистов на лесозаготовки никто не выезжал.***

20 августа 1951 года на собрании был заслушан отчет председателя колхоза «Новая Деревня» А.П. Громова о ходе уборки урожая. Партийное собрание постановило: обязать председателя колхоза и бригадиров уборку урожая и теребление льна закончить к 28 августа. Довести выработку на одну конную молотилку не менее 5 тонн зерна в день. На уборке хлебов колхозникам работать не менее 16–18 часов в сутки. К 25 сентября полностью рассчитаться с государством по сдаче зерна, к 3 сентября провести уборку клеверосемянников. Обязать председателя колхоза и бригадиров провести сев озимых культур рядовым способом до 28 августа.

На партийном собрании 1 ноября 1951 года рассматривали персональное дело бригадира бригады № 3 (Заболотье) И. М. Кириллова. Он ехал на подводе из Сонкова до села Карело-Кошево вместе с директором школы А.В. Румянцевым. В пути он украл у Румянцева деньги в сумме 5 тысяч рублей, полученных им из госбанка для расчета рабочих, занятых на капитальном ремонте школы.

До этого случая Кириллов украл со школьного лесоучастка 13 елей, отпущенных для капитального ремонта Карело-Кошевской школы. На партсобрании Кириллов был исключен из членов ВКП(б).

Через год, 28 ноября 1952 года, на партийном собрании рассматривали персональное дело коммуниста А.П. Борисова. К тому времени на XIX съезде партии ВКП(б) была переименована в КПСС. До объединения колхоза в начале 1950 года А.П. Борисов работал председателем колхоза «Путь социализма», присвоил колхозные деньги в сумме 1557 рублей. После объединения колхоза был назначен бригадиром в деревне Терехово. Во время уборки урожая Борисов бросил бригаду и самовольно устроился работать бойцом на убойный пункт Бережковского ветучастка.

Однако в том же 1950 году Борисова направили на курсы в Калининскую областную сельскохозяйственную школу. После окончания курсов хотели назначить его председателем колхоза «Новая Деревня». Воспользовавшись тем, что ему выдали паспорт при командировке в сельскохозяйственную школу, Борисов на третий день сбежал с курсов и уехал из Калинина в Петрозаводск. Он устроился на работу в мясокомбинат, и только в 1952 году заявил в парторганизацию мясокомбината, что является членом партии и должен стать на учет. И тут же он получил обратный вызов в колхоз «Новая Деревня».

В то время Сонковский районный суд в 1951 году вынес решение о взыскании с Борисова в пользу колхоза 1557 украденных рублей. На партийном собрании Борисов сказал, что в колхоз он не поехал, устроился работать в Беломорско-Онежское пароходство. С 10 декабря 1952 года поступал учиться в школу судомехаников города Петрозаводска. Партийного билета у него нет, его утащили крысы из кармана пиджака во время работы на мясокомбинате. На собрании Борисова исключили из рядов КПСС.

До перевода колхоза «Новая Деревня» из Бережковского сельсовета в Краснооктябрьский сельсовет в июле 1954 года, при укрупнении сельсоветов, председателем колхоза оставался Алексей Петрович Громов, секретарем парторганизации – учитель Карело-Кошевской школы Иван Васильевич Харчиков [55].

На собрании парторганизации колхоза «Завет Ильича» 11 октября 1950 года обсуждали резкое отставание в проведении уборочных работ. Бригадир бригады деревни Петряйцево Н.И. Нетрусов предложил для того, чтобы выкопать картофель, поднять и высушить льнотресту, установить выход на работу колхозников в 5–6 часов утра, заканчивать работу в 8–9 часов вечера. Собрание утвердило распорядок рабочего дня колхозников: выход на работу в 4 часа утра, окончание работы в 9–10 часов вечера. Немедленно привлечь всё проживающее население колхоза для проведения уборочных работ. Закончить копку картофеля к 25 октября, на копке картофеля ввести дополнительную оплату 10%.

План хлебозаготовок государству выполнить к 1 ноября. Организовать двухсменную работу при сушке льнотресты в ригах, план сдачи льнотресты выполнить к 7 ноября 1950 года.

Ко времени проведения очередного партийного собрания 29 ноября 1950 года колхоз вывез лишь 30% льнотресты из плана в 350 центнеров. Чтобы выполнить план сдачи льнотресты государству к 10 декабря, надо было ежедневно отправлять на льнозавод по 50 подвод.

За 1950 год колхоз «Завет Ильича» план поставок хлеба государству выполнил на 60%, сдал картофеля 300 центнеров из плана 970. В связи с укрупнением колхоза, по мнению колхозных коммунистов, создались трудности в его руководстве, особенно председателя и его заместителя. Председателем колхоза тогда работал раскулаченный в 1930-е годы Маров Алексей Васильевич из деревни Шейно, заместителем предсе-

дателя – Лежушкин Василий Николаевич. Парторганизация просила Сонковский райком партии оказать содействие в укомплектовании колхоза руководящими кадрами.

В январе 1951 года председателем колхоза был избран Николай Георгиевич Кутузов, заместителем по животноводству – Андрей Петрович Морев [56].

За 1951 год колхоз «Завет Ильича» собрал урожай зерновых по 7 центнеров с гектара, льнотресты – по 1,5 центнера с гектара, надои молока были по 1250 литров от коровы. Бригады отчитались 25 мая 1952 года о ходе весеннего сева.

- Бригада № 1, деревня Душково, бригадир Новожилов П.С., лен посеян полностью на 38 га, овес на 31 га из плана в 34 га, ячмень посеян полностью на 23 га, картофель посажен на 2 га из плана 8 га.
- Бригада № 2, Муравьево, бригадир Скурлова, лен посеян на 35 га из плана 37 га, овес на 32 га из плана 36 га, ячмень на 4 га из плана 16 га, картофель сажать не начинали.
- Бригада № 3, Петряйцево, бригадир Нетрусов Н.И., лен посеян на 30 га из плана 28 га, овес на 34 га из плана 41 га, ячмень на 5 га из плана 17,5 га, картофель сажать не начинали.
- Бригада № 4, Шейно, бригадир Баруздин, лен посеян на 16 га из плана 18 га, овес посеян полностью на 16 га, ячмень на 8 га из плана 16 га, картофель посажен на 3 га.
- Бригада № 5, Поцеп, бригадир Чесноков, полностью посеяли лен на 18 га, овес на 22 га, ячмень на 24 га из плана 27 га, картофель посадили на 3 га из плана 5 га.

Особенно хорошо на весеннем севе работали пахари и бороновальщики: Орлов Сергей (Шейно), Большакова, Мурышкин Василий (Муравьево), Малютин Алексей (Петряйцево), Быстров, Градова, Быстрова Анна, Абрамова (Душково). Они ежедневно пахали по 70–80 соток и боронили по 5–7 гектар.

На партийном собрании 28 июня 1952 года коммуниста Соколова Петра Васильевича из деревни Петряйцево исключили из рядов ВКП(б). До этого его несколько раз предупреждали за пьянство, прогулы, нарушение трудовой дисциплины. Сняли с работы молоковозчика, он ушел на подрядные работы в Краснохолмский района, ему объявили строгий выговор. Соколов совершил кражу семян клевера из колхозной кладовой, продал их в другой колхоз, а деньги присво-

ил себе. Исключенный из партии, Соколов вместе с семьей уехал из Петряйцева в деревню Ханино Бежецкого района, что в 5 километрах, подальше от людской молвы. Там Соколовы прожили около 6 лет, потом снова вернулись в Петряйцево [57].

Большая нагрузка на послевоенное восстановление колхозов легла на молодежь. На учете комсомольской организации колхоза «Завет Ильича» в 1952 году состояло 11 комсомольцев, из них в деревне Муравьево – 5 комсомольцев, секретарь комсомольской организации Белозеров, члены комитета – Брагинова и Нечаева, все из деревни Муравьево. На отчетно-выборном собрании 27 октября 1954 года работу комсомольской организации признали неудовлетворительной, на учете тогда было 6 комсомольцев. В тот день приняли в комсомол Травкину Нину и Скурлову Клавдию из деревни Муравьево. И на том же собрании Травкину избрали секретарем комсомольской организации, а Скурлову – ее заместителем [58].

На собрании 7 октября 1952 года секретарем комсомольской организации Карело-Кошевской семилетней школы была избрана Иванова Вера из деревни Петряйцево. На учете в школе тогда было 7 комсомольцев, к декабрю 1952 года – 15 комсомольцев. Кроме Ивановой Веры в комитет вошли Боброва Валя и Колачева Шура. На собрании 14 февраля 1953 года между комсомольцами были распределены обязанности:

- Иванова Вера – секретарь комсомольской организации;
- Мольков Анатолий – председатель ученического комитета;
- Боброва Валентина – секретарь ученического комитета;
- Колачева Александра – член бюро комсомольской организации;
- Михайлов Юрий – ответственный за инвентарь и оборудование в пионерской комнате;
- Сизов Юрий – руководитель санитарной тройки;
- Соловьев Борис – ответственный за организацию игр в школе: шашки, лото и других;
- в редколлегию школьной стенгазеты входили: Воробьева Валентина, Гаврилова Вера и Смирнов Геннадий;
- ответственными за читку газет комсомольцам, пионерам и октябрятам были: газета «Комсомольская правда» – Григорьева Мария, «Пионерская правда» – Егорова Зина и Малин Борис, «Сталинская молодежь» – Чеснокова Мария, районной газеты «Дело Октября» – Казаков Владимир [59].

Колхозники после смерти И.В. Сталина были освобождены от налогов по трудодням, им значительно уменьшили налоги на огороды и приусадебные участки. В 1953 году были резко понижены цены на основные виды продуктов и товаров [60]:

Наименование товара	1947 год	1953 год
Хлеб белый 1 кг	5,5 руб.	3 руб.
Хлеб черный 1 кг	3 руб.	1 руб.
Молоко 1 литр	3 руб.	2,24 руб.
Яйца (десяток)	12 руб.	8,35 руб.
Масло сливочное 1 кг	64 руб.	27,8 руб.
Масло растительное 1 литр	30 руб.	17 руб.
Сахар-рафинад 1 кг	15 руб.	9,4 руб.
Водка 1 бутылка	60 руб.	22,8 руб.
Обувь (одна пара)	260 руб.	18,5 руб.
Ситец 1 метр	10,1 руб.	6,1 руб.
Шерстяная ткань 1 м	269 руб.	113 руб.
Шелк натуральный 1 м	137 руб.	100 руб.

После принятия закона от 8 августа 1953 года колхозники колхозов «Завет Ильича» и им. Сталина Сонковского района, как и в других колхозах Калининской области, стали платить налогов в 4,2 раза меньше, чем платили до этого. Они имели приусадебные участки по 50 соток, Калининский облисполком установил ставку 8 руб. 10 коп. за сотку, одно хозяйство стало платить налог в сумме 405 рублей.

До принятия закона они платили:

- минимальную ставку денежного налога – 220 рублей;
- 250 литров молока по цене 2 руб. 24 коп. за 1 литр – 560 рублей;
- 40 кг мяса по цене 11 руб. 40 коп. за 1 кг – 456 рублей;
- 150 штук яиц по цене 8 руб. 35 коп. за десяток – 125 руб. 25 коп.

Кроме того, колхозники поставляли государству шерсть, картофель, налог с фруктовых деревьев и кустарников. Они отдавали государству основных продуктов на сумму 1141 рубль и минимальный денежный налог в сумму 220 рублей.

В нашей местности такого понятия, как сад, не было, приусадебный участок в 50 соток делился на огород и усадьбу. Огород площадью в

8–10 соток, остальное – усадьба, так было в каждом личном подсобном хозяйстве.

14 марта 1953 года при подготовке техники к весеннему севу на собрании в Сонковской МТС было заявлено, что в колхозе «Завет Ильича» критиковали бригадира тракторной бригады за плохую работу в 1952 году. В ответ на критику бригадир М.Н. Блинов сказал: «Я отчасти критику принимаю, но должен сказать, что почему-то не критикуют директора МТС. Директор А.М. Шуинов любит критиковать Блинова, который больше молчит, а помощи от директора МТС и со стороны райкома партии я не нашел».

На это представитель Сонковского райкома партии А.А. Лебедев сказал: «Вы, конечно, верите больше председателю колхоза «Завет Ильича» Кутузову, чем Блинову. Но надо поверить и Блинову, Кутузов даже в период полевых работ не выделил тракторной бригаде плугарей, не своевременно подвозили горючее, что отражалось на работе бригады. А в настоящее время он выдает получение плохого зерна за работу трактористов».

За критику директора Сонковской МТС А.М. Шуинова бригадира Бережковской тракторной бригады М.Н. Блинова 30 марта 1953 года сняли с должности, обвинив в пропуске политзанятий, и назначили бригадиром в отстающую Краснооктябрьскую тракторную бригаду. Бригадиром Бережковской бригады был назначен член КПСС Иванов Николай Гордеевич из деревни Байки, 1922 года рождения, образование 7 классов.

В бригаде была создана партийно-комсомольская группа, куда вошли: члены КПСС Н.Г. Иванов и И.А. Зайцев (Байки), члены ВЛКСМ В.И. Григорьев (Горбовец) и Н. Белозеров (Душково), в бригаде тогда было всего 5 тракторов.

20 февраля 1954 года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление об укрупнении сельсоветов. В нем отмечалось, что после укрупнения колхозов сельсоветы остались в прежних границах. Ставилась задача, чтобы на территории сельсовета было не менее одного колхоза.

Решением исполкома Сонковского райсовета народных депутатов от 27 июня 1954 года Бережковский сельсовет был объединен с Краснооктябрьским сельсоветом с центром в деревне Красный Октябрь (Коммуна).

Колхоз «Завет Ильича» полностью выполнил план весеннего сева 1953 года, было засеяно 406 га зерновых культур и 141 га льна. Досрочно перевыполнили планы мясопоставок и молокопоставок, за что колхоз получил автомашину. Шло активное строительство скотных дворов и телятников, на 1954 год запланировали строительство конюшен в Петряйцеве и Поцепе, а также строительство овчарни в Поцепе [61].

В январе 1954 года председателем колхоза «Завет Ильича» вместо Н.Г. Кутузова был избран его заместитель А.П. Морев, который проработал на этой должности всего один год.

Весенний сев 1954 года в колхозах им. Сталина, «Завет Ильича» и «Новая Деревня» Душковская тракторная бригада выполнила на 100–105%. По итогам весеннего сева, уборки урожая и подъема зяби в 1954 году ей было вручено переходящее Красное Знамя МТС. В состав партийно-комсомольской группы тракторной бригады тогда входили: член КПСС Н.Г. Иванов, комсомольцы Н. Белозеров (Душково), Е. Воробьев (Душково), Козырев (Бережки) и В. Григорьев (Горбовец).

Душковская тракторная бригада была вновь названа Бережковской, заместителем Н.Г. Иванова был назначен Н.И. Белоусов из деревни Душково.

На собрании Душковской партиячейки 2 февраля 1955 года рассматривали вопрос о выполнении плана лесозаготовок. К тому времени на лесозаготовках находилась одна колхозница Фролова из деревни Поцеп. Собрание обязало председателя колхоза Андрея Петровича Морева в двухдневный срок направить на лесозаготовки в Каменский леспромхоз колхозников Голубева Михаила, Иванова Владимира (моего отчима), Майорова Дмитрия из деревни Петряйцево, Корзенкова из деревни Муравьево. Для организации работ направить с ними коммуниста Василия Дмитриевича Шметкина из деревни Душково. Лесозаготовителям было поручено добиться выполнения плана лесозаготовок по колхозу к 1 апреля 1955 года.

11 марта было решено направить на период с 13 марта до 1 апреля на лесозаготовки 5 рубщиков и возчиков дополнительно. На четвертый квартал 1955 года колхозу был установлен новый план лесозаготовок:

- заготовить 176 кубометров леса;
- вывезти 228 кубометров леса;
- подвезти 45 кубометров леса. С 12 ноября в Каменский леспромхоз были направлены 2 рубщика и 3 возчика, для них выделены самые сильные лошади, лучшая упряжь и сани.

К тому времени председателем колхоза вновь был избран Николай Георгиевич Кутузов, его заместителем – Николай Яковлевич Щукин [62].

6 марта 1955 года на собрании комсомольцев колхоза им. Сталина рассматривался вопрос о посеве кукурузы. Было решено в каждой бригаде организовать комсомольско-молодежные звенья по выращиванию кукурузы. Принять активное участие в вывозке навоза на поле под кукурузу, не меньше 80 лошадиных возов на один гектар. Организовать заготовку местных удобрений – торфа, золы и куриного помета. Через месяц, 9 апреля 1955 года, решили создать одно комсомольско-молодежное звено в 1-й бригаде (Бережки, Гремячиха). Секретарь комсомольской организации Владимир Киселев из деревни Бережки говорил, что в каждой бригаде всего по 2–3 комсомольца, а всего 11 человек, поэтому звенья в бригадах создать невозможно. В состав созданного комсомольско-молодежного звена 1-й бригады по выращиванию кукурузы вошли:

1. Киселев Владимир Иванович.	8. Кренделев Борис Иванович.
2. Веселова Валентина Ивановна.	9. Кренделева Анна Ивановна.
3. Зубова Евгения Александровна.	10. Кренделева Нина Борисовна.
4. Егорова Зинаида Ильинична.	11. Королькова Нина.
5. Зубов Николай Иванович.	12. Королькова Антонина.
6. Зубов Николай Александрович.	13. Белоусов Алексей Петрович.
7. Егоров Дмитрий Вадимович.	14. Мартовская Нина Ивановна.

Звеньевой утвердили Веселову Валентину Ивановну. Под посев кукурузы взять площадь в 3 гектара, отведенную для 1-й бригады.

На собрании в марте 1955 приняли решение выехать на лесозаготовки всей комсомольской организацией колхоза им. Сталина, за исключением тех, кто не может выехать по семейному положению. Комсомолец Зубов Николай заявил, что бросит комсомольский билет, но на лесозаготовки не поедет. Было принято единогласное решение исключить Зубова Николая из рядов ВЛКСМ [63].

На партийном собрании 8 апреля 1956 года обсуждали поведение коммуниста Гаврилова Дмитрия Михайловича из деревни Поцеп. Работая заведующим молочно-товарной фермой, он безответственно относится к обучению и воспитанию своего сына, ученика 6-го класса,

который забросил школу. Собрание рекомендовало снять с работы заведующего молочно-товарной фермой Гаврилова Д.М., на его место подобрать более честного колхозника или колхозницу. Предложить Гаврилову обеспечить явку своего сына в школу, иначе будут приняты меры более строгого партийного взыскания.

На собрании 8 октября 1956 года были подведены итоги работы колхоза «Завет Ильича» за 1955–1956 годы. Председатель колхоза Н.Г. Кутузов заявил, что Сонковская МТС допускала большие простои тракторов и комбайнов. Трактора больше работали в колхозе им. Сталина. Все равно доход колхоза за 1955 год увеличился в три раза по сравнению с 1953 и 1954 годами, то есть колхоз стал миллионером. По итогам 1955 года колхозникам было выплачено на один трудодень более 11 рублей деньгами. Почти все колхозники за 1955–1956 годы обзавелись коровами в личном подсобном хозяйстве. В 1956 году весенний сев был проведен на высоком агротехническом уровне, выращен хороший урожай льна, картофеля и зерновых культур. План хлебозаготовок и сдачи молока государству за 1956 год выполнены досрочно [64].

В 1955–1956 годах в колхозах «Завет Ильича» и им. Сталина произошли значительные события. Появились первые конные косилки и конные грабли, закупленные самими колхозами. Колхозы начали интенсивно сеять клевер и тимофеевку на корм скоту, так как количество скота постепенно увеличивалось. На конных косилках работали подростки с 14–15 лет, а на конных граблях – даже с 12 лет. Но все берега рек, овраги и неудобья по-прежнему косили вручную.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 апреля 1955 года все агрономы и зоотехники были переведены из штатов МТС в колхозы, с настоятельной рекомендацией вступать в колхозы. К тому времени была уже механизирована вся пахота и около 80% сева зерновых культур и льна. Сонковская МТС имела комбинированные зернотравяные сеялки для одновременно сева ржи и клевера или пшеницы и клевера. Она получила и использовала прицепные тракторные сенокосилки, тракторные грабли, волокуши для копнения и транспортировки копен к скирде.

При ручной косьбе колхозник скашивал в среднем по 25–30 соток, редко до 40 соток, то механизатор на тракторной косилке мог за день скосить до 10 га трав на ровных полях. В 1955 году, будучи ребенком, я проехал около ста метров на тракторе «Универсал», сидя на коле-

нях водителя, больше выдержать такой невероятной тряски и шума двигателя не смог. А трактористы работали на них целыми днями.

В 1950-е годы я еще застал ручную молотилку, правда, уже на металлической, а не на деревянной основе. Вместо цепа, бича или другого ударного устройства для молотьбы зерна в ручной молотилке применялся быстро вращающийся барабан с железными зубьями и подбарабанником. На молотилке были установлены решета, при вращении барабана они приходили в движение и трясли солому, очищая ее от оставшихся зерен. К барабану примыкал стол для укладки снопов с зерном и подачи их в барабан. Мужчина вращал ручку вала, от которого через систему шестеренок вращение передавалось барабану, а возвратно-поступательные движения одновременно передавались решетам. Женщина в это время подавала снопы в барабан, зерно ссыпалось на подбарабанник, далее по лотку в мешок, а солому отбрасывали в сторону.

До 1957 года правление колхоза «Завет Ильича» размещалось в жилом доме моей тетки Моревой (Головкиной) Прасковьи Яковлевны в деревне Душково. Ее муж Морев Алексей Петрович, 1911 года рождения, был одним из первых председателей колхоза «3-й год пятилетки». Так как отдельного помещения для правления колхоза в деревне не нашлось, он вместе со счетоводом работал у себя дома. В самом начале войны А.П. Морев был призван в ряды Красной Армии, пропал без вести в июле 1943 года.

Избранный после него председатель колхоза Морев Андрей Петрович, брат ее мужа, попросил мою тетку разрешить оставить правление колхоза в ее доме. Там же оставалось правление уже объединенного колхоза «Завет Ильича», председателем которого был избран Алексей Васильевич Маров. Тетка с двумя дочерьми уютилась на маленькой кухне с русской печкой, их кровать стояла в помещении правления.

Направленный в январе 1951 года из районного центра на укрепление руководства колхоза Кутузов Николай Георгиевич построил себе дом рядом с домом Моревой, где находилось правление, он уговорил тетку оставить правление в ее доме. Сам он был родом из деревни Бережки. Долгое время его заместителем оставался Андрей Петрович Морев. Постоянно на рабочем месте сидел счетовод Морев Иван Матвеевич из деревни Шейно, председателя можно было застать в первой половине дня, потом он на серой лошади уезжал в деревню или на поля.

К 1957 году под правление колхоза был выстроен на краю деревни отдельный дом. По вечерам тот дом использовали под клуб, где я смотрел свои первые кинофильмы под стрекот кинопередвижки – «Чапаев», «Свинарка и пастух», «Бродяга», «Тарзан», «Дело было в Пенькове». С 1957 года в наших карельских деревнях появилось радио, жители стали выписывать газеты, чаще всего «Сельскую жизнь» и районную – «Дело Октября». Теперь они знали больше новостей о событиях, которые свершались в стране, а их было немало.

Дом на краю деревни Душково, построенный для правления, после объединения колхозов, в 1962 году был передан семье сына председателя колхоза И.П. Морева.

В 1957–1958 годах за весну и осень в деревне Петряйцево успевали общиной построить по три-четыре новых дома – Нетрусовых, Майоровых, Ивановых, Фомичевых, Семеновых, Базловых, Быстровых. Денег друг у друга не брали, их просто в деревне не было. После окончания постройки одного дома два-три дня пили у хозяина самогон и пиво, потом начинали строить дом у другого хозяина. Крыши новых домов белели от свежей дранки, станок для ее изготовления стоял за деревней возле выгона. Летом 1957 года во все деревни провели радио, а в селе Карело-Кошево построили колхозный радиоузел с почтовым отделением.

Сонковская МТС обслуживала карельские колхозы с 1933 по 1958 годы или 25 лет. К 1958 году она своими силами в колхозах «Завет Ильича» и им. Сталина пахала уже около 80% пашни, засеивала более 60% озимых и яровых культур и убирала комбайнами более их половины. К тому времени в колхозах уже культивировались поля, засеянные клевером, тимофеевкой, рапсом и другими травами, силами МТС скашивали 17% сенокосов, особенно трав на сеяных полях. Она приступила к механизированному тереблению льна, выполняя 9,5% от общего объема этих работ [65].

В 1958 году все МТС были ликвидированы, тракторы, комбайны, молотилки и другую сельхозтехнику они продавали колхозам, которых обязали ее покупать. К декабрю 1958 года в колхозе «Завет Ильича» была образована колхозная тракторная бригада, ее бригадиром назначили Николая Ивановича Белоусова из деревни Душково [66].

Ко времени своей ликвидации Сонковская МТС уже имела несколько льномолотилок, выпущенных заводом «Бежецксельмаш». Во время сельхозработ мне, учащемуся Бежецкого машиностроительного техникума, довелось поработать на таких льномолотилках.

На смену МТС в 1958 году пришли ремонтно-технические станции (РТС), созданные в районных центрах. На партийном собрании Сонковской МТС 23 апреля 1958 года обсуждали вопрос о ее реорганизации. Говорили, что техника, которую покупают колхозы, не вся отремонтирована. Весенний сев МТС будет проводить как раньше, силами тракторных бригад. Зная о реорганизации, трактористы начали воровать друг у друга детали и запчасти, что нужно немедленно искоренить. Еще не заключено ни одно договора с колхозами на проведение весеннего сева, который в ближайшие дни необходимо начинать.

В связи с реорганизацией МТС осложнялась ситуация с проведением весеннего сева 1959 года. По состоянию на 1 декабря 1958 года трактора, машины и другая техника, проданная в колхозы, вновь образованная на базе МТС Сонковская ремонтно-тракторная станция (РТС) не ремонтировала. Трактора, направленные из колхозов в мастерские РТС простаивали без ремонта более двух месяцев, возможность их ремонта к весеннему севу была невелика.

На весь район дали две ставки инспекторов, которые не в состоянии были наладить ремонт техники в колхозных мастерских, и контроль над проведением технического ухода. Поступавшие запасные части к тракторам и машинам, оседали в самой РТС, в колхозные мастерские их поступало мало. В РТС имелась 31 автомашина, и все они требовали ремонта, ни одной не было на ходу. Но не было, ни гаража для машин, ни запчастей к ним, ни типовых мастерских. До конца года или за один месяц нужно было отремонтировать 38 тракторов. В колхозах не хватало механизаторов, но в 1958 году курсы по их подготовке не проводились.

Так как после ликвидации МТС многие трактористы не вернулись в свои колхозы, а уехали жить в города, РТС организовала кратковременные курсы колхозных трактористов. Они проходили зимой 1959 года прямо в правлении колхоза «Завет Ильича» деревни Душково.

На курсы набралась группа молодых мужчин и парней из 7 колхозных деревень более 30 человек, ее разбили на две подгруппы. Из деревни Петряйцево обучались: два брата Ивановых, Михаил Голубев, Анатолий Борисов, Николай Быстров и Николай Нетрусов. Из других деревень на курсах обучались по 3–5 человек. Занятия по теории проводились по два дня в неделю, потом была недельная практика

в Сонкове. Преподавали работники вновь созданной районной ремонтно-технической станции. Многие, из прошедших курсы, стали первыми колхозными механизаторами после ликвидации МТС.

4 февраля 1960 года на партийном собрании рассмотрели заявление председателя колхоза Н.Г. Кутузова об освобождении от должности по состоянию здоровья, просьбу удовлетворили. На должность председателя колхоза рекомендовали инструктора Сонковского райкома партии Богачева Николая Сергеевича [67].

В 1960 году в комсомольской организации еще необъединенного колхоза «Завет Ильича» состояло 13 комсомольцев, секретарь комсомольской организации А. Попова из деревни Муравьево. На собрании 12 мая 1960 года комсомольцы решили выращивать кукурузу на площади 10 гектар, вместо ранее взятых ими для кукурузы 3 гектар площади. Отмечалось, что молодые свинарки колхоза Моревы Антонина (моя двоюродная сестра, погибшая через девять месяцев после собрания, в 18 лет, при дроблении хвои. – А.Г.), Афанасьева Антонина и Быстрова Александра, все из деревни Душково, взяли на себя обязательство откормить 400 свиней или на 100 голов больше ранее принятых обязательств [68].

Зимой 1960–1961 годов произошло еще одно укрупнение, два колхоза – «Завет Ильича» и им. Сталина вошли в один колхоз «Завет Ильича». От него были оторваны две карельские деревни – Акиниха и Терехово. Несмотря на протесты жителей этих деревень, на активную их поддержку со стороны жителей других карельских деревень, многократные сходы и собрания, Акиниху и Терехово перевели в русский колхоз «Буревестник» с центром в деревне Гостиницы. Их перевод в русский колхоз стал основной причиной опустошения самыми первыми из карельских деревень в этой местности.

Председателем объединенного колхоза «Завет Ильича» стал Иван Павлович Морев из деревни Душково, ранее руководивший колхозом им. Сталина.

Укрепление колхоза «Знамя Ильича» (1961–1970 годы)

*Мы работаем в колхозе,
Не теряем времени,
А за это иногда,
Получаем премии.*

28 июня 1962 года Совет Министров РСФСР утвердил средние ставки сельскохозяйственного налога, в том числе по Калининской области – 81 коп. за каждую сотку земли.

Совет Министров СССР своим постановлением от **17 октября 1964 года** утвердил положение «О порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов». Право на пенсию по старости имели члены колхоза – мужчины по достижении 60 лет, при стаже работы не менее 25 лет и женщины по достижении 55 лет и при стаже работы не менее 20 лет. Женщины – члены колхоза, родившие пять и более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, получали право на пенсию по старости по достижении 50 лет и при стаже работы не менее 15 лет.

Хотя труд колхозников к этому времени был в значительной части механизирован, он оставался нелегким даже в такую прекрасную пору, как сенокос. На сенокос шли, как на праздник, женщины и девушки надевали лучшие свои наряды. Деревня по утрам замирала, избы опустели, все взрослые на сенокосе, по утрам не слышно голосов, пока не проснется ребятня.

Сроки выполнения основных видов полевых работ в 1961 году по моим детским наблюдениям:

1. Яровая вспашка тракторами – с 26 апреля.
2. Сев овса – с 28 апреля.
3. Сев яровой пшеницы – с 6 мая.
4. Сев ячменя – с 10 мая.
5. Сев льна – с 15 мая.
6. Посадка картофеля – с 20 мая.
7. Окончание весенних посевных работ – к 1–5 июня.
8. Вывозка навоза на поля – 5–25 июня.
9. Сенокос вручную – с 26 июня по 2 августа.
10. Вспашка паров – с 1 августа.

11. Теревление льна вручную – с 6 августа.
12. Уборка зерновых комбайнами – с 6 августа.
13. Сев ржи и озимой пшеницы тракторами – с 10 августа.
14. Окончание уборки зерновых культур – к 28 августа.
15. Начало расстилки льна на поля – с 15 августа.
16. Начало уборки картофеля – с 1 сентября.
17. Начало подъема льнотресты – с 15 сентября.
18. Начало уборки колхозной капусты и турнепса вручную – с 20 сентября.
19. Окончание подъема льнотресты – к 14 октября.
20. Сортировка льнотресты в риге – с 1 октября.
21. Вывоз льнотресты на льнозавод – с 15 декабря.
22. Возка сена, соломы и силоса на фермы – весь стойловый период с 1 октября по 6 мая.

Тогда еще колхозникам выплачивали небольшие деньги по итогам года, ежемесячной заработной платы они не получали. Выручало подсобное хозяйство и лес. Мы, мальчишки, ходили туда с ранней весны до поздней осени. Сушили и солили грибов, варили варенье и сушили малины, черной смородины, земляники на всю зиму.

Летом 1961 года мне, 12-летнему мальчишке, пришлось долгое время работать на тракторных граблях, пока не убрали все клеверные поля в деревне Петрайцево. Работа продолжалась с 8 часов утра до 7 часов вечера с перерывом на обед. Тракторист Николай Быстров из Душкова, видя, что я чуть ли не засыпаю, пересаживал меня с грабель в трактор. Туда же протаскивали через заднее окно веревку, приходилось сидеть вполоборота, чтобы вовремя потянуть за веревку и поднять грабли. К вечеру наступала невероятная усталость и сильно болела шея.

На учете в комсомольской организации объединенного колхоза, который до января 1965 года носил название «Завет Ильича», к сентябрю 1961 года состояло 45 членов ВЛКСМ, секретарем была избрана Гусева Валентина. На собрании 2 сентября 1961 года она говорила, что с момента объединения колхоза комсомольцы организовали 5 концертов художественной самодеятельности, из них два концерта дали в бригадах. Провели литературные вечера, посвященные памяти Л.Н. Толстого и В.И. Ленина. Проводили воскресники по сбору золы и металлолома. Провели колхозный праздник – День молодежи.

Комсомольцы показывают пример работы в колхозе, хорошо работали на весеннем севе механизаторы Евгений Воробьев (Душково), Анатолий Нетрусов (Петрайцево), Михаил Кузнецов (Байки). Хороших результатов добилась доярка Виноградова (Иванова) Вера (Муравьево). В полеводстве хорошо трудились Анатолий Борисов, Анатолий Иванов из Петрайцева, Владимир Степанов [69].

После проведения денежной реформы в стране, Калининский облисполком в 1962 году установил ставку налога – 81 копейку с одной сотки. Колхозники, имевшие в нашей местности приусадебные участки в 50 соток, по-прежнему платили 40 рублей 05 копеек налога в новых ценах.

В 1963 году еще при председателе И.П. Мореве во все деревни колхоза провели электричество, это было большое событие для жителей. В тот же год на правлении колхоза решили осушить сосняк возле деревни Горбовец, чтобы добывать там торф для полей и настилку животным. До этого местные жители собирали там клюкву, чернику и гонобобель. Выкопали несколько глубоких канав, но торфа не добыли ни тонны. Через год местные мальчишки устроили костер, возгорание торфа, от которого сгорел весь лес, продолжалось более месяца, до осенних дождей. И только через 10 лет на его месте начали расти молодые березки, сосняк превратился в березняк, но ягод там уже не стало.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 года Сонковский район был ликвидирован, колхоз «Завет Ильича» в числе других перешел к Бежецкому району. **В январе 1965 года Сонковский район был восстановлен, колхоз вошел в его состав уже под новым именем «Знамя Ильича».**

До февраля 1964 года председателем колхоза по-прежнему работал Иван Павлович Морев из деревни Душково. В феврале 1964 года из Бежецка прислали нового председателя Морева Алексея Егоровича. Партийное собрание от 8 августа 1964 года постановило: просить директора школы А.В. Румянцева помочь учениками старших классов на копке картофеля в отстающих бригадах [70].

В 1966 году прекратили использовать трудодень, как единицу учета количества и качества труда в колхозах. Он использовался с 1930 года по 1 июля 1966 года. С 1 июля 1966 года колхозники начали получать ежемесячную зарплату. В наших карельских деревнях последний сеенокос косили сообща летом 1966 года, уже в 1967 году каждая семья

стала косить траву отдельно, считая, что именно они косили раньше больше других. Сначала от общины отделились семьи, где были молодые мужики и сыновья, а потом и все остальные. Общей заботой деревни еще некоторое время оставался ежегодный ремонт огородов на общественных выгонах скота.

У многих в домах появились телевизоры, холодильники, стиральные машины «Рига». Некоторые молодые парни заимели мотоциклы «Ковровец» и «Ява». Купили колхозную легковую машину для председателя «Москвич-412», машину ГАЗ-69 заменили машиной УАЗ. Легковых машин у колхозников тогда еще не было.

В деревнях по-прежнему единственным и надежным транспортом оставалась лошадь. Зимой на санях, а летом на одре или телеге ездили в лес, на поля, в магазин, районный центр и на рынок в Бежецк. Не выездным было время в конце марта – начале апреля в половодье, а также в ноябре-начале декабря, по колдобинам в бесснежье, и распутицу в праздник Введение. От нас до Бежецка через Градницы было 18 километров, до районного центра Сонково – 20 километров.

В те годы при уборке картофеля вместо плуга стали применять картофелекопалки с разбрасывателем или транспортером. Колхозники, школьники и шефы из городов собирали клубни, не сортируя, высыпали их в мешки. Позднее картофелекопалки заменили комбайнами, которые не только выкапывали картофель, стряхивали грязь, но и сортировали его на крупный и мелкий.

До 1965 года колхозники не получали ни ежемесячной зарплаты, ни пенсии. Пенсии начали платить им с 1 января 1965 года, а ежемесячную зарплату – с 1 июля 1966 года. С этого времени в колхозе началось пьянство, какого карелы не видели никогда. Ранее они выпивали только по праздникам, чаще – зимой, на другой день не опохмелялись до 12 часов, выпивать начинали после полудня.

Со второй половины 1966 года, когда стали получать ежемесячную зарплату, пить стали больше, пили беспартийные и коммунисты, рядовые колхозники и бригадиры, иногда даже председатели колхозов. Основной «валютой» в деревне стала бутылка водки. За привоз дров, соломы, сена, за вспашку огорода механизаторы брали плату только водкой, деньги не брали. Постепенно стало входить в норму поведение деревенских мужиков напрягать силы, чтобы провести очередную кампанию: весенний сев, навозницу, сенокос, уборку урожая, а потом неделю пьянствовать.

23 августа 1966 года на партийном собрании колхоза «Знамя Ильича» рассматривали персональные дела коммунистов Н.И. Нетрусова и шофера Н.И. Румянцева. Механик колхоза коммунист Нетрусов появлялся на работе пьяным, когда его пытались обсудить на бюро парткома, он обругал всех членов бюро нецензурными словами и ушел. Шофер колхоза коммунист Н.И. Румянцев пьяным обругал нецензурными словами председателя колхоза В.М. Катанугина за то, что он снял его с работы. Бывший агроном колхоза Катанугин, присланный ранее из Бежецка, стал председателем колхоза с июня 1966 года, сменив Алексея Егоровича Морева, отработавшего председателем с февраля 1964 года по июнь 1966 года.

При рассмотрении персональных дел на партийном собрании оба коммуниста – шофер Румянцев и председатель колхоза Катанугин выразились нецензурными словами. Собрание постановило: председателю колхоза Катанугину восстановить шофера Румянцева на работе. Шесть коммунистов голосовали за исключение Нетрусова из рядов КПСС, но решение не прошло. Председатель колхоза Катанугин был предупрежден за неправильное аморальное поведение с секретарем парторганизации В.И. Бычковой [71].

Через год, 25 августа 1967 года, на партсобрании обсуждали вопросы укрепления дисциплины труда. Приведу некоторые выступления коммунистов. Учитель физкультуры Карело-Кошевской школы И.В. Харчиков: «Председатель колхоза Катанугин работает в одиночку, ни с кем не советуется. С хозяйственными делами никого не знакомит, я хотел с ним обменяться мнениями, так Катанугин меня обложил бранью, что мне стало стыдно».

Бригадир деревни Муравьево М.И. Смирнов: «Дела в колхозе обстоят скверно, 750 центнеров пшеницы гниют в шохе на земляном полу. Необходимо принять срочные меры, иначе мы угробим урожай».

Бригадир деревни Петряйцево Н.И. Нетрусов: «У председателя чмоданное настроение, колхозом совершенно не руководит. Зерно возим из одного края колхоза в другой. Пять дней председатель прогулял, заданий не давал, с агрономом не советуется. Мы удивляемся, почему райком партии и райисполком не принимают меры к Катанугину, пока он не развалил колхоз».

Председатель колхоза В.М. Катанугин: «Много завелось людей с портфелями. Работают так, как кому вздумается, задания не выполня-

ют. Я требовал, чтобы нанять шабашников, правление не поддержало. Трактористы Чесноков и Баюнов пьянствовали, никто мне не помогает, ни профсоюз, ни партийная организация» [72].

Через месяц, 27 сентября 1967 года партийное собрание колхоза рассмотрело вопрос о неправильном поведении председателя колхоза В.М. Катанугина. Собрание постановило: за бесхозяйственное отношение к делу, за развал работы, за пьянство исключить коммуниста Катанугина из членов КПСС [73].

30 октября 1967 года партийное собрание рассмотрело организационный вопрос о председателе колхоза. Первый секретарь Сонковского райкома партии А.И. Ильенков внес на рассмотрение собрания кандидатуру Александра Сергеевича Кастардина на должность председателя колхоза [74].

Его предложение было поддержано, с того времени, более 15 лет А.С. Кастардин руководил колхозом «Знамя Ильича». Таким образом, в 1967 году после двух неудачных попыток насаждения председателей из города, который в общей сложности проработали около 3 лет, колхозники колхоза «Знамя Ильича» избрали своим председателем Александра Сергеевича Кастардина. Сам он тоже был не местным, родом из села Котлован Удомельского района. Но женат был на местной девушке родом из деревни Горбовец Ильиной Зинаиде.

Правление объединенного колхоза до 1968 года располагалось в помещении старого сельского клуба. Ранее там находился и Бережковский сельсовет, пока его не объединили в 1954 году с Краснооктябрьским сельсоветом. В 1968 году построили новое здание правления колхоза рядом с домом председателя.

Новый молодой председатель начал бурную деятельность по развитию колхоза. Он привлек сельскую молодежь, прежде всего, учителей в организацию художественной самодеятельности. Старый клуб не вмещал всех желающих, поэтому правление колхоза приняло решение о строительстве нового клуба рядом с домом председателя колхоза. На собрании 16 января 1969 года коммунисты колхоза «Знамя Ильича» просили Сонковский райком партии оказать помощь в строительстве нового клуба, заявляя, что колхоз носит имя Ленина, а отмечать его 100-летие колхозу будет негде [75].

Разработали проектно-сметную документацию, пригласили строителей из Чеченской Республики. Строительство клуба велось в 1969–1970 годах, торжественное его открытие состоялось на Новый,

1971 год. Заведовать клубом поручили 22-летнему местному баянисту Базлову Николаю. На втором этаже здания разместилась сельская библиотека, библиотекарем перешла работать учительница начальных классов Грачева Галина Васильевна.

На основании принятого положения, всем членам колхоза «Знамя Ильича», достигшим пенсионного возраста, насчитали пенсию по 12 рублей, независимо – мужчина или женщина. На эти деньги можно тогда было купить 6 кг вареной колбасы или 4 бутылки водки. Через два года пенсии работающим пенсионерам пересчитали, они все стали получать по 20 рублей.

Специалисты полагают, что восьмая пятилетка 1966–1970 годов была лучшей для сельского хозяйства за все 30 лет развития колхозов. Труженики колхоза «Знамя Ильича» это утверждение испытали на себе.

Развитие колхоза «Знамя Ильича» (1970–1975 годы)

*Старый месяц на исходе,
Новый нарождается.
Кто работает в колхозе,
В хлебе не нуждается.*

28 ноября 1969 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление, которым утвердили Примерный устав колхоза, который до этого был принят третьим Всесоюзным съездом колхозников. На основании Примерного устава каждый колхоз на правлении, а затем на общем собрании, принимал свой Устав колхоза. В течение января 1970 года состоялось заседание правления и общее собрание членов колхоза «Знамя Ильича», на котором был принят Устав. Сонковский райисполком зарегистрировал его 18 февраля 1970 года.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР **от 20 июля 1970 года** в целях упорядочения организации ремонта и технического обслуживания тракторов, автомобилей, комбайнов и других сельскохозяйственных машин и оборудования животноводческих

ферм, было поручено, в колхозах создавать центральные ремонтные мастерские.

Совет Министров РСФСР *11 июня 1971 года* принял постановление «О развитии производства продуктов животноводства на промышленной основе», которым предусматривалось создание в колхозах животноводческих комплексов.

* * *

После проведения очередных пленумов ЦК КПСС в 1968 и 1970 годах, посвященных развитию сельского хозяйства, упор был сделан на его дальнейшую механизацию, электрификацию и мелиорацию.

На центральной усадьбе колхоза «Знамя Ильича» в деревне Бережки построили ремонтные мастерские, где установили различные станки – токарный, сверлильный, фрезерный, точильный. Туда же перенесли кузницу с воздушным поддувалом, работавшим от электрического тока. Ранее кузница стояла в селе Карело-Кошево возле дороги, воздух подавался с помощью ручных мехов.

Оборудовали гаражи для грузовых машин, навесы для тракторов и комбайнов. Мелкий их ремонт проводили на месте, ремонт узлов и агрегатов проводили в поселке Сонково на базе отделения «Сельхозтехники». Колхоз приобрел несколько льноподборщиков, которые в начале 1960-х годов начал выпускать завод «Бежецксельмаш», что значительно облегчило труд колхозных женщин.

Первые три двухквартирных дома для молодых семей колхоз построил в 1970–1971 годах на центральной усадьбе в деревне Бережки. В них переехали из Петрайцева семьи Базловых и Бузыкиных, а также Киселевых из Калинихи, Кузнецовых из Байков.

На комсомольском собрании колхоза 18 августа 1971 года было решено, каждому комсомольцу отработать на уборке урожая не менее 7 дней, заработать не менее 20 рублей и отчитаться на следующем собрании. Установить комсомольские посты по охране нового урожая в шохах, куда ссыпали зерно:

- деревня Душково – Владимир Быстров, Владимир Белоусов и Виктор Соколов;
- Петрайцево – Владимир Нетрусов и Антонина Фомичева;
- Бережки – Александр Белоусов и Валентин Кучаков;

- Муравьево – Виктор Брызгалов;
- Акиниха – Николай и Галина Громы;
- Горбовец – Анатолий и Зинаида Головкины.

На отчетно-выборном собрании 3 декабря 1971 года меня ввели в состав комитета комсомольской организации колхоза, избрали секретарем комсомольской организации и делегатом на районную комсомольскую конференцию. Моим заместителем избрали счетовода Победоносцеву Нину. Я заменил Белоусова Александра Петровича, который был секретарем комсомольской организации с 21 ноября 1966 года с двухлетним перерывом на службу в армии [76].

Через неделю, в воскресенье 11 декабря, мы провели в новом клубе литературную композицию, посвященную 150-летию со дня рождения поэта Н.А. Некрасова. Помню, что клуб был полон народа, из дальних деревень приехали на лошадях. Основными действующими лицами были молодые учителя Карело-Кошевской школы.

На первом своем отчетно-выборном собрании 13 октября 1972 года я сделал отчет о работе комитета комсомольской организации. За 1972 год был проведен Ленинский зачет, в котором приняли участие 24 комсомолец. В комиссию по приему Ленинского зачета входили: секретарь партийной организации К.И. Борисова, секретарь комсомольской организации А.Н. Головкин, библиотекарь Г.В. Грачева и учитель А.И. Фомичева.

За все время проведения Ленинского зачета шла активная общественная комсомольская работа. Члены политкружка прочитали в деревнях 38 лекций, были избраны 3 пионервожатые-производственника: Александр Белоусов, Николай Базлов и Валентина Кутузова. Комсомольцы провели 4 субботника, один по распиловке дров и 3 – по озеленению клуба. Деньги, заработанные на распиловке дров, были направлены в библиотеку на книги и стеллажи, а также на оборудование комнаты Славы в школе.

Активно работала художественная самодеятельность. Была проведена встреча трех поколений, посвященная дню Советской Армии и Военно-Морского флота 23 февраля 1972 года. Комсомольцы дали концерты художественной самодеятельности к колхозному отчетно-выборному собранию, к празднику 8-е марта, Дню Победы 9-го мая, на День Весны в июне 1972 года, а также в октябре перед животноводами колхоза.

Был проведен колхозный смотр народного творчества, художественная самодеятельность колхоза приняла активное участие в

районном смотре. В художественной самодеятельности участвовали 12–14 комсомольцев и молодых членов КПСС. В проведении КВН и «Огоньков» участвовали до 19 человек.

Были оборудованы футбольные поля в Бережках и Петряйцеве, волейбольные поля в Бережках, Горбовце и Петряйцеве, спортивная площадка возле школы. Спортивных соревнований между колхозными командами в 1972 году не было, их запланировали провести в 1973 году.

Мы со школьниками в 1972–1973 годах сумели отстоять небольшую березовую рощицу возле школы, не дали мелиораторам корчевать деревья и вспахать пашню. Рядом с нею мы оборудовали спортивную площадку, на которой метали мяч и гранату, играли футбол и устроили беговую дорожку на 60 метров.

В колхозе активно работал «комсомольский прожектор», ответственная – Старшова (Победоносцева) Нина. Ежемесячно проводились рейды на фермы, на зернотока, в поле, материалы рейдов отражались в стенгазете «Юность» и фотогазете «Объектив», которую организовал Базлов Николай, туда он размещал свои фотоснимки.

Задолженности по членским комсомольским взносам не было, все отчеты о работе и протоколы собраний в райком комсомола высылались вовремя. На собрании комсомольцы высказали пожелание видеть представителей райкома комсомола на проводимых комсомольских собраниях, чтобы они знакомили с материалами центральных руководящих органов комсомола [77].

Нужно сказать, что я тогда работал учителем Карело-Кошевской восьмилетней школы, заочно обучался в юридическом институте, мы с женой воспитывали двух малолетних дочерей и успевали вести активную общественную работу.

На 1973 год наша комсомольская организация запланировала провести спортивные мероприятия, построить комплексную спортивную площадку в деревне Бережки. Провести 8 субботников, заработанные деньги направить в фонд помощи Вьетнаму и на приобретение колхозного спортивного инвентаря. Каждому комсомольцу посадить по 5 деревьев при озеленении улицы деревни и своего дома.

Мы создали лыжную команду из молодежи колхоза, участвовали в районных соревнованиях, заняли второе место. Организовали волейбольную и футбольную команды. Летом 1973 года выезжали в районный центр играть с местной командой «Локомотив» из депо. До-

стойно проиграли 1:2, учитывая опыт и мастерство соперника. В июне 1973 года первый секретарь Сонковского райкома комсомола А.Ф. Виноградов уговаривал меня ехать в областной центр оформляться на должность второго секретаря райкома комсомола, я отказался.

11 октября 1973 года на отчетно-выборном комсомольском собрании я второй и последний раз отчитался о проделанной работе. Было проведено 4 собрания, поставлено два концерта, проведен «Огонек» с механизаторами колхоза. В Бережках построен стадион с футбольным полем и волейбольной площадкой. Рассказал о спортивных достижениях комсомольцев колхоза.

На том собрании секретарем комсомольской организации колхоза вновь избрали Александра Петровича Белоусова. На отчетно-выборное собрание 11 октября прибыли сразу четыре представителя Сонковского райкома комсомола во главе с первым секретарем А.Ф. Виноградовым. Я к тому времени стал заместителем секретаря партийной организации колхоза, повторно о своей комсомольской работе отчитывался на партийном собрании 15 ноября 1973 года [78].

До перевода на животноводческий комплекс в деревне Бережки было беспривязное содержание коров на глубокой соломенной подстилке. Коровы свободно перемещались по ферме и кормились из общих кормушек. Такое содержание после пастбищ для коров было более привычным, надои были выше, чем на привязном содержании. Скотники каждый день добавляли соломенную подстилку, но все равно грязи и навоза хватало. Каждая доярка доила в своей группе по 12–15 коров. Летом их пригоняли на обед в загоны – так называемые «белые дворы», где доярки вручную успевали подоить всю свою группу коров и личную корову.

На животноводческом комплексе в Бережках коровы находились на привязном содержании двумя рядами. Там была налажена доильная установка «Елочка» с переносными доильными аппаратами, труд доярок было несколько облегчен.

Перед колхозом встала проблема пастбищ для большого стада животноводческого комплекса. Огромное стадо месило в грязь бывшие мелкие пастбища у деревень Бережки и Душково. Пришлось под них запускать поля возле Акинихи, Бережков и Терехова.

К животноводческому комплексу стали строить асфальтированную дорогу Холм – Бережки в 5 километров. Я вернулся домой после служ-

бы на флоте в 1971 году, стал работать учителем Карело-Кошевской восьмилетней школы. Мы с женой жили в деревне Горбовец и каждую весну, и осень месили грязь 4 километра до школы. Колеи в грязи были так глубоки, что водитель председателя колхоза Иван Кузьмин, который тоже жил в Горбовце, отпускал руль машины ГАЗ-69, закуривал папиросу и ехал, не управляя машиной. За руль хватался тогда, когда машина садилась на мост, надо было давать заднюю скорость и с разгона преодолевать препятствие.

В 1975 году дорогу заасфальтировали, для жителей деревень и водителей это стало большой радостью. В эти годы было налажено автобусное сообщение до районного центра Сонково и города Бежецка. Правда, до остановки в деревне Холм из дальних деревень Муравьево и Петрайцево надо было пройти 9 километров. Зато повезло самой ближней к трассе деревне Горбовец, до остановки было всего 1,5 километра.

8 февраля 1974 года на партийном собрании было отмечено, что за 1972–1973 годы в колхозе проведена реконструкция двух коровников на 220 скотомест, построен новый скотный двор на 100 голов с полной механизацией трудоемких процессов. Пробурено 4 артскважины, проведен водопровод общей протяженностью 1,4 км, построены зерносушильные пункты. В 1974 году был введен в эксплуатацию зерносклад комплексной зерносушилки в деревне Бережки, стоимостью 76,9 тысяч рублей. Одновременно в Бережках велось строительство мастерских, оба этих объекта строила Сонковская межколхозная строительная организация [79].

Праздники 1975 года

9 мая 1975 года страна отмечала 30-летие победы советского народа над фашистской Германией. Удивительно, но партийная организация колхоза, ни на одном собрании не рассматривала вопрос о подготовке к этой дате. Всю зиму 1974–1975 годов мы с женой ходили по нашим деревням, жена проводила политинформации, а я собирал сведения о карелах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Фотографировал для школьных стендов ветеранов труда, которые держали колхоз во время войны. В сборе материалов мне помогали учащиеся

Карело-Кошевской восьмилетней школы. Я работал учителем школы и одновременно нес общественную обязанность заместителя секретаря партийной организации колхоза «Знамя Ильича».

Чтобы сохранить память о погибших земляках, мы с учениками Карело-Кошевской школы в 1974–1975 годах по крупицам собирали вырезки из фронтовых газет, воспоминания оставшихся в живых фронтовиков, их письма, фотографии. К 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне в школе были подготовлены списки погибших воинов, оформлены стенды и создан музейный уголок, посвященный фронтовикам-землякам.

9 мая 1975 года я выступил в переполненном клубе на торжественном собрании с докладом, подготовленным на местном материале, который готовил всю зиму. Фронтовики в перерыве обнимали меня, жали руку, благодарили. Потом был большой концерт, который подготовили учителя и местная молодежь. Я был поражен, насколько терпимы, порядочны, надежны, добры были люди того военного поколения.

Каждый год в третье воскресенье июня в колхозе отмечали праздник – День весны. Весенний сев к этому времени уже закончили, навозница прошла – весь навоз был вывезен на поля, которые шли под пар. До сенокоса оставалось дней 8–10, люди могли немного отдохнуть.

К тому времени деревня Горбовец, где мы тогда жили со своей семьей, была обескровлена за годы советской власти, но продолжала жить полноценной жизнью. В 1930-е годы были раскулачены: Голубев Егор Евграфьевич, Колобов Матвей Михайлович, Голубев Василий Егорович и Блинов Николай Федорович.

Дом Колобовых состоял из двух изб под одной крышей. Одна изба в три окна по фасаду и одно окно сбоку, там жили престарелые родители и младшая дочь Татьяна. Во второй избе с двумя окнами по фасаду и одним окном сбоку ранее жили три сестры. Мария вышла замуж в свою деревню, жила через дом от родителей, вторая дочь Надежда вышла замуж в деревню Терехово. Теперь в этой избе жил старший сын Матвей Михайлович, который был холостым и считался хозяином подворья.

Во время коллективизации из дома взяли все, что могли: сельхозинвентарь, три коровы, две лошади, нетелей, десять овец, одежду, посуду, пасеку, зерно, сено и солому. Матвея Михайловича сослали на

три года в Северный Казахстан. В доме остались жить престарелые родители и младшая их дочь Татьяна со столом, лавками и оставленной посудой.

После ссылки Матвей Михайлович вернулся домой, вступил в колхоз, его назначили кладовщиком. После войны, когда ему было уже за 50 лет, женился на Пелагее из деревни Моисеиха, жена была немного моложе жениха. С ними постоянно жила сестра Матвея Татьяна, которая замуж так и не вышла.

В числе раскулаченных была семья Блинова Николая Федоровича, их имущество конфисковали, самого с женой и маленькими детьми отправили в Северный Казахстан, где они и сгинули. В пустом родительском доме остался старший сын Михаил Николаевич, женился на соседской девушке Беловой Полине и пошли у них дети. Блинов Михаил Николаевич, 1915 года рождения, с образованием 5 классов после войны вступил в ряды ВКП(б), его назначили бригадиром Бережковской тракторной бригады. В 1953 году перевели бригадиром Краснооктябрьской тракторной бригады, в 1956 году сняли с должности. Он стал работать трактористом в Бережковской тракторной бригаде, к тому времени в его семье было семеро детей.

Когда-то крепкое крестьянское хозяйство Блиновых пришло в упадок, семья Михаила стала нищей. В школу дети ходили по очереди, не было валенок для всех. Одного их сына, помогая брату, взяла к себе на воспитание сестра Михаила, он так и прожил там всю жизнь. После ликвидации в 1958 году МТС семья Блиновых переехала из Горбовца в деревню Гладышево. Познав нужду и горе, помогая друг другу, все дети Михаила Блинова уехали в Ленинград, в деревне из их семьи никого не осталось.

В годы Великой Отечественной войны погибли 7 жителей деревни, к 1975 году оставалось всего пятеро местных мужиков: Григорьев Василий, Голубев Михаил, Скворцовы Петр и Анатолий, их зять Румянцев Анатолий, и значительно больше – женщин.

В третье воскресенье июня 1975 года мы всей семьей вышли из деревни полдесятого утра, так как начало праздника наметили на 11 часов. Накануне к нам приехала тетка жены Анна Ивановна с дочерью Тамарой и сыном Славиком. Старшая ее дочь Марина осталась дома, к ней приехал жених из Череповца.

До центральной усадьбы Бережки было 4 километра, но мы вышли пораньше, так как старшей дочери Тане шел пятый годик, а младшей

Гале – третий годик. С маленькими детьми быстро не пойдешь, я всю дорогу нес на плечах по очереди дочерей, но больше всего – младшую дочь.

Мы прошли поле по наезженной дороге, поднялись на гору к рощице и остановились немного отдохнуть. Из нашей деревни шли люди, поодиночке и группами, издалека были видны нарядные цветастые платья женщин и девушек, праздничные костюмы мужчин и парней. С высоты прожитых лет я снова вижу всех жителей деревни Горбовец, которые шли на праздник Дня весны по полевой дороге на центральную усадьбу колхоза «Знамя Ильича» деревню Бережки.

Ближе к нам шли поодиночке две деревенские бабы-вековухи Клавдия Дядюгина и Анна Белова, в деревне ее звали Белкина. Их женихи погибли на фронте, они так и не смогли выйти замуж. Нам они казались пожилыми, а им всего-то было по 50 лет. Так и прожили в одиночестве всю жизнь, Дядюгина Клавдия умерла в 2007 году в своем доме, ее племянники из Москвы приехали и похоронили по-человечески, на кладбище.

Белова (Белкина) Анна летом 2005 года пропала, ее так и не нашли. Когда-то, давным-давно также летом пропала ее мать. Ее долго искали дочь и сын вместе с деревенскими жителями. Нашли в кустах возле родникового луга, откуда берет начало речка Каменка.

Белову (Белкину) Анну, которой в тот год исполнилось 80 лет, искать было некому, жителей в деревне к тому времени почти не осталось. Возможно, ее находили в лесу грибники или охотники из Бежецка и Сонкова, но никто не стал связываться с милицией и звонить туда. Так и числится она до сих пор пропавшей.

За ними шла Белова Анна, она никогда не была замужем по той же причине, имела внебрачного сына, который жил и работал в районном центре. В этот день он приехал к матери и шел на праздник отдельно с семьей Голубевых, к которым на праздник приехал из Ленинграда сын Василий, они в детстве дружили.

Их, троих, догоняла легкая на ногу Рудова Евдокия, хотя ей было уже за 60 лет, продолжала работать в колхозе наравне с молодыми. Она была двоюродной сестрой Голубева Михаила, ее старший брат Голубев Егор Евграфович в 1932 году был раскулачен. Их отец во время Столыпинской реформы до революции получил отруб, участок земли, который до конца своих дней жители деревни называли Евграфов отруб. Егора Евграфовича за этот отруб, перешедший по наследству, вместе с семьей отправили в Северный Казахстан.

В том же году Евдокия вышла замуж за Рудова Ивана, который умер от чахотки после войны, оставив двух сыновей. В 1952 году в деревне сгорели четыре дома, она с детьми перебралась жить в маленький домик на краю деревни.

В 1955 году ее младшего сына Геннадия осудили за тунеядство, потому что он не отработал минимум трудодней за 1954 год. Через год после освобождения он уехал в Казахстан на освоение целинных и залежных земель. Старший сын Василий женился на девушке из деревни Климантино, они некоторое время жили с его матерью, потом купили дом в Калинихе.

На некотором расстоянии от Белкиной, Дядюгиной, Беловой и Рудовой шла семья Голубевых вместе с приехавшими дочерьми, сыном и зятем. Старшая дочь жила в районном центре, к тому времени она вышла замуж за комсомольского деятеля. Долгое время Михаил Нилыч Голубев был бригадиром в деревне и единственным там коммунистом. Но к тому году бригадиром избрали Григорьеву Анну, а он вместе с другими ходил работать по наряду. Эта семья оставалась самой последней в деревне, Михаил Нилыч умер в 2009 году, тогда же его жену перевез к себе в районный центр внук. В тот год деревни Горбовец не стало.

Незадолго до смерти Голубева самый молодой житель деревни 70-летний Иван Кузьмин перешел жить на центральную усадьбу Бережки в дом своей умершей тетки. А тогда, когда все шли на празднование Дня весны, 35-летний Иван Кузьмин был молодоженом. Он недавно женился на Козловой Тосе и перешел жить к жене и теще в деревню Калиниха. Молодые вместе с другими жителями деревни: Виноградовыми, Киселевыми, Плотниковыми, Рудовыми шли на праздник через Гремячиху. Позднее вся молодежь из Калинихи разъехалась в Сонково, Бежецк, Ленинградскую область.

За Нилычиными, как звали в деревне Голубевых, поодаль шла семья Григорьевых вместе с сыновьями Колей, Вовой и приехавшей из Ленинграда дочерью Татьяной. Николай недавно женился и перешел жить к жене в деревню Горка, а сейчас он шел на праздник вместе с молодой женой. Позднее Григорьевы переехали жить в районный центр, где уже жил их младший женатый сын Володя.

За ними шла большая семья Скворцовых. Их старшая довоенная дочь давно вышла замуж, и вместе с мужем и дочерью жила отдельно, через пруд от родителей. Сын недавно женился, детей у них пока не

было, он с женой жил у своих родителей. Это позднее они переехали на центральную усадьбу и у них родились пятеро детей. Вместе с ними шла на праздник и младшая дочь, которая выучилась на учительницу и жила в соседнем районе.

Замыкали шествие старушки – Смирнова Мария, Лебедева Евдокия, Чистякова Александра, которые вышли рано, но их обогнали более молодые. В деревне оставались лишь престарелые жители – Белкина баба Иринья, Григорьев Иван со своей женой Марией, Колобова баба Паша и ее золовка баба Таня. Муж бабы Паши дед Матвей, вернувшийся после раскулачивания в свою деревню, уже умер.

Наши деревенские жители постепенно догоняли нас уже недалеко от дома культуры. Такие же ручейки людей шли из Гремячихи и Калинихи, Байков и Климантина, Петрайцева, Душкова и Шейна, Муравьева и Поцепа, а всего – 6 ручейков с разных сторон. Был еще и седьмой ручеек – жители карельских деревень Акиниха и Терехово, волею власти отнесенных к русскому колхозу «Красный воин», приходили в этот день встретиться с родственниками и знакомыми, а также посетить могилы своих предков на кладбище.

На праздник шли представители поколения, чьи родители создавали колхозы, а сами они держали их во время войны и восстанавливали в послевоенное время. Шли они с взрослыми детьми и внуками, а оставшиеся к тому времени в живых создатели колхозов в силу своего возраста на праздник не шли, оставались дома.

Сначала в новом колхозном, открытом накануне 1971 года, проходило торжественное собрание, клуб был полон людей, пришлось приносить дополнительные скамейки и табуретки из раздевалки и библиотеки, которая была наверху. С кратким отчетом о работе правления выступил председатель колхоза А.С. Кастардин, потом он поощрил лучших работающих колхозников премиями.

Из колхозного клуба все пошли в березовую рощу, где на летней эстраде художественная самодеятельность была готова к концерту. По случаю праздника приехали три автолавки: из Бежецка, Сонкова и Красного Холма, они стояли в тени берез. К ним выстроились большие очереди за продуктами, особенно к автолавке из Красного Холма. Она привезла пиво в бутылках местного пивзавода, что было редкостью, в деревнях его продавали только в дни выборов и в День весны. Обычно колхозники пили бочковое пиво в районном центре, когда возили туда на лошадях льнотресту или ездили за комбикормом.

В других автолавках продавали колбасный сыр, сырки «Дружба», рыбные консервы: «килька в томате», «килька в масле», шпроты, селедку в трехкилограммовых металлических круглых банках. Продавали макароны, вермишель, сахарный песок, муку, соль, спички. К чаю привезли пряников и печенья, кусковой сахар, пастилу, зефир, конфеты-подушечки.

Пока мы после концерта встречались с одноклассниками и знакомыми из других деревень, наши девочки уже познакомились с другими детьми и играли в прятки, прячась за березами. По всей березовой роще группами сидели и полулежали на траве отдельно жители каждой деревни или родственники или друзья. То там, то здесь перекликались гармошки и запевали застольные песни.

Усталые, но счастливые мы возвратились домой около 5 часов дня, дети после обеда сразу же, легли спать. А мы до самого вечера еще работали в огороде и на дворе. Тогда в школе, где мы работали с женой, как и везде, был всего один выходной, в отпуск же мы уходили с 1 июля.

Мы с женой уехали из деревни в следующем 1976 году в город Весьегонск, куда меня направили работать помощником прокурора, взяв с собой старшую дочь Таню. Младшая дочь Галя оставалась с бабушкой Надей до школы, мы взяли ее в Сонково в 1979 году.

Апогея колхоза «Знамя Ильича» (1976–1988 годы)

*Я амuletик старый, прежний,
Приколю себе на грудь,
Дорогой товарищ Брежнев,
Вывел нас на светлый путь.*

20 марта 1974 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

В целях закрепления кадров в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР Совет Министров республики **19 июля 1979 года** принял отдельное постановление, которым поручил министерствам и ведомст-

вам обеспечить освоение в 1980–1983 годах производства комплектов жилых домов, особенно усадебного типа, а также общественных зданий, необходимых для комплексной застройки сельских поселков.

28 мая 1981 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О комплексной программе развития мелиорации земель на 1981–1985 годы».

* * *

Со середины 1970-х годов начался массовый отток деревенских жителей в города и запустение наших деревень. Был спущен пятилетний план по переселению на 1976–1980 годы. Узнав, что деревни объявлены «неперспективными» и планируется перевод жителей на центральную усадьбу Бережки, многие молодые семьи стали уезжать из колхоза. Одни переехали в районный центр Сонково, другие – в город Бежецк. Часть молодых семей выехали в Карелию, а также в Ленинград и поселки Ленинградской области, в том числе – поселок Сланцы.

Несколько семей из деревень Акиниха и Терехово, отнесенных к русскому колхозу «Красный воин» переехали в деревню Бережки. К 1980 году свои дома в Бережки перевезли жители распавшейся деревни Акиниха: Громы, Моревы, Сапожковы, Старшовы и другие.

С 1974 года в колхозе «Знамя Ильича» велось строительство животноводческого комплекса на 400 голов крупного рогатого скота в деревне Бережки. На 1975 год план капитальных работ, которые вела Сонковская межколхозная строительная организация, составлял более 100 тысяч рублей. Прорабу В. Кирсанову было поручено сдать объект к 1 октября 1975 года, а к 1 декабря ввести в действие котельную и мастерские в деревне Бережки. Однако, животноводческий комплекс и мастерские на 50 ремонтов в колхозе «Знамя Ильича» ввели в 1976 году при новом руководителе организации А.Н. Ануфриеве. С того года межколхозная строительная организация (МСО) стала именоваться межколхозной передвижной механизированной колонной (МППМК). Завершал строительство комплекса и мастерских прораб МППМК В.Г. Суворов.

Таким образом, выполняя решение республиканского правительства, на поле возле деревни Бережки построили животноводческий

комплекс на 400 голов крупного рогатого скота. Туда согнали коров с мелких ферм всех деревень, кроме Поцепа. Там сохранилась мелкая молочно-товарная ферма на 30 коров. По-видимому, колхоз не решился лишать своих показателей по надою своих лучших доярок Маркову Галину и Чистякову Римму. После перевода коров на животноводческий комплекс, освободившиеся мелкие фермы в деревнях стали использовать по специализации. В Муравьеве стали выращивать поросят, в Петряйцеве – телят, в Горбовце – телок и нетелей, в Калинихе – бычков на откорм и так далее.

К 1976 году рождаемость в наших деревнях упала в 3 раза по сравнению с 1959 годом. Будучи заместителем секретаря партийной организации колхоза «Знамя Ильича», и учителем школы, я активно добивался строительства детского садика и новой школы. На собрании 12 января 1976 года я в очередной раз поставил вопрос о строительстве новой школы и детского садика [80].

Детский садик был построен через 8 лет после этого, а строительство школы опоздало на 15 лет, когда в деревнях молодежи уже не осталось. Начиная с 1970 года, в протоколах собраний партийной организации колхоза «Знамя Ильича», стало много общих фраз о политике партии и правительства, но мало ставилось конкретных задач, как было до этого.

Например, в резолюции партсобрания от 29 января 1977 года записано: «Партийная организация, труженики колхоза, как и все советские люди, горячо и единодушно одобряют и поддерживают целеустремленную и плодотворную деятельность ЦК КПСС, его политбюро, лично Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Леонида Ильича Брежнева, направленную на последовательное и неуклонное осуществление аграрной политики партии» [81].

Подобные штампы переходили от собрания к собранию. Другой задачей парторганизации стало активное вовлечение колхозников в ряды КПСС, усиленно агитировали даже тех, кто постоянно пьянствовал и дебоширил. К сентябрю 1977 года в колхозе было 47 коммунистов и 5 кандидатов в члены КПСС. Правда, коммунист Татьяна Бузыкина за систематическое пьянство была исключена из членов КПСС 15 июля 1981 года. Собрание ходатайствовало о направлении ее на принудительное лечение от алкоголизма.

Молодежь в колхозе не задерживалась, пользуясь нехваткой кадров, скотники, доярки и механизаторы нередко нарушали трудовую

дисциплину: пьянствовали, прогуливали, опаздывали на работу. После беседы с председателем колхоза или секретарем парторганизации писали заявления об уходе с работы. Бывшие коммунисты Татьяна Бузыкина и Анна Бритвина были убиты мужьями в пьяных ссорах [82].

С 1970 года в протоколах партийных собраний парторганизации колхоза «Знамя Ильича» записывали ежегодные социалистические обязательства колхоза. Их выполнение в протоколах не указывали.

На партийном собрании первичной партийной организации колхоза «Знамя Ильича» 22 апреля 1977 года рассматривали вопрос о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 года «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Конкретных предложений в резолюцию не внесли, ограничились словами: «увеличить», «улучшить», «вести работу», «усилить» и другими подобными штампами. В тот год Сонковская МПМК ввела в эксплуатацию магазин в деревне Бережки [83].

За вспашку и весенний сев в 1978 году по-прежнему отчитывались не руководители механизированных звеньев, о которых шла речь на собраниях, а бригадиры полеводческих бригад. Рядовым колхозникам порою было непонятно, кто является ответственным за сельскохозяйственные работы – механизированные звенья или полеводческие бригады. Бригадиры заявляли, что в погожие дни техника простаивала, и никто за это не отвечал. На собраниях колхозники говорили, что бригадир утром дает наряд, а сам уходит домой и не проверяет, как идет работа. Поэтому сено не убирается, поднятый лен не вывозится и не скирдуются, а утром проходит дождь, и надо все сушить заново. Бригадиры и специалисты стали редко появляться на полях [84].

На партийном собрании 16 июня 1979 года обсуждали вопрос о закреплении молодежи на селе. Доярка из деревни Муравьево В.И. Виноградова сказала: «Чтобы молодые оставались работать на селе, надо улучшать условия труда. К примеру, на нашей ферме, кто посмотрит, как мы работаем, и не останутся. Ручная дойка, всю зиму в грязи без выходных».

В животноводстве к тому времени на мелких фермах не было никакой механизации. Все работы по раздаче кормов, водопоею животных, уборке навоза, дойке коров проводились вручную.

Шофер из деревни Петряйцево В.П. Соколов: «Очень мало ведется работы с людьми. Дом культуры не работает, но кому-то придется

отвечать на само здание. Не работает магазин, в колхозе нет столовой. В этом году почему-то не было праздника – Дня Весны».

Собрание приняло неконкретное, формальное решение: «Партийной, профсоюзной, комсомольской организациям, правлению колхоза всеми средствами улучшать организацию свободного времени тружеников колхоза. С этой целью усилить контроль и руководство Домом культуры» [85].

Большим вопросом для колхоза оставалась дисциплина труда. При обсуждении хода уборки урожая 1979 года механик колхоза В.Н. Нетрусов говорил, что хорошо работают сварщик из города Калинина и токарь из города Рыбинска. А местные механизаторы Базлов, Сапожков, Плотников прогуливают. Председатель колхоза А.С. Кастардин на это заявил, что есть решение правления колхоза о взыскании с механизаторов по 3 рубля за каждый час использования техники в личных целях. С шофера Базлова будут взысканы деньги за 7 часов.

На собрании 28 октября 1980 года отмечали, что в колхозе на балансе 42 трактора, при хорошей дисциплине труда, весь урожай можно было убрать в короткие сроки. Урожайность зерновых культур из-за потерь составила всего 8,5 центнеров с гектара, были годы, когда собирали по 18 центнеров с гектара. Низкая урожайность из-за плохого качества вспашки и обработки полей, за этим никто не следит, ни бригадиры, ни специалисты. Рабочие-шефы из «Химволокно» города Калинина изломали все сортировки, они не умеют на них работать.

Обидно то, что за весенний сев 1980 года колхоз получил переходящее Красное Знамя района. В самый разгар уборочных работ, когда надо мобилизовать коммунистов, секретарь парторганизации К.И. Борисова уходит в отпуск. Колхозники идут не на все работы, они стали выбирать, какие работы выгодные, а какие – нет [86].

Начиная с 1977 года, протоколы комсомольских собраний стали составляться формально на одном листе по образцу: президиум, повестка дня, слушали и все. Никаких решений не принимали, никакой информации из них не получить. В одном протоколе собрания от 2 декабря 1980 года есть информация, что секретарем комсомольской организации был Быстров Анатолий. В своем отчете он говорил, что на весеннем севе хорошо потрудились механизатор Удальцов Сергей, он посеял 210 гектар зерновых, за что был награжден Почетной грамотой и ценным подарком райкома комсомола. Комсомолец Егоров Александр посеял озимые культуры на площади 113 гектар [87].

Известно, что в 1982 году секретарем комсомольской организации колхоза по-прежнему был Быстров Анатолий. Начиная с 1983 года, протоколов комсомольских собраний колхоза «Знамя Ильича» нет.

8 июля 1980 года бюро Сонковского райкома партии рассмотрело вопрос «О неудовлетворительной работе правления колхоза «Знамя Ильича» по производству и продаже молока государству в 1980 году». Этот вопрос рассматривался на колхозном партийном собрании 19 июля 1982 года, скорее всего, для того, чтобы снять его с контроля в райкоме партии. На собрании было заявлено, что надой молока на одну фуражную корову за первое полугодие 1982 года составил 850 кг или на 91 кг больше, чем в первом полугодии 1981 года. Производство молока в сравнении с прошлым годом увеличилось на 63,2 тонны, продажа – на 53,4 тонны. Увеличение продуктивности произошло вследствие работы кормоцеха в зимний период на ферме деревни Бережки, там было организовано приготовление кормов для скота.

Однако жирность молока составила 3,27% или на 0,06% ниже, чем в 1981 году, из всего сданного молока первым сортом продано 70,5%, а в 1981 году – 86,5%. Полугодовой план по продаже государству молока выполнен всего на 79,7%.

По состоянию на 19 июля 1982 года в колхозе было заготовлено 35,6% сена, 13,7% силоса и 25% травяной муки, хотя сенокос заканчивался к первому августа. Несмотря на эти показатели, 21 июля 1982 года бюро Сонковского райкома партии сняло с контроля свое постановление от 8 июля 1980 года. В то же время по итогам работы за 1981 год лучшими по району были признаны доярка колхоза «Знамя Ильича» М.И. Романова и механизатор В.М. Терпигорев [88].

К тому времени колхозники уже хорошо усвоили тезис, что выполнение государственного плана будет в ущерб колхозу. На следующий год ему давали увеличенный план, исходя «из достигнутых результатов прошлого года».

Мелиорацию полей в нашем районе проводила специально созданная передвижная механизированная колонна (ПМК-28). Сначала они строго соблюдали технологию осушения и мелиорирования земель. На заболоченных низменных полях они прокладывали дренажные трубки, копали колодцы и оканавливали поле с обустройством въездов.

На территории колхоза «Знамя Ильича» таких низменных полей не было, все они имели склоны к речкам, ручьям и логам. Но, видимо,

план мелиорации оставался планом, мелиораторы стали проводить работы, где считали нужным. Превращали в валы колхозные леса, уничтожали кустарники вместе с родниками.

В нашей деревне Петряйцево они полностью выкорчевали лес под названием «Тропан-Кохта», где жители деревни готовили на зиму дрова. Образовавшееся поле перепахали огромными плугами, образовав гребни земли высотой до 80 см. До конца существования колхоза «Знамя Ильича» это поле так и не привели в порядок. Не стало колхозного леса, не было и поля, коров там тоже не могли пасти. Мелиораторов всюду проклинали местные жители и грибники, перескакивая с гребня на гребень, чтобы пройти в лес. Жители деревни были вынуждены готовить дрова по берегам рек Теплинка и Оносиха, те начали быстро мелеть.

Таким же образом были нарушены леса: у деревни Муравьево в сторону Русско-Кошевской Горки, лес «Жиденка» и ольшаник возле Поцепа, на месте которых остались высокие земляные валы, гребни и кочки.

С другой стороны деревни Петряйцево мелиораторы стянули в кучи кустарник, при этом нарушив все имеющиеся там родники. В двух из четырех колодцев в деревне не стало воды, обмелели три пруда из семи.

Так происходило в результате низкой трудовой дисциплины со стороны трактористов и рабочих ПМК-28. На партийном собрании 31 июля 1978 года мастер Николай Сергеевич Орлов (родом из карельской деревни Шейно. – А.Г.) заявил: «Что говорить о социалистическом соревновании, когда после зарплаты на объекте никого нет. Пьянствуют как наши, так и калининские шефы из объединения «Химволокно». Надо наводить порядок и дисциплину».

Его слова подтвердил главный механик ПМК-28 Е.Н. Бобин: «Надо наводить порядок с избы, а не с огорода. У нас некоторые рабочие систематически пьянствуют, но решительных мер к ним не применяется. Я сделал внушение за пьянство трактористу Шарову, так он пришел разбираться ко мне домой. Какие меры воспитания еще нужно применять к таким людям? Надо очищаться от таких работников, в назидание другим. Без хорошо налаженной дисциплины, что говорить о соревновании и планах».

Главный инженер А.Я. Катавилов: «Рабочий день начинается с того, что разбираемся с выпивохами, убеждаем, воспитываем, наказываем,

но ликвидировать такое зло, как пьянство, видимо не так просто. Отсюда низкое качество нашей работы, организационные неразберихи и неполадки».

Исполняющий обязанности начальника ПМК-28 В.И. Гусев: «После окончания смены коммунист Г.В. Кочешков остался на территории и пьянствовал с другими в вагончике. В бригаде 5 человек, он единственный коммунист, но подает плохой пример».

На другом собрании Кочешков сказал: «Утром 5 сентября 1979 года я начал пахать, погнул тягу, пошел в колхозную кузницу. Кузнец мне ее отремонтировал, с ним я рассчитался вином, пил вместе с ним».

Нужно отметить, что неоднократные обсуждения на партийных собраниях коммуниста Кочешкова ограничивались разговорами или устным предупреждением, так как на каждом собрании он «признавал свою вину, чистосердечно раскаивался и давал слово, что больше этого никогда не повторится».

В 1978 году вместо В.Д. Харитонова начальником ПМК-28 был назначен работник Сонковского райкома партии А.И. Круглов. Но и при нем дисциплина не улучшилась, за 7 месяцев 1979 года рабочими было совершено 108 прогулов. За 3 месяца 1981 года по причине пьянства было совершено 52 прогула.

В то же время условия работы в ПМК-28 были ненадлежащими. В мастерских холодно, грязно, пол затоплен водой, он находился ниже поверхности территории. В автогараже отсутствовали бытовые комнаты, шоферам негде даже помыть руки, не только умыться. На территории ПМК грязи по колено, но при этом сточная канава не углублена, вода с территории по ней не вытекала. Не было мойки, эстакады для разгрузки горюче-смазочных материалов. Рабочих на объекты возили в грязных необорудованных машинах, в пути они захлебывались пылью.

К 1988 году времени на центральной усадьбе в деревне Бережки был построен детский садик. Его хотели сдать еще в 1983 году, но были проблемы с обеспечением его водой от водонапорной башни и теплом от центральной котельной. Детский сад строила бригада прораба Н.С. Комарова из Сонковской МПМК, он был сдан в эксплуатацию в 1984 году [89].

В середине августа 1987 года я приехал в отпуск к моим родителям в деревню Петряйцево. На поле, недалеко от деревни, увидал три комбайна и самосвал, в кузов которого из бункера ссыпали зерно. Я узнал своих бывших учеников братьев Юрия и Анатолия Быстрых и Зубова Александра. Я подошел и заговорил с ними, спросил, почему они работают одни, на поле нет ни бригадира, ни агронома, ни помощников.

В беседе они сказали, что работают на подряде звеном из 5 человек, их звено зерноводческое. В колхозе еще есть картофелеводческое и льноводческое звенья. За их звеном закрепили семь полей у деревни Петряйцево, каждое площадью от 10 до 25 га. Они заключили договор подряда с колхозом, по которому взяли на себя обязательство вырастить урожай зерновых не ниже средней урожайности последних трех лет.

Колхоз закрепил за ними землю, тракторы, комбайны и другую сельскохозяйственную технику, удобрения и семена, в работе им помогает агроном колхоза. Колхоз обязался ремонтировать переданную технику в колхозных мастерских, при невозможности – возить в Сонковское отделение «Сельхозтехники».

Колхоз обязался оплачивать произведенную продукцию по установленным аккордным расценкам. При перевыполнении своих обязательств была предусмотрена выплата премии, получалось, что к ним применяли аккордно-премиальную систему оплаты труда. Членам бригады ежемесячно выдавали предусмотренный договором аванс.

Звено получило относительную самостоятельность, над душой не стоят ни бригадир, ни агроном, ни другие аппаратные работники. Так они работают третий год, начиная с 1985 года. До этого агроном измерял глубину вспашки, внесение удобрений, все равно получались огрехи в работе. Теперь они все делают сами, как надо, качество работы получается лучше, чем с контролем агронома или бригадира. Материальный стимул заставляет их работать качественно и добросовестно.

Звено летом поднимало зябь на полях, сеяло рожь и озимую пшеницу, а весной – овес. Проводили яровую вспашку, по которой сеяли ячмень и яровую пшеницу. После сева вывозили навоз с ферм на паровые поля, позднее – убирали урожай комбайнами и возили зерно на зерноушку.

Аванс, окончательный расчет деньгами и зерном получали поровну, не выделяя звеньевому. Из-за материальной заинтересованности члены звена проявляли разумную инициативу, не допуская потерь семян при севе и потерь зерна при уборке и перевозке. До создания звеньев механизаторы получали зарплату в полном объеме отдельно за пахоту, отдельно за сев, отдельно – за уборку урожая. У них не было большой заинтересованности в конечном результате труда. Будет хороший урожай – получат тринадцатую зарплату, а если не будет – они уже и так получили все сполна.

Я знал, что еще в мае 1973 года рассматривали вопрос о работе звеньев. Было заявлено, что звеньевая система труда в колхозе внедряется слабо. С весны организуются звенья, а в период работы они разваливаются и до конца уборка урожая их не остается [90].

Об этом сказал Быстрову Анатолию, он ответил, что в первые два года договоры с ними заключали на сезон с 1 апреля по 1 ноября, а в том, 1987 году, договор заключили на полный год. В осенне-зимний период они намерены вывезти на поля органические удобрения, чтобы не делать это в июне, а также сами будут готовить всю технику к весенне-летнему сезону.

Август 1987 года был дождливым в нашей местности. Когда я ходил за грибами, видел на колесах комбайнов натянутые цепи, сами комбайнеры никуда не отлучались, находились рядом с комбайнами. При каждом просвете между тучами они запускали на некоторое время комбайны. Чтобы получить хороший урожай и не потерять его, члены звена по-разному организовали свой труд; одно дело при ранней весне и засушливом лете, другое – при поздней весне и дождливом лете.

Средняя зарплата колхозников [91]:

1970 год – 74,9 руб.	1984 год – 147,7 руб.
1975 год – 92,0 руб.	1986 год – 163 руб.
1980 год – 118,5 руб.	1987 год – 170,2 руб.
1982 год – 128,9 руб.	

Благодаря четкой организации труда, хорошей дисциплине, получению высоких урожаев, члены механизированных звеньев первыми в колхозе получали финансовую возможность купить машину «Жигули» за 5,3 тысячи рублей или машину «Нива» за 11 тыс. рублей. В то время, как у рядовых колхозников месячная зарплата колебалась в

пределах 120–150 рублей, лишь пастухи получали по 250–300 рублей, то есть на 50 рублей больше прокурора района.

Таким образом, акцент земледелия в колхозе «Знамя Ильича» был переведен от полеводческих бригад механизированным звеньям. К этому времени многие трудовые процессы в колхозе были механизированы. Колхоз закупил льноуборочные комбайны, которые теребили лен, обмолачивали его и расстилали льносолому. После вылежки ее поднимали вручную граблями или льноподборщиком.

К тому времени в колхозе были полностью механизированы основные полевые работы: пахота, сев, сенокос, вывозка навоза, жатва, обмолот и очистка зерна, льнотеребление и подъем тресты. Полеводческие бригады занимались, в основном животноводством – заготавливали корма и солому, проводили пастьбу скота. В дождливую осень одной из их забот был лен – его расстилка и подъем. Бригады не имели в своем ведении техники, удобрений и семян, перестали быть хозяевами земли. Каких-либо промыслов в колхозе не было.

Бюро Сонковского райкома партии 28 сентября 1987 года потребовало от руководителей колхозов и совхозов добиться, чтобы к 1 января 1988 года за подрядными коллективами было закреплено 60% поголовья скота, а к 1 июля 1988 года – 100% [92].

Колхоз «Знамя Ильича» успешно справлялся с государственными поставками зерна, льнотресты, мяса и молока. Колхозники получали стабильную ежемесячную зарплату, которая ежегодно повышалась. Государство взвалило на колхоз несвойственные ему функции.

По договорам он перечислял деньги дорожному участку за содержание колхозной асфальтированной дороги в 5 километров. Перечислял деньги ПМК-28 за мелиорацию земель, хотя работы, в сущности, до конца не проводили, лишь очистив от мелколесья небольшие поля, не приведя некоторые из них в порядок для использования, и они не использовались.

Колхоз содержал сельский дом культуры, отапливая его и выплачивая зарплату директору и кочегару. В последние перед реформами годы открыл детский садик, выплачивая зарплату персоналу и снабжая его продуктами питания. Дополнительные расходы не давали возможности колхозу получать более значительную прибыль, но он держался дольше многих других колхозов Сонковского района.

Своей деревенской сметкой мужики понимали, что в стране всем руководит план, за которым людей не видно. План по всему: севу,

заготовке кормов, уборке урожая, молоку и мясу, по зерновым – много было разновидностей плана. А как живут в деревне люди, на что живут, когда не выдавали денег, что едят, когда выгребали из амбаров в счет госпоставок все зерно, во что одеты, донашивая военные гимнастерки и телогрейки – это не очень волновало властные структуры.

В середине шестидесятых годов многие начинали понимать, что пора начинать спасать деревню от смерти. Но предлагаемые властью меры: индустриализация деревни, ее многоэтажность, укрупнение центральных усадеб, специализация хозяйств, создание животноводческих комплексов, объявление деревень «неперспективными», в конце концов, привели к их гибели. Уже тогда некоторые начинали понимать, что земле нужен хозяин, иначе она становится бесхозной землей.

К началу 90-х годов XX века прошло шесть десятилетий с момента создания колхозов. Отработала свое и ушла на пенсию основная сила колхозного производства – поколение людей, родившееся после Октябрьской революции, детство которого прошло уже при советской власти, но при частной собственности на землю. Оно брало пример ответственного отношения к крестьянскому труду от своих родителей, которые не могли плохо работать на своих участках земли.

Полагая, что колхознику ничего иного не дано, они работали на колхозных полях с полной отдачей, хотя долгое время не получали ни денег, ни других благ. Такому же отношению к земле, к труду, к природе это поколение крестьян приучало и своих детей на своем собственном примере. Выручало подсобное хозяйство, на ведение которого оставалось очень мало времени утром да вечером. В значительной мере бремя ведения подсобных хозяйств ложилось на детей и престарелых.

Тяжелый труд, бессонные ночи, отданные маленьким детям, полуголодное существование не иссушали родники человеческой душевности, тепла, общинности. Но родители не хотели, чтобы их детей постигла такая же участь, всеми правдами и неправдами, любыми путями стремились отправить их в города.

Таким образом, основными причинами оттока жителей из деревни были: низкая механизация трудоемких процессов, а также объявление многих деревень «неперспективными». В 1987–1988 годах в колхозе «Знамя Ильича» прошло массовое переселение жителей из всех деревень на центральную усадьбу в деревню Бережки. До переселения проводили опрос жителей, кто желает переезжать в Бережки.

Из деревни Петряйцево пожелали все, кроме моих родителей и трех семей Туркиных. Из деревни Поцеп пожелали переехать все, так как там ферму закрыли, и работы не было. По несколько семей изъявили желание выехать из всех других карельских деревень.

Для переселенцев были отстроены кирпичные дома несколькими улицами, куда поселили семьи работоспособных колхозников. Для пожилых жителей колхоз помог купить дома в деревнях Душково и Шейно. Несколько семей выехали в другие города и поселки. Политика партии и правительства по переселению жителей из небольших деревень на центральную усадьбу явилась губительной для колхозов. В нашей местности люди веками привыкли жить в деревнях по 30–40 дворов.

Последние годы колхоза «Знамя Ильича» (1989–2002 годы)

*Очень ловко сообразило
Руководство высшее.
Стала кучка богачей,
Остальные – нищие.*

В 1989 году был принят новый Закон «**О земле**», который ввел понятие – пожизненное наследуемое владение землей. Это предполагало владение, пользование, наследование, передачу в аренду в очень ограниченных законом случаях, но без прав продавать и закладывать участок.

23 ноября 1990 года председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин подписал закон «О земельной реформе», которая имела целью перераспределение земли в интересах создания условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле, формирования многоукладной экономики, рационального использования и охраны земель на территории РСФСР.

Монополия государства на землю на территории РСФСР отменялась. Вводились две основные формы собственности на землю – государственная и частная. Частная собственность на землю реализовалась в виде индивидуальной и коллективно-долевой собственности граждан.

В частную индивидуальную собственность граждан могли передаваться земли для ведения личного подсобного и крестьянского хозяйс-

тва, садоводства, животноводства, а также под здания и сооружения для индивидуальной предпринимательской деятельности, строительства и обслуживания жилого дома, дач, гаражей.

Правительство Ельцина со 2 января 1992 года отпустило цены на товары, они начали стремительно расти. Регулируемыми государством оставались цены на хлеб, молоко, водку, транспорт, энергоносители и коммунальные услуги, но они резко повысились.

29 декабря 1991 года правительство России приняло пакет решений, направленных на ускорение земельной реформы. Согласно документам, до 1 января 1993 года предлагалось ликвидировать колхозы и совхозы. В течение этого срока хозяйства, на основании решения их коллективов, должны быть преобразованы в акционерные общества, товарищества, кооперативы или же разделены на индивидуальные фермерские хозяйства.

Колхозы и совхозы, не обладающие возможностями для погашения своих задолженностей, объявлялись банкротами и подлежали ликвидации и реорганизации до апреля 1992 года.

Согласно постановлению правительства России, члены совхозов и работники колхозов, в том числе, пенсионеры, получали – в зависимости от трудового вклада – бесплатную долю в имуществе хозяйства, а также в его земельных угодьях. Владелец имущественного и земельного пая мог использовать его для создания собственного хозяйства, как взнос в акционерное общество, товарищество, а также – продать полностью или частично другим работникам или хозяйству.

Бесплатный земельный пай не мог при этом превышать установленной для данной местности предельной нормы бесплатной передачи земли в частную собственность, – участки земли сверх нормы приобретаются на аукционах.

* * *

Перед проведением в жизнь земельных реформ был один интересный опыт индивидуального подряда, заключенного колхозом «Знамя Ильича» с семьей дагестанцев.

К 1990 году в деревне Петряйцево остались жить моя мать с отчимом, да три русских семьи Туркиных. Деревню стали называть «Туркин хутор с подселением».

Весной 1990 года в почти пустую деревню приехала молодая семья дагестанцев – муж с женой и трое малолетних детей. Они заключили договор с колхозом «Знамя Ильича» на откорм бычков. Семья заняла большой пустующий дом Быстровых на краю деревни. Моя мать дала им картошки и луку на посадку и на еду, стала продавать в долг молоко и яйца.

Семья дагестанцев сделала несколько «зеленых» выгонов для бычков, оградив их столбиками с проволокой, по которой пропустили слабый электрический ток. Столбы заготовили в ельнике, а провода сняли с электрических столбов. К тому времени распалась деревня Пощеп, до которой два километра шагали электрические столбы с тремя рядами проводов. Дагестанец снял столько провода, сколько ему было нужно для ограждения выгонов.

Бычки паслись несколько дней в одном выгоне, пока не подбедали в нем всю траву, потом их перегоняли во второй и так далее. По вечерам в больших котлах бывшей водогрейки дагестанцы варили для бычков каши из комбикормов, ночью охраняли их от волков и появившихся воров. Работали они много и добросовестно, бычки давали хороший привес. Поздней осенью они передали часть бычков в колхоз, согласно договору, другую часть продали, получили хорошие деньги, рассчитались со всеми долгами, в том числе и за комбикорм.

Прожив зиму, дагестанцы взяли на второе лето уже 100 бычков и откармливали их до поздней осени. Осенью они получили деньги, уехали в ближний город Некоуз Ярославской области, где купили дом и машину. Местные молодые жители почему-то так работать не хотели.

Житель деревни Гремячиха А.П. Белоусов, имея богатый опыт работы председателя другого колхоза, решил заняться фермерским хозяйством. Колхоз «Знамя Ильича» передал ему поля возле деревни Гремячиха, трактор, набор сельхозтехники. Фермер принял на работу Соколова Виктора с сыном Владиком из деревни Бережки и Румянцева Юрия из села Карело-Кошево. Учитывая конкретные обстоятельства и диспаритет цен, фермерское хозяйство продержалось около 13 лет, потом оно полностью обанкротилось. Других фермеров на территории бывшего колхоза не появилось.

Выполняя указания правительства Ельцина–Гайдара, колхозную землю попытались разделить на паи. Но из-за низкой правовой культуры и уровня правоприменения земельные доли были плохо юридически оформлены, их владельцы не представляли себе выгоды и обязанностей

владения долями, а сельхозпредприятия, фактически использовавшие земли, не платили арендную плату. Более того, земли, сданные в аренду в виде земельных долей, не были ограничены на местности.

Уже на начальных этапах реформы в аграрном секторе было понятно, что полный переход советского сельского хозяйства на семейный фермерский тип хозяйствования в обозримой перспективе невозможен.

Сельская инфраструктура и технологии аграрного производства долгие годы формировались под крупные предприятия, что препятствовало распространению фермерских хозяйств.

Раздел колхозов и совхозов на семейные фермы в сложившихся обстоятельствах обрекал крестьянство на упадок и разорение.

Поэтому в условиях экономического кризиса было нерационально разрушать пусть даже малоэффективные крупные предприятия, которые зачастую технологически не поддавались разделу на мелкие хозяйства.

Процесс формирования фермерских хозяйств шел крайне медленно. Фермерские хозяйства не имели шансов быстро стать основным сельхозпроизводителем, тем не менее, демонстрировали хозяйственную самостоятельность.

Уничтожая колхозы, представители власти в постсоветской России заявляли, что страну накормят фермеры. Прошло четверть века, страна во многом зависит от импортных продуктов питания.

Попытки в 1990-е годы перевести сельское хозяйство на полную рыночную основу закончились провалом. Аграрный сектор в любой стране не может быть только бизнесом, государство обязано делить с крестьянством все основные риски.

Производство сельскохозяйственной продукции всегда убыточно для крестьянства, особенно производство зерна, овощей и продуктов животноводства. Почти во всех странах мира крестьяне получают денежную дотацию, чтобы довести затраты до себестоимости и получить еще какую-то прибыль. В одних странах дотацию предоставляют переработчики и государство в долях одновременно. При этом, чем большую цену на конечную продукцию устанавливает переработчик, тем больший процент дотаций он выплачивает, а государство доплачивает оставшуюся долю.

В других странах дотацию выплачивают одни переработчики в зависимости от конечной цены продукции. В третьих странах, как, например, было в СССР, дотацию выплачивает только государство.

С 1994 года началась масштабная по выделенным средствам программа государственного лизинга сельхозтехники, в соответствии с которой производители могли приобрести ее в финансовый лизинг на льготных условиях. Все годы своего существования программа реализовалась через единственную компанию – сначала через частную компанию с незначительным государственным участием «Агроснаб», затем через специально созданную государственную лизинговую компанию «Росагролизинг».

Наличие единственной лизинговой компании, получавшей существенные вливания из федерального бюджета, монополизировал рынок, что приводило к удорожанию поступающей по лизингу техники для сельхозпроизводителей и закрывало доступ к лизинговым программам. Обедневший к тому времени колхоз «Знамя Ильича» все-таки сумел купить по лизингу трактора МТЗ-80, МТЗ-82 и ДТ-75.

Надежды на внешних инвесторов также не оправдались, никто не захотел на базе колхоза «Знамя Ильича» строить агрохолдинг или крупное сельскохозяйственное предприятие. Последним председателем после А.С. Кастардина был чеченец Амхат Ахмедович Басаев.

Несмотря на упадок колхоза, отсутствие там рабочей силы, администрация района по-прежнему нагружала его проблемами соцкультбыта. 23 ноября 1991 года в деревне Бережки состоялось торжественное открытие нового здания Кошевской средней школы на 192 учащихся. По акту приема-передачи имущества от 11 ноября 1992 года администрация Сонковского района передала колхозу «Знамя Ильича» эту двухэтажную школу.

Работы в колхозе становилось все меньше и меньше, молодые люди жили за счет подсобного хозяйства, пенсий матерей да жалких детских пособий. Начиная с 1992 года, в стране произошла гиперинфляция, деньги резко обесценились, их стали считать миллионами. Долг льнозавода и молокозавода колхозу считали в миллионах, долг колхоза нефтебазе – в миллионах.

Инфляция за 1992 год составила 2600%, ликвидировав сбережения страны за годы советского строительства. За 1993 год уровень инфляции составил 850% по сравнению с 1992 годом, а за 1994 год – 215% в сравнении с 1993 годом.

В 1996 году колхозники получали зарплату по 100–120 тысяч рублей в месяц, механизаторы и доярки – до 300 тысяч рублей в месяц. Размер детских пособий был 125 тыс. 500 рублей на ребенка до 1,5 лет.

В это самое время один батон белого хлеба стоил 2,3 тысячи рублей, один килограмм макарон – 4,5–5 тысяч рублей, один литр растительного масла – 9–10 тысяч рублей, один килограмм вареной колбасы – 17–20 тысяч рублей.

С 1 января 1998 года стали обменивать деньги согласно указу Президента РФ Б.Н. Ельцина от 4 августа 1997 года, из расчета 1 новый рубль за 1000 старых рублей.

* * *

Последний букет из колосков ржи и головок льна, собранных на полях колхоза «Знамя Ильича» между деревнями Бережки и Горбовец, жена сформировала в августе 1997 года, когда мы ездили на кладбище устанавливать памятник Смирновой Надежде Ивановне.

К тому времени уже не было карельских деревень Акинихи, Поцепа и Терехова. В Горбовце, Калинихе, Петряйцеве и Шейно проживали от 3 до 5 человек. В Байках, Гремячихе, Душкове, Климантине и Муравьеве – от 10 до 18 человек. Лишь на центральной усадьбе колхоза в деревне Бережки оставалось более 200 жителей.

Колхоз «Знамя Ильича» Сонковского района Калининской (Тверской) области находился в 250 километрах от столицы нашей родины города Москвы. После переезда в 1987–1988 годах жителей из 12 деревень на центральную усадьбу, там стали постепенно растаскивать и грабить животноводческие фермы, конюшни, телятники, водонапорные башни. Всю оставшуюся технику и скот перегнали на центральную усадьбу в деревню Бережки. Начиная с 2002 года, все поля колхоза стали заброшенными, стали постепенно зарастать кустарником и мелколесьем, деревни опустели, дома развалились.

Наш букет простоял, как память о родной земле, до 2014 года, пока полностью не осыпались зерна из колосков ржи и семена из головок льна. Вместе с ним рассыпался, создаваемый годами непомерными усилиями деревенских жителей, колхоз «Знамя Ильича» Сонковского района Тверской области.

Банкротство и ликвидация колхоза «Знамя Ильича» (2002–2015 годы)

*Развалился колхоз,
На все четыре стороны.
Нам достался лишь навоз –
И тот склевали вороны.*

25 октября 2001 года был принят новый Земельный кодекс. Чтобы облегчить его принятие, вопросы оборота земель сельскохозяйственного назначения из него были исключены. Специальный Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» был принят **24 июля 2002 года**. Он кодифицировал, упорядочил и устранил пробелы земельного законодательства, появившегося с начала реформ. Общество в целом и агенты аграрного рынка получили четкий сигнал о том, что сложившаяся система земельных отношений – надолго. При этом закон фактически отменил земельные доли, земля коллективных хозяйств оказалась в совместной собственности ранее установленных владельцев долей.

* * *

Как коллективная форма собственности, колхоз «Знамя Ильича» перестал существовать к 2002 году. Знамя Владимира Ильича Ленина перешло из коллективной в частную собственность, чтобы быть спущенным с флагштока истории.

Никто из тех, кто разрушал колхозы, никогда не ответит на вопрос, зачем они это делали? В угоду чьим-то личным интересам проводилась активная государственная политика по ликвидации колхозов. Я уверен, что хватило бы земли и работы, как зарождающемуся классу фермеров, так и в колхозах. Соревновались бы они друг с другом, какой метод хозяйствования более эффективный – частный или коллективный. Так нет, государство умышленно разрушило колхозы, пустив с молотка все нажитое годами упорным трудом колхозное имущество.

Колхоз был вновь зарегистрирован 11 декабря 2002 года в виде производственного кооператива с частной формой собственности, уставной капитал составил 8 тысяч рублей. Учредителями сельскохо-

зайственного кооператива «Колхоз «Знамя Ильича» выступили 6 человек, в том числе председатель колхоза А.А. Басаев, главный механик колхоза Н.А. Майоров и механизатор А.Н. Зубов.

Определением арбитражного суда Тверской области от 18 июля 2010 года была введена процедура наблюдения в отношении колхоза «Знамя Ильича». Временным управляющим утвержден Глухов Николай Александрович, член НП «СРО НАУ «Дело» города Москвы [93].

Определением арбитражного суда Тверской области от 1 марта 2011 года колхоз «Знамя Ильича» Сонковского района Тверской области объявлен банкротом, открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден Н.А. Глухов [94].

Он объявил о проведении на электронной площадке ООО «Системы электронных торгов» 7 сентября 2011 года открытых торгов в форме аукциона с открытой формой предложений о цене имущества колхоза «Знамя Ильича». Имущество выставлялось на торги одним лотом и включало в себя:

- 51 объект недвижимости 1980–1989 годов постройки, в том числе 6 объектов соцкультбыта, общей площадью 3695 квадратных метров;
- восемь единиц автотракторной техники 1987–1996 годов выпуска;
- 24 наименования движимого имущества в количестве 78 единиц;
- права требования дебиторской задолженности на сумму 1 млн 400 тысяч рублей.

Начальная цена – 3 млн 400 тысяч рублей. Подача заявок на участие в торгах и предложенной цене осуществлялась на электронной торговой площадке ООО «Системы электронных торгов» с 30 июля по 2 сентября 2011 года [95].

Следующие торги Н.А. Глухов объявил на 25 октября 2011 года, он выставил те же 51 объект недвижимости, кроме движимого имущества, которого оставалось уже не 24 наименования в количестве 78 единиц, а 2 наименования в количестве 5 единиц. В связи с этим уменьшилась начальная цена с 3,4 млн рублей до 2 млн 970 рублей [96].

Заявок на торги 25 октября 2011 года не поступило, тогда Глухов разделил имущество колхоза «Знамя Ильича» на 4 лота и объявил о проведении торгов в период с 14 ноября по 29 декабря 2011 года.

Лот № 1 – новая школа, площадью 1200 кв. метров и две квартиры, начальная цена 445 тысяч рублей.

Лот № 2 – старая школа площадью 45 кв. м, дом культуры площадью 830 кв. м, баня – 450 кв. м, детский сад – 850 кв. м, два жилых дома по 56 кв. метра. Также – коровник площадью 2 тысячи кв. м, два телятника по 1,5 тысячи кв. м, конюшня – 920 кв. м, зерносклад – 800 кв. м, две зерносушилки каждая по 800 кв. м, гаражи – 600 кв. м, мастерские – 400 кв. м, картофелехранилище – 620 кв. м, кочегарка – 89 кв. м, КЗС – 800 кв. м, 4 шахтных зерносушилки, 1982 года выпуска, 50 тонн металлоконструкций, 1985 года выпуска.

В этот же лот входили: склад для ядохимикатов – 50 кв. м, склад для удобрений, шоха для техники – 800 кв. м, шесть силосных траншей, каждая по 600 кв. м, склад № 1 – 450 кв. м, склад № 2 – 220 кв. м, пункт сушки льноволокна – 400 кв. м, сеной сарай – 400 кв. м, автозаправочная станция с оборудованием и складом для масла, площадка для техники – 1250 кв. м, санпропускник – 92 кв. метра. Местонахождение всего этого имущества – деревня Бережки.

В этот лот вошло имущество, находящееся в деревне Климантино: баня – 220 кв. м, коровник – 2 тысячи кв. м, два недостроенных жилых дома по 55 кв. м, силосная траншея – 600 кв. метров.

В лот была включена техника – трактора и самосвалы: Трактор ДТ-75М, 1989 года выпуска, МТЗ-80, 1993 года выпуска, ДТ-75МЛ, 1990 года выпуска, МТЗ-82, 1996 года выпуска и два самосвала, 1987 года выпуска.

Начальная цена лота была определена в 1 млн 250 тысяч рублей.

Лот № 3 – три насосных станции, каждая по 4 кв. м, две артскважины, две водонапорные башни, сеть водопровода в 500 погонных метров, это имущество находилось в деревне Бережки, начальная цена по лоту 182 тысячи рублей.

Лот № 4 – здание правления, площадью 100 кв. м, фундамент жилого дома – 4 кв. м, склад для газовых баллонов – 20 кв. м, недостроенный склад-ангар, трактор МТЗ-82, 1996 года выпуска и самосвал, 1989 года выпуска. Все имущество находилось в деревне Бережки, начальная цена по лоту 120 тысяч рублей[97].

В дальнейшем Глухов разделил один лот на два лота. В лот № 5 были выделены:

- 2 коровника по 2 тыс. кв. м. каждый;
- 2 телятника по 1,5 тыс. кв. м. каждый;
- зерносклад (ферму), площадью 1,6 тыс. кв. м;
- зерносклад – 800 кв. м;

- 6 силосных траншей по 600 кв. м. каждая;
- пункт сушилки льноволокна – 400 кв. м;
- сенной сарай – 400 кв. м;
- автозаправочную станцию с оборудованием и складом для масел, площадку для автотехники – 1250 квадратных метров.

Все имущество находилось в деревне Бережки, начальная цена по этому лоту была определена в 505 тысяч рублей, цена по лоту № 2 стала 745 тысяч рублей [98].

Победителем торгов по лоту № 1 был признан Т.Г. Мирзоян, который купил здание школы и две квартиры за 445 тыс. рублей.

Победителем торгов по второму лоту стала О.А. Захарова, которая за 120 тыс. рублей купила: здание правления колхоза, площадью 100 кв. м, фундамент жилого дома, склад для газовых баллонов, недостроенный склад-ангар, трактор МТЗ 1996 года выпуска и самосвал 1989 года выпуска.

Победителем торгов по третьему лоту стал З.А. Иллаев, купивший перечисленное в нем имущество за 505 тысяч рублей [99].

Проведение следующих торгов Глухов объявил в период с 5 марта по 19 апреля 2012 года, часть непроданного имущества колхоза «Знамя Ильича» он разделил на 6 лотов.

Лот № 1 – право требования дебиторской задолженности колхоза «Знамя Ильича» к СПК «Бережки» в сумме 897 292 рубля. Начальная цена лота 30 тысяч рублей.

Лот № 2 – жилой дом площадью 56 кв. м в деревне Бережки, начальная цена 10 тысяч рублей.

Лот № 3 – второй жилой дом площадью 56 кв. м в деревне Бережки, начальная цена 10 тысяч рублей.

Лот № 4 – гаражи площадью 600 кв. м в деревне Бережки, начальная цена 50 тысяч рублей.

Лот № 5 – два недостроенных жилых дома в деревне Климантино, начальная цена 15 тысяч рублей.

Лот № 6 – баня площадью 220 кв. м в деревне Климантино, начальная цена 8 тысяч рублей [100].

Сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) «Бережки», о котором есть ссылка в лоте № 1, был зарегистрирован 12 января 2005 года с частной формой собственности, председатель кооператива Удальцова Ирина Федоровна. Уставной капитал 11,5 тысяч рублей, число учредителей 23 человека, численность персонала 45 человек.

Через шесть лет своей деятельности, 26 мая 2011 года СПК «Бережки» обратился в арбитражный суд Тверской области о признании его банкротом. Определением арбитражного суда от 22 сентября 2011 года в отношении СПК «Бережки» была введена процедура наблюдения, временным управляющим был утвержден представитель НП «СРО НАУ «Дело» города Москвы Чайкин Андрей Сергеевич. Решением арбитражного суда от 28 февраля 2012 года СПК «Бережки» был признан банкротом, А.С. Чайкин утвержден конкурсным управляющим [101].

По лоту № 1 торгов, начавшихся с 5 марта 2012 года, победителем стала жительница города Бежецка И.В. Кузнецова. Колхоз «Знамя Ильича» 14 марта 2012 года заключила с ней договор купли-продажи, по которому передал права требования к должнику СПК «Бережки» на сумму 897 тыс. 292 рубля [102].

Своим определением от 26 марта 2013 года арбитражный суд Тверской области завершил конкурсное производство в отношении СПК «Бережки». К тому времени кооператив имел долги в сумме 1,3 млн рублей, имущества на 306 тыс. рублей по рыночной стоимости. Поступившие от СПК «Бережки» деньги в сумме 310 тыс. рублей в полном объеме были направлены на выплату вознаграждения конкурсному управляющему, а также на погашение текущих расходов по делу о банкротстве [103].

Датой ликвидации сельскохозяйственного кооператива «Колхоз «Знамя Ильича» официально считается 22 февраля 2013 года. После объявления банкротства колхоза и всех проведенных торгов, некоторое время оставалось непроданное колхозное имущество:

1. Дом культуры площадью 830 кв. м.
2. Баня – 450 кв. м.
3. Детский сад – 850 кв. м.
4. Два жилых дома по 56 кв. м.
5. Конюшня – 920 кв. м.
6. Гаражи – 600 кв. м.
7. Мастерские – 400 кв. м.
8. Картофелехранилище – 620 кв. м.
9. Четыре шахтных зерносушилки.
10. Три склада удобрений.
11. Четыре трактора и один самосвал.

Арбитражный суд Тверской области своим определением от 26 июля 2012 года обязал администрацию Горского сельского поселения Сонковского района в течение 10 рабочих дней с момента вынесения определения принять у колхоза «Знамя Ильича» по акту следующее имущество:

- школу, дом культуры, детский сад;
- две артскважины, гаражи, мастерские, картофелехранилище, кочегарку, склад ядохимикатов, склад удобрений, склады № 1 и № 2 и санпропускник, находящиеся в деревне Бережки, а также шесть силосных траншей и коровник в деревне Климантино [104].

С января 2011 года в школе, которую купил Мирзоян, никто не обучался. 15 июля 2013 года Сонковский районный суд рассмотрел исковое заявление Т.Г. Мирзояна о признании за ним права собственности на школу и квартиру, в удовлетворении исковых требований тому было отказано [105].

26 ноября 2015 года Сонковский районный суд рассмотрел исковое требование администрации Горского сельского поселения о передаче ей бесхозных объектов, оставшихся после банкротства колхоза «Знамя Ильича», в том числе: здания насосной станции, водонапорную башню, водопроводные сети. Администрация сельского поселения решила после передачи восстановить их, чтобы вновь обеспечивать водой жителей деревни Бережки. Суд удовлетворил ее искивные требования.

Что касается земельных паев, то администрация Сонковского района приняла постановление о праве собственности на паи членам колхоза «Знамя Ильича» 3 июня 1996 года, в отношении тех, кто к тому времени был жив. Кадастровая стоимость одного гектара земли, разделенного в колхозе «Знамя Ильича» на паи, к 2007 году составляла 16 600 рублей, в соседнем колхозе им. Чудова – 15 180 рублей.

По договору купли-продажи от 7 июня 2010 года житель города Твери М.В. Николаев выкупил земельные паи у жителей бывшей центральной усадьбы колхоза «Знамя Ильича» деревни Бережки: Н.Н. Лариной, М.Н. Терпигоровой, Л.А. Рачковой, Н.И. Прониной, Ю.А. Коврижных, С.Е. Караева, В.А. Моревой, А.Д. Егоровым, Р.М. Марковой и Л.Н. Кучаковой.

По договору купли-продажи от 18 июня 2010 года он выкупил паи по 10,1 га каждый у жителей местных деревень: В.И. Шувалова, А.И. Орлова, З.С. Кастардиной, Н.П. Ванчуговой, К.В. Лежущиной, А.И. Не-

трусовой, А.В. Лежушкиной, Т.Н. Баруздиной и С.В. Киселева. По двум договорам он приобрел 19 земельных долей, общей площадью 191,9 га, в том числе: 16 полей пашни, два пастбища и один сенокос в районе деревень Бережки, Гремячиха, Горбовец, Калиниха и Терехово [106].

В сентябре 2012 года администрация Горского сельского поселения известило о проведении собрания участников долевой собственности на земли сельскохозяйственного колхоза «Знамя Ильича». Собрание проводилось по предложению участницей долевой собственности Л.Н. Бебковой, жительницей деревни Бережки [107].

Администрация Горского сельского поселения 19 марта 2013 года приняла постановление «Об утверждении списка невостребованных земельных долей» земель сельскохозяйственного назначения колхоза «Знамя Ильича». В постановлении сказано, что собрание участников общей долевой собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения не состоялось ввиду отсутствия кворума. Был утвержден список из 52 невостребованных земельных долей на землях колхоза «Знамя Ильича».

К этому времени умерло большинство колхозников, получивших на бумаге в 1996 году земельные пай, но не успевшие их оформить надлежащим образом, чтобы передать наследникам. На 1 января 2010 года оставалось всего 39 представителей тех семей, которые создавали колхозы, держали их во время Великой Отечественной войны, поднимали в послевоенные годы, объединяли их в два колхоза, потом – в один колхоз «Знамя Ильича» [108].

В начале октября 2014 года администрация Горского сельского поселения направила объявление о проведении собрания дольщиков на земельный участок в границах колхоза «Знамя Ильича». Инициатором собрания выступил житель города Санкт-Петербурга П.М. Калковский, являющийся участником общей долевой собственности на этот земельный участок. На собрании должны были рассматриваться вопросы межевания земельных участков. Заказчиком работ по подготовке межевания выступил П.М. Калковский. Проект межевания земель подготовил кадастровый инженер О.В. Токарев из города Бежецка [109].

Нужно отметить, что еще в 2015 году более половины земельных паев по России не имели официальных границ, они числились лишь на бумаге. По закону, с 1 января 2018 года запрещены любые сделки с такими участками без границ, они остались в муниципальной или государственной собственности.

Заключение

В 1930-е годы деревня пережила страшную трагедию – коллективизацию, когда тысячи самых лучших хозяев и членов их семей были высланы на Север, в Сибирь, Казахстан. Их дома, постройки, сельскохозяйственный инвентарь, скот, имущество конфисковали и передавали в пользу государства и колхозов. Несмотря на это, деревня продолжала жить и кормить страну хлебом.

Люди в колхозах работали, работали много, хотя долгое время оставались бедными. Люди в колхозах мечтали о своей счастливой доле, но дождались того, что в 1990-е годы у них отобрали все накопления. При колхозах люди в колхозах пели, пели на работе и во время праздников, с 1990-х годов уже не поют.

В 1990-е годы деревня пережила еще более страшную трагедию – развал колхозов, безработицу и смерть сотен деревень.

Жители деревень оказались без работы, были закрыты многие сельские школы, медпункты, библиотеки, магазины. В центре России, вблизи от Москвы, обезлюдели и умерли сотни деревень. Была потеряна вера оставшихся сельских жителей в возможность возрождения российской деревни. Так общая численность населения Сонковского района по возрасту на 1 января 2013 года: моложе трудоспособного – 969 человек, трудоспособного – 3450 человек, старше трудоспособного – 2799 человек. Всего населения 7218 человек [110].

Оставшиеся деревни Нечерноземной зоны вместе со всей страной живут в условиях рынка, но рыночные отношения в полной мере не наступили. Крестьянин сам работает в поле, сам заботиться о семенах, удобрениях, технике, сам реализует свою продукцию. На все это у него не хватает времени и сил, чем успешно пользуются перекупщики. Закупая у крестьян сельхозпродукты по бросовым ценам, они продают ее на рынке втридорога.

В ближайшие десятилетия сельским жителям нашей страны нужно будет восстанавливать огромные потери, нанесенные сельскому хозяйству во время реформ 1990-х годов. Потери, значительно больше, чем понесенные в период Великой Отечественной войны. Тогда жители деревни стали нормально жить через 20 лет после войны, получая ежемесячную зарплату с 1966 года. А как будет сейчас, восстановится ли деревня в центральной России, чтобы прокормить население стра-

ны, и когда? Или так и будет питаться заграничными продуктами, не заботясь о продовольственной безопасности своей страны?

Государство просто обязано помочь подняться деревне в Нечерноземной зоне России. Трудно сказать, какие программы для этого будут реализованы. Возможно расселение городов-миллионников, расселение здесь соотечественников из-за рубежа или мигрантов из других стран.

В нашей местности на территории Карело-Кошевского прихода для начала возродить хотя бы деревню Бережки – центральную усадьбу бывшего колхоза «Знамя Ильича». Здесь есть все условия для проживания и развития: красивая природа, пахотная земля, сенокосы, леса и ручьи, а в деревне – вода, электричество, газ, но не осталось трудоспособных жителей, способных возродить и развивать эту деревню.

В условиях рискованного земледелия основным видом деятельности здесь должно стать животноводство, которым могли бы заниматься одновременно несколько фермеров. Пахотной земли для сева зерновых для фуража, клевера, тимофеевки, других трав и сенокосов хватит всем.

Властные структуры могли бы передать заявленным фермерам все невостребованные земельные паи умерших бывших колхозников, не успевших их получить и передать наследникам в виде конкретных участков. К весне 2013 года на территории бывшего колхоза «Знамя Ильича» оставалось более 50 подобных паев, общей площадью 515 гектаров земли. Также фермеры могли бы арендовать земельные паи у жителей деревни на условиях заключаемых договоров.

Став полным собственником и хозяином участка земли, фермеры и другие жители деревни начинают более бережно и активно заботиться о ней. При увеличении количества скота будут вносить больше органических удобрений, лучше обрабатывать землю, вести травосеяние. Изменился статус надельной земли, которая стала в полной собственности крестьянина. Он получил право на наследование своего участка земли, продажи его, передачи земли в залог в банк, и вести другие правовые операции. Однако, данные законом права на личную собственность земли, трудоспособные жители деревень используют слабо.

Когда нескольким фермерам из деревни Бережки будет тесно, они вспомнят о Столыпинской аграрной реформе, чтобы перейти на хуто-

ра. Такими хуторами, приспособленными для активной крестьянской жизни, могут стать некоторые бывшие карельские деревни, в которых еще сохранились дома и колодцы, есть электричество.

В апреле 1999 года я побывал на одном хуторе в Финляндии, где раскинулось фермерское хозяйство. Хутор в то время состоял из жилого дома, молочной фермы, гаража и строящейся гостиницы, совмещенной с баннным комплексом. Хутор с трех сторон окружали ухоженные поля, одни были покрыты свежей зеленой озимью, другие отведены для ярового сева и кормовых трав. Рядом с хутором протекает речка Мая, с четвертой стороны от хутора, сразу за речкой, начинался частный лес фермера.

Хозяину хутора в то время было около 50 лет, на хуторе он жил вдвоем с женой, их взрослые дети оставались жить в Хельсинки. До переезда на хутор хозяин с женой тоже жил и работал в столице до тех пор, пока его престарелым родителям стало невозможно справиться с фермерским хозяйством. В разговоре хозяин хутора высказывал мысль, что, когда они с женой станут старыми, сюда из столицы приедут их дети, чтобы дальше развивать фермерское хозяйство.

На ферме в привязном состоянии находились 25 коров, каждая из них давала до 8 тысяч литров молока в месяц, больше этой цифры не разрешал производить молока от коровы Евросоюз, чтобы держать цену. Роботы развозили корма по кормушкам, убирали навоз на транспортеры. Молоко от доильных аппаратов поступает в охлаждаемые цистерны. Переработчик забирает молоко из цистерны при отсутствии хозяина. Компьютер записывает, сколько молока взято, какой жирности, при какой температуре и на какую сумму.

Может быть, нашей деревне подошла бы эта финская модель взаимоотношений фермер-государство-переработчик. Модель примерно заключается в следующем. Переработчик закупает у фермера, например, молоко по такой цене, чтобы его производство окупилось по себестоимости, и плюс фермер имел какую-то прибыль.

Полагаю, что такая система взаимоотношений является справедливой. При ней государство имеет возможность давать дотации не избранным, а всем сельхозпроизводителям. А переработчики задумаются о необходимости повышения цен. Такая система отношений позволяет фермеру без труда закупать автоматизированную линию с роботами и компьютерами, они могут взять доступный кредит с оптимальными, а не завышенными, процентами.

Автоматизация и компьютеризация технологических процессов позволяет фермеру заниматься другими видами работ: вспашкой, севом, сенокошением, уборкой урожая. Без каких-либо убытков для себя фермер имеет возможность брать кредиты и закупать трактора, комбайны, плуги, сеялки, культиваторы и другую сельхозтехнику.

В свободное время от забот в своем хозяйстве, хозяин хутора по договорам помогал своим соседям-фермерам: пахать поля, засеивать их, убирать урожай. Жена вела домашнее хозяйство, по субботам и воскресеньям принимала туристов у себя в доме. Туристы ходили в лес за ягодами и грибами, купались в речке Мая, отдыхали на природе. Жена хозяина кормила их завтраками обедами и ужинами. Для того, чтобы можно было привлечь больше туристов, в 1999 году на хуторе строили гостиницу с баннным комплексом. Фермеры же следят за порядком в частном лесу, на участке речки Мая в границах участка, за подъездными путями. Неужели что-то подобное когда-нибудь будет и в нашей местности?

Сельское хозяйство – основа экономики любой страны. Надо помнить высказывание французского писателя и философа Ж.Ж. Руссо: «Единственное средство удержать государство в состоянии независимости от кого-либо – это сельское хозяйство. Обладай вы хоть всеми богатствами мира, если вам нечем питаться – вы зависимы от других».

Кто и как может повлиять на то, чтобы вновь ожили деревни в центре России? Кто сможет уговорить молодых людей вернуться из экологически грязных городов в деревни, где можно иметь все необходимые условия жизни: газ, водопровод, электричество, чистый воздух, красивую природу? Раньше «общественное мнение» создавали писатели, а теперь мало кто читает книги. Но я лично уверен, что не должны так долго быть в нищете и упадке деревни и села центра России, именно где и зарождалось наше государство. Если в XVII веке деревни в центре России зажили нормальной жизнью через полвека после погрома и запустений, то есть надежда на то, что к середине XXI века вновь возродятся некоторые деревни на моей малой родине.

*Город Тверь, ноябрь 2016 года – март 2017 года,
изменения – 2023 год.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Здесь и далее – сайт «Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР»: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3619.htm
2. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д.7, л.д. 13–14, д. 8, л.д. 17–18, 26–27.
3. Сонковский районный архив Тверской области, ф. 1, д. 32, л.д. 44, 75–82, д. 26. л.д. 56–58.
4. Сонковский райархив Тверской области, ф. 1, оп. 1, д. 14, л.д. 4.
5. Сонковский райархив Тверской области, ф. 1, оп. 1, д. 32, л.д. 75–82.
6. Сонковский райархив Тверской области, ф. 1, оп. 1, д. 26, л.д. 56–58.
7. Сонковский районный архив Тверской области, ф. 1, оп. 1, д. 26, л.д. 56–58. Также ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 306, л.д. 21, 26.
8. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 108, л.д. 1–4.
9. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 108, л.д. 6–11.
10. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 68, л.д. 2, 20–22, 48–49, д. 168, л.д. 1–2, 22–26, ф. 4208, оп. 1, д.2, л.д. 65.
11. ф. 113, оп. 1, д. 169, л.д. 12–14.
12. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 108, л.д. 40.
13. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 108, л.д. 40, 46, д. 168, л.д. 1, 18–19, ф. 4208, оп. 1, д. 3, л.д. 21–23, 37, 137.
14. ТЦДНИ, ф. 7330, оп. 1, д. 21, л.д. 2–15.
15. ТЦДНИ, ф. 7330, оп. 1, д. 21, л.д. 17–21.
16. ТЦДНИ, ф. 7330, оп. 1, д. 21, л.д. 25–35.
17. ТЦДНИ, ф. 7330, оп. 1, д. 21, л.д. 36–48.
18. ТЦДНИ, ф. 7330, оп. 1, д. 21, л.д. 2–10, 49.
19. ТЦДНИ, ф. 7330, оп. 1, д. 21, л.д. 52–53.
20. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 1, д. 7, л.д. 11, 19, 20.
21. ТЦДНИ, фонд 443, оп. 1, д. 11, л.д. 2.
22. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 7, л.д. 1–2, ф. 4208, оп. 1, д. 3, л.д. 74–77, д. 5, л.д. 6–8, ф. 113, оп. 1, д. 193, л.д. 9–10, 15–17.
23. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 208, л.д. 7–8, 24, ф. 2019, оп. 1, д. 7, л.д. 7–8, ф. 4208, оп. 1, д. 6, л.д. 1–2.
24. ТЦДНИ, ф. 4208, оп. 1, д. 7, л.д. 51–52, 64.
25. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4263.htm.
26. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д.8, л.д. 2, 17–18, 26–27.
27. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 1, д. 143, л.д. 11, 14, 56.
28. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 8, л.д. 3.

29. ТЦДНИ, ф.2019, оп.1, д. 8, л.д. 2, 6–7, 26–27.
30. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 9, л.д. 2–4.
31. ТЦДНИ, ф.2019, оп. 1, д. 10, л.д. 9, 15, ф. 4208, оп. 1, д. 8, л.д. 46.
32. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 10, л.д. 35–36.
33. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 10, л.д. 54.
34. Там же. Л.д. 55.
35. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 11, л.д. 1–3.
36. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 11, л.д. 5–6.
37. ТЦДНИ, ф. 4208, оп. 1, д. 10, л.д. 1–4, ф. 2019, оп. 1, д. 11, л.д. 7–10.
38. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 11, л.д. 33–34.
39. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 3, л.д. 3.
40. Книга памяти Тверской области. Тверь, 1999. Т. 2.
41. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 15, л.д. 12–13.
42. Там же. Л.д. 16.
43. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д.16, л.д. 3, ф. 4208, оп. 1, д. 12, л.д. 20, 27, 32.
44. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 17, л.д. 21–28, 35–36, ф. 4208, оп. 1, д. 13, л.д. 14–16.
45. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д.5, л.д. 12.
46. <http://sveigder.livejournal.com/410422.html?thread=10745910>.
47. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 18, л.д. 2,4.
48. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 8, д. 36, л.д. 6, д. 55, л.д. 3.
49. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 8, д. 36, л.д. 6, д. 55, л.д. 3.
50. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 8, д. 41, л.д. 1, ф. 4208, оп. 1, д. 15, л.д. 13–14, 18–19, д. 16, л.д. 6, 9–11.
51. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 20, л.д. 1, 7.
52. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 19.
53. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 20, л.д. 21–22.
54. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 10, д. 66, л.д. 1–2.
55. ТЦДНИ, ф. 2020, оп. 1, д. 1, л.д. 1–11, 13–16, д. 2, л.д. 1–5, д. 3, л.д. 3–6.
56. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 21, л.д. 2–3, 5–6, д. 22, л.д. 1–2.
57. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 23, л.д. 16, 19.
58. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 11, д. 32, л.д. 3–4, оп. 13, д. 47, л.д. 1–2.
59. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 12, д. 34, л.д. 1–5.
60. <http://www.rospisatel.ru/ess.htm>.
61. ТЦДНИ, ф. 4208, оп. 1, д. 18, л.д. 15, 24–25, 32, 42–44, ф. 2019, оп. 1, д. 24, л.д. 28.

62. ТЦДНИ, ф. 4208, оп. 1, д. 20, л.д. 30, 75, д. 21, л.д. 22, 59, ф. 2019, оп. 1, д. 25, л.д. 3, 7, 19.
63. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 14, д. 72, л.д. 1–8.
64. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 27, л.д. 9, 15–16.
65. <http://agrolib.ru/rastenievodstvo/item/f00/s01/e0001185/index.shtml>.
66. ТЦДНИ, оп. 1, д. 29, л.д. 18.
67. ТЦДНИ, ф. 4208, оп. 1, д. 24, л.д. 12–14, 30–31, ф. 2019, оп. 1, д. 30, л.д. 5.
68. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 18, д. 25, л.д. 1–3.
69. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 18, д. 25, л.д. 4–5.
70. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 33, л.д. 11–12.
71. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 35, л.д. 6, 10–11.
72. ТЦДНИ, ф. 2019, д. 36, л.д. 15–16.
73. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 36, л.д. 17–20.
74. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 36, л.д. 24.
75. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 38, л.д. 2.
76. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 20, д. 14, л.д. 6, оп. 24, д. 11, л.д. 12–15, 18–19.
77. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 25, д. 17, л.д. 8–14.
78. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 42, л.д. 31, ф. 443, оп. 25, д. 17, л.д. 8–14, оп. 27, д. 13, л.д. 1–5.
79. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 43, л.д. 10, ф. 7476, оп. 1, д. 14, л.д. 17, 22.
80. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 45, л.д. 1, ф. 7476, оп. 1, д. 15, л.д. 9–12, д. 16, л.д. 15.
81. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 46, л.д. 2.
82. ТЦДНИ, ф. 2019, д. 46, л.д. 5, 18, 21, 28, д. 50, л.д. 19.
83. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 46, л.д. 15–17, ф. 7476, оп. 1, д. 17, л.д. 14.
84. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 47, л.д. 32–33.
85. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 48, л.д. 26, 29.
86. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 48, л.д. 31, д. 49, л.д. 27–29.
87. ТЦДНИ, ф. 443, оп. 33, д. 35, л.д. 5–6.
88. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 23, д. 9, л.д. 42–45.
89. ТЦДНИ, ф. 7675, оп. 1, д. 11, л.д. 16–19, д. 12, л.д. 28–31, д. 13, л.д. 8–9, 13, ф. 113, оп. 35, л.д. 17–26, ф. 7476, оп. 1, д. 23, л.д. 40.
90. ТЦДНИ, ф. 2019, оп. 1, д. 42, л.д. 11.
91. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988.
92. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 35, д. 10, л.д. 75–83.
93. Газета «Коммерсант» от 24 июля 2010 года.

94. Газета «Коммерсант» от 26 марта 2011 года.
95. Газета «Коммерсант» от 30 июля 2011 года.
96. Газета «Коммерсант» от 17 сентября 2011 года.
97. Газета «Коммерсант» от 12 ноября 2011 года.
98. Газета «Коммерсант» от 19 ноября 2011 года.
99. Газета «Коммерсант» от 21 января 2012 года.
100. Газета «Коммерсант» от 3 марта 2012 года.
101. <http://sudact.ru/arbitral/doc/Mqu6uSzGPLLJ/>.
102. <http://sudact.ru/arbitral/doc/zqPDZGOS3EWu/>.
103. <http://sudact.ru/arbitral/doc/bMqG9DUрXKN/>.
104. <http://sudact.ru/arbitral/doc/Q6gH17rH905D/>.
105. <http://www.gcourts.ru/case/31974128>.
106. Газета «Тверские ведомости» № 29 (1813) за 23 июля 2010 г. С. 23.
107. Газета «Тверские ведомости» № 37 (1925) за 14 сентября 2012 г. С. 23.
108. http://www.sonkovo.ru/poseleniya/Gorskoe/7-1_ot_19.03.2013g..docx.
109. Газета «Тверские ведомости» № 40 (2032) за 3–9 октября 2014 г.
110. <http://www.depagr.tver.ru>.

Оглавление

Книга первая. Мы отсюда родом	3
Глава I. Из жизни карел Карело-Кошевского прихода (XX век)	3
Горстка карел среди русского населения	6
Церковь в селе Кошево Корельское (1710–1937 годы)	10
Карело-Кошевская школа (1885–1992 годы).....	14
Староста деревни (1904–1917 годы)	19
Лесник.....	24
Переломный 1918 год	33
Русский язык в карельской деревне.....	38
Глава II. Круги ада (1930–1953 годы)	43
Коллективизация в карельской деревне (1930–1933 годы)	44
Сильные духом.....	49
Война с сородичами (1939–1940 годы).....	53
На дорогах войны (1941–1945 годы).....	58
Иван	63
Федор	66
Николай	71
Мария	78
Глава III. В карельской деревне после войны (1950–1970-е годы)	82
«Ошибочка вышла».....	85
Часовня	91
«Хрущевская оттепель» (1953–1964 годы).....	94
Оппозиция в деревне.....	97

Глава IV. Переход от социализма к капитализму (1985–2003 годы) ...	101
Земля потеряла хозяина.....	104
В деревне у окна	109
Рынок в деревне	115
Предприниматель в деревне	118
Как умирали карельские деревни.....	120
Кладбище, как памятник истории (заключение)	126
Список источников.....	130
Книга вторая. Деревенские нэпманы.....	131
Введение	131
Глава I. От продразверстки к единому сельхозналогу	137
Продразверстка (1918–1921 годы)	137
Проведение продразверстки в тверской деревне.....	149
Провозглашение новой экономической политики (1921 год)...	155
Виды натурального продовольственного налога	160
Переход от натурального налога к денежному налогу (1923 год)	165
Введение в действие единого сельхозналога (1924 год)	174
Конфискация земли и имущества	178
Глава II. Тверская деревня в годы НЭПа	188
Положение тверской деревни в 1922–1923 годах	188
Тверская деревня в сводках ОГПУ (1924–1927 годы).....	196
Бежецкий уезд Тверской губернии в годы НЭПа	205
Сулежская волость Бежецкого уезда	213

Укрепление партийных организаций в деревне	217
Чистки рядов партии	230
Глава III. Расслоение крестьянского общества	236
Ремесла и промыслы в деревне	236
Наемные работники	246
Сельскохозяйственная кооперация	251
Потребительская кооперация	259
Опора советской власти на бедноту	265
Работа коммунистов с беднотой на местах	272
Кулаки в деревне	279
Деревенские нэпманы	288
Проблемные карельские деревни	299
Глава IV. Курс на колхозное строительство	306
Крестьяне – заложники политики	306
Тверская деревня накануне коллективизации (1928–1930 годы)	311
Колхозное строительство в Бежецком округе	317
Первые попытки коллективизации в Сонковском районе Московской области	324
Первые итоги колхозного строительства (1928–1930 годы) ...	329
Подготовка карельских национальных кадров	336
Коллективизация и раскулачивание в карельской деревне (1930–1931 годы)	341
Трагедия советской деревни	354
Заключение	358
Список источников	362

Книга третья. История одного колхоза	369
Введение	369
Создание колхозов (1931–1932 годы)	373
Становление колхозов (1933–1935 годы).....	390
Жизнь колхозов по новому Уставу (1935–1941 годы)	407
Колхозы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы).....	418
Восстановление колхозов после войны (1945–1949 годы).....	435
Укрупнение колхозов (1950–1961 годы).....	446
Укрепление колхоза «Знамя Ильича» (1961–1970 годы).....	463
Развитие колхоза «Знамя Ильича» (1970–1975 годы).....	469
Праздники 1975 года.....	474
Апогея колхоза «Знамя Ильича» (1976–1988 годы)	480
Последние годы колхоза «Знамя Ильича» (1989–2002 годы).....	492
Банкротство и ликвидация колхоза «Знамя Ильича» (2002–2015 годы)	498
Заключение	505
Список источников.....	509

ООО «Издательство «Триада». ИД № 06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, 9, оф. 514, тел.: +7-915-730-10-37, +7-910-647-49-85
E-mail: triadatver@yandex.ru <http://www.triada.tver.ru>

Подписано к печати 25.11.24. Формат 60×90 1/16, обрезной.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,25. Тираж 50 экз. 12+.

Заказ № 210682

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, к. 5. Тел. 8 (499) 322-38-30.

Четвертый том собрания сочинений автора можно назвать «Трагедия карельской деревни. Двадцатый век». В него вошли книги: «Мы отсюда родом», «Деревенские нэпманы» и «История одного колхоза».

В книге «Мы отсюда родом», автор, на основе документов, воспоминаний очевидцев и собственных наблюдений, повествует о трудной жизни тверских карел в жестоком XX веке.

Книга «Деревенские нэпманы» повествует о коротком периоде проведения новой экономической политики (НЭП) в 1921–1928 годах, о деревенских нэпманах, которых советская власть отнесла к классу кулаков, с последующим их раскулачиванием и коллективизацией крестьянских хозяйств. В противовес созданному советской властью и годами пропагандируемому термину «кулачество», автор вводит понятие «деревенские нэпманы» с указанием их признаков, в отличие от кулаков-ростовщиков.

Книга «История одного колхоза» рассказывает о колхозном строительстве в Нечерноземной зоне Российской Федерации на примере карельского колхоза «Знамя Ильича» Сонковского района Калининской (Тверской) области – о создании, становлении, жизни, упадке и ликвидации этого колхоза.

9 785605 276739